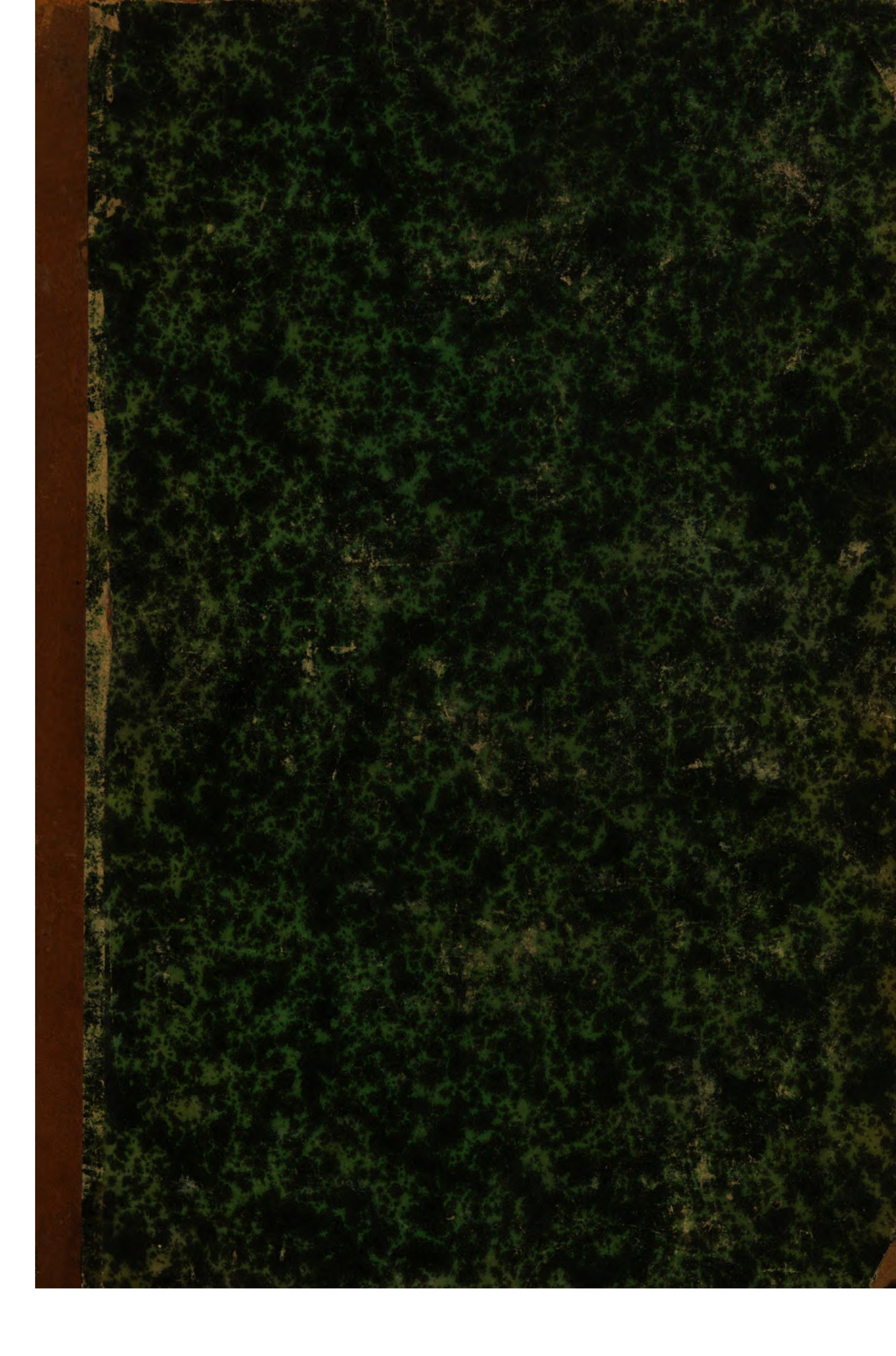
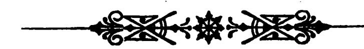


ДЕКАБРЬ. 1903.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го декабря 1903

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами за неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжныя мигазины только перодаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

БЕЗЪ ИЛЛЮЗІЙ.

VII.

На утро выяснилось, что въ одномъ корридорѣ съ Агнессою Яковлевной есть свободный номеръ, только не рядомъ, а черезъ двѣ комнаты. Елена Михайловна передъ репетиціей успѣла съѣздить въ „Державу“, взять свои дорожныя ручныя вещи; Якову поручили отправиться на вокзалъ за сундукомъ съ платьями.

На репетицію Струцель и Елена Михайловна опоздали. Онѣ попали лишь къ первому перерыву. На сценѣ при поднятомъ занавѣсѣ толпилось много фигуръ; въ артистической комнатѣ, въ уборныхъ и корридорахъ — вездѣ было шумно; всѣ разговаривали, курили, смѣялись. Въ воздухѣ слышался запахъ недавняго ремонта: пахло свѣжей, невполнѣ просохшей краской, высыхающимъ деревомъ и скипидаромъ.

Струцель учащенно кивала головой, раскланиваясь направо и налѣво, пожимала руки, кое съ кѣмъ цѣловалась. Елена Михайловна шла сзади, и у нея начинала кружиться голова. Ей казалось, что она никогда не оріентируется въ этой толпѣ разнообразныхъ людей, составляющихъ тѣсносплоченный корпоративный кружокъ, что, сколько бы ей ни пришлось прожить среди нихъ, она останется здѣсь чужою, пришлой. Ступивъ на покатую площадь сцены, она ощутила малодушный испугъ. Такой растерянной неувѣренности въ себѣ ей еще не случалось испытывать.

— Зачѣмъ я попала сюда? Вѣдь не сумѣю, не смогу, ничего не смогу, меня прогонятъ!—съ ужасомъ думала она, не чувствуя охватившаго ее озноба.

Агнесса Яковлевна знакомила ее то съ мужчинами, то съ дамами. Иванова, не замѣчая лицъ, протягивала руку и не знала, о чемъ говорить. Струцель вела оживленный разговоръ, но Елена Михайловна не слышала ея словъ. Лица кру-

гомъ были незнакомыя. Мимо прошелъ Тимофѣй Ильичъ съ папиросой въ зубахъ и не замѣтилъ ни Струцель, ни Елены Михайловны. Артисты расступались, давая ему дорогу; брови у него были сдвинуты, сегодня онъ казался еще болѣе суровымъ, чѣмъ вчера. Ознобъ Елены Михайловны усиливался по мѣрѣ того, какъ увеличивалось ея отчаянье въ своихъ силахъ. Опять Струцель познакомила ее съ кѣмъ-то, сказала что-то, засмѣялась... Иванова, какъ въ дремотѣ, слушала и не слыхала. Только въ ушахъ у нея осталось сочетаніе двухъ рѣдко встрѣчаемыхъ именъ. Никифоръ Пантелеймоновичъ и слово новенькая, очевидно, относящееся къ ней. Около нея остановился кто-то безпредѣльно-толстый. Потирая руки, онъ говорилъ старчески-хриплымъ, задыхающимся голосомъ:

— Что? Испугались, голубушка? Ничего, привыкните. Всѣ мы боялись когда-то, а нынче, поглядите? полной ногой ступаемъ по сценѣ! Сразу и на носокъ, и на пятку...

— Это—Никифоръ Пантелеймоновичъ,—сказала себѣ Елена Михайловна съ внезапной симпатіей къ хрипящему голосу, и ей показалось, что становится теплѣе. Она подняла глаза на Никифора Пантелеймоновича: его массивно-ожирѣвшее тѣло, расширенная грудная клѣтка, одышка и пухлые мѣшки подъ глазами указывали на явный недугъ.

— Онъ боленъ... бѣдный, какъ жаль!—пожалѣла Иванова.

Никифоръ Пантелеймоновичъ смотрѣлъ на нее и улыбался, показывая такіе же превосходные зубы, какъ и у Агнессы Яковлевны.

— Страшно?—спросилъ онъ.

— Ужасно страшно!

Однако, она уже понимала, о чемъ говоритъ Агнесса Яковлевна. Струцель искоса поглядывала влѣво:

— Семейка-то, семейка!—не унималась она,—такъ и облѣпили его, такъ и оттираютъ отъ всѣхъ. У-у, пауки! Истинные пауки... Имъ, чтобы держаться повыше, надо безъ отдыха плесть паутину. Ишь, какъ плетутъ? Боятся шлепнуться...

Взглянула и Елена Михайловна по направленію влѣво. Тамъ стоялъ Матвѣй Матвѣевичъ, а вокругъ него трое рослыхъ людей: двѣ женщины и мужчина. Они разговаривали и улыбались. Елена Михайловна вспомнила вчерашніе разсказы Струцель.

— Курбатовы,—догадалась она.

Курбатовы походили одинъ на другого. Всѣ трое—красивые, стройные, элегантные, они какъ бы умышленно держались поодаль. Наибольшее сходство было у нихъ въ глазахъ,

темныхъ, слегка вызывающихъ, полныхъ энергическаго блеска и какихъ-то недобрыхъ огоньковъ.

Какъ разъ въ то время, когда Елена Михайловна глядѣла на нихъ, одна изъ Курбатовыхъ, болѣе красивая, одѣтая въ модное платье изъ темной англійской матеріи съ бѣлымъ ворсомъ, примѣтила Елену Михайловну. Окинувъ ее быстрымъ, острымъ взглядомъ, Курбатова спросила о чемъ-то у Матвѣя Матвѣевича. Тотъ, полуобернувшись, обвелъ глазами присутствующихъ и сообщилъ отвѣтъ, недоумѣвающе пожимая однимъ плечомъ. Красивая Курбатова поджала губы, въ свою очередь повела плечами, затѣмъ перевела взглядъ на Жиденева и долго смотрѣла на него съ большимъ недоумѣніемъ.

Жиденевъ зазвонилъ въ колокольчикъ, разговоры стихли, репетиція возобновилась. Репетировали ту же сезонную новинку, что и вчера. Исполненіе шло далеко не гладко, хотя всѣ исполнители старались играть получше. Судя по тому, какъ безусловно подчинялись Жиденеву артисты и какъ спокойно, но твердо внушалъ онъ всѣмъ свои мнѣнія, видно было, что Тимофѣй Ильичъ здѣсь первое лицо. Ивановой онъ уже казался чуть не полубогомъ, но ее знобило отъ мысли, что когда нибудь, можетъ быть, и ей придется играть передъ Жиденевымъ.

Вечеромъ Струцель играла ключницу Улиту въ „Лѣсѣ“, а Елена Михайловна осталась дома, устраиваться на новой квартирѣ. Въ комнатѣ, покинутой телеграфистомъ, было грязно и непривѣтно. Неуклюжую, старую мебель освѣщала слабо-горящая лампа съ испорченной горѣлкой; при первой попыткѣ прибавить свѣта, лампа начинала немилосердно коптить. Вынутыя изъ сундука и изъ несессеровъ вещи Елены Михайловны выдѣлялись на общемъ фонѣ комнаты, какъ предметы баснословной роскоши. Онѣ были перенесены сюда совсѣмъ изъ иного міра и здѣсь опредѣленно чувствовалась ихъ полная неумѣстность. Яковъ подалъ самоваръ, но Елена Михайловна не пила чаю. Въ корридорѣ ходили и переговаривались жильцы, хлопали входныя двери, то и дѣло раздавались зовущіе голоса:

— Я-ковъ, Яа-а-аковъ!

Все это такъ не походило на московскій домъ Иры Ларисовой, весь отдѣланный въ модномъ стилѣ moderne, съ подлинными картинами декадентствующихъ художниковъ, съ рѣдкими орхидеями въ замысловатыхъ корзинахъ и вазахъ.

Еленѣ Михайловнѣ было грустно. Какъ ни старалась она не поддаваться брезгливому недовольству, а комната у пани Гоштовтъ не нравилась ей и безъ Агнессы Яковлевны здѣсь

въ пору было расплакаться. Къ двѣнадцати часамъ возвратилась Агнесса Яковлевна; съ нею пришелъ къ чаю Никифоръ Пантелеймоновичъ Сыкачевъ. Онъ едва отдышался отъ крутой лѣстницы и долго жаловался на астму. Когда закусили наскоро-прокипяченными сосисками, началась продолжительная бесѣда. Говорили исключительно о театрѣ: о прежнихъ и нынѣшнихъ артистахъ, о закулисныхъ нравахъ, о замѣтномъ повышеніи образовательнаго ценза у актеровъ и въ то же время о паденіи этики и любви къ искусству.

-- Что говорить!—хрипѣлъ Сыкачевъ,—актеръ нынче пошелъ болѣе образованный. Все, что посѣрѣе, само собою откалывается: кто табачную лавочку откроетъ, кто—въ сидѣльцы по монополіи... уходятъ. Время другое... Подавай Ибсена, Гауптмана, Шницлера... а ихъ понимать надо и понимать не сплеча. Тонкость требуется, шлифовка. Слезы въ голосѣ мало, Тимофѣю Ильичу неси настроеніе...

— А мнѣ,—призналась Струцель,—не по душѣ эти новые! Карьеризмъ у нихъ... Имъ сцена только пьедесталъ для блистанія... а которые побездарнѣй—заработка легкаго ищутъ. Самореклама, дружба съ газетчиками, заискиванье безпардонное.

— Что же имъ дѣлать, коли нынче газетчикъ сталъ знаменитостей выдумывать? Поклонишься!

— Отъ того-то какая-нибудь Ира Ларисова больше Ермоловой гремитъ!

-- И будетъ гремѣть. Спросъ таковъ... Вы, матушка, публику все идеализируете: и такая она, и этакая, и райской невинности... а я и въ публикѣ большой вижу упадокъ. Теперича чѣмъ больше ломаешься внѣ сцены, тѣмъ больше тебѣ уваженія. Простымъ, скромнымъ актеромъ уже недовольны, хотя бы онъ геній былъ. Мало видѣть его на сценѣ, къ нему въ спальную забраться хотятъ... а это не всякій позволитъ. Сейчасъ ты перво-наперво разыграй изъ себя нѣчто экстравагантное. Пусти, примѣрно говоря, слухъ: кро-кодилами питаюсь! или другое несуразное... Тотчасъ интересъ къ тебѣ: какъ? крокодилами? — Даа... и живьемъ ѣмъ: прямо съ хвоста. — Скажите!.. Превознесутъ немедленно... Какъ же, помилуйте, крокодила и вдругъ живьемъ? Замѣчательный артистъ! И готово, пошли звонить... Сара Бернаръ зачѣмъ, по вашему, въ гробу спала? А тигръ? Къ чему онъ ей? а? То-то! И къ намъ завезли оттудова. Прежде этого не водилось; хоть бы и пожелалъ кто,—не рѣшался: стыдно. А нынче—все можно. Скоро одной Ирѣ Ларисовой только и останется раздолье. Та ни передъ чѣмъ не остановится. У той...

Елена Михайловна, не допивъ стакана, встала съ кресла:

– Извините меня... Я уйду... Мнѣ не хорошо что-то...

Ночью она не спала до утра и много плакала.

. . . .

Спустя дня четыре, Струцель и Елена Михайловна пришли въ театръ вечеромъ посмотрѣть „Бой бабочекъ". Въ артистической комнатѣ было шумно; кое-гдѣ уже мелькали нагримированныя лица; чувствовалось то приподнятое нервное оживленіе, какое овладѣваетъ театральнымъ міркомъ передъ началомъ спектакля. За эти дни Елена Михайловна отчасти освоилась за кулисами. Она начинала отличать одно отъ другого полузнакомыя лица артистовъ. Сегодня на репетиціи Жиденевъ, идя мимо нея, вспомнилъ о чемъ-то, остановился, поздоровался и спросилъ:

— А вашъ адресъ?

— Тотъ же, что и мой... Мы—вмѣстѣ,—отвѣтила за нее Агнесса Яковлевна.

Жиденевъ, кивнувъ головой, пошелъ дальше, а Елена Михайловна подумала: всетаки и я—актриса... Вотъ и Жиденевъ узналъ меня! И ей стало пріятно. Матвѣй Матвѣевичъ при мимолетныхъ встрѣчахъ съ нею улыбался съ ободряющей ласковостью, но видъ у него былъ такой, какъ будто онъ очень торопится. Съ женщинами, за исключеніемъ Агнессы Яковлевны, знакомство завязывалось труднѣе; за то нѣкоторые изъ мужчинъ познакомились съ Еленой Михайловной сразу.

Въ артистической къ ней подсѣлъ второй любовникъ, Ландсбергъ. Онъ охотнѣе другихъ вступалъ въ бесѣду съ Еленой Михайловной и также охотно шелъ провожать ее домой. Пошловатый Ландсбергъ казался скучнымъ, и разговоры у него были скучные, тягучіе. Говорилъ онъ исключительно о себѣ: намекалъ на романическія приключенія своей бурной жизни, жаловался, что его не понимаютъ, разсуждалъ о свободѣ чувствъ, показывалъ висѣвшій у него, вмѣсто брелока, ключъ отъ гроба „единственной женщины", которую онъ, будто бы, любилъ и добавлялъ при этомъ, меланхолически глядя на Елену Михайловну:

— Вы удивительно похожи на нее! Какъ двѣ росинки.

Это было не ново для Елены Михайловны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неинтересно. Чѣмъ больше желалъ Ландсбергъ походить на демоническую натуру, чѣмъ старательнѣе разыгрывалъ человѣка, который „все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ",—тѣмъ виднѣе становилось, что ничего особеннаго онъ не переживалъ и не понялъ. Самая система его ухаживанья за дамами,—навязчивая и не въ мѣру поспѣшная, —показывала ясно, что въ сущности онъ профанъ въ этой области, профанъ неопытный и робкій.

— Наконецъ, вы пришли!—шепнулъ Еленѣ Михайловнѣ Ландсбергъ, стараясь придать своему шепоту побольше многозначительности.—А я васъ ждалъ... О, какъ ждалъ! Чувствую себя такимъ одинокимъ... И нѣтъ близкой души, не съ кѣмъ подѣлиться мятежной думой...

Елена Михайловна спокойно молчала. Ея безучастность расхолаживала Ландсберга. Онъ догадался, что началъ слишкомъ высокимъ стилемъ, помолчалъ и сообщилъ попроще, хотя все же съ многозначительной грустью въ голосѣ:

— А я васъ сегодня во снѣ видѣлъ.

— Да?

— И знаете, какъ? Снилось мнѣ... будто мы съ вами гдѣ-то на высотѣ, на высотѣ! И въ мірѣ уже нѣтъ никого... только вы да я.

— Храни Богъ,—подумала Елена Михайловна и ей захотѣлось засмѣяться. Но она удержала себя даже отъ улыбки.

Ландсбергъ запнулся.

— Что же дальше происходило на высотѣ? — коварно спросила Иванова, видя, что Ландсбергъ не знаетъ, чѣмъ окончить сновидѣнье.

— Дальше? Нѣтъ, зачѣмъ! Я разскажу вамъ, но въ другое время. Не теперь.

— Какъ хотите.

Къ нимъ подошелъ Александръ Фомичъ Незлобинъ, успѣвшій загримироваться красавцемъ комми-вояжеромъ и мало похожій на самого себя. Часто играя фатовъ, онъ былъ фатоватъ и въ жизни. Въ юности изъ-за стремленія къ сценѣ Незлобинъ погубилъ вѣрную служебную карьеру. Впослѣдствіи изъ него вышелъ артистъ—полезный, интеллигентный, но посредственный: томительное однообразіе его игры помѣшало ему выдвинуться. Онъ ожидалъ отъ своей артистической дѣятельности гораздо больше, чѣмъ получилъ на дѣлѣ, и оттого въ немъ неустанно кипѣло чувство неудовлетворенности, вызывая злобность, горячность, необузданную вспыльчивость, грубое злословіе. Подобно Ландсбергу, Незлобинъ занятъ былъ стремленіемъ разбивать женскія сердца, но разбивалъ онъ ихъ съ лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ Ландсбергъ. Незлобинскіе бенефисы сопровождались обильными, спеціально-дамскими подношеніями; на улицахъ за Александромъ Фомичемъ ходили толпами гимназистки; а пожилыя поклонницы — устраивали ему шумныя оваціи при выходѣ изъ театра послѣ спектаклей. Жена Незлобина, Варвара Никаноровна, дочь какого-то дивизіоннаго генерала, сбѣжала ради Александра Фомича изъ родительскаго дома. Тогда ихъ романтическій бракъ вызвалъ много толковъ и пересудовъ. Но теперь у Незлобиныхъ разыгрывались нескончаемыя сцены

ревности. На сторонѣ Варвары Никаноровны была и восьмилѣтняя дочь, Надя, дѣвочка чрезвычайно нервная, съ старообразымъ лицомъ и преждевременнымъ, не дѣтскимъ развитіемъ. Когда мать и дочь поднимали изъ-за новыхъ подозрѣній новую „исторію“, Незлобинъ опрометью убѣгалъ изъ дому. Въ такіе періоды отъ его рѣзкихъ, оскорбительныхъ шутокъ не мало страдали второстепенные актрисы и актеры. Съ тѣми, кто былъ посолиднѣе, Александръ Фомичъ всетаки считался и сдерживался, но „мелюзга“ труппы служила ему козломъ отпущенія. Должно быть и сегодня что-то произошло въ семьѣ Незлобина: онъ былъ раздраженъ, разстроенъ.

— Опять, bel ami, за старое? опять ухаживаете? —спросилъ онъ у Ландсберга, съ иронической галантностью раскланиваясь передъ Еленой Михайловной.

Ландсбергъ, не отвѣчая, недовольно пожалъ плечами.

— Ахъ, витязь! гдѣ твоя Наина? — речитативомъ протянулъ Незлобинъ.

Ландсбергъ продолжалъ молчать. Александръ Фомичъ заговорилъ съ Ивановой:

— Вы, mademoiselle, опасайтесь его... Мстиславъ удалой онъ у насъ, роковой мужчина. Опасный! Какъ въ „Цыганскомъ баронѣ“:

Всюду я безъ конца
Покорялъ сердца...

Съ нимъ надо быть осторожнѣй. Ему, если кто по ошибкѣ пожметъ руку крѣпче, чѣмъ слѣдуетъ, объ этомъ сейчасъ же на разстояніи пушечнаго выстрѣла всѣмъ извѣстно. А супруга у него личность почтенная, строгая. Обратите вниманіе: она мамашу бабочекъ играетъ сегодня.

— Ахъ, что за шутки!—отмахиваясь, какъ отъ надоѣдливой мухи, крикнулъ Ландсбергъ,—вовсе я не женатъ... И вы прекрасно знаете...

— То есть не женаты церковнымъ бракомъ, bel ami? Но интересно, какого мнѣнія по этому поводу достоуважаемая Александра Алексѣевна?

Ландсбергъ поспѣшилъ замять разговоръ.

— Полноте... есть о чемъ! Читали о Курбатовѣ? Въ „Южной Звѣздѣ“?

— Просматривалъ...

— Ловко отдѣлали!

— Ммм... Вы это называете ловкимъ? По моему, мало.

— Нѣтъ, удачно... „Монументальный господинъ Курбатовъ“.. Воображаю—рветъ и мечетъ! Вотъ тебѣ и правило: „геній есть терпѣніе“. Терпѣлъ, терпѣлъ и дождался.

— Не того дождется.

— И Матвѣй Матвѣичъ сказалъ о немъ: дальше всего онъ пошелъ въ самомнѣніи.

— Это, bel ami, не Матвѣй Матвѣичъ сказалъ, а Гейне.

Ландсбергъ сконфузился.

— Ну, да... я говорю... Матвѣй Матвѣичъ повторилъ... Примѣнилъ.

— Какіе они маленькіе!—пришла къ выводу Елена Михайловна, слушая ихъ обоихъ.

У нея появлялось давно знакомое, еще „московское" ощущеніе пустоты и безпредѣльной усталости, вызываемой этой пустотою. Ей представилось, будто она совсѣмъ не въ Z и не закулисами у Садовникова, а въ декадентской гостиной у своей матери, гдѣ толчется всегда такъ много состязающихся другъ съ другомъ маленькихъ людей, переполненныхъ огромнымъ самолюбіемъ. Въ артистической комнатѣ все точно посѣрѣло, приняло пошлый, будничный, заурядный характеръ.

— Вы здѣсь, моя дорогая? — раздался голосъ Агнессы Яковлевны. – А я смотрю, смотрю, гдѣ вы?

Струцель,—по обыкновенію нагримированная, въ золотистой кофточкѣ изъ дешеваго атласа, — подошла къ Еленѣ Михайловнѣ, наклонилась и шепнула:

— Вамъ письмо, дуся. На имя Матвѣя Матвѣича... для передачи. Онъ мнѣ отдалъ.

— Письмо?—спросила Елена Михайловна вслухъ и протянула руку.

Агнесса Яковлевна достала изъ ридикюля похожій на блѣдно-зеленую кожу конвертъ съ печатнымъ штемпелемъ заказныхъ писемъ. И по конверту, и по почерку Иванова издали узнала письмо матери. Письмо тяжелое по вѣсу, вѣроятно, длинное и несомнѣнно укоризненное. Не распечатывая, она опустила зеленый конвертъ въ карманъ.

Въ артистическую вошла съ Ниной Ѳедоровной Курбатовой хорошенькая, молодая грандъ-дамъ, Вельяшевичъ, роскошно одѣтая въ сверкающее пальетами черное платье, съ живыми розами на груди. Она была единственная изъ артистокъ, съ которой вела дружбу Нина Ѳедоровна. Сегодня обѣ онѣ пріѣхали въ театръ въ качествѣ зрительницъ. Нина Ѳедоровна справилась у Незлобина, гдѣ Матвѣй Матвѣевичъ. Незлобинъ услужливо побѣжалъ искать антрепренера, а Агнесса Яковлевна заворчала вслѣдъ уходящимъ разряженнымъ дамамъ:

— Тоже актрисы, прости Господи! Вельяшевичъ даже и за актрису признать совѣстно. Содержанка адвокатская, только и беретъ костюмами. На платья тысячи тратитъ, а ступить не умѣетъ по сценѣ... Жиденевъ съ ногъ валится,

пока съ нею новую роль пройдетъ; каждый пустякъ начитать надо... Статистка, а не актриса! Такой и Нина Ѳедоровна не боится.

Прозвонилъ звонокъ, возвѣщающій начало спектакля. Елена Михайловна смотрѣла первый актъ изъ зрительнаго зала. Пьеса была разучена въ прошломъ году, играли стройно, выдержанно, безъ шероховатостей; но „московская пустота" продолжала тяготить Елену Михайловну: и пьеса, и исполнители, и публика—всѣ казались лишними, фальшивыми, злобными, „маленькими". Въ антрактѣ Иванова ушла домой, оставивъ въ театрѣ Агнессу Яковлевну, которая участвовала въ водевилѣ.

На улицѣ начинался дождь, дулъ холодный вѣтеръ, блестѣла мостовая. И дома, въ номерѣ, было холодно. Въ палисадникѣ передъ окномъ поскрипывала отъ вѣтра дуплистая акація. Скрипъ ея слышенъ былъ въ комнатѣ, онъ всякій разъ пугалъ своею неожиданностью.

Елена Михайловна зажгла лампу, переодѣлась и лишь тогда распечатала письмо, какъ бы боясь его содержанія.

VII.

У Иры Ларисовой былъ твердый, крупный почеркъ, не женскій, но и не мужской, а совершенно особенный, остающійся въ памяти у того, кто его видѣлъ хоть разъ. Она писала точно такъ, какъ говорила: опредѣленно, немного отрывисто:

„Леля, рыбка моя, Лялечка, золотая—спасибо. Получила телеграмму и ожила. А я было тревогу забила отчаянную, всѣхъ московскихъ генераловъ подняла на ноги. По всей Россіи тебя вѣрно ищетъ полиція; не сегодня—завтра извѣстятъ: нашли, въ Z... Но я уже знаю и безъ нихъ. Любитъ все же меня моя рыбка? Недолго гнѣвалась... Вѣдь любитъ? Не смѣй, Лелька, говорить: нѣтъ. Не хочу слушать и не повѣрю. Значитъ, настояла ты на своемъ, поступила-таки на сцену? Хорошо, что у Садовникова, онъ—джентельмэнъ большой руки, но не того хотѣлось мнѣ для тебя, моя рыбка. Я желала, чтобы ты жила безъ труда, какъ принцесса, только безъ этикетовъ принцессы, свободная, независимая, себѣ одной принадлежащая, и пусть бы люди забавляли тебя, а не ты—людей. Вѣдь ты—продолженіе послѣ меня. Я—всего лишь дочь содержательницы прачешнаго заведенія, а моя дочка уже принцесса. Развѣ это не прогрессъ, котораго стоитъ пожелать? Меня исключили изъ гимназіи за плохое поведеніе, а дочь моя и ученая, и серьезная, и ни-

чѣмъ не хуже любой принцессы. Я ждала: кончитъ Леля ученье и заживетъ въ свое удовольствіе. Но Леля не хочетъ, и мнѣ это больно. Прошлой зимой я думала, что тебѣ нравится Туломзинъ, сперва неистово ревновала, потому что нѣтъ на свѣтѣ сверхчеловѣка, котораго я считала бы достойнымъ тебя. Но къ веснѣ примирилась. На то и жизнь дана, чтобы пользоваться ею; чего она стоитъ безъ этого? Понравился Туломзинъ, пусть будетъ Туломзинъ. И оказалось, я ошиблась. Кстати, о Туломзинѣ: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Послѣ твоего отъѣзда онъ окончательно потерялъ голову и все допытывается, гдѣ ты? Можно ли сказать? Я на него страшно зла: зачѣмъ онъ выдумалъ свои глупые спектакли? Къ чему привезъ въ клубъ эту ханжу N. съ ея непрошенными комплиментами? Они-то и вскружили тебѣ голову, сбили тебя съ послѣдняго толку. Можно ли такъ поступать, Леля? Молчать около года да вдругъ и огорошить всѣхъ, наговорить съ три короба печальныхъ истинъ и убѣжать, куда глядятъ глаза? Фантазерка ты, рыбка, и твоя сцена—миражъ чистѣйшей воды. Если тебѣ такъ лучше, да будетъ такъ. Но дай мнѣ слово, что когда разочаруешься,—пойдешь домой, а не въ другое мѣсто. Все мое—твое, помни объ этомъ, Ляля, а разочаруешься ты непремѣнно: изъ тебя не выйдетъ крупная актриса. Ты не бездарная и внѣшность твоя сценичная, но характеръ у тебя не для сцены. Для сцены кулаки нужны и кулаки хорошіе, крѣпкіе; ты же у меня вышла церемонная, не въ мать... Чтобы очутиться на своемъ теперешнемъ мѣстѣ, я прошла такую школу, какая тебѣ не приснится даже во снѣ; и не нужно, чтобы снилась: у меня что было, то прошло, и теперь я—въ своемъ родѣ свѣтило, а у тебя есть для жизни все готовое. Зачѣмъ тебѣ быть актрисой? Думаешь, тамъ счастье? Заблуждаешься. Счастье—въ свободѣ поступковъ, въ удовлетворенности, а тамъ—ненасытность и подчиненность. И слава не даетъ радости. Возьми Дузе: артистка, большая, прославленная, а самая несчастная женщина. Я въ тысячу разъ счастливѣе, не помѣнялась бы съ нею ни за какія коврижки. А она со мною? Это вопросъ... Предложи ей мою наружность, возьметъ навѣрное и славу свою отдастъ на придачу. На сценѣ тебѣ придется заботиться объ успѣхѣ; ты же не въ мѣру чистоплотна для того, чтобы имѣть сценическій упѣхъ; онъ требуетъ многаго, но не излишка чистоты. Думаешь, чему я обязана успѣхомъ? Талантамъ?—пустое. Вліянію покровителей?—нѣтъ. Покровителей имѣютъ многія, а никто изъ моихъ товарокъ не гремитъ, какъ я. Знаешь, чего я прежде всего искала? Думаешь, денегъ? Нѣтъ. Деньги потомъ сами придутъ, а первое, что необходимо: создать трескъ, шумъ вокругъ себя. Я

съ ногъ до головы дитя рекламы, и моя фурорная слава подтасована моими же руками. Отъ каждаго встрѣчнаго я требовала прославленія: въ томъ ли, въ иномъ ли видѣ, а ты долженъ быть мнѣ полезенъ. Теперь говорятъ: мыльный пузырь, шумиха, раздутая извѣстность... Хорошо, пускай. А попробуйте-ка вы такъ раздуться, нашумите вы, какъ я... Анъ, и не сумѣете, голубчики! А что вы на мой счетъ думаете, плевать я хотѣла. Я васъ самихъ въ грошъ не ставлю, нужно мнѣ ваше мнѣніе! Вѣдь не я въ васъ, а вы во мнѣ нуждаетесь. Вонъ, патронессы всякія, дамы изъ общества, малокровныя, безгрѣшныя, а ого! какъ присѣдаютъ передо мною! Какъ упрашиваютъ спѣть у нихъ на доброе дѣло. Презираютъ, можетъ быть, а бѣгутъ на поклонъ: я—сила, я—мода, меня и ради добраго дѣла пойдутъ слушать. Вотъ какъ, Лялечка, надо дѣйствовать въ жизни, и многія знаменитости шли этой тропинкой. А ты не хочешь постигнуть столь простой вещи. По твоему, если кто нибудь Шекспиръ, допустимъ, то тебѣ надо, чтобы онъ только и дѣла дѣлалъ, что ходилъ да разсуждалъ: быть или не быть? На дѣлѣ же такъ не бываетъ, и Шекспиръ такой же, какъ всѣ другіе. И выпить онъ любилъ, и за женщинами, должно быть, пріударивалъ: недаромъ жена его покалачивала. Да отчего ему и не пріударить? Всѣмъ можно, а ему нельзя? Этакъ и Шекспиромъ быть не стоитъ. Поживешь, увидишь, кто изъ насъ правъ, а пока у меня вся надежда на то, авось твоя блажь перегоритъ и ты благополучно вернешься домой. Ты испугалась жизни со мною; я же одного лишь боюсь: жизни безъ тебя, боюсь лишиться тебя. Ну, довольно. Ахъ, нѣтъ; забыла еще сказать по поводу твоихъ оскорбленій, нанесенныхъ, будто бы, мнѣ. Не тревожься, они меня не обидѣли. Ты телеграфируешь: сказала сгоряча, подъ злобную руку, не думаю того, что сказала. Нѣтъ, рыбка, это невѣрно; мнѣ реверансовъ сожалѣнія не надобно. *Ты думаешь*, но я не обижаюсь. Назвала ты меня, между прочимъ, продажной женщиной, тоже сгоряча, надо полагать? Я не боюсь разныхъ страшныхъ словъ, какъ боишься ихъ ты, напримѣръ. Многое, почти все въ жизни зависитъ отъ взгляда на вещи, и важно не самое слово, а то, на сколько оно подходитъ къ тебѣ. Не могу согласиться съ твоимъ опредѣленіемъ, хотя... если смотрѣть съ иной точки зрѣнія, ты, пожалуй, права. Я неразборчива въ средствахъ, когда у меня намѣчена цѣль; у меня легкій взглядъ на отношенія къ мужчинѣ; я имѣла достаточно возлюбленныхъ, и они не мало тратили на меня. Значитъ?.. У меня нѣтъ повода обижаться. Еще ты сказала мнѣ: „у тебя притуплено нравственное чувство“... Да, вѣроятно, притуплено, потому что оно не безпокоитъ меня. Мнѣ не

кажется дурнымъ то, что я дѣлаю. Не говорю, что это хорошо, но въ жизни неизбѣжно бороться, иначе тебя затопчутъ, а бороться въ перчаткахъ—неудобно. Позволять же, чтобы меня топтали, не имѣю склонности, да и не нужно это никому. Если бы каждый умѣлъ хорошо постоять за себя, всѣмъ было бы просторнѣй. Вижу отсюда, какъ кривятся твои губки, однако пишу все на распашку. Хочу, чтобы ты любила меня такою, какая я есть. Не штука выдумать кого нибудь и любить; люби живую, а не сочиненную, плохую, а не позолоченную, тогда и я скажу, что любишь. До свиданья, моя Леля. Скучаю по тебѣ, нельзя описать, какъ скучаю. Нѣтъ минуты, чтобы не думала про тебя; ручки, ножки твои перецѣловала бы, какъ цѣловала, когда ты была маленькой. Иногда сливаюсь съ тобою, чувствую, что ты—это я. Потомъ ты остаешься, а меня уже нѣтъ, и я даже рада, что меня нѣтъ, лишь бы ты оставалась. Запуталась.. не передамъ словами. Лучше бы мнѣ совсѣмъ не имѣть тебя. Я не разъ думала: какъ бы хорошо было, если бы ты и не рождалась у меня. Но ты родилась, и я постоянно думаю о тебѣ, думаю до боли. Лелечка, боюсь, что разсердишься и всетаки скажу: позволь прислать тебѣ денегъ? немножко; на всякій случай? Позволяешь? Еще разъ—до свиданья. Когда станетъ невтерпежъ, нагряну инкогнито, поцѣлую и скроюсь. Вѣдь не прогонишь? Твоя—мама.

P. S. Сообщи адресъ. Гдѣ живешь? Хорошо ли тебѣ? что прислать изъ бѣлья и платья? Ты такъ мало взяла съ собою. Какъ мнѣ скучно безъ тебя, Леля!"

Елена Михайловна дочитала письмо, походила по комнатѣ, прислушалась, какъ стонетъ акація въ палисадникѣ, и, не разбираясь въ своихъ ощущеніяхъ, наскоро написала отвѣтъ:

„Дорогая мама, усердно прошу тебя не присылать ни денегъ, ни платья, ни бѣлья; у меня есть все, даже съ излишкомъ. Ни Туломзину, ни другимъ знакомымъ не сообщай моего адреса, если не хочешь очень огорчить меня. Ни на одну минуту не увлекалась я Туломзинымъ и, кажется, вообще, застрахована отъ увлеченій: слишкомъ насмотрѣлась на нихъ. Туломзинъ казался мнѣ умнѣе и порядочнѣе прочихъ, — и только. Но я не довѣряла своему впечатлѣнію, видя, въ какомъ обществѣ онъ вращается: онъ такъ безпечально чувствуетъ себя среди тупыхъ прожигателей жизни, что вѣрно и самъ того же поля ягодка. Милая мама, послѣднее время я была груба и дерзка съ тобою; сожалѣю объ этомъ, но отчасти тутъ есть и твоя вина. Если тебѣ хотѣлось видѣть меня какой-то сказочно-свободной принцессой, надо было подготовить воспитаніемъ для такой экзотической

участи; слѣдовало изолировать отъ впечатлѣній обыденной жизни, не пускать въ театръ, отнимать книги, говорящія, что жизнь вовсе не забава. А ты предоставила мнѣ съ дѣтства свободу: дѣлай, что хочешь, но живи и будь довольна, и отдала будущую принцессу въ обыкновенную приличную гимназію madame Веберъ. Къ чему? Чтобы я рѣзче поняла разницу между мной и другими? Между нашей жизнью и жизнью остальныхъ женщинъ? Или, чтобы поскорѣй замѣтила свою отчужденность, одиночество? Тамъ я не могла быть довольной. Въ младшихъ классахъ было еще кое-какъ, но потомъ я стала замѣчать, что всѣ ученицы держатся вмѣстѣ, а я стою особнякомъ, какъ отмѣченная чѣмъ-то нехорошимъ. За то, если заговорятъ дѣвченки о чемъ-нибудь гадкомъ,— прямо идутъ ко мнѣ: она должна знать, ей все извѣстно. Я говорю имъ: почему должна? Я тоже не знаю! Сама же думаю: а онѣ не ошибаются... и это хуже всякой обиды. Мнѣ, дѣйствительно, многое было извѣстно, о чемъ не слѣдовало бы знать ребенку, но чѣмъ же я то виновата? Можетъ быть, мнѣ оттого и противна жизнь принцессы по твоему рецепту, что я давно знаю изнанку подобной жизни. И что другимъ, не знающимъ, кажется любопытнымъ или соблазнительнымъ, то для меня не представляетъ никакого интереса, а только будитъ гадливость. Я еще почти не жила, а мнѣ уже тошно отъ житейской грязи. Изъ-за моего ранняго всезнанія у меня не осталось иллюзій молодости, и мнѣ не весело жить. Хочется, хоть искусственно, создать интересъ къ чему-то лучшему; я раздуваю слабый огонекъ и повторяю себѣ: вотъ сцена, сцена... искусство... А ты, какъ отраву, вливаешь въ меня разочарованіе, кричишь: миражъ, миражъ! Зачѣмъ тебѣ говорить со мною на распашку? Отъ твоихъ словъ я испытываю ненавистное отвращеніе—не къ тебѣ, нѣтъ; тебя не могу не любить: любится невольно, а отвращеніе къ людямъ, къ жизни. Тогда и начинаю думать: не надо вѣрить, ничему не вѣрь, вездѣ грязь, пошлость... Нѣтъ ни Шекспира, ни Дузе, никого нѣтъ: всѣ одинаковые. Это—моя рана, глубокая, свѣжая. Она болитъ и будетъ долго болѣть, вѣрно никогда не перестанетъ. Пусть даже такъ, пусть ты права, но я не хочу слушать, мнѣ больно отъ твоихъ словъ. Какъ наслушаюсь тебя, во мнѣ точно выжжено все: ни мысли не остается, ни чувства, ни желанія; и тебя перестаю любить, и сама себѣ противна. Въ такія минуты мнѣ не хочется жить дальше: вотъ такъ бы лечь и умереть, и пусть бы все кончилось разомъ. Къ чему жить? Чтобы плесть паутину, какъ говоритъ въ Z одна славная женщина? Чтобы незаслуженно держаться повыше на этой паутинѣ? Да не хочу я. Ты боишься меня

потерять?—Не отрезвляй же меня, мнѣ *нуженъ* миражъ. И не надо больше говорить на распашку. Леля".

Едва Елена Михайловна успѣла запечатать конвертъ, какъ пришла изъ театра Струцель.

— Голубка, Яковъ говоритъ, вы и чаю не пили? Ей Богу, съ вами, какъ съ маленькой! Идите, напьемся. Я колбасы ливерной купила, булки горяченькія, полунощныя...

— Благодарю... мнѣ не хочется.

— Что за „не хочется"? Нельзя безъ чаю... Изъ театра почему ушла такъ рано?

— Нездоровилось.

— Немного потеряли, дуся. Рози, дѣвочку Рози,—и вдругъ Вѣра Курбатова играетъ! Бедра—во-отъ... въ три обхвата. У этой Рози съ пятеро ребятъ было. Бегемотъ, а не Рози.

— Зачѣмъ вы... Агнесса Яковлевна? Курбатова стройная. Крупна немножко для Рози, но граціозна.

— Каланча пожарная!

Онѣ пошли къ Агнессѣ Яковлевнѣ. Струцель нарѣзала на тарелку ливерной колбасы, поставила на столъ, хотѣла рѣзать французскій хлѣбъ и, собираясь что-то сказать, ненарокомъ взглянула на Елену Михайловну.

— Та-та-та! Красавица моя? Вы плакать изволили?

— Я?—смутилась Иванова,—я не плакала.

— А глаза отчего красные? Плакали, и долго! То письмо? оно... непріятное?

— Такъ себѣ. Ничего новаго.

— Не разспрашиваю, голубка. Я не изъ любопытства... а только у васъ горе. Есть, есть горе! Все ей то „нездоровится", то „такъ себѣ", а глаза—выдаютъ... Не надо и отгадчикомъ быть, чтобы назвать ваше горе. Хотите, скажу какое?

— Скажите: занимательно.

— Любовное. У васъ романъ... И романъ неудачный. Я, дуся, старый воробей, на мякинѣ не надуете! Вотъ вамъ чай, берите колбаски.

Елена Михайловна засмѣялась.

— Развѣ не угадала?—спросила Струцель.

— Не угадали, Агнесса Яковлевна. Нѣтъ у меня романа, и никакой любви нѣтъ.

— Значитъ, страдаете оттого, что нѣту. Женщинѣ, да еще молодой никакъ нельзя безъ любви. Скука... тоска беретъ, пропадаетъ расположеніе духа.

— А съ любовью нѣтъ скуки?

— Какъ у кого. Нечего посмѣиваться! Подождите, придетъ она,—заплачете. Любовь—она вродѣ кори: каждый пе-

ренесть долженъ. Ни у кого нѣтъ гарантіи. И вы будете плакать отъ нея...

— Врядъ ли. Ну, придетъ... Что же подѣлаешь, если она вродѣ кори? Но перецѣнивать ее тоже нѣтъ основаній.

— Фффьюу! — выразительно и очень искусно свиснула, Агнесса Яковлевна.—Подумаешь, какая опытная! Философія, голубка. Былъ въ провинціи одинъ хорошій актеръ... Градовъ... Николай Григорьевичъ Градовъ. Много, весьма много обѣщалъ, да жаль: молодымъ повѣсился въ Екатеринославѣ. Онъ, бывало, читалъ въ дивертисментахъ. Умъ,—говоритъ,—смотритъ тысячами глазъ... любовь, — говоритъ, — глядитъ однимъ. Но нѣтъ любви и гаснетъ свѣтъ, и жизнь бѣжитъ, какъ дымъ.

— Какъ будто, невполнѣ точно, Агнесса Яковлевна?

— Что? Стихи? Все одно... Мысль—правильная.

— А мнѣ больше нравится другая мысль. Гдѣ это я недавно читала? Кто-то изъ новыхъ... У Метерлинка, кажется... Онъ говоритъ: несчастная любовь разбиваетъ въ сердцѣ человѣка только то, что въ немъ есть хрупкаго.

— Это, голубка, и безъ Метерлинка говорили не разъ. А сколько разбитыхъ сердецъ! Вы полагаете, въ сердцѣ человѣка мало хрупкаго? Ого! И всетаки жизнь не въ жизнь безъ любви. Не теперь, то послѣ, а любить надо. Хоть бы и въ нашей труппѣ: артистъ Тумановъ? Молодой, университетскій, къ сценѣ относится хорошо. Макса въ „Боѣ бабочекъ“ игралъ: сыгралъ не плохо; идеалистомъ... При томъ же холостъ. Что вы гримаску сдѣлали? Считаете, что если артистъ, такъ плохой семьянинъ будетъ? Ошибочно... Если что хорошее уродится, всюду останется хорошимъ. И какіе мужья есть среди актеровъ! Нашъ Жиденевъ, напримѣръ? Или покойный Чужбиновъ? Кіевскій, изъ соловцовской труппы... Святой человѣкъ! А я васъ не познакомила съ Тумановымъ? Не видѣли его на репетиціи?

— Въ пэнснэ онъ? Видѣла.

— Чѣмъ же плохъ?

— Я не говорю, что плохъ, а не моего романа. Знаете, кого я обожала въ гимназіи? Законоучителя, отца Даніила. Старикъ былъ, вдовецъ и примѣрнаго поведенія.

— Въ гимназіи! Въ гимназіи мало ли какая дурь въ головѣ сидитъ. Теперь же не обожаете, небось?

— Разочаровали меня... сверстницы. Стали разсказывать: обжора онъ, деньги копитъ, ради экономіи самъ на рынокъ каждый день ходитъ, съ торговками по полчаса до брани торгуется... Накупитъ, будто бы, щукъ и потомъ самъ щучью икру приготовляетъ съ лукомъ, не довѣряетъ служанкѣ: боится, какъ бы для себя икры не утаила. Меня и охла-

дило все это. А онъ рисовался мнѣ въ такомъ идеальномъ свѣтѣ... Особенно за вечерней: полумракъ... онъ—въ облаченіи... въ алтарѣ—облака дыма, мерцаютъ свѣчи. Внѣ гимназіи я его только въ алтарѣ и могла представить...

— Ребячество!

Агнесса Яковлевна задумчиво помолчала.

— А икра щучья—хорошая штука! — вспомнила она, — напомните мнѣ, дуся, весною. Туда, дальше, великимъ постомъ: когда будутъ щуки съ икрою. Обварить... приправить съ постнымъ масломъ, лучку побольше... Вкусно... Люблю все острое! Не забудете, дуся?

— Чего не забыть?

— Напомнить мнѣ...

— Объ икрѣ? Непремѣнно...

VIII.

Прошло больше мѣсяца. Морозы еще не наступили, но было холодно и пасмурно, и въ номерахъ у пани Гоштовтъ уже протапливали печи.

Въ драматическомъ театрѣ кипѣла непрерывная работа: репетиціи смѣнялись спектаклями, спектакли—репетиціями. Новыя пьесы чередовались съ прошлогодними; сыграли также нѣсколько старыхъ, любимыхъ публикой драмъ; поставили при полномъ сборѣ и традиціоннаго „Ришелье“ съ Матвѣемъ Матвѣевичемъ въ заглавной роли. Затѣмъ Жиденевъ назначилъ къ постановкѣ „Дикарку“, и роль Вари отдалъ „выходной“ Ивановой.

Тогда на Иванову обратили вниманіе въ труппѣ.

Передъ этимъ ее нѣсколько разъ выпускали на сцену, но выходы ея оставались незамѣтными. Сыграла она двѣ-три безсловесныя роли, Нюту Волынцеву въ „Цѣпяхъ“ и случайно — вмѣсто заболѣвшей водевильной актрисы, Яковлевой,—разбитную гимназистку въ „Школьной парѣ“. Это вышло нежданно. Когда заболѣла Яковлева и передъ самымъ спектаклемъ заговорили о замѣнѣ „Школьной пары“ другимъ водевилемъ, Струцель въ присутствіи Матвѣя Матвѣевича предложила:

— А не дать ли Ивановой сыграть гимназистку. Ей „Школьная пара“ знакома...

„Школьную пару“ оставили.

Играла Елена Михайловна безъ репетиціи и какъ играла, что дѣлала на сценѣ, какимъ образомъ понимала суфлера,— она потомъ не помнила. То было полузабытье, потеря пониманія окружающаго, игра по инстинкту. Одно лишь сохра-

нилось у нея въ памяти: въ публикѣ все время раздавался смѣхъ. Смѣялись то отдѣльными взрывами, то продолжительными раскатами. Смѣхъ начинался гдѣ то вверху и быстрой волной перекатывался къ партеру. Чѣмъ громче смѣялись въ зрительной залѣ, тѣмъ легче становилось играть Еленѣ Михайловнѣ. Къ концу водевиля у нея созрѣла опредѣленная мысль: а быть актрисой вовсе не трудно; надо только не помнить о себѣ и оставаться серьезной, когда говоришь смѣшное...

Ее и Туманова (онъ игралъ гимназиста) вызвали четыре раза. Въ уборной Струцель цѣловала Елену Михайловну и кричала въ волненіи:

— Умница, дуся, умница! она у меня ingenue comique будетъ.

А Тимофѣй Ильичъ сказалъ Ивановой:

— Недурно. Но работать надо... много работать! У васъ еще не игра, а диллетанство.

Его сдержанное „недурно" осчастливило Елену Михайловну, не смотря на то, что она уже успѣла избаловаться московскими комплиментами. Въ Москвѣ ея игру хвалили несравненно щедрѣе, но тамъ цѣнителями и критиками являлись или пріятели ея матери, или же друзья Туломзина, который изо всѣхъ силъ старался угодить Еленѣ Михайловнѣ. Ихъ легко можно было заподозрить въ пристрастіи, въ скрытомъ намѣреніи польстить. Теперь же для Елены Михайловны было особенно цѣнно условное жиденевское: „недурно", цѣнно потому, что это говорилъ завѣдомо-безпристрастный, чуждый всякихъ соблазновъ человѣкъ.

Матвѣй Матвѣевичъ послѣ спектакля улыбнулся ей издали, но не сказалъ ничего. Остальные артисты не обратили вниманія на „Школьную пару".

Но когда стало извѣстно, что Иванова будетъ играть „Дикарку", да еще съ Матвѣемъ Матвѣевичемъ въ роли Ашметьева,—Ивановой заинтересовались, заговорили о ней. И она сейчасъ же узнала объ этихъ разговорахъ отъ Агнессы Яковлевны.

Стууцель пришла домой съ репетиціи раньше обыкновеннаго; видъ у нея былъ возбужденный, довольный.

— Ну, дѣтка, хорошо, что васъ не было... Злятся... Охъ, и злятся же!

— Кто?

— Курбатовы... обѣ... Въ неистовствѣ за „Дикарку!" Какъ же: Вѣрочкину роль и вдругъ вамъ отдали! А Тимофѣй Ильичъ—ноль вниманія... Будто не замѣчаетъ. Нинка—ловкая шельма!—пробовала насолить ему рикошетомъ: черезъ его Анастасію Дмитріевну, да не удалось, не на таковскую

напала... Та ее такъ отбрила, мое почтеніе! А Нинка ей: „эта тихоня, Иванова, протеже вашего мужа... она смазливенькая. Какъ ее, однако, Тимофѣй Ильичъ выдвигаетъ!" Анастасія Дмитріевна просто на дыбы: „Мой Тимофѣй Ильичъ,—кричитъ,—никого никогда не выдвигалъ и выдвигать не будетъ! Никакихъ протеже у него нѣтъ, и быть не можетъ! А Иванову ему московская N. рекомендовала... и мнѣнія его спрашивала. Вотъ онъ и даетъ Ивановой сыграть одинъ разъ, чтобы N. отвѣтить. Дать одну роль—еще не значитъ протежировать! Развѣ,—кричитъ,—Тимофѣй Ильичъ не хозяинъ репертуара? Мы, если бы Тимофѣй Ильичъ захотѣлъ, давно бы черезъ N. на императорской были!" И жужжитъ, и жужжитъ... Нинка позеленѣла отъ злости, а не унимается, язвитъ: „Если N. такое участіе въ Ивановой принимаетъ, отчего же она не пристроила Иванову въ Москвѣ?"— „Потому,—говоритъ Анастасія Дмитріевна,—что она послала Иванову на выучку къ Тимофѣю Ильичу"... Долго спорили. Но Анастасія Дмитріевна послѣдняго слова ни за кѣмъ не оставитъ, Нинка первая затихла. Тутъ Матвѣй Матвѣевичъ пришелъ...—„Что такое?—спрашиваетъ,—о чемъ вы?"—„Да такъ, разговариваемъ"... И ни гу-гу передъ нимъ... Перезлятся!

Елена Михайловна въ первый разъ слышала, что ее порекомендовала московская N.

— Неужели они справлялись у N? И неужели N помнитъ обо мнѣ?—подумала она; однако, промолчала.

Репитиціи „Дикарки" были самыя обыкновенныя репитиціи, но Еленѣ Михайловнѣ онѣ казались пыткой. Жиденевъ муштровалъ ее по своему усмотрѣнію, а она не умѣла приноровиться къ его требованіямъ. То получался у нея не тотъ тонъ, то недоигрыванье, то шаржировка. Не повышая своего ровнаго голоса, Тимофѣй Ильичъ останавливалъ ее какъ разъ тогда, когда она думала, что требуемый тонъ, наконецъ, схваченъ.

— Позвольте, позвольте... вы поджимаете губы и оттѣняете слова: „проза жизни"... У васъ выходитъ: „Это—проза жизни!" Развѣ такъ говорятъ въ разговорной рѣчи? Къ чему это? Хотите вызвать хохотъ? Уважающій себя артистъ не долженъ прибѣгать къ подобнымъ кунштюкамъ. Форсировка, шаржъ, балаганъ! — избѣгать надо. Варя повторяетъ чужія слова, сама того не замѣчая, повторяетъ наивно, но серьезно, она не дурачится. Попрошу васъ,—сначала...

Елена Михайловна начинала сначала, и у нея совсѣмъ ничего не выходило. Труднѣе всего было съ воспроизведеніемъ смѣха передъ выходомъ на сцену, при первомъ появленіи Вари. Жиденевъ повторялъ:

— Смѣхъ на сценѣ—вещь трудная, очень трудная. Даже опытнымъ артистамъ удается не часто. Вы выкрикиваете: Ха-ха-ха! И воображаете, что смѣетесь... Засмѣйтесь еще разъ.

Елена Михайловна смѣялась, но смѣхъ звучалъ еще хуже, чѣмъ раньше. Послѣ второй репетиціи она, отчаявшись въ своихъ силахъ, заявила Жиденеву:

— Нѣтъ, я не могу... Не могу. Отдайте роль кому нибудь другому.

— Отчего же?—изумленно возразилъ Тимофѣй Ильичъ,—мѣстами у васъ выходитъ недурно. Но есть склонность къ дешевому эффекту... это искоренять нужно. И работать надо, много работать! А вы хотѣли бы шутя? лишь бы сорвать апплодисментикъ? У насъ этого нельзя... Прошу васъ не капризничать, продолжайте.

Иванова продолжала.

Она возвращалась съ репетицій разбитая, утомленная до обмороковъ. Дома Струцель подбодряла ее, ручаясь честнымъ словомъ, что отъ Жиденева никто еще не слышалъ одобрительнаго отзыва на репетиціи.

— Онъ, дуся, хвалитъ только послѣ спектакля, да и то не всегда. А на репетиціи ему и самъ Матвѣй Матвѣевичъ не угодитъ!

Какъ прошелъ день и вечеръ спектакля, Елена Михайловна снова не могла возстановить съ полной послѣдовательностью. Опять наступило полузабытье, отсутствіе систематичнаго сознанія.

Въ тотъ вечеръ ей апплодировали, ее усиленно хвалили за кулисами,—это она помнила. Матвѣй Матвѣевичъ, загримированный сѣдѣющимъ эстетикомъ, Ашметьевымъ, выводилъ ее къ рампѣ на вызовы публики. Елена Михайловна шла, какъ лунатикъ, и кланялась или нѣтъ, — потомъ не знала. Послѣ сцены съ Ашметьевымъ, когда онъ, на минуту увлекшись, пылко произнесъ: „Варя... дикарка... бѣсенокъ... уйди отъ меня!“ — въ театрѣ захлопали среди дѣйствія. А когда Варя отзывалась о столичномъ претендентѣ на ея руку: „Птица!..“ когда говорила о семейномъ счастьи: „Это—проза жизни“, и дальше, когда грозила или утопиться, или броситься на шею первому встрѣчному, — зрители смѣялись. Слышенъ былъ смѣхъ и въ другихъ сценахъ, но гдѣ именно, Елена Михайловна не замѣтила. Она была въ великорусскомъ костюмѣ и ей нравился ея ситцевый, голубой сарафанъ. За часъ до спектакля кто-то прислалъ къ ней въ уборную черномазаго помощника режиссера, Чабанова, загримировать Варю. Онъ положилъ на щеки Елены Михайловны много румянъ, такъ какъ она была мертвенно-блѣдна

отъ волненія. Передъ выходомъ на сцену она еле доплелась отъ уборной до кулисъ: дрожали непослушныя ноги, въ глазахъ мелькали синеватыя и желтыя колеса, усыпанныя черными пятнами...

Затѣмъ случилось что-то непонятное...

Елена Михайловна точно приподнялась отъ земли, мгновенно сбросивъ съ себя все свое, присущее ей, ея внутренней и внѣшней жизни. Она перестала быть неувѣренной въ себѣ, молчаливой, слегка робѣющей передъ всѣми Ивановой, не видѣла ни кулисъ, ни декораторовъ, ни сценаріуса съ тетрадкой, ни накрашенныхъ актеровъ... Она перенеслась въ ту деревню, куда возили ее въ дѣтствѣ поправляться послѣ скарлатины. Ей представилась необъятная ширь зеленѣющихъ луговъ въ пору сѣнокоса, запахъ цвѣтовъ, клубники, барскія усадьбы среди луговъ, узенькая рѣчка съ перелѣсками по берегамъ. Всюду солнце... нигдѣ не спрячешься отъ него. Звенитъ колокольчикъ не рѣзкимъ, далекимъ звономъ, будто отъѣзжая въ даль. Послѣ вчерашняго дождя блестятъ обмытыя березы, расцвѣла павилика на влажной землѣ... и Елена Михайловна уже не дочь Иры Ларисовой, а своенравная Варя, выросшая у отца безъ матери, подъ призоромъ одной лишь няньки, избалованная, незнающая преградъ своимъ несложнымъ желаніямъ. На душѣ у нея спокойно, радостно... все кажется такимъ чистымъ, хорошимъ, яснымъ, какъ этотъ ясный день. Она пріѣзжаетъ къ Ашметьевымъ, ей легко, беззаботно и смѣшно... смѣшно до упаду! Елена Михайловна слышала свой хохотъ: звонкій, безпечный, неудержимый, можетъ быть, неумный, но заразительно-веселый. На секунду передъ нею, какъ во мглѣ, пронеслось степенное лицо Жиденева. Гдѣ-то далеко, далеко, въ запрятанномъ уголкѣ сознанія она безъ словъ задорно крикнула Тимофѣю Ильичу: „А что? Не засмѣюсь? Сумѣла!“— И, забывъ о режиссерѣ, выбѣжала на сцену.

Дальше все смѣшалось...

По окончаніи какого-то дѣйствія Матвѣй Матвѣевичъ крѣпко пожималъ ея руку, повторяя:

— Браво, Елена Михайловна, браво, мой старый другъ! А мимика-то къ вамъ перешла отъ мамы!

Ей было странно, что она—Елена, а не Варя, и что у нея оказывается мимика. Кто-то знакомился съ нею: въ антрактахъ приходили новыя и новыя лица. Съ ними разговаривала Струцель, загримированная сѣдою нянькой. Елена Михайловна не разбирала, о чемъ говорятъ, но въ воздухѣ носилось имя московской N. Никифоръ Пантелеймоновичъ безъ церемоній расцѣловалъ Елену Михайловну, Ландсбергъ увѣрялъ въ своемъ глубокомъ уваженіи, Незлобинъ приводилъ

французскую поговорку: новичкамъ всегда везетъ, а чей-то женскій голосъ напомнилъ: „За то быстрые успѣхи непрочны“. Все это свидѣтельствовало о побѣдѣ и даже о большой побѣдѣ, хотя Елена Михайловна не понимала, что побѣда принадлежитъ ей. Вообще, она какъ-то ничего не понимала. Тимофѣй Ильичъ глядѣлъ серьезно, серьезнѣе, чѣмъ всегда, но Иванова сегодня не боялась его. Онъ сказалъ:

— Современемъ будете актрисой: отдѣльные штришки есть превосходные... Но и это еще не игра. Нецѣльно, незаконченно, диллетанства много. Нельзя играть порывомъ! Порывъ — несчастье для актера... онъ ни къ чему не приводитъ: разъ сыграешь, десять разъ не удастся. Техника нужна, работать надо...

Елена Михайловна думала: добавитъ онъ еще: „много работать!“ или нѣтъ?

Онъ задумался и не добавилъ.

Ужинали у Агнессы Яковлевны съ виномъ и съ пивомъ. Агнесса Яковлевна сіяла, какъ ея расшитая стеклярусомъ блузка. За столомъ было тѣсно, пришла и кассирша, Анна Герасимовна, и на этотъ разъ она была внимательна по отношенію къ Еленѣ Михайловнѣ. Заѣхалъ Незлобинъ, но держалъ онъ себя чуть-чуть свысока, какъ человѣкъ, очутившійся не въ своемъ обществѣ. Никифоръ Пантелеймоновичъ говорилъ рѣчь, при чемъ долго поминалъ традиціи старой русской сцены и еще разъ поцѣловалъ Елену Михайловну. Незлобинъ нашелъ, что подобный поцѣлуй — сомнительная награда... Вышло смѣшно...

. . . .

На другой день Елена Михайловна проснулась съ огромной слабостью въ тѣлѣ, какъ послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни. Наступила реакція. Отъ вчерашняго нервнаго подъема ничего не сохранилось въ остаткѣ. Елена Михайловна черезъ силу одѣлась и едва передвигала ноги.

Навѣдалась передъ репетиціей Агнесса Яковлевна, начали вспоминать подробности о вчерашнемъ спектаклѣ. Еленѣ Михайловнѣ спектакль казался сномъ, далекимъ, неяснымъ, но отраднымъ...

— Теперь Жиденевъ не скоро дастъ вамъ хорошую роль, но дастъ непремѣнно. Сперва будетъ выпускать въ пустячкахъ, а потомъ... Увидите! Ужъ я его политику знаю... Тимофѣй Ильичъ не замаринуетъ такую актрису, какъ вы: на то онъ Жиденевъ. А вы не спѣшите, не горячитесь... постепенность, голубка, постепенность...

Елена Михайловна меньше всего была расположена спѣшить и горячиться. Она устало прилегла на диванѣ и думала, что съ большимъ наслажденіемъ пролежала бы здѣсь

всю жизнь, лишь бы ее оставили въ покоѣ. И дѣйствительно, пролежала въ полудремотѣ все утро, пока Струцель не подняла ее къ обѣду. Она не вспоминала и не думала о вчерашнемъ вечерѣ и все еще только собиралась начать думать о спектаклѣ; а пока ей не хотѣлось сосредоточиться даже и на пріятныхъ мысляхъ.

Пасмурный день начиналъ темнѣть. Послѣ обѣда Елена Михайловна опять легла на диванъ. Струцель предложила было пить чай и тутъ же вспомнила: надо пойти въ сосѣдній флигель навѣстить старую оперную балерину, Пальмони.

— Таетъ она, дуся; не встанетъ вѣрно... Небось, мается одна... Пойду, посижу съ полчасика и вернусь къ чаю. Вотъ и сынъ есть у женщины. Маэстро, дирижируетъ оркестромъ; и поддерживаетъ мать: каждый мѣсяцъ сорокъ рублей... Аккуратно... а глаза закрыть некому. Что сорокъ рублей? Ты мнѣ не сорокъ рублей, а лучше дай уголокъ за печкой, чтобы я тебя видѣла... чтобы мнѣ среди своихъ быть, попрощаться съ тобою. А то—придумали новость: сейчасъ деньги... Все деньгами замѣнить хотятъ!

Агнесса Яковлевна вышла и по дорогѣ разговорилась въ корридорѣ съ сосѣдкой. Она знала всѣхъ жильцовъ пани Гоштовтъ, со многими была въ дружбѣ, помнила подробности о каждомъ, справлялась объ ихъ дѣлахъ и заботахъ. Наконецъ, ея голосъ затихъ, хлопнула входная дверь на блокѣ, нѣкоторое время въ корридорѣ было тихо.

Вскорѣ снова раздался стукъ двери, зашумѣли смѣшанные голоса, мужскіе и женскіе: кто-то искалъ кого-то изъ квартирантовъ. Легкіе шаги остановились у номера Елены Михайловны, самоувѣренный, музыкальный голосъ съ повышеннымъ нетерпѣніемъ громко спросилъ у Якова подъ самой дверью:

— Но дома ли она?

— Такъ точно, дома, — пугливо отвѣтилъ Яковъ съ необычайной для него почтительностью.

— Мама! — крикнула Елена Михайловна, хотя дверь еще была закрыта.

IX.

— Лелечка! рыбка, это я...

Высокая, богато-одѣтая женщина однимъ прыжкомъ ловко бросилась отъ дверей къ дивану.

У Елены Михайловны забилось сердце, она не могла ни подняться, ни говорить. Ирина Юрьевна, присѣвъ на край дивана, безъ счета цѣловала дочь.

— Лелечка! Ты лежишь? больна? что же ты молчишь? Леля?

— Какъ я не ждала тебя, мама,—невнятно проговорила Елена Михайловна.

— Отчего не писала? больна? нездорова? Почему лежишь? Такъ я и знала! Болѣешь?

— И не думаю. Устала и легла. А раньше репетиціи были, некогда писать: я вчера „Дикарку" играла.

Ирина Юрьевна не придала значенія этому обстоятельству.

— Неправда, неправда: ты больна! Похудѣла, блѣдная... Ручки тоненькія.

— Право же нѣтъ. Я здорова.

— Посмотри въ глаза? Еще, еще... Ну, правда. Поцѣлуй же меня, Лелька! Здравствуй, рыбка, рыбка моя... До того соскучилась... ай! не въ моготу больше. На одинъ денекъ: въ воскресенье концертъ у меня, завтра должна выѣхать обратно. По письмамъ видѣла: не очень-то мнѣ въ Z обрадуются, а не утерпѣла... поскакала.

— Мамочка, не говори этого. Я рада тебѣ.

Ирина Юрьевна не переставала цѣловать дочь, не давая ей спустить ноги съ дивана. Отъ крѣпкихъ духовъ матери, отъ ея парижскаго темно-оливковаго платья съ длиннымъ шлейфомъ, отъ свободнаго жакета изъ муароваго каракуля, отъ крупныхъ изумрудныхъ серегъ, отъ шляпы, боа и муфты, гдѣ переплеталиеь и газъ, и мѣхъ, и кружева съ цвѣтами,— на Елену Михайловну пахнуло добровольно-покинутой, малосимпатичной, но близкой и родной атмосферой. Она порицала поступки и взгляды матери, часто возмущалась ею, а все же не могла разлюбить это красивое, полное измѣнчивыхъ выраженій, совершенно-молодое лицо, юношески-граціозную фигуру, звонкій, ласкающій голосъ, профессіонально-развязныя манеры, извращенную остроту хитраго, женскаго ума. Любить Ирину Юрьевну она привыкла съ дѣтства и послѣ, когда Ира Ларисова становилась все болѣе и болѣе понятной для дочери, Елена Михайловна подчасъ стыдилась за мать, но не переставала любить.

— Рыбка моя, наконецъ-то! Часъ съ лишнимъ тебя разыскиваю... Я—съ курьерскимъ, и до сихъ поръ не могла найти: не зналъ извозчикъ. Вертимся кругомъ, а сюда не попадаемъ. Но въ какой ты норѣ, Леля! Ужасъ!.. Грязь, гадость, керосинъ... Безъ горничной... Номерной—оборванецъ съ толкучки! У тебя нѣтъ эстетическаго вкуса: можно ли поселиться въ такой дырѣ? А все—твоя непрактичность. Завтра же вонъ отсюда. Богъ знаетъ что: изящная, молодая женщина, артистка!—и въ этакой трущобѣ. Завтра же переѣзжаемъ.

— Но я не хочу отсюда: мнѣ прекрасно, я такъ довольна. Тутъ у меня другъ есть.

— Другъ?

Ирина Юрьевна испуганно полуоткрыла ротъ.

— Премилый другъ... Сейчасъ придетъ, я и тебя познакомлю. Мы чай пить собирались вмѣстѣ, только ты, пожалуйста...

— Да кто такой? Какой другъ?

— Артистка одна. Струцель.

Ирина Юрьевна бурно расхохоталась.

— Ха-ха-ха-ха! Такъ это чучело еще на сценѣ?

— Мама!

— И у Садовникова? Ха-ха-ха. Струцель? Анджелика? Ха-ха...

Елена Михайловна изо всѣхъ силъ сдерживала себя отъ рѣзкой вспышки. Глаза у нея стали гнѣвные, она освободилась изъ рукъ матери, встала и отошла отъ дивана.

— Не Анджелика, а Агнесса. Агнесса Яковлевна.

— О-охъ!—смѣясь, махнула рукой Ларисова.

— Мама, я прошу тебя... она можетъ войти.

Ирина Юрьевна не унималась.

— Ахъ, Господи! да не могу же я... Вотъ умора! Вѣдь Садовниковъ... Матвѣя Матвѣича ничѣмъ нельзя было разозлить хуже, какъ если сказать: „Анджелика—ваша прежняя пассія"... И вдругъ теперь... подъ старость... Ха-ха...

Елена Михайловна съ тревогой прислушивалась, что дѣлается въ корридорѣ.

— Замолчи, мама. Не то мы поссоримся,—холодно попросила она,—скажи лучше, выпьешь чаю?

— Здѣсь? Не рѣшусь... Ѣдемъ ко мнѣ... Я—въ Грандъ-Отелѣ, пятнадцать лѣтъ тамъ останавливаюсь.

— Поѣдемъ!—охотно согласилась Елена Михайловна, соображая, что, если поторопиться, то Струцель можетъ и не увидѣть Ирины Юрьевны.—Я и одѣваться не буду, накину ротонду и поѣдемъ... Тебѣ оставаться здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, неудобно.

— Кому здѣсь можетъ быть удобно?

— Мнѣ.

— Убоище ты, Леля!

Елена Михайловна не радовалась больше пріѣзду матери. Первая радость была отравлена мутнымъ осадкомъ, поднявшимся въ ея душѣ при разговорѣ о Струцель. Она напоминала себѣ, что Ирина Юрьевна соскучилась по ней, что съ матерью надо быть поснисходительнѣй и поласковѣй. Не можетъ же Ира Ларисова передѣлать себя, стать не тѣмъ, что она есть, не говорить того, что она думаетъ. Надо

запастись терпѣніемъ, чтобы не обидѣть ее. Не надолго вѣдь... Однако, Еленѣ Михайловнѣ было тяжело насиловать себя, особенно сегодня: она такъ утомилась отъ вчерашняго вечера, еще не успѣла разобраться въ общей массѣ разнообразныхъ вчерашнихъ впечатлѣній. Но насиліе надъ собой являлось необходимостью, и Елена Михайловна по дорогѣ въ отель заранѣе начала тренировать себя, вооружаясь терпѣніемъ.

Когда онѣ подъѣхали къ Грандъ-Отелю, въ городѣ уже горѣло электричество.

Швейцаръ подбѣжалъ высаживать Ирину Юрьевну изъ коляски, на лѣстницѣ ей съ особымъ уваженіемъ кланялась прислуга; встрѣтился на площадкѣ бель-этажа бритый французъ Весье, хозяинъ отеля, и физіономія у него залоснилась отъ удовольствія.

— Ah, madame Ирэна Іурьевна!—заграсировалъ онъ,— bon soir, madame!

Въ отелѣ всѣ точно гордились, что Ларисова остановилась у нихъ, а не въ другой гостиницѣ.

Елена Михайловна вспомнила, какъ пренебрежительно отнеслись къ ней въ „Державѣ“, когда она,—никому невѣдомая,—скромно заняла двухрублевый номеръ и, не ночуя въ отелѣ, пріѣхала рано утромъ за вещами: ее тогда, повидимому, приняли за искательницу приключеній, и то плохого сорта...

Ирина Юрьевна помѣстилась въ отдѣльномъ аппартаментѣ изъ четырехъ комнатъ, съ солидной мебелью подъ красное дерево, съ бронзовыми часами и канделябрами на каминѣ въ гостиной. По сравненію съ номерами Гоштовтъ, здѣсь было уютно до роскоши: свѣтло, просторно, комфортабельно, опрятно. Ларисова расположилась съ дочерью въ большой восьмиугольной столовой.

— Чай! Самоваръ! Живо!—весело кричала она явившемуся на звонокъ лакею,—фруктовъ намъ, конфектъ: хорошихъ конфектъ, отъ этого, вашего... какъ его? отъ Феликса. Пирожныхъ, печенья, всего, что у васъ есть вкуснаго. . Потомъ карточку: ужинать будемъ... Крюшонъ принесите: некрѣпкій, Редереръ... Клубника есть? Ты, Леля, съ чѣмъ крюшонъ любишь?

— Мнѣ все равно.

— Вина къ ужину. Для нея — сладенькое, послабѣе. Можно токайское или портвейнъ хорошій, понте-кане давайте, шабли...

— Слушаю.

— Коньяку тоже: получше.

— Спаржа вчера получена. Дикая коза есть, омары свѣжіе, форель изъ Петербурга.

— Валяйте козу, спаржи, омаровъ и форелей... Дочку свою угощать буду!

Лакей ушелъ. Ирина Юрьевна, возбужденно болтая о пустякахъ, то бѣгала по столовой, забѣгая по забывчивости въ ярко-освѣщенную гостиную, то подсаживалась къ дочери и горячо, безъ устали цѣловала ее. Она съ нѣжностью смотрѣла на Елену Михайловну почти влюбленными глазами, только безъ того жаднаго, напоминающаго взоръ животнаго, выраженія, которое часто бываетъ у влюбленныхъ. Чай скоро поспѣлъ, перешли къ столу. Ларисова подала Еленѣ Михайловнѣ тонкую китайскую чашечку.

— Пей, рыбка. Кушай... Конфектъ, грушъ, винограду? чего хочешь? И разсказывай, что съ тобою? Я трещу отъ радости, слова не даю тебѣ сказать! Ну, какъ? рада, что артистка? „Дикарку“ сыграла и рада?

— Очень рада.

— Не тоскуешь больше, какъ въ Москвѣ?

— Нисколько.

— А чего тебѣ тамъ не доставало? Ахъ, Леля... ты ипохондричка! Тоска — это болѣзнь. Одинъ изъ видовъ нездоровья. Недавно мнѣ пришлось говорить съ Невмержицкимъ... Ужъ ему можно повѣрить: психіатръ — и какой! — и онъ согласился со мной. Сказалъ: тоска - нездоровье... Замедленное питаніе, скудное кровообращеніе, упадокъ жизнеспособности и... и еще что-то? Забыла... Да, да, такъ и сказалъ: болѣзнь, говоритъ.

— Можетъ быть.

— Но тебѣ хорошо? Ужъ я буду довольна хоть этимъ. А Матвѣй Матвѣичъ — что? постарѣлъ? очень?

— Да, онъ — старый.

— Жалко. Красивый былъ... Я его подержаннымъ господиномъ помню, и то...

— Мама! зачѣмъ ты такъ... выражаешься?

— А ты все страшныхъ словъ боишься? Не бойся, они не кусаются. Ты — не дитя, что за пансіонерство. Даа!.. много воды утекло... Онъ нравился мнѣ, Матвѣй Матвѣичъ... Хотя послѣ, когда началъ свои фортели... на другихъ сталъ засматриваться и вообще... я дала ему по шапкѣ! Потому я этихъ мужскихъ фокусовъ не переношу. У меня одно изъ двухъ: или я съ тобой схожусь по разсчету, или по симпатіи. Если съ моей стороны разсчетъ, мнѣ рѣшительно все равно, что руководитъ тобою. Но если я симпатизирую, то ужъ потребую, чтобы ко мнѣ относились въ десять разъ лучше, чѣмъ я. Не то, долой совсѣмъ! Не надо... А знаешь?

у меня новые куплеты. Какъ разъ на эту тему. Мотивъ изъ „Риголето“ и припѣвъ:

Но, чтобъ обманутой
Не быть, друзья,
Васъ покидаю
Первая я!

Хорошенькій куплетъ?

— Очень мило, — принужденно похвалила Елена Михайловна.

— А жаль, жаль, что Садовниковъ уже въ старикахъ числится: я попросила бы его за тебя. Теперь—неудобно... Испугается своей дульцинеи и ничего не сдѣлаетъ. Побоится. Она его какъ? На длинной держитъ веревочкѣ? Или на короткой?

— Не знаю я.

— Вѣрнѣе, что на короткой. Такъ оно всюду: тамъ, гдѣ вянетъ красота, расцвѣтаетъ добродѣтель.

— О чемъ тебѣ просить Садовникова? Меня и безъ того приняли.

— Принять еще немного. Выдвинуть надо.

— Мнѣ не нужно, чтобы меня выдвигали.

— Это, рыбка, каждой актрисѣ нужно. Зачѣмъ иначе и на сцену идти? Оттого-то актрисы больше и сходятся съ антрепренерами. Или же съ кѣмъ нибудь изъ вліятельныхъ актеровъ. Такого выбираютъ, который самъ диктуетъ условія: кого вздумаетъ, того и навяжетъ любой труппѣ.

— А если никто не захочетъ? — иронически спросила Елена Михайловна,—тогда конецъ? нельзя пробиться?

— Трудно, рыбка.

— Даже, если талантъ? А если большой талантъ?

— Талантъ, талантъ!—сердясь, повторила Ларисова,—а что такое талантъ, если онъ глупъ? И таланту нужна поддержка. Безъ поддержки, пока пробьешься, столько растеряешь силы, что послѣ ужъ и лавры не въ моготу. Не знаешь ты жизни, рыбка.

— И знать не хочу. Неинтересно.

— Напротивъ... то-то и интересно въ жизни, что она такая... азартная. Ну, Богъ съ нею... Кто еще у васъ въ труппѣ? Изъ извѣстныхъ?

— Жиденевъ... Режиссеръ. Отличный режиссеръ и человѣкъ интересный: содержательный.

— Тимофѣй Ильичъ?

— Ты и его знаешь?

— Чего же испугалась? Знаю, конечно. Старый актеръ, какъ же мнѣ не знать его? Не знакома, а знаю: блондинъ,

толстенькій, елейный, католическаго патера напоминаетъ... Что онъ до сихъ поръ у своей рыжей кувалды сидитъ подъ башмакомъ? Живетъ съ женою?

— Живетъ.

— Режиссеръ, говоришь, хорошій? Педантъ, какъ всѣ мелочные люди, вотъ и режиссеръ. А человѣкъ тоже какъ всѣ. Впрочемъ, нѣтъ: онъ—холоднѣе другихъ. Попробуй-ка попросить чего нибудь у своего содержательнаго режиссера,—куска льда зимою не выпросишь! Жиденевъ! Вотъ ужъ воплощенная проза. Носитъ сосновыя фуфайки отъ простуды, ревенный корень глотаетъ для пищеваренія... У нихъ съ супружницей всѣ мухи въ домѣ дохнутъ со скуки. И чѣмъ плѣнилъ? Похвалилъ тебя, что ли?

— Не очень. Хотя сказалъ, что изъ меня, можетъ быть, выйдетъ актриса.

— Америку открылъ! Безъ него этого не знали. Каждая нервная женщина годна въ актрисы.

— Вѣрно не каждая. Жиденевъ говоритъ: чтобы стать актрисой, надо много, много работать.

— Да для чего работать?

— Какъ для чего? Для искусства.

— А искусство для чего?

Елена Михайловна запнулась. Смутившись, она начала безцѣльно вертѣть въ рукахъ наполовину объѣденную виноградную вѣтку. Мать пристально смотрѣла ей въ лицо, хитро сощуривъ свои прекрасные глаза.

— Искусство! — развязно проговорила она, — еще одно словечко... Навыдумываютъ разныхъ словъ и раболѣпствуютъ передъ ними. Зачѣмъ оно, ваше искусство? Призрачное оно... Туманъ, мечта... Вонъ Матвѣй Матвѣичъ: игралъ, игралъ... и что изъ этого? Что онъ сдѣлалъ? Училъ кого-то? Кого? Кого научилъ? чему выучилъ? Забавлялъ, а не училъ! Возвышенныя мысли сѣялъ? а гдѣ его жатва? Послушаютъ, похлопаютъ, уйдутъ и забудутъ. Хлопки—не мѣрило... Хлопать и мнѣ хлопаютъ, и тѣ же самые зрители.

— Ну, не тѣ!

— А я тебѣ говорю: тѣ!—вспылила Ирина Юрьевна.—Какая разница? Кто меня не признаетъ? Горсточка молодежи? и то, пока они на скамейкахъ, а потомъ... Зна-емъ мы!

Ларисова замѣтила брезгливую гримасу на поблѣднѣвшемъ лицѣ дочери. На мгновенье она пріумолкла; затѣмъ, вспыливъ еще сильнѣе, заговорила вновь, крича и сердясь больше прежняго:

— Не любите вы правды! Всѣ, всѣ не любите! А права я... я права! я! И изъ твоей сцены ничего не выйдетъ!

Обожжешься и только... И жалѣть будешь... И придешь ко мнѣ, и... и... и...

Въ дверь изъ прихожей осторожно постучалъ лакей, давая знать, что готовъ ужинъ.

Ирина Юрьевна остыла отъ гнѣва.

За ужиномъ она шумно угощала дочь, пила коньякъ, разсказывала о московскихъ новостяхъ и знакомыхъ. Елена Михайловна дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы ѣсть, слушать, отвѣчать на вопросы: ее всю разломило отъ усталости.

— Лелька! я заговорила тебя?—спохватилась Ларисова въ третьемъ часу ночи.—Ты не привыкла такъ поздно... да и мнѣ въ десять утра къ поѣзду надо. Пора спать, я уложу тебя...

Елена Михайловна пассивно позволила себя раздѣть и также пассивно легла на одну изъ широкихъ никкелированныхъ кроватей, стоящихъ въ спальной. Но едва она легла, какъ желаніе спать улетучилось, осталось лишь утомленіе и горечь досады. Отъ разговора съ матерью въ душѣ у нея стало, какъ послѣ пожара. Вся жизнь рисовалась передъ нею въ видѣ одинокаго, выгорѣвшаго поля: театръ, искусство, большіе и средніе артисты, вчерашній спектакль, аплодисменты, похвала Жиденева, надежда на что-то яркое въ будущемъ—все потеряло въ ея глазахъ свою прежнюю привлекательную заманчивость. Даже болѣе свѣтлый обликъ содержательнаго Тимофѣя Ильича померкъ, поблѣднѣлъ, поблекнулъ, представлялся уже не иначе, какъ въ сосновой фуфайкѣ.

— Работать надо, много работать!—вспомнила Елена Михайловна.—Для чего работать? Для искусства. А искусство для чего?

У нея не было отвѣта на этотъ вопросъ.

Она лежала съ закрытыми глазами, а Ирина Юрьевна думала, что она спитъ, и, причесавъ на ночь свои густые волосы, безшумно раздѣвалась у сосѣдней кровати. Собираясь погасить свѣчу, Ларисова еще разъ любовно взглянула на дочь: у той дрогнули вѣки.

— Леля? Ты не спишь?—удивилась Ирина Юрьевна.

— Нѣтъ...

— Какое у тебя страдальческое лицо! И морщина между бровей... Глубокая... Какъ будто ты очень больна. О чемъ ты думала?

Елена Михайловна приподнялась на локтѣ. Мать полулежала на своей постели, еще неукрытая, но уже раздѣтая, въ шелковой блекло-розовой рубашкѣ съ желтоватыми кружевами.

— О чемъ я думала? я думала... Какое зло—красота?

— Вотъ, вотъ... самое подходящее время. Красота, истина,

добро, справедливость... И изъ-за этого не спать? А ты поменьше мудри, такъ и морщинъ будетъ меньше.

— Скажи мнѣ,—тихо спросила Елена Михайловна,—тебѣ никогда... не бываетъ страшно?

— Отчего страшно?—изумленно повторила Ларисова.

— Ну, оттого, что ты... живешь?

— Что же тутъ страшнаго? Всѣ живутъ. И чего бояться? Загробной жизни? Не вѣрю, тамъ ничего не будетъ. А людей бояться?.. не стоитъ. Ихъ купить можно: не тѣмъ, то другимъ, но купишь. Я только за тебя и боюсь... Ничего больше! Раньше еще боялась старости... Страшно боялась! Но теперь—ничуть: моя воля сильнѣе. Хочу быть молодой, красивой, и видишь? Развѣ мнѣ кто дастъ сорокъ... сорокъ... ну, все равно, сколько тамъ еще лѣтъ? Никто не дастъ, ты сейчасъ старше меня кажешься. Пишутъ: наука спасетъ отъ старости... соединительная ткань, говорятъ... половину внутренностей надо вырѣзать... Я же и безъ науки не боюсь ихней ткани. Не хочу ея! не позволю... и пока при мнѣ моя сила воли, останусь молодой!

Елена Михайловна опять закрыла глаза, крѣпко стиснувъ зубы. Ларисова потянулась къ столику и дунула на свѣчку.

— Спи, рыбка; покойной ночи.

X.

Проводивъ мать, Елена Михайловна вернулась съ вокзала домой.

Струцель вошла къ ней, когда она еще не успѣла снять ротонду, и перепугалась:

— Дѣточка, что случилось? Не блѣдная, а синяя! Гдѣ вы были? Я и ночь не спала, все слушаю, слушаю: нѣтъ не идетъ. Утромъ, чуть свѣтъ, зову Якова: нѣту? Нѣтъ,—говоритъ,—и ключъ виситъ на гвоздикѣ.

Елена Михайловна молчала. Она сняла шляпу и ротонду. Волосы у нея были не причесаны, плечи согнулись, какъ отъ тяжести, положенной на спину. Струцель предположила, что она не хочетъ отвѣчать, и тоже замолчала, сердясь и на нее за ея скрытность и таинственность, и на себя за неумѣстную прямоту своихъ вопросовъ. А Елена Михайловна почти и не слыхала ея вопросовъ.

— Ну, я буду кофеемъ васъ поить?—вздохнула Агнесса Яковлевна, помолчавъ.

Елена Михайловна сѣла на диванъ и съ усиліемъ напомнила Струцель:

— Вамъ... на репетицію?

— Свободна сегодня... Сварю кофей, а вы хоть умойтесь... Да, дѣтка! о главномъ то и забыла... рецензія есть! Про „Дикарку"... Хвалятъ васъ. Я еще вчера заказала Якову купить всѣ газеты: вездѣ хорошій отзывъ, а въ „Южной Звѣздѣ"—чудесно. Это важно, что въ „Звѣздѣ": тамъ вѣдь не кто нибудь пишетъ... Кириллъ Алексѣевскій, Матвѣя Матвѣича пріятель. Очень хвалитъ... Показать?

Елена Михайловна глядѣла съ полной безучастностью и опять молчала. Это уже было болѣе, чѣмъ непонятно.

— Голубка моя: вы больны? Что такое? Не слышитъ ничего.

— Я слышу: рецензія... хвалятъ!—протянула Елена Михайловна, съ трудомъ произнося слова.

— Умывайтесь же поскорѣе... И читайте.

Агнесса Яковлевна исчезла варить кофе.

На дворѣ шелъ первый зимній снѣгъ; отъ бѣлыхъ хлопьевъ, нависшихъ на деревьяхъ, въ комнатѣ былъ особый отраженный свѣтъ: матовый и пріятный для глазъ. Елена Михайловна налила въ чашку воды изъ кувшина, плеснула нѣсколько разъ себѣ въ лицо водою, вытерлась полотенцемъ и, пригладивъ гребнемъ волосы, поправила прическу. Въ головѣ у нея шумѣло, какъ отъ непрерывныхъ ударовъ крошечными молотками. Давно-знакомый, надоѣдливый „клубочекъ" непобѣдимо и мучительно сжималъ горло. Хотѣлось одного: покоя. Но покоя не было: Струцель принесла на подносѣ два стакана кофе, корзинку съ сухарями и нѣсколько наскоро свернутыхъ газетъ.

— Пейте.

Елена Михайловна послушно сѣла къ столу, размѣшала сахаръ въ стаканѣ, а пить не начинала.

— Я вамъ прочту. Прежде изъ „Южной Звѣзды" прочтемъ.

Агнесса Яковлевна развернула газету:

„Вчера въ драматическомъ театрѣ Матвѣя Матвѣевича Садовникова состоялся какъ бы дебютъ молодой, начинающей артистки, г-жи Ивановой. Дебютантка выступила въ роли Вари въ „Дикаркѣ" Островскаго и Соловьева. Эта старая пьеса, не смотря на нѣкоторую"... Ну, дальше неинтересно... тутъ о пьесѣ... Потомъ объ Ашметьевѣ... А вотъ: — „Передъ нами былъ дѣйствительно ребенокъ съ дѣтской свѣжестью души, съ большими, глубокими глазами, съ звучнымъ, юнымъ голосомъ. Отъ этой Вари вѣяло весною жизни и это было поэтично, красиво. Правда, г-жа Иванова имѣла своимъ партнеромъ такого артиста, какъ М. М. Садовниковъ, который съ удивительнымъ искусствомъ примѣнялся къ ея, иногда

колеблющемуся тону, сглаживалъ ея невольные промахи и все время, какъ искусный кормчій, направлялъ ея молодое дарованіе въ сторону истиннаго пути, заботливо предохраняя отъ подводныхъ камней! Исполненіе дебютантки было несовсѣмъ ровное, что объясняется, конечно, ея сценической неопытностью; кое-гдѣ были ненужныя, нарушающія настроеніе рѣзкія подчеркиванья. Но въ общемъ у г-жи Ивановой есть большія и несомнѣнныя данныя для ролей ingenue. У нея превосходная мимика, захватывающая зрителя искренность, простота и непринужденность тона. Одно изъ двухъ: или я очень ошибаюсь, или же въ лицѣ г-жи Ивановой мы имѣемъ дѣло съ серьезной, полной свѣжихъ силъ молодой артисткой, которая покажетъ себя въ самомъ недалекомъ будущемъ, если дирекція театра поставитъ ее на надлежащее мѣсто. Поживемъ, увидимъ. А пока—въ добрый часъ начало. Кириллъ Алексѣевскій". Что, дуся? какъ вамъ нравится? Видите, какая вы удачливая: сразу васъ признали!

Но Елена Михайловна, вмѣсто отвѣта, низко наклонила голову надъ столомъ и, не выдержавъ дальше, истерически заплакала. Струцель бросилась къ ней, хотѣла оказать помощь и остановилась: пусть выплачется. Елена Михайловна плакала долго... Когда рыданья стали затихать, взволнованная Струцель заговорила:

— Ну, ну,—ничего, это ничего. Пройдетъ... Какъ не стыдно? Артистка... сдѣлала такое хорошее начало... вонъ, какъ ее хвалятъ, а она—въ слезы!

— Какая я артистка? — вдругъ возразила Иванова, поднимая голову отъ стола.—Онъ ошибается... Не артистка я, и не буду артисткой... Оттого, что я такая же, какъ она! И я ни во что не вѣрю, какъ она... а если повѣрю, то во мнѣ все непрочное, хрупкое... и все легко разбить. У нея прогнившая душа... и у меня тоже. Во мнѣ сидитъ частица ея, все отъ нея... Какъ она меня мучила всю ночь!

Струцель ничего не понимала.

— Кто „она"?

— Мама! Ир...

— Гдѣ же она?

— Уже нѣтъ... уѣхала.

— Гдѣ же вы были съ нею?

— Въ Грандъ-Отелѣ.

— Какъ же: мама? — всетаки въ недоумѣніи произнесла Струцель. — Яковъ сказалъ: барышня, молодая? И сосѣдка, Филоненкова, видѣла... говоритъ: красавица, одѣта, какъ королева.

— Да, моя мать и есть королева,—горько отвѣтила Елена

Михайловна, — только королева русскихъ шансонетокъ: Ира Ларисова.

— Но я же знаю ее!—съ хрипотой крикнула пораженная Струцель,—знала ее въ Одессѣ... А Матвѣй Матвѣичъ? Онъ знаетъ, что вы ея дочка?

— Знаетъ...

Елена Михайловна заплакала снова.

. . . .

Онѣ проговорили съ Струцель вплоть до вечера. На этотъ разъ Струцель молчала, а говорила Елена Михайловна: она разсказывала о дѣтствѣ, отравленномъ пошлой накипью жизни, о раннихъ и скрытыхъ отъ всѣхъ дѣтскихъ слезахъ, о своемъ отвращеніи къ жизни, о привязанности къ матери и въ тоже время о презрѣніи къ ней. Струцель слушала и утѣшала, какъ ребенка. Передъ вечеромъ Елена Михайловна пожаловалась:

— Что-то у меня горло болитъ, глотать больно... и все мнѣ то холодно, то ужасно жарко.

— Должно быть, нервное, дуся,—предположила Агнесса Яковлевна.

Иванова помолчала.

Глаза у нея лихорадочно блестѣли, щеки разгорѣлись, губы пересохли и не закрывались, какъ будто ей было трудно дышать. Она о чемъ-то думала и, наконецъ, спросила:

— Агнесса Яковлевна... вы знаете, для чего искусство?

— Что такое?—не поняла Струцель.

— Къ чему искусство? Для чего оно? Напримѣръ, вы... какъ вы любите сцену! я бы, вѣрно, не могла такъ. Что она вамъ дала? нужду, одинокую старость... а вы любите, и это хорошо. Но неужели у васъ не было мысли... вы никогда не думали: искусство,—а для чего искусство? Вы знаете, для чего?

— Развѣ нельзя любить, не зная? — отвѣтила вопросомъ Струцель.

— А я хочу знать... Иначе и любить не буду.

— Вона! для чего искусство?—повторила Струцель, — голубка моя... да для чего жизнь наша, — и то неизвѣстно, а ей скажи: для чего искусство! Когда оно —одинъ маленькій кусочекъ жизни...

Отвѣтъ не удовлетворилъ Елену Михайловну.

— Ну-да! Конечно...—заплетающимся языкомъ выговорила она:—никто не знаетъ... И Жиденевъ не знаетъ. Никто, никто... У всѣхъ закрыты глаза, и всѣ одинаковые... Все одинаково! вездѣ грязь... И паутина... паутина...

— У васъ жаръ, голубка? И большой жаръ!—испугалась Струцель.

Она принесла термометръ: жаръ оказался, дѣйствительно, большой, до сорока градусовъ. Струцель послала за театральнымъ докторомъ, Шварцемъ. Это былъ старый, обрусѣвшій нѣмецъ, спеціалистъ, главнымъ образомъ, по женскимъ болѣзнямъ, но лѣчившій театральную братію отъ всѣхъ недуговъ.

Шварцъ пріѣхалъ, опредѣлилъ горловую ангину и отправилъ Якова въ аптеку за прижиганьемъ. Агнесса Яковлевна попробовала было возразить доктору:

— Ангина ли это, Эразмъ Августиновичъ? Не нервное ли что? у нея непріятности... Можетъ, горячка?

— И, матушка! Нервная горячка только въ мелодрамахъ бываетъ... И то—въ старинныхъ, а это—простудное: налеты у нея—самые настоящіе... Неопытный врачъ впопыхахъ за дифтеритъ приметъ, а я вижу, что ангина. Ужъ вы не спорьте.

Послѣ прижиганья Струцель провожала доктора по корридору.

— Будете сегодня въ театрѣ, Эразмъ Августиновичъ?

— Заѣду, можетъ быть.

— Ну, то передайте Матвѣю Матвѣичу, что завтра я не приду на репетицію. Скажите: Иванова больна, нельзя оставить... Къ ней мать пріѣзжала, такъ она простудилась. Матвѣю Матвѣичу скажите, а не Жиденеву. Не забудете? Мать, скажите, къ Ивановой пріѣзжала.

— Можно и Матвѣю Матвѣевичу... Скажу.

Елена Михайловна проболѣла нѣсколько дней и начала поправляться. Ее аккуратно навѣщалъ Никифоръ Пантелеймоновичъ; понавѣдался узнать о здоровьи и Ландсбергъ, но Еленѣ Михайловнѣ трудно было говорить съ нимъ, потому что она была безъ голоса.

Струцель вернулась съ репетиціи и сообщила:

— Матвѣй Матвѣичъ опять о васъ спрашивалъ... А Жиденевъ...

— И Жиденевъ спрашивалъ? — быстро шепнула еще охрипшая Иванова.

— И Жиденевъ тоже, — приврала Струцель за свой собственный рискъ.—А потомъ еще сказалъ, чтобы я не пропускала репетицій.

Это уже была истинная правда.

Передъ вечеромъ въ номера пани Гоштовтъ нежданнонегаданно зашелъ Матвѣй Матвѣевичъ.

— А? вы уже встаете?—сказалъ онъ Еленѣ Михайловнѣ, увидя ее на ногахъ, — ну, то-то! У насъ вѣдь не полагается болѣть актрисѣ во время сезона. Здравствуйте... Это вотъ вамъ для утоленія жажды персики. Помните, вы любили? Или, можетъ, разлюбили теперь?

— О, нѣтъ... люблю по прежнему... Какъ я благодарна вамъ! — прошептала Иванова, тронутая до слезъ его вниманіемъ.

Матвѣй Матвѣевичъ посидѣлъ довольно долго. Онъ много шутилъ, разсказывалъ Агнессѣ Яковлевнѣ эпизоды изъ временъ дѣтства Елены Михайловны, вспоминалъ театральные анекдоты. Заговорили о текущемъ сезонѣ, о „Дикаркѣ“ и о рецензіи въ „Южной Звѣздѣ“.

Агнесса Яковлевна замѣтила:

— А она тутъ въ жару все приставала ко мнѣ: скажи ей да скажи, для чего искусство? Къ чему, говоритъ, оно?

— И что же вы, милая Агнесса Яковлевна, не рѣшили къ чему? Сказали: не знаю?

— А вы знаете?—тревожно спросила Елена Михайловна, заглядывая въ глаза Садовникову.

— Знаю.

Елена Михайловна продолжала пытливо смотрѣть и не могла разобрать: дѣйствительно ли Матвѣй Матвѣевичъ твердо увѣренъ въ своемъ знаніи, или же онъ хочетъ лишь увѣрить въ этомъ ее, начинающую Иванову.

— Знаю! — подтвердилъ еще разъ Садовниковъ, — но... Есть много вещей, которыя чувствуются вполнѣ опредѣленно, а начнешь говорить, и выходитъ не то... Высокопарно выйдетъ, холодно...

— Ничего, Матвѣй Матвѣичъ... пусть выходитъ высокопарно. Скажите! — попросила Иванова.

— Къ чему ведетъ искусство? Къ идеаламъ жизни, Елена Михайловна.

— А вѣдь я это понимала! — всполошилась Струцель. — Ей Богу, понимала, только не умѣла выразить.

— И то хорошо, Агнесса Яковлевна, что понимали. Понимать важнѣе, чѣмъ говорить... — одобрилъ Матвѣй Матвѣевичъ и докончилъ свою мысль. — Искусство... оно будитъ, не даетъ уснуть... мѣшаетъ дремать за жвачкой. Кто самъ бодрствуетъ, для того оно не такъ важно. Можно и безъ него обойтись. Но для дремлющихъ... въ искусствѣ многое... А проснулся человѣкъ, ему и самому видно, что дѣлать дальше. Или же хоть и не видно, но онъ уже не спитъ, разбуженъ. Онъ больше не животное, а царь земли съ своимъ могучимъ разумомъ. И кто рожденъ художникомъ въ какой бы то ни было области, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ искусства. Это—призваніе... Служишь ему даже помимо воли. Или вамъ непонятно это?

— Нѣтъ, я, кажется, понимаю... — какъ бы высчитывая что-то, сказала Елена Михайловна, между тѣмъ, какъ глаза ея смотрѣли въ пространство не мигающимъ взглядомъ че-

ловѣка, сосредоточившагося на одномъ вопросѣ. Ее смущала мысль: а что, если Матвѣй Матвѣевичъ говоритъ потому, что это надо сказать? Что, если и онъ не имѣетъ такой увѣренности, какую хотѣлъ бы имѣть?

Матвѣй Матвѣевичъ закончилъ шуткой:

— Многіе разсуждаютъ такъ: скотные хлѣва важнѣе звѣздъ. Въ хлѣву скотина защищена отъ стужи, а звѣзды... къ чему онѣ? И свѣта отъ нихъ немного, и высоко очень... Такъ, для красы больше. Ну, и что же? Всякому свое. Кому—хлѣвъ, кому—звѣзды. Сторонника хлѣва трудно убѣдить, что и въ звѣздахъ есть много смысла. А я и убѣждать не сталъ бы... Самъ Господь-Богъ сказалъ: не мечите бисеру...

Струцель разсмѣялась, улыбнулась и Елена Михайловна, но однѣми лишь губами: глаза ея еще не улыбались, въ нихъ отражалось напряженное раздумье, какъ будто Иванова рѣшала какую-то не дающуюся ей задачу.

Прощаясь, Матвѣй Матвѣевичъ спросилъ у нея:

— Значитъ, мы съ вами еще послужимъ искусству?

— Попробуемъ,—не колеблясь, согласилась она.

— Подождите, Елена Михайловна... Поправляйтесь скорѣе: Тимофѣй Ильичъ еще намъ съ вами кое-что дать хочетъ. Ужъ коли на то пошло, мы въ одинъ сезонъ завоюемъ публику! Надо же и намъ, въ самомъ дѣлѣ; не все же другимъ...

— Видите, дуся, — торжествующее заговорила Агнесса Яковлевна, когда ушелъ Садовниковъ. — Говорю же вамъ что вы удачливая? А все плачется! Гдѣ, въ какой труппѣ, это видано, чтобы антрепенеръ съ маленькой актрисой, какъ съ родной дочкой, возился? И кто антрепенеръ? Матвѣй Матвѣичъ!

Елена Михайловна усмѣхнулась; теперь у нея улыбались не однѣ губы, но и глаза.

Въ эту ночь, успокоенная, Иванова спала крѣпкимъ, бодрящимъ сномъ, и снились ей далекія звѣзды, незыблемо мерцающія надъ паутиной земли.

О. Н. Ольнемъ.

Радіоактивность и радій.

Прежде чѣмъ говорить о радіи, необходимо сказать нѣсколько словъ о предшествовавшихъ открытіяхъ, давшихъ толчекъ изслѣдованіямъ супруговъ Кюри, Дебьерна, Рутефорда, Гизеля и др.

Какъ только стали извѣстны лучи Рентгена, начали дѣлать попытки получить ихъ безъ помощи электрическаго разряда, непосредственно отъ фосфоресцирующаго тѣла. Невенгловскій и Беккерель, независимо другъ отъ друга, произвели рядъ опытовъ надъ тѣлами, которыя продолжаютъ свѣтиться въ темнотѣ послѣ предварительнаго освѣщенія (фосфоресцируютъ). 17-го февраля 1896-го года Невенгловскій доложилъ Французской Академіи Наукъ, что сѣрнистый кальцій,подвер гнутый дѣйствію солнечнаго свѣта, испускаетъ лучи, проходящіе черезъ черную бумагу и дѣйствующіе на фотографическую пластинку *). 24-го февраля того же года Беккерель сообщилъ Академіи Наукъ о результатахъ своихъ опытовъ: **) на фотографическую пластинку, завернутую въ двойной слой черной бумаги, онъ клалъ мѣдную или аллюминіевую тонкую дощечку, а на нее—кристаллы сѣрнокислаго уранила-калія и выставлялъ на одинъ день на солнце. По проявленіи, на пластинкѣ оказывалось черное пятно. Первоначально Беккерель приписалъ это явленіе фосфоресценціи урановой соли подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, но уже черезъ недѣлю, послѣ цѣлаго ряда опытовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что урановая соль испускаетъ лучи и въ темнотѣ, совершенно независимо отъ вліянія свѣта и фосфоресценціи. Беккерель, изслѣдуя открытые имъ лучи, которые носятъ теперь его имя, опредѣлилъ слѣдующія ихъ основныя свойства: способность дѣйствовать на фотографическую пластинку, проходить сквозь тѣла, непроницаемыя для свѣта, и дѣлать окружающіе газы проводниками электричества ***).

---

*) Comptes Rendushebdomadaires de l'Académie des sciences 1896, tome 122, p. 420.

**) Comtes Rendus 1896, tome 122, p. 501.

***) Comptes Rendus, tome 122, page. 559. (1896).

Всѣ соли урана, оказалось, испускаютъ лучи Беккереля, т. е. обладаютъ „радіоактивностью“, какъ предложили назвать это свойство супруги Кюри.

Въ 1898 году одновременно, но независимо другъ отъ друга, г-номъ Шмидтомъ *) и г-жей Складовской-Кюри **) была обнаружена радіоактивность торія.

Г-жа Кюри, работая въ Городской Парижской Лабораторіи прикладныхъ физики и химіи, изслѣдовала соединенія всѣхъ доступныхъ металловъ и металлоидовъ и многихъ рѣдкихъ, и нашла, что только соли урана и торія радіоактивны. Опыты г-жи Кюри давали такіе интересные результаты, что мужъ ея, отложивъ свои личныя работы, присоединился къ ней, и они продолжали вдвоемъ испытывать радіоактивность различныхъ тѣлъ. Они съ удивленіемъ замѣтили, что урановая смоляная руда и халколитъ (двойная фосфорная соль мѣди и урана) по своей радіоактивности во много разъ превосходитъ уранъ. Это заставило ихъ предположить, что въ упомянутыхъ веществахъ долженъ находиться какой-то новый сильно радіоактивный элементъ. Чтобы провѣрить это предположеніе, Дебре приготовилъ искусственный халколитъ, соединивъ въ требуемыхъ пропорціяхъ всѣ его извѣстныя составныя части; искусственный халколитъ оказался менѣе активнымъ, чѣмъ природный,—поэтому не оставалось больше сомнѣнія въ присутствіи новаго элемента. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ супругамъ Кюри удалось осадить изъ урановой смоляной руды,—правда, въ весьма маломъ количествѣ,—новое тѣло, по своей радіоактивности въ 400 разъ превосходящее уранъ. Въ докладѣ Академіи Наукъ 18-го іюля 1898-го года супруги Кюри предложили назвать его „*полоніемъ*“, производя это названіе отъ названія родины г-жи Кюри (Польша—Pologne). Однако, существованіе полонія, по своимъ свойствамъ и химическимъ реакціямъ весьма близкаго къ висмуту, подверглось сомнѣнію. Демарсэ, занимавшійся спеціально спектральнымъ анализомъ, не нашелъ въ спектрѣ его ни одной новой линіи, и это заставило предположить, что полоній ничто иное, какъ радіоактивный висмутъ. Только въ 1901 году Берндтъ, изслѣдуя спектръ азотно-висмутовой соли, нашелъ 15 новыхъ линій, которыя, вѣроятно, принадлежатъ полонію (Chemic. News. 83, 77). Любопытно отмѣтить, что препараты полонія, служившіе для опытовъ въ 1900 году, въ 1903 г. совершенно потеряли свою активность. Полоній, добытый позже, тоже въ настоящее время значительно ослабѣлъ ***).

Между тѣмъ, супруги Кюри въ сотрудничествѣ съ Бэмономъ

---

*) Wied. Annal. 1898. 65. 141.

**) Comptes Rendus 1898. 126. 1101.

***) Comptes Rendus. 1903. 136, 202.

продолжали свои изысканія. Работа предстояла сложная и трудная: единственнымъ руководящимъ началомъ была радіоактивность предполагаемаго вещества, такъ какъ другія его свойства еще оставались совершенно неизвѣстны. Ими былъ принятъ такой способъ изслѣдованія: опредѣливъ первоначальную радіоактивность урановой смоляной руды, они разлагали ее химически, измѣряли радіоактивность всѣхъ полученныхъ составныхъ частей, повторяя этотъ пріемъ послѣ каждой реакціи. Главная трудность состояла въ томъ, что урановая смоляная руда содержитъ въ себѣ въ значительномъ количествѣ почти всѣ извѣстные металлы, почему химическіе процессы длинны и сложны. 26-го декабря 1898-го года въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ Беккерель доложилъ сообщеніе супруговъ Кюри, что они, въ сотрудничествѣ съ Бэмономъ открыли новый элементъ, въ 900 разъ превосходящій уранъ по своей радіоактивности. Получили они его въ видѣ сѣрнокислой соли, составлявшей весьма малую примѣсь къ сѣрнокислому барію. Въ подтвержденіе того, что въ полученной соли имѣется, кромѣ барія, новое вещество, супруги Кюри приводили слѣдующіе доводы: 1) барій и его соединенія не радіоактивны, тогда какъ радіоактивность является характернымъ свойствомъ даннаго элемента и, повидимому, принадлежитъ его атомамъ, такъ какъ не исчезаетъ ни при какихъ физическихъ и химическихъ видоизмѣненіяхъ данной соли. 2) Демарсэ обнаружилъ въ его спектрѣ новую линію, не принадлежащую ни одному изъ извѣстныхъ элементовъ. Въ заключеніе авторы предложили дать вновь открытому веществу названіе „*радій*“ *). Нѣсколько позже французскихъ ученыхъ, но независимо отъ нихъ, Гизель приготовилъ тоже изъ урановой руды сѣрнокислый барій, содержащій въ себѣ радій **).

Въ 1900 году къ двумъ упомянутымъ элементамъ присоединился третій, открытый Дебьерномъ, названный имъ *актиніемъ* и родственный торію.

Въ ноябрѣ 1900-го и январѣ 1901 Гофманнъ и Штраусъ опубликовали ***) результаты своихъ изслѣдованій урановой смоляной руды и нѣкоторыхъ другихъ минераловъ. Имъ удалось выдѣлить новое активное вещество—соединеніе свинца, не заключавшее въ себѣ, по увѣренію авторовъ, ни одного изъ извѣстныхъ радіоактивныхъ элементовъ. Вещество это они назвали радіосвинцомъ. Однако, во второй своей работѣ они приписываютъ радіоактивность свинца уже присутствію какого-то новаго, еще не выдѣленнаго элемента, близкаго по свойствамъ къ рутенію. Почти одновременно Гизелю удалось извлечь изъ той же руды

*) Comptes Rendus. 1898. 127. 1215.
**) Wied. Annal. 69. 91.
***) Berl. deutsch. Chem. Ges. 33. 34.

3 миллиграмма новаго радіоактивнаго вещества, близкаго по свойствамъ къ свинцу, но отличнаго отъ радіосвинца Гофманна и Штрауса. Радіоактивность урана и торія подвергалась одно время сильному сомнѣнію. Гизель, Круксъ и Беккерель выдѣлили изъ урана небольшое количество сильно дѣйствующаго вещества, которое они назвали *Ur X*, и въ остаткѣ получили *недѣятельный* уранъ.

Но такъ какъ всѣ соли урана, не смотря на ихъ разнообразіе, радіоактивны, то Бекерелль сталъ сомнѣваться въ возможности недѣятельности урана. Онъ возобновилъ свои изслѣдованія и нашелъ что уранъ, лишенный Ur X, постепенно пріобрѣтаетъ прежнюю силу и вновь начинаетъ оказывать дѣйствіе на фотографическую пластинку и электроскопъ; между тѣмъ, радіоактивность Ur X также постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ *). Радіоактивность торія весьма обстоятельно изучили англійскіе ученые Рутефордъ и Содди **). Имъ удалось выдѣлить изъ окиси торія весьма дѣятельное вещество *RhX* въ 1800 разъ дѣятельнѣе самой окиси (изъ 290 граммъ окиси получили 0,0064 гр. *RhX*). Наблюденіе обнаружило, что радіоактивность RhX быстро ослабѣвала: черезъ 15 дней она уменьшилась до 15% своей первоначальной силы. Въ то же время окись торія пріобрѣтала утраченную энергію, и черезъ мѣсяцъ изъ нея опять можно было получить новую порцію RhX.

Такимъ образомъ, радіоактивность урана и торія можно считать доказанной и состоящей изъ двухъ параллельно идущихъ процессовъ: 1) непрерывнаго образованія дѣятельныхъ веществъ UrX и RhX и 2) непрерывной потери активности этихъ веществъ.

Въ 1901 году появилось въ Americ. Chem. Soc. сообщеніе Баскервиля о новомъ радіоактивномъ элементѣ—*каролиніи*, выдѣленномъ изъ торія и составляющемъ, по мнѣнію автора, активную силу этого послѣдняго. Однако этотъ элементъ настолько мало изслѣдованъ, что существованіе его нельзя считать доказаннымъ.

Вопросъ о радіоактивности радія одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ современной науки. Существованіе радія химически доказано и не подлежитъ сомнѣнію. Изученіе же его физическихъ свойствъ въ самомъ разгарѣ,—кое что изслѣдовано и разработано, многое носитъ характеръ смѣлыхъ гипотезъ. Во всякомъ случаѣ надо удивляться, сколько сдѣлано въ такой короткій промежутокъ времени. Судя по энергіи, проявляемой въ ученомъ мірѣ, можно безъ преувеличенія сказать, что каждый мѣсяцъ свѣ-

---

*) Comptes rendus 1900. 133. 977.

**) Работа ихъ напечатана въ Philos. Mag. 1902. 4.

дѣнія наши по этому вопросу измѣняются и пополняются. Трудно предвидѣть тѣ окончательные выводы, къ которымъ приведетъ открытіе радія съ его загадочными свойствами, часто совершенно не совпадающими съ общепринятыми положеніями современной науки. Намъ остается только изложить все то, что въ настоящее время считается несомнѣннымъ.

Радій извѣстенъ лишь въ видѣ солей,—хлористый и бромистый радій; въ первыхъ препаратахъ замѣчалось сильное присутствіе барія, затѣмъ удалось свести его количество до minimum'а. Въ августѣ 1900 года г-жи Кюри получила въ первый разъ наиболѣе чистый радій въ количествѣ 4 дециграммовъ. Урановая смоляная руда, изъ которой получается радій, добывается въ Богеміи, въ Іоахимсталѣ и служитъ для выдѣленія урана. По извлеченіи урана остатокъ отбрасывался, тогда какъ въ немъ именно и заключаются всѣ радіоактивныя вещества. Въ настоящее время первоначальная обработка производится фабричнымъ путемъ. Для лабораторіи Кюри фабрика Центральнаго общества химическихъ продуктовъ въ Парижѣ взялась исполнить эту работу безвозмездно подъ руководствомъ Дебьерна. Австрійское правительство, по предложенію профессора Суэсса (Suess), выслало супругамъ Кюри первую тонну (1000 килограммовъ) обработанной руды. Кромѣ того, Парижская академія наукъ, Общество поощренія національной промышленности, частное лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, оказали матеріальную помощь для облегченія изслѣдованій. Недавно Institut de France выдалъ супругамъ Кюри 20.000 франковъ для полученія радіоактивныхъ веществъ. Благодаря этой суммѣ, пять тоннъ руды подвергаются обработкѣ, которая въ настоящее время еще не закончена. Послѣ фабричной обработки приступаютъ къ лабораторному очищенію и разложенію руды, такъ что окончательно изъ одной тонны можно получить всего 1 граммъ активнаго вещества. Чистый радій осаждается въ видѣ очень мелкихъ безцвѣтныхъ игольчатыхъ кристалловъ, которые отъ присутствія барія скоро желтѣютъ, становятся оранжевыми, а иногда принимаютъ красивый розовый цвѣтъ.

Чѣмъ чище препаратъ радія, тѣмъ дольше остается онъ безцвѣтнымъ. Если растворить потемнѣвшій радій и вновь осадить его, то онъ принимаетъ первоначальный видъ. Всѣ соли радія свѣтятся голубоватымъ свѣтомъ, незамѣтнымъ при дневномъ освѣщеніи, но ясно выдимымъ въ полусвѣтѣ или въ комнатѣ, освѣщенной газомъ. Свѣченіе можетъ быть настолько сильно, что, приблизивъ радій, напримѣръ, къ книгѣ, можно читать въ темнотѣ. Свѣтъ этотъ исходитъ изо всей массы радія. Въ сыромъ воздухѣ свѣченіе ослабѣваетъ, но возстановляется въ прежней силѣ, какъ только радій высохнетъ. Въ бромистомъ радіи фосфоресценція отъ выдѣленія брома темнѣетъ, въ хлористомъ радіи

она постепенно принимаетъ фіолетовый оттѣнокъ, но никогда совершенно не исчезаетъ *).

Радій, долго сохранявшійся въ закрытой склянкѣ, издаетъ ясный запахъ озона.

Въ настоящее время радій можно получать въ Ганноверѣ съ фабрики Листа и отъ фирмы де-Гаэна и въ Брауншвейгѣ отъ Бюхлера (Büchler, Chininfabrik, Braunchweig). 1 миллиграммъ радія стоитъ 8 германскихъ марокъ, что на наши деньги составитъ для 1-го фунта стоимость въ $1^1/_2$ милліона рублей.

Радій признанъ элементомъ двухъатомнымъ; атомный вѣсъ его, по опредѣленію г-жи Кюри, равняется 225, такъ что въ періодической системѣ Менделѣева его должно помѣстить подъ баріемъ въ ряду торія и урана.

Спектръ радія, по изслѣдованіямъ Демарсэ и Гизеля, окрашиваетъ пламя бунзеновской горѣлки въ карминово-красный цвѣтъ и даетъ яркій спектръ съ двумя интенсивными полосами въ красно-желтой части спектра, яркой линіей въ голубой и двумя менѣе рѣзкими въ фіолетовой **).

Активность радія не измѣняется съ теченіемъ времени: препараты, наблюдаемые г-жей Кюри, въ продолженіи четырехъ лѣтъ не потеряли своей силы и не уменьшились въ вѣсѣ. Активность радія не зависитъ отъ температуры: г-нъ Кюри погружалъ трубку съ бромистымъ радіемъ въ жидкій воздухѣ (— 190°) и его радіоактивность не измѣнялась ***).

Радіоактивность не исчезаетъ и при очень высокой температурѣ: только что расплавленный при 800° хлористый радій активенъ. Однако продолжительное нагрѣванье до очень высокой темпераутры ослабляетъ иногда на три четверти дѣятельность радія, хотя черезъ нѣкоторое время она возстановляется ****). Въ растворѣ радій менѣе активенъ; выкристаллизованный, онъ начинаетъ повышаться въ силѣ, пока не дойдетъ до нѣкотораго максимальнаго предѣла, который и сохраняетъ неопредѣленно долго. Чѣмъ дольше онъ былъ въ растворѣ, тѣмъ медленнѣе наростаніе силы.

Лучи, непрерывно испускаемые радіемъ, какъ въ воздухѣ, такъ и въ пустотѣ, невидимы для глаза. Они распространяются прямолинейно, не преломляются и не поляризуются *****). Беккерель считалъ ихъ неотражаемыми, однако въ 1901 году Томассина цѣлымъ рядомъ опытовъ удалось доказать, что, по крайней мѣрѣ, часть лучей способна отражаться ******). Подъ вліяніемъ этихъ

*) Annales de physique et de chimie, Septembre 1903.
**) Annales de physique et de chimie, Septembre. 1903.
***) Congrès international de physique 1900. t. III, 97.
****) Congrès de physique, tome III.
*****) Comptes Rendus 1898, 128, 771. Кромѣ того, тоже доказали Шмидтъ и Рутерфордъ.
******) Comptes Rendus 1901, 133, 1299.

лучей нѣкоторыя тѣла начинаютъ издавать свѣтъ—фосфоресцировать. Впервые замѣчено это было супругами Кюри: тонкая пластинка аллюминія, покрытая слоемъ платино-синородистаго барія, начинала свѣтиться при приближеніи радія. Если препаратъ достаточно силенъ, то фосфоресценція очень красива и сохраняется нѣсколько времени по удаленіи радія. Супруги Кюри наблюдали дѣйствіе радія на экранъ даже сквозь человѣческое тѣло, хотя, конечно, въ значительно ослабленной степени. Стекло, бумага, алмазъ, рубинъ, сѣрнистый кальцій, нѣкоторые образцы извѣстковаго и плавиковаго шпата свѣтятся подъ вліяніемъ радія. Яркое свѣченіе алмаза имѣетъ практическое значеніе, давая возможность легко отличить настоящіе брилліанты отъ поддѣльныхъ. По наблюденіямъ Гизеля *) свѣтятся не только твердыя тѣла, но и жидкія, напримѣръ, вода, керосинъ, при чемъ свѣтится лишь тонкій поверхностный слой жидкости.

Какъ мы упоминали выше, одно изъ отличительныхъ свойствъ радіаціи—способность проникать сквозь тѣла, не пропускающія свѣта. На этомъ основана *„радіографія“*, т. е. полученіе снимковъ, подобныхъ снимкамъ, сдѣланнымъ рентгеновскими лучами. Если взять нѣсколько сантиграммовъ радія, то быстрота полученія снимка зависитъ отъ степени приближенности къ фотографической пластинкѣ: разстояніе въ 1 метръ требуетъ 12-ти часовой экспозиціи; для 20-ти сантиметровъ достаточно часа; при непосредственной близости дѣйствіе моментальное.

Изучая это свойство, замѣтили, что не всѣ лучи съ одинаковой легкостью проходятъ сквозь тѣла: что часть ихъ задерживается или поглощается. Это вызвало предположеніе, что лучи Беккереля не однородны и что радіація есть явленіе сложное. Ту же гипотезу высказалъ и Гизель на основаніи своихъ опытовъ надъ отклоняемостью лучей подъ вліяніемъ электро-магнитнаго поля. Дѣйствительно, вскорѣ опыты Кюри, Гизеля, Рутерфорда и Беккереля подтвердили это предположеніе**). Рутерфордъ подраздѣляетъ эти лучи на три рода, и мы сохранимъ принятое имъ наименованіе,—лучи α, β, γ.

α—лучи составляютъ бо́льшую часть радіаціи; они состоятъ изъ частичекъ, значительно крупнѣе частицъ β—лучей, заряжены положительнымъ электричествомъ ***) и выбрасываются радіоактивнымъ тѣломъ съ большой скоростью; они сильно поглощаются тѣлами, при чемъ поглощаемость ихъ пропорціональна плотности тѣлъ. Долго ихъ считали неотклоняемыми электро-магнитнымъ полемъ, но въ послѣднее время Рутерфорду удалось ихъ отклонить, хотя весьма слабо, при дѣйствіи очень сильнаго электро-

*) Annales de physique et de chimie 1903. Octobre.
**) Comptes Rendus. 1900. 131. 73.
***) Comptes Rendus. 136, 1521.

магнита и въ сторону обратную β лучамъ. Беккерель провѣрилъ и подтвердилъ опыты Рутерфорда *).

β—лучи представляютъ потокъ электроновъ **), заряженныхъ отрицательно и двигающихся со скоростью, равной, приблизительно, половинѣ скорости свѣта. β-лучи мало поглощаются тѣлами и сильно отклоняются магнитомъ.

γ—лучи, открытые впервые Вильяромъ, еще весьма мало изслѣдованы. По мнѣнію Рутерфорда, это также электроны, движущіеся со скоростью свѣта. Они мало поглощаются тѣлами, не отклоняются магнитомъ и составляютъ наименьшую часть радіаціи. По свойствамъ своимъ они приближаются къ рентгеновскимъ лучамъ ***).

Чтобы дать понятіе о различной степени поглощаемости лучей, приведемъ данныя Рутерфорда: для ослабленія силы лучей до половины, нужно взять аллюминіевую пластинку для α-лучей толщиной въ 0,0005 сант.; для β—лучей въ 0,05 сант. и для γ-лучей въ 8 сант.

Опыты Беккереля ****) показали, что полоній даетъ только α—лучи; торій α и β, уранъ β и γ, радій испускаетъ всѣ три рода лучей.

Интересно было бы исчислить разстояніе, на какое могутъ дѣйствовать различные лучи радія; но пока опыты затруднены тѣмъ, что радій добывается въ минимальныхъ количествахъ. Супруги Кюри изслѣдовали дѣйствіе радія на разстояніи 2-хъ и 3-хъ метровъ. Любопытно также явленіе, замѣченное еще Беккерелемъ: подъ вліяніемъ лучей радія газы, въ томъ числѣ и воздухъ, становятся проводниками электричества. По словамъ Беккереля *****) хорошій электроскопъ, защищенный отъ внѣшнихъ электрическихъ вліяній и сохраняющій свой зарядъ мѣсяцами, теряетъ его, если помѣстить вблизи радіоактивный препаратъ, при чемъ зарядъ положительный и отрицательный теряются съ одинаковой скоростью. Рутерфордъ и Томсонъ объясняютъ это явленіе созданной ими теоріей *„іонизаціи“* газовъ: лучи, проходя черезъ газъ, дѣлятъ его на частицы, *„іоны“*, заряженныя положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ. Положительно заряженный проводникъ притягиваетъ отрицательныя іоны, а отрицательный—положительныя. Послѣ удаленія радіоактивнаго

---

*) Comptes Rendus. 130, 432.

**) «Электронъ есть ничто иное, какъ электрическій зарядъ, распредѣленный на весьма малый объемъ и поверхность». Электронъ—$^1/_{2000}$ атома водорода. По выраженію Кауфмана, масса его относится къ величинѣ бактерій такъ, какъ эти послѣднія къ величинѣ земного шара.

***) β—лучи приближаются къ катоднымъ лучамъ, α—лучи—къ закатоднымъ (Kanalstrahlen, Гольдштейнъ).

****) Comptes Bendus. 136. 433.

*****) Comptes Rendus. 132. 559.

вещества, іоны газа соединяются обратно въ нейтральныя частицы. Рутерфордъ нашелъ, что черезъ 8 секундъ послѣ удаленія урана воздухъ сохраняетъ $^1/_4$ своей первоначальной проводимости. Вліяніе радія, какъ вещества болѣе активнаго, сохраняется дольше. Этимъ свойствомъ лучей пользуются для измѣренія силы лучеиспусканія.

При помощи радія можно дѣлать наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ *): радій, заключенный въ тонкую аллюминіевую коробочку, прикрѣпляется къ металлическому стержню, соединенному съ электрометромъ; воздухъ, ставшій проводникомъ вблизи радія, сообщаетъ металлическому стержню электрическій зарядъ атмосферы, который и измѣряется электрометромъ.

Въ 1902 году Кюри нашелъ, что не только газы, но и жидкости подъ вліяніемъ лучей Беккереля начинаютъ проводить электричество **). Онъ изслѣдовалъ воду, жидкій воздухъ и нѣкоторыя органическія соединенія, напр., спиртъ, скипидаръ и мн. др., изъ которыхъ нѣкоторыя можно считать самыми совершенными изоляторами, когда они находятся внѣ вліянія лучей радія.

Радій сгущаетъ водяные пары; удлиняетъ величину пробѣга электрической искры ***).

Однажды г-жѣ Кюри понадобилось открыть стеклянную плотно запаянную трубочку, содержавшую сильно активный препаратъ радія. Проводя по стеклу черту алмазомъ, и она, и помогавшій ей г. Кюри услышали трескъ электрической искры, а затѣмъ, разсматривая стекло въ лупу, замѣтили въ немъ отверстіе, очевидно пробитое искрой какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была проведена черта. Явленіе совершенно сходное съ явленіемъ, происходящимъ въ сильно заряженной Лейденской банкѣ. Тоже повторилось и со слѣдующей склянкой, при чемъ въ моментъ появленія искры г. Кюри, державшій склянку, почувствовалъ въ концахъ пальцевъ сотрясеніе отъ электрическаго тока. Опытъ этотъ былъ повторенъ и провѣренъ; оказывается, что радій, заключенный въ запаянную стеклянную трубку—стекло, какъ извѣстно, хорошій изоляторъ,—самопроизвольно заряжается до весьма высокаго потенціала, и наступаетъ моментъ, когда элекрическая искра прорываетъ склянку ****).

Кюри и Лабордъ замѣтили, что соли радія непрерывно отдаютъ теплоту. Температура солей радія выше температуры окружающей среды: защитивъ соль радія отъ потери тепла, они произвели измѣреніе и нашли разницу въ $1^1/_2{}^0$. Затѣмъ имъ удалось опредѣлить количество теплоты, отдаваемой радіемъ: 1 граммъ радія

*) Annales de physique et de chimie. 1903. Octobre.
**) Annales de physique et de chimie. 1903. Octobre. Статья г-жи Кюри.
***) Comptes Rendus. 134. 420.
****) Annales de physique et de chimie. Octobre. 1903.

даетъ въ часъ 100 малыхъ калорій, т. е. граммъ-атомъ радія (225 гр.) развиваетъ въ часъ 22.500 калорій. Развитіе такой значительной теплоты нельзя объяснить ни одной извѣстной химической реакціей, тѣмъ болѣе, что, насколько до сихъ поръ возможно утверждать, радій остается совершенно неизмѣннымъ отъ времени. Если признать, что теплота развивается вслѣдствіе разложенія самого атома, то количество затрачиваемой энергіи превосходитъ все, что донынѣ извѣстно и изслѣдовано.

Этому открытію мы обязаны смѣлой гипотезой Вильсона, появившейся недавно въ журналѣ „Nature“: радій, по его мнѣнію, является однимъ изъ источниковъ солнечнаго тепла. Въ подтвержденіе онъ приводитъ слѣдующіе доводы: по исчисленіямъ американскаго астронома Ланглея, одинъ квадратный метръ массы солнца можетъ дать въ одинъ часъ 828 милліоновъ калорій; слѣдовательно, чтобы проявить такую тепловую энергію, достаточно 3,6 грамма радія на одинъ квадратный метръ массы солнца.

Эта гипотеза подтверждается еще тѣмъ, что гелій, найденный въ изобиліи на солнцѣ и весьма рѣдко встрѣчаемый на землѣ, является близкимъ радію. Недавно въ Лондонскомъ королевскомъ обществѣ супруги Геггинсъ (Huggins) сдѣлали докладъ, съ которымъ согласился и Рамзей (Ramsey), что пять изъ линій спектра радія совпадаютъ со спектромъ гелія.

Рутерфордъ и Содди, какъ мы увидимъ ниже, доказали, что гелій является продуктомъ распада атомовъ радія. Такимъ образомъ, эта оригинальная гипотеза не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Однако, пока съ достовѣрностью можно сказать одно: радій есть единственный извѣстный намъ до сихъ поръ источникъ *неизсякаемой, непосредственно и самопроизвольно въ немъ зарождающейся свѣтовой, электрической и тепловой энергіи.*

Необходимо сказать нѣсколько словъ о замѣчательномъ свойствѣ радіоактивныхъ веществъ сообщать свою силу веществамъ, не радіоактивнымъ по существу,—о такъ называемой вторичной или индуктированной активности.

По свидѣтельству супруговъ Кюри, Дебьерна и другихъ, всѣ предметы въ ихъ лабораторіи,—воздухъ, пыль, одежда,—стали радіоактивны *). Тоже подтверждаютъ Эльстеръ и Гейтель. Замѣчательно, что въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, напримѣръ, въ ящикахъ, воздухъ былъ активнѣе; но какъ только открывали крышку, равновѣсіе возстановлялось.

Супруги Кюри на разстояніи нѣсколькихъ миллиметровъ клали надъ радіемъ пластинки мѣди, аллюминія, свинца, платины, бумаги и т. д., и черезъ нѣсколько часовъ всѣ они проявляли одинаковую активность. Подобные же опыты были повторены Дебьерномъ въ сотрудничествѣ съ Кюри: они клали радій въ

*) Comptes Rendus. 17 novembre 1902.

свинцовый ящичекъ и около него помѣщали пластинки изъ стекла, парафина, картона, мѣди и т. д.; черезъ нѣсколько времени всѣ онѣ оказывались активными въ одинаковой степени. Замѣтимъ, однако, что вторичная активность никогда не появлялась, если склянка съ радіемъ была плотно закрыта. Но когда Кюри и Дебьернъ клали въ воду радій въ запаянной целлюлоидной коробочкѣ, и вода активировалась *).

На основаніи цѣлаго ряда опытовъ пришли къ заключенію, что активность передается всего лучше, если радіоактивный препаратъ и активируемое тѣло сохранять нѣкоторое время вмѣстѣ въ плотно закрытомъ сосудѣ. При этомъ чѣмъ закрытое пространство больше, тѣмъ активированье сильнѣе.

Природа и форма тѣлъ не играютъ при этомъ никакой роли. Еще лучшіе результаты достигаются, если держать оба вещества, активирующее и активируемое, въ одномъ растворѣ, а затѣмъ разъединить ихъ физическимъ или химическимъ путемъ. Въ послѣднемъ случаѣ не всѣ тѣла активируются въ одинаковой степени, и надо признать какое-то „сродство“ къ радіоактивности. Рутерфордъ доказалъ, что лучше всего активируются тѣла, заряженныя отрицательнымъ электричествомъ; онъ заряжалъ отрицательно металлическую проволоку до 500 вольтъ и дѣйствовалъ на нее торіемъ: индуктированная радіоактивность проволоки во много разъ превосходила силу торія **). Вторично активированныя тѣла также дѣйствуютъ на электроскопъ и фотографическую пластинку, іонизируютъ газы, вызываютъ фосфоресценцію и даже первое время способны въ свою очередь сообщать свою силу другимъ тѣламъ. Удалить вторичную активность не удавалось, ни накаливая до красна активированныя тѣла, ни тщательно промывая ихъ водой, которая хорошо растворяетъ хлористый радій. Она исчезаетъ сама, притомъ постепенно, сначала скорѣе, затѣмъ медленнѣе. П. Кюри, спеціально изучавшій этотъ вопросъ, нашелъ возможнымъ даже вывести формулу, по которой, въ любой моментъ, можно опредѣлить интенсивность силы активированнаго твердаго тѣла и быстроту, съ которой оно ее теряетъ. Исключеніе составляютъ нѣкоторыя тѣла, у которыхъ, послѣ первыхъ часовъ, активность начинаетъ теряться такъ медленно, что они сохраняютъ еще половину первоначальной силы черезъ нѣсколько сутокъ. Таковы целлюлоидъ, каучукъ и въ значительно меньшей степени парафинъ и свинецъ. Интересенъ еще опытъ Кюри и Дебьерна: помѣстивъ въ стеклянный сосудъ радій и активируемое тѣло, они начинали насосомъ выкачивать воздухъ: пока насосъ былъ въ дѣйствіи, активность не передавалась. Рутерфордъ обмывалъ активированное тѣло сѣрной кислотой: тѣло лишалось активности;

*) Comptes Rendus. 132. 548.
**) Comptes Bendus. 136. 364.

выпаривъ сѣрную кислоту, Рутерфордъ получалъ активный остатокъ.

Всѣ эти интересныя и необъяснимыя явленія навели Рутерфорда на мысль, что радіоактивность передается при посредствѣ нѣкотораго временно-активнаго газа, названнаго имъ „*эманаціей*"*). Эманація непрерывно отдѣляется отъ радія и торія и окружаетъ ихъ подобно частицамъ пахучаго вещества **). Эманація свободно проходитъ черезъ вату, картонъ, вообще черезъ всѣ пористыя вещества, но задерживается слюдой; она проникаетъ даже черезъ растворы солей и сѣрную кислоту. Рутерфордъ, Содди, Беккерель, Круксъ сдѣлали цѣлый рядъ опытовъ, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли эманація вызываетъ вторичную активность и имѣетъ матеріальный характеръ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Рутерфордъ и Содди пропускали очищенный отъ пыли воздухъ сквозь трубку, содержащую соль торія; воздухъ увлекалъ за собой эманацію, фильтровался черезъ шерсть и поступалъ въ сосудъ, гдѣ іонизировалъ воздухъ, что провѣрялось электрометромъ. Круксъ покрывалъ три металлическихъ цилиндра фотографической пластинкой. На дно перваго и второго онъ клалъ сильные препараты радія, третій оставлялъ пустымъ. Затѣмъ второй и третій соединялись трубкой. По проявленіи на пластинкѣ оказалось: надъ первымъ темное круглое пятно, соотвѣтствующее отверстію цилиндра, надъ вторымъ пятно нѣсколько слабѣе, надъ третьимъ—явное почернѣніе: очевидно, эманація, вмѣстѣ съ воздухомъ поступала изъ второго въ третій цилиндръ, что и вызвало третій отпечатокъ и ослабило второй. Рутерфордъ и Содди подтверждали газообразность эманаціи слѣдующимъ опытомъ: если помѣстить радій въ трубку, изъ которой выкачать воздухъ до возможной пустоты, то вскорѣ замѣчается повышеніе давленія, такъ какъ изъ радія выдѣляется какой-то газъ.

Замѣчательно, что уранъ и полоній, не вызывающіе вторичной активности, не имѣютъ эманаціи. Теперь газообразность эманаціи не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ Рутерфорду и Содди удалось сгустить ее. Они воспользовались для этого машиной для сгущенія воздуха. При температурѣ ниже—150° воздухъ, выходившій изъ змѣевика, не содержалъ эманаціи; какъ только температура повышалась, эманація испарялась и сообщала активность выходящему воздуху. Если мѣдный змѣевикъ замѣнить U-образной стеклянной трубкой, то можно наблюдать сгущеніе эманаціи. При температурѣ ниже—150° фосфоресцируетъ лишь первое колѣно трубки, куда поступаетъ эманація. При повышеніи температуры вся трубка начинаетъ фосфоресцировать, хотя

*) Philosophical Magaznie t. IV. 1902. 566.

**) Активность эманаціи актинія теряется въ нѣсколько секундъ; торія—въ 1 минуту, радія—въ нѣсколько недѣль.

охлажденіемъ опять можно сосредоточить эманацію въ любомъ мѣстѣ. Опыты эти провѣрены Кюри и Данномъ *).

Изъ письма Вильяма Рамзея къ Н. А. Меньшуткину, отъ 4-го августа 1903 года, помѣщенному въ послѣднемъ выпускѣ Журнала Русскаго Физико-химическаго общества за 1903 годъ, видно, что газъ этотъ содержитъ гремучій газъ, но вмѣстѣ съ нимъ и газообразный самосвѣтящійся элементъ группы аргона, который можетъ быть сжиженъ съ помощью жидкаго воздуха. „Но что болѣе замѣчательно,—приводимъ слова письма,—это то, что „эманація“, сжиженная въ U-образной трубкѣ, при небольшомъ нагрѣваніи можетъ быть переведена въ Плюкерову трубку; въ спектрѣ ея въ этомъ случаѣ нѣтъ и слѣдовъ гелія. Черезъ нѣсколько дней, однако, начинаетъ появляться спектръ гелія; по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ способность эманаціи свѣтиться и разряжать наэлектризованныя тѣла, спектръ гелія все усиливается и черезъ нѣкоторое время трубка содержитъ почти одинъ гелій. Въ спектрѣ наблюдаются 2—3 линіи, еще не опредѣленныя и не принадлежащія спектру гелія. Такимъ образомъ, бромистый радій является, повидимому, постояннымъ источникомъ эманаціи, а эта послѣдняя непрерывно превращается въ гелій. Есть ли, кромѣ гелія, еще какое нибудь вещество и если есть, то какое—пока не знаемъ“.

Интересно по своимъ результатамъ открытіе Эльстера и Гейтеля, опубликованное ими впервые въ Wied. Annal. въ 1900 г. Они замѣтили, что совершенно изолированный проводникъ теряетъ постепенно свой зарядъ и при томъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ чище окружающая атмосфера. Слѣдовательно, воздухъ самъ по себѣ слабо іонизированъ; но въ чемъ кроется причина іонизаціи? Сначала ее приписали дѣйствію ультра-фіолетовыхъ лучей солнца или горѣнію газа. Но Эльстеръ и Гейтель, изслѣдовавъ воздухъ въ Бауманновской пещерѣ на Гарцѣ и въ погребѣ библіотеки въ Вольфенбютелѣ, гдѣ никогда не горѣлъ газъ, нашли, что воздухъ тамъ іонизированъ въ 11 разъ сильнѣе атмосфернаго. Тогда они сдѣлали слѣдующій опытъ: въ погребѣ Вольфенбютельской библіотеки они помѣстили мѣдную изолированную проволоку, заряженную отрицательнымъ электричествомъ **). По истеченіи нѣкотораго времени, проволока обнаружила всѣ явленія вторичной радіоактивности. Когда эту проволоку вытерли кускомъ кожи, смоченнымъ въ амміакѣ, активность передалась кожѣ; и не только этотъ кусочекъ кожи, но и пепелъ ея, когда ее сожгли, продолжалъ оказывать дѣйствіе на электроскопъ и фотографическую пластинку. Іонизація атмосферы измѣрялась во многихъ мѣстахъ: Вѣнѣ, Тріестѣ, Мюнхенѣ,

---

*) Comptes Rendus. 136. 1316.

**) Какъ мы упоминали выше, отрицательно заряженныя тѣла особенно воспріимчивы ко вторичной радіоактивности.

на вершинахъ Монъ-Розы и Ротгорна, у Ніагары (Макъ-Леннонъ). Оказалось, что атмосферный воздухъ іонизированъ вообще слабѣе почвеннаго, но чѣмъ мѣстность выше, тѣмъ іонизація сильнѣе; особенно значительна она въ высокихъ горныхъ ущельяхъ. По наблюденіямъ Чермака, степень іонизаціи колеблется въ зависимости отъ времени года, погоды, даже часа дня: лѣтомъ она сильнѣе, чѣмъ зимой; особенно возрастаетъ передъ грозой; въ суточныхъ колебаніяхъ maximum приходится между 4 и 5 часами дня.

Рутерфордъ провѣрилъ опыты Эльстера и Гейтеля лабораторнымъ путемъ и пришелъ къ заключенію, что весь воздухъ слабо іонизированъ, при чемъ почвенный сильнѣе атмосфернаго. Онъ считаетъ, что главную роль въ этомъ играетъ развитіе электрическаго поля и собственный зарядъ земли. Приблизительно схожее объясненіе этого явленія даетъ Томсонъ. Эльстеръ же и Гейтель предполагаютъ присутствіе въ воздухѣ частицъ какого-то неизвѣстнаго еще радіоактивнаго вещества.

Лучи радія оказываютъ на многія тѣла химическое дѣйствіе: платино-синеродистый барій темнѣетъ, отчасти разрушается и утрачиваетъ способность фосфоресцировать. Стекло и фарфоръ темнѣютъ, принимаютъ желтую, сѣрую, фіолетовую окраску. Нѣкоторыя щелочныя соли окрашиваются въ яркіе цвѣта—зеленый, голубой *). Бумага темнѣетъ, становится хрупкой, покрывается дырочками. Иногда сильный препаратъ радія превращаетъ кислородъ въ озонъ. По свидѣтельству Бертело **), чистая азотная кислота, сохранившаяся у него въ лабораторіи въ темнотѣ и за два года совершенно не измѣнившая цвѣта, пожелтѣла отъ лучей радія, какъ отъ дѣйствія свѣта. Беккерель передаетъ, что желтый фосфоръ превращается въ красный, что растворъ щавелевой кислоты съ сулемой начинаетъ выдѣлять каломель.

Физіологическое дѣйствіе лучей радія изучено сравнительно мало. Несомнѣнно, что они вліяютъ на ткани, особенно на кожу. Это провѣрили на собственномъ опытѣ Кюри, Дебьернъ, Гизель и др. Концы пальцевъ, которыми они трогали склянки съ радіемъ, деревенѣли и становились болѣзненными. Если приложить къ тѣлу радій въ капсюлѣ изъ целлюлоида или каучука, получается мѣстное пораженіе, напоминающее ожогъ; затѣмъ, если дѣйствіе было продолжительно, открывается ранка, которая очень долго не заживаетъ. Докторъ Долозъ (Daulos) въ Парижѣ, въ больницѣ Saint-Louis спеціально изучалъ дѣйствіе лучей радія для лѣченія нѣкоторыхъ накожныхъ болѣзней. Результаты полу-

*) Comptes Rendus 133. 709.
**) Comptes Rendus 133, 659.

чились утѣшительные: разрушенные дѣйствіемъ лучей больные участки заживали и покрывались совершенно здоровой кожей. Еще обстоятельнѣе изучилъ этотъ вопросъ Данизъ *). По его мнѣнію, самое загадочное явленіе въ дѣйствіи лучей радія на живыя ткани,—это долгій инкубаціонный періодъ: между непосредственнымъ дѣйствіемъ радія и появленіемъ воспалительнаго процесса проходитъ иногда 8, 15 даже 20 дней. Лучи радія оказываютъ иногда возбуждающее дѣйствіе: такъ, у кроликовъ наблюдается усиленный ростъ шерсти, тогда какъ у морскихъ свинокъ, подъ вліяніемъ лучей той же силы, совершенно разрушается эпидерма.

Особенно чувствительна къ дѣйствію радія центральная нервная система: Данизъ вводилъ подъ кожу мышенка тоненькую стеклянную трубку, заключавшую одинъ сантиграммъ радія такъ, чтобы она приходилась какъ разъ надъ спиннымъ хребтомъ и частью черепа. Черезъ 3 часа у мышенка развивался параличъ, черезъ 7—8 часовъ появлялись судороги, а черезъ 12—18 часовъ, если трубка съ радіемъ не была удалена, звѣрекъ умиралъ. Пустая стеклянная трубка тѣхъ-же размѣровъ и вставленная на то же мѣсто не оказывала замѣтно вреднаго вліянія. На животныхъ крупнѣе и старше дѣйствіе радія не сказывалось такъ рѣзко, но пораженіе нервной системы наблюдалось при всѣхъ опытахъ. Нѣкоторыя породы гусеницъ подъ вліяніемъ радія черезъ 24 часа теряютъ способность движенія и умираютъ черезъ 2—3 дня.

Г. Бонъ **) изучалъ дѣйствіе радія на животныхъ въ періодъ ихъ развитія. Въ плоскій сосудъ, налитый водой, онъ пускалъ зародышей жабъ и лягушекъ. На поверхности плавала маленькая трубочка съ нѣсколькими сантиграммами очень активнаго радія. Вліяніе радія продолжалось отъ трехъ до шести часовъ. Часть зародышей умерла, часть превратилась въ уродливыхъ головастиковъ ***), изъ которыхъ немногіе прожили до 10 дней. Бонъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) лучи радія оказываютъ главнымъ образомъ останавливающее вліяніе на ростъ тканей и органовъ. При томъ вліяніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ нормально-интенсивнѣе ростъ животнаго въ данный періодъ. 2) Достаточно, чтобы лучи радія дѣйствовали на тѣло животнаго въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, чтобы ткани пріобрѣли новыя свойства, которыя могутъ долгое время оставаться въ скрытомъ состояніи и проявиться въ моментъ нормальнаго уси-

---

*) Danysz. Comptes Rendus. 1903, 136. 461.

**) G. Bohn. Comptes Rendus. 1903. 136. 1012.

***) Чѣмъ моложе былъ зародышъ, тѣмъ позже проявилась его уродливость; но ни одинъ изъ зародышей, подвергшихся вліянію радія, не достигъ нормальнаго развитія.

ленія роста тканей, напримѣръ, при превращеніи зародыша въ головастика, головастика въ лягушку. Впрочемъ, Бонъ наблюдалъ нѣсколько случаевъ, когда лучи радія дѣйствовали обратно, вызывая ненормально усиленный ростъ тканей.

Гизель въ 1899 году открылъ вліяніе радія на глазъ. Если закрыть или завязать глаза и помѣстить вблизи радіоактивный препаратъ, получается впечатлѣніе, что глазъ наполненъ свѣтомъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что подъ вліяніемъ лучей радія фосфоресцируетъ, по мнѣнію однихъ,—хрусталикъ, по мнѣнію другихъ—сѣтчатая оболочка. Слѣпые съ поврежденной сѣтчаткой не чувствительны къ дѣйствію радія.

Ашкинасъ и Каспари изучали дѣйствіе лучей радія на различные виды микроорганизмовъ. У всѣхъ развитіе замедляется, но лишь немногіе умираютъ *).

По свидѣтельству Гизеля, листья теряютъ хлорофилъ, желтѣютъ и блекнутъ; сѣмена бѣлой горчицы и крессъ-салата не растутъ, если ихъ подвергнуть дѣйствію радія.

Недавно „Scientific American" напечаталъ слѣдующее сенсаціонное извѣстіе, за достовѣрность котораго мы, однако, не можемъ ручаться. Одинъ изъ корреспондентовъ этого журнала проглотилъ яко бы минимальную частицу радія. Онъ заявляетъ, что радій оказалъ сильное возбуждающее дѣйствіе на мозгъ, — вызвавъ даже галлюцинаціи,—на сердце и почки. Лишь спустя нѣсколько часовъ пульсъ его сталъ биться нормально.

Естественно возникаетъ вопросъ, гдѣ же источникъ неизсякаемой энергіи радія? Всѣ гипотезы, предложенныя для разрѣшенія этого вопроса, исходятъ изъ двухъ основныхъ положеній: или атомы радія обладаютъ отъ природы громаднымъ запасомъ потенціальной энергіи, которую они непрерывно расходуютъ, или они механически перерабатываютъ энергію, получаемую извнѣ. Супруги Кюри предполагаютъ, что все пространство вселенной пронизано особаго рода лучами, близкими по свойствамъ къ рентгеновскимъ. Радіоактивныя вещества обладаютъ способностью улавливать эти лучи и превращать ихъ въ лучи Беккереля **). Однако, Эльстеръ и Гейтель доказали несостоятельность этой гипотезы: если подобные лучи и существуютъ, то они должны хоть отчасти поглощаться землей. Однако, изслѣдовавъ кусокъ урановой руды въ шахтѣ на глубинѣ 850 метровъ, они нашли его не менѣе активнымъ.

Первая теорія имѣетъ болѣе сторонниковъ: Беккерель видитъ причину радіоактивности въ распаденіи атома; Рутерфордъ идетъ дальше и предполагаетъ въ атомѣ радіоактивнаго вещества рядъ сложныхъ химическихъ процессовъ, результатомъ которыхъ и

*) Annales de physique et de chimie. Octobre.
**) Comptes Rendus. 134. 85.

является радіоактивность. Если принять во вниманіе матеріальный характеръ эманаціи и непрерывное выдѣленіе изъ урана и торія Ur X и Rh X, то эта гипотеза окажется наиболѣе вѣроятной. Но во всякомъ случаѣ явленія, происходящія въ атомѣ, весьма сложны и существенно отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ химическихъ процессовъ. Одна изъ послѣднихъ гипотезъ принадлежитъ Филиппо Ре и доложена парижской академіи наукъ Беккерелемъ 8-го іюня 1903 года *). Она также основана на сложности атома. Ре полагаетъ, что въ атомахъ радіоактивныхъ тѣлъ процессъ образованія еще не законченъ, и этимъ объясняетъ ихъ необыкновенную энергію.

Во всякомъ случаѣ преждевременно принимать окончательно какую либо изъ гипотезъ. Надо надѣяться, что дальнѣйшіе опыты и изслѣдованія дадутъ, наконецъ, ключъ къ объясненію этихъ загадочныхъ явленій.

I. Я.

У СФИНКСОВЪ.

Вотъ они... Дремлютъ, какъ встарь, надъ Невою...
Городъ вечерней окутался мглою,
Цѣпью бѣгутъ золотой огоньки,
Слышатся мощные всплески рѣки.

Въ маленькой шапочкѣ, въ кофточкѣ тонкой,
Дѣвушка, съ обликомъ нѣжнымъ ребенка,
Въ полосу свѣта безшумно вошла;
Юноша рядомъ — со взглядомъ орла.

Въ тѣнь я укрылся за темнымъ гранитомъ.
Влажнаго вѣтра порывомъ сердитымъ
Нѣсколько словъ до меня донесло.
Онъ говорилъ, улыбаясь свѣтло:

„Нѣтъ, безкорыстныя жертвы не тщетны!
Это сгущается мракъ предразсвѣтный...

*) Comptes Rendus. 136. 1893.

Дальше прошли — и въ туманѣ пропали.
Смѣлые-жъ звуки все, будто, дрожали,
Сфинксовъ будя очарованный сонъ,
Въ сердцѣ моемъ отзываясь, какъ стонъ.

Вспыхнуло что-то во мракѣ душевномъ,
Бурно прошло дуновеніемъ гнѣвнымъ...
Словно впередъ я сумѣлъ заглянуть —
Въ темную ночь на грядущій ихъ путь.

Въ чуждыхъ, пустынныхъ снѣгахъ утопая,
Стелется онъ безъ конца и безъ края...
Чтò тамъ, вдали, такъ уныло звенитъ?
Что такъ душа безутѣшно болитъ?

Въ мертвомъ краю, въ безотрадной разлукѣ,
Годы потянутся, полные муки,
Полные злобы, безсильныхъ угрозъ,
Гибели всѣхъ упованій и грёзъ...

Холодно. Вѣтеръ сильнѣе... Сердито
Плещутся волны о глыбы гранита;
Газъ въ фонаряхъ задрожалъ, зашипѣлъ...
— Сфинксы, откройте: гдѣ скорби предѣлъ?

П. Я.

НОЧЛЕГЪ.

Вечерѣло. Сѣрый сѣверный день незамѣтно смѣнялся сумерками, въ которыхъ тонули прозрачныя березовыя рощи, мокрыя низины съ лужами ржавой воды, заросшія приземистымъ верескомъ, глинистыя поля и моховыя болота.

Все было грязно, сѣро и тоскливо. Казалось, и мокрая земля, и низко-нависшее небо охвачены тяжелой думой. Налетитъ вѣтеръ, и точно тихій вздохъ пронесется надъ молчаливой землей. Жалобно зашумитъ тростникъ, угрюмый шепотъ пронесется въ чащѣ черныхъ старыхъ елей, заговорятъ, точно споръ поднимутъ, молодыя березы, и опять все замолчитъ и притаится.

Ямщикъ, маленькій тщедушный мужиченко, въ старомъ потертомъ армякѣ, большихъ сапогахъ и рваной шапкѣ, которая спускалась ему на глаза, тянулъ безконечную тоскливую пѣсню безъ словъ, повторяя одно и тоже: и... и... во— и... во... Когда ему надоѣдало пѣть, онъ дремалъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Иногда онъ говорилъ однообразнымъ тихимъ голосомъ, какъ говорятъ выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни, и все, что онъ разсказывалъ, было также тоскливо и скучно, какъ его пѣсня и шумъ вѣтра въ кустахъ вереска.

— Посѣялъ я двѣ десятины ржи... Хороша была рожь: къ Троицѣ выше пояса поднялась. Пошли дожди, мочитъ ее день и ночь. Стала полегать, на корню гніетъ... Батюшка, отецъ Елизарій, молебенъ отъ дождя служилъ—не помогло... Дѣда Корнилія изъ Глухого Лога привозили; собрали ему по гривнѣ, да по чашкѣ ржи...Заговорилъ Корнилій вѣтры, какъ будто прояснило, а тамъ опять пошло, ровно изъ ведра. Отступился и дѣдъ,—„прогнѣвили, говоритъ, Господа Бога“... Отдалъ и деньги назадъ. Надо бы Владычицу изъ монастыря поднять, да достатковъ не хватило. Пропалъ хлѣбъ, сгнило и сѣно. Какая была скотина,—продалъ, вотъ

лошадь одну оставилъ. Зимой царскій хлѣбъ ѣли; старшій сынъ въ Питеръ ушелъ. Пять ртовъ дома.

Онъ говорилъ, не обращаясь ко мнѣ, какъ будто его слушали и придорожныя угрюмыя ели, и истощенная больная земля, которой онъ отдалъ всю свою жизнь, и сумрачная даль, сгущавшаяся надъ болотистыми низинами.

— Помирать, видно, пора. Перестала земля родить. Сказывали, будто есть Амуръ-рѣка и стоятъ тамъ, на той рѣкѣ, счастливые острова, гдѣ хлѣбушка вволю, всѣ сыты, одѣты и обуты. У меня тамъ братъ на поселеніи. Какъ уходилъ, говорилъ: смотри, Алексѣй, живъ буду, черезъ десять лѣтъ вернусь—жену и тебя провѣдаю, анъ уже двадцать прошло, а его нѣтъ. Баба померла, дѣтей я прокармливалъ. Что же, пущай молодыя идутъ, ищутъ свою долю.

Колеса запрыгали по бревенчатому мосту, подъ которымъ въ крутыхъ глинистыхъ берегахъ плескалась мутная рѣченка.

— А что, баринъ, не переночевать ли намъ въ Ямищахъ— къ ночи до Плесовъ не доѣдешь.

Меня до крайности утомила ѣзда на тряской телѣгѣ, хотѣлось хоть на время уйти отъ этихъ тоскливыхъ болотъ и полей, напиться въ теплой избѣ горячаго чаю и уснуть.

Мы свернули на едва замѣтную дорогу, которая разомъ углубилась въ темную чащу сосноваго бора. Вверху между вѣтвями кое-гдѣ проглядывали узкіе клочки неба. Внизу темнота сгустилась, молодыя сосны и кусты можжевельника приняли странныя фантастическія очертанія. Колеса задѣвали за стволы, мокрыя вѣтви хлестали по кузову. Лѣсъ насторожился и угрюмо молчалъ. Большая птица тяжело поднялась около дороги и съ жалобнымъ крикомъ, задѣвая за вѣтви, полетѣла въ чащу. Мы долго слышали ея непріятный тоскливый крикъ, похожій на плачъ ребенка.

Неожиданно чаща разступилась, и мы выбрались на широкую поляну, на которой въ два ряда тянулись высокія бревенчатыя избы.

Онѣ тѣсно жались другъ къ другу и казались не доконченными, заброшенными строеніями, которыя гнили и разваливались, охваченныя волнами тяжелаго тумана.

Алексѣй постучалъ въ окно крайней избы. Послышался старческій глухой голосъ.

— Господи Іисусе, помилуй насъ грѣшныхъ. Кто тамъ?

— Это ты, Аггей? Ночевать пусти, барина везу.

— Барина, говоришь? Ну ладно, мы сейчасъ.

Дверь отворилась, и я вошелъ въ темныя сѣни. Воздухъ былъ тяжелый, пропитанный запахомъ гніющаго навоза.

— Сюда, сюда, — говорилъ старикъ откуда-то сверху. —

Здѣсь лѣсенка, третьей ступеньки нѣту. Анисья, давай лампу: Лексѣй Тонкій барина привезъ.

Я сдѣлалъ два шага и попалъ въ яму, на днѣ которой была густая грязь.

Прошло минутъ пять, прежде чѣмъ старикъ явился съ маленькой жестяной лампой.

— Гдѣ же ты, баринъ? Сюда иди, тамъ хлѣвъ.

Онъ стоялъ на верху грязной лѣстницы съ такими широкими и высокими ступенями, словно по ней ходили необыкновенные люди, а великаны.

Мы вошли въ большую комнату, съ низкимъ потолкомъ и бревенчатыми почернѣвшими стѣнами.

Старикъ поставилъ лампу на высокій, грубо-сколоченный столъ, на которомъ лежали куски черстваго ржаного хлѣба и, бойко шевеля усиками, бѣгали тараканы.

Неровное красноватое пламя лампы освѣщало двѣ большія иконы, украшенныя почернѣвшей фольгой, бумажными цвѣтами и пучками сухихъ васильковъ; низкое, почти квадратное окно, въ которое угрюмо смотрѣла ночь; уголъ широкихъ наръ съ грудой тряпья.

— Дорога-то больно плоха, — говорилъ старикъ, собирая крошки,—низинами такъ и не проѣхать, верстъ десять крюку до Плесовъ сдѣлаешь.

Аггей поднялъ фитиль въ лампѣ. Красное пламя вытянулось, потомъ сразу укоротилось, превратилось въ синее и потухло. Мы остались въ потьмахъ.

— Бѣда съ этими лампами,—сказалъ старикъ.—Серега, давай сѣрникъ!

— Нѣту у меня сѣрниковъ, спроси у барина!—отвѣтилъ сиплый голосъ.

Кто-то тяжело спрыгнулъ съ печи и, осторожно ступая босыми ногами, направился къ столу.

Я хотѣлъ зажечь лампу, но это оказалось очень труднымъ. Каждый разъ, когда я надѣвалъ стекло, пламя трепетало и билось, какъ крыло пойманной птицы, или медленно вытягивалось и улетало.

— То ли дѣло горитъ лучина, горитъ себѣ, потрескиваетъ!—сказалъ Аггей.

— Много вы тутъ понимаете, лучина... Лектричество — вотъ это освѣщеніе: нажалъ пуговицу и готово—свѣтло, какъ днемъ.

Лампа, наконецъ, была зажжена. На скамейкѣ рядомъ со мной сидѣлъ младшій сынъ старика, Сергѣй, одѣтый въ изорванный, измызганый пиджакъ и узкія засаленыя клѣтчатыя брюки. Лицо у него было блѣдное, болѣзненное, съ большимъ не зажившимъ шрамомъ на щекѣ.

— Лучина! Эхъ не смотрѣли бы мои глаза на васъ.

Онъ закашлялся сухимъ отрывистымъ кашлемъ, потомъ откинулся къ стѣнѣ, закрылъ глаза; на его лицѣ было такое выраженіе, какъ будто онъ ненавидѣлъ все окружающее: и эту мрачную избу, и старика, и меня, и темную ночь, которая смотрѣла въ окно.

— Чего же ты пріѣхалъ, если тебѣ въ городу лучше?— спросилъ старикъ.

— Трутъ, мнутъ землю, а все безъ толку,—продолжалъ Сергѣй, не обращая вниманія на слова отца.—На полосѣ съ сохой не повернуться, скотины нѣтъ, а какая и осталась, давно кормить нечѣмъ. Все на Бога надѣются, черви земляные!

Старикъ минуту помолчалъ, растерянно смотря на сына, и потомъ заговорилъ, выкрикивая слова:

— Богъ дастъ, и хлѣбъ будетъ, и скотина будетъ, и жить будемъ. А вотъ вы, шатуны городскіе, пропадете и слѣда не останется. Отъ васъ и зло все пошло.—Аггей еще что-то хотѣлъ сказать, но махнулъ рукой и вышелъ, хлопнувъ дверью такъ, что въ поставцѣ зазвенѣли чашки.

Поднимался сильный вѣтеръ.

Казалось, надъ верхушками вѣковыхъ сосенъ, мощно взмахивая широкими крыльями, проносится стая огромныхъ птицъ. Онѣ то спускались къ землѣ, раскачивая вѣтви и взметая солому на крышахъ, то поднимались въ недосягаемую высь.

— Въ городѣ живешь, въ деревню тянетъ; сюда пріѣдешь, проживешь съ мѣсяцъ и не знаешь, какимъ манеромъ вырваться изъ этой маяты,—сказалъ Сергѣй.—Скучная здѣсь жизнь, убогая,—продолжалъ онъ, помолчавъ.—Прошлый разъ пѣшкомъ ушелъ, верстъ триста безъ малаго отмахалъ. Въ городѣ человѣкъ надѣется: сегодня голъ, а завтра соколъ. Я на хорошихъ мѣстахъ служилъ и былъ бы не Серега, а Сергѣй Аггеичъ, если бъ не деревня. Бросишь все и уйдешь, или пить начнешь,—съ мѣста по шеѣ и дадутъ. И что здѣсь такое? Тоска вѣдь, тоска одна, а тянетъ. Ну, ужъ теперь уѣду и не вернусь, пропаду лучше, а не вернусь.

Сергѣй закашлялся и потомъ долго сидѣлъ, молча, прижавъ руку къ груди и съ трудомъ переводя дыханіе.

— Справедливости у нихъ нѣтъ,—сказалъ онъ отдышавшись.—Сестру отецъ со свѣта сживаетъ... Татьяна, поди сюда,—крикнулъ онъ, обращаясь въ темный уголъ, гдѣ плакалъ ребенокъ.

Къ столу робко подошла молодая дѣвушка, почти дѣвочка, маленькая, блѣдная, съ заплаканными большими гла-

зами, въ которыхъ застыло выраженіе испуга и тупой покорности.

Она молча стояла возлѣ брата, перебирая худыми руками конецъ грязнаго платка.

— Родила она, ну, и сживаетъ ее со свѣта.

Татьяна заплакала, какъ-то подѣтски всхлипывая.

— Ну, брось, мы старикамъ этимъ покажемъ. Дай сюда Катьку. Вѣдь знаютъ, что не виновата дѣвка...—сказалъ Сергѣй, нахмуривъ брови и не смотря на меня.—Работала лѣтомъ въ имѣніи, ну, а тамъ разговоръ съ ними короткій. — Онъ развернулъ грязныя тряпки, въ которыхъ лежала дѣвочка, и взялъ ребенка на руки.

Съ шумомъ отворилась дверь, и высокая женщина съ краснымъ лицомъ и сердито нахмуренными бровями внесла большой позеленѣвшій самоваръ, который выбрасывалъ клубы бѣлаго пара и весь дрожалъ, точно на что-то сердился.

Слѣдомъ за ней вошелъ Аггей. Онъ покосился въ сторону сына и сказалъ:

— Ты, Танька, стыдилась бы на свѣтъ-то показываться. Вы, баринъ, ужъ извините, — наказываетъ Богъ за грѣхи. Анисья, давай чашки.

Анисья шумно разставила грязныя толстыя чашки, на которыхъ были нарисованы зеленые пѣтухи съ синими хвостами, передвинула самоваръ такъ, что изъ него плеснулась вода, и вышла, хлопнувъ дверью.

— Золотая баба,—сказалъ старикъ,—ею весь домъ держится. Куда хочешь повернешь—и дома, и въ полѣ. Косить пойдетъ, такъ хорошему мужику не уступитъ. И Емельянъ, мужъ ейный, мужикъ работящій, только водкой зашибается. По нашему крестьянскому дѣлу иной день года стòитъ, а онъ казенкой глаза зальетъ, смотришь—и день, и два ушло.

Я заварилъ чай. Вода была мутная. Грязныя чашки сохраняли запахъ тряпокъ.

Старикъ пилъ медленно, осторожно откусывая сахаръ.

— Заступникъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Сергѣю,—самому-то мѣста нигдѣ нѣтъ, а еще за другихъ тянетъ. Дѣвка на весь домъ нарокъ наложила, не умѣла себя соблюсти, а онъ потворяетъ. Глаза бы мои на васъ не смотрѣли.

— Не виновата она,—сказалъ Сергѣй.—Жалѣть ее надо.

— Жалѣть?—Старикъ поставилъ блюдце на столъ.—Можетъ, у васъ въ городѣ, гдѣ Бога забыли, оно такъ и выходитъ, а по нашему, по крестьянскому, выгнать ее надо, чтобы дома не позорила.

Лицо Сергѣя разомъ покраснѣло, онъ всталъ со скамьи и заговорилъ дрожащимъ голосомъ.

— Не виновата она. Мы уйдемъ, а вы оставайтесь тутъ съ вашей правдой. И нога наша здѣсь не будетъ.

Старикъ повернулся къ сыну спиной. Рука, въ которой онъ держалъ блюдце, дрожала, но Аггей старался казаться спокойнымъ.

— Вотъ они дѣти какія,—сказалъ онъ,—какого же человѣка и виноватымъ считать?

— Свою вину каждый человѣкъ лучше другого знаетъ,— отвѣтилъ ему сынъ.

Наступило тяжелое молчаніе, прерываемое кашлемъ Сергѣя и плачемъ ребенка.

Пошелъ дождь. Сначала рѣдкія капли какъ бы въ раздумьи падали на стекла, потомъ вдругъ застучали дружно и торопливо. Блеснула молнія, ярко освѣтивъ крышу сарая, грязную дорогу, одинокую сосну съ сломанной верхушкой.

Аггей торопливо допилъ чай, натянулъ армякъ и ушелъ.

Когда опять сверкнула молнія, я видѣлъ, какъ онъ, широко разставивъ руки и нагнувшись впередъ, тащилъ подъ навѣсъ телѣгу.

Анисья, босая съ высоко подоткнутой юбкой, внесла груду мокраго тряпья и бросила его на нары.

Вдругъ гдѣ-то совсѣмъ близко раздалась пьяная пѣсня и разомъ смолкла, точно обрубленная топоромъ.

Анисья вздрогнула.

— Серега, — сказала она,—ты бы вышелъ: Емельянъ идетъ.

— Отстаньте отъ меня,—отвѣтилъ Сергѣй,—надоѣли вы мнѣ до смерти.

Въ сѣняхъ что-то упало, дверь медленно отворилась, и въ комнату вошелъ высокій плечистый мужикъ. Онъ остановился около стола, улыбаясь широкой улыбкой, какъ улыбаются дѣти, когда чувствуютъ себя виноватыми, и принялся медленно развязывать веревку, которой былъ подпоясанъ поверхъ армяка.

Анисья сердито возилась у печи, стуча ухватами и горшками. Сергѣй закурилъ взятую у меня папиросу и насмѣшливо смотрѣлъ на брата, которому очень трудно было сохранять равновѣсіе.

— Ну, дѣла, вотъ ужъ истинно дѣла!—говорилъ Емельянъ, съ усиліемъ развязывая узелъ. — Пошелъ къ Спиридону, а тамъ ходоки дневали, на Бѣлыхъ водахъ были. Послушалъ, какъ люди на вольныхъ земляхъ живутъ. Посѣютъ мѣру, соберутъ сто. Рыбы, птицы, ягоды всякой, сколько хочешь. Господи Боже, благодать, истинная благодать!

Емельянъ бросилъ на лавку мокрый армякъ и сѣлъ, опустивъ голову съ такимъ видомъ, который показывалъ, что

онъ совершенно подавленъ представленіемъ о вольной жизни на Бѣлыхъ водахъ.

— Серега, я уйду!—сказалъ онъ, помолчавъ.—Вѣрно уйду. Чего ужъ—тутъ добраго не жди. Пыль, а не земля. И Спиридонъ уйдетъ, и Елистратъ, и Калиникъ—всѣ пойдемъ. Никто себѣ не врагъ.

— Врутъ твои ходоки,—презрительно сказалъ Сергѣй.

— Какъ врутъ? Чего имъ врать, когда у нихъ планы есть.

— Тебѣ и плановъ не нужно. Ты повѣришь безъ плана. Дураки! Счастливыхъ земель нигдѣ нѣтъ, потому что человѣку вездѣ скверно.

Сергѣй закашлялся и замолчалъ.

Въ избу вошелъ Аггей съ моимъ ямщикомъ. На нихъ не было сухой нитки. Вода тонкими струйками стекала съ армяковъ и образовала на полу маленькія грязныя лужи.

Аггей раздѣлся, налилъ себѣ и Алексѣю спитого холоднаго чая и сказалъ, сурово смотря на Емельяна:

— Опять нализался; отецъ и жена работаютъ, а онъ шляется, рюмки считаетъ. Попомни мое слово—выпорю. Разъ простилъ—со скамейки сняли. Вдругорядь не упросишь.

Всѣ молчали. Въ этомъ молчаніи было что-то тоскливое, скучное и безнадежное. Чувствовалась скрытая непріязнь, которая могла каждую минуту превратиться въ открытую вражду.

Дождь пересталъ. Слышно было, какъ гдѣ-то далеко журчала вода, пробираясь по широкимъ промоинамъ къ глубокимъ логамъ и глухимъ оврагамъ, затеряннымъ въ лѣсной чащѣ, да дружно шелестѣли кусты бузины, густо разросшіеся подъ окномъ, сбрасывая тяжелыя дождевыя капли.

— Уйду я отсюда, будетъ мучиться,—громко и вызывающе сказалъ Емельянъ.—На Бѣлыхъ водахъ всѣмъ мѣста хватитъ. Земли тамъ, сколько хочешь, па три аршина черноземъ; ни камня, ни глины, плугомъ, какъ масло, рѣжется. Хлѣба въ ростъ человѣка тянутся, зерно бросишь—сто возьмешь. Льны ровно шелкъ, на лошади въѣдешь — только шапка видна. А покосъ! Клеверъ, мятлица, тимофѣевка не сѣяны растутъ — коси, сдѣлай милость, — запрета никому нѣтъ.

Емельянъ всталъ со скамьи и говорилъ горячо, съ одушевленіемъ. Онъ словно видѣлъ передъ собой обѣтованную землю, которая неудержимо тянула его на свое богатое нетронутое лоно.

Аггей поставилъ блюдце и слушалъ, сохраняя суровое выраженіе. Анисья сѣла на край скамьи и не спускала глазъ съ мужа.

Татьяна вышла изъ своего угла и, держа на рукахъ ре-

бенка, прислушивалась, неподвижно смотря широко раскрытыми глазами куда-то вдаль. Можетъ быть, и она видѣла тѣ счастливыя, вольныя земли, о которыхъ говорилъ Емельянъ.

Алексѣй пилъ чай и повторялъ, ни къ кому не обращаясь: истинная правда! У меня братъ тамъ, живетъ ровно князь.

— Степи тамъ конца-краю нѣтъ,—продолжалъ Емельянъ,— и лежитъ она на тысячу верстъ отъ горы Арарата до Бѣлыхъ водъ. Птица тамъ не пугана, въ рѣкахъ рыба не ловлена.

— Истинная правда,—прошепталъ Алексѣй.

— Возлѣ воды лѣсъ стоитъ—все больше дубъ да липа, а промежъ нихъ яблоня, вишня, слива — всякое садовое дерево.

— Самъ ты дерево дубовое,—съ раздраженіемъ сказалъ Сергѣй,—наговорятъ тебѣ, дураку, съ три короба, а ты и уши развѣсишь.

— Нѣтъ, есть такая земля,—съ убѣжденіемъ сказалъ Аггей,—есть!.. Только далеко.

— Пускай молодые идутъ,—добавилъ Алексѣй,—а намъ гдѣ ужъ—помирать надо.

Черезъ полчаса всѣ въ избѣ спали. Только Аггей еще возился въ сѣняхъ, что-то передвигая и укладывая. Потомъ онъ стоялъ передъ иконой, шепча молитвы. Засыпая, я долго прислушивался къ его вздохамъ и невнятному шепоту, который незамѣтно слился съ тихимъ шелестомъ листьевъ и смутнымъ шорохомъ въ чащѣ старыхъ сосенъ.

Симонъ Бѣльскій.

Соловецкая тюрьма въ XVI—XIX вв.

Болѣе трехъ столѣтій, начиная съ 1554 г., Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ, куда ссылались не только религіозные, но и государственные преступники. Такими тюрьмами съ самой глубокой древности служили многіе изъ нашихъ монастырей, но особенно мрачной извѣстностью пользовалась соловецкая тюрьма, куда ссылки практиковались во всѣ времена въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Только спустя сто лѣтъ для той же цѣли стали служить въ Архангельской губ. и другіе пункты: Пустозерскъ, Кола и Николо-Корельскій монастырь. Такъ, въ Пустозерскѣ былъ въ 1681 г. сожженъ живымъ знаменитый протопопъ Аввакумъ, вмѣстѣ съ попомъ Лазаремъ, дьякономъ Ѳедоромъ и инокомъ Епифаніемъ. Всѣ были сосланы сюда 14 лѣтъ назадъ, причемъ при ссылкѣ Лазарю и Ѳедору еще былъ урѣзанъ языкъ. Здѣсь же жили въ ссылкѣ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, убитый потомъ стрѣльцами въ Москвѣ, любимецъ царевны Софьи кн. Вас. Вас. Голицынъ, кн. Ив. Григ. Долгоруковъ, племянница котораго была обручена съ императоромъ Петромъ II и который, послѣ 9-ти лѣтняго пребыванія въ ссылкѣ, былъ переведенъ въ Новгородъ и казненъ тамъ отсѣченіемъ головы въ 1739 г. и др.

Относительно Колы извѣстно, что въ 1721 г. сюда былъ присланъ „за вину его съ женою и дѣтьми" дворянинъ Степанъ Ив. Лопухинъ. Держалъ онъ себя въ ссылкѣ такъ: „какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ нахально всѣхъ билъ и обиды имъ творилъ. Придя въ канцелярію въ первомъ часу ночи, караульнаго солдата по щекамъ билъ; въ комендантскомъ дворѣ сержанта дубиною билъ по головѣ и оную дубину изломалъ и голову въ кровь разбилъ. Кемлянина Пастухова билъ же дубьемъ смертно и на другой день его, Пастухова, отъ того его битья въ болѣзни священникъ исповѣдывалъ. Поручику гарнизона и коменданту Расу похвалялся голову срубить".

Власти жаловались на Лопухина въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которая указала: „ему, Лопухину, за такія его

непотребства при городскихъ жителяхъ учинить наказаніе, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно и сказать ему, что ежели впредь будетъ въ такія непотребности вступаться и за то битъ будетъ кнутомъ и сосланъ на каторгу въ вѣчную работу" *).

Сюда-же, въ Колу, въ 1732 г. былъ присланъ поваръ императрицы Екатерины I Холебня при слѣдующемъ именномъ указѣ: „отправленъ отсюда въ Архангелогородскую губерню подкарауломъ поваръ Холебня зженою и дѣтьми, которыхъ подъ карауломъ послать вкольскій острогъ; вбытность его тамъ давать на пропитаніе кормовыхъ денегъ всѣмъ по тридцать копѣекъ въ день. И повелѣваемъ нашему губернатору князю Мещерскому учинить о томъ по сему нашему указу.—Анна".

Вина сосланнаго остается неизвѣстной, но черезъ 9 лѣтъ, въ 1741 г. послѣдовалъ указъ императрицы Елизаветы: „кухенъ-Мейстера Холебня ізсылки немедленно освободить и давъ ему подводы и прогонныя деньги отпустить въ санктъ питеръ Бурхъ" **).

Въ Колу же присланъ былъ въ 1726 г. „за нѣкоторыя важныя преступленія" вахмистръ драгунскаго полка Василій Журавскій, при чемъ въ именномъ указѣ императрицы Екатерины было сказано: „отошлите его въ Колу и велите его тамъ держать неисходно за карауломъ, какъ ссыльные содержатся, а ежели же онъ будетъ врать или сказывать за собой слово, тому не вѣрить". Случай этотъ, какъ указываетъ въ своемъ изслѣдованіи г. Рева, интересенъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ попадается инструкція, данная для присмотра за арестантомъ. Она состоитъ изъ 4-хъ пунктовъ.

1) Беречь накрѣпко, чтобы съ дороги неушолъ и для того вести сковано.

2) Пищу ему давать довольную и вина въ день только по одной чаркѣ, ежели захочетъ, а болѣе не давать; пива давать въ мѣру.

3) Ежели станетъ что дорогою врать, отъ того удерживать и ежели бы хотя слово и дѣло за собой сказывалъ, не вѣрить.

4) Когда пріѣдетъ къ городу Архангельскому, то объявить и отдать его съ указомъ ея императорскаго величества губернатору и чтобы губернаторъ велѣлъ такожъ содержать, какъ ты его дорогою содержалъ, и съ вѣрнымъ человѣкомъ отъ города до указаннаго ему мѣста отправилъ и тамъ его содержать по указу, какъ ему указомъ повелѣно.

Въ Колу былъ сосланъ также приверженецъ Голицына, бояринъ Леонтій Неплюевъ, но о немъ не осталось никакихъ свѣдѣній.

Ссылкѣ въ Николо-Корельскій монастырь подвергались глав-

---

*) Архангельск. Вѣдомости 1875 г. № 21.

**) И. Рева «Ссылка на Сѣверъ въ прошломъ вѣкѣ» Юрид. Вѣст. 1884, № 8.

нымъ образомъ лица, имѣвшія важный духовный санъ, и однимъ изъ первыхъ сюда былъ присланъ вице-президентъ синода, новгородскій архіепископъ и архимандритъ Александро-Невской Лавры Ѳеодосій. Дѣло о немъ началось еще при Петрѣ и окончилось при Екатеринѣ I, а „предерзостныя его супротивности" заключались, повидимому, въ его стремленіи отстоять и поддержать независимость духовной власти отъ вмѣшательства государства. Въ указѣ, подписанномъ знаменитымъ начальникомъ тайной канцеляріи, гр. Петр. Андр. Толстымъ, „вины" Ѳеодосія были выведены такія. „Онъ, когда скончался императоръ Петръ В., то отозвался въ собраніи синода: видите ли, отцы святіи, когда-де началъ духовныхъ штатомъ опредѣлять и власть ихъ умалять, то и умре вскорѣ, а мы живы, а его нѣтъ". На мосту у дворца, гдѣ не велѣно было пропускать, чтобы не препятствовать опочиванію императрицы, яростно бранилъ часового и махалъ тростью; въ пріемномъ покоѣ императрицы кричалъ на караульнаго капитана и другихъ служащихъ, что не пропускали во внутренніе покои и называлъ ихъ шолудивыми овцами, — когда же объявили ему, что императрица не имѣетъ времени принять его, то сказывалъ, что онъ въ домъ ея величества никогда впредь не пойдетъ, развѣ невольно привлеченъ будетъ; когда былъ въ синодѣ объявленъ указъ, чтобы всѣ синодальные члены были къ служенію по усопшемъ императорѣ, то сказалъ „что де церковь Божія дождалась, что мірская власть повелѣваетъ духовной молиться и хотя онъ служить будетъ, только услышитъ ли Богъ такую молитву"; когда, послѣ поминовенія покойнаго императора, былъ приглашенъ къ столу императрицы, то объявилъ, что не пойдетъ,—и не пошелъ.

За все это въ 1725 г. Ѳеодосій былъ сосланъ въ Николо-Корельскій монастырь, и велѣно тамъ содержать его подъ карауломъ неисходно, для чего опредѣленъ отставной гвардіи-офицеръ съ надлежащимъ числомъ рядовыхъ.

Въ томъ же 1725 г. состоялся указъ о снятіи съ никольскаго узника архіерейскаго сана: „бывшаго новгородскаго архіерея Ѳеодосія, что нынѣ подъ арестомъ въ Корельскомъ-Никольскомъ монастырѣ, за его важныя вины, что злоковарнымъ своимъ воровствомъ говаривалъ злохулительныя слова про ихъ императорскія величества и мыслилъ впредь чинить нѣкоторый злой умыселъ на россійское государство, санъ съ него Ѳедоса архіерейскій и іерейскій снять и быть ему простымъ старцемъ и содержать его въ монастырѣ въ тюрьмѣ до его смерти, пищу ему давать хлѣбъ да воду, и никуда его ни до церкви не допускать и къ нему никого не допускать, развѣ одного духовника, да и то ежели нужда крайняя къ смерти позоветъ. И имѣющіеся при Ѳедосѣ вещи велѣно у него всѣ отобрать и при знатной оказіи прислать въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ во всякой опасности".

Въ инструкціи же, данной сержанту Оловцеву, говорится: „когда онъ Өедосъ посаженъ будетъ въ тюрьму, тогда къ нему приставить караулъ и всегда-бъ съ ружьями было по два человѣка на часахъ; двери были-бъ за замкомъ и за твоею печатью, а у тюрьмы окошко было-бъ малое, гдѣ пищу подавать; да и самому тебѣ въ тюрьму къ нему не ходить нежели другихъ кого допускать, и его ни въ церковь не допускать. Пищу давать только хлѣбъ да воду и подавать въ окно капралу, и когда онъ, Өедосъ, заболитъ и будетъ весьма близокъ къ смерти, тогда допустить духовника къ нему и то съ вѣдома губернаторскаго. Денегъ при немъ и никакихъ вещей, и лишняго платья ничего бы отнюдь кромѣ самыя нужды не было. Бумаги и чернилъ и карандаша не давать, и кои у него были книги, въ нихъ во всѣхъ пересмотрѣть, нѣтъ-ли какихъ отъ него Өедоса записокъ".

Этимъ „отягощенія" запечатаннаго старца Өедоса не ограничились, и приставленный офицеръ уже собственной властью усиливалъ жестокость, какъ видно это изъ слѣдующаго указа губернатору: „понеже канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ учинилась извѣстна, что лейбъ-гвардіи капитанъ лейтенантъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ чернецъ Өедосъ, полъ деревянный и печь выломалъ. А для того по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію канцеляріи велѣно распечатать въ той тюрьмѣ вамъ господину Брегадиру полъ деревянный и печь сдѣлать при себѣ и поставить караулъ по прежнему, а печь топить снадворья и устье печное, чтобъ близъ караула было".

Другой указъ губернатору гласитъ: „когда прійдетъ крайняя нужда ему Өедосу къ смерти, по исповѣди пріобщить его Святыхъ Тайнъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и притомъ быть съ духовникомъ Өедосовымъ вамъ, господину брегадиру, и для того двери отпереть и распечатать, а по причащеніи оные двери по преждему запереть и запечатать вамъ, господину Измайлову, самому своею печатью и приказать хранить накрѣпко, какъ въ прежнихъ указахъ объявлено".

Дальнѣйшихъ свѣдѣній, какъ указываетъ г. Рева, не имѣется *).

Не менѣе печальна была судьба сосланнаго въ этотъ же монастырь митрополита Ростовскаго, Арсенія Мацѣевича, который также пытался бороться за права церкви, когда была предпринята Екатериной II секуляризація духовныхъ имѣній. За это онъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Никольскую обитель. Отсюда скоро послѣдовалъ доносъ въ произнесеніи имъ разныхъ предерзостныхъ рѣчей, и „по силѣ правъ государственныхъ" было рѣшено лишить Арсенія монашескаго сана, разстричь его, одѣть

*) Юридич. Вѣстникъ 1884 г.

въ мужичье платье и, переименовавъ въ Андрея Враля, сослать въ Ревель на вѣки.

Какъ бы для полноты несчастья и униженія, отъ бывшаго митрополита была отобрана при этомъ слѣдующая подписка: „1767 году Декабря 27 дня разстрига Андрей Враль сею подпискою обязуется, что въ чемъ онъ въ Архангелогородской канцеляріи былъ спрашиванъ, также во всю ему жизнь никакихъ непристойныхъ разговоровъ и разглашеній не чинить подъ опасеніемъ за неисполненіе тягчайшихъ истязаній. *Къ сей подпискѣ Андрей Враль подписуюся*“ *).

Въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича интересно, между прочимъ, и то обстоятельство, что однимъ изъ пунктовъ обвиненія противъ него было выставлено то, что онъ, совершая обрядъ анаѳематствованія, какъ это дѣлается всегда въ первую недѣлю великаго поста, произнесъ анаѳему на Екатерину II, отлучая отъ церкви „обидящихъ церкви Божіи“ и подразумѣвая здѣсь императрицу.

Вся виновность Арсенія состояла, въ сущности, въ томъ, что онъ, не учиняя, какъ въ томъ его обвинили, никакихъ перемѣнъ и пополненій, произнесъ анаѳему на отбирателей церковныхъ имѣній по той формулѣ, которая употреблялась издревле еще въ XV—XVI ст. Члены синода, участвовавшіе въ судѣ надъ Арсеніемъ, какъ указываетъ на это въ своемъ изслѣдованіи священникъ Никольскій **), закрывали глаза передъ истиною и торжественно въ цѣломъ своемъ собраніи возвели ложныя обвиненія на невиннаго Арсенія. Самъ же синодъ въ 1766 г., т. е. когда несчастный Арсеній томился въ Ревельской крѣпости, заявилъ, что въ употреблявшихся тогда чинахъ православія существуютъ „многія разни“. Между тѣмъ, Арсенія обвинили за ту форму анаѳематствованія, по которой оно и до него всегда произносилось въ Ростовской епархіи, какъ и во многихъ другихъ.

Судившіе Арсенія знали, что синодомъ не былъ установленъ опредѣленный чинъ православія, что исполнялся онъ разнообразно по разнымъ епархіямъ, и потому несправедливо было осуждать кого-бы то ни было за порядки, которые всюду были вполнѣ допускаемы.

Однообразный чинъ православія былъ установленъ уже послѣ Арсенія, и очевидно, что члены синода въ судѣ надъ Арсеніемъ покривили душой и безъ зазрѣнія совѣсти принесли его въ жертву властолюбію Екатерины II.

Въ перепискѣ Екатерины II съ Вольтеромъ есть въ одномъ изъ писемъ очень интересный отзывъ самой императрицы объ Арсеніи Мацѣевичѣ, которому она посвящаетъ слѣдующія строки:

---

*) Архангел. Вѣд. 1875. № 24.

**) «Анаѳематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста». Илслѣдованіе историческое священ. К. Никольскаго.

„Люди, подвластные церкви, страдая отъ жестокихъ притѣсненій, возмутились въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я въ 1782 г. выполнила планъ— совершенно измѣнить управленія имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, воспротивился тому. Онъ отправилъ двѣ записки, въ которыхъ старался провести нелѣпое начало двоевластія. Онъ сдѣлалъ эту попытку уже при императрицѣ Елизаветѣ; тогда удовольствовались тѣмъ, что приказали ему молчать; но, когда его дерзость и безуміе еще усилились, то онъ былъ судимъ митрополитомъ новгородскимъ и всѣмъ синодомъ, осужденъ, какъ фанатикъ, виновный въ замыслѣ, противномъ какъ вѣрѣ православной, такъ и верховной власти, лишенъ сана и священства и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе“ *).

Подъ именемъ Андрея Враля Арсеній былъ отправленъ въ Ревельскую крѣпость, гдѣ въ самомъ тяжкомъ заключеніи, подъ глубочайшимъ секретомъ, пробылъ 4 года. „28 Февраля 1772 г. оный арестантъ умре“ **), а съ хоронившаго Арсенія священника взята подписка подъ смертной казнью, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ никому не сказывалъ.

По вопросу о главномъ мѣстѣ заточенія на сѣверѣ, какимъ былъ Соловецкій монастырь, я могъ найти очень немного напечатанныхъ матеріаловъ. По этому вопросу имѣется чрезвычайно интересное изслѣдованіе А. М. Колчина, который, пользуясь архивами Соловецкой обители, далъ описаніе положенія ссыльныхъ и заточенныхъ въ монастырскомъ острогѣ за время XVI—XIX ст. Отдѣльныя статьи и замѣтки могли быть найдены также въ „Русской Старинѣ“, „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и нѣкоторыхъ журналахъ за прошлые годы.

Нѣкоторыя данныя о соловецкихъ ссыльныхъ имѣются въ статьѣ г. Ревы, на которую уже сдѣланы были ссылки, и А. С. Пругавина „Монастырская тюрьма“ („Право“ 1902). Разумѣется, напечатанное представляетъ лишь ничтожную часть того матеріала по вопросу о ссылкѣ на сѣверъ, который хранится въ нашихъ архивахъ, и въ интересахъ науки, въ интересахъ отечествовѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ этого слова, необходима была бы иная постановка нашего архивнаго дѣла. Естественно желаніе имѣть понятіе о своемъ прошедшемъ, даже о той темной его сторонѣ, которая, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе грубой и примитивной своей формѣ, отошла въ вѣчность.

Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылки болѣе 3-хъ

*) Русская старина 1875. 587.
**) Тоже 1885. 84.

вѣковъ, и каждая историческая эпоха имѣла здѣсь своихъ представителей. Такъ, въ эпоху религіозныхъ гоненій и нетерпимости—съ XVI в., мы встрѣчаемъ уже сосланнымъ сюда одного изъ представителей религіознаго броженія того времени троицко-сергіевскаго игумена Артемія, впавшаго въ ересь Матюшки Башкина и осужденнаго на заточеніе московскимъ соборомъ 1553 г. Начиная съ этого времени, въ соловецкій острогъ ссылается цѣлый рядъ порицателей церковныхъ XVI—XVII в., мистиковъ временъ Александра I, представителей раціоналистическихъ сектъ и религіозныхъ движеній нашихъ дней. Съ началомъ XVIII в., когда въ Россіи шла радикальная ломка стараго общественнаго строя, гуще стали прибывать въ Соловки произносители „важныхъ и непристойныхъ словъ" и „обвиняемые въ нѣкоторомъ злодѣйскомъ умыслѣ". Много знатныхъ вельможъ, при частыхъ перемѣнахъ правительства послѣ Петра Великаго, покончили свои дни въ отдаленныхъ мѣстахъ Архангельскихъ пустынь. Каждая историческая эпоха, словомъ, оставляла въ Соловецкомъ острогѣ свой слѣдъ, и даже соціальныя движенія временъ Николая I и Александра II не остались здѣсь безъ своихъ представителей.

До постройки особыхъ казематовъ, арестанты, которыхъ было приказано содержать съ „великимъ береженіемъ", заключались въ особыя „молчательныя кельи", находившіяся отдѣльно отъ общихъ монастырскихъ помѣщеній. Къ заключенному приставлялся сторожъ, котораго, въ случаѣ какихъ-либо послабленій, сажали самого на цѣпь за неисполненіе „послушанія", или били плетьми. Главнымъ смотрителемъ острога былъ отецъ-игуменъ, который, принявши привезеннаго, приказывалъ его обыскать, при чемъ у арестанта отбирались всѣ вещи, книги, бумага, перья, карандаши, деньги... Оставлялось лишь самое необходимое бѣлье и платье, и затѣмъ узника сажали въ одиночный казематъ.

Относительно способа содержанія узниковъ въ Соловецкомъ монастырѣ, среди мѣстнаго населенія сохранились еще нѣкоторые разсказы, и одинъ изъ нихъ приводитъ въ своей статьѣ объ атаманѣ Калнышевскомъ г. Ефименко *). „Въ прежнее время, говорили крестьяне, всѣ заключенные дѣлились на 3 разряда. Первый — тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Другіе сидѣли тоже подъ замкомъ, и имъ позволялось иногда выходить, съ разрѣшенія архимандрита, зимою на прогулку, лѣтомъ на какую-нибудь работу. Наконецъ, узники 3-го разряда могли выходить только три раза въ годъ, а остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли „великими грѣшниками". Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ рогаткѣ. Рогатками назывался инструментъ, надѣ-

*) Русс. Старина 1875.

вавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча вокругъ головы, замыкавшагося помощью двухъ цѣпей на замокъ подъ подбородкомъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ эти рогатки не позволяли человѣку лечь ни на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные, обыкновенно, или скоро умирали, или, по выраженію крестьянъ, дѣлались „блаженными", т. е. сходили съ ума. И тогда жили долго.

Въ „Житіи и страданіяхъ отца и монаха Авеля" такъ рисуется положеніе соловецкихъ узниковъ: „Архимандритъ же отцу Авелю многія дѣлалъ пакости и въ одно время хотѣлъ его совершенно уморить... Сей Илларіонъ архимандритъ уморилъ двухъ колодниковъ, посадилъ и заперъ ихъ въ смертельную тюрьму, въ которой не токмо человѣку жить нельзя, но и всякому животному невмѣстно: перьвое въ той тюрьмѣ темнота и тѣснота паче мѣры; второе—голодъ и холодъ, нужда и стужа выше естества; третье—дымъ и угаръ и симъ подобная; четвертое и пятое въ той тюрьмѣ—скудость одеждъ и въ пищѣ, и отъ солдатъ истязанія и руганіе и прочая таковая: ругательства и озлобленіе многое и множество. Отецъ же Авель, вся сія слыша и вся сія видя, инача говорити архимандриту и самому офицеру, и всѣмъ капраламъ и всѣмъ солдатамъ рече къ нимъ. Они же слышаху отъ отца Авеля такія рѣчи, зѣло на него возропташа и сотвориша между собою совѣтъ уморить его. И посадили его въ тѣже самыя тяжкія тюрьмы. И былъ онъ тамъ весь великій постъ, моляся Богу и призывая имя святое Его". Какъ вообще жилось ссыльнымъ въ Соловкахъ, можно также заключить изъ одной просьбы губернскаго секретаря Пахомова, сосланнаго при Елизаветѣ не въ тюрьму, а лишь подъ надзоръ. Онъ проситъ, какъ величайшей милости, чтобы его перевели изъ „сего студенаго, крайсвѣтнаго, темнаго нелюдимаго острова, гдѣ не только здоровье человѣческое, но и желѣзо ржавѣютъ", въ каторжную работу въ Петербургъ. „Здѣшней нашей горести и описать не можно, и съ радостью души моей готовъ на каторгу, нежели въ семъ заморскомъ, прегорькомъ и прескорбномъ мѣстѣ быти".

Самымъ тяжелымъ было заключеніе въ земляныхъ тюрьмахъ, описаніе которыхъ приведено въ упомянутомъ выше изслѣдованіи М. А. Колчина. Туда опускали человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ; пища подавалась черезъ окошко, продѣланное вверху. Для естественной нужды подавались особыя суда, которыя подымались и очищались разъ въ сутки. Нерѣдко, водящіеся здѣсь во множествѣ крысы объѣдали у беззащитнаго узника носъ и уши. Давать что-нибудь для защиты отъ нихъ строго запрещалось, и, напр., одинъ изъ караульщиковъ, давшій „вору и бунтовщику" Ивашкѣ Салтыкову палку для обороны отъ

крысъ, былъ битъ за это плетьми нещадно. Иногда, впрочемъ, изъ такого каземата удавалось заключеннымъ видѣть свѣтъ Божій: такъ, въ концѣ XVII вѣка сидѣвшаго за „великія и непристойныя слова“ въ земляной тюрьмѣ Мишку Амирева, приказано было во время церковнаго пѣснопѣнія вынимать изъ тюрьмы, а по отпускѣ службы снова сажать его туда. Особенно часто сажалъ въ земляныя тюрьмы Петръ I.

Судя по стариннымъ описаніямъ, говоритъ г. Колчинъ, это были вырытыя въ землѣ ямы аршина въ 3 глубины; края у нихъ были обложены кирпичемъ. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью, запиравшеюся на замокъ; въ него подымали и опускали узника, а равно подавали ему пищу и посуду для естественныхъ отправленій.

Были ли и въ Соловецкой обители люди, запечатанные до смерти и оставленные валяться среди собственныхъ изверженій, какъ было это съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеодосіемъ въ острогѣ Николо-Корельскаго монастыря,—указаній на это нѣтъ.

Для спанья на полу заключеннымъ въ земляной тюрьмѣ давалась солома *).

Кромѣ этихъ тюремъ для узниковъ, которыхъ предписывалось держать въ „особо-уединенномъ мѣстѣ до смерти неисходно“, были устроены въ башняхъ особые каменные мѣшки, гдѣ ни ихъ никто видѣть не могъ, ни они кого-либо. Въ такой тюрьмѣ не было возможности лежать, и заключенный долженъ былъ спать, скор-

*) Убѣжденіе въ существованіи въ былое время подземныхъ тюремъ въ Соловецкомъ острогѣ очень распространено, и М. А. Колчинъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ подробное ихъ описаніе. Но авторъ статьи, помѣщенной въ «Архангельскихъ Вѣдомостяхъ» за 1872 г. (№ 55), на основаніи документовъ, отвергаетъ самое ихъ существованіе когда-либо. Посланный въ 1758 г. по указу сената для осмотра и уничтоженія земляныхъ тюремъ секундъ-майоръ Путимцевъ доноситъ въ Архангелогородскую канцелярію: «точію по осмотру и по присланному отъ архимандрита Геннадія сообщенію такихъ, въ землѣ сдѣланныхъ, погребовъ и колодниковъ никакихъ не имѣется». Архимандритъ же сообщаетъ Путимцеву: «по осмотру вашему въ Соловецкомъ монастырѣ ни единой подземельной тюрьмы не отыскалось и не имѣется, да и напредь сего не бывало, и колодниковъ тоже никакихъ не имѣется и вами же осмотрѣно, а которые имѣются содержащіеся въ тюрьмахъ и тѣ поверхъ земли, понеже въ Соловецкомъ монастырѣ имѣется какъ въ кельяхъ, такъ и въ оградѣ зданіе каменное все надземное, а хотя напредь сего и были двѣ тюрьмы, именуемые одна Корожная въ бойцѣ, другая же Головленкова у Архангельскихъ воротъ въ стѣнѣ, и тѣ не земляныя, но верхъ земли, кои въ 1742 г. и закладены, и къ его Преосвященству о тѣхъ тюрьмахъ, съ показаніемъ мѣры и рисунка, репортовано».

Такъ какъ и г. Колчинъ приводитъ описаніе тюремъ, основываясь на документѣ монастырскаго архива, то остается думать, что или земляныя тюрьмы были уничтожены задолго до архимандрита Геннадія, который и не зналъ объ ихъ нѣкогда существованіи, или не рѣшился показать ихъ ревизору изъ сената.

Во всякомъ случаѣ вопросъ остается неяснымъ, ибо текстъ старинныхъ документовъ у г. Колчина не приводится.

чившись въ полусогнутомъ положеніи, откуда и самое названіе одной изъ башенъ—Карчагина или Корожная.

Длина помѣщенія была 2 арш., ширина—$1^1/_2$ и 3 высоты.

Маленькое окошечко, достаточное лишь для того, чтобы протянуть руку, выходило на темную лѣстницу и служило не для освѣщенія, а для подачи пищи.

Въ такое уединенное мѣсто, въ Головленковой башнѣ, былъ въ 1701 г. заточенъ, напр., по указу Петра I тамбовскій епископъ Игнатій: „Бывшаго епископа Игнатія, говорится въ указѣ, что потомъ разстрига Ивашка, вмѣсто смертной казни его сослать въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрьму, быть ему въ той тюрьмѣ за крѣпкимъ карауломъ по его смерть неисходно, а пищу давать ему противъ такихъ же ссыльныхъ. А чернилъ и бумаги ему, Ивашку, отнюдь не давать... а буде какія къ нему Ивашку или отъ него Ивашка, явятся письма, то тѣ письма присылать въ Преображенскій приказъ“...

Въ тюрьмѣ, построенной въ болѣе позднее время—въ 1828 и 1842 г.г., также существовало „особое уединенное мѣсто“. Это былъ чуланъ аршина $1^1/_2$ въ квадратѣ безъ всякой лавки, безъ окна; въ немъ можно было только стоять или сидѣть скорчившись: лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяло пространство, а скамьи для сидѣнія не полагалось. Что это не мѣсто карцера и не служило только для временныхъ наказаній, а особый родъ каземата, видно изъ того, что, напр., раскольникъ Лазарь Шепелевъ прожилъ тамъ ровно годъ и „Божію волею умре“.

Первыя свѣдѣнія о ссыльныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ помѣчены 1554 г., когда сюда удаленъ былъ игуменъ Троицкаго монастыря Артемій, осужденный духовнымъ соборомъ за ересь. Черезъ 6 лѣтъ—въ 1560 г., ту же участь испыталъ одинъ изъ его судей, протопопъ Сильвестръ, авторъ „Домостроя“, попавшій въ немилость къ Ивану Грозному. Съ этого времени соловецкая обитель начинаетъ служить мѣстомъ ссылки за религіозныя и государственныя преступленія, пріобрѣтать значеніе государственной тюрьмы, которой широко пользовались въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ.

Въ 1605 г. въ Соловки присланъ былъ бывшій Касимовскій царь, Симеонъ Бекбулатовичъ, который, по проискамъ Годунова, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, былъ лишенъ царскаго титла, ослѣпленъ и сосланъ на жительство въ Тверскую область, а потомъ, во время Самозванца, ратовалъ въ Москвѣ противъ Лже-Дмитрія, укорялъ его въ принятіи латинскихъ обрядовъ и увѣщевалъ народъ, чтобы отвращались отъ латинскихъ обычаевъ. За это онъ и былъ сосланъ Дмитріемъ для постриженія въ Соловецкій монастырь.

Вскорѣ послѣ этого, по указу бояръ и воеводъ земли русской и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, присланъ былъ сюда

же для строжайшаго тюремнаго заключенія глава одной изъ разбойничьихъ шаекъ Петръ Отяевъ, по важнымъ его преступленіямъ, какъ то: въ участвованіи разоренія Московскаго государства, въ пролитіи многихъ христіанъ крови и въ оскверненіи многихъ монастырей и церквей *).

Въ первыхъ годахъ второй половины XVII в. сослано было сюда очень много защитниковъ древняго благочестія, протестовавшихъ противъ церковныхъ реформъ, предпринятыхъ патріархомъ Никономъ, и между ними видное мѣсто занималъ начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ, князь Львовъ. Послѣ усмиренія вызваннаго тѣми же реформами возстанія соловецкихъ монаховъ, первымъ изъ ссыльныхъ сюда явился тотъ самый воевода Мещериновъ, который послѣ семилѣтней осады взялъ измѣной монастырь и съ варварской жестокостью поступилъ съ побѣжденными: всѣ деревья кругомъ были увѣшаны трупами казненныхъ, архимандритъ Никаноръ, древній старецъ, въ одной рубашкѣ, связанный, выброшенъ въ январѣ мѣсяцѣ за ограду и замерзъ, а съ нимъ вмѣстѣ и толпа полунагихъ черноризцевъ была выгнана изъ монастрыря на морскую губу, и тамъ монахи были заморожены. Число испившихъ смертную чашу за отеческіе законы было такъ велико, что, какъ видно это изъ росписи, „за своей рукой“, поданной Мещериновымъ новому архимандриту Макарію, изъ пятисотъ „сидѣльцевъ“ въ живыхъ осталось только 14 человѣкъ **).

Но въ заточеніе воевода попалъ не за эту жестокость, а за ограбленіе въ свою пользу монастыря: прельстившись на монастырское богатство, онъ нагрузилъ церковными и келейными вещами цѣлую ладью и увезъ къ себѣ, но былъ уличенъ тѣми монахами, которыхъ не успѣлъ казнить. Все захваченное имъ богатство было у него отнято и возвращено въ обитель, а самъ Мещериновъ подвергся суду и четырехлѣтнему заключенію въ соловецкомъ же острогѣ.

Съ началомъ XVIII ст., когда Россія вступила на новый историческій путь, при неустойчивости тогдашняго государственнаго строя, ссылка въ Соловецкій монастырь, какъ при самомъ Петрѣ, такъ и при его преемникахъ, приняла характеръ зауряднаго явленія, сопровождаясь, обыкновенно, жестокостями, мало для насъ теперь понятными, какъ при производствѣ слѣдствія въ застѣнкахъ, такъ и при самомъ заточеніи въ тюрьмахъ. Такъ, напр., дьячкова сына Ивана Яковлева, „за злодѣйственныя, богопротивныя важныя его вины“, приказывается „скована въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, содержать въ особо уединенномъ мѣстѣ никуда неисходна, пищу ему давать токмо хлѣбъ да воду,

*) Архимандритъ Досифей. «Описаніе Соловецкаго Монастыря». 1834.

**) Я. Сырцовъ «Возмущеніе соловецкихъ монаховъ въ XVI в.» 1889 г.

а станетъ оный Яковлевъ произносить каковыя важныя и непристойныя слова, тогда ему въ ротъ класти кляпъ, который вынимать, когда ему пища давана быти".

Относительно преступленій ссылаемыхъ въ этомъ столѣтіи, въ архивныхъ документахъ соловецкаго монастыря имѣются только очень краткія письменныя отмѣтки: „для того, что говорилъ онъ непристойныя слова", „за то его воровство, что онъ написалъ воровское подметное письмо и съ пытокъ въ томъ воровствѣ винился", „за ложное донесеніе на гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепу", „за нѣкоторыя дерзновенныя, важныя слова", „за нѣкоторую важную его вину", „за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ", „за то, что явился въ наиважнѣйшей винѣ", „за великоважную его вину", а самая частая отмѣтка—просто „за вину его".

Изъ наиболѣе замѣтныхъ узниковъ этого времени были: тамбовскій епископъ Игнатій, сосланный царемъ Петромъ Алексѣевичемъ по дѣлу „вора и бунтовщика" Гришки Талицкаго, какъ его сообщникъ и единомышленникъ. Книгописецъ Григорій Талицкій съ пытокъ признался, что составилъ онъ воровское письмо, будто настало послѣднее время и явился антихристъ т. е. Петръ I, и писалъ онъ государю въ укоризну, а народу приказывалъ отъ него отступать и податей не платить; что онъ о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ разговаривалъ съ епископомъ Игнатіемъ и посылалъ ему тетрадки. Игнатій, разстриженный, измученный пытками, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь въ тюрьму, гдѣ и умеръ.

Вскорѣ за нимъ туда же, въ соловецкій острогъ, по распоряженію начальника канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, графа Петра Андреевича Толстого, присланъ былъ „для содержанія до кончины жизни" князь Ефимъ Мещерскій „за показанныя отъ него противности благочестію". Въ указѣ сказано: „князя Ефима Мещерскаго содержать подъ карауломъ въ крѣпкой тюрьмѣ, чтобы, къ большему своей прелести и дерзости размноженію (способовъ) имѣть не могъ, но пребывалъ бы въ покаяніи и питаемъ былъ хлѣбомъ слезнымъ".

Почти одновременно съ кн. Мещерскимъ присланъ и служилый человѣкъ Андрей Сургучовъ за „своеручное письменное мнѣніе, что онъ церкви святой не повинуется и въ церковь ходить не желаетъ, пока не уничтоженъ синодъ и пока не перестанутъ поминать его на ектеніяхъ", при чемъ и „съ розыска съ огня стоялъ онъ на своемъ упрямствѣ", за каковую продерзость отправленъ тѣмъ же княземъ Петромъ Андреевичемъ въ Соловки *).

Какъ ни былъ жестокъ и крутъ Петръ I съ людьми, сопро-

*) Арханг. Вѣд. 1875 № 22.

тивлявшимися его волѣ и намѣреніямъ, но съ его смертью открылся широкій просторъ дворцовымъ интригамъ съ мнимыми заговорами и жесточайшими наказаніями, которыя были тѣмъ грубѣе, тѣмъ жесточе, чѣмъ выше стоялъ человѣкъ до паденія. Достаточно вспомнить, напр., хотя о знаменитомъ дѣлѣ Нат. Ѳедор. Лопухиной и о кровавой судьбѣ, постигшей какъ ее, такъ и всю семью, друзей и ближнихъ несчастной статсъ-дамы. Еще вчерашніе любимцы погибаютъ на эшафотѣ или хоронятся въ ссылкѣ, креатуры ихъ наказываются плетьми съ вырѣзаніемъ языка и заточаются въ монастыри или на вѣчную работу, какъ „явившіеся въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ высочайшей персоны, но и къ поврежденію государственнаго покоя и благополучія", касающихся и приговариваются всѣ къ смертной казни, отъ которой освобождаются лишь для еще болѣе жестокихъ и унизительныхъ страданій.

Однимъ изъ первыхъ узниковъ въ Соловкахъ послѣ смерти Петра явился всемогущій вельможа, начальникъ страшной тайной канцеляріи и самъ подписавшій не одинъ жестокій „указъ"— тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Петръ Андреевичъ Толстой. Этотъ любимецъ Петра, посланный въ Вѣну и Неаполь за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, успѣвшій, съ помощью обмана и клятвопреступленія, заманить его въ Россію, состоялъ потомъ членомъ слѣдственной коммиссіи надъ царевичемъ, подписалъ ему смертный приговоръ. Въ 1727 г., благодаря стараніямъ Меншикова, состоялся высочайшій указъ о ссылкѣ Петра Толстого съ сыномъ Иваномъ въ Соловецкій монастырь „за многія его вины".

Толстой лишенъ былъ „чести и всѣхъ чиновъ", его засадили въ маленькую одиночную камеру старинной холодной и сырой тюрьмы, которая не прогрѣвалась даже лѣтомъ, приставили для караула двѣнадцать солдатъ, запретили писать и въ церковь дозволили ходить лишь за карауломъ: „писемъ писать не давать и никого къ нимъ не допущать и тайно говорить не велѣть, токмо до церкви пущать за карауломъ же и довольствовать братскою пищею... А которыя письма къ нимъ, Толстымъ, будутъ приходить, оные велѣно принимать и разсматривать, и, ежели важность какая явится и буде того монастыря кто явится подозрителенъ, то такихъ брать за караулъ и тѣ письма, запечатывая, посылать во учрежденный судъ"

Оба Толстые оставались въ соловецкомъ острогѣ до смерти. Графъ Петръ Андреевичъ умеръ въ тюрьмѣ въ 1729 г., 84 лѣтъ отъ роду, послѣ двухъ лѣтъ заточенія и черезъ полъ года послѣ смерти своего сына, умершаго въ той-же тюрьмѣ. „И сего генваря 30-го числа оной, Петръ Толстой, умре", какъ доноситъ рапортомъ капитанъ Воробьевъ.

Это былъ не единственный изъ сподвижниковъ Петра, попав-

шій въ соловецкую тюрьму. Три года спустя послѣ ссылки гр. Толстого сюда же былъ отправленъ сенаторъ, генералъ-фельдмаршалъ и членъ Верховнаго тайнаго совѣта, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Онъ былъ во главѣ депутаціи, явившейся въ Митаву съ предложеніемъ Аннѣ Іоанновнѣ русскаго престола на условіяхъ ограниченія самодержавной власти, за что, вмѣстѣ съ многими членами своей фамиліи, подвергся потомъ карѣ. Манифестъ о „его жестокомъ государственномъ преступленіи" былъ „во всенародное всѣмъ извѣстіе черезъ барабанный бой публикованъ и въ пристойныхъ мѣстахъ выставленъ надлежащею препорціею". Онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и кавалеріи, отправленъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ „и велѣно его съ тремя находящимися при немъ людьми изъ кельи никуда не выпускать и къ нему никого посторонняго не допускать же *).

Изъ соловецкой тюрьмы кн. Василій Лукичъ Долгоруковъ черезъ 2 года, въ 1731 г., — былъ отвезенъ въ Шлиссельбургъ, а оттуда еще черезъ восемь лѣтъ, въ 1739, въ Новгородъ, гдѣ и казненъ въ ноябрѣ того-же года отсѣченіемъ головы, также какъ и Иванъ Григорьевичъ Долгоруковъ, бывшій въ Пустозерскѣ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ узниковъ соловецкой тюрьмы въ послѣдующія времена былъ послѣдній кошевой атаманъ сѣчи запорожской, Петръ Ивановичъ Калнишевскій, пробывшій здѣсь въ одиночномъ заключеніи 25 лѣтъ **). Дѣло о Калнишевскомъ и обвиненіе его въ государственномъ преступленіи явилось изъ за земельныхъ споровъ между русскимъ правительствомъ и Запорожской сѣчью. Земли, на которыхъ сидѣли запорожскіе казаки, были, по бѣлградскому миру 1740 г., признаны принадлежностью Россіи, и на нихъ правительство стало устраивать пограничныя крѣпости и военныя поселенія. Запорожцы, отстаивая свои права и посылая свои депутаціи въ Петербургъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начали и вооруженной рукой выгонять поселенцевъ съ земель и отнимать ихъ имущество. Это и повело къ паденію Запорожской сѣчи.

Самъ Калнишевскій, за участіе вмѣстѣ съ запорожскимъ войскомъ въ войнахъ противъ татаръ и турокъ, получалъ особыя выраженія „любви и готовности къ услуженію" со стороны Потемкина, который въ 1774 г. такъ выражался въ своемъ письмѣ къ нему: „увѣряю васъ чистосердечно, что ни въ одномъ случаѣ не оставлю, гдѣ предвижу возможность, доставить какую-либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную, и какъ у престола монархини о пользѣ вашей ходатай-

---

*) Архан. Вѣд. 1875. № 23.

**) П. С. Ефименко: «Калнишевскій, послѣдній Кошевой Запорожской Сѣчи». Русс. Старина, 1875.

ствовать, такъ и по сосѣдству въ претензіяхъ вашихъ, разобравъ связь обстоятельствъ, мнѣ еще не извѣстныхъ, помогать вамъ вседушно готовъ". Но уже въ маѣ слѣдующаго, 1775 г., кошевой атаманъ Калнишевскій, войсковой писарь Глоба и войсковой судья Головатый были взяты подъ караулъ, имѣнье ихъ описано, войско объявлено несуществующимъ, и тотъ же Потемкинъ о нихъ писалъ Екатеринѣ II: „исчисленіемъ ихъ вѣроломнаго буйства и всѣхъ дерзновеннѣйшихъ поступковъ не дерзаю я трогать нѣжное и человѣколюбивое ваше сердце и не нахожу ни малой надобности приступать къ каковымъ либо изслѣдованіямъ. Но какъ всегдашняя души вашей спутница добродѣтель побѣждаетъ суровость злобы кроткимъ и матернымъ исправленіемъ, то и осмѣливаюсь я представить, — объявить милосердное избавленіе ихъ отъ наказанія, а вмѣсто того повелѣть отправить на вѣчное содержаніе въ монастыри, изъ коихъ кошевого въ Соловецкій, а прочихъ въ состоящіе въ Сибири монастыри". Такъ и было сдѣлано.

Съ своей стороны, святѣйшій правительствующій синодъ соловецкому игумену указалъ: „означеннаго узника Калнишевскаго въ монастырь принять и содержать его беззвыпускно изъ монастыря и объ удаленіи его не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія и объ имѣніи вамъ, настоятелю прилежнаго надсмотрѣнія, чтобы посылаемый узникъ содержанъ былъ за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ ономъ монастырѣ солдатъ".

Въ своей статьѣ о Калнишевскомъ *) г. Ефименко приводитъ разсказъ 80-ти лѣтняго крестьянина, которому случилось видѣть бывшаго кошевого: „Пришли мы въ трапезу передъ обѣдомъ. Приходитъ человѣкъ за карауломъ: три солдата съ ружьемъ. Спрашиваетъ насъ любопытно: „кто царемъ теперь, какъ цари живутъ ныньче и какія благополучія на Руси теперь". Мы отвѣчали, что царемъ теперь Александръ Павловичъ; живутъ по прежнему, все, слава Богу, благополучно и хорошо. Онъ бы и больше разспрашивалъ, да солдаты не позволили говорить. „Отъ этого человѣка отойдите прочь, съ нимъ не приводится вамъ говорить". И монахи тоже запрещали: „архимандритъ увидитъ, такъ не хорошо вамъ за это будетъ". Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ къ благословенію. Архимандритъ говоритъ ему: „ты древенъ, землей пахнешь". Его выпускали только три раза въ годъ: на Пасху, на Рождество и Преображеніе. Выпускали на трапезу, монастырскаго хлѣба кушать. Росту былъ средняго, старый видомъ, сѣдастые волосы и волосъ обсѣкся: видно, что много сидѣлъ. Одѣтъ былъ въ китайчатый синій сюртучокъ, пуговицы,

*) Русс. Стар. 1875 г.

не знаю, оловянныя, что-ль,—маленькія такія, въ два ряда. Говорилъ не такъ чисто, какъ по русски".

Калнишевскій пробылъ въ монастырѣ 27 лѣтъ и изъ нихъ 25 годовъ находился въ чрезвычайно строгомъ заточеніи. О мѣстѣ его нахожденія не было извѣстно даже его родственникамъ и содержали его въ теченіе многихъ лѣтъ въ помѣщеніи, ровно ничѣмъ не отличавшемся отъ чулана—маленькомъ, сыромъ холодномъ и полутемномъ; чуланъ этотъ находился въ одной изъ каменныхъ башенъ монастыря. Не смотря на всю строгость, заточенія, онъ перенесъ его въ теченіе 25 лѣтъ безъ явнаго поврежденія нравственныхъ силъ и умеръ въ 1803 году, 112 лѣтъ отъ роду.

Въ вѣдомости о колодникахъ, посланной въ святѣйшій синодъ въ 1799 году, т. е. черезъ 23 года послѣ заточенія Калнишевскаго,—противъ его фамиліи отмѣчено: „при указѣ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, за вѣроломное буйство и разореніе россійскихъ подданныхъ, содержать безвыпускно изъ монастыря и удалять не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія. Оной Калнишевскій жизнь свою провожаетъ смиренно и никакихъ безпокойствъ отъ него не происходитъ".

Въ вѣдомостяхъ 1802 года имени Калнишевскаго уже нѣтъ. Онъ былъ освобожденъ изъ заточенія на основаніи указа Александра I, 1801 г. „о прощеніи людей, содержавшихся по дѣламъ, производимымъ въ тайной канцеляріи", и умеръ черезъ 2 года послѣ этого. На его могилѣ въ Соловецкомъ монастырѣ стоитъ такая надпись:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника".

„Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей нѣкогда Запорожской грозной Сѣчи казаковъ атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повеленію въ 1776 году на смиреніе. Онъ, въ 1801 году, по высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренне познавшаго свои вины. Скончался 1803 г. октября 23 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертью благочестивою, доброю.

„Блаженни мертвіи умирающіе о Господѣ! Аминь.—А. А. *). 1856 г.".

Изъ двухъ товарищей по судьбѣ Калнишевскаго, извѣстіе существуетъ только о войсковомъ писарѣ Иванѣ Яковлевичѣ Глобѣ. Онъ быъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Туруханскъ, гдѣ и умеръ въ тамошнемъ монастырѣ около 1790 г.

---

*) Соорудитель памятника архимандритъ Александръ.

О другихъ узникахъ соловецкаго острога существуетъ въ доступной мнѣ литературѣ мало свѣдѣній, и только о пробывшемъ здѣсь въ заточеніи 10 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ за свои предсказанія монахѣ Авелѣ можно найти нѣсколько интересныхъ замѣтокъ въ „Русской Старинѣ“ *).

„Сей Авель, говоритъ „Житіе и страданіе отца и монаха Авеля“, вселися въ пустыни единъ и началъ прилагать труды къ трудамъ и подвигъ къ подвигу и явися на него искусы великіе и превеликіе: да искусится тѣми искусами, яко злато въ горнилѣ. Господь же рече къ нему, сказывая ему тайная и безвѣстная, и что будетъ ему и что будетъ всему міру... И вселися онъ въ монастырь Николая Чудотворца Костромской Епархіи и написалъ онъ въ той обители книгу мудрую и премудрую, въ ней же написано о царской фамиліи. И показалъ ту книгу настоятелю. Настоятель же съ братіею сотвориша совѣтъ: ту книгу и отца Авеля отправить къ своему архіерею. Егда же получилъ епископъ Павелъ ту книгу, и приказалъ отца Авеля привести предъ себя и сказалъ ему: „сія твоя книга написана подъ смертной казнію“. Потомъ отправили отца Авеля и книгу его съ нимъ въ Санктъ-Петербургъ, въ Сенатъ. И привезенъ бысть въ домъ генерала Самойлова. Самойловъ же, разсмотрѣвъ ту книгу, нашелъ въ ней написано: государыня Вторая Екатерина лишится скоро сей жизни. И смерть ей приключится скоропостижная. И прочая таковая написано въ той книгѣ. Самойловъ же зѣло о томъ смутился и рече къ нему съ яростью, глаголя: „како ты злая голова, смѣла писать такія титлы на земного Бога!“ И удари его трикраты по лицу и вмени вся въ юродство. Государыня же приказала отправить отца Авеля въ Шлюшенбургскую крѣпость— въ число секретныхъ арестантовъ и быть тамо ему до смерти живота своего. И былъ онъ тамъ всего десять мѣсяцевъ и десять дней до смерти государыни Екатерины. Государь же Павелъ скоро повелѣлъ монаха Авеля взять въ Петербургъ и дать ему покой и вся потребная...

„Абіе же пошелъ въ Валаамскій монастырь и составилъ тамъ другую книгу, подобную первой, еще и важнѣе. Государь же Павелъ скоро повелѣлъ взять съ Валаама отца Авеля и заключить въ Петропавловскую крѣпость. И бысть тако.

„И былъ онъ, дондеже государь Павелъ скончался: десять мѣсяцевъ и десять дней. Егда же воцарился государь Александръ, и приказалъ отца Авеля отправить въ Соловецкій монастырь въ число монаховъ. И былъ онъ на свободѣ единъ годъ и два мѣсяца.

„И составилъ еще третію книгу; въ ней же написано, какъ будетъ Москва взята и въ который годъ. И дошла эта книга до са-

*) «Предсказатель монахъ Авель 1757—1841». Русс. Ст. 1875.

мого императора Александра. И приказалъ монаха Авеля абіе заключить въ Соловецкую тюрьму и быть ему тамъ дотолѣ, когда сбудутся его пророчества самою вещію. И былъ отецъ Авель въ Соловецкой тюрьмѣ десять годовъ и десять мѣсяцъ; а на волѣ тамъ жилъ единъ годъ и два мѣсяца. И того всего время онъ препроводилъ въ Соловецкомъ монастырѣ ровно двѣнадцать годовъ. И видѣлъ въ нихъ добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая.

„Въ тожъ самое время, когда Москва взята, вспомни самъ государь пророчество отца Авеля, и написано отъ лица государя: монаха отца Авеля выключить изъ числа колодниковъ на всю полную свободу"... Отецъ же Авель, видя у себя свободу, потече къ югу и къ востоку въ прочія страны и области и, обошедъ многая и множество, и жизнь свою скончалъ,—пожилъ на землѣ время довольно, до старости лѣтъ своихъ. Жилъ всего время—восемьдесятъ и три года и четыре мѣсяца. Еще же жизнь ему была семь на десять годовъ въ темницахъ и затворахъ, въ крѣпостяхъ и въ крѣпкихъ замкахъ, въ страшныхъ судахъ и въ тяжкихъ испытаніяхъ... Аминь".

Прочитывая это жизнеописаніе предсказателя Авеля, невольно удивляешься, за какія же, собственно говоря, преступленія подвергали его столько лѣтъ и такимъ мукамъ. Современникъ Авеля Л. Н. Энгельгардтъ, говоритъ про него, что „онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый. Многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ своихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ и что онъ только тогда предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему, что говорить. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ, вѣроятно, прослылъ бы вдохновеннымъ, но жизнь несчастнаго сложилась иначе, и жизнь свою онъ такъ и кончилъ въ мрачномъ затворѣ: изъ указа святѣйшаго синода 1826 г. видно, что государь Николай I повелѣлъ, чтобы монахъ Авель, за оставленіе опредѣленнаго ему въ Высотскомъ монастырѣ пребыванія, былъ заточенъ для смиренія въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Тѣмъ и закончилась печальная жизнь о. Авеля".

Въ 1786 г., при императрицѣ Екатеринѣ II, монастырское начальство представило губернатору вѣдомость о содержащихся въ острогѣ колодникахъ съ обозначеніемъ ихъ преступленій. Изъ реестра видно, что въ Соловецкомъ монастырѣ содержалось колодниковъ 16 человѣкъ за разныя преступленія:—„за немаловажную вину его", „за оказавшіеся его вины", „за нѣкоторыя учиненныя имъ преступленія", „за развращенную жизнь свою", „за переходъ изъ православія въ унію", „за обращеніе его въ пьянствѣ и оттого учиненное преступленіе и дерзость", „за неумышленное смертное отца своего убійство", „для содержанія его яко безумнаго", „за оказавшееся смертное преступленіе и

безумство“ и т. д. Большинство предписывалось содержать „неисходно до конца живота“, „на вѣчное пребываніе“, „безвыпускно“...

По представленіи этой вѣдомости, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ не угодно было подвести заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ подъ милостивый манифестъ 1786 г. или сдѣлать какія-либо облегченія, и она повелѣла всѣхъ колодниковъ оставить въ томъ же острогѣ „на преждеуказанныхъ предписаніяхъ“.

Въ 1835 г. была произведена по высочайшему повелѣнію ревизія Соловецкой тюрьмы командированнымъ изъ Петербурга подполковникомъ корпуса жандармовъ Озерецковскимъ. Поводомъ къ ревизіи послужило убійство часового, совершенное въ припадкѣ сумасшествія поручикомъ Горажанскимъ. Онъ былъ присланъ въ Соловки въ 1831 г. „за дерзкій поступокъ и произнесеніе неприличныхъ словъ на счетъ особы Его Величества“. Такъ какъ у Горожанскаго и раньше замѣчалось умственное разстройство, то мать его подавала въ III отдѣленіе прошеніе объ его освидѣтельствованіи, что, однако, участи сына не измѣнило, и онъ сидѣлъ въ соловецкомъ острогѣ, гдѣ также было замѣчено, что онъ находится „въ весьма нездоровомъ разсудкѣ“. Въ 1833 г. Горожанскій, выйдя для естественной нужды изъ своей камеры, взялъ висѣвшій на стѣнѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь часового, который черезъ нѣсколько минутъ и умеръ. При допросѣ Горожанскій объяснилъ, что солдаты своимъ шумомъ мѣшаютъ ему сидѣть въ своей камерѣ, безпокоятъ его, а часовой не унимаетъ.

При ревизіи острога оказалось, что въ 1835 г. въ немъ сидѣло 50 чел. Изъ нихъ двое бывшихъ студентовъ московскаго университета за „соучастіе въ злоумышленномъ обществѣ“, священникъ Лавровскій (изъ г. Мурома) „за подкидываніе подметныхъ листковъ возмутительнаго содержанія“; двое арестантовъ содержались „за убійство въ высшей степени сумасшествія“, и одинъ „въ помѣшательствѣ разсудка съ письменными нелѣпыми предсказаніями“. Большинство же было сослано „за старообрядчество“, „за раскольническую ересь“, „за скопческую ересь“, „за крещеніе себя двухперстнымъ сложеніемъ“, „за отступленіе отъ православной вѣры и надругательство надъ иконами“, „за мнѣнія его о религіи и гражданскомъ устройствѣ“, „за несогласіе крестить дѣтей по обряду православной церкви“, „за непризнаніе угодниковъ, государя императора и начальственной власти“ и т. д.

Послѣ ревизіи Озерецковскаго, императоръ Николай I повелѣлъ: 15 человѣкъ изъ числа арестантовъ отдать въ военную службу рядовыми, троихъ отправить на родину и одного, лишившагося зрѣнія,—въ институтъ для слѣпыхъ; троихъ оставить въ монастырѣ, но на свободѣ. Остальные 29 чел. и между ними Горожанскій, признанный совершившимъ свое преступленіе въ припадкѣ сумасшествія, оставлены въ томъ же положеніи.

Съ того времени повелѣно—ссылать въ Соловецкій монастырь не иначе, какъ по высочайшему соизволенію.

Въ 1855 г., вслѣдствіе предписанія оберъ-прокурора св. синода, архимандритомъ Александромъ была представлена вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, съ подробнымъ о каждомъ изъ нихъ описаніемъ и мнѣніемъ о желательной для каждаго дальнѣйшей участи. Какъ видно по этой вѣдомости, заключенныхъ было тогда 19 чел. Въ возрастѣ 37-ми лѣтнемъ было только двое. Всѣ остальные имѣли отъ 40 до 88 лѣтъ, при чемъ 10 чел. сидѣло въ тюрьмѣ уже отъ 16 до 43-хъ лѣтъ, а остальные присланы сюда отъ одного года до пяти лѣтъ тому назадъ. Всѣ содержались за свои религіозныя убѣжденія или, какъ опредѣляетъ ихъ вины архимандритъ Александръ,— „за старообрядчество и произнесеніе богохульныхъ словъ", „за крещеніе себя старообрядческимъ двуперстнымъ сложеніемъ", „за введеніе новой секты", „за обращеніе въ скопческой сектѣ и закоснѣніе въ пагубныхъ заблужденіяхъ", „за непреоборимое упорство въ своихъ вредныхъ мнѣніяхъ", „за дерзость и богохульство" и т. п.

Семь человѣкъ заключены по высочайшему повелѣнію „навсегда", а для остальныхъ „срокъ не назначенъ". Не смотря на состоявшееся въ 1835 г. распоряженіе императора Николая I о ссылкѣ въ соловецкую тюрьму не иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію, двое заключенныхъ оказались присланными сюда въ 1853 г. „по конфирмаціи главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ".

Что касается до мнѣній архимандрита Александра о дальнѣйшей судьбѣ каждаго изъ заключенныхъ, то они таковы: „долженъ оставаться въ теперешнемъ своемъ положеніи", „по его ереси, опасной другимъ, долженъ оставаться въ заключеніи", „по несовершенному раскаянію, не можетъ быть освобожденъ", „невозможно оказать ему снисхожденіе", „долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи"... Даже для 88-лѣтняго старика, пробывшаго въ тюрьмѣ 43 года, и двухъ стариковъ, достигшихъ 81-лѣтняго возраста и сидѣвшихъ — одинъ 37 лѣтъ, а другой— 29, отецъ Александръ не нашелъ возможнымъ рекомендовать хотя бы малыя облегченія. Объ одномъ изъ заключенныхъ онъ отзывается даже такъ: „не можетъ быть освобожденъ никогда, хотя бы и раскаялся". Лишь для трехъ узниковъ настоятель монастыря нашелъ возможнымъ оказать нѣкоторое милосердіе и при томъ въ очень сомнительной для ихъ будущей участи формѣ: бывшаго игумена Селенгинскаго монастыря, Израиля, 61 года: „по его усердію къ храму Божію и молитвѣ и что онъ никому не передастъ своихъ заблужденій, всегда болѣе молчитъ,—можно его перевести въ монастырь московской или казанской епархіи *подъ присмотръ*". Затѣмъ,

79-ти-лѣтняго „раскольническаго попа“ Петрова, который „отъ старости очень слабъ здоровьемъ и раскаивается чистосердечно, возможно освободить и помѣстить на жительство *съ послужниками* или отдать на поруки“ и, наконецъ, католика Іосифа Дыбовскаго, который „прельщенъ своимъ мудрованіемъ, кажется, отъ болѣзненнаго состоянія, которому Соловецкой обители не пособить, слѣдуетъ перевести *въ монастырь* католическій или въ городъ, гдѣ есть католическій священникъ“.

О результатахъ, представленной въ 1855 г. вѣдомости свѣдѣній нѣтъ, и согласна ли была свѣтская власть съ мнѣніями архимандрита Александра неизвѣстно.

О ссылкѣ въ Соловки въ царствованіе императора Александра II свѣдѣній мало, и дѣла этого времени не перешли еще въ область исторіи. Извѣстно между прочимъ, что въ 1861 г. посланъ былъ въ Соловецкій монастырь „подъ строжайшее наблюденіе“ „навсегда“ священникъ Чембарскаго уѣзда Пензенской губ., Ѳедоръ Померанцевъ, за неправильное толкованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Сосланъ онъ былъ по распоряженію генерала Дренякина, посланнаго для прекращенія возникшихъ между крестьянами безпорядковъ, и въ 1863 г. былъ переведенъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь *).

*) Относительно волненій, за которыя высланъ священникъ Померанцевъ, существуютъ записки самого ген. Дренякина и его адъютанта Худякова, которые передаютъ дѣло такъ. Движеніе началось по нежеланію понять манифестъ, и свящ. Ѳедоръ Померанцевъ, человѣкъ неопрятной жизни, изъ своекорыстныхъ видовъ поддерживалъ въ крестьянахъ убѣжденіе, что барщину вмѣсто «отбывать», какъ указано въ Положеніи слѣдуетъ «отбивать». Въ Пензу доходили слухи одинъ другого сбивчивѣе, и мѣстное населеніе, преимущественно дворянство, старалось раздуть эти слухи. Волненіе приняло грозные размѣры, и надо было принять быстрыя и энергичныя мѣры. Были двинуты на гнѣздо бунтовщиковъ, село Кандеевку, войска, на приближеніе которыхъ народъ, обнаживши головы, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ на невиданное зрѣлище. Всѣ увѣщанія ген. Дренякина крестьяне слушали, но дѣлали видъ, что не понимали объясненій, отвѣчая только: «не повинуемся, ничего не хотимъ! Умремъ за Бога и Царя!» Былъ сдѣланъ залпъ въ толпу болѣе тысячи человѣкъ. Но толпа не двинулась и снова кричала: «за Бога и Царя умремъ всѣ до одного!» Сдѣланъ второй залпъ. Но, не смотря на это, толпа стояла по прежнему неподвижно и, поднявъ руки, кричала: «всѣ умремъ за Бога и Царя!» Третій залпъ не привелъ ни къ чему, хотя крестьяне валились, какъ снопы, и умирали безропотно.

Было приказано какъ можно быстрѣе окружить часть толпы, не углубляясь, однако, въ деревню, «изъ опасенія, чтобы вѣрные исполнители моихъ приказаній, какъ доноситъ ген. Дренякинъ, не были изрублены бунтовщиками». При быстромъ натискѣ солдатъ, съ ружьями на перевѣсъ, толпа разбѣжалась. Убитыхъ и раненыхъ 32 чел. Пуль выпущено 41.

Судъ былъ очень короткій и производился самимъ генераломъ, по дарованному ему праву, лично здѣсь же, на выгонѣ. 28 чел. по наказаніи шпицрутенами отъ 400 до 700 ударовъ сосланы въ каторгу на срокъ отъ 4-хъ до 15 л.; 80 чел. по наказаніи шпицрутенами 200—400 ударовъ—въ Сибирь на поселеніе; 3 въ смирительный домъ на 1—2 года; 3-хъ чел. послѣ 200 шпиц-

Свѣдѣнія о Пушкинѣ и другихъ еретикахъ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь при Александрѣ II, имѣются въ статьяхъ А. С. Пругавина („Голосъ“ 1880 г.) *).

Въ 1894 г. (?) во время посѣщенія Соловокъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте, въ тюрьмѣ содержалось трое: сумасшедшій монахъ и два раскольника.

Въ настоящее время одни казематы заброшены и разломаны, другіе передѣланы подъ кладовыя и погреба, но для памяти потомства остались еще нѣкоторыя тюрьмы во всей ихъ страшной неприкосновенности.

Въ монастырской оградѣ стоитъ еще знаменитая Соловецкая тюрьма—трехъэтажное зданіе съ желѣзными рѣшетками, съ темными корридорами, ведущими въ мрачные казематы, одинъ видъ которыхъ, уже при бѣгломъ осмотрѣ, достаточно ужасенъ.

Еще до очень недавняго времени въ Соловецкой обители имѣлась особая воинская команда, на обязанности которой лежало нести караульную службу при монастырской тюрьмѣ. По указанію А. С. Пругавина, команда состояла сначала изъ 50 солдатъ и одного оберъ-офицера. Впослѣдствіи число солдатъ было уменьшено до 23 чел. Въ послѣднее время какъ солдаты, такъ и офицеръ каждый годъ смѣнялись. Эта мѣра была вызвана главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко бывали случаи, когда солдаты, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заключенными, мало-по-малу проникались еретическими убѣжденіями того или другого изъ нихъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ Соловецкій монастырь посѣтилъ командующій войсками петербургскаго военнаго округа великій князь Владиміръ Алексанровичъ, при чемъ онъ нашелъ, что

рутеновъ—въ солдаты; розгами отъ 50 до 250 ударовъ наказано 58 ч. съ возвращеніемъ въ семьи. Такой судъ, по словамъ ген. Дренякина, по скорости его, былъ принятъ крестьянами съ благодарностью. Свящ. Померанцевъ сосланъ въ Соловки навсегда. Примѣръ усмиренія подѣйствовалъ благотворно, и войскамъ принадлежитъ вся честь подавленія чудовищнаго неповиновенія и спасенія края. Необъяснимымъ, говоритъ ген. Дренякинъ, остается, какъ эта Кандеевка, гнѣздо бунтовщиковъ (еще до усмиренія), по первому его черезъ старосту требованію, выставила около сотни подводъ, для доставленія къ утру изъ сосѣдняго села Поимъ, роты для усиленія отряда. На каждой телѣгѣ было по парню, которые и отправились за 25 верстъ съ предписаніемъ къ ротному командиру за подмогой генералу. По поводу усмиренія бунта ген. Дренякинъ дѣлаетъ замѣчаніе: «двадцать лѣтъ тому назадъ не было еще патологическаго явленія: считать бунтъ за естественный ростъ народа и деликатно обращаться съ бунтовщиками».

Слѣдуетъ добавить, что въ 1862 г. большинству сосланныхъ генер. Дренякинымъ было исходатайствовано полное помилованіе. («Русс. Старина» 1885, № 4 и «Историч. Вѣстникъ» 1881 г., № 12).

*) Въ послѣднее время напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ: «А. С. Пругавинъ.—Религіозныя отщепенцы». Спб. 1904.

воинская команда тамъ совершенно излишня. Вслѣдствіе этого въ 1886 г. команда была переведена изъ Соловокъ.

Если въ началѣ царствованія Александра II одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архимандритовъ и извѣстный защитникъ Соловецкой обители при нападеніи на нее англичанъ, от. Александръ, не находилъ очевидно ничего неестественнаго въ сохраненіи при монастырѣ аномаліи, оставшейся еще отъ прежнихъ вѣковъ, то легко понять, каково было положеніе здѣсь узниковъ во времена темноты и насилія, религіозныхъ гоненій и нетерпимости. Иноки, очевидно, исполняли свою печальную обязанность тюремщиковъ не только за страхъ, но и за совѣсть, и уже изъ представленнаго здѣсь описанія видно, насколько дѣйствительно тяжело было положеніе людей, отданныхъ подъ ихъ власть: никакихъ указаній на облегченія и смягченія, всегда возможныя со стороны администраціи во всякой тюрьмѣ, мы въ Соловецкой обители не видимъ. Не встрѣчается также нигдѣ, хотя бы и самымъ слабымъ образомъ выраженнаго, желанія представителей церкви снять съ себя такъ не свойственную и противорѣчащую евангельскому ученію обязанность.

Прошлое время,—было время желѣзное, мрачное своей жестокостью, и чуть ли не вся Россія стонала и страдала подъ насиліемъ и подъ ударами. Въ войскахъ, въ деревняхъ и на площадяхъ били и притѣсняли такъ же, какъ и въ семьяхъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ всякаго заблужденія или увлеченія была тюрьма, ссылка, кнутъ и розга, не щадившіе ни дѣтскаго возраста, ни старости, ни женской стыдливости.

С. Мартыновъ.

ВЪ ГАВАНИ.

Рабочій шумный день свиститъ, звенитъ, грохочетъ,—
Тяжелый стукъ колесъ гремитъ по мостовой...
Но суеты людской природа знать не хочетъ:
Сіяютъ небеса прозрачной синевой,
Лежитъ волна кругомъ лазурною пустыней
И, въ небо уходя, сверкаетъ гранью синей.

Съ тяжелой ношею, какъ мулы, другъ за другомъ
Они идутъ, идутъ... Нерасторжимымъ кругомъ
Ихъ жизнь очерчена. Сегодня — что̀ вчера:
Тупой, тяжелый трудъ, гнетущій трудъ съ утра
До вечера... Ихъ жизнь течетъ, какъ сонъ угрюмый,
И мрачно въ ихъ сердцахъ, и бродятъ злыя думы.
По лицамъ бронзовымъ струится грязный потъ.
Мучительная власть страданій и заботъ
На лбу ихъ провела глубокія морщины
И молодымъ, порой, уже вплела сѣди̂ны...

Кого здѣсь только нѣтъ! Суровая нужда
Волной страданія племенъ различья смыла —
И въ дружную семью ихъ всѣхъ объединила.
Вотъ—русскій, турокъ, грекъ... И гдѣ же ихъ вражда?!—
Здѣсь только жалкій рабъ своей судьбы печальной,
Здѣсь только человѣкъ съ душой многострадальной,
Раздавленный подъ молотомъ труда!

Н. Шрейтеръ.

ВЪ АМЕРИКУ.

— И вы уѣхали бы отсюда? Вѣдь здѣсь настоящій рай... послушайте только.

Вокругъ небольшой поляны съ темной покосившейся избой тихо шумѣли высокіе клены и тополя. Густая свѣжая трава дышала молодымъ весеннимъ ароматомъ... Ласково звенѣли переливы малиновки, и какія-то задорныя птички острымъ чириканьемъ въ перебой заглушали ея пѣнье. Чудесный весенній день смѣялся и ликовалъ.

Высокая дѣвушка съ красивымъ строгимъ лицомъ, сидѣвшая на пнѣ, молча шила, и только губы ея дрогнули на мгновенье иронической усмѣшкой.

Мейеръ сидѣлъ на заваленкѣ избы и оттачивалъ о ремень складной карманный ножъ. Вѣтерокъ игралъ его свѣтлыми волосами, и голубые глаза восхищенно улыбались майскому утру. Но пріятельница его жены не раздѣляла его восторга, а ему непреодолимо хотѣлось вызвать въ комъ-нибудь сочувствіе своей радости.

— Если бы вы знали, какъ скверно въ городѣ,—сказалъ онъ.—Вы вѣдь бывали въ нашемъ мѣстечкѣ... Душно, грязно... даже зимой нехорошо. И снѣгъ такой какой-то темный, словно кофейной гущей облитъ... А когда я сюда въ первый разъ пріѣхалъ... зимою, эти бѣлыя поля, лѣса... все такое бѣлое, чистое... я прямо обомлѣлъ, ей-Богу.

Онъ добродушно разсмѣялся и опять взглянулъ на дѣвушку. Она подняла на него свои черные безъ блеска глаза и раздражительно отвѣтила:

— Рай! хорошій рай... Меня деревья и птицы не накормятъ, а изъ снѣга, какой бы онъ бѣлый ни былъ, я себѣ платья тоже не сошью.

Мейеръ, сраженный этимъ замѣчаньемъ, замолкъ, но, подумавъ немного, покачалъ головой и тихо добавилъ:

— А всетаки... здѣсь очень хорошо.

— Рай, — продолжала дѣвушка, не слушая его.—Мы всю

жизнь голодали въ этомъ раю... И когда отецъ держалъ шинокъ, и потомъ, когда „монополія“ отняла... Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню... Господи, если бы я могла вырваться изъ этого рая!..

Мейеръ смущенно молчалъ. Ея слова скользили мимо его ушей, не задѣвая души, и ему совѣстно было и своего равнодушія, и ея жалобъ въ такое утро. То, что говорила о голодѣ эта красивая, умная дѣвушка, съ которой ему такъ легко и пріятно было разговаривать, — было ему слишкомъ знакомо. Онъ выросъ сиротой у пріютившаго его дяди, столяра, и перенесъ не мало холодныхъ и голодныхъ дней. Неожиданно для него самого его женили, когда ему не было еще восемнадцати лѣтъ, такъ какъ родственники и свахи рѣшили, что для одной некрасивой безприданницы онъ самый подходящій мужъ.

И съ тѣхъ поръ, какъ голодъ и попреки, и грязная лачуга въ грязномъ городишкѣ отошли въ прошлое, и онъ очутился среди лѣсовъ, полей и поющихъ птицъ, онъ сталъ часто ощущать въ себѣ радость, которая пьянила его, какъ вино, и дѣлала на мгновенья смѣлымъ и счастливымъ... Когда онъ замѣчалъ, что окружающіе его глухи и слѣпы къ тому, что наполняло радостью его, онъ испытывалъ смутное чувство неловкости и за себя, и за нихъ...

Тихо и ласково шумѣли клены и липы. Какія-то невидимыя птички легкомысленно перебивали мечтательную элегію малиновки, и съ бирюзоваго неба вмѣстѣ съ тепломъ, казалось, струилась какая-то нѣжная, едва уловимая мелодія. Изъ открытаго окна, за которымъ молился старый слѣпой тесть Мейера, звучало однотонное пѣнье еврейской молитвы съ внезапными вздохами и выкрикиваніями, похожими на вопли.

— А одинъ проѣздъ стоитъ около ста рублей, — промолвила вдругъ дѣвушка, отвѣчая себѣ на какую-то мысль.

— Въ Америку? — спросилъ Мейеръ, вытирая о колѣно отточенный ножъ.

— Въ Америку, конечно, въ Америку, куда же,—отвѣтила Малка,—сто рублей, а у меня двугривеннаго нѣтъ. Послѣдніе два рубля вчера урядчику отдали... Присталъ—нельзя вамъ жить въ деревнѣ и все... Перетаскивайте въ городъ лавчонку. А куда мы съ такой оравой потащимся. И заткнули глотку, чѣмъ было...

Геня, жена Мейера, вывела изъ избы слѣпого отца и, усадивъ его на заваленкѣ подлѣ мужа, склонила надъ работой подруги свое круглое неправильное лицо, усѣянное коричневыми веснушками. Бѣлая косынка на рыжихъ волосахъ старила ее, и лицо казалось изжелта-темнымъ.

— Для гувернантки?—спросила она.

— Да,—отвѣтила Малка, не поднимая головы.

Геня стала разспрашивать про еврейскую посессорскую семью, переѣхавшую недавно въ деревню на лѣтнее жительство, но Малка отвѣчала неохотно, потомъ огрызнулась:

— А что тебѣ?.. Хорошо, конечно, хорошо — чего имъ не достаетъ!..

Но Мейеру страшно хотѣлось знать, какъ эти богатые люди живутъ, на чемъ сидятъ, что ѣдятъ, и противъ его наивныхъ стремительныхъ вопросовъ Малка, бывшая въ усадьбѣ привилегированной особой въ качествѣ портнихи на „простыя вещи“,—устоять не могла. По мѣрѣ того, какъ она описывала великолѣпіе зеркалъ и золоченыхъ стульевъ, ковровъ и сервизовъ, строгость съ ея лица исчезала, губы улыбались мягче и глаза мечтательно скользили по верхушкамъ деревьевъ. Мейеръ, сжавъ колѣнями кисти рукъ и согнувшись, смотрѣлъ на нее въ упоръ, отъ времени до времени вставляя въ ея разсказъ восторженныя восклицанія. Геня чинила что-то съ невозмутимо-покорнымъ тихимъ лицомъ, а слѣпой старикъ слушалъ и иронически усмѣхался, и его сѣдые щетинистые усы вздрагивали... То ли онъ видалъ?!. Когда въ Богучинкѣ жилъ панъ Богучиньскій, у котораго Гершъ служилъ шорникомъ тридцать лѣтъ, домъ назывался не домомъ, а палаццомъ, и во всѣхъ залахъ было столько зеркалъ, золота и серебра, что глазамъ было больно смотрѣть. А флигель, гдѣ теперь контора и службы, былъ раньше однимъ заломъ подъ стеклянной крышей, и зимою, когда на улицѣ люди мерзли отъ холода, тамъ росли цвѣты, и съ земли брызгали воды до потолка, и пахло, какъ въ раю. А какія кареты у нихъ были, какія упряжи!..

Когда Гершъ начиналъ говорить о минувшемъ блескѣ богучиньскаго дома, онъ долго не могъ остановить потокъ своихъ воспоминаній. Въ свои живописные разсказы онъ, однако, никогда не вплеталъ обстоятельства, сыгравшаго немаловажную роль въ его собственной жизни. Вельможный панъ Богучиньскій однажды, будучи не въ духѣ, хлестнулъ его подпругой по лицу, и у него вытекъ лѣвый глазъ. А нѣкоторое время спустя, пропалъ и правый. Гершъ не любилъ, когда ему напоминали объ этомъ... Человѣкъ не всегда воленъ надъ собою... Со всякимъ можетъ случиться... Панъ Богучиньскій былъ золотой человѣкъ, упокой, Господи, душу его... Онъ не прогналъ его, когда онъ ослѣпъ, а предоставилъ пожизненно эту избу, на бывшей пасѣкѣ, и подарилъ корову, чтобъ ему земля легка была... Когда приходилось очень круто, не было дровъ, одежи, Гершъ съ женой, пока она жила, потомъ съ дочерью, отправлялись въ деревню, къ

волостному писарю, и тотъ писалъ имъ „въ кредитъ“ письмо къ молодому пану, въ Краковъ... И молодой Богучиньскій, пошли ему Богъ долгой жизни, присылалъ десять, пятнадцать рублей, а на свадьбу Гени прислалъ полтораста, дай ему Богъ добраго здоровья. И благословенія на родъ Богучиньскихъ, съ умиленной улыбкой, обильно сыпались изъ устъ Герша...

Почти ежедневно приходилъ на бывшую пасѣку такой-же старый, какъ Гершъ, Демко, Демко—кухаръ, какъ звала его вся деревня,—который служилъ поваромъ у помѣщика и польское названіе его профессіи осталось за нимъ въ видѣ прозвища. Это былъ высокій, худощавый старикъ съ длинными бѣлыми усами и синевато-сѣрой щетиной на давно небритыхъ щекахъ. Зиму и лѣто онъ носилъ высокую мерлушковую шапку и держался съ холоднымъ, замкнутымъ высокомѣріемъ, достойнымъ прямого потомка Сапѣги или Чарторыжскаго. Честь посѣщенія онъ оказывалъ во всей Богучинкѣ одному только Гершу, единственному оставшемуся въ живыхъ сослуживцу. Въ своей избушкѣ, подлѣ усадьбы, онъ одиноко доживалъ свою жизнь и при всѣхъ неизбѣжныхъ встрѣчахъ съ людьми гордо молчалъ и пыхтѣлъ трубкой. Его разсказы про великолѣпіе богучиньскаго палаццо были цвѣтистѣе и ярче воспоминаній Герша, такъ какъ кухня была ближе шорни къ барскимъ покоямъ. Но разсказы его проникнуты были яркой націоналистической тенденціей и нерѣдко его негодованіе противъ демократической струи, ворвавшейся въ Богучинку вмѣстѣ съ появленіемъ еврея-арендатора, проявлялось въ выраженіяхъ, оскорблявшихъ національное чувство обитателей старой пасѣки. Но эти тучки не надолго омрачали дружбу стариковъ, и въ слѣдующее посѣщеніе Демко оба опять воскрешали въ памяти тѣни давно перемершихъ пановъ и пань, блестящихъ графовъ и князей, которые когда-то проносились со своимъ счастьемъ и роскошью и утѣхами мимо ихъ трудовой, рабской жизни. Они оживлялись, говорили громче и выпрямляли свои согбенныя спины, словно не люди, на которыхъ они работали всю жизнь, а они сами когда-то широко наслаждались жизнью и буйно проявляли молодую удаль.

Мейеру, слушавшему всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, воспоминанія ихъ казались невѣроятною сказкой, чѣмъ-то несбыточнымъ, чѣмъ-то такимъ, о чемъ говорятъ, но чего въ жизни никогда не бываетъ, тогда какъ разсказы Малки про посессорскую семью были живой современною правдой, несомнѣнной дѣйствительностью, похожей на чудесную сказку. Онъ видѣлъ во снѣ этихъ счастливыхъ богатыхъ людей, мечталъ хоть однимъ глазомъ посмотрѣть на ихъ жизнь, и

когда изъ-за темной стѣны деревьевъ показался Демко и, важно роняя слова, объявилъ, что Мейера зовутъ въ усадьбу чинить какую-то мебель, онъ вспыхнулъ до ушей и съ шумной радостью сталъ благодарить старика.

Демко былъ въ большомъ возбужденіи и глубоко дышалъ, какъ человѣкъ, отдѣлавшійся отъ тяжкой, но необходимой обязанности. Онъ рѣшился заговорить съ прислугой изъ усадьбы, чтобы узнать, нѣтъ ли какой-либо работы для Мейера. Геня наканунѣ просила его объ этомъ. Она обратилась къ нему, а не къ Малкѣ, почти ежедневно бывавшей въ усадьбѣ, и Демко понялъ, что Геня не желаетъ отъ Малки услуги для мужа, и во имя полувѣковой дружбы рѣшился на жертву. Это была тяжелая жертва и значеніе ея понималъ одинъ только Гершъ, который удивленно пожималъ плечами и морщилъ лобъ, словно догадывался о чемъ то и не хотѣлъ догадаться.

Ни радость Мейера, ни благодарные взгляды его жены, не доставили Демку столько удовлетворенія, сколько досада, отразившаяся на лицѣ Малки. Къ ней онъ всегда питалъ глухую непріязнь. Она не раздѣляла его благоговѣнія передъ прошлымъ, въ которомъ были не только блестящіе балы и пріемы у Богучиньскихъ, но и вся его жизнь съ забытыми униженіями и горемъ и мерцавшими еще въ памяти призрачными радостями. Нерѣдко она высказывала мечты о счастливой настоящей жизни, какой живутъ настоящіе господа, и его возмущала ея дерзость. Но когда она доказывала свои права или пѣла пѣсни красивымъ, сильнымъ голосомъ, а лицо ея разгоралось и дѣлалось прекраснымъ и гордымъ, въ душѣ Демка пробѣгало признаніе ея правъ, и тогда его злоба къ ней возрастала.

Въ такія мгновенья блескъ богучиньскаго дома тускнѣлъ въ его памяти, и вся жизнь казалась прожитой скучно, нелѣпо... Эта „жыдівка", полунищая, будила въ немъ своими рѣчами смутную обиду на кого-то и смутныя сожалѣнія о чемъ-то, и этого онъ простить ей не могъ. Замѣтивъ, что онъ огорчилъ ее, предупредивъ ее, услугой Мейеру, онъ искренне обрадовался. Но желая въ то же время показать, что, не смотря на этотъ компромиссъ, его презрѣніе къ новому режиму въ богучиньскомъ домѣ остается неизмѣннымъ, онъ величаво завилъ усъ и ѣдко замѣтилъ:

— Пізнаты пана по Ивану... Прислуга—нечего сказать!

И когда Малка вызывающе спросила, чѣмъ прислуга не угодила ему, онъ отвѣтилъ съ уничтожающей насмѣшкой:

— Кто панъ, кто Иванъ—самъ чортъ не разберетъ... Галдятъ, хохочутъ—вольники тоже, тьфу!

Малка сверкнула глазами. Въ словахъ Демка она чувствовала протестъ не только противъ посессорской семьи, къ ко-

торой считала себя прикосновенной, хотя-бы однимъ происхожденіемъ, но и противъ всего, что ново, молодо и непохоже на то прошлое, передъ которымъ онъ до сихъ поръ благоговѣлъ. А она знала, что къ этому пышному прошлому онъ самъ былъ такъ же мало причастенъ, какъ она къ настоящей жизни въ господской усадьбѣ, и ее подмывало зло высмѣять его, сказать ему что-нибудь дерзкое, оскорбительное. Но не желая ссоры, она молча и торопливо собрала работу и пошла домой. Геня слабо удерживала ее, а Мейеръ съ безсознательнымъ удовольствіемъ провожалъ глазами ея тонкую, стройную фигуру, пока она не исчезла за плотнымъ кольцомъ деревьевъ.

II.

Мейеръ съ отдѣланными карнизами на плечахъ шелъ въ усадьбу узкой межею среди нивъ. Солнце садилось и въ розовѣвшей дали висѣло надъ зеленымъ моремъ ржи большимъ краснымъ шаромъ. На востокѣ небо уже темнѣло и опиралось на лѣса, какъ на черныя стѣны. Мейеръ часто останавливался, глубоко вдыхалъ воздухъ, широко раскрывая ротъ и улыбаясь, оглядывался назадъ, озирался кругомъ и глядѣлъ вверхъ, въ глубокое синее небо. Онъ не насытился еще красотой деревенскаго простора и наслаждался, какъ художникъ, поэтъ. Радостное настроеніе его усиливалось ожиданіемъ предстоящаго удовольствія въ усадьбѣ...

Въ комнатахъ, гдѣ онъ работалъ, онъ любовался невиданной мебелью, картинами, предметами, назначенія которыхъ онъ даже не понималъ; за окнами, въ паркѣ, онъ видѣлъ свѣтлыя, нарядныя платья, странныя игры, въ которыхъ принимали участіе и взрослые, и дѣти... Тамъ смѣялись, шутили, говорили на чуждыхъ языкахъ, и голоса звучали ласково, пѣвуче... Люди эти красиво ходили, красиво кланялись, называли другъ друга красивыми именами. За стѣной играли на рояли, пѣлъ мужской голосъ и женскій, или пѣли вмѣстѣ, и пѣсни, и музыка, и все, что Мейеръ видѣлъ и слышалъ— обвѣяно было красотой, какъ природа въ эти дни дыханьемъ весны.

Каждый день онъ уносилъ въ своей душѣ отраженіе новой частички красоты, наполнявшей господскую усадьбу... Когда онъ сопоставлялъ эту жизнь съ своей или жизнью людей, которыхъ онъ зналъ, въ головѣ его вспыхивали вопросы, которыхъ онъ разрѣшить не могъ, и они оставляли въ душѣ его тревогу и безпокойное желаніе ближе и дольше вдыхать этуманивавшую его красоту.

Рыжій рослый дворникъ ввелъ его въ большую квадратную

комнату, гдѣ надо было отполировать кой-какую мебель. Окна и двери смежнаго зала выходили на широкую каменную террасу и, лишь только Мейеръ вошелъ въ комнату, все его вниманіе обратилось туда. На чайномъ столѣ игралъ радугой на солнцѣ хрусталь и сверкало серебро. Въ высокихъ вазахъ стояли цвѣты и кругомъ въ кадкахъ, въ жардиньеркахъ и на столикахъ пестрѣли цвѣты, съ широкими и узкими листьями, бѣлые, алые, отъ нихъ шелъ густой смѣшанный запахъ, отъ котораго у Мейера кружилась голова.

У одной изъ колоннъ террасы стояла бѣлокурая женщина въ голубомъ платьѣ съ розой въ рукахъ, а подлѣ нея студентъ въ черной тужуркѣ, такой же красивый и молодой, какъ она, но высокій и смуглый, съ черными вющимися волосами. Мейръ зналъ уже, что это племянникъ посессора, а бѣлокурая женщина—жена его старшаго сына. Они говорили очень тихо, и Мейеръ едва улавливалъ слова, но оба, озаренные розовымъ золотомъ заката, были красивѣе цвѣтовъ и серебра: Мейеръ не могъ оторвать отъ нихъ глазъ. Его смутно волновалъ ихъ неслышный разговоръ, а когда студентъ быстро провелъ рукой по волосамъ, а женщина опустила голову и стала обрывать съ розы лепестки, у него дрогнуло сердце жуткимъ предчувствіемъ. Вдругъ студентъ схватилъ руки женщины и привлекъ ее къ себѣ и, когда она вскрикнула и хотѣла его оттолкнуть, онъ зажалъ ей губы поцѣлуемъ... Мейеръ застылъ отъ ужаса, но не могъ отвести взгляда отъ этой голубой женщины и высокаго юноши, на нѣсколько мгновеній замершихъ въ объятьи. Сразу они, цвѣты и темная аллея, уходившая отъ террассы въ широкій паркъ, окрашенный вечернимъ золотомъ, слились передъ нимъ въ одно странное радужное пятно, ему страшно было и сладостно-жутко смотрѣть. Онъ зналъ, что этотъ юноша цѣлуетъ чужую жену, и что это ужасно, что это грѣхъ, и весь дрожалъ, но не отъ возмущенія, а отъ страха за нихъ. Послышались голоса, шаги, студентъ и женщина разошлись въ разныя стороны. На террассѣ скоро собралась вся семья. Стало шумно.

Въ комнатѣ, гдѣ работалъ Мейеръ, быстро темнѣло, потому что передъ окнами росли широкія липы, но онъ не уходилъ... Онъ видѣлъ на яву дивный сонъ... Это была не сказка какая-нибудь про графовъ, князей, про которыхъ разсказывали Демко и тесть. Передъ нимъ были живые люди и даже не „настоящіе паны“, а просто евреи, какъ онъ самъ, какъ его близкіе, и они живутъ, какъ въ сказкахъ, среди цвѣтовъ, въ роскошныхъ залахъ, и отношенія между ними, какъ въ сказкѣ, тайныя, непонятныя... Онъ смотрѣлъ, слушалъ и упивался красотой и ароматомъ невѣдомой жизни...

Старшая дочь отвела студента въ сторону и спросила его, чѣмъ онъ разстроенъ. Онъ отвѣтилъ:—я получилъ дурныя извѣстія о товарищахъ.—Дѣвушка кротко взглянула на него, и оба сѣли за столъ... А жена посессора, высокая худощавая, съ озабоченнымъ блѣднымъ лицомъ, говорила женщинѣ въ голубомъ платьѣ:—у Гриши полируютъ уже мебель—комната скоро будетъ готова.—Мейеръ видѣлъ, что при имени Гриши молодая женщина повела плечами и сощурила глаза. Онъ представилъ себѣ этого Гришу толстымъ рыжимъ мужчиной, съ приплюснутымъ носомъ и гнусавымъ говоромъ, и душа его заныла отъ жалости къ молодой женщинѣ. Мейеръ перевелъ глаза на студента... Два гимназиста-подростка что-то оживленно разсказывали ему, перебивая другъ друга, но Мейеръ видѣлъ по его глазамъ, что онъ не слушаетъ ихъ и думаетъ о другомъ...

Сумерки сгущались. Горничная вынесла на террасу свѣчи подъ стеклянными колпачками, и лица, зелень и цвѣты освѣтились голубоватымъ призрачнымъ свѣтомъ... Дочь посессора стала упрашивать студента спѣть что-нибудь, но онъ отказался, ссылаясь на головную боль, а женщина въ голубомъ платьѣ склонила голову на руки и молчала... Дѣвушка ушла въ залу одна и заиграла что-то тихое и печальное. Мейеръ уже не работалъ, а сидѣлъ на подоконникѣ и слушалъ, и ему хорошо и грустно было отъ музыки и до боли жалко людей, которые страдали на его глазахъ, а онъ не въ силахъ былъ имъ помочь... То, что онъ видѣлъ и слушалъ, наполняло его душу тревогой и мечтами, какъ интересная пьеса душу чуткаго зрителя, и этотъ подсмотрѣнный имъ уголокъ жизни, загадочной и прекрасной, казался ему дѣйствительностью, потому лишь, что онъ больше въ этомъ сомнѣваться не могъ.

Въ комнату, громко стуча сапогами, вошелъ рыжій Степанъ и, свертывая изъ газетной бумаги цыгарку, спросилъ Мейера, не намѣренъ ли онъ ночевать въ усадьбѣ на „паньской“ кровати. Мейеръ молча собрался и ушелъ.

Въ полѣ было свѣжо и пахло росою. На темномъ небѣ уже свѣтлѣлъ тонкій серпъ луны. Загорались и вздрагивали яркія звѣзды. Гдѣ-то далеко протяжно и жалобно вскрикивала птица, и Мейеру слышался умоляющій женскій голосъ. Птица замолкла, но молодой взволнованный голосъ звенѣлъ въ его ушахъ. Онъ озирался на всѣ стороны, но вездѣ было пустынно и безмолвно. Передъ собой онъ вдругъ увидѣлъ высокій тополь, невѣдомо зачѣмъ одиноко выросшій въ полѣ, и онъ слился въ его воображеніи въ одинъ печальный образъ съ стройнымъ юношей въ черной тужуркѣ... Глаза

его затуманило влажною мглою; онъ вздрогнулъ и, ускоривъ шаги, направился къ бывшей пасѣкѣ, домой.

III.

— Какіе они всѣ добрые, ласковые,—говорилъ Мейеръ.— Я еще такихъ людей не видалъ...

— Когда люди сыты, они ласковы, а когда голодны— кусаются, вотъ!— съ сердцемъ отвѣтила Малка.— Отчего посессоршѣ быть злой — ее урядникъ гонитъ изъ роднаго угла? Отчего барышнѣ Лизѣ быть сердитой—у нея, быть можетъ, сапоги въ дырахъ? А молодая мадамъ, а студентъ — отчего имъ быть неласковыми? У нихъ хлѣба нѣтъ? На зиму, можетъ быть, дровъ не будетъ? Добрые! А попроси я у нихъ сто рублей на Америку—дадутъ они, какъ вы думаете?

— Можетъ быть, и дадутъ,—неувѣренно отвѣтилъ Мейеръ.

Малка разсмѣялась злымъ, сухимъ смѣхомъ.

— Дадутъ! Нищему, калѣкѣ гривенникъ дадутъ и чтобы ихъ за это похвалили! А сто рублей — подавятся ими, а не дадутъ! Но не доживутъ они, чтобъ я у нихъ просила...

— Якъ Малка заведетъ шарманку про Неймановъ, можно думать, что они забрали у нея весь „маіонтэкъ“,—язвительно сказалъ Демко. Ея нападки на Неймановъ нисколько его не волновали. Это были для него мертвыя, бездушныя слова. Вся тлѣвшая еще въ немъ жизненная энергія вспыхивала только при напоминаніи о прошломъ Богучиньки и панахъ Богучиньскихъ, но такъ какъ онъ не любилъ Малку, то не могъ упустить случая подразнить ее.

Малка обвела взглядомъ дремавшаго Герша, Геню, стоявшую съ метлою въ дверяхъ, и Мейера, точно испрашивая у нихъ разрѣшенія на что-то, и остановила глаза на Демко.

— Если бы не было богачей Неймановъ,— начала она съ сдержаннымъ волненіемъ,—то не было бы такихъ несчастныхъ, какъ я, а если бъ не было магнатовъ Богучиньскихъ — не было бы Демка — кухара и слѣпого Герша, а былъ бы панъ Демко и зрячій раби Гершъ! А кто не панъ, тотъ хамъ! Вотъ вамъ! — закончила она и, вскочивъ съ заваленки, быстро вошла въ избу.

Демко послалъ ей въ догонку „жыдівку“ и плевокъ, и надвинувъ шапку на побагровѣвшее отъ гнѣва лицо, усиленно запыхалъ трубкой.

Въ избѣ съ землянымъ поломъ, съ балками и печью, занимавшей треть комнаты, стояла огромная деревянная кровать съ горой перинъ и подушекъ, вдоль стѣнъ двѣ широкія лавки и межъ двумя квадратными окошками некрашеный

столъ. Малка разложила свою работу и принялась шить. Геня подошла къ ней и молча смотрѣла на нее. Покорная и тихая, она не понимала ея злобы, и ея взволнованныя рѣчи смутно пугали ее. Порой, когда она улавливала восхищенные взгляды, улыбки, съ которыми Мейеръ слушалъ ея подругу, въ ней вспыхивало нехорошее темное чувство, но быстрое, мимолетное... И когда она думала о томъ, какъ тяжело живется Малкѣ, ея матери и отцу, и что девять человѣкъ дѣтей съ тѣхъ поръ, какъ родились, ни разу не были вполнѣ сыты, ея сердце обливалось слезами, потому что ей нечѣмъ было подѣлиться съ ними. Малка молча, лихорадочно шила нѣсколько минутъ, потомъ бросила работу въ сторону и стукнула кулакомъ по столу.

— Не могу я больше жить такъ! — вскрикнула она. — Не могу и не хочу, не хочу, не хочу! Чѣмъ я хуже другихъ? Чѣмъ я хуже какой-нибудь Нейманъ? Посмотри, какіе у меня сапоги! Смотри, смотри... безъ подметокъ... У меня ноги болятъ, ноютъ... Пальцы пухнутъ!.. Дома грязно, шумно, плачъ, визгъ... Я не могу больше! Я съ ума сойду!

— Успокойся, успокойся, Малка! — говорила Геня, блѣдная и печальная.—Богъ поможетъ... Богъ...

— А-а-а! — точно отъ сильной боли простонала Малка.— Богъ поможетъ... поможетъ... въ горничныя опять пристроиться, въ няньки или въ мастерицы на шести рубляхъ въ мѣсяцъ... Не надо мнѣ! Ничего мнѣ не надо! Лучше я пропаду... совсѣмъ пропаду... Я знаю, что я сдѣлаю... И я это сдѣлаю, Геня... Увидишь, Геня, я это сдѣлаю!.. — истерично вскрикивала она и, уронивъ голову на столъ, зарыдала: горько, глухо, словно сотни, тысячи забытыхъ, обойденныхъ на праздникѣ жизни плакали ея слезами.

Заслышавъ въ сѣняхъ шаги, она быстро вытерла слезы, и, отвернувъ лицо отъ свѣта, низко наклонилась надъ работой.

Къ столу подошелъ Мейеръ и, добродушно улыбаясь, сказалъ:

— Опять затянули пѣсню про Богучиньскихъ.

Геня чуть раздвинула губы въ снисходительную усмѣшку, а Малка печальнымъ, сдавленнымъ голосомъ, въ которомъ дрожали еще рыданья, отвѣтила:

— Можетъ быть, такъ и надо, чтобы люди были довольны, когда другіе сыты, богаты, счастливы... Можетъ быть, такъ и лучше... Желать для себя—только мука... Все равно никогда ничего не получишь...

— Почему никогда! — серьезно, почти строго сказалъ Мейеръ.—И если вы вѣрите въ Бога, какъ вы можете говорить такія слова.. И откуда вы знаете, что въ Іомъ-Кипуръ

рѣшено на небѣ сдѣлать съ вами, съ Геней, со мной... Можетъ быть, тамъ рѣшено, чтобъ вашъ отецъ сталъ хорошо торговать и устроилъ себѣ большую лавку, а не такую, какъ теперь съ дегтемъ и съ нитками... Кто можетъ знать... Быть можетъ, Богъ рѣшилъ, чтобъ черезъ годъ мы всѣ были богаты и жили, какъ Нейманы, въ чистыхъ красивыхъ комнатахъ, и чтобъ у насъ тоже пахло цвѣтами...

Малка прервала его:

— Я живу уже двадцать два года и помню только голодъ, холодъ, муки... А за что? за что?.. И куда мнѣ броситься? что я могу сдѣлать? Чтобы въ городъ поѣхать какое-нибудь подлое мѣсто искать, нужно три рубля... У насъ ихъ нѣтъ. И когда они могутъ быть, когда девять ртовъ ежедневно просятъ хлѣба... Что же вы говорите глупости, Мейеръ? Мы всѣ, какъ въ тюрьмѣ сидимъ... Мы всѣ въ желѣзныхъ цѣпяхъ... и никуда не можемъ двинуться. Потому что нищета это—желѣзныя цѣпи...

— Говорятъ, отецъ Неймана былъ носильщикъ,—робко вставила Геня.

— Да, да!—горячо подхватилъ Мейеръ,—я тоже слышалъ... я тоже слышалъ... А теперь они купаются въ золотѣ. Отчего это съ нами не можетъ быть... Богъ одинъ для всѣхъ... И если Онъ захочетъ, то мы тоже будемъ жить, какъ Нейманы, и вы, и Геня тоже будете имѣть красивыя платья, а наши дѣти будутъ играть на фортепіанѣ, а когда Малка будетъ пѣть, гости тоже будутъ хлопать и кричать: „браво, браво, браво“.

Обѣ женщины улыбнулись, и лицо Малки просвѣтлѣло.

— Да, мы разъ съ Геней смотрѣли въ окна, когда у нихъ было много гостей,—заговорила она тихо и мягко, какъ успокоенный ребенокъ.—Тогда былъ настоящій балъ... И барышня Лиза пѣла, и тоже всѣ кричали „браво, браво“ и хлопали... А она вовсе не такъ хорошо поетъ.

— Кричитъ... точно ее душатъ,—замѣтила Геня.

— Вы поете гораздо лучше!—убѣдительно сказалъ Мейеръ.

Прелестное лицо Малки заиграло улыбкой, она представила себя въ бѣломъ платьѣ, съ брилліантами, какъ молодая мадамъ Нейманъ, она поетъ передъ гостями въ освѣщенномъ красивомъ залѣ, и всѣ ее окружаютъ и говорятъ: „браво, браво, браво!..“

Всѣ трое, Малка, Геня, Мейеръ, быстро и перебивая другъ друга, заговорили о томъ, что они сдѣлаютъ, когда Богъ, который Одинъ для всѣхъ и никого не забываетъ... Когда Богъ пошлетъ имъ богатство, какъ послалъ Нейманамъ, и рисовали картины упоительной, счастливой жизни и стыдливо улыбались, точно совѣстились своихъ словъ...

Въ низкой комнатѣ съ земляннымъ поломъ стоялъ отраженный тусклыми стеклами зеленый полусвѣтъ.

IV.

Мейеръ зашелъ за разсчетомъ въ контору экономіи. Въ передней онъ снялъ картузъ, вытеръ платкомъ лицо и, стараясь не стучать сапогами, вошелъ въ большую, длинную комнату, раздѣленную барьеромъ на двѣ половины. Но тамъ никого не оказалось. Въ смежной комнатѣ, противъ открытыхъ дверей, сидѣлъ за письменнымъ столомъ студентъ, котораго Мейеръ звалъ уже мысленно Петей, а передъ нимъ въ креслѣ-качалкѣ молодой конторщикъ.

Замѣтивъ Мейера, конторщикъ подался немного впередъ и крикнулъ:

— Подождите, я сейчасъ приду...

Мейръ сталъ у стѣнки, подлѣ барьера, потому что стулья стояли только по ту сторону барьера, передъ конторками.

Мейеръ изъ деликатности старался смотрѣть на парусинныя шторы, чуть волновавшіяся на окнахъ, на солнечныя пятна, трепетавшія на стѣнахъ и на полу, но глаза его непобѣдимо влекло къ раскрытой двери.

Студентъ, облокотившись одной рукой о столъ и глядя въ окно, разсказывалъ съ увлеченіемъ о какой-то дивной странѣ, куда онъ ѣздилъ прошедшимъ лѣтомъ, гдѣ на высокихъ горахъ зимой и лѣтомъ сверкаютъ снѣга и закованныя въ скалы голубыя и зеленыя воды, прозрачны, какъ стекло. Онъ называлъ молодого человѣка Николаемъ Ароновичемъ.

Мейеръ внимательно и жадно уставился на конторщика. Онъ зналъ, что фамилія его Шпытцъ и родители торгуютъ старыми вещами въ сосѣднемъ городѣ, и ему казалось невѣроятнымъ и упоительнымъ, что еврей, выросшій въ такойже нищетѣ, быть можетъ, какъ онъ самъ, можетъ называться Николаемъ Ароновичемъ, носить голубыя манишки, и такъ свободно сидѣть въ барскомъ креслѣ.

— Меня и теперь опять тянетъ куда-то... далеко,—говорилъ студентъ,—къ морю...

— Я видѣлъ море въ Маріуполѣ,—вставилъ конторщикъ,—когда ѣздилъ къ призыву.

— Да что тамъ Маріуполь,—сказалъ студентъ,—море надо видѣть въ Крыму, въ Италіи... Когда оно лежитъ передъ вами голубое, необъятное... и всегда поетъ, поетъ, а въ Маріуполѣ... что тамъ въ Маріуполѣ—лужа, а не море...

Мейеръ уловилъ на лицѣ конторщика тѣнь обиды и со-

жалѣнія, и въ душѣ его шевельнулось смутное чувство недоброжелательства къ этому счастливому студенту, который разсказывалъ красивыми, полупонятными Мейеру словами о далекомъ, настоящемъ морѣ, которое поетъ, поетъ...

— А въ Венеціи вы были?—спросилъ конторщикъ.

— Въ Венеціи... какже—о, Венеція—это сказка, это сонъ... Ночь въ Венеціи—этого описать нельзя; я жилъ тамъ съ семьею дяди... цѣлую недѣлю. — Онъ закрылъ глаза рукою и медленно добавилъ:

— Это блѣдно-синее море, эти пѣсни, эта печаль...

Въ выраженіи его лица и затихшемъ вдругъ голосѣ Мейеръ почувствовалъ муку и тоску; онъ вспомнилъ бѣлокурую женщину, которую студентъ цѣловалъ на террасѣ, и сердце его опять дрогнуло жалостью и сочувствіемъ къ нимъ обоимъ.

— Много красивыхъ городовъ на свѣтѣ,—задумчиво замѣтилъ конторщикъ.

— О, да... Міръ такъ прекрасенъ!—громко сказалъ студентъ, встряхнувъ головой.

— Для счастливыхъ...—тихо добавилъ конторщикъ.

— Міръ такъ прекрасенъ!—повторилъ студентъ, не слушая его.—Я жилъ нѣсколько недѣль въ Пиринеяхъ,—онъ назвалъ какой-то городъ, но названіе ускользнуло отъ напряженнаго вниманія Мейера, и разсказывалъ долго, съ жаромъ, съ увлеченіемъ, какъ съ высокихъ горъ тамъ летятъ съ шумомъ пѣнящіяся воды, и ночью на небѣ горятъ, какъ алмазы, крупныя звѣзды, и распускаются бѣлые душистые цвѣты, и какіе тамъ счастливые и свободные люди, и какъ онъ самъ былъ тамъ счастливъ. Выпрямляясь, онъ красиво встряхивалъ головой и смотрѣлъ въ окно на далекіе темные лѣса, подпиравшіе голубой куполъ неба...

Конторщикъ смотрѣлъ сначала на студента, потомъ на косякъ двери, и голова его опускалась ниже, ниже, словно изъ этой красивой повѣсти для него вырисовывалась необходимость, которой онъ долженъ былъ покориться.

Гдѣ-то въ домѣ задрожалъ долгій прерывающійся звонокъ, словно наскакивающій на какое-то препятствіе; студентъ всталъ и, направляясь къ двери, сказалъ конторщику:

— Зайдите вечеркомъ... Я для васъ книжки приготовлю...

Конторщикъ медленно, какъ во снѣ, подошелъ къ барьеру и спросилъ Мейера, что ему нужно.

Мейеръ несмѣло отвѣтилъ.

— Да... да,—разсѣянно тянулъ конторщикъ,—вамъ слѣдуетъ...—Онъ заглянулъ въ одну изъ книгъ, щелкнулъ на счетахъ, и, открывъ конторку, молча протянулъ Мейеру два серебряныхъ рубля.

Мейеръ смотрѣлъ въ полъ и не замѣтилъ протянутой руки.

— Вотъ... два рубля,—негромко сказалъ конторщикъ.

Мейеръ поднялъ голову, и оба нѣсколько мгновеній затуманенными глазами смотрѣли другъ на друга.

Мейеръ взялъ деньги, машинально опустилъ ихъ въ карманъ и повертѣлъ въ рукахъ свой картузъ.

Конторщикъ вопросительно взглянулъ на него.

— Я хочу васъ спросить...—нерѣшительно началъ онъ.

— Ну?

— Я хотѣлъ-бы знать... Мнѣ очень нужно... Скажите мнѣ, пожалуйста... Венеція и Пиринеи... это будетъ по дорогѣ въ Америку?

Мечтательно затуманенные глаза конторщика мгновенно прояснились, и лицо заиграло молодой насмѣшливой улыбкой.

— Венеція и Пиринеи... гмъ... надо сдѣлать маленькій крюкъ,—отвѣтилъ онъ съ тонкой ироніей, оглядывая Мейера съ ногъ до головы.

Мейеръ потоптался немного и, словно набравшись духу, быстро проговорилъ:

— Потомъ еще я хотѣлъ спросить... скажите, пожалуйста: какъ будетъ по-русски Мейеръ?

— Мейеръ?—насмѣшливо улыбаясь, сказалъ конторщикъ и, подумавъ немного, добавилъ:

— Мейеръ, будетъ Миронъ.

— Миронъ,—тихо повториль Мейеръ.

— Да, Миронъ, можно и Морисъ, — не переставая улыбаться, но вѣско отвѣтилъ Николай Ароновичъ.

— Морисъ лучше,—все также тихо промолвилъ Мейеръ и, скосивъ глаза въ сторону, поспѣшно спросилъ,—а Малка?

— А Малка можетъ быть Людмила,—твердо отвѣтилъ молодой человѣкъ...

— Благодарю васъ, извините за безпокойство,—смущенно говорилъ Мейеръ, отодвигаясь къ дверямъ.

— Не за что, не за что...—снисходительно и весело сказалъ конторщикъ и, засвиставъ арію изъ „Гейши“, зашагалъ изъ конторы.

Мейеръ быстро шелъ домой золотившимися уже полями, съ такимъ видомъ, словно узналъ нѣчто весьма радостное и важное для него.

Мысли его таяли, какъ бѣлыя тучки на небѣ, и вспыхивали вновь, какъ зарницы. Прозрачныя воды горныхъ озеръ, поющее голубое море, обрывки полупонятыхъ чудныхъ рѣчей наполняли его душу звенящей, подмывающей волной, и въ сердце стучались смутныя грезы, и безформенныя еще, но сильныя и смѣлыя надежды ударяли въ голову, какъ хмѣль... Отъ волненія и скорой ходьбы онъ усталъ и опустился на камень, лежавшій на межѣ... Высокая рожь закрывала его

со всѣхъ сторонъ сквозной золотисто-зеленою стѣной, а надъ нимъ медленно спускался къ землѣ раскаленный огненный шаръ.

Мейеръ снялъ картузъ, провелъ рукой по волосамъ, прилипшимъ ко лбу и, глядя въ небо, медленно произнесъ:

— Морисъ... Людмила...

Слова потонули въ шелестѣ ржи, а онъ, щурясь, смотрѣлъ прямо въ солнце и широко улыбаясь, повторялъ пѣвуче, медлительно:

— Морисъ... Людмила... Морисъ... Людмила...

Надъ моремъ ржи показалась черная головка, потомъ забѣлѣла кофточка. Мейеръ испуганно вздрогнулъ, когда подлѣ него остановилась Малка, и вскочилъ.

— Что вы здѣсь дѣлали?—спросила она, съ удивленіемъ глядя на его красное, смущенное лицо.

Мейеръ разсказалъ, что ходилъ въ усадьбу за разсчетомъ.

— А я къ вамъ,—сказала дѣвушка,—пойдемте вмѣстѣ.

Они стояли на узкой межѣ, по поясъ во ржи, тихо рябившей, какъ вода въ хорошій день.

Мейеръ пропустилъ Малку впередъ и пошелъ за нею.

— Что же... много вы получили?—спросила дѣвушка, не оборачиваясь.

— Два рубля!—равнодушно отвѣтилъ Мейеръ.

— Два рубля!—вскрикнула Малка и, круто обернувшись, остановилась.—Два рубля! За пять дней работы! Чтобъ имъ житья на этомъ свѣтѣ не было! А мнѣ за кофточку тридцать копѣекъ платятъ! Пьявки они, пьявки, будь они прокляты!—Богачи, урядники, всѣ сосутъ, сосутъ нашу кровь!... Вы видите! Вы понимаете!—почти кричала она, сверкая глазами.—А въ Америкѣ вы получили бы восемь рублей, а я съ кофточки по два рубля.—Боже мой, если бъ я только могла вырваться, если бъ я только могла!...

— Я уже давно думаю... я даже рѣшилъ поѣхать въ Америку,—сдержанно, серьезно и, словно прислушиваясь къ собственнымъ словамъ, сказалъ Мейеръ.—Я не буду только пока говорить, пока денегъ не соберу.

— Поѣзжайте! Поѣзжайте! — вдохновенно заговорила Малка.—Дай вамъ Богъ счастья! Если бы и я... если бъ я могла!..

— Вы тоже уѣдете... Богъ поможетъ!—тихо сказалъ Мейеръ.

— Никогда я не уѣду, никогда!—глухо и злобно отвѣтила дѣвушка.—Будемъ мучиться, будемъ голодать, и я, и мои сестры, и мои братья. Намъ Богъ не поможетъ... Богъ забылъ...

Но Мейеръ, осѣненный внезапной мыслью, быстро прервалъ ее:

— Вотъ что... Какъ только я заработаю, я пришлю вамъ изъ Америки билетъ, а вы потомъ выплатите мнѣ... Такъ всѣ дѣлаютъ.

Малка недовѣрчиво усмѣхнулась, безнадежно махнула рукой и опять пошла впереди Мейера.

Ему это обѣщаніе не казалось призрачнымъ и шаткимъ, какъ Малкѣ, но онъ сознавалъ отдаленность его осуществленія. Ему хотѣлось утѣшить дѣвушку, но въ утѣшеніе онъ могъ ей сказать только то, что его самого волновало радостной надеждой, возможностью приближенія къ счастью, къ празднику жизни...

— А знаете,—началъ онъ съ дѣланной ироніей въ голосѣ, такъ какъ опасался показаться смѣшнымъ,—я васъ буду звать теперь Людмила—я сегодня узналъ, что Малка по-русски Людмила, а вы можете звать меня Морисъ...

Малка пожала плечами и отвѣтила:

— Что же... мы отъ этого счастливѣе станемъ? Мнѣ все равно.

Мейеръ замолкъ.

— Если бы вы знали, какія красивыя мѣста есть на свѣтѣ,—началъ онъ, минуту спустя.

— А вы тамъ бывали? — съ печальной ироніей спросила Малка.

— Я слышалъ... Студентъ разсказывалъ конторщику... Есть одно море, голубое такое, и ѣдешь по немъ день и ночь, день и ночь и не видно...

— Богатымъ людямъ вездѣ хорошо,—рѣзко оборвала его Малка.

Они подходили къ пасѣкѣ. На заваленкѣ избы, подлѣ отца, сидѣла Геня и штопала чулки.

При видѣ мужа и подруги, она съ тревожнымъ удивленіемъ подняла брови и молча опустила работу на колѣни.

— Я принесъ тебѣ деньги... на! и привелъ тебѣ Людмилу—сказалъ Мейеръ и, грустно улыбаясь, опустился на пень. Потомъ онъ сообщилъ, что его имя по-русски Морисъ, а когда слѣпой Гершъ спросилъ, какъ будетъ въ переводѣ Геня, онъ изумленно взглянулъ на жену и, добродушно смѣясь, отвѣтилъ:

— Я не спрашивалъ.

Старикъ умолкъ, а Геня, вспыхнувъ темнымъ, некрасивымъ румянцемъ, низко опустила голову надъ работой.

Темнѣло. Зажигались звѣзды и всходила большая яркая луна. Пришелъ старыйДемко, курилъ трубку, а Мейеръ разсказывалъ про голубое далекое море, которое поетъ день и ночь, про горы, гдѣ зимой и лѣтомъ на вершинахъ свер-

каютъ снѣга, про чудныя рѣки и великолѣпные города и что все это можно видѣть по дорогѣ въ Америку...

Демко не ругалъ евреевъ и думалъ о сынѣ, красавцѣ—Стасѣ, который много лѣтъ назадъ тоже ушелъ искать счастья въ великолѣпныхъ городахъ и больше не вернулся... Гершъ съ дочерью слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждое слово откликалось въ ихъ сердцахъ тоскливымъ предчувствіемъ. Въ робкомъ сіяньи луны, затѣненной высокими деревьями, лица казались тонкими и блѣдными... Словно отблескъ чуждого счастья, чуждого праздника, ликовавшаго гдѣ-то вдали, на этихъ далекихъ отъ жизни людей бросалъ печальную тѣнь...

V.

Въ холодный и ясный ноябрьскій день Мейера провожали на станцію. Въ теченіе лѣта Мейеръ работалъ въ посессорской и сосѣднихъ усадьбахъ, сколачивалъ некрашеные столы и табуреты и возилъ на ярмарки, чинилъ мѣшки, красилъ крыши, поставлялъ керосинъ и къ осени за продажей перины и двухъ подушекъ собралась сумма, на которую онъ, по своимъ соображеніямъ, могъ добраться до Америки. Въ одинъ субботній день, когда они сидѣли втроемъ въ празднично прибранной выбѣленной комнатѣ, онъ сдержанно и тихо объявилъ о своемъ рѣшеніи.

Геня разрыдалась.

Но Мейеръ, похудѣвшій и блѣдный, неподвижно смотрѣлъ въ сторону, точно готовился къ этому испытанію, и Геня послѣ первыхъ слезъ поняла, что всѣ мольбы и вопли будутъ напрасны. Старикъ поднялъ голову и слушалъ, удивленно морща лобъ, словно не понимая, въ чемъ дѣло; но когда понялъ, затрясъ бородой, и развелъ руками, какъ будто желая ухватиться за что-то... Мейеръ быстро подошелъ къ нему и взялъ его за руки.

— Тесть, иначе быть не можетъ .. Нельзя такъ жить всю жизнь... Я и самъ не зналъ—я думалъ—лучше Богучинки ничего нѣтъ на свѣтѣ... Но теперь я знаю... И я долженъ ѣхать... Я не могу... я не могу,—глухо и твердо говорилъ онъ.

Но старикъ только качалъ головой, растерянно, безнадежно, словно оплакивалъ покойника.

Осенній вѣтеръ кружилъ сухіе желтые листья и съ громкимъ шелестомъ бѣгалъ по соломенной крышѣ... Голыя черныя вѣтви тоскливо гнулись, словно ослабѣвая въ борьбѣ и, отчаянно выпрямившись на мгновенье, безпомощно склонялись опять...

Геня закрыла лицо руками и, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ, всхлипывала.

— Зачѣмъ ты плачешь, Геня? Зачѣмъ ты мучаешь меня и себя! — говорилъ Мейеръ, и брови его поднимались, и на лбу собирались густыя, густыя морщинки.—Развѣ можно цѣлую жизнь прожить такъ, какъ мы живемъ... Вѣдь скоро и хата эта провалится — мы останемся безъ угла... А если панъ пришлетъ пятнадцать и двадцать, или даже тридцать рублей, то что это за важное счастье... А если панъ умретъ... А въ Америкѣ — ты же слышала, или ты уже забыла, что намъ разсказывали... Въ Америкѣ нѣтъ бѣдныхъ... и кто хочетъ работать, тому сейчасъ даютъ, какую работу онъ хочетъ, и платятъ въ сто, двѣсти разъ больше, чѣмъ здѣсь... Что же!.. ты не хотѣла бы, чтобъ у твоего отца была своя спальня, и чтобъ онъ ѣлъ каждый день супъ и бѣлый хлѣбъ? Я въ первый мѣсяцъ заработаю въ Америкѣ столько, сколько не заработаю здѣсь въ пятнадцать мѣсяцевъ, и тотчасъ вышлю вамъ денегъ, и вы пріѣдете.

— Мейеръ... я не хочу умереть на чужой землѣ... а если Геня уѣдетъ, я останусь одинъ... одинъ, — едва сдерживая слезы, сказалъ старикъ.

Геня еще громче расплакалась.

— Зачѣмъ же умирать?.. Вы поѣдете жить, отдохнуть... Я работы не боюсь. Я буду зарабатывать много денегъ, и вы будете жить въ довольствѣ, въ теплѣ, будете ходить каждый день въ синагогу, какъ настоящій набожный еврей... Вѣдь тамъ не то, что здѣсь. Тамъ самые бѣдные живутъ въ высокихъ теплыхъ комнатахъ съ коврами, съ креслами, какъ здѣсь какіе-нибудь купцы или посессоры... Геня, ты же слышала, какъ и я... Ты развѣ забыла?..

— Да мало ли что говорятъ... Можетъ, это вовсе неправда...—проговорила Геня сквозь слезы.

— Да какъ же неправда... навѣрно, правда... Если говорятъ, что людямъ плохо—это правда, а если имъ хорошо—такъ это неправда... Почему? Должно же быть гдѣ-нибудь людямъ хорошо... И вотъ увидите, какъ будетъ хорошо! Вы поѣдете такъ же, какъ я, машиной и пароходомъ, и увидите по дорогѣ такія вещи, какія и во снѣ не видали. И отчего намъ не видѣть такихъ красивыхъ городовъ и разныхъ красивыхъ вещей, какія видятъ другіе? Развѣ мы не такіе же люди?.. Развѣ не одинъ Богъ для всѣхъ?.. И Онъ поможетъ намъ! Увидите, что Онъ еще сдѣлаетъ съ нами... Увидите, тесть! Увидишь, Геня!..—говорилъ Мейеръ, размахивая руками и сверкая глазами. Лицо его горѣло, картузъ съѣхалъ на затылокъ. Старикъ съ дочерью слушали и не возражали больше.

Съ того дня прошло пять недѣль. Раза два старикъ и

Геня дѣлали еще попытки уговорить Мейера остаться, но Мейеръ рисовалъ имъ плѣнительныя, волшебныя картины недалекаго счастья, и они слушали его съ тоской и робкой надеждой...

Провожать Мейера пришла также Малка, и всѣ, съ краснымъ сундучкомъ, окованнымъ желѣзомъ, размѣстились въ одной телѣгѣ. Мейеръ очень волновался и торопилъ мужика, который взялся за полтинникъ свезти ихъ на станцію, но по дорогѣ рѣшилъ, что продешевилъ и ругалъ ихъ жидами... Пріѣхали они за полтора часа до отхода поѣзда, и Мейеръ черезъ каждыя пять минутъ безпокойно бѣгалъ къ окошечку кассы...

Это была небольшая станція. Какое-то графское помѣстье на проведенной недавно пограничной вѣтви, гдѣ скорость поѣздовъ могла спорить съ рѣзвостью крестьянской лошадки, а объ отходѣ поѣзда кондуктора любезно напоминали засидѣвшимся въ буфетѣ пассажирамъ: „Кончайте, пане, пора ѣхать".

Мейеръ и провожавшіе его стояли на платформѣ, ежась въ своихъ худыхъ осеннихъ платьяхъ и тихо разговаривали. Когда мимо нихъ проносилась фигура начальника станціи, исполненная подавляющей захолустной важности, или шумно, увѣренно выходилъ изъ буфета румяный шляхтичъ въ зеленой фетровой шляпѣ съ перомъ, они робко сторонились и прижимались къ стѣнѣ. Ноябрьское солнце освѣщало блѣднымъ янтаремъ песчаные отроги Карпатскихъ горъ, бѣлѣвшихъ надъ новенькимъ кирпичнымъ зданіемъ вокзала. По другую сторону полотна чернѣлъ далекій оголенный лѣсъ. Когда съ сосѣдней станціи раскатилась долгая дребезжащая повѣстка—платформа нѣсколько оживилась. Помощникъ начальника станціи, маленькій и юркій, забѣгалъ съ какими-то листками въ рукахъ и ругалъ догонявшаго его смазчика: „Дуракъ, мужицкая твоя голова, я вѣдь тебѣ говорилъ, я вѣдь говорилъ"...

Откуда-то вынырнулъ огромный грузный жандармъ, при каждомъ движеніи со звономъ и бряцаніемъ оборачивавшійся всей фигурой, словно вылитъ былъ весь изъ одного куска. Два почтальона съ худыми землистыми лицами вынесли кожаный мѣшокъ и, шумно опустивъ его на землю, вытянулись подлѣ него, молча и безучастно глядя въ пространство.

Геня въ первый разъ въ своей жизни была на станціи, и вся эта непривычная обстановка и суета только увеличивали ужасъ разразившагося надъ нею несчастья.

Она прижималась къ отцу и горбилась, словно что-то

тяжелое и безпощадное гнуло ее къ землѣ. Малка, разрумянившаяся отъ холода, съ расширенными отъ возбужденія глазами, стояла рядомъ съ ней. Начальникъ станціи и молодой графскій управляющій въ мѣховой курткѣ и щегольскихъ ботфортахъ, остановились противъ нея, безцеремонно разглядывали ее, говорили и улыбались, и она досадливо отворачивала лицо отъ ихъ взглядовъ.

Мейеръ взялъ билетъ только до границы, а тамъ „агентъ", спеціалистъ по безпошлинной перевозкѣ живого товара, долженъ былъ доставить его на австрійскую землю. Какъ и сотни другихъ евреевъ, Мейеръ не отважился хлопотать о заграничномъ паспортѣ, такъ какъ по многоустной молвѣ, ходатайство такое должно пройти черезъ безконечную гамму инстанцій, начиная отъ урядника и кончая губернаторомъ, и вся эта махина будто бы движется такъ медленно и требуетъ такой обильной смазки, что лучше ее не заводить, во избѣжаніе возможной необходимости отказаться отъ поѣздки. А „агенты" перевозятъ эмигрантовъ за цѣну, превышающую, правда, законную оплату заграничнаго паспорта, за то перевозятъ, когда судьба благопріятствуетъ, дней въ пять, шесть. Разумѣется, это срокъ самый короткій, такъ какъ приходится ѣздить съ пассажирами вдоль границы и выбирать мѣсто поглуше, ночь потемнѣй, рискуя при этомъ свободой и жизнью...

Подошелъ поѣздъ, прозвенѣлъ звонокъ и Мейеръ, схвативъ сундучекъ, бросился искать вагонъ третьяго класса. Толпа рабочихъ въ бараньихъ шапкахъ, съ сѣрыми котомками на спинахъ, вдругъ вынырнула откуда-то и, опережая и отталкивая Мейера, разсыпалась по вагонамъ. Когда Мейеръ взошелъ на площадку, билъ уже второй звонокъ, и мѣста ни въ одномъ вагонѣ не оказалось. Онъ поставилъ сундучекъ подъ лавку, вышелъ на платформу и, взявъ изъ рукъ Гени узелокъ, сталъ прощаться.

Старикъ трясъ бородой и что-то говорилъ о смерти, о Геничкѣ, объ американской синагогѣ, а Мейеръ, не слушая его, жалъ его руки и твердилъ:

— Увидите, тесть, какъ будетъ хорошо... Богъ,—одинъ для всѣхъ... Увидите, какую жизнь Онъ намъ пошлетъ...

Отъ сдерживаемыхъ рыданій желтое, усѣянное веснушками лицо Гени кривилось жалкой некрасивой гримасой и Мейеръ, торопливо простившись съ нею, протянулъ руку Малкѣ, которая съ тоской и ожиданіемъ смотрѣла ему въ глаза. Онъ хотѣлъ сказать ей то, чего она ждала отъ него, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе и пришлетъ ей билетъ хотѣлъ просить ее, чтобы она не сдѣлала ничего позорнаго, ужаснаго, чего нельзя будетъ вернуть, но ударилъ

третій звонокъ, проходившій кондукторъ сердито крикнулъ „въ вагонъ, въ вагонъ, черномордые", и онъ, ничего не сказавъ ей, вскочилъ на площадку.

Нѣсколько мгновеній старикъ и обѣ женщины шли рядомъ съ тяжело загромыхавшими вагонами, и Геня, сквозь слезы, выкрикивала: „Пиши, Мейеръ, сейчасъ напиши... Богомъ прошу тебя, Мейеръ..." .

Потомъ поѣздъ, словно набравшись рѣшимости, выпрямился, пронзительно свистнулъ и выбѣжалъ въ широкій просторъ зеленѣвшихъ уже озимыхъ полей.

Черезъ три недѣли пришло отъ Мейера письмо, изъ Гамбурга. Онъ писалъ, что переходъ черезъ границу былъ очень тяжелъ, что агентъ велъ ихъ, нѣсколько человѣкъ, ночью, черезъ какую-то рѣчку, по узкой перекладинѣ, и они падали въ воду и едва спаслись отъ выстрѣловъ кордонныхъ солдатъ. Затѣмъ, тѣхъ чудныхъ городовъ, про которые разсказывалъ студентъ Петя, онъ еще не видѣлъ, но и тѣ мѣста, что онъ проѣзжалъ до сихъ поръ, несравненно красивѣе, чѣмъ Богучинка и его родное мѣстечко. А дальше, говорили ему, будетъ еще лучше. Теперь онъ садится на пароходъ и денегъ у него осталось очень мало, такъ что послѣдніе дни онъ питается однимъ хлѣбомъ... Но какъ только онъ пріѣдетъ въ Америку, все пойдетъ хорошо... Потому что Богъ—одинъ для всѣхъ... И Богъ никого не забываетъ...

Все это изложено было по-еврейски, мелкимъ письмомъ съ хвостиками и завитушками, а на четвертой страницѣ выведено было по-русски густыми крупными буквами:

„Мой великолѣпный поклонъ прелестной барышнѣ Людмилѣ. Морисъ".

А. Даманская.

* * *

Свѣча мигаетъ... Въ борьбѣ упорной
Она колеблетъ узоръ тѣней.
На листъ бумаги строкою черной
Ложится повѣсть его скорбей.

Въ окно, изъ мрака морозной ночи,
Зима стучится, полна угрозъ;
А грудь пылаетъ... Сверкаютъ очи
Отъ жгучей грусти, отъ жгучихъ слезъ!

Огарокъ таетъ... Огонь широкій
Колеблетъ тихо узоръ тѣней.
На бѣлый листъ ложатся строки,
При яркомъ свѣтѣ еще чернѣй.

Прочтутъ ихъ люди — поймутъ едва ли,
Какъ были чёрны онѣ въ ту ночь,
Когда, подъ шопотъ глухой печали,
Мечты и радость бѣжали прочь!

Б. Лойко.

Земельныя нужды деревни.

(По работамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

VII.

Экспропріировать землю у крестьянъ и возвратить ее помѣщикамъ, — это, конечно, была бы самая рѣшительная мѣра для рѣшенія земельнаго вопроса въ одномъ изъ указанныхъ нами направленій. Предложить такую мѣру въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ никто, однако, не рѣшился. И это вполнѣ понятно: пользоваться такими средствами въ цѣляхъ массоваго обезземеленія населенія въ XX вѣкѣ не приходится. Достаточно, если соотвѣтствующая нотка,—да и то скорѣе сожалѣнія о прошломъ, чѣмъ какихъ-либо надеждъ на будущее, — звучала въ рѣчахъ и аргументахъ нѣкоторыхъ дѣятелей. Что касается практическихъ мѣропріятій въ цѣляхъ непосредственнаго увеличенія помѣщичьяго землевладѣнія за счетъ крестьянскаго, то рѣшимость предложить кое что въ этомъ направленіи нашлась чуть ли не у одного г. Нилуса. Въ мценскомъ комитетѣ этотъ почтенный дѣятель выступилъ, какъ извѣстно, съ предложеніемъ „въ каждомъ приходѣ поселить дворянина и дать ему 150 или 200 десятинъ“, однако, и онъ счелъ за лучшее умолчать о томъ, изъ чьихъ земель должна быть произведена эта „дополнительная нарѣзка“ во вкусѣ XV вѣка. Другіе приверженцы помѣстной формы землевладѣнія были болѣе благоразумны и, не обольщая себя надеждою повернуть вспять колесо исторіи, сочли за лучшее занять въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ оборонительную позицію. Не упоминая объ обратномъ движеніи земли къ помѣщикамъ, они старались доказать лишь нецѣлесообразность расширенія площади крестьянскаго землепользованія за счетъ частновладѣльческихъ земель. „Неужели,—восклицалъ одинъ изъ нихъ, — можно хоть одну минуту подумать о возможности скупить эти благоустроенныя хозяйства... для передачи ихъ лю-

дямъ, которые умѣютъ сѣять только сѣрые хлѣба; на эту землю даже не переселятся, навозить ее не будутъ, а станутъ только ее выпахивать, вырубивъ предварительно лѣса, сады и парки" *). Однако и этотъ тезисъ о неприкосновенности помѣщичьяго землевладѣнія многіе, если и рѣшались отстаивать, то, какъ увидимъ ниже, далеко не въ безусловной формѣ.

Сознавая полную невозможность въ наше время рѣшить земельный вопросъ въ желательномъ для себя смыслѣ на сословныхъ началахъ, сторонники личной поземельной собственности должны были обратиться къ другимъ, болѣе современнымъ средствамъ. Достаточный запасъ необходимыхъ съ ихъ точки зрѣнія мѣръ,—и при томъ мѣръ рѣшительныхъ,— они нашли въ направленіи развитія хозяйственныхъ отношеній на классовыхъ началахъ. Рекомендуя эти мѣры, многіе дѣятели чувствовали за собою двойную силу: они видѣли въ нихъ нѣчто уже испытанное, если не у насъ, то въ другихъ странахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали себя представителями передовыхъ, а не обратныхъ теченій въ народномъ хозяйствѣ и въ общественной жизни. Въ избранномъ ими направленіи и съ технической стороны земельная проблема, какъ они ее понимали, а именно задача обезпечить развитіе производительныхъ силъ населенія, удержавъ въ основныхъ чертахъ теперешнее распредѣленіе національнаго дохода, представлялась несравненно болѣе легкою и, во всякомъ случаѣ, не безнадежною. Въ самомъ дѣлѣ, если нельзя какимъ-либо одновременнымъ актомъ передвинуть землю къ помѣщикамъ и такимъ образомъ упрочить сельскохозяйственное производство на предпринимательскихъ началахъ, то вполнѣ возможно вѣдь реорганизовать въ этомъ духѣ крестьянское хозяйство. Для этого необходимо только использовать имѣющіеся уже въ крестьянской жизни зачатки классовыхъ противорѣчій и нанести рѣшительный ударъ крестьянскому двору и земельной общинѣ,—этимъ единственнымъ въ современномъ строѣ, далеко не совершеннымъ и сильно расшатаннымъ уже, оплотамъ общественныхъ правъ на землю.

„Мечтать о надѣлѣ каждой крестьянской семьи неотчуждаемыми участками,—говоритъ въ цитированной уже нами запискѣ г. Родіоновъ,—немыслимо, да и врядъ ли желательно, но дать исходъ зажиточнымъ членамъ общины необходимо". „Помочь наиболѣе одаренной части крестьянскаго населенія выйти на путь экономическаго прогресса, что въ настоящую минуту затруднено до крайности",—вотъ цѣль, которою задается въ своемъ проектѣ этотъ сторонникъ подворнаго землевладѣнія. Коммиссія смоленскаго комитета съ неменьшею опредѣленностью намѣчаетъ обратную сторону той же задачи. „Уходъ отъ земли значительной части крестьянскаго населенія и при томъ самой сла-

*) Н. А. Хвостовъ. Крестьянскій банкъ и переселеніе.

бой въ культурномъ отношеніи" она считаетъ „неизбѣжнымъ послѣдствіемъ" раціональной земельной реформы. Рѣшить аграрный вопросъ съ этой точки зрѣнія, это значитъ въ сущности помочь „удачникамъ", какіе найдутся въ крестьянской средѣ за счетъ „робкой и инертной массы", обратить этихъ удачниковъ въ „новыхъ помѣщиковъ, для избавленія отъ которыхъ, — по мѣткому выраженію крестьянина Н. Т. Моченова въ рузскомъ комитетѣ,—нужно будетъ ждать другого царя Александра II".

Для устраненія крестьянскаго малоземелья, понимаемаго въ смыслѣ недостатка земли „у хозяйственныхъ мужичковъ", нѣтъ особой надобности передвигать къ крестьянамъ землю отъ помѣщиковъ; для этого достаточно передвинуть ее отъ наиболѣе „слабой" части крестьянскаго населенія къ наиболѣе „одаренной", отъ малоимущихъ хозяевъ—къ „зажиточнымъ". Само собой понятно, что важнѣйшимъ препятствіемъ на этомъ пути является община со свойственной ей тенденціей къ уравненію. Въ ней и вообще въ „привычкѣ" населенія „дѣлить" землю представители даннаго направленія и видятъ главное зло крестьянской жизни.

„При передѣлѣ земли по наличнымъ душамъ, — говорилъ предсѣдатель симбирскаго губернскаго комитета, — размѣръ душевого надѣла доходитъ до такой минимальной величины, 3—5 саж. въ полѣ на душу, что надѣлъ этотъ представляетъ изъ себя лишь фикцію какого-то обезпеченія. Между тѣмъ... разсчитывая на свой надѣлъ, крестьянинъ остается сидѣть на землѣ, не заботится объ улучшеніи своего положенія личнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что обработка надѣла отрываетъ у него много времени, и получается такое положеніе, что при хорошемъ урожаѣ крестьянинъ всю зиму лежитъ на печи, не заботясь о черномъ днѣ, при всякомъ же незначительномъ неурожаѣ нуждается въ помощи правительства... На это положеніе слѣдуетъ обратить особое вниманіе; необходимо воспитать въ населеніи сознаніе, что земля, при увеличеніи численнаго состава населенія, не можетъ служить единственнымъ источникомъ благосостоянія, и что часть населенія неизбѣжно должна обратиться къ личному труду". Симбирскій дѣятель, какъ видно изъ этой цитаты, всецѣло опирается въ данномъ случаѣ на столь характерное для нашихъ крѣпостниковъ представленіе о мужикѣ, какъ о лежебокѣ. Онъ ищетъ лишь новаго кнута, которымъ можно было бы подогнать залѣнившееся, по его мнѣнію, быдло.

Извѣстны, однако, многочисленныя попытки предъявить то же обвиненіе къ общинѣ и съ „либеральной" точки зрѣнія. Одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, а именно податной инспекторъ Данковскаго уѣзда А. Е. Воскресенскій написалъ даже цѣлую книгу *),

*) «Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье». Спб. 1903 г. Эта книга появилась въ изданіи одной изъ столичныхъ фирмъ, и я не знаю,

въ которой всесторонне доказываетъ, что община является основной причиной малоземелья и что, пока она существуетъ, всѣ попытки рѣшить земельный вопросъ окажутся тщетными. „При общинномъ землевладѣніи,—говоритъ онъ,— право на землю имѣетъ все потомство земледѣльческаго населенія и при томъ не только право, основанное на принадлежности къ извѣстной семьѣ, какъ при частной поземельной собственности, но и право, основанное на принадлежности къ извѣстной общинѣ. Это двойное право на землю каждаго крестьянина осуществляется посредствомъ семейныхъ раздѣловъ, частныхъ передѣловъ и общихъ передѣловъ земли. Предоставляя крестьянину двойное право на землю, общинное землевладѣніе, въ силу соединенной съ нимъ неотчуждаемости земли, обезпечиваетъ сверхъ того за каждымъ крестьяниномъ сохраненіе этого права. Такимъ образомъ, при общинномъ землевладѣніи весь приростъ земледѣльческаго населенія не только допускается къ участію въ землевладѣніи, но и обезпечивается отъ потери земли... Но ростъ населенія, владѣющаго землей, идетъ быстрѣе, нежели производительность земледѣлія. Поэтому экономически невыгодное уменьшеніе размѣровъ землевладѣнія можетъ быть предупреждено только тогда, когда часть населенія будетъ обезземеливаться. На такое обезземеліе части населенія и разсчитаны формы землевладѣнія, выработанныя у западно-европейскихъ народовъ“. „Правда,—продолжаетъ г. Воскресенскій,—и при общинномъ землевладѣніи возможно обезземеліе. Крестьянинъ можетъ, если не продать, то бросить землю; но бросаютъ землю или прямо пропащіе люди, или же люди, хорошо и прочно устроившіеся въ неземледѣльческихъ промыслахъ, которые не дорожатъ надѣльною землею даже „на всякій случай“. И тѣхъ, и другихъ сравнительно очень мало; во всякомъ случаѣ, приростъ крестьянскаго населенія больше, нежели его убыль“. „Уничтожьте право на землю, вытекающее изъ принадлежности къ общинѣ, т. е. отмѣните общіе и частные передѣлы земли, и вы увидите, что крестьянское населеніе будетъ медленнѣе увеличиваться въ своей численности. Тогда слишкомъ быстро размножившіяся и дошедшія до малоземелья семьи, не имѣя возможности прокормиться отъ своей земли, поневолѣ будутъ искать другихъ промысловъ, въ которыхъ часть малоземельнаго населенія и будетъ устраиваться. Потомство отставшихъ отъ земледѣлія семействъ съ дѣтства станетъ пріучаться къ неземледѣль-

---

можетъ ли она быть въ той или иной мѣрѣ причислена къ «трудамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ», тѣмъ болѣе, что послѣднихъ по Данковскому уѣзду въ моемъ распоряженіи не имѣется. Во всякомъ случаѣ, въ этой книгѣ мы находимъ систематическое изложеніе и теоретическое обоснованіе взглядовъ на общину, проводившихся нѣкоторыми дѣятелями въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Въ виду этого я и позволяю себѣ на нее ссылаться.

ческимъ промысламъ и не будетъ увеличивать собою населенія, дробящаго землю".

Какъ замѣтилъ читатель, все это настроеніе держится на двухъ китахъ. Одинъ изъ нихъ давно уже выведенъ на свѣтъ Мальтусомъ, изъ-подъ власти котораго никакъ не могутъ освободиться наши либеральные экономисты и даже нѣкоторые приверженцы „крайнихъ ученій". „Ростъ населенія, владѣющаго землей, идетъ быстрѣе, нежели производительность земледѣлія",— вотъ формула, въ которой возрождаетъ мальтузіанскую теорію спеціально для общиннаго землевладѣнія г. Воскресенскій. Другой китъ — очень сильно напоминаетъ того, на которомъ держится въ этомъ пунктѣ, какъ мы только что видѣли, крѣпостническая соціологія. Г. Воскресенскій полагаетъ, что избыточную часть населенія удерживаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ только „двойное право на землю", т. е. та „фикція обезпеченія", которая будто бы позволяетъ мужику „лежать на печи" и не „искать другихъ промысловъ".

Какъ бы то ни было, симбирскій и рязанскій дѣятели, хотя они и разныхъ вѣдомствъ, приходятъ почти къ тождественному выводу. Оба они находятъ необходимымъ значительную часть населенія лишить права на землю и для этого отлить землевладѣніе въ такія формы, при которыхъ малоимущее крестьянство обезземелилось бы и „по неволѣ" обратилось бы къ „личному труду". Оба они считаютъ крайне важнымъ, чтобы обреченное на „личный трудъ", т. е. на службу предпринимателямъ, населеніе „съ дѣтства" воспитывалось въ сознаніи ожидающей его доли.

Чтобы удалить отъ земли значительную часть крестьянскаго населенія или,—по болѣе деликатному и болѣе популярному выраженію, — „облегчить отдѣльнымъ крестьянамъ выходъ изъ общины", мѣстными дѣятелями были предложены разныя мѣры. Одни, какъ и слѣдовало ожидать, обнаружили склонность идти къ намѣченной цѣли путемъ принудительныхъ и запретительныхъ мѣръ, другіе — всѣ свои надежды по части обезземеленія массъ возложили на „равенство" и „свободу".

Предсѣдатель симбирскаго комитета, напримѣръ, полагалъ, что „необходимо совершенно устранить передѣлы земли и домохозяину-отцу должно быть предоставлено право не дѣлить свой надѣлъ между всѣми сыновьями, а передавать таковой одному изъ нихъ, готовя другихъ къ какимъ нибудь ремесламъ или инымъ занятіямъ. Тогда часть населенія будетъ воспитана въ сознаніи, что на надѣльную землю ей разсчитывать нечего". Членъ гродненскаго комитета г. Прохоровъ находилъ, что „въ цѣляхъ сохраненія недробимости крестьянскихъ участковъ желательно сдѣлать ихъ майоратными". За „недѣлимость" или „недробимость" крестьянской земли высказались многіе другіе дѣятели и даже

цѣлые комитеты. Необходимо, однако, замѣтить, что всѣ такого рода случаи нельзя подводить подъ одну рубрику. „Въ интересахъ сельскаго хозяйства,—читаемъ мы въ запискѣ В. Н. Васильева,—прямо необходимо установить извѣстный предѣлъ дробимости земельнаго надѣла, весь же излишекъ населенія долженъ быть переселенъ на свободныя земли“. Въ данномъ случаѣ недѣлимость рекомендуется исключительно, какъ техническое средство, въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго разселенія населенія и поддержанія на желательномъ уровнѣ среднихъ размѣровъ крестьянскаго землепользованія. Что касается соціальныхъ послѣдствій, какими могла бы сказаться эта мѣра, то г. Васильевъ считаетъ ихъ, очевидно, нежелательными и находитъ необходимымъ предотвратить или, по крайней мѣрѣ, отдалить ихъ до того времени, когда „избыточная часть населенія найдетъ себѣ какое-либо другое занятіе“. Онъ надѣется, „что къ тому времени, когда у разселившагося крестьянства придется на душу опять столько же земли... оно будетъ грамотно и вооружено спеціальными знаніями, а также найдетъ себѣ занятіе въ свободное отъ полевыхъ работъ время“. Бѣлозерскій комитетъ, высказываясь за „опредѣленіе законодательнымъ путемъ минимальнаго размѣра душевого надѣла“, считалъ возможнымъ рекомендовать эту мѣру также только при условіи „отвода для излишней части населенія земли въ иномъ мѣстѣ“. Легко видѣть, что въ этомъ пониманіи „недробимость“ не имѣетъ ничего общаго съ массовымъ изгнаніемъ населенія изъ сельскаго хозяйства. Что касается „недробимости въ смыслѣ измѣненія крестьянскаго наслѣдственнаго права, въ цѣляхъ обращенія общественной собственности въ частную, замѣны правъ всего населенія на землю правами ограниченнаго числа счастливцевъ, то эта мѣра,—на сколько позволяютъ судить имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы, — очень рѣдко встрѣчала сочувствіе въ комитетахъ. Даже въ Симбирскѣ проектъ принудительнаго обращенія значительной части крестьянства въ безземельныхъ и бездомныхъ батраковъ вызвалъ такія горячія возраженія, что выступившій съ нимъ предсѣдатель вынужденъ былъ „снять его съ обсужденія“ и затѣмъ проводить въ прикровенной до безсмысленности формѣ.

Принудительныя мѣры были на столько непопулярны въ комитетахъ, что настаивать на нихъ сторонники личной поземельной собственности не всегда рѣшались не только по отношенію къ крестьянскому двору, но и по отношенію къ крестьянской общинѣ. „По моему мнѣнію, — говоритъ Н. М. Грюнеръ въ своей запискѣ „объ общинномъ землевладѣніи“, внесенной въ рузскій комитетъ,—не слѣдуетъ ломать общину, но и не слѣдуетъ, гдѣ члены ея того желаютъ, препятствовать законодательными мѣрами переходу земли въ личную собственность. Можно надѣяться, что сама жизнь выработаетъ новыя формы и укажетъ

выходъ изъ положенія, которое намъ кажется безвыходнымъ. Ради Бога — поменьше обязательныхъ нормъ, поменьше указаній и предписаній!.. Нужно давать каждому обществу устраивать свой бытъ согласно собственному усмотрѣнію и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и каждой личности по своему развиваться".

Сознавая необходимость дѣйствовать подъ либеральнымъ флагомъ, противники общины въ большинствѣ случаевъ соглашались предоставить ей свободу самоопредѣленія. Они считали необходимымъ лишь, чтобы эта свобода была „полная", чтобы она не препятствовала „переходу земли въ личную собственность" или—говоря проще—присвоенію общинной земли отдѣльными лицами. „Прежде всего,—говоритъ въ своей запискѣ г. Юматовъ,—слѣдуетъ предоставить крестьянамъ полную имущественную свободу; для этого необходимо не только разрѣшить выходъ изъ общины и выкупъ надѣловъ, но и приходить имъ въ этомъ на помощь". „Крестьянство,—говоритъ въ своей запискѣ коммиссія смоленскаго комитета,—не представляетъ собою однородной массы и, если допустить, что общинная форма владѣнія соотвѣтствуетъ уровню развитія большинства крестьянъ, то, несомнѣнно также, что для многихъ крестьянъ, опередившихъ своихъ однообщественниковъ по умственному развитію, она представляется крайне стѣснительной. Поэтому, въ интересахъ развитія сельскохозяйственной промышленности, необходимо предоставить членамъ общества возможность свободнаго выхода изъ общины съ правомъ полученія отъ нея вознагражденія за причитающуюся на ихъ долю землю или же, по крайней мѣрѣ, съ предоставленіемъ имъ права продавать свой участокъ въ другія руки". Въ еще болѣе категорической и не менѣе либеральной формѣ ту же мѣру рекомендовалъ одинъ изъ уѣздныхъ комитетовъ Новгородской губерніи, признавшій необходимымъ „отмѣнить законы, препятствующіе крестьянамъ распоряжаться своими надѣлами" и „предоставить имъ свободу распоряженія на основаніи общихъ законовъ", въ томъ числѣ и „продажу усадебъ и надѣловъ безъ согласія общества". Какъ видите, не нужно никакихъ предписаній и стѣсненій, нужно только „поменьше обязательныхъ нормъ", нужна только свобода... Нерѣдко та же мѣра облекалась и въ другую, не менѣе заманчивую форму. Проблема крестьянской равноправности нѣкоторыми дѣятелями мыслилась прежде всего, какъ уравненіе крестьянъ въ имущественныхъ правахъ... съ личными собственниками на землю.

Едва ли нужно говорить, что при „полной свободѣ", какою сторонники личной поземельной собственности желали бы надѣлить крестьянъ, самоопредѣленіе общины неизбѣжно должно закончиться ея саморазрушеніемъ. „Въ общину,—говорилъ по этому поводу М. С. Толмачевъ въ рузскомъ комитетѣ,—внѣдрится

какъ нѣчто совершенно ей чуждое, подворный владѣлецъ, внесетъ разладъ въ общину и незамѣтно въ корнѣ подорветъ ее". Еще большую, конечно, роль сыграетъ въ данномъ случаѣ экономическая необходимость, въ каковую неизбѣжно обернется для малоимущихъ крестьянъ дарованная имъ имущественная свобода. Процессъ разрушенія общины можетъ, однако, затянуться. 165-ая ст. о выкупѣ, предоставлявшая прежде право выхода изъ общины съ землею дѣйствовала два десятка лѣтъ, но передвинула лишь 0,12 надѣльной земли. Правда, теперь обстоятельства существенно измѣнились, но и за всѣмъ тѣмъ лежащій на надѣльной землѣ выкупной долгъ и затруднительность выдѣла подворныхъ участковъ могутъ опять стѣснить тѣхъ, кто пожелалъ бы воспользоваться „полной имущественной свободой". Нѣкоторые дѣятели считали поэтому возможнымъ обойтись безъ „выдѣла", другіе находили необходимымъ, приравнявъ общинное владѣніе къ общему владѣнію, производить „выдѣлъ въ отдѣльный участокъ, согласно общихъ правилъ о размежеваніи земель, находящихся въ общемъ пользованіи", а также „совершать раздѣльные акты безъ взиманія пошлинъ и гербоваго сбора" и даже „принять на счетъ правительства расходы по отграниченію". Для того же, чтобы облегчить самый процессъ мобилизаціи надѣльной земли, нѣкоторые комитеты проектировали привлечь къ активному участію въ этомъ дѣлѣ крестьянскій банкъ, а также „обратить выкупной долгъ въ ипотечный" съ тѣмъ, чтобы онъ могъ „переходить вмѣстѣ съ землею на покупателя или наслѣдниковъ, согласно общихъ правилъ, изложенныхъ въ гражданскомъ кодексѣ". Послѣдняя мѣра значительно облегчила бы не только движеніе надѣльной земли въ крестьянской средѣ, но и скупку ея лицами неподатныхъ сословій. „Уходъ отъ земли" для слабой части крестьянства былъ бы, такимъ образомъ, значительно облегченъ и „возможность по своему развиваться" для предпринимательскаго хозяйства была бы обезпечена.

Либеральное знамя, которымъ сторонники личной поземельной собственности съ такимъ успѣхомъ воспользовались въ своемъ походѣ противъ общины, оказалось далеко не безполезнымъ имъ и на оборонительныхъ позиціяхъ. Въ трудахъ рузскаго уѣзднаго комитета мы находимъ слѣдующій документъ:

Особое мнѣніе.

8 Ноября 1902 года рузскимъ комитетомъ по поднятію сельско-хозяйственной промышленности былъ принятъ большинствомъ голосовъ докладъ члена комитета Аржаникова о предоставленіи крестьянскимъ обществамъ права, въ случаѣ надобности, обращаться къ учрежденіямъ, спеціально на то уполномоченнымъ, для обязательнаго обмѣна земель имъ нужныхъ для округленія участка или въ случаѣ стѣсненія выгонами сосѣдними владѣльцами.

Находя съ юридической точки зрѣнія въ этой мѣрѣ полное нарушеніе охраняемыхъ во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ правъ частной соб-

ственности и несправедливымъ предоставленіе такихъ особыхъ правъ крестьянскимъ обществамъ въ ущербъ другимъ частнымъ владѣльцамъ, находящимся подъ охраной законовъ того же государства, мы полагаемъ, что эта мѣра, какъ нарушающая принципъ свободнаго владѣнія, не можетъ быть принята государствомъ, относительно чего и подаемъ особое мнѣніе.

К. Космовскій, Б. Шрамченко, Н. Бабинъ и Н. Голиковъ.

Въ томъ же рузскомъ комитетѣ Н. М. Грюнеръ, возражая А. И. Цыбульскому, предложившему въ своей запискѣ для устраненія крестьянскаго малоземелья принудительный выкупъ частно-владѣльческихъ земель, находилъ, что

предложеніе объ обязательной прирѣзкѣ земли стоитъ въ противорѣчіи съ другимъ положеніемъ г. Цыбульскаго—о необходимости уравненія правъ крестьянъ съ правами другихъ сословій. Съ другой стороны, докладчикъ, говоря о существующей, дѣйствительно, опекѣ правительства надъ крестьянскимъ сословіемъ, самъ поддерживаетъ эту опеку, предлагая надѣлить крестьянъ землею за счетъ землевладѣльцевъ и другихъ сословій. Прошло время для обязательныхъ и исключительныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію положенія какого-нибудь одного сословія, и если, дѣйствительно, у крестьянъ земли не хватаетъ, ея мало, то для увеличенія ея не долженъ и не можетъ имѣть мѣста принудительный выкупъ.

Такимъ образомъ, знамя свободы оказалось возможнымъ водрузить даже надъ западнями, какими окружены крестьянскіе надѣлы, а равноправность оказалась полезной не только для того, чтобы во имя ея требовать принудительнаго („безъ согласія общества“) отчужденія общинной земли въ пользу частныхъ лицъ, но и аргументировать ею высшую несправедливость обязательнаго выкупа необходимой для обществъ земли у частныхъ землевладѣльцевъ.

VIII.

Средневѣковые рыцари имѣли право грабить проѣзжающихъ черезъ ихъ владѣнія. Конечно, и въ тѣ времена, — во времена господства кулачнаго права,—эта привилегія была облагорожена нѣкоторыми формами, поставлена подъ защиту, хотя бы и примитивной, юридической санкціи. Сеньоры осуществляли свое право или взимая дань, которою они облагали проѣзжающихъ по ихъ владѣніямъ, или присваивая въ свою пользу то, что на ихъ землѣ „съ возу упало“. Никто, однако, не препятствовалъ имъ доводить эту дань до желательныхъ имъ размѣровъ и преднамѣренно опрокидывать цѣлые обозы. Никакихъ нормъ, никакой опеки жизнь въ этомъ направленіи не знала и своей свободой рыцари пользовались безъ стѣсненія.

Давно это было. Если бы кто въ наши дни, въ „просвѣщенномъ государствѣ“ предложилъ бы возстановить рыцарскія права, даже распространивъ ихъ на всѣ сословія, то его сочли бы сумасшедшимъ. И если я напоминаю о нихъ, то вовсе не затѣмъ,

чтобы заподозрить кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей въ желаніи вернуть средневѣковую свободу, усовершенствовавъ ее современною равноправностью. Сумасшедшихъ въ комитетахъ не было и, во всякомъ случаѣ, не безумные проекты подлежатъ нашей критикѣ. Своей исторической справкой я желаю лишь напомнить читателямъ, что свобода вещь условная, и что права бываютъ разныя.

Въ своемъ историческомъ развитіи человѣчество разрѣшаетъ одновременно двѣ задачи. Совершенствуя соціальныя формы, оно стремится не только расширить и обезпечить права каждой личности, но и ограничить нѣкоторыя изъ нихъ въ интересахъ коллективности. Въ этомъ послѣднемъ направленіи сдѣлано уже не мало и не только въ сферѣ уголовнаго, но и гражданскаго права. „Принципъ свободнаго владѣнія", или,—что тоже,—полной имущественной свободы, уже ограниченъ не только по отношенію къ дорогамъ, составлявшимъ „вѣрную статью дохода" для рыцарей, но и по отношенію къ такому, еще недавно казавшемуся священнымъ, праву, какъ право ростовщика взимать за свой капиталъ лихвенные проценты. Оцѣнивая предложенныя сторонниками личной поземельной собственности мѣры для рѣшенія земельнаго вопроса, мы не должны поэтому увлекаться красивыми и особо заманчивыми сейчасъ для насъ формулами, въ которыя они облекли свои проекты. Мы должны убѣдиться, что свобода, которою они желали бы надѣлить крестьянъ, дѣйствительно нужна и что равноправность, во имя которой они ея требуютъ, дѣйствительно осуществима. Только такимъ путемъ мы можемъ уяснить себѣ, на сколько справедливъ и цѣлесообразенъ избранный ими способъ рѣшенія земельнаго вопроса.

Вопросъ о „полной имущественной свободѣ", по скольку дѣло касается земли, въ настоящее время представляется наиболѣе уясненнымъ. Постулировать такую свободу не рѣшаются теперь, какъ извѣстно, даже буржуазные мыслители.

„Произвелъ ли кто нибудь землю?"—спрашивалъ въ 1866 г. въ англійскомъ парламентѣ Дж. Ст. Милль. „Если нѣтъ, то пріобрѣлъ ли ее кто-нибудь посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки отъ того, кто произвелъ ее? Мнѣ кажется, таковы основанія всѣхъ другихъ видовъ собственности. Но въ такомъ случаѣ, каковы же основанія права собственности на землю? Я удовлетворяюсь отвѣтомъ, который обыкновенно даютъ на этотъ вопросъ, и соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ. Хотя ни одинъ человѣкъ не произвелъ земли, но люди своимъ трудомъ создали ея цѣнныя качества; они разработали ее, когда она была въ непроизводительномъ состояніи, сдѣлали ее полезной человѣку и, такимъ образомъ, пріобрѣли на землю такое же справедливое право, какое имѣютъ люди на вещи, произведенныя ими. Очень хорошо. Я ничего не имѣю возразить противъ этого. Но почему,

спрашиваю я, право, пріобрѣтенное улучшеніемъ земли, навсегда должно принадлежать тому, кто первый разъ ее улучшилъ? Развѣ тотъ, кто производитъ новыя улучшенія, которыхъ требуетъ земля, не пріобрѣтаетъ права однороднаго съ тѣмъ правомъ, которое пріобрѣлъ человѣкъ, произведшій первыя улучшенія? Разумѣется, я не хочу сказать, что когда одинъ человѣкъ пріобрѣлъ право на землю, улучшивъ ее, другой, произведя новыя улучшенія, можетъ лишить перваго собственника его права. Но я не допускаю также, чтобы человѣкъ, разъ улучшившій землю, пріобрѣталъ благодаря этому неоспоримое право препятствовать на вѣчныя времена кому бы то ни было другому производить улучшенія" *)...

Отвѣтъ, которымъ въ 1866 г. находилъ возможнымъ удовлетвориться знаменитый ученый, уже не можетъ удовлетворить насъ. За 40 лѣтъ научная мысль успѣла произвести на этотъ счетъ новыя изысканія, и мы теперь уже хорошо знаемъ, что, „цѣнныя качества" земли созданы вовсе не тѣмъ, кто первый своимъ трудомъ разработалъ ее, и даже не тѣмъ, кто производилъ дальнѣйшія улучшенія въ ней, по крайней мѣрѣ, не ими одними. Чтобы пояснить эту мысль, возьмемъ два—три примѣра изъ окружающей насъ дѣйствительности.

Московской думѣ было какъ-то доложено, что правительственная коммиссія за участокъ г. Хомякова въ 55 квдр. саж., отчуждаемый городомъ подъ расширеніе Кузнецкаго переулка, назначила 222,750 руб., т. е. по 4,050 руб. за кв. саж. Десятина по такой оцѣнкѣ должна стоить 9.720,000 руб. Цѣна, казалось бы, прямо фантастическая, а между тѣмъ, съ нею въ серьезъ должно было считаться московское общественное управленіе. Надо при этомъ замѣтить, что участокъ г. Хомякова не единственный въ своемъ родѣ. За земли въ другихъ переулкахъ та же коммиссія назначила, хотя и меньшія, но тоже, можно сказать, фантастическія цѣны.

Согласимся въ данномъ случаѣ съ московской думой и допустимъ, что это цѣны спекулятивныя, разсчитанныя на нужду города въ нѣкоторыхъ участкахъ для исправленія его плана. Признаемъ, что „принципъ свободнаго владѣнія", который нѣкоторые мѣстные дѣятели желали бы водворить въ деревнѣ, на столько уже силенъ въ городѣ, что даже правительственная коммиссія не смогла или, какъ полагаетъ московская дума, не захотѣла ограничить аппетиты гг. Хомяковыхъ. Посмотримъ, каковы нормальныя цѣны и заглянемъ для этого въ объявленія Столич-

---

*) Цитирую по брошюрѣ А. А. Мануилова «Очеркъ ирландскаго и англійскаго законодательствъ объ арендѣ». Изд. Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Спб. 1903 г.

ной газеты. Вотъ на одной, далеко не бойкой улицѣ С.-Петербурга предлагается 1726 кв. саж. „пустопорожней земли“ по цѣнѣ 200 руб. за квадр. саж. По разсчету на десятину это составитъ 480,000 руб. До 10 милліоновъ, конечно, далеко, но и за всѣмъ тѣмъ цифра не маленькая. Заподозрить эту цѣну мы уже не вправѣ. Кто же создалъ эти „цѣнныя качества“ земли? Двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда на ней самой и кругомъ ея виднѣлись только „ель, сосна, да мохъ сѣдой“, она вѣдь ничего не стоила. Неужели „цѣнныя качества“ ея создалъ тотъ, кто „разработалъ ее, когда она была въ непроизводительномъ состояніи“ или тотъ, кто произвелъ дальнѣйшія „улучшенія“? Но вѣдь, можетъ быть, никто до сихъ поръ эту „пустопорожнюю землю“ не обрабатывалъ и никакихъ улучшеній, кромѣ забора, красующагося вокругъ нея сейчасъ, никѣмъ произведено не было. Откуда же взялась эта цѣна въ нѣсколько сотъ тысячъ? Отвѣтъ получить не трудно.

Представьте себѣ на мгновеніе, что Петербурга нѣтъ, что опять „все пусто и дико кругомъ“. Легко понять, что столь дорогая теперь земля, стоила бы опять не дороже находящагося на ней забора, да и за эту цѣну, можетъ быть, не нашлось бы покупателя. Въ данномъ случаѣ совершенно очевидно, что „цѣнныя качества“ земли созданы не тѣмъ, кто впервые огородилъ ее, и не тѣми, къ кому она переходила потомъ. Сотни тысячъ, которыя желаетъ положить въ карманъ современный ея владѣлецъ, создалъ Петербургъ, создало его полуторамилліонное населеніе, которое по тѣмъ или инымъ причинамъ должно жить на болотѣ; ихъ создала Россія, трудами многихъ поколѣній выстроившая этотъ городъ и оборудовавшая его домами, портомъ, дорогами, фабриками и заводами; ихъ создало человѣчество, тысячелѣтія работавшее надъ культурой... Да, мы теперь хорошо уже знаемъ, что въ современной цѣнности земли видную долю составляетъ „незаработанное приращеніе“, не заработанное частными владѣльцами, а созданное коллективностью, обществомъ, въ лицѣ прежнихъ и нынѣшнихъ поколѣній.

Въ городѣ это, конечно, виднѣе, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ цѣнахъ всей остальной земли „незаработанное приращеніе“ не играетъ роли. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое выраженіе можно употребить по отношенію къ уфимскимъ землямъ, которыя были „расхищены“ у башкиръ по баснословно дешевой цѣнѣ и затѣмъ сразу болѣе чѣмъ удесятерились въ своей цѣнности, какъ только дошла до нихъ колонизаціонная волна. Возрастающая численность населенія, новая желѣзная дорога, всякій новый шагъ въ культурной и экономической жизни страны, — все это учитывается въ цѣнахъ на землю. Эти цѣны все растутъ и чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ расти быстрѣе. Нѣкоторые экономисты полагаютъ даже, что въ видѣ земельной ренты частныя

лица обращаютъ въ свою пользу всѣ культурные успѣхи человѣчества, все, что пріобрѣтается его коллективными усиліями. Это, конечно, не совсѣмъ такъ. Въ жизни можно указать много другихъ формъ, въ которыхъ происходитъ систематитеское присвоеніе отдѣльными лицами и классами общественнаго достоянія...

Несомнѣнно за то другое. Частные собственники на землю имѣютъ возможность обращать въ свою пользу не только пріобрѣтенія, но и нестроенія окружающаго ихъ общества. Вернемся, въ самомъ дѣлѣ, на минуту къ Хомяковскому участку. Легко понять, что въ „фантастической“ цѣнѣ его учтены не только успѣхи, но и невзгоды первопрестольной столицы: и тѣ неудобства, которыя терпитъ въ своихъ сообщеніяхъ населеніе, и тотъ недостатокъ въ свѣтѣ и воздухѣ, который испытываетъ оно благодаря кривымъ и узкимъ переулкамъ. Гг. Хомяковы оцѣнили время, которое тратятъ обыватели на обходъ ихъ участковъ, оцѣнили ихъ здоровье, оцѣнили жизнь дѣтей, которыя хирѣютъ въ полутемныхъ и сырыхъ квартирахъ,—и предъявили свой счетъ за нихъ на бланкѣ, именуемомъ „имущественной свободой“. Въ деревнѣ, гдѣ подобные спекулянты имѣютъ дѣло не съ богатымъ и могущественнымъ городомъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, а съ темной и разрозненной массой бѣдняковъ, земельная спекуляція сказывается еще болѣе тяжкими послѣдствіями. Мы уже знаемъ, что тамъ она имѣетъ массовый характеръ.

Такова „полная имущественная свобода“, которую представители разсматриваемаго нами направленія желали бы водворить въ сферѣ земельныхъ отношеній. „Права“, о которыхъ они хлопочутъ,—это во 1-хъ, право частныхъ лицъ обращать въ свою пользу плоды трудовъ всего общества и во 2-хъ, право сильныхъ классовъ эксплуатировать „слабѣйшую“ часть населенія. Что именно въ этомъ смыслѣ они понимаютъ права и свободу—убѣдиться не трудно. Нѣкоторые дѣятели рузскаго комитета,—какъ мы видѣли,—„принципомъ свободнаго владѣнія“ желали бы оградить даже „западни“, которыя понаставлены вокругъ крестьянскихъ надѣловъ, и тѣ „стѣсненія въ выгонахъ“, какія могутъ создать для крестьянскихъ обществъ сосѣдніе владѣльцы. Не менѣе откровенна въ своей запискѣ коммиссія смоленскаго комитета. „Отрѣзныя земли, — говоритъ она,—часто имѣютъ для крестьянъ особую цѣнность, обусловленную ихъ расположеніемъ относительно надѣльной земли. Покупка ихъ нерѣдко необходима для крестьянъ и цѣнность ихъ должна устанавливаться крестьянскимъ банкомъ съ точки зрѣнія дѣйствительной необходимости ихъ для крестьянъ“. Смоленскіе дѣятели желаютъ, такимъ образомъ, не только обезпечить помѣщикамъ право на „особую цѣнность“, обусловленную расположеніемъ ихъ земли относительно крестьянскихъ надѣловъ, но и облегчить реализацію этой цѣнности за счетъ государственныхъ рессурсовъ. Такова оборони-

тельная позиція, которую занимали послѣдовательные сторонники личной поземельной собственности. Такой же характеръ носила и наступательная ихъ тактика. Обращеніемъ общинной земли въ личную собственность они желали бы расширить область „имущественной свободы" и всю землю сдѣлать для одного изъ классовъ орудіемъ присвоенія не имъ заработанныхъ цѣнностей.

Но развѣ въ такой „свободѣ" нуждается русская земля? Развѣ въ такой „равноправности" заключается справедливое рѣшеніе земельнаго вопроса? Развѣ въ этомъ направленіи нужно искать и можно найти прогрессивныя формы общественной жизни?

Не только этика, но и право поступательнымъ развитіемъ жизни уже призваны на защиту общественныхъ правъ и общественнаго достоянія отъ захвата ихъ частными лицами и отдѣльными группами. Многіе виды общественной собственности уже пользуются не только гражданской, но и уголовной защитой. Теперь нельзя уже не только безнаказанно запускать руку въ общественную казну, но и безданно-безпошлинно цѣликомъ присвоивать себѣ результаты коллективной работы человѣчества. Въ формѣ налоговъ имущіе классы уже должны отдавать нѣкоторую часть доходовъ всему обществу. Въ частности, по отношенію къ „цѣннымъ качествамъ" земли, финансовая практика „просвѣщенныхъ странъ" уже намѣтила особую форму налога— въ видѣ „обложенія незаслуженнаго прироста цѣнностей *). Трудно, конечно, сказать, когда и въ какой формѣ общество рѣшится, наконецъ, возвратить все свое достояніе, уже присвоенное „посредствомъ дара, завѣщанія, наслѣдованія или покупки" частными лицами. Но можно думать, что недалекъ уже день, когда оно наложитъ запретъ, по крайней мѣрѣ, на все новое „незаработанное приращеніе", какимъ могли бы воспользоваться личные поземельные собственники.

Равнымъ образомъ не только этика, но и право въ самыхъ различныхъ сферахъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ уже выступили на защиту слабѣйшей части населенія отъ эксплуатаціи, какая происходитъ въ современномъ обществѣ подъ знаменемъ „имущественной свободы". Въ сферѣ земельныхъ отношеній эта защита пока очень еще слаба. Однако, и здѣсь практика „просвѣщенныхъ странъ" уже намѣтила нѣкоторыя формы. Вопросы объ урегулированіи арендныхъ отношеній и о борьбѣ съ земельной спекуляціей даже у насъ не только многими общественными дѣятелями, но и нѣкоторыми представителями современной государственной власти считаются очередными. Какъ бы мы ни оттягивали неизбѣжный моментъ ограниченія свободы

---

*) См. кн. П. Гензеля: Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнностей при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и др. странахъ. Спб. 1903.

частныхъ поземельныхъ собственниковъ, во всякомъ случаѣ долго медлить съ этимъ дѣломъ намъ не придется. Не сегодня-завтра жизнь заставитъ взяться за его выполненіе. Само собой понятно, что задача будетъ тѣмъ легче и рѣшеніе тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше будетъ земли, которую придется возвращать такимъ образомъ обществу и чѣмъ меньше окажется людей, которыхъ придется лишать права, хотя бы и несправедливаго, но такого, съ которымъ они уже сроднились.

Во всякомъ случаѣ, намѣчая основныя черты необходимой реформы, мы должны помнить, что не свобода собственниковъ нужна намъ, а свобода всего населенія. Для этого же необходимо обезпечить не только немногимъ счастливцамъ, но всѣмъ и каждому то право, о которомъ 40 лѣтъ тому назадъ говорилъ Дж. Ст. Милль,—право вкладывать въ землю свой трудъ, право производить въ ней новыя и новыя улучшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо найти и осуществить такія формы земельныхъ отношеній, при которыхъ каждый получалъ бы то, что имъ создано,—такія формы, при которыхъ земледѣльцу доставались бы всѣ продукты его личнаго труда, а общество получало бы все, что создано его коллективными усиліями.

Только въ этомъ направленіи, въ приближеніи только къ этому идеалу можно искать и найти справедливое рѣшеніе земельнаго вопроса. Въ этомъ же направленіи лежитъ и цѣлесообразное рѣшеніе великой проблемы. Если бы мы рѣшили ее теперь иначе, то намъ немедленно пришлось бы взяться за нее сызнова.

Аргументація сторонниковъ личной собственности на землю лежитъ, конечно, въ совершенно иной плоскости, чѣмъ только что развитая нами. Въ своихъ соображеніяхъ они апеллируютъ не къ справедливости, а къ богатству. Въ накопленіи послѣдняго, въ развитіи производительныхъ силъ населенія, по ихъ мнѣнію, заключается очередная задача. Можно думать, что не всѣ они упускаютъ изъ виду или сознательно замалчиваютъ проблему распредѣленія. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ, повидимому, необходимымъ лишь повременить съ нею. Сначала накопимъ, какъ бы говорятъ они, а потомъ уже дѣлить будемъ. Предпосылая одну задачу другой, они указываютъ, какъ рузскіе владѣльцы „западней“, на „просвѣщенныя страны“, которыя шли именно такимъ путемъ. Мы должны, конечно, коснуться ихъ аргументовъ и съ этой стороны. Разсматривая земельный вопросъ съ точки зрѣнія производства, мы сами формулировали его въ видѣ дилеммы и, такимъ образомъ, какъ бы соглашались, что въ этомъ направленіи для насъ „есть два пути“. Мы должны теперь убѣдиться, дѣйствительно ли идеи соціальной справедливости мы можемъ отложить пока въ сторону и рѣшить земельный вопросъ такъ, какъ въ свое время рѣшила его Европа. Вернемся для этого къ

теоретику разсматриваемаго нами направленія—къ г. Воскресенскому, вполнѣ искренне, повидимому, убѣжденному, что „цѣною обезземелія части земледѣльческаго населенія достигается увеличеніе національнаго производства“.

Основную причину задержки въ развитіи производительныхъ силъ населенія г. Воскресенскій, какъ и мы, видитъ въ крестьянскомъ малоземельѣ, въ отсутствіи у крестьянъ „избытковъ“, за счетъ которыхъ, съ одной стороны, могъ бы происходить ростъ неземледѣльческой промышленности въ странѣ, а съ другой—могло бы технически совершенствоваться сельскохозяйственное производство. Мы говорили уже, почему у крестьянъ нѣтъ этихъ избытковъ. Мы видѣли, что съ самаго начала крестьянское хозяйство было поставлено въ такія условія, при которыхъ весь прибавочный продуктъ экспропріировался и по сей день экспропріируется у него другими классами. Г. Воскресенскій не пожелалъ заглянуть въ прошлое и нѣсколько внимательнѣе присмотрѣться къ настоящему. Встрѣтившись съ фактомъ, онъ поспѣшилъ возвести его въ принципъ и призналъ населеніе, „дробящее землю“, органически неспособнымъ къ созданію прибавочнаго продукта. Къ тому, чего г. Воскресенскій и прочіе съ нимъ не видятъ въ прошломъ, мы можемъ не возвращаться. Намъ нужно посмотрѣть только, что дадутъ рекомендуемыя ими мѣры въ будущемъ.

Считая необходимымъ ради „избытковъ“ удалить значительную часть населенія отъ земли, они полагаютъ, что этому препятствуетъ только „двойное право“. Дѣйствительно ли это, однако, такъ? Дѣйствительно ли мужикъ, довольный „фикціей обезпеченія“, лежитъ на печи и не ищетъ неземледѣльческихъ занятій? Достаточно, я думаю, прямо поставить этотъ вопросъ, чтобы всякій мало-мальскій совѣстливый и хоть немного знакомый съ нашею дѣйствительностью человѣкъ съ негодованіемъ отринулъ эти крѣпостническія инсинуаціи. Нужно ли напоминать про милліоны кустарей, работающихъ подъ часъ до двадцати часовъ въ сутки? Нужно ли говорить про милліоны отхожихъ промышленниковъ, проходящихъ тысячи верстъ въ поискахъ себѣ какихъ либо занятій? Если крестьянинъ упорно держится за „фикцію“, то очевидно, что та „реальность“, которую онъ находитъ въ индустріи, представляется очень мало заманчивой. Отъ того же г. Воскресенскаго, хотя онъ и выражается очень мягко на этотъ счетъ, мы знаемъ, что „хорошо и прочно“ въ промыслахъ устраиваются „сравнительно очень немногіе“. А если это такъ, то гдѣ же гарантія, что „лишенное права“ населеніе передаетъ свое трудовое производство предпринимателямъ? Не будетъ ли оно по прежнему дробить землю, хотя бы и на иныхъ началахъ? Вѣдь и сейчасъ оно дробитъ не только общинную землю. Оно дробитъ подворные участки, гдѣ таковые имѣетъ, оно дробитъ купчія

земли, оно дробитъ арендный фондъ. Въ пылеобразное состояніе земля можетъ быть обращена при личной собственности съ неменьшимъ удобствомъ, чѣмъ и при общинномъ землевладѣніи. Гдѣ же, повторяю, гарантія тому, что, водворивъ личную собственность въ надѣльномъ землевладѣніи, мы обезпечимъ расцвѣтъ предпринимательскаго хозяйства? „Скупка“ надѣловъ, въ формѣ аренды, практикуется вѣдь и сейчасъ, но очень часто не для эксплуатаціи, а для передачи. Кто же поручится, что „зажиточные домохозяева“, скупивъ надѣлы своихъ сосѣдей, сами поведутъ усовершенствованное хозяйство, а не предпочтутъ вести его при посредствѣ вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ арендаторовъ, которые по прежнему не будутъ имѣть „избытковъ“, а стало быть и возможности улучшать производство?“

Допустимъ, однако, что „формы землевладѣнія, выработанныя у западноевропейскихъ народовъ“ достаточно совершенны не только для того, чтобы обезземелить значительную часть населенія, но и для того, чтобы изгнать ее изъ деревни. Допустимъ, что у оставшихся въ сельскомъ хозяйствѣ счастливцевъ появятся избытки. Достаточно ли, однако, будетъ этихъ послѣднихъ для того, чтобы за счетъ ихъ снабдить не земледѣльческимъ трудомъ все изгнанное изъ деревни населеніе? Теорія рынковъ оставляетъ вѣдь подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ, можетъ ли развивающаяся индустрія довольствоваться рынкомъ, какой въ состояніи представить сельское хозяйство, ведущееся на предпринимательскихъ началахъ. Ни одной „самодовлѣющей“ въ этомъ смыслѣ страны среди „просвѣщенныхъ странъ“ мы не знаемъ. За то мы знаемъ, что самый процессъ обезземеленія массъ обычно сопровождается въ народно-хозяйственной жизни самыми тяжкими бѣдствіями и самыми острыми потрясеніями. И едва ли въ наши дни можно сознательно затѣвать такую операцію. Предпринять и послѣдовательно довести ее до конца, какъ я уже говорилъ, не позволитъ прежде всего общественная совѣсть. Этого не позволитъ,—что еще важнѣе,—классовое самосознаніе городскихъ рабочихъ, которымъ придется выносить на своихъ плечахъ конкурренцію безработныхъ массъ, выгоняемыхъ изъ деревень. Этого не позволитъ, наконецъ, чувство самосохраненія самихъ правящихъ классовъ, какъ бы ни желали они сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную ренту.

О силѣ этого послѣдняго чувства мы можемъ судить по трудамъ тѣхъ же уѣздныхъ комитетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, не случайно и не изъ платонической любви къ крѣпостнымъ формамъ нѣкоторые мѣстные дѣятели желали бы установить неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ, преобразовавъ ихъ сначала въ недробимые. Такимъ путемъ они желали бы создать „прочное и консервативное ядро“, которое должно служить буферомъ между опасным пролетаріемъ и заправскимъ рентьеромъ. Ради этой цѣли

они не только соглашались навсегда оставить значительную часть земли въ рукахъ людей, которые „умѣютъ сѣять только сѣрые хлѣба“, но и предоставить въ ихъ распоряженіе новыя площади и при томъ не только изъ казенныхъ земель, но и изъ „благоустроенныхъ имѣній“. Невозможность рѣшить земельный вопросъ простымъ изгнаніемъ части крестьянскаго населенія изъ деревни настолько очевидна, что даже самые послѣдовательные сторонники предпринимательскаго хозяйства должны были проектировать мѣры для расширенія крестьянскаго землепользованія. Своими руками, такимъ образомъ, они должны были „дробить землю“.

Особенность нашего положенія въ томъ и заключается, что въ земельномъ вопросѣ мы должны одновременно имѣть дѣло съ двумя задачами: и съ проблемой производства, которая остается все еще неразрѣшенной въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, и съ проблемой распредѣленія, которая въ самыхъ острыхъ формахъ уже встала передъ нами. Ни одну изъ нихъ обойти мы не можемъ. Рѣшать же ихъ въ разныхъ направленіяхъ—это значитъ только запутывать и безъ того трудный узелъ, какой завязала намъ исторія.

А. Пѣшехоновъ.

---

*
* *

Все сорвано давно — и листья, и цвѣты,
Осенней красоты оконченъ пиръ прощальный.
И голые стволы, какъ темные кресты
Въ рѣшеткѣ изъ вѣтвей, задумались печально.

Землѣ не грезится душистая весна,
Не хочется ей ласкъ полуденнаго зноя:
Усталая отъ бурь, покорно ждетъ она
Царицу грозную холоднаго покоя...

И у меня въ душѣ все также отцвѣло...
Но къ солнцу тянутся слабѣющія силы —
Я вѣрю, что оно не навсегда зашло,
И буду ждать его и вѣрить до могилы!..

Г. Галина.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

По слѣдамъ императора.

Кристофъ Цедра попалъ во вторую бригаду, къ генералу Красинскому. Она стояла въ Торнѣ до 28 февраля 1807 года, когда перешла Вислу и направилась къ Энгельсбургу.

Спустя недѣли двѣ послѣ размѣщенія войска по квартирамъ, начались тревожныя времена. Непріятельская конница то и дѣло врывалась въ деревню, гдѣ стояла бригада, съ свистомъ и крикомъ проносилась по улицамъ, уничтожая все, что попадалось на ея пути, и исчезала въ сѣрой зимней дали.

25 марта, на разсвѣтѣ, случилось одно изъ такихъ нашествій. Около четырехсотъ непріятельскихъ всадниковъ напали на деревню, намѣреваясь поджечь ее со всѣхъ концовъ. Моментально весь постой бросился на нападавшихъ, и атака была отбита такъ же быстро, какъ началась. Кристофъ мчался вмѣстѣ съ другими среди утренняго тумана, настигая уже, казалось, врага, но, не смотря на всѣ усилія, не могъ догнать его. Когда нападеніе было отражено, рѣшено было сдѣлать вылазку. Вызвали желающихъ. Цедра былъ однимъ изъ первыхъ охотниковъ. Когда наступила ночь, поляки, раздѣлившись на группы, двинулись безъ дороги. Вдали, подъ лѣсистымъ холмомъ они увидѣли непріятельскіе огни и окружили ихъ, сами скрываясь въ кустарникахъ. Нападеніе было сдѣлано съ сѣверной стороны. Отрядомъ, въ которомъ находился Кристофъ, командовалъ ротмистръ Заборовскій. Всѣ ѣхали въ глубокомъ молчаніи, пока не наступилъ рѣшительный моментъ. Кристофъ ничего не зналъ о планѣ нападенія, и очень удивился, когда поручикъ Выхлинскій

вдругъ пришпорилъ коня и бросился впередъ съ громкимъ крикомъ, отчаянно размахивая саблей. Всѣ послѣдовали его примѣру, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло. Конница съ пиками на перевѣсъ напала на полусонныхъ людей. Они поспѣшно вскакивали на лошадей среди криковъ, проклятій и выстрѣловъ. Оказалось, что и эту полусонную толпу не легко было одолѣть. Изъ густого мрака она появлялась уже сформированной въ летучіе отряды и вступала въ бой. Освѣщенные мерцавшимъ свѣтомъ костровъ, всадники яростно нападали и выбивали другъ друга изъ сѣделъ. Стало свѣтать. Въ предразсвѣтномъ сумракѣ зимняго утра раздавались лязгъ и трескъ копій, предсмертные крики людей и храпъ лошадей. Наконецъ, нападавшіе овладѣли лагеремъ, захватили нѣсколькихъ лошадей и раненыхъ плѣнниковъ. Четверо непріятелей пали. Остальные, отбиваясь и отстрѣливаясь, отступили съ поля сраженія и исчезли въ лѣсу.

Черезъ недѣлю, согласно планамъ генерала Фишера, произведено было нападеніе на зимнія квартиры непріятеля. Сильный и смѣлый натискъ былъ сдѣланъ съ трехъ сторонъ. Цедра въ первый разъ увидѣлъ непріятеля среди бѣлаго дня. Съ оружіемъ въ рукѣ, онъ одинъ изъ первыхъ въѣхалъ въ деревню. Подполковникъ Скальскій, предводительствовавшій войскомъ, видѣлъ краковскихъ стрѣлковъ, которые со штыками на перевѣсъ неслись на непріятельскую конницу. Цедра получилъ за храбрость пунсовые пагоны съ серебряными нашивками, увеличенный дневной раціонъ и навсегда былъ причисленъ къ штабу генерала Красинскаго.

Вплоть до 12 мая войско не получало никакихъ рѣшительныхъ приказаній, и дѣятельность его ограничивалась мелкими стычками и вылазками.

12 мая пришла страшная вѣсть, что подъ Мальгой вырѣзанъ весь гарнизонъ до послѣдняго человѣка. Всѣ рвались къ оружію, но приказаній не было. Вскорѣ, впрочемъ, выяснилось, что на небольшой отрядъ на мельницѣ подъ Мальгой напала многочисленная непріятельская конница. Подполковникъ Круковецкій, стоявшій въ самой Мальгѣ, поспѣшилъ на помощь съ 140 пѣхотинцами. Но недалеко отъ мельницы его со всѣхъ сторонъ окружилъ непріятель, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Круковецкій построилъ своихъ солдатъ въ карэ и началъ отчаянно защищаться. На всѣ предложенія сдаться онъ отвѣчалъ громомъ выстрѣловъ и штыками. Неравная борьба продолжалась два съ половиною часа, пока не подоспѣлъ на помощь генералъ Фишеръ, конница котораго бросилась на непріятеля и разсѣяла его. У Круковецкаго было убито 25 солдатъ и тяжело ранено 16. Непріятель лишился полковника, двухъ офицеровъ и около ста солдатъ.

—

26 мая пришло извѣстіе, что Данцигъ сдался и легіонъ Домбровскаго готовится къ походу на востокъ, въ сторону Нѣмана, чтобы соединиться съ императоромъ.

Сѣверный легіонъ также двинулся въ путь и 18-го іюня пришелъ въ Гутштадтъ. Здѣсь отъ военнаго министра, принца Невшательскаго, получено было важное извѣстіе. Среди облака пыли на встрѣчу солдатамъ мчался во весь опоръ французскій офицеръ въ сопровожденіи курьера. Ни на кого не обращая вниманія, они направились прямо къ дивизіонному генералу и передали секретную бумагу, оказавшуюся депешей о фриндландской побѣдѣ.

Среди солдатъ разсказывали о мужественномъ поведеніи третьей дивизіи, о горячности конницы и хладнокровіи пѣхоты и о томъ, что генералъ Домбровскій опять раненъ подъ Фридландомъ.

Сѣверный легіонъ форсированнымъ маршемъ направился къ Растенбургу, чтобы преслѣдовать непріятеля и соединиться съ третьимъ легіономъ. Въ концѣ іюня, онъ былъ уже въ виду Гродна. Около 10 іюля войскамъ объявили о Тильзитскомъ мирѣ, и сѣверной легіонъ получилъ приказаніе идти къ Варшавѣ, куда онъ и прибылъ 15 августа. Въ тотъ же день получилось распоряженіе дивизіоннаго генерала, чтобы все войско отправилось на постоянныя квартиры въ Калишъ.

— Миръ и дѣлу конецъ...—такъ думалъ молодой Цедра. Ему предстояло поселиться въ Калишѣ въ качествѣ солдата или, пожалуй, офицера, отдыхающаго въ мирное время. Онъ предвидѣлъ, что дни будутъ проходить въ кутежахъ, въ развратѣ и скукѣ въ какомъ-нибудь клубѣ, въ обществѣ товарищей, какихъ онъ видѣлъ уже множество. Такая жизнь не привлекала его.

Неужели ради такого времяпровожденія онъ покинулъ старика отца, разбилъ его надежды и мечты и пережилъ ужасный декабрьскій день разлуки? Не вернуться ли лучше домой, совершивъ верхомъ длинное путешествіе?

Но страсть къ подвигамъ, къ шумной и опасной жизни уже отравила его, и вернуться послѣ всего пережитого къ тихому помѣщичьему житью вмѣстѣ съ Трепкой казалось немыслимымъ. Почти на глазахъ у него создавалась исторія, ломались старые законы, возникали новыя государства... и оставить все это ради безопасности и мертваго покоя? Нѣтъ, никогда.

Изъ Варшавы, которая въ это время походила на улей потревоженныхъ пчелъ, Кристофъ въ печальномъ и угрюмомъ настроеніи направился въ Калишъ. Стояли теплыя, осеннія ночи. Однажды, когда войска медленно и тоскливо

тянулись по большой дорогѣ, старый вахмистръ Гайкось подошелъ къ Кристофу и прошепталъ ему на ухо:

— Говорятъ,—миръ навсегда.

— Да, говорятъ.

— И мы будемъ стоять въ Калишѣ?

— Такъ приказано.

— Славно мы воевали, нечего сказать!

— Дастъ Богъ, еще дождемся...

— Чортъ побери! Неужели же мнѣ ѣздить на ученія подъ Гродно? Довольно съ меня всякаго ученія... Лучше ужъ наняться къ евреямъ возить навозъ, или завести бабу и спать на перинѣ...

— Тише, вахмистръ!

— Послушайте, паничъ! Говорилъ мнѣ одинъ товарищъ въ Варшавѣ, что нашъ старый неаполитанскій легіонъ опять формируется какимъ-то принцемъ Іеронимомъ.

— Что это за принцъ Іеронимъ?

— А чортъ его разберетъ, кто онъ такой! Должно быть, братъ или шуринъ императора. Онъ поведетъ свое войско въ далекій путь.

— Куда же?

— Вслѣдъ за императоромъ.

— Но куда?

— Поведетъ сражаться, куда-же больше? А здѣсь мнѣ противно сидѣть между всѣми этими капитанами, поручиками, полковниками. Господи, прости!.. Все полковникъ на полковникѣ, а подъ командой только пастухи и мужики. Видѣлъ я, какъ одинъ изъ нихъ сталъ спускать курокъ всею ладонью и обломалъ его, конечно. Унтеръ велитъ стрѣлять, а онъ отвѣчаетъ: „Какъ же мнѣ стрѣлять, если курокъ сломался“? Ему показали, что не надо напирать на курокъ всей ручищей, а достаточно только легонько потянуть пальцемъ за собачку. Мужикъ ротъ разинулъ отъ удивленія. Вотъ какое замѣчательное войско!..

— Не клевещи, старина!

— Ну, словомъ, я вернусь къ ветеранамъ, къ своимъ товарищамъ. Чтó за охота мнѣ тутъ зѣвать отъ скуки! Тутъ я еще, чего добраго, сопьюсь или, еще хуже, стану бабникомъ...

Немного погодя, онъ сказалъ, понизивъ голосъ:

— Паничъ! пойдемъ оба... Изъ васъ выйдетъ хорошій рыцарь. Видѣлъ я вашу посадку и ѣзду. Съ дѣтства, нужно полагать, ваша нога привыкла къ стремени. Испортятъ васъ здѣшніе гувернеры!

— Напрасно ты льстишь мнѣ.

— Правду говорю... Развѣ я не видѣлъ? На лошади вы сидите, какъ привинченный, дѣло понимаете, ничего не бои-

тесь, а еще до сихъ поръ даже не сержантъ, потому что вы беззаботный. Есть въ нашихъ войскахъ такіе беззаботные люди. Не мало я ихъ видѣлъ. Дерутся на смерть, никакой, самой ужасной работы не боятся, молча гибнутъ. Чортъ ихъ знаетъ, что̀ за люди! Не одного такого я встрѣчалъ въ итальянскихъ легіонахъ, но до сихъ поръ не знаю, откуда они берутся. Право, паничъ, пойдемъ съ нами на войну!

— Молчи!

— Пойдемъ. Развѣ намъ нужно золото, деньги? За наше маленькое жалованье мы вездѣ найдемъ мѣшокъ овса, клокъ сѣна, ломоть хлѣба. Вездѣ на большой дорогѣ есть колодезь А иногда и простому солдату приходится пить такое вино, какого не получишь на королевскомъ пиру...

— Но, куда же ты хочешь идти?

— Пока императоръ не заведетъ порядка на свѣтѣ, до тѣхъ поръ наша нога должна быть въ стремени. Гдѣ онъ, тамъ и мы должны быть. Онъ отдыхаетъ,—и мы можемъ спать. Онъ садится на коня,—намъ ужъ не до сна. Обойдемъ весь свѣтъ, вездѣ заведемъ настоящій порядокъ и тогда опять вернемся въ родную землю,—уже окончательно, навсегда. Такъ говорятъ старики...

Настойчивыя нашептыванья стараго вахмистра были для Цедры каплей, переполнившей чашу. Непреодолимое отвращеніе къ предстоящей жизни въ Калишѣ заставило его склониться на уговоры солдата.

Въ Калишѣ Кристофъ и Гайкось вышли изъ ополченія и просили перевести ихъ въ отрядъ копьеносцевъ. Долго ихъ уговаривали не дѣлать этого; долго не отпускали; наконецъ, въ октябрѣ они попали въ крѣпость въ Козлѣ, гдѣ стоялъ эскадронъ копьеносцевъ-ветеранъ. Цедрѣ пришлось наслушаться не мало грубыхъ насмѣшекъ, прежде чѣмъ его приняли въ строй. Старики не охотно принимали въ свою среду молокососовъ и особенно „добродѣтельныхъ“ энтузіастовъ. За то Гайкось былъ принятъ съ распростертыми объятіями.

Въ началѣ зимы получился приказъ оставить Силезію и идти въ Оснабрюкъ, гдѣ квартировалъ командиръ полка Янъ Конопка. Оттуда двинулись въ Вестфалію. Въ Эрфуртѣ прибывавшіе съ разныхъ сторонъ отряды получили однообразную амуницію и остались въ этомъ городѣ на зиму. Среди офицеровъ разныхъ родовъ оружія были и старые, и молодые. Между простыми солдатами попадались даже помѣщики.

Весной 1808 года окончательно сформированный полкъ двинулся въ большой походъ — въ Байонну... Въ концѣ апрѣля, войска достигли безконечныхъ, песчаныхъ степей

въ Ландахъ. Пѣхота плыла на лодкахъ и плотахъ по рѣкѣ Адурѣ. Конница медленно двигалась по унылой дорогѣ вдоль рѣки.

Кристофъ Цедра за время этихъ долгихъ переходовъ, отъ береговъ Нѣмана до береговъ Гаронны, загорѣлъ и возмужалъ. Какъ личность, онъ затерялся въ рѣзкой и грубой толпѣ солдатъ, замкнулся въ себѣ... Онъ казался беззаботнымъ, веселымъ, всегда занятымъ только военнымъ дѣломъ, но въ сущности былъ совершенно одинокъ. Переходы совершались по ночамъ. Когда въ сумерки раздавался сигналъ: „на коней!“ и полки медленно пускались въ путь, — Кристофъ Цедра начиналъ оживать. Люди, измученные за день работой и ученіями, крѣпко спали въ сѣдлахъ, закутавшись въ плащи отъ холода весенней ночи; дремали на ходу и лошади. Кристофъ же не могъ спать.

Въ мягкомъ сумракѣ апрѣльской ночи утопали далекіе дома деревень и городовъ, церковныя башни, фермы, старые замки и лѣса. Въ воздухѣ стояла тишина; влажный вѣтеръ доносилъ съ полей запахъ фіалокъ. Придорожные тополя, уже одѣтые листвой, шумѣли проникающимъ въ душу шелестомъ и какъ будто шептали таинственную, старую сказку.

— Мы идемъ по пути Карла Великаго,—думалъ Цедра.— Отъ Нѣмана за Рейнъ, по слѣдамъ императора...

Кристофъ никогда не видѣлъ императора, но въ эти походныя ночи ему казалось, что онъ знаетъ его давно. Точно о немъ цѣлые вѣка слагались пѣсни. Онъ обошелъ столько земель, отразилъ столько ударовъ, столько царей низвергъ съ престоловъ... Когда же онъ отдохнетъ отъ своихъ кровавыхъ дѣлъ?.. Когда исполнится, наконецъ, вѣра народа, когда императоръ свершитъ свое обѣщаніе?.. Однажды на разсвѣтѣ войска увидѣли на горизонтѣ какъ бы далекія тучи. Но вѣтеръ не развѣвалъ этихъ тучъ. Онѣ были неподвижны и по нимъ вились золотистыя дороги, тянулись темныя долины. То были Пиринеи.

— Ронсеваль!—прошепталъ Кристофъ, съ восторженной улыбкой устремивъ взглядъ на далекія очертанія горъ, съ которыхъ когда-то раздавался громовый голосъ Роланда.

Сердце Кристофа сжалось при воспоминаніи о подвигахъ Роланда, о которыхъ сложились безсмертныя, прекрасныя пѣсни и легенды, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ памяти вставали давно забытыя слова...

Въ началѣ мая конница привислинскаго легіона достигла Байонны. Императоръ жилъ здѣсь въ замкѣ Марракъ. При немъ были испанскіе короли, Карлъ IV и Фердинандъ VII. Войска тутъ было множество, а страна пустынна. Корма для лошадей нельзя было достать нигдѣ въ окрестностяхъ.

Когда въ городъ прибыло еще около тысячи копьеносцевъ, которые должны были остаться здѣсь на довольно продолжительное время, интенданты совсѣмъ потеряли голову. На слѣдующее же утро былъ посланъ отрядъ для доставки фуража изъ разныхъ мѣстъ на испанской границѣ. Кристофъ Цедра, владѣвшій французскимъ языкомъ, былъ назначенъ въ эту экспедицію и побывалъ у самаго подножья великихъ Пиринеевъ и видѣлъ могучій океанъ.

За горами.

Послѣ трехнедѣльнаго отдыха въ Байоннѣ, въ концѣ мая, полкъ Конопки двинулся въ горы. Онъ шелъ въ Аррагонію стариннымъ путемъ Карла Великаго, черезъ Ронсевальское ущелье.

Дороги по горамъ были такъ узки, круты и такъ скользки по утрамъ отъ тающихъ снѣговъ, что весь этотъ переходъ нужно было сдѣлать пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.

Было такъ холодно, что люди надѣвали на себя все, что только могли. Часто останавливались и раскладывали костры.

Солдаты шли по краю пропасти и вели лошадей, которыя храпѣли и дрожали отъ холода и ужаса, при видѣ бездны. Нѣсколько разъ на поворотахъ дороги встрѣчались аррагонскіе горцы, вооруженные винтовками. Они стрѣляли издалека и исчезали въ темныхъ ущельяхъ.

Цедра, шагавшій рядомъ со своею лошадью, стучалъ зубами отъ холода, но вмѣстѣ съ тѣмъ горѣлъ восторгомъ. Онъ испытывалъ счастье при одной мысли, что идетъ по Ронсевальскому ущелью, и идетъ, какъ казалось ему, за рыцарской славой.

6 іюня, уже спустившись съ горъ, въ первый разъ полкъ встрѣтился было съ вооруженной толпой, но она, при приближеніи конницы, разсѣялась.

Въ дальнѣйшемъ пути, въ поискахъ моста черезъ рѣку Эбро, воины набрели на покинутую и опустошенную деревушку. Солдаты были голодны, лошади измучены, поэтому, какъ только были разставлены посты, люди разбѣжались по деревнѣ искать пищи для себя и корма для лошадей.

Въ церкви, за большимъ алтаремъ, кто-то нашелъ спрятанную пшеницу. Ее забрали, и, пока люди готовили себѣ обѣдъ, усталыя лошади жадно жевали испанскую пшеницу. На другой день послышались выстрѣлы, и полкъ долженъ былъ сняться съ мѣста. Когда стали сѣдлать лошадей, то

увидѣли, что животныя не могутъ подняться. Копыта ихъ были въ жару, ноги дрожали, головы свѣшивались, и тяжелыя тѣла безсильно падали на землю, едва только ихъ пытались поднять.

Всѣ принятыя мѣры не привели ни къ чему, и въ тотъ же день пало около двухсотъ лошадей. Остальныя едва переступали ногами, выходя изъ деревни. Кристофъ, какъ и другіе, вынужденъ былъ вести своего коня подъ уздцы. Сначала съ нимъ было нѣсколько товарищей, изъ которыхъ одни, двигаясь шагомъ на своихъ лошадяхъ, опередили его, другіе же, какъ и онъ, вели своихъ лошадей въ поводу. Около полудня полилъ частый, докучливый дождь. Лошади еще больше ослабѣли и шатались на больныхъ ногахъ. Подъ вечеръ Цедра въ смущеніи замѣтилъ, что онъ остался одинъ. Вокругъ никого не было. Однѣ изъ лошадей его товарищей уже околѣли, другія лежали безпомощно, вытянувъ ноги. Дальше онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ лошадиные трупы, безъ сѣделъ и безъ уздечекъ. Тѣмъ старательнѣе берегъ онъ своего коня. Онъ шелъ все медленнѣе, только бы не потерять его теперь. Лошадь дрожала отъ лихорадки, становилась на кончики копытъ и глухо ржала. Кристофъ изорвалъ въ клочья свою рубашку и все привязывалъ мокрую глину къ ея копытамъ. Но вотъ лошадь зашаталась и безсильно грохнулась на дорогѣ. Зубами она грызла землю, изъ ноздрей вырывалось горячее дыханіе. Нѣсколько разъ конвульсіи пробѣжали по ея тѣлу, и прекрасная голова глухо стукнулась о мягкую землю...

Весь охваченный грустью, стоялъ юноша надъ своей лошадью, устремивъ взглядъ на ея мертвые глаза, на странную, какъ будто насмѣшливо оскаленную морду.

Этотъ вѣрный товарищъ привезъ его сюда изъ родной земли, провезъ черезъ столько странъ и долженъ былъ привести къ славѣ... А теперь онъ смѣялся надъ нимъ улыбкой смерти...

Замѣтивъ, что на дорогѣ нигдѣ не видно людей, а между тѣмъ приближается ночь, Кристофъ снялъ съ лошади чепракъ, сѣдло и узду, взвалилъ все на спину и, взявъ въ руку копье, двинулся впередъ. Онъ шелъ быстро, чтобы догнать полкъ. Дождь лилъ, не переставая.

Кристофъ почувствовалъ голодъ, съѣлъ кусокъ хлѣба, который оставался у него со вчерашняго дня въ кожаной сумкѣ, но этого оказалось мало, такъ какъ онъ ничего не ѣлъ цѣлый день. Онъ напился воды изъ ключа, по дорогѣ, и сталъ оглядывать мѣстность. Стоя на возвышеніи, онъ увидѣлъ впереди большую дорогу, подобно лентѣ, тянувшуюся вдоль рѣки. Налѣво шла узкая проселочная дорога, которая пере-

сѣкала наискось всю долину рѣки. Кристофу показалось, что по ней будетъ ближе пройти къ большой дорогѣ, и онъ ускорилъ шагъ. На ходу онъ вынулъ изъ кобуры пистолеты и положилъ ихъ за пазуху. Плащъ насквозь промокъ и сильно отяжелѣлъ. Чепракъ, покрывавшій сѣдло, тоже намокъ, и вода съ него капала за воротникъ. Кристофъ прошелъ уже нѣсколько верстъ по полю, поросшему кое-гдѣ оливковыми деревьями, какъ вдругъ, при потухавшихъ лучахъ солнца, сквозь дождевую пелену, увидѣлъ невдалекѣ странное лище. Сразу ему показалось, что кто-то молится передъ крестомъ, благочестиво сложивъ руки. Но, подойдя ближе, онъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Между деревьями стояла наскоро поставленная висѣлица, къ перекладинѣ которой былъ привязанъ за руки французскій солдатъ, въ мундирѣ и съ ранцемъ на плечахъ.

Цедра медленно приблизился и тогда только разсмотрѣлъ всѣ подробности: ротъ былъ забитъ тряпкой, свернутой въ видѣ толстаго пальца, носъ и уши отрѣзаны, а обнаженная грудь вся изранена. До пояса трупъ былъ обернутъ соломой, пропитанной масломъ и еще дымившейся черной копотью, хотя костеръ, разложенный подъ ногами, уже потухъ отъ дождя.

Кристофъ поспѣшно снялъ трупъ съ перекладины и положилъ на траву. Нѣкоторое время онъ стоялъ надъ нимъ— и ужасъ казни охватывалъ его мало по-малу. Чувства были смутны, голова горѣла, какъ въ огнѣ.

Кристофъ вздрогнулъ, схватилъ упавшее на землю копье, взвалилъ на плечи сѣдло и быстро побѣжалъ дальше. Наступала ночь, и юноша изо всѣхъ силъ напрягалъ свои близорукіе глаза, чтобы не заблудиться въ темнотѣ. Каждый шорохъ приводилъ его въ смущеніе, и, вспоминая видѣнный трупъ, ему казалось, что вотъ, уже бѣжитъ толпа крестьянъ, чтобы убить и его. Если бъ онъ могъ ихъ хоть видѣть! Тогда онъ сумѣлъ бы умереть, защищаясь. Но стать жертвой дикой толпы кровожадныхъ звѣрей, какъ тотъ несчастный... Отъ одной этой мысли волосы вставали на его головѣ...

Кристофъ инстинктивно шелъ въ этомъ незнакомомъ мѣстѣ на цыпочкахъ, стараясь ступать какъ можно тише.

— Трусъ, трусъ!—бормоталъ онъ про себя, ускоряя шаги.

Глаза впивались въ темноту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звукъ шаговъ усиливался, и тогда опять ему казалось, что толпа догоняетъ его. Крикъ рвался изъ груди, и только сила воли удерживала его. Цедра останавливался съ пистолетомъ въ рукѣ и вслушивался. Но кругомъ была безпредѣльная тишина.

Тропинка, по которой онъ шелъ, была съ обѣихъ сторонъ

ограждена низкими необтесанными камнями. Эти камни не позволяли заблудиться. Онъ чувствовалъ, что идетъ въ гору и задыхался подъ тяжестью сѣдла. По рѣзкости вѣтра онъ догадался, наконецъ, что находится на самой верхушкѣ горы. Вскорѣ онъ увидѣлъ въ отдаленіи огоньки и присѣлъ на камень отдохнуть. Донесся лай собакъ... Ни у французовъ, ни у поляковъ собакъ не было... Вдалекѣ заржала лошадь... Чья это лошадь?.. Друзья тамъ или враги?..

Кристофъ немного передохнулъ и успокоился. Медленнымъ щагомъ направился онъ къ огнямъ. Спускаясь съ горы, онъ услышалъ далекій окрикъ часового: кто идетъ?

Сердце забилось, какъ молотъ. На одномъ изъ поворотовъ дороги онъ увидѣлъ вдругъ яркій свѣтъ и невольно остановился. Передъ нимъ была стѣна, съ широкимъ квадратнымъ отверстіемъ, черезъ которое шелъ этотъ свѣтъ и слышался шумъ людскихъ голосовъ.

Цедра съ радостью услышалъ французскую рѣчь, легкомысленныя походныя пѣсни, крики, споры... Онъ побѣжалъ туда, перепрыгивая черезъ мокрые кусты виноградниковъ и проваливаясь въ наполненные водой рвы. Часовой вздрогнулъ отъ неожиданности, когда изъ темноты передъ нимъ появилась фигура съ сѣдломъ на головѣ. Цедра едва въ состояніи былъ пробормотать пароль: такъ онъ усталъ. Его осмотрѣли со всѣхъ сторонъ и пустили обсушиться къ костру, вмѣстѣ съ его сѣдломъ. Кристофъ вбѣжалъ по ступенькамъ и очутился на порогѣ большой церкви. Нѣсколько костровъ пылало подъ главнымъ сводомъ и въ боковыхъ придѣлахъ, отдѣленныхъ отъ средней части колоннами. На алтаряхъ горѣли свѣчи. Множество ихъ горѣло также въ различныхъ углахъ, подъ хорами и на хорахъ, на амвонѣ и въ ризницѣ. Тысячи двѣ солдатъ расположились тутъ бивуакомъ, съ шумомъ и съ пѣснями. Нѣкоторые уже храпѣли, лежа въ повалку на церковныхъ коврахъ, между колоннами, вокругъ алтарей и даже на алтаряхъ. Одни жарили на огнѣ куски мяса, другіе рѣзали птицу и ощипывали ее тутъ же. Цедра испытывалъ невыразимо радостное чувство. Ему уже не грозило нападеніе сзади и ужасная смерть на висѣлицѣ: онъ былъ среди людей, въ теплѣ и безопасности...

„Siempre Heroica".

Почти шесть недѣль провелъ Цедра съ копьемъ въ рукѣ, не слѣзая съ лошади. Теперь у него былъ испанскій конь, быстрый, какъ вѣтеръ. Съ переходомъ полка на правый берегъ рѣки Эбро, въ ея роскошную долину, онъ не зналъ уже ни минуты покоя, принимая участіе во всѣхъ стычкахъ. Онъ шелъ въ авангардѣ войска, когда 16 іюня приближались къ Сарагоссѣ съ цѣлью овладѣть ею. Такъ какъ запасныхъ магазиновъ у войска не было, то уланы должны были добывать для всѣхъ жизненные припасы и фуражъ. Съ этой цѣлью они ежедневно, раздѣлившись на маленькіе отряды, отправлялись въ горы. Богатая долина рѣки Эбро была теперь совершенно пустынна. Одни изъ туземцевъ скрылись въ Сарагоссу, другіе ушли въ горы со всѣмъ своимъ имуществомъ. Приходилось искать овецъ, коровъ и козъ въ ихъ недоступныхъ убѣжищахъ. Въ теченіе шести недѣль уланы развивали въ себѣ инстинкты шпіоновъ и разбойниковъ. Цедра привыкъ уже относиться равнодушно къ этому ремеслу. Каждую минуту жизнь его была теперь въ опасности.

Человѣкъ, встрѣченный въ горахъ, былъ врагомъ, норовившимъ угодить ножомъ въ сердце. Изъ-за каждаго куста глядѣло дуло ружья, выстрѣлъ раздавался изъ-за каждаго камня, всякая мелькнувшая тѣнь грозила смертью. Но все это только возбуждало молодого воина. Пріятно было выѣзжать раннимъ, прохладнымъ утромъ, во весь духъ промчаться по холоднымъ сумрачнымъ аллеямъ пампелунской дороги и внезапно, подобно вихрю, ворваться въ какую-нибудь каменную ограду, захватывая тамъ людей и животныхъ; наведя дуло пистолета въ лицо угрюмому, черноглазому мужику, заставлять его покорно гнать свои стада на шоссе, а затѣмъ почти до самыхъ воротъ осажденной Сарагоссы. Но не всегда это удавалось легко. Бывали дни, когда они напрасно обыскивали всѣ ущелья и горы, нигдѣ не встрѣчая ни одной души. А сколько разъ, выслѣживая стада, натыкались на засаду гверильясовъ, которые бросались на нихъ съ ножами. То были дикіе люди, привыкшіе къ жизни въ пустынной странѣ и къ скитаніямъ по Пиренеямъ съ кондрабандой. Безпощадно пронизываемые уланскими копьями, они ухитрялись бросаться на шею лошадямъ, ударомъ ножа убивать ихъ и такимъ-же ударомъ въ сердце убивать всадника. Но чаще случалось, что прежде чѣмъ горецъ успѣвалъ кинуться къ лошади, онъ уже падалъ, пронзенный копьемъ.

Въ теченіе этихъ шести недѣль Цедра вмѣстѣ съ дру-

гими не разъ подходилъ къ Сарагоссѣ. Онъ видѣлъ ея безчисленныя башни, высокій шпиль каѳедральнаго собора, громадныя зданія монастырей и четырехугольный замокъ инквизиціи. Его привлекалъ и очаровывалъ этотъ угрюмый городъ. Цедра видѣлъ первый штурмъ города, взятіе возвышенности Монте-Торреро и монастыря капуциновъ. Видѣлъ защиту и сожженіе монастыря св. Іосифа...

Тутъ нападавшіе познакомились съ невиданнымъ мужествомъ и съ желѣзнымъ сопротивленіемъ народа, силою фанатизма превратившагося въ армію.

Въ этой народной арміи не было вождей не по заслугамъ. Вождями становились самые сильные, мужественные и отчаянные, по единогласному признанію массъ. Если такой вождь неумѣло велъ свое дѣло, не оправдывалъ довѣрія, слабо защищался, не бился на жизнь и смерть, какъ того желала возбужденная народная воля, его судили безъ разговоровъ, ставили къ стѣнѣ, и его собственная команда разстрѣливала его. Такъ погибъ артиллерійскій полковникъ Пезино, такъ погибъ комендантъ замка Цинко-Билласъ и другіе. Толпы защитниковъ не были раздѣлены на регулярные отряды. Это были когорты, которыхъ привлекалъ и объединялъ только вождь. Чѣмъ сильнѣе былъ вождь, тѣмъ многочисленнѣе былъ отрядъ. Командиръ не зависѣлъ отъ главнокомандующаго: онъ исполнялъ приказанія лишь постольку, поскольку считалъ ихъ цѣлесообразными. Но въ настоящемъ случаѣ всѣ слушались одного вождя, каковымъ по волѣ народа явился Донъ-Хозе Палафоксъ.

Изъ Пампелуны перевезли сорокъ шесть орудій, чтобы начать правильную осаду Сарагоссы. Уланскій полкъ охранялъ этотъ транспортъ отъ нападеній гверильясовъ во время пути по Аррагонскому каналу. Не удавалось отдыхать ни днемъ, ни ночью. Приходилось ходить на встрѣчу туземнымъ отрядамъ, спускавшимся съ горъ, драться съ ними изъ засадъ, въ ущельяхъ и долинахъ между горами. Наконецъ, орудія были доставлены къ стѣнамъ города, и его окружили съ двухъ сторонъ. Зарѣчная и восточная часть съ предмѣстьемъ были открыты.

Кристофъ, какъ знающій французскій языкъ, былъ переведенъ въ саперную и артиллерійскую батарею, которую формировалъ изъ болѣе способныхъ уланъ и пѣхотинцевъ капитанъ Гюне. Число спеціалистовъ - саперовъ въ арміи было такъ незначительно, что генералъ-инженеръ Лакостъ, который долженъ былъ руководить осадными работами, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего нѣсколько офицеровъ. Артиллеристы теперь должны были насыпать батареи, что облегчалось массой оросительныхъ каналовъ и рвовъ, по которымъ че

резъ шлюзы проведена была вода въ городскіе сады. До самыхъ стѣнъ города мѣстность покрыта была оливковыми деревьями, и жители по цѣлымъ днямъ бомбардировали рощи, уничтожали сады, разрушали дома, чтобы для французскихъ работъ не оставалось прикрытія, и чтобы пулями разгонять работавшихъ тамъ непріятелей.

Кристофъ, разставшись съ строевой службой, не перемѣнилъ формы и не вышелъ изъ полка. Онъ теперь сидѣлъ на каналахъ и командовалъ порученнымъ ему отрядомъ аррагонскихъ крестьянъ, которые подъ страхомъ смерти должны были сооружать орудія смерти для своихъ земляковъ. Не разъ приходилось ему усмирять бунты рабочихъ. Со стѣнъ и монастырскихъ башенъ все время сыпались пули и камни. Осажденные получили подкрѣпленіе въ видѣ двухтысячной испанской гвардіи, но и къ французамъ пришли на подмогу два линейныхъ полка изъ Франціи. Наконецъ, батареи были возведены и орудія поставлены. На требованіе сдать городъ Палафоксъ отвѣтилъ: „Борьба на ножахъ“!

Третьяго августа заревѣли пушки. Всѣ выстрѣлы были направлены на замокъ Аліаферія, старинную тюрьму инквизиціи, въ ворота Карменъ и Энграціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ польскіе стрѣлки двинулись къ предмѣстью. Кристофъ Цедра былъ на батареѣ противъ монастыря Энграціи. Чтобы предупредить баррикадированіе воротъ, осаждавшіе пробивали бреши по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ въ стѣнахъ монастыря. Огромное зданіе стояло на возвышеніи, представляя какъ бы особую крѣпость. Цедра и его товарищи-артиллеристы получили приказаніе участвовать въ штурмѣ.

Около одиннадцати часовъ утра начали разрушать монастырскія стѣны. Направо отъ воротъ, въ первую же брешь бросился капитанъ Баль. За нимъ черезъ мостъ двинулась группа уланъ и артиллеристовъ и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ защищавшимися. Они бросились другъ на друга, какъ бѣшеные звѣри. Вскорѣ груда труповъ загородила входъ. Монастырскія стѣны падали, потолки проваливались и вмѣстѣ съ ними падали люди съ верхнихъ этажей въ провалы. Кристофъ очутился на краю одного изъ такихъ проваловъ. Онъ остолбенѣлъ: передъ нимъ была яма, въ которой подъ грудой обломковъ копошилась масса размозженныхъ тѣлъ. Оставшіеся въ живыхъ судорожно протягивали кверху руки, сжимавшія окровавленные длинные ножи.

Изъ пробитыхъ трещинъ въ стѣнахъ постоянно появлялись новыя группы по праздничному разодѣтыхъ горожанъ; со слѣпой яростью бросались они на нападавшихъ. Ихъ кололи штыками и сталкивали въ общую могилу. Между тѣмъ, въ городъ черезъ бреши въ стѣнахъ монастыря ворвалась поль-

ская пѣхота и, топча раненыхъ и умиравшихъ, вышла на площадь Энграціи. Городъ, наконецъ, былъ взятъ...

Площадь была пуста, но едва только нападавшіе дошли до ея середины, какъ на нихъ градомъ посыпались пули и полетѣли камни. Въ стѣнахъ домовъ были просверлены едва замѣтныя отверстія, изъ которыхъ вылеталъ голубой дымъ. Узкія улицы, ведущія въ городъ, были заграждены баррикадами изъ огромныхъ мѣшковъ съ пескомъ. Окна нижнихъ этажей, двери магазиновъ, всѣ входы были забиты, замазаны и сплошь покрыты незамѣтными бойницами. Нигдѣ не видно было ни души.

Вдругъ новый залпъ выстрѣловъ, и нѣсколько десятковъ труповъ пало на мостовую. Офицеры выстроили солдатъ повзводно и, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, поспѣшили назадъ, къ воротамъ Энграціи. Онѣ оказались забаррикадированными громадными мѣшками съ землей до самаго верху. Солдатамъ приказали оттащить эти мѣшки отъ воротъ. Всѣ принялись за работу, радуясь, что хоть не видятъ передъ собой мертвыхъ и дымящихся отъ выстрѣловъ стѣнъ. Вмѣстѣ съ другими работалъ и Цедра. Часъ спустя, онъ едва не лишился чувствъ отъ усталости. Онъ весь бытъ облитъ потомъ, измазанъ и почти ослѣпъ отъ дыма и пыли. Тяжело дыша, онъ сѣлъ на мѣшокъ и вытянулъ ноги. Ни одной мысли не было въ головѣ... Гдѣ онъ теперь и что дѣлаетъ? Что это за мѣшки и для чего?..

Возлѣ него, у стѣны, съ обнаженной шпагой ходилъ взадъ и впередъ худенькій, небольшого роста, офицеръ, брюнетъ, съ красивыми глазами. Цедра, безсознательно взглянулъ на него, не отдавая себѣ отчета, дѣйствительно ли онъ видитъ его, или это игра больного воображенія. Но офицеръ остановился передъ нимъ и заговорилъ:

— Откуда ты взялся, прекрасный уланъ? Не узнаешь меня?—спросилъ онъ.

Кристофъ вскочилъ на ноги.

— Мы состоимъ въ родствѣ. Моя фамилія Выгановскій...

Залпъ ружейныхъ выстрѣловъ прервалъ разговоръ. Офицеръ снова сталъ ходить вдоль стѣны, а Кристофъ опять сѣлъ на мѣшокъ.

Но отдыхать ему пришлось недолго. Скоро опять приказали таскать мѣшки. На площади Энграціи мѣшки развязались, и изъ нихъ высыпался песокъ.

Наконецъ, баррикада была устранена, громадные засовы разбиты молотами, и ворота открыты настежь. Солдаты ворвались въ монастырскіе дворы. Кто не успѣлъ погибнуть подъ развалинами, тотъ умиралъ теперь отъ штыковъ. Зданіе монастыря св. Энграціи было покинуто только тогда, когда

въ немъ не осталось уже въ живыхъ ни одного защитника.

Послѣ разгрома монастыря французы построились въ колонну, чтобы ворваться въ середину города и добраться до моста. Съ площади Энграціи было три выхода: на площадь и къ воротамъ Карменъ, къ улицѣ Энграціи, пересѣкавшей городъ на двѣ почти равныя части, и къ садамъ возлѣ воротъ Квемада.

Войскамъ нужно было идти прямо на улицу Энграціи. Вызвали саперовъ, съ кирками, и всей массой двинулись на баррикаду, перегородившую узкую улицу. Когда инструменты зазвенѣли по камнямъ баррикады, цѣлый адъ, казалось, обрушился на нападавшихъ. Съ крышъ, съ мансардъ, изъ безчисленныхъ оконъ и бойницъ посыпались камни, куски желѣза, хлынули потоки горячаго масла и воды. Ружейный дымъ появлялся всюду, даже изъ-подъ земли, изъ оконъ погребовъ.

Цѣпляясь руками и ногами за камни, французы и поляки вскарабкивались при помощи ружей на верхъ, какъ по ступенямъ, и, прежде чѣмъ испанцы успѣли сосчитать ихъ, баррикаду разнесли штыками и превратили въ груду камня и извести. Обезумѣвшіе отъ мести, солдаты врывались подобно бомбѣ, пущенной адской силой. Какъ только они появились на улицѣ, изъ глубины ея грянули имъ навстрѣчу пушечные выстрѣлы. Картечь разрывала головы и груди первыхъ рядовъ. Яркая кровь ручьями текла по кирпичамъ въ водосточныя канавы. Вырытые камни мостовой, плиты мрамора и порфира, выкопанная земля—все это образовало какъ бы громадную лѣстницу, ведущую внизъ.

Мѣста, свободныя отъ баррикадъ, были изрыты канавами. Всѣ двери и окна были забиты камнями. Отъ ужаса волосы на головѣ встали дыбомъ у нападавшихъ, когда они увидѣли, что имъ приходится войти въ узенькую, глубокую улицу-щель. Она казалась трещиной между двумя безконечно высокими стѣнами. Полоска синяго неба едва виднѣлась между краями крышъ; ничего подобнаго наполеоновскіе побѣдители еще не встрѣчали нигдѣ. Стиснувъ зубы, сжимая въ рукахъ винтовки, они ждали команды. Потомъ въ нѣсколько прыжковъ-ринулись на встрѣчу пушечнымъ выстрѣламъ и очутились лицомъ къ лицу съ испанцами. Это были хладнокровные, спокойные канониры, которые не отступали передъ натискомъ врага. Молчаливые, блѣдные, они стойко защищались и на предложеніе сдаться отвѣчали лишь бормотаньемъ молитвъ и смертельными ударами. Поверженные на землю, они защищались ножами, выхваченными изъ-за пояса, и умирали, пронзенные сотней штыковъ...

Кристофъ очутился на улицѣ Энграціи вмѣстѣ съ другими. Ошеломленный и оглушенный выстрѣлами, онъ, какъ во снѣ, пробирался черезъ рвы и живые валы изъ труповъ и вдругъ попалъ въ пробитое отверстіе забаррикадированной улицы, налѣво отъ Энграціи. Толпа солдатъ билась еще здѣсь съ испанцами. Цедра вмѣшался въ толпу. Избитые и израненные, испанцы разсѣялись, но изъ верхнихъ оконъ все еще раздавались выстрѣлы. Кто-то изъ старыхъ ветерановъ посовѣтовалъ идти, прижимаясь къ стѣнѣ. Кристофъ послѣдовалъ примѣру другихъ. Прильнувши спиной къ стѣнѣ, онъ медленно подвигался впередъ, держа палецъ на куркѣ винтовки и внимательно остатриваясь, откуда можетъ грозить ему выстрѣлъ. Окна въ нижнемъ этажѣ были на половину замурованы, но выстрѣловъ можно было ожидать и оттуда.

Наконецъ, французы достигли поворота улицы и на удачу свернули въ первый переулокъ. Было сумрачно и совершенно пусто. Они шли тихонько, стараясь не быть замѣченными.

Осторожно выглянувъ изъ-за угла, они увидѣли горсть испанцевъ, сражавшихся, спиной къ нимъ, на баррикадѣ. Баррикада представляла высокую кирпичную стѣну, перегородившую улицу, а за ней были свалены въ кучу клавикорды, экипажи, груды выброшенной мебели и мѣшки съ землей. На этой баррикадѣ стояли окровавленные, раненые люди и безъ перерыва стрѣляли. Женщины заряжали ружья, дѣти подавали ихъ стрѣлявшимъ. На самомъ верху стояло нѣсколько молодыхъ здоровыхъ солдатъ, которые штыками отражали приступъ на баррикаду. Мгновенно французы выбѣжали изъ-за угла и бросились на укрѣпленіе. Испанцы замѣтили ихъ и встрѣтили выстрѣлами, прежде чѣмъ они успѣли дойти до его основанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ очнулась и улица. Во всѣхъ окнахъ, наверху и внизу показались ружейныя дула, грянули выстрѣлы и дымъ окуталъ улицу. Нѣкоторые спустились съ баррикады и схватились съ французами въ рукопашную. Изъ оконъ начали вылѣзать старики и женщины съ топорами, засверкали кинжалы. Вдругъ одинъ изъ солдатъ увидѣлъ возлѣ себя дверь и толкнулъ ее. Неожиданно открылся узкій корридоръ и каменная лѣстница наверхъ. Во мгновенье ока человѣкъ семь поляковъ вбѣжали туда и направили свои ружья на улицу. Двое заряжали ружья, пятеро пѣхотинцевъ и Цедра все время стрѣляли.

Скоро вокругъ этого убѣжища собралась на улицѣ цѣлая толпа. Цедра стоялъ на порогѣ. Рядомъ съ этой засадой выступалъ въ переулокъ высокій почернѣвшій домъ. Въ верхнемъ окнѣ его, которое было хорошо видно Кристофу и находилось отъ него на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, то и

дѣло появлялась женская голова. Оттуда показался дымъ. Взявъ въ руки заряженное товарищемъ ружье, Кристофъ прицѣлился въ окно. Въ то-же мгновенье опять мелькнуло лицо женщины, и Кристофъ вдругъ остолбенѣлъ и не могъ спустить курка. Прямо на него глядѣли изъ окна чудные, широко открытые отъ волненія глаза.

— Какъ она прекрасна...—подумалъ Цедра, охваченный восторгомъ.

Онъ выстрѣлилъ, но чудные глаза не переставали смотрѣть на него изъ окна...

Толпа передъ дверьми все росла. Видя это, пѣхотинцы сдѣлали по ней послѣдній залпъ и затѣмъ, не думая уже, что будетъ дальше, захлопнули дверь и заперли ее извнутри огромнымъ желѣзнымъ болтомъ. Стало совершенно темно, кругомъ ничего нельзя было различить. Оставалось только идти вглубь корридора. Вскорѣ они наткнулись на каменную лѣстницу. Подымаясь по ней, они услышали вдругъ слабый крикъ и звукъ хлопнувшей двери. Осторожно, напрягая всѣ чувства, шелъ Кристофъ первымъ наверхъ, а за нимъ тихо крались товарищи. Слышно было только ихъ горячее, зловѣщее дыханіе. Разбойничьи глаза вонзались въ темноту, а руки ощупывали темныя, холодныя стѣны корридора. Такъ дошли они до первой площадки лѣстницы. Дверь съ нея вела на деревянную галлерею, вокругъ всего дома. Пріотворивъ ее, они выглянули во дворъ. Онъ былъ пустъ.

Выйти изъ корридора казалось не безопаснымъ. По такимъ же крутымъ и вытоптаннымъ ступенямъ, солдаты поднялись на второй этажъ. Вдругъ они услышали наверху шорохъ, и остановились. Шорохъ тоже прекратился. Но вотъ первый изъ солдатъ попалъ въ лучъ свѣта, блеснувшій сверху, въ него грянулъ выстрѣлъ и убилъ его на повалъ. Товарищи переступили черезъ его трупъ и продолжали подниматься на верхъ. Раздался второй выстрѣлъ, третій... Солдаты увидѣли передъ собой нѣсколько вооруженныхъ мужчинъ. Это были священники. Пистолеты еще дымились въ ихъ рукахъ. Во мгновенье ока три старца упали на полъ, хрипя въ предсмертной агоніи. Четвертый и пятый ринулись въ дверь направо. Одного изъ нихъ догналъ Цедра. Это былъ еще не старый человѣкъ, съ коротко остриженными волосами. Въ рукахъ у него блеснулъ кинжалъ. Цедра съ ужасомъ посмотрѣлъ на его страшные, неподвижные глаза, обезумѣвшіе отъ мести, и съ размаху ударилъ его штыкомъ въ животъ. Священникъ упалъ. Тогда, въ свою очередь, обезумѣвшій Кристофъ вонзилъ еще разъ штыкъ въ его уже мертвую грудь и вошелъ вслѣдъ за другими въ первую попавшуюся

дверь, отряхивая сапоги и брюки, на которые брызнула кровь.

— Курочки!—крикнулъ вдругъ солдатъ, шедшій впереди.

Заглянувъ въ комнату, Цедра увидѣлъ человѣкъ двадцать женщинъ разнаго возраста.

Онѣ стояли, сбившись въ кучу, въ самомъ темномъ углу комнаты и мертвымъ взглядомъ смотрѣли на дверь. Мгновенно группа ихъ была разбита на двѣ части: старухи и пожилыя женщины были выгнаны за дверь, семь самыхъ молодыхъ дѣвушекъ остались въ рукахъ солдатъ. Въ числѣ ихъ Кристофъ узналъ красавицу, смотрѣвшую на него изъ окна. Онъ догадался, что это она бѣжала впереди по темной лѣстницѣ и предупредила священниковъ...

Цедра подбѣжалъ къ ней и схватилъ ее въ объятья. Никто не мѣшалъ ему. Солдаты заперли всѣ двери съ бѣшеной торопливостью, забаррикадировали ихъ всѣмъ, что попалось подъ руку. Дѣвушки дрожали, молили о пощадѣ, сопротивлялись. Но слабыя, изнѣженныя, онѣ не могли вынести ударовъ сильныхъ солдатскихъ кулаковъ, и падали безъ чувствъ на землю...

Цедра стоялъ передъ своей избранницей и смотрѣлъ на нее, блѣдный, какъ полотно. Ей было не больше шестнадцати лѣтъ и вся она дрожала отъ ужаса при видѣ разыгравшагося при ней звѣрства. Борьба ея сестеръ, насиліе надъ ними парализовали ее. Полураскрытыя губы старались какъ будто произнести что-то, руки конвульсивно двигались, сама она готова была лишиться чувствъ.

Кристофъ схватилъ ее за руку и потащилъ за собой. Не обращая вниманія на то, что дѣвушка кусала ему до крови руку, онъ дотащилъ ее до двери и, выйдя, захлопнулъ ее за собою. Въ корридорѣ онъ выпустилъ дѣвушку изъ рукъ и, поклонившись ей, жестомъ руки показалъ, что она свободна. Отъ волненія онъ могъ произнести только одно слово:—Mademoiselle...

Вся дрожа и устремивъ на него возбужденный взоръ, она стояла передъ нимъ бѣлая, какъ снѣгъ. Затѣмъ она повернулась и, войдя въ какую-то комнату, скрылась изъ глазъ. Цедра двинулся за нею, не сознавая, что дѣлаетъ, увлекаемый только ея красотой. Она прошла въ дверь сосѣдней комнаты, не оглядываясь, и оставила дверь открытой.

Кристофъ забылъ, что онъ безоруженъ, и переступилъ порогъ. Вдругъ онъ услышалъ позади себя, что дверь захлопнулась, и въ ту же минуту онъ былъ сбитъ съ ногъ. Въ горло ему впились пальцы, похожіе на когти. Вмѣстѣ съ нимъ упала и придавила его куча старыхъ и пожилыхъ женщинъ, которыхъ солдаты выгнали изъ первой комнаты. Напрасно

силился онъ высвободить руки. Высохшіе, костлявые пальцы вонзались въ него, какъ гвозди, терзали, щипали его.

Вдругъ слово „кинжалъ" ясно донеслось до слуха Кристофа. Онъ попробовалъ приподняться, но не могъ. Распростертыя руки какъ будто были прибиты къ полу. На каждой сидѣло по нѣсколько женщинъ и держало ихъ что было силъ.

Вотъ какая-то ужасная, сухая рука, съ желѣзными суставами, схватила его за горло и сдавила изо всей силы. Въ глазахъ зарябило, кровь хлынула въ голову. Послѣднимъ усиліемъ онъ рванулся впередъ и впился зубами въ душившую его руку. Пальцы старухи разжались, и Кристофъ успѣлъ закричать во все горло:

— Спасите! На помощь! На помощь!

Въ это время старухи начали что-то передавать, вырывать другъ у друга, и онъ увидѣлъ кинжалъ. Минута зловѣщей тишины, и онъ почувствовалъ, что остріе кинжала поразитъ его въ самое сердце. Цедра открылъ глаза... и кровь остановилась у него въ жилахъ. На него смотрѣли чудные глаза все той же дѣвушки... Взгляды ихъ встрѣтились. Полуоткрытыя губы тяжело дышатъ. Неужели она его убьетъ?

— Люблю тебя...—прошепталъ онъ и, ничего не сознавая, поднялъ голову, напрягъ всѣ силы и коснулся губами ея горячихъ губъ. Кинжалъ въ рукѣ красавицы задрожалъ...

Вдругъ раздался трескъ выломанныхъ дверей, отчаянный крикъ женщинъ, и кровь залила всю комнату. Солдаты вбѣжали одинъ за другимъ и, видя товарища на полу, думали, что онъ убитъ. Они хватали женщинъ прямо съ порога двери и бросали ихъ черезъ перила галлереи на дворъ.

Цедра лежалъ нѣкоторое время безъ чувствъ. Потомъ поднялся, чувствуя какъ будто опьяненіе. Въ головѣ стоялъ туманъ, въ глазахъ мелькали огоньки. Съ большимъ усиліемъ онъ пришелъ въ себя, сталъ на ноги и вспомнилъ о винтовкѣ, которую оставилъ въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ.

Но перенесенное волненіе давало себя знать. Онъ вышелъ на галлерею и тупо сталъ смотрѣть во дворъ на трупы убитыхъ, на лужи крови, на груды изломанной мебели. Ему казалось, что онъ раздумываетъ, — какъ быть дальше. Но, въ сущности, былъ въ состояніи полусна и едва различалъ окружающее... Его разбудилъ шумъ. Гдѣ-то далеко трещали двери, падали столы и шкафы. Солдаты кричали Кристофу:

— Толпа идетъ!

— Выбили двери внизу!

Всѣ побѣжали на галлерею и на противоположной сторонѣ наткнулись на довольно широкую лѣстницу. Осторожно и внимательно прислушиваясь и озираясь, начали спускаться по ней внизъ. Внизу оказался сводчатый корридоръ, въ концѣ котораго была желѣзная дверь, запертая на засовъ и наглухо забаррикадированная мѣшками шерсти и песку, камнями, желѣзмъ и всякой рухлядью. По ту сторону двери кипѣла битва. Нѣкоторое время солдаты вслушивались молча... и поняли, что эта дверь ведетъ на улицу Энграціи. Тогда начали отбрасывать камни, оттаскивать мѣшки и уже собирались отбивать засовъ, какъ одинъ изъ солдатъ сказалъ шепотомъ:

— Ну, братцы, теперь намъ или мгновенная смерть, или громкая слава! По моей догадкѣ, мы выйдемъ между двухъ баррикадъ. Больше идти некуда. За нами идутъ по пятамъ. Если увидятъ, какого пива мы наварили съ ихъ старушками и съ дѣвками...

— Ломай дверь!

— Обождите, обождите минутку!—крикнулъ Цедра, спускаясь къ нимъ сверху.

Идя по лѣстницѣ позади всѣхъ, онъ замѣтилъ съ правой стороны небольшую дверь, которая вела въ комнату нижняго этажа. Онъ открылъ ее и позвалъ товарищей.

— Что тамъ?—спросили его.

— Отсюда можно дѣйствовать!..—отвѣтилъ Кристофъ.

Всѣ побѣжали къ нему. Въ небольшой комнатѣ, въ которую они вошли, оказалось нѣсколько убитыхъ испанскихъ солдатъ. Сюда,повидимому, сносили съ улицы тяжело раненыхъ и въ пылу сраженія забывали о нихъ. Трупы лежали въ различныхъ положеніяхъ по всей комнатѣ.

Солдаты отстранили ихъ съ дороги и пробрались къ двумъ узкимъ окнамъ, закрытымъ извнутри ставнями. Эти окна, защищенныя рѣшетками изъ желѣзныхъ прутьевъ, выходили на улицу Энграціи, противъ монастыря Іерусалимскихъ Дѣвъ. На углу возвышался угрюмый черный костелъ съ высокой башней. Съ этой-то башни палили въ штурмующихъ французовъ изъ пушекъ, падали ручныя бомбы, кирпичи, лился кипятокъ.

Солдаты заперли за собою дверь, зарядили ружья и, высунувъ дула изъ окна, стали стрѣлять въ испанцевъ. Ихъ сейчасъ же замѣтили, и атака усилилась. Пули ударяли въ стѣну и разрушали штукатурку.

Одинъ изъ солдатъ былъ убитъ.

Кристофу трудно было пробраться къ окну. Онъ бродилъ между трупами, почти не замѣчая ихъ. Онъ былъ, повидимому, къ всему равнодушенъ.

— Эй, держи, уланъ!—крикнулъ ему солдатъ, передавая свое ружье, — а я пойду посмотрю, что тамъ дѣлается во дворѣ: пожалуй, еще передушатъ насъ, какъ мышей. Стрѣляй-ка поприцѣлистѣй, патроновъ мало осталось.

Кристофъ взялъ у него изъ рукъ заряженный карабинъ и началъ стрѣлять изъ окна въ толпу.

Цедра не успѣлъ выпустить и пяти зарядовъ, какъ солдатъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что испанцы стоятъ на дворѣ.

— Внизу...—сказалъ онъ, хватая винтовку убитаго товарища.—Бѣжимъ!

Всѣ вернулись на балконъ второго этажа. Дѣйствительно, во дворѣ слышенъ былъ стукъ деревянныхъ аррагонскихъ башмаковъ. Тамъ суетилось нѣсколько человѣкъ, которые съ криками ужаса разсматривали трупы старухъ, сброшенныхъ съ галлереи. Тотчасъ же трое изъ нихъ пали мертвыми отъ мѣткихъ выстрѣловъ солдатъ. Остальные молча бросились наверхъ. По ступенямъ лѣстницы послышался стукъ деревянныхъ подошвъ, и вскорѣ испанцы появились на балконѣ второго этажа въ красныхъ повязкахъ на головахъ. У главной лѣстницы закипѣлъ бой въ рукопашную. Испанцевъ было трое. Двоихъ сбросили съ галлереи, а третій превратился въ кучу окровавленнаго мяса. Солдатъ осталось только пятеро. Зарядовъ не было... Во дворъ набиралась новая толпа.

— Ну, теперь, братцы, одинъ выходъ: ломать дверь!

Всѣ спустились внизъ и направились къ запертымъ дверямъ. Въ одинъ мигъ былъ сорванъ желѣзный засовъ. Дверь съ трескомъ распахнулась.

— Да здравствуетъ императоръ!—крикнули всѣ пятеро, смѣло выходя противъ толпы.—На штыки!

Солдаты бросились на баррикаду и пробились черезъ толпу. Быстро дѣйствуя прикладами и штыками, они взобрались наверхъ и, прежде чѣмъ испанцы успѣли пересчитать ихъ, сбросили защитниковъ баррикады. Крикъ бѣшенаго восторга раздался въ колоннахъ штурмующихъ войскъ, при видѣ своихъ солдатъ. Между тѣмъ, тысяча испанскихъ ружей уже цѣлилась въ пятерыхъ смѣльчаковъ. Одинъ изъ нихъ вскорѣ упалъ, истекая кровью; за нимъ другой, третій... Цедра, гонимый страхомъ смерти, съ одной уцѣлѣвшей половиной шапки, окровавленный и ослѣпшій отъ пороха и волненія, сбѣжалъ съ баррикады по трупамъ... Вокругъ него гремѣло ура... Его видѣли наверху недоступной баррикады, на него указывали шпагами. Испанцевъ оттѣснили къ слѣдующей батареѣ у выхода изъ улицы Энграціи. Вдали уже бѣлѣла освѣщенная солнцемъ площадь Коссо.

Улица Энграціи представляла изъ себя узкую

Справа высились стѣны госпиталя, слѣва — черная громада Францисканскаго монастыря; башни его, казалось, нависли надъ темнымъ ущельемъ. Испанскія войска, защищавшія баррикады, миновали этотъ проходъ и быстро заняли Францисканскій монастырь и сосѣдній съ нимъ—Іерусалимскихъ дѣвственницъ. Цедра съ толпой товарищей атаковалъ послѣдній. Калитка и ворота были закрыты и загорожены, но ихъ тотчасъ же выломали. Испанцевъ настигли и перебили частью у входа въ костелъ и на паперти, частью въ самомъ алтарѣ, въ монастырскихъ сѣняхъ.

Главное зданіе, гдѣ жили монахини, Кристофъ нашелъ совершенно очищеннымъ отъ непріятеля. Безконечно длинные, кривые корридоры съ кельями по обѣимъ сторонамъ, были пусты и темны. Въ нихъ царила непріятная тишина, и звукъ шаговъ отдавался точно въ погребѣ. Кристофъ чувствовалъ себя смертельно уставшимъ. Ему хотѣлось заснуть хоть на минуту, и онъ уже собирался лечь у стѣны и притвориться убитымъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, на поворотѣ услышалъ окрикъ: „кто идетъ?“

Онъ сказалъ лозунгъ, и въ полосу свѣта, падавшую изъ полукруглаго оконца со старыми потемнѣвшими стеклами, выступилъ изъ мрака офицеръ съ саблей на голо. Цедра, нагнувшись къ нему, съ неудовольствіемъ узналъ: „Ахъ, опять этотъ Выгановскій... Кузенъ“...

Капитанъ, насмѣшливо улыбаясь, оглядѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

— Имѣлъ честь видѣть васъ на баррикадѣ.

— Весьма возможно. Я очутился тамъ случайно, почти противъ воли.

— Такъ, такъ... Скромность, достойная зависти! Однако, эти красныя пятна на сапогахъ и одеждѣ говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ... Вы спѣшите отличиться, господинъ Цедра. Колотите испанцевъ такъ, что только держись. Чортъ возьми, закажи еще монахамъ въ Бургосѣ тысячу обѣдней, и будешь вторымъ Сидомъ!

— Да убилъ таки сегодня не мало народу, — отвѣтилъ Кристофъ, тупо глядя въ его оживленное лицо.

— Прекрасно, юноша.

— Одного прикончилъ собственными руками...

— Ха-ха!.. На то и война, чтобы порядочный человѣкъ убивалъ враговъ, сколько душѣ угодно. Ручаюсь, что ты будешь награжденъ. Только берегись судьбы Гамилькара подъ Сагунтомъ, вѣдь и это частенько случается.

Цедра невѣжливо молчалъ.

— Но, какъ смерти, бойся упустить изъ рукъ завоеванные лавры. Сейчасъ ихъ кто нибудь подхватитъ. Слава не дожи-

дается отсталыхъ. Надо хватать ее на лету... Скажу тебѣ на ухо, здѣсь прекрасный подборъ монашенокъ... Пойдемъ-ка, цѣлый букетъ тебѣ покажу. Одно только досадно: ни одной блондинки!..

Они стали подниматься по лѣстницѣ. Потомъ долго шли темнымъ корридоромъ, завернули въ другой, и до слуха Кристофа донеслись громкіе, безпорядочные звуки бубна. Передъ высокими дубовыми дверями, которыя вели въ главную трапезную монастыря, стояли на стражѣ гренадеры. Они отворили дверь, лукаво усмѣхаясь. Выгановскій съ трудомъ протѣснился впередъ: густая толпа кольцомъ окружала нѣсколько десятковъ совершенно нагихъ женщинъ. Подбодряемыя штыками и прикладами, онѣ изображали что-то вродѣ танца...

— Вы, конечно, здѣсь останетесь?—сказалъ Выгановскій, заглядывая Кристофу въ глаза, — я то самъ на службѣ: командую этимъ... монастыремъ.

— Я не останусь тутъ,—гордо отвѣтилъ Цедра.

— Не можетъ быть! Почему же, смѣю спросить?

— Хотѣлъ бы выспаться, капитанъ.

— Проспать... такое празднество! Это печально! Ну, спите

— Нельзя-ли здѣсь гдѣ нибудь въ корридорѣ?

— Подожди, я укажу тебѣ мѣсто...

Когда они очутились въ темномъ корридорѣ, Выгановскій сказалъ:

— Здѣсь кельи... ты бы могъ отдохнуть въ одной изъ нихъ, но въ настоящую минуту монашенки принимаютъ гостей...

— Если бы это зависѣло отъ меня,—началъ Цедра, тяжело дыша и съ трудомъ подыскивая слова,—я бы... приказалъ перестрѣлять этихъ негодяевъ... перевѣшалъ бы, какъ собакъ.

— Говори, говори смѣло. Только обрати вниманіе на одно: здѣсь война, а не маневры... Ты вѣдь впервые присутствуешь при взятіи города?

— Да.

— Я такъ и предполагалъ.

— Почему?—спросилъ Цедра, вызывающе усмѣхаясь.

— Я пережилъ на своемъ вѣку много штурмовъ, хотя, признаюсь, никогда не видывалъ болѣе дикаго, и могу тебя увѣрить, что массовое насиліе способствуетъ капитуляціи гораздо больше, чѣмъ бомбардировка, а также уменьшаетъ кровопролитіе, потому что отцы, братья, мужья и женихи складываютъ оружіе. Ручаюсь, слѣдующій городъ сдастся добровольно, когда разнесется вѣсть о томъ, что мы здѣсь натворили. Вѣдь самое важное, чтобы большая часть покорилась добровольно, я сказалъ-бы, даже охотно.

Цедра почти спалъ, опершись плечомъ о стѣну, и едва слышалъ слова Выгановскаго. Между тѣмъ, тотъ заглянулъ въ одну келью и, потянувъ Кристофа за рукавъ, проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Подойди-ка, посмотри!—Онъ отодвинулъ двери, вырванныя вмѣстѣ съ петлями. На узкихъ нарахъ лежала молодая монахиня. Руки ея были сложены на груди такъ, какъ изображаютъ средневѣковые скульпторы королевъ на надгробныхъ памятникахъ... Ряса ея была измята, изорвана. Но кто-то старательно прикрылъ тѣло этими лохмотьями, и нагота нигдѣ не просвѣчивала. Выгановскій подошелъ съ болѣзненной усмѣшкой, наклонился надъ трупомъ и сказалъ:
—Смотри!

Когда онъ поднялъ лѣвую руку покойницы, Кристофъ увидѣлъ подъ дѣвственною грудью рукоятку кинжала, покрытую темной запекшейся кровью.

Тѣло уже похолодѣло, ноги и руки окоченѣли, но на лицѣ не было еще покоя смерти: въ сжатыхъ бровяхъ, въ искривленныхъ губахъ сказывалась гордость и скорбь. Выгановскій бережно опустилъ ея руку.

Движенія его были почтительны, осторожны, почти благоговѣйны... Черезъ минуту онъ выпрямился, сдѣлалъ два шага назадъ, обнажилъ шпагу и, ставъ во фронтъ, отдалъ честь праху.

Они удалились изъ кельи. Выгановскій шелъ впереди большими шагами, говоря быстро, равнодушнымъ тономъ:

— На нее напали здѣсь, на поворотѣ... Я самъ видѣлъ...

— И ты не защитилъ ее?—бросилъ ему Цедра.

Онъ отрицательно покачалъ головой и продолжалъ:

— Убѣжала къ себѣ, заперлась. Двери выламывали довольно долго. Наконецъ, вырвали вмѣстѣ съ петлями. Бросились къ ней, сорвали платье... и видятъ—кинжалъ... Этой мелочи не предвидѣли...

Онъ остановился, блѣдный, какъ смерть,

— О монахиня, монахиня!—прошепталъ онъ точно въ забытьи:—если-бы я былъ императоромъ, именемъ твоимъ назвалъ бы свой городъ, страну свою!.. Я приказалъ бы своимъ войскамъ со всѣми знаменами придти поклониться твоему праху!

Цедра, которому надоѣли его разговоры, смотрѣлъ сонными, потухшими глазами.

— Можно мнѣ здѣсь лечь? — прервалъ онъ, наконецъ, потокъ его рѣчей.

Выгановскій очнулся и отворилъ маленькую дверку кельи налѣво.

— Ну, ложись тутъ и спи,—сказалъ капитанъ, указывая на нары.

— Вы, кажется, не обладаете, сколько могу судить, жестокостью Сципіона Африканскаго,—произнесъ Кристофъ съ легкой насмѣшкой, взбираясь на нары.

— Какой я Сципіонъ... Пыль и прахъ!.. Ну, такъ спи!.. Я посижу здѣсь и разбужу тебя черезъ четверть часа, когда уйду отсюда съ солдатами.

Кристофъ не успѣлъ лечь, какъ захрапѣлъ. Ему казалось, что едва онъ закрылъ глаза, какъ уже начали стучать въ дверь прикладами, вызывая Выгановскаго. Цедра проснулся такъ же внезапно, какъ и заснулъ. Съ минуту онъ прислушивался къ выстрѣламъ и къ доносившимся крикамъ... Выгановскій сидѣлъ въ креслѣ, лицомъ къ окну, точно не слыша, что его зовутъ. Безъ шапки лицо его казалось гораздо худѣе. Онъ былъ очень красивъ. Сухой, высокій лобъ, тонкій носъ, холеные усы невольно привлекли вниманіе Кристофа. Какой-то туманъ застилалъ глаза капитана, неподвижно устремленные вдаль... Цедра встряхнулся и вскочилъ, бодрый и здоровый духомъ.

— Довольно съ тебя?—спросилъ Выгановскій, не поворачивая головы.

— Довольно.

— Ну, такъ идемъ.

Передъ монастыремъ, въ разоренномъ саду стояли новые отряды, готовые къ бою. Открыли ворота, и войска тяжелыми шагами вступили въ улицу Энграціи.

Солдаты уже ломились въ ворота одного дома. Никто не зналъ, что это за зданіе. Ворота были крѣпкія, окованныя желѣзомъ, стѣны толстыя, на окнахъ рѣшотки. Вновь прибывшіе поспѣшили на помощь товарищамъ. Посыпались ядра, каменный заборъ треснулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, поддался и, подъ дружнымъ напоромъ солдатъ, рухнулъ.

Штурмующіе очутились въ огромныхъ сѣняхъ, наполовину заваленныхъ мѣшками съ землей, и начали расчищать дорогу. Такъ какъ никто не мѣшалъ, то рѣшили, что домъ оставленъ жителями и можно овладѣть имъ безпрепятственно. Едва, однако, отрядъ солдатъ подошелъ къ лѣстницѣ, какъ сверху посыпались гранаты, которыя, очевидно, бросали прямо руками. Въ полумракѣ вспыхнули тамъ и сямъ огни, раздался трескъ, послышались стоны раненыхъ, и все было заглушено дикимъ крикомъ. На бѣлыхъ ступеняхъ каррарскаго мрамора обезображенныя тѣла корчались въ предсмертныхъ мукахъ, кровь струями стекала внизъ.

Трупы солдатъ почти сплошь покрывали лѣстницу и коридоръ, раненые гибли подъ ногами. Въ темныхъ углахъ, въ

оконныхъ нишахъ люди душили другъ друга руками, рѣзали ножами. Наконецъ, побѣжали въ верхній этажъ. По обѣимъ сторонамъ корридора шли, очевидно, кельи. Рѣшивъ, что это монастырь, солдаты выломали нѣсколько десятковъ дверей и увидѣли страшное зрѣлище: въ одно мгновеніе корридоръ наполнился совершенно нагими людьми, шли въ лохмотьяхъ, въ простыняхъ, нѣкоторые были закованы въ цѣпи и всѣ обриты.

Цѣлая толпа сумасшедшихъ загородила дорогу солдатамъ: танцоры, декламаторы, пѣвцы, ораторы, меланхолики съ мутнымъ взглядомъ, буйные въ цѣпяхъ и „сумасшедшихъ рубахахъ". Въ то же время съ площадки второго этажа ринулась толпа, еще болѣе страшная и буйная: испанцы открыли женскія камеры. Передъ этимъ потокомъ растрепанныхъ, оборванныхъ женщинъ съ дикимъ взоромъ, кричащихъ, хохочущихъ,—солдаты испуганно попятились назадъ.

Однако капитанъ Выгановскій со своей ротой смѣло бросился наверхъ, и завязалась отчаянная борьба. Испанцы заперлись въ женскихъ камерахъ и стрѣляли изъ маленькихъ отверстій въ окованныхъ толстыхъ дверяхъ. Въ то время, какъ одна часть солдатъ, взламывая камеру за камерой, звѣрски умерщвляла испанцевъ, другая пробралась на крышу и подожгла ее. Испанцы гибли въ огнѣ или, потерявъ голову, бросались на непріятельскіе штыки. Завладѣвъ, такимъ образомъ, верхнимъ этажомъ, войска подвигались къ выходу; на каждомъ шагу сумасшедшіе преграждали имъ дорогу, и разъяренные солдаты убивали ихъ безпощадно.

Среди крови, труповъ, дикихъ сценъ и криковъ пробирался Цедра, спускаясь съ лѣстницы. У послѣднихъ дверей онъ столкнулся съ Выгановскимъ и, не давая себя отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, схватилъ его руку и прижалъ къ своей груди. Капитанъ поглядѣлъ на него исподлобья, недовѣрчиво и по обыкновенію полунасмѣшливо, и вдругъ изъ груди его вырвалось глухое короткое рыданіе. Онъ заглушилъ его громкимъ притворнымъ кашлемъ. Быстро овладѣвъ собой, Выгановскій отпустилъ какую-то остроту...

Войско вышло изъ госпиталя, оставивъ раненыхъ и трупы въ монастырскомъ саду. Мѣстомъ отдыха и ночлега былъ назначенъ Францисканскій монастырь. Но прежде, чѣмъ его достигнуть, солдатамъ еще разъ пришлось схватиться съ непріятелемъ на площади Коссо...

Была уже ночь, когда Цедра добрался до колоннады монастыря, выходившей въ садъ. У стѣны стояли длинныя и широкія каменныя скамьи, на которыхъ укладывались спать солдаты.

Городъ, однако, не успокоился; всюду горѣли огни и ки-

пѣла работа: испанцы укрѣпляли площадь за университетомъ и зданіе инквизиціи. Поляки и французы спокойно относились къ этой работѣ, увѣренные въ своихъ силахъ и въ томъ, что городъ неминуемо перейдетъ въ ихъ руки. Одни изъ нихъ спали, другіе, сидя вокругъ костровъ, жарили мясо на вертелѣ, пили изъ церковныхъ чашъ старое вино и громко пѣли пѣсни.

Около полуночи замолкли послѣдніе звуки, и все стихло въ монастырѣ. Солдаты спали вповалку на полу, подъ колоннадой. Цедра лежалъ рядомъ съ другими, но не могъ заснуть. Его преслѣдовали впечатлѣнія этого страшнаго дня. Онъ, казалось, слышалъ стоны умирающихъ, дикій хохотъ сумасшедшихъ, видѣлъ истязуемыхъ монахинь. Онъ вскакивалъ, сердито завертывался въ плащъ, поворачивался на другой бокъ въ надеждѣ заснуть...

— Что же мнѣ дѣлать?—думалъ онъ, тоскливо глядя въ темный садъ. Кое-гдѣ уцѣлѣли кусты камелій съ бѣлыми и красными цвѣтами, подымался кипарисъ, а ближе, на фонѣ черной стѣны, рѣзко выдѣляясь въ темнотѣ, свѣшивались гирлянды бенгальскихъ розъ. Кристофъ только теперь почувствовалъ ихъ запахъ и вдохнулъ его съ наслажденіемъ. И въ ту-же минуту въ памяти мелькнули блѣдныя черты красавицы съ кинжаломъ въ рукѣ, грозившемъ ему смертью... полуоткрытыя губы, падающіе въ безпорядкѣ волосы, широко раскрытые глаза, выраженіе гордости и презрѣнія на прекрасномъ лицѣ.

Кристофъ былъ не въ силахъ отогнать это видѣніе. Онъ тихо всталъ со своего мѣста, подошелъ къ кусту розъ и, исцарапавъ пальцы до крови, отломилъ нѣсколько вѣтокъ, почти сплошь покрытыхъ бѣлыми душистыми цвѣтами. Онъ сказалъ лозунгъ часовому и вышелъ изъ воротъ. Миновавъ улицу Энграціи, Цедра завернулъ за уголъ и остановился передъ домомъ, который онъ бралъ приступомъ вмѣстѣ съ товарищами наканунѣ. Ворота были выломаны. Въ сѣняхъ какой-то пѣхотинецъ усердно рубилъ на дрова шкафы, столы и стулья. Цедра быстро прошелъ мимо него и взбѣжалъ наверхъ по знакомымъ широкимъ ступенямъ. Пробравшись на террасу верхняго этажа, онъ увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ, въ томъ самомъ окнѣ, откуда смотрѣли на него чудные глаза... Осторожно ступая по половицамъ, Кристофъ подошелъ къ освѣщенному окну. Оно было полуоткрыто. На коврѣ лежали трупы стариковъ, въ углу горѣла большая восковая свѣча. Старый францисканскій монахъ съ совершенно голой головой стоялъ на колѣняхъ, спиной къ окну, и шепталъ молитвы.

У самаго окна, въ глубокомъ старомъ креслѣ спала дѣ-

вушка. Голова ея безсильно откинулась назадъ, руки упали на колѣни. Свѣча догорала, старый монахъ, очевидно, задремалъ. Кристофъ стоялъ въ глубокой задумчивости. Наконецъ, онъ очнулся, просунулъ руку въ отверстіе окна и тихонько положилъ на колѣни спящей принесенные цвѣты. Въ это время раздались крики, стѣны дрогнули отъ выстрѣловъ, и Цедра бѣгомъ бросился назадъ, спѣша занять свое мѣсто среди солдатъ.

Стычка.

Въ ночь на 15-го августа генералъ Вердье отступилъ отъ Сарагоссы, убѣдившись въ невозможности взять ее.

Кристофъ Цедра былъ раненъ 5-го августа осколкомъ гранаты и пролежалъ въ госпиталѣ до самаго выступленія французскихъ войскъ. По выздоровленіи, онъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы вернуться въ кавалерію, и его назначили для исполненія саперыхъ работъ по проведенію минъ. За это время въ немъ произошла большая перемѣна: онъ окрѣпъ и успокоился, выглядѣлъ старше и хладнокровнѣе. Едва къ нему вернулись его физическія силы, онъ перевелся обратно въ свой уланскій эскадронъ. 23-го ноября онъ участвовалъ въ битвѣ при Туделѣ и былъ произведенъ въ офицеры.

Это доставило ему огромную радость. Офицеры приняли его радушно, такъ какъ давно замѣтили его и узнали на дѣлѣ. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ друзей и всей душой вошелъ въ интересы полка. Въ войскахъ ходили слухи, что Наполеонъ уже въ Испаніи и идетъ на Мадридъ, и Цедра слѣпо вѣрилъ и въ себя, и въ своихъ уланъ, и въ своихъ союзниковъ.

Шли проливные дожди, когда французскія войска проходили горными дорогами Арагоніи для соединенія съ главной арміей. Польскіе солдаты оказались много выносливѣе французовъ. Черезъ два дня послѣ битвы при Туделѣ, когда главный корпусъ былъ еще далеко, вдали показался испанскій авангардъ и раздались пушечные выстрѣлы.

Третій эскадронъ, въ которомъ былъ Цедра, выстроился въ колонну и двинулся по направленію непріятеля. Дождь лилъ непрерывно. Испанцы надвигались темной тучей. Раздалась команда: въ атаку! И въ то же время грянулъ залпъ: это стрѣляла непріятельская пѣхота, засѣвшая во рвахъ. Ряды уланъ сразу порѣдѣли. Кристофъ, очутившійся впереди, счастливый и радостный, кричалъ вмѣстѣ со всѣми: рѣжь! руби!—и съ саблей на-голо летѣлъ прямо на враговъ. Вдругъ второй залпъ... Въ глазахъ Кристофа потемнѣло, дыханіе замерло... Онъ смутно соображалъ, что выбитъ изъ сѣдла, что

нога осталась въ стремени, лошадь волочитъ его по землѣ, а онъ бьется головой о каменистую, взрытую копытами почву... Онъ потерялъ сознаніе...

Ночь была холодная. Кристофъ лежалъ навзничь съ открытыми глазами. Онъ прислушивался къ звукамъ бича, къ равномѣрному стуку колесъ, но не вполнѣ сознавалъ, гдѣ онъ. Матрацъ, подвѣшенный на желѣзныхъ крюкахъ, мѣрно колыхался. Обрывки мыслей, воспоминаній быстро смѣнялись въ разгоряченной головѣ, запекшіяся губы шептали: „Трепка... Степанъ... дайте пить, дайте мнѣ пить...“

— Какой такой Трепка? Что за Степанъ?—спросилъ его спутникъ.

Кристофъ отвѣтилъ:

— Мнѣ снился Трепка... — и снова потерялъ проблескъ здоровой мысли.

— Господинъ подпоручикъ, господинъ подпоручикъ!.. — опять услышалъ онъ чей-то голосъ.

— Что такое,—отвѣтилъ Цедра съ трудомъ.

— Вы не узнаете меня?

— Нѣтъ.

— Я унтеръ-офицеръ Прускій. Мы вмѣстѣ съ вами были подъ Бурвіедро. Мнѣ оторвало руку, а васъ ранило на вылетъ.

— А гдѣ же я теперь?

— Говорятъ, мы около Мадрида. Уже недѣлю, какъ ѣдемъ.

Цедра долго пролежалъ въ Мадридскомъ походномъ лазаретѣ. Оправившись, онъ догналъ свой полкъ въ маленькой деревушкѣ. Былъ вечеръ. Кристофъ радостно вздыхалъ весенній воздухъ, насвистывалъ и напѣвалъ, съ удовольствіемъ посматривая на зеленые поля и лѣса.

Въѣхавъ въ деревенскую улицу, онъ замѣтилъ у одного изъ домовъ улана. При видѣ офицера, котораго всѣ давно считали мертвымъ, солдатъ радостно бросился къ нему. На его крикъ изъ сосѣднихъ домовъ выбѣжали другіе уланы и окружили Кристофа. Цедра подвигался дальше, какъ тріумфаторъ, окруженный цѣлой толпой. Ему сообщали новости и осыпали вопросами, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать.

Наконецъ, Цедра добрался до избы, гдѣ стояли офицеры. Кристофа восторженно встрѣтили и тотчасъ усадили за длинный столъ. Полковникъ Незабитовскій, съ головой, обвязанной платкомъ, сидѣвшій въ центрѣ, громко потребовалъ вина.

— За здоровье Цедры!—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Растроганный Кристофъ едва успѣвалъ отвѣчать на привѣтствія.

Между тѣмъ, солдаты наполнили избу: всѣмъ хотѣлось повидать любимаго поручика. Пока ходила круговая чаша, въ двери вошелъ старый солдатъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, но съ бодрымъ румянымъ лицомъ.

— А... а! старый Дызъ!—закричалъ полковникъ.—Тебя одного не доставало. Спой-ка намъ пѣсню, только не новую!..

— Старую, самую старую!—раздались крики.

— Какъ прикажете, — сказалъ Дызъ и запѣлъ такимъ сильнымъ, чистымъ голосомъ, что всѣ сразу притихли.

Пѣснь еще звучала, когда въ комнату шумно ворвался поручикъ Микуловскій.

Задыхаясь отъ волненія и быстрой ѣзды, онъ разсказалъ, что въ эту ночь испанцы напали на замокъ Мора, который онъ защищалъ съ небольшимъ отрядомъ. Они отстрѣливались, пока былъ порохъ, но непріятели подожгли зданіе, и большая часть осажденныхъ погибла въ огнѣ.

Это извѣстіе подняло всѣхъ на ноги, и не прошло и получаса, какъ всѣ, въ томъ числѣ и Цедра, скакали по дорогѣ къ замку.

Надъ берегомъ Равки.

Вторая рота перваго эскадрона полка Дзѣвановскаго была назначена въ патруль. Дождь пересталъ только на разсвѣтѣ, когда выступили уланы. Ротѣ было приказано перейти черезъ рѣку Равку ниже деревни Михаловицъ, войти въ лѣсъ, осмотрѣть его во всѣхъ направленіяхъ и соединиться со своимъ полкомъ.

Стояла ранняя весна, рѣка широко разлилась. Всюду пробивалась молодая травка, первыя птицы весело перекликались. Рота шла бодро со смѣхомъ и прибаутками. Подпоручикъ Рафаилъ Ольбромскій чувствовалъ себя въ особенно жизнерадостномъ настроеніи. Онъ вышелъ изъ рядовъ и пустилъ своего коня опушкой лѣса. Съ запахомъ прошлогоднихъ листьевъ и свѣжестью новой весны, что-то давно забытое врывалось въ его душу. Вспоминался родной домъ, отецъ... и сердце сжималось отъ тоски и горечи при мыслѣ о разладѣ со старикомъ. Рафаилъ весь отдался своимъ думамъ, когда внезапно услышалъ голосъ капитана: стой! При этомъ крикѣ лошади стали, какъ вкопанныя, прежде чѣмъ ихъ успѣли осадить сѣдоки. Воспользовавшись отды-

хомъ, капитанъ приказалъ двоимъ изъ солдатъ влѣзть на дерево и осмотрѣть окрестность. Но едва солдаты достигли верхушки, какъ оба быстро спустились и донесли:

— Конница, непріятельская конница!..

Капитанъ пристально поглядѣлъ въ указанномъ направленіи: прямо къ лѣсу полемъ мѣрно двигался австрійскій патруль.

— На коней! — скомандовалъ капитанъ. Лошади фыркали и нетерпѣливо били копытами. Сердце Рафаила учащенно билось. Было ясно видно, что непріятель гораздо многочисленнѣе поляковъ.

— Въ атаку!—скомандовалъ капитанъ. Шпоры вонзились въ бока лошадямъ, громкое „ура!“ раздалось изъ лѣсу, и уланы быстрымъ, ровнымъ галопомъ двинулись на непріятеля. Заблестѣли сабли, ряды смѣшались... Рафаилъ воспользовался моментомъ, привсталъ на стременахъ и, задыхаясь отъ восторга, увѣренный въ своихъ силахъ, рубилъ направо и налѣво... Вдругъ онъ почувствовалъ острую боль въ плечѣ и очнулся, уже лежа на землѣ. Надъ нимъ наклонился старшій вахмистръ и перевязывалъ ему рану. Побѣда осталась за поляками: въ критическую минуту на помощь подоспѣлъ другой уланскій полкъ, подъ командой Тышкевича. Безумная радость овладѣла Рафаиломъ: въ первый разъ онъ почувствовалъ, какъ дорога ему слава родного оружія, и глаза его загорѣлись счастьемъ и гордостью. Однако, рана давала себя знать: силы значительно слабѣли отъ потери крови.

Невдалекѣ, въ большомъ, запущенномъ саду, стоялъ барскій домъ. Солдаты перенесли туда Ольбромскаго, уложили его въ чистую постель; полковой врачъ увѣрилъ Рафаила, что онъ будетъ совершенно здоровъ, обмылъ и перевязалъ ему рану. Успокоенный Рафаилъ вскорѣ заснулъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ...

Среди ночи онъ проснулся. Въ сосѣдней освѣщенной комнатѣ ходилъ генералъ. Ольбромскій гдѣ то видѣлъ это длинное, бритое лицо, поразившее его выраженіемъ ума и гордости. Глаза на выкатѣ смотрѣли холодно и сурово изъ подъ нависшихъ вѣкъ. Съ шумомъ отодвинувъ стулъ, генералъ сѣлъ къ столу и сталъ внимательно изучать карту. Часа черезъ два онъ всталъ, осмотрѣлся, отыскивая, гдѣ бы прилечь. Попробовалъ составить стулья, но его грузное тѣло на нихъ не умѣстилось. Тогда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Рафаилъ, долго и пристально глядѣлъ на него, потомъ подвинулъ его къ стѣнѣ и легъ съ нимъ рядомъ. Ольбромскій почтительно съежился и уступилъ ему одѣяло.

— Гдѣ ранены?

— Въ стычкѣ въ лѣсу, ваше превосходительство.

— Какъ звать?

— Рафаилъ Ольбромскій.

— Я зналъ одного офицера Ольбромскаго.

— Это мой старшій братъ.

— А-а,—зѣвнулъ генералъ и захрапѣлъ.

Еще было совершенно темно, когда раздался топотъ нѣсколькихъ лошадей и въ окно постучались:

— Генералъ Сокольницкій!

Онъ не слышалъ.

— Сокольницкій, отоприте скорѣе!

Генералъ проснулся, вскочилъ, зажегъ огонь, и въ сосѣднюю комнату вошло пять человѣкъ, закутанныхъ въ плащи. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, они сѣли за столъ передъ раскрытой картой. Лицомъ къ Рафаилу сидѣлъ Понятовскій, рядомъ съ нимъ, съ одной стороны, Фишеръ, съ другой—Пеллетье, который дѣлалъ докладъ по французски. Изъ долетавшихъ до него отрывочныхъ фразъ Ольбромскій заключилъ, что положеніе признавалось крайне серьезнымъ и требовалось измѣнить позицію войскъ. Послѣ долгихъ споровъ, былъ написанъ приказъ по войскамъ къ слѣдующему дню, и генералы удалились.

Сокольницкій вернулся на прежнее мѣсто. Рафаилъ рѣшился воспользоваться случаемъ:

— Ваше превосходительство!

— Что тебѣ?

— Возьмите меня завтра съ собой въ сраженіе!

— Это въ качествѣ кого же?

— Въ качествѣ состоящаго при вашей свитѣ.

— У меня нѣтъ такой должности; возвращайся къ своему полку.

— Мнѣ неизвѣстно, гдѣ мой полкъ.

— А твоя рана?

— Она неопасна и хорошо забинтована.

— Былъ въ битвѣ при Данцигѣ?

— Былъ.

— По нѣмецки говоришь?

— Говорю.

— Ну, ладно. Возьму тебя переводчикомъ. Только разбуди меня завтра до разсвѣта. Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство,—сказалъ счастливый Ольбромскій.

На зарѣ войска выступили. Рафаилъ, туго забинтованный, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ рядомъ съ коляской Сокольницкаго. Сдѣлавъ смотръ войскамъ, Сокольницкій послалъ Рафаила въ сосѣднюю деревушку, съ приказомъ немедленно

вывести женщинъ и дѣтей, а мужчинъ вооружить чѣмъ возможно и не отпускать ни одного. Порученіе было не изъ легкихъ: женщины подняли крикъ, прося пощады, дѣти плакали, мужики стояли въ нерѣшительности. Однако, выбора не было: въ случаѣ неповиновенія генералъ грозилъ сжечь деревушку до тла. По первоначальному плану, она должна была быть главнымъ пунктомъ обороны: въ ней Сокольницкій хотѣлъ сосредоточить войска и укрѣпить ее. Около полудня, когда главныя земельныя работы были окончены, а измученные солдаты отдыхали, Сокольницкій подозвалъ Рафаила и поручилъ ему выѣхать на рекогносцировку и донести ему о положеніи непріятельскихъ войскъ. Рафаилъ поскакалъ въ указанномъ направленіи. Все утро онъ былъ въ особенно приподнятомъ настроеніи, а когда издали увидѣлъ массу непріятеля и услышалъ выстрѣлы, то у него захватило даже духъ отъ возбужденія.

Онъ повернулъ лошадь и помчался обратно съ докладомъ. Рана болѣла, кровь просачивалась черезъ повязку, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

— Видѣлъ нашу конницу?—спросилъ его рѣзко Сокольницкій, стоявшій съ подзорной трубой.

— Видѣлъ, ваше превосходительство.

— Гдѣ?

— На перекресткѣ, у корчмы.

— Сражаются?

— Такъ точно.

Едва успѣлъ Ольбромскій отъѣхать, какъ прозвучалъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Всѣ встрепенулись. Сокольницкій отрывисто отдавалъ приказанія. У Рафаила ноги подкашивались отъ волненія. Въ это время раздался трескъ картечи, и къ Сокольницкому подскочилъ адъютантъ, указывая рукой на сосѣднее поле. Генералъ, не ожидая, что онъ скажетъ, скомандовалъ: — Стройся!.. Пли!.. Ружья быстро заряжались, и залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Ольбромскій, желая лучше разглядѣть происходившее, выѣхалъ впередъ. Сквозь дымъ, онъ, какъ въ туманѣ, видѣлъ темную массу непріятеля. Вдругъ лошадь его рванулась въ сторону, взвилась на дыбы и съ размаху упала на переднія ноги. Рафаилъ едва успѣлъ соскочить на землю. Въ сосѣднемъ болотѣ, стоя почти по колѣна въ водѣ, солдаты быстро заряжали ружья и стрѣляли, не дожидаясь команды. Рафаилъ присоединился къ нимъ. Австрійцы, замѣтивъ отрядъ безъ прикрытія, открыли по немъ огонь. Положеніе становилось критическимъ. Но вдругъ появился Понятовскій со свѣжими силами и, крикнувъ: „братцы, за мной!“—бросился впередъ. Стрѣлки выбрались изъ болота и

ударили въ атаку. На помощь имъ подоспѣлъ второй пѣхотный полкъ, австрійцы были смяты и отступили въ безпорядкѣ.

Но вскорѣ непріятель собрался съ новыми силами и ударилъ на деревушку, гдѣ стояли резервы Сокольницкаго. Австрійцы открыли огонь изъ двадцати четырехъ орудій, у поляковъ ихъ было только девять. То тамъ, то сямъ загорались соломенныя крыши. Ихъ усердно поливали водой, но спасти деревню не удалось, и вскорѣ она запылала. Пороховые ящики взрывало одинъ за другимъ. Солдаты держались стойко и мужественно. Рафаилъ, подобравъ ружье убитаго съ нимъ рядомъ гренадера, стрѣлялъ непрерывно, не цѣлясь, не отдавая себѣ отчета въ томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Особенно жаркая схватка произошла за костеломъ, на земляномъ валу. Австрійцы то взбирались на него, то отступали подъ дружнымъ натискомъ поляковъ. До самаго вечера гремѣли пушки, пылали огни и дымъ застилалъ окрестность. Къ ночи пальба стала постепенно утихать. Медленно выплыла луна и озарила кровавое поле сраженія.

Глубокой ночью Рафаилъ, блѣдный, безъ шапки, въ изорванномъ мундирѣ, шатаясь отъ слабости, едва плелся на ночлегъ. Онъ весь горѣлъ, его била лихорадка. Вчерашняя рана открылась, все тѣло болѣзненно ныло, передъ глазами неотступно носились груды мертвыхъ тѣлъ, а въ ушахъ звучали стоны раненыхъ и гулъ орудій...

Въ Варшавѣ.

На зарѣ Рафаилъ проснулся въ маленькой еврейской хаткѣ въ предмѣстьи Варшавы, гдѣ онъ провелъ ночь. Услышавъ шумъ проходившей пѣхоты, онъ вышелъ на улицу и отъ солдатъ узналъ, что вчерашнее пораженіе было вызвано внезапнымъ отступленіемъ саксонскихъ войскъ, что Годебскій убитъ, Фишеръ тяжело раненъ, а Сокольницкій назначенъ командиромъ всего лѣваго крыла арміи и защищаетъ Варшаву со стороны Вилянова. Рафаилъ отправился отыскивать Сокольницкаго, но не могъ съ точностью узнать, гдѣ онъ, и остановился въ Лазенковскомъ паркѣ. Милиціонеры разбили въ немъ цѣлый лагерь, настроивъ что-то вродѣ палатокъ изъ столовъ, стульевъ, дверей...

Здѣсь ему сообщили о предполагаемой капитуляціи. Измученый и больной, Рафаилъ рѣшилъ отправиться въ городъ и попытаться попасть въ лазаретъ. Онъ не ѣлъ почти трое сутокъ и съ трудомъ передвигалъ ноги. Онъ шелъ зна-

комыми улицами и остановился передъ зеленой оградой сада, за которой виднѣлась, сквозь деревья, терраса памятнаго ему дома... Еще недавно за зеркальными стеклами этихъ дверей раздавался шелестъ платья Елены де-Витъ. По этимъ аллеямъ она проходила неслышными шагами, точно видѣнье. Рафаилъ въ тоскѣ прислонился грудью къ рѣшоткѣ.—Боже, неужели ея нѣтъ на свѣтѣ!—вырвалось у него со стономъ. Рѣшотка, у которой онъ ждалъ ее когда-то, покрылась ржавчиной, калитка была сорвана съ петель, на грядкахъ лежалъ толстый слой прошлогоднихъ листьевъ, и домъ съ забитыми окнами стоялъ угрюмый и молчаливый. Какой-то гвардейскій отрядъ замѣтилъ Рафаила и забралъ его съ собою. Вспомнивъ, что князь Гинтултъ въ Варшавѣ, Ольбромскій попросилъ отвести его къ нему.

Домъ Гинтулта былъ обращенъ въ лазаретъ: во всѣхъ залахъ стояли кровати и на нихъ лежали раненые. Нѣсколько врачей въ бѣлыхъ фартукахъ дѣлали перевязки. При видѣ Рафаила, князь не могъ сдержать своей радости.

— И ты съ поля битвы!.. голубчикъ мой! Ну, слава Богу, живъ!—старикъ засуетился, стараясь удобнѣе уложить раненаго. Ольбромскаго отвели въ его прежнюю комнату, обмыли и перевязали ему рану, затѣмъ дали крѣпкаго бульону. Онъ быстро заснулъ и не просыпался до утра. На утро князь пришелъ къ больному:

— Ну слава Богу, что ты только легко раненъ и можешь ѣхать со мной,—сказалъ старикъ.

— Ѣхать? куда?

— Варшаву рѣшено сдать, а ты врядъ-ли хочешь попасть въ руки австрійцамъ.

Видя волненіе Рафаила, Гинтултъ замолчалъ, но вскорѣ заговорилъ какъ разъ о томъ, что его, видимо, волновало:

— Я не хочу тебя упрекать... Но ты странно поступилъ со мной... Уѣхалъ, не сказалъ ни слова...

— Я не смогу сейчасъ объяснить всѣхъ причинъ моего отъѣзда... меня вызвалъ отецъ.

— Отецъ?—князь усмѣхнулся,—вскорѣ послѣ твоего бѣгства онъ писалъ мнѣ, спрашивая о тебѣ.

Оба замолчали.

— А мы частенько тебя вспоминали съ мастеромъ каѳедры...—черезъ нѣкоторое время сказалъ Гинтултъ.

— А развѣ майоръ де-Витъ здѣсь?—спросилъ развязно Рафаилъ.

Князь поглядѣлъ на него.

— Нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— На томъ свѣтѣ. Майоръ погибъ.

— Въ сраженіи?

— Если ты объ этомъ знаешь, то зачѣмъ унижаешь себя и меня ненужной ложью... Но ты еще слишкомъ слабъ, чтобы говорить объ этомъ. Вотъ поправишься, тогда другое дѣло...

23-го апрѣля Гинтултъ съ Рафаиломъ выѣхали изъ Варшавы по направленію къ Новому Двору. Отъѣздъ сильно взволновалъ князя: онъ не могъ равнодушно думать, что его родовое гнѣздо попадетъ въ руки врага. Но выбора не было. Они съ трудомъ достали бричку. Всѣ улицы были запружены выступавшими войсками и поспѣшно выѣзжавшими жителями. За заставой ихъ бричка вмѣшалась въ какой-то пѣхотный полкъ и имъ пришлось долго ждать, пока освободится путь. Не доѣзжая деревни, гдѣ временно расположился главный штабъ, они встрѣтили Нѣмоевскаго со свитой.

Онъ сейчасъ же узналъ князя и подъѣхалъ къ нему.

— Куда вы, старый товарищъ? Что не сидите въ своей Галиціи.

— Мнѣ надо бы повидать кого-нибудь изъ старшихъ генераловъ.

— Да если хотите, я васъ проведу къ самому главнокомандующему. А въ чемъ дѣло?

— Есть у меня въ Галиціи двѣ деревеньки. Я бы могъ сформировать пару батальоновъ, а не то и цѣлый полкъ. Только вотъ какъ провести ихъ черезъ кордонъ?

— Прекрасно. Это не трудно уладить...

Немедленно по пріѣздѣ, Нѣмоевскій съ княземъ прошли къ главнокомандующему. У того какъ разъ собрался военный совѣтъ. Князь хотѣлъ было подождать въ сѣняхъ, но Нѣмоевскій увлекъ его за собой и представилъ собранію. На него почти никто не обратилъ вниманія: всѣ были взволнованы и очевидно поглощены одной мыслью. Нѣмоевскій доложилъ главнокомандующему о намѣреніи Гинтулта.

— Очень радъ,—сказалъ князь Понятовскій.—Благодарю васъ. Послѣ поговоримъ подробнѣе. Присядьте, вы можете быть намъ полезны.

Гинтултъ съ интересомъ прислушивался къ обмѣну мнѣній. По всему было видно, что положеніе критическое и требуется тотчасъ принять окончательное рѣшеніе. Услышавъ предложеніе оставить Варшаву и вывести войска въ Саксонію, чтобы соединиться съ королемъ, Понятовскій побѣлѣлъ, какъ бумага. Поднялся споръ. Домбровскій, молчавшій до тѣхъ поръ, выступилъ впередъ.

Задыхаясь отъ волненія, онъ сталъ страстно доказывать,

что пока непріятель не переправится черезъ Вислу, есть возможность защищаться.

— Мой совѣтъ: не только не уступать ни одной пяди земли, но перейти въ наступленіе!—горячо закончилъ онъ. Волненіе охватило всѣхъ, лица горѣли, у Понятовскаго въ глазахъ стояли слезы. Совѣтъ Домбровскаго былъ принятъ единогласно.

Былъ уже конецъ мая. Все зеленѣло, цвѣло и благоухало. Большая часть арміи, подъ общей командой генерала Сокольницкаго, стягивалась къ Вислѣ.

Настроеніе войскъ было бодрое: всѣ ждали и желали сраженія и вѣрили въ побѣду. Съ пѣснями проходили они села и поселки. Все населеніе высыпало имъ навстрѣчу. Казалось, люди шли не на смерть, а на какой-то праздникъ. Въ Отлоцкѣ была назначена остановка. Рафаилъ, состоявшій адъютантомъ при Сокольницкомъ, былъ помѣщенъ съ нимъ рядомъ въ барскомъ домѣ. Ночью ему не спалось. Онъ тихонько вышелъ въ паркъ. Накрапывалъ мелкій, едва замѣтный весенній дождь. Аллеи были запущены, густо поросли травой, вѣтви деревьевъ переплились, гдѣ-то въ кустахъ соловей выводилъ свои трели. Изъ парка Ольбромскій вышелъ на дорогу и пошелъ безцѣльно впередъ,

Вдругъ его остановилъ конскій топотъ. Это былъ курьеръ съ письмомъ къ Сокольницкому. Черезъ нѣсколько минутъ Рафаила позвали къ генералу, и онъ получилъ приказъ немедленно сообщить въ Окуневъ, гдѣ стояли войска Пеллетье, только что полученныя свѣдѣнія: австрійцы были не подалеку и строили укрѣпленія и мостъ для переправы черезъ Вислу между Гурой и Островцемъ. Однако, прежде чѣмъ дать сраженіе, Сокольницкому было необходимо имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о расположеніи непріятеля. Призвавъ капитана Сѣментковскаго, извѣстнаго своей отвагой, онъ сообщилъ ему свой планъ: Сѣментковскій долженъ былъ, въ качествѣ парламентера, отправиться въ лагерь къ непріятелю и предложить ему сдаться. Конечно, онъ откажется, но капитанъ постарается увидѣть и услышать, что возможно. Сѣментковскій какъ нельзя лучше справился съ возложеннымъ на него порученіемъ и узналъ точно, что ни мостъ, ни укрѣпленія еще не закончены. Медлить было нечего. Сокольницкій приказалъ выступленіе... Войска двинулись въ совершенной темнотѣ.

Быстрымъ, почти неслышнымъ шагомъ проходила колонна за колонной. Рафаилъ ѣхалъ рядомъ съ Сокольницкимъ. Его слухъ, напряженный отъ волненія и безсонной ночи, обострился и улавливалъ уже отдаленный стукъ топо-

ровъ. Наконецъ, замелькали огни и можно было, хотя съ трудомъ, различать контуры укрѣпленій.

Повѣяло свѣжестью отъ близкой рѣки. Было слышно, какъ перекликались австрійскіе часовые. Войско остановилось.

— На укрѣпленія!—скомандовалъ Сокольницкій.

Раздалось громкое „ура", и солдаты бросились впередъ...

Сраженіе длилось всю ночь. На разсвѣтѣ укрѣпленія были отбиты и остались за поляками. Но дорого обошлась имъ эта побѣда... Австрійцы отступили къ Гурѣ.

Въ первыхъ числахъ іюня Рафаилъ оказался случайно въ числѣ офицеровъ штаба князя Понятовскаго. 9-го іюня была стычка подъ Мѣльчемъ. Войска князя должны были отступить передъ многочисленными силами австрійцевъ и переправились черезъ Вислоку. Рѣчка эта, столь знакомая Рафаилу, почти пересохла и не могла служить прикрытіемъ отъ непріятеля, почему и было приказано не останавливаться и идти вглубь страны.

Былъ пасмурный день, когда кучка штабныхъ офицеровъ подъѣзжала къ Стоклосамъ, весело и шумно разговаривая. Рафаилъ, какъ человѣкъ чужой имъ, держался въ сторонѣ. Да и говорить ему не хотѣлось: такъ много воспоминаній нахлынуло на него при видѣ дорогихъ ему мѣстъ.

Вдругъ, на поворотѣ, онъ увидѣлъ сгорбленную фигуру старика, ѣхавшаго верхомъ по полю. Сердце забилось у Рафаила: онъ узналъ Степана Трепку. Старикъ тоже обрадовался старому знакомому. Они стояли рядомъ на пригоркѣ и смотрѣли на отступающіе войска. Оба вспоминали ту осень, когда почти на томъ же мѣстѣ, но съ инымъ чувствомъ они смотрѣли на иныя войска.

Трепка горько усмѣхнулся и поникъ головой.

— Что же и Сандомиръ отдадите?

— Какъ отдадимъ?—вспылилъ Ольбромскій.—Да ни пяди не уступитъ Сокольницкій.

— Хорошо, если бы такъ...

Оба замолчали и Трепка повернулъ къ Ольшинѣ.

— Что же поѣдемъ въ Ольшину,—сказалъ онъ.—Старикъ Цедра принимаетъ у себя главнокомандующаго и офицеровъ. И тебѣ слѣдуетъ тамъ быть... Да и какой же изъ тебя бравый офицеръ вышелъ! Молодецъ настоящій и франтомъ какимъ выглядишь!.. А Кристофа-то нашего нѣтъ,—продолжалъ старикъ почти шепотомъ,—нѣтъ нашего мальчика. Разъ написалъ намъ изъ Парижа, а теперь неизвѣстно, гдѣ

онъ и что съ нимъ. Въ Испаніи, говорятъ...—и Трепка поникъ головой. Грустно подъѣхали они къ дому...

Дворъ былъ полонъ лошадей, всѣ окна настежъ, входныя двери широко раскрыты... Слышалась музыка, пѣніе, рукоплесканія. Обѣдъ уже кончился, и Понятовскій со старшими генералами сидѣлъ въ саду. Молодежь собралась въ залѣ. Рафаилъ остановился у дверей. Одинъ изъ офицеровъ сидѣлъ за роялемъ, и Мэри пѣла. Тотъ же наклонъ головы, тоже выраженіе лица...

Но голосъ... Это не было пѣніе подростка, которое онъ нѣкогда слышалъ, это былъ звучный, красивый голосъ молодой, сильной женщины. И въ этихъ звукахъ, и въ блескѣ ея глазъ сказывалась такая яркая неудержимая жажда жизни и счастья, и въ то же время такая страстная жалоба на пустоту и одиночество своей молодости...

На лицахъ слушателей было волненіе. Вдругъ Ольбромскій почувствовалъ, что голосъ Мэри задрожалъ... Онъ поднялъ голову: прямо на него смотрѣли блестящіе глаза и все лицо дѣвушки цвѣло выраженіемъ безпредѣльной радости...

Направо, въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ старый Цедра. Онъ почти не измѣнился. Красивая голова, благородная осанка, ласковая усмѣшка, гордый взглядъ... При звукахъ пѣсни, при радостныхъ рукоплесканіяхъ молодежи онъ не дрогнулъ, только слезы медленно покатились по лицу. Онъ всталъ, вышелъ на балконъ и безсильно опустился на скамью. Когда онъ поднялъ голову, передъ нимъ стоялъ Трепка.

— Нѣтъ моего сына, нѣтъ моего Кристофа...—простоналъ старикъ.

— Пріѣдетъ онъ, вернется...

— Почемъ ты знаешь?—нѣтъ его и не будетъ. Жду его, жду каждый день, каждый часъ...

На балконѣ послышались чьи-то шаги, и оба старика, опираясь другъ на друга, сошли въ садъ и скрылись въ аллеѣ... У обоихъ была одна дума, одно горе, одна надежда...

Сандоміръ.

6 іюня Ольбромскій перебрался по понтонному мосту въ Сандоміръ. Мостъ тотчасъ же былъ разобранъ. Въ качествѣ адъютанта Сокольницкаго Рафаилу пришлось нѣсколько разъ объѣхать и осмотрѣть укрѣпленія.

Съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ онъ и любилъ Сандоміръ не меньше, чѣмъ свои родные Тарнины. Наиболѣе опаснымъ пунктомъ былъ треугольникъ, образованный старыми косте-

лами св. Іакова, св. Павла и св. Іосифа. Батальонъ князя Гинтулта, набранный изъ его крестьянъ, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, но незамѣнимыхъ при спѣшныхъ земляныхъ работахъ, укрѣплялъ это мѣсто. Особенно заботила князя оборона костела св. Іакова, старѣйшей изъ польскихъ святынь. По окончаніи дневныхъ работъ Гинтултъ спускался въ подземелья монастыря, переплетавшіяся безконечными корридорами. По преданію, дочь Петра Кремпы, отважная Галина, для спасенья родного города завела сюда татаръ. Они не могли найти выхода и всѣ погибли отъ голода. Кости, постоянно находимыя въ подземельи, заставляли вѣрить этой легендѣ. Разсказывали, будто много разъ видѣли въ темную ночь яркое сіяніе надъ куполомъ костела, а однажды, во время войны, предводитель шведовъ увидѣлъ въ полночь яркій свѣтъ въ окнахъ монастыря и, услышавъ пѣніе доминиканцевъ, убитыхъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, бѣжалъ въ страхѣ со всѣмъ войскомъ. Князь охотно вѣрилъ этимъ разсказамъ, и старый костелъ былъ для него дорогимъ, почти одушевленнымъ существомъ, хранилищемъ народной славы и завѣтовъ старины...

Съ 15 на 16 іюня Рафаилъ, измученный нѣсколькими безсонными ночами, рѣшилъ, наконецъ, выспаться и хорошенько отдохнуть. Подъ утро его разбудилъ шумъ тревоги: австрійцы бомбардировали Сандоміръ. Старыя зданія загорались одно за другимъ, почти полгорода было въ огнѣ. Солдаты разрывались: надо было тушить пожаръ и отражать нападеніе Окраины были уже въ рукахъ непріятелей. Они заняли бенедектинскій монастырь, и Сокольницкій велѣлъ направить на него орудія. Гинтултъ со своимъ батальономъ защищалъ костелъ св. Іакова, когда Рафаилъ привезъ ему приказъ бороться до послѣднихъ силъ; если же придется отступать, то разрушить костелъ.

— Разрушить св. Іакова?!—воскликнулъ въ ужасѣ Гинтултъ и сталъ распоряжаться съ удвоенной энергіей, пославъ тѣмъ временемъ просьбу о подкрѣпленіи. Получивъ отказъ, старикъ, какъ былъ, безъ шапки съ развѣвающимися волосами, блѣдный отъ тревоги и гнѣва, побѣжалъ къ Сокольницкому. Какъ разъ въ этотъ моментъ Ольбромскій докладывалъ, что св. Іаковъ въ рукахъ австрійцевъ.

— Что вамъ надо?—спросилъ Сокольницкій, увидѣвъ разстроеннаго князя.

— Св. Іаковъ будетъ разрушенъ?

— А вамъ какое дѣло?—и, обернувшись къ адъютанту, онъ крикнулъ:—Стрѣлять по костелу!

Раздался залпъ. Гинтултъ схватилъ генерала за руку, умоляя отмѣнить распоряженіе. Сокольницкій грубо оттолкнулъ

его. Князь остановился, какъ вкопанный: глаза у него горѣли, онъ былъ смертельно блѣденъ. Вдругъ, съ мгновенной рѣшимостью: „за мной, братья, отнимаютъ нашу святыню!“— крикнулъ онъ, бросаясь на солдатъ. Эти слова, какъ громомъ, поразили Рафаила.

— Мы не уступимъ св. Іакова!

— Не давай имъ стрѣлять,—повторялъ Гинтултъ.

Покоренный его властнымъ тономъ и горячей вѣрой, Рафаилъ кинулся отнимать фитили у солдатъ...

Но онъ сейчасъ же почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то желѣзную руку—и потомъ все смѣшалось...

Онъ очнулся въ подземельи. Рядомъ съ нимъ лежалъ окровавленный Гинтултъ. Рафаилъ не сразу припомнилъ, что было. Точно во снѣ всталъ передъ нимъ пожаръ Сандоміра, оборона св. Іакова, его безумный поступокъ... Если бы не вѣрный Михцикъ, то ни его, ни князя не было бы въ живыхъ. Солдатъ какимъ-то чудомъ спасъ обоихъ...

Въ ночь на 30 іюня, когда австрійцы вышли изъ Сандоміра, оставшагося за ними въ силу капитуляціи, Ольбромскій, Гинтултъ и Михцикъ украдкой выѣхали въ Тарнины. Рафаилъ рѣшилъ оставить больного князя у своихъ родителей, а самому догнать полкъ.

Послѣ своей выходки у костела св. Іакова, онъ, конечно, не могъ разсчитывать на прежнее мѣсто при Сокольницкомъ. Только благодаря быстро смѣнявшимся событіямъ, о немъ забыли, и дѣло его обошлось безъ серьезныхъ послѣдствій.

Въ Тарнинахъ нежданныхъ гостей встрѣтили съ неописуемой радостью. Гинтулту отвели лучшую комнату. Софья взялась сама за нимъ ухаживать. Она была уже замужемъ, но не забыла своей старой привязанности къ князю. Старики Ольбромскіе не могли наглядѣться на сына. Но ему нельзя было мѣшкать, и на другой день онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Михцикомъ.

4 іюля, когда вся польская армія двинулась на югъ отъ Радома, Рафаилъ съ нѣсколькими десятками уланъ своего эскадрона отправился на рекогносцировку въ Свентокржискія горы и дальше — къ Кунову. Мѣста, хорошо знакомыя, близкія Рафаилу: неподалеку было имѣніе его дяди Нардзжевскаго. Осмотрѣвъ лѣсъ, старый монастырь, костелъ, съ которымъ было связано столько воспоминаній, Ольбромскій рѣшилъ, прежде чѣмъ вернуться въ полкъ, заѣхать къ старику дядѣ въ Лысицы. Онъ ѣхалъ быстрымъ галопомъ, какъ вдругъ на пригоркѣ въ ужасѣ остановился: на мѣстѣ барскаго дома поднимался черный столбъ дыма. Ни риги, ни

амбаровъ,—осталась только часть полуразрушенной каменной ограды, да кое-гдѣ торчали обожженныя деревья. Мертвая тишина, нигдѣ ни души. Ольбромскій пришпорилъ лошадь. Во дворѣ первое, что бросилось ему въ глаза, былъ окровавленный, обезображенный трупъ Нарджевскаго. Рафаилъ зашатался, какъ пьяный. Тѣмъ временемъ уланы вытащили откуда-то перепуганнаго Каспара. Онъ весь трясся и исподлобья поглядывалъ на солдатъ.

— Что случилось?—крикнулъ на него Ольмбромскій.

— Пана убили.

— Кто?

— Нѣмцы.

— Когда?

— Сегодня утромъ.

— Какъ это произошло?

— Они приказали пану отпереть кладовыя и погребъ. Но панъ послалъ меня на деревню за мужиками, а ихъ сталъ выгонять, тогда они бросились на пана; онъ заперся въ чуланѣ и началъ въ нихъ стрѣлять. Они выломали дверь и убили пана.

— А мужики? Что же не защитили его, негодяи?

— Какъ только увидѣли ружья, такъ и повалились солдамъ въ ноги... Потомъ нѣмцы подожгли домъ и сараи, закопали убитыхъ товарищей и ушли.

Въ Испаніи.

Во второй половинѣ 1809 года Кристофъ Цедра находился въ отрядѣ Фіалковскаго, которому было поручено истребить банды гверильясовъ въ Арагоніи. Они получили приказъ идти къ Сарагоссѣ.

Городъ представлялъ страшную картину: обгорѣлыя развалины, груды камней, взрытая минами земля, ни слѣда какихъ-либо укрѣпленій... Уланы съ трудомъ подвигались по загроможденнымъ улицамъ. Цедра съ любопытствомъ смотрѣлъ на знакомыя мѣста, но ни одна мысль, ни одно воспоминаніе не смущали его: эта картина разрушенія только тѣшила его гордость.

Эскадронъ расположился въ монастырѣ св. Ѳомы, гдѣ долженъ былъ провести всю зиму, дѣлая время отъ времени вылазки противъ гверильясовъ.

Обыкновенно самъ капитанъ Фіалковскій оставался на главной квартирѣ, а въ горы отправлялось лишь небольшое количество людей подъ командой одного изъ поручиковъ.

Кристофъ долго не ходилъ въ дѣло, чувствуя себя больнымъ, разбитымъ. Его грызла какая-то неопредѣленная тоска. Онъ бродилъ одинъ по пустымъ улицамъ Сарагоссы, и на всѣ вопросы товарищей отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, что съ нимъ.

Однако, въ началѣ марта, когда повѣяло весной, зазеленѣла трава и показались фіалки, гіацинты, лиліи и тюльпаны, Кристофъ очнулся, силы къ нему вернулись, и во главѣ небольшого отряда онъ ушелъ въ горы.

Гверильясы разбойничали по горнымъ дорогамъ, нападали на проѣзжихъ, грабили почту. Всякое сообщеніе между отдѣльными частями войскъ было прервано. Почти цѣлую весну Цедра боролся съ бандами, пока не получилъ приказанія двинуться къ Морелли, маленькой крѣпости, которую капитанъ Выгановскій съ двумя-стами солдать защищалъ отъ возмутившихся жителей.

Не мало трудностей пришлось преодолѣть Цедрѣ, прежде чѣмъ онъ достигъ Морелли: всѣ окрестности были на военномъ положеніи и горсти уланъ приходилось все время держаться на чеку. Наконецъ, однажды подъ вечеръ они подъѣхали къ воротамъ крѣпости. Какъ обрадовались солдаты, увидавъ своихъ соотечественниковъ и почувствовавъ себя въ безопасности за крѣпкими стѣнами! Цедра и Выгановскій встрѣтились, какъ родные братья. Капитанъ выглядѣлъ сильно похудѣвшимъ и постарѣвшимъ. Лицо его казалось еще строже и суровѣе.

Онъ помѣстилъ Цедру съ собой, въ угольной комнатѣ замка, гдѣ была только кровать, столъ и два стула.

Лицо его свѣтилось доброй улыбкой, а голосъ дрожалъ отъ волненія, когда онъ сказалъ Кристофу:

— Какъ я счастливъ, что тебя вижу, а мнѣ кто-то сообщилъ, что ты убитъ!

— Да, былъ на краю смерти: ранило на вылетъ.

Выгановскій ходилъ по комнатѣ.

Вдругъ, остановившись передъ Цедрой, прерывающимся голосомъ произнесъ:

— А вѣдь я больше не могу этого переносить!

— Чего?

— Этой жизни. Какъ солдатъ солдату, говорю тебѣ: лучше смерть, чѣмъ такая служба. Душитъ она меня. Не за тѣмъ пошелъ я на войну, чтобы живьемъ сжигать испанскихъ крестьянъ, избивать ихъ цѣлыми деревнями вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми... Не могу!.. Еще два года назадъ я подалъ въ отставку, но до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, и я долженъ сидѣть здѣсь противъ своей воли и совѣсти...

— Что же, ты хочешь вернуться на родину?

— На родину... на родину... — прошепталъ Выгановскій.

Оба замолчали.

— Окажи ты мнѣ одну услугу,—началъ снова Выгановскій.—Ты поѣдешь въ Тортозу, гдѣ находится штабъ генерала Сухета. Сообщеніе между нами такъ давно прервано гверильясами, что, быть можетъ, моя отставка пришла и завалялась тамъ.

— Отлично, я завтра же двинусь въ путь.

— Ну, завтра не завтра... Надо же и тебѣ, и людямъ отдохнуть. А когда поѣдешь, устрой мнѣ это дѣло. Буду тебѣ вѣчно благодаренъ...

На другое утро Цедра проснулся поздно. Первой мыслью его было, что надо выѣхать сегодня-же и поспѣшить исполнить порученіе Выгановскаго.

Онъ отдалъ приказъ своимъ солдатамъ быть на готовѣ.

— Ну, спасибо, — сказалъ растроганный Выгановскій.— Дамъ я тебѣ въ проводники испанца. Это человѣкъ мнѣ преданный: я оказалъ ему не одну услугу. Онъ проведетъ тебя кратчайшимъ путемъ, и ты можешь съ нимъ прислать мнѣ отставку. Этотъ-же Донъ-Хозе и мнѣ поможетъ перебраться черезъ испанскую границу.

Цедра нѣсколько недовѣрчиво отнесся къ такому проводнику.

Но Выгановскій убѣдилъ его, что это человѣкъ вѣрный, на котораго можно вполнѣ положиться.

Вечеромъ того-же дня явился донъ-Хозе. Это былъ высокій, широкоплечій сильный мужчина. Онъ недурно говорилъ по-французски и не производилъ непріятнаго впечатлѣнія. Было рѣшено взять его съ собой, переодѣвъ въ уланскій мундиръ, но держаться съ нимъ осторожно и не спускать съ него глазъ.

Выѣхали поздно ночью. Выгановскій взялъ съ Кристофа слово, что онъ дождется его въ Тортозѣ, если приказъ объ отставкѣ уже полученъ.

Кристофъ уже нѣсколько дней ожидалъ въ Тортозѣ прибытія Выгановскаго, откладывая свой отъѣздъ подъ разными предлогами. Отставка, дѣйствительно, залежалась въ штабѣ Сухета, и донъ-Хозе взялся ее доставить.

На пятый день своего прибытія въ Тортозу, когда Цедра уже потерялъ надежду дождаться капитана, его разбудили на зарѣ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Выгановскій.

— Пріѣхать-то пріѣхалъ, но его здѣсь неподалеку убили!— тутъ же прибавилъ посланный.

Кристофъ вскочилъ.

— Убили? Гдѣ? Когда?

— Солдаты второго полка нашли его тѣло въ густыхъ заросляхъ возлѣ своей стоянки.

Кристофъ сѣлъ на коня и помчался по указанному направленію...

На пескѣ лежалъ обнаженный трупъ. Кругомъ него стояли солдаты. Кристофъ бросился къ тѣлу. Сердце разрывалось на части отъ горя...

— Убійца — донъ-Хозе, — съ увѣренностью сказалъ онъ себѣ, и краска гнѣва и негодованія залила ему лицо. Онъ обратился къ солдатамъ:

— Товарищи! помогите мнѣ вырыть могилу и похоронить храбраго воина и честнаго человѣка. Отдадимъ ему воинскія почести, погребемъ по христіански!

По рядамъ прошелъ ропотъ...

— Нѣтъ,—раздался одинъ голосъ.—Самъ копай ему могилу. Онъ не солдатъ и намъ не товарищъ. Подумай: мы сражаемся и гибнемъ цѣлыми батальонами, а онъ выпросилъ свободу себѣ одному. Богъ покаралъ его! Пускай-же сгніетъ, какъ собака!—Солдаты разошлись одинъ за другимъ.

Кристофъ остался со своимъ другомъ. Онъ поднялъ осколокъ гранаты и началъ рыть имъ твердую, сухую почву. Онъ работалъ цѣлый день и только подъ вечеръ вырылъ могилу, опустилъ въ нее прахъ, засыпалъ его землей и шагомъ поѣхалъ въ Тортозу.

На родинѣ.

По вскрытіи завѣщанія, много лѣтъ назадъ составленнаго Нарджевскимъ, Рафаилъ Ольбромскій оказался единственнымъ наслѣдникомъ всего его имущества.

По окончаніи войны въ 1809-омъ году молодой уланъ, въ скромномъ чинѣ поручика, вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ свое новое помѣстье. Онъ зналъ, что домъ и службы сожжены, поля и огороды запущены, но рѣшилъ энергично взяться за дѣло.

Дѣйствительно, черезъ годъ онъ уже выстроилъ амбары на каменныхъ столбахъ, конюшню, крытую желѣзомъ; на второй годъ докончилъ всѣ службы и исправилъ мельницу; на третью весну принялся за постройку барскаго дома. Рафаилъ всей душой ушелъ въ это дѣло: самъ распоряжался рабочими, осматривалъ каждое бревно, каждый камень, и радовался, какъ ребенокъ, что стѣны растутъ на его глазахъ. Вмѣстѣ съ этимъ домомъ, онъ строилъ, казалось, свою новую жизнь и закладывалъ ее на прочномъ фундаментѣ.

Онъ развелъ огородъ и садъ, распахалъ поля. День проходилъ въ напряженной работѣ: земля ничего не даетъ даромъ.

Наступило лѣто двѣнадцатаго года.

Ольбромскій все больше увлекался своимъ хозяйствомъ. Хлѣбъ у него уродился на славу, и онъ задумалъ выкорчевать старый обгорѣлый лѣсъ и распахать его подъ озимое. Сидя на пнѣ и покуривая трубочку, онъ поглядывалъ на рабочихъ и размышлялъ о томъ, что онъ посѣетъ на этой площади, сколько надо ему прикупить скота, какія поля отвести подъ пастбища. Михцикъ, который не захотѣлъ разстаться съ Рафаиломъ, работалъ неподалеку.

— А вѣдь кто-то къ намъ ѣдетъ...—сказалъ онъ.

— Гдѣ ты видишь?

— А тамъ, на пригоркѣ...

— И то правда. Бричка тройкой... Какія лошади прекрасныя! Кто-бы это могъ быть?

Рафаилъ не спускалъ глазъ съ экипажа.

— Послушай, Михцикъ,—закричалъ онъ съ волненьемъ:—да вѣдь это Кристофъ Цедра!

— Не знаю. Я-то пана Цедру никогда въ глаза не видалъ.

Ольбромскій стоялъ на пнѣ, напряженно вглядываясь въ даль. Онъ больше не сомнѣвался.

— Кристофъ! Кристофъ!—крикнулъ онъ изо всѣхъ силъ и бросился бѣгомъ ему на встрѣчу.

Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ въ бричкѣ рядомъ съ Цедрой и не могъ на него наглядѣться: изъ юноши онъ обратился въ сильнаго, мускулистаго мужчину съ густыми, лихо закрученными усами, съ увѣренными, смѣлыми движеніями.

— Откуда же ты ѣдешь?

— Изъ дому.

— А давно вернулся?

— Нашъ полкъ еще въ мартѣ перешелъ Пиринеи. Отъ Франціи я взялъ дилижансъ и опередилъ своихъ.

— Когда-же ты пріѣхалъ въ Ольтины?

— Въ іюнѣ...

— А что это за лошадь у тебя? Ну и конь! просто красавецъ!

— Еще-бы! Надо-же было выбрать коня получше для такого большого дѣла.

— Что еще за дѣло?

Кристофъ поглядѣлъ на него искоса.

— Новая война! Развѣ ты не знаешь?

— Ничего не знаю. Сижу одинъ за лѣсами, за горами. Людей не вижу. Откуда-же могу знать?

— Вотъ именно за этимъ къ тебѣ и заѣхалъ. Нарочно съ дороги свернулъ.

— Очень, очень тебѣ благодаренъ. Когда же и куда дальше?

— Завтра, на Люблинъ. Надо догонять полкъ. Ты за одинъ день соберешься?

— Я!—воскликнулъ Рафаилъ.—Да ты съ ума сошелъ! У меня здѣсь работа. Домъ строю!

— Домъ строишь?!.—крикнулъ Цедра такъ громко и съ такимъ веселымъ смѣхомъ, что Рафаилъ даже разсердился. Но ему сейчасъ же стало стыдно.

— Какъ ты думаешь! Вѣдь я связался съ землей, не могу ее бросить.

— Будешь на землѣ сидѣть, когда семьдесятъ тысячъ нашихъ идутъ на войну!?.

Ольбромскій чуть не плакалъ. Жаль ему стало полей, лѣсовъ... Поглядѣлъ на домъ, бѣлѣвшій сквозь зелень деревьевъ...

— Когда-же ты хочешь ѣхать?—опять спросилъ онъ.

— Да какъ только ты будешь готовъ. Хоть завтра.

— Когда я буду готовъ... Да у меня нѣтъ... лошади.

— Можно-бы взять *Самосилка*,—вмѣшался въ разговоръ Михцикъ.

— Молчи, дуракъ! Себѣ бери *Самосилка*.

— Какъ прикажете.

— А это кто? Твой конюхъ?—спросилъ Цедра.

— Это Михцикъ, мой бывшій денщикъ.

— А, Михцикъ... слышалъ о тебѣ, братецъ, много хорошаго. Что же и ты съ нами на войну?

— Если баринъ поѣдетъ, то и я съ нимъ...

— Ну, такъ я васъ обоихъ забираю съ собой. Что это за война будетъ! Всѣмъ войнамъ война!

Рафаилъ долго молчалъ.

Наконецъ, отвернувшись отъ Цедры, онъ съ усиліемъ проговорилъ:

— Куда ни шло! Ѣду съ тобой и я!..

Въ половинѣ августа корпусъ Князя Іосифа Понятовскаго, въ которомъ служили Цедра и Ольбромскій, соединился подъ Оршей съ Великой Арміей! *)

Конецъ.

---

*) *Отъ редакціи.* Романъ «Пепелище» въ томъ видѣ, какъ онъ печатался въ нашемъ журналѣ, есть не полный переводъ произведенія Ст. Жеромскаго, а сокращенное его изложеніе.

*
* *

Городъ жестокій, городъ безумный,
Прòклятый всѣми, никѣмъ нелюбимый!
Пришелъ изъ страны я родимой
На праздникъ твой шумный
Съ робкимъ привѣтомъ и низкимъ поклономъ
Нивъ истощенныхъ,
Съ ропотомъ смутнымъ и сдержаннымъ стономъ
Всѣхъ угнетенныхъ.

Городъ жестокій, городъ огромный!
Вѣсти несу я изъ дальней дороги:
Пиръ свой справляй безъ тревоги—
Тихо въ странѣ моей темной...
Ходитъ въ ней голодъ съ нуждою суровой,
Люди въ ней тяжкою долей забиты;
Нивы слезами и кровью политы,
Рабскою кровью, дешевой!

В. Башкинъ.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Очеркъ.

I.

Ученье кончилось; лошадей увели; офицеры разъѣхались; манежъ опустѣлъ. Полковникъ Прейеръ, отдавая приказанія вахмистру, подошелъ къ своимъ санямъ; поручикъ Озерскій, дежурный по бригадѣ, провожалъ его.

Отпустивъ вахмистра и уже откинувъ медвѣжью полость саней, полковникъ спросилъ дежурнаго офицера по-французски:

— Есть у васъ револьверъ?

— Дома—есть.

— Какой системы?

— Лёфоше.

Прейеръ съ минуту подумалъ: морщины набѣжали на обширный лобъ его обширнаго лица, и въ полголоса проговорилъ въ свои бѣлокурые усы:

— Ça ne va pas... Лучше бы Кольта. Эти бьютъ и дальше, и вѣрнѣе.

— Если прикажете, я куплю завтра, какъ только смѣнюсь съ дежурства.

Лицо полковника чуточку прояснилось.

Онъ былъ очень мягкій и благовоспитанный, а по тому времени и по своему положенію, начитанный человѣкъ.

— Да. Это прекрасно. Только—знаете что? Было бы еще лучше, если бы вы распорядились купить револьверъ сегодня же... И... и держали бы его при себѣ на дежурствѣ нынче ночью.

Озерскій нѣсколько удивился, но взялъ подъ козырекъ: дескать, будетъ исполнено.

Полковникъ, уже занесшій ногу въ сани, замѣтилъ изумленіе въ глазахъ дежурнаго, протянулъ ему свою широкую руку и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Знаете: береженаго Богъ бережетъ... И... и еще знаете: ночью оставайтесь по уставу въ формѣ... пожалуйста... C'est serieux...

Сани съ полковникомъ укатили по желтоватому мартовскому снѣгу. Андрей Озерскій черезъ конюшню прошелъ въ солдатскія кухни, попробовалъ солдатскій обѣдъ, хлѣбъ и квасъ; сдѣлалъ кой-какія замѣчанія и распоряженія; приказалъ своему рейткнехту *) отнести домой записку, въ которой просилъ семейныхъ купить немедленно и прислать ему Кольтовскій револьверъ. Затѣмъ онъ направился въ дежурную комнату; тамъ, снявъ каску, опустился въ покойное кресло между окномъ и столомъ, заваленнымъ газетами, журналами, толстыми и тонкими, между которыми выглядывали розоватая книжка *Revue des deux Mondes*, сѣровато-желтый томикъ *Edinburgh Review* и пламенная обертка нѣмецкаго *Rundschau*.

Рядомъ съ дежурной была другая большая комната, бригадная библіотека, обильная и хорошо пополняемая журналами и книгами. Озерскій не игралъ въ карты и вечера дежурства по бригадѣ, въ каждые 8 или 10 дней разъ, посвящалъ чтенію послѣднихъ толстыхъ журналовъ. Онъ развернулъ было еще почти дѣвственную мартовскую книжку „Современника", но не начиналъ читать; задумался. Ему пришелъ на умъ разговоръ съ полковникомъ.

— Что это Прейеру понадобился Кольтовскій револьверъ? Отчего не раздѣваться ночью? Положимъ, по закону дежурный, вообще, раздѣваться не имѣетъ права, но обычай—деспотъ... Вездѣ и всегда дежурные офицеры ложатся спать ночью. Имъ откровенно стелятъ постель... Прейеръ самъ въ молодости спалъ вонъ на этомъ обширномъ сафьянномъ диванѣ; только пружины съ тѣхъ поръ стали нервнѣе и музыкальнѣе. Зачѣмъ-же мнѣ не спать и быть на чеку?... Береженаго и Богъ бережетъ?

— Ба! да то-же выраженіе я и вчера слышалъ,—вспомнилъ Андрей, взглянувъ въ окно на огороды, въ которыхъ ярославскіе мужики что-то сѣяли, сажали въ парники, чернѣвшіе среди осѣвшаго снѣга и слегка дымившіеся наземнымъ паромъ...—Это вотъ что! Это воля!..

И сердце молодого человѣка какъ-то боязно, но сладостно ёкнуло. Но онъ въ ту же минуту чуть не вслухъ разсмѣялся, вспомнивъ подробности вчерашняго вечера.

Онъ былъ въ гостяхъ у отцовскаго товарища, бойкаго и бойко дѣлавшаго карьеру, генерала К—го, который былъ из-

---

*) Солдатъ, приставленный къ уборкѣ лошадей даннаго офицера.

вѣстенъ своими передовыми взглядами. А въ то время это очень цѣнилось даже въ высшихъ сферахъ.

Однажды К—й сидѣлъ у императрицы Маріи Александровны; ея могущественный супругъ, незамѣтно войдя въ комнату, взялъ генерала сзади за плечи и, ласково приказавъ не вставать, спросилъ:

— Est-ce vrai ce qu'on me dit: vous êtes rouge?

На что генералъ отвѣтилъ:

— Sire rouge—non, mais rose-si.

Лицо К—го всегда было кирпично-розоваго цвѣта. Отвѣтъ походилъ столько же на признаніе въ либерализмѣ, сколько на каламбуръ, и произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Вотъ у этого-то генерала Андрей Озерскій провелъ вечеръ наканунѣ. Тамъ, какъ вообще въ Петербургѣ, уже узнали, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ подписанъ еще 19-го февраля, но будетъ объявленъ въ одно изъ ближайшихъ воскресеній, вѣроятнѣе всего, 5-го марта.

У К—го была красивая, хорошо сохранившаяся жена и подростки-дочери. Въ его домѣ собиралось много военныхъ, не мало молодежи. Бо̀льшая часть общества радостно встрѣчала вѣсти о близости мужицкой воли. Но были и такіе, что чего-то опасались. Не личнаго помѣщичьяго разоренья, — а чего-то болѣе рѣзкаго и заранѣе трудно опредѣляемаго. Самъ розовый генералъ, дѣятельный членъ одной изъ видныхъ реформенныхъ коммиссій, подсмѣивался надъ опасеніями и разсказалъ, между прочимъ, анекдотъ. Надняхъ, на раутѣ въ одномъ изъ „маленькихъ дворцовъ", старый принцъ О—й, весьма къ нему благоволящій, конфиденціально совѣтовалъ припрятать на время въ вѣрное мѣсто свои денежныя бумаги, серебро, вообще, цѣнности. И даже милостиво предлагалъ помѣстить все это въ подвалы своего собственнаго дворца въ Петербургѣ.

— А у меня какія же драгоцѣнности? Жену и шестерыхъ дѣтей къ принцу въ подвалъ не спрячешь,—закончилъ розовый генералъ и весело смѣялся. Одинъ изъ его товарищей, почти сановникъ, строговато замѣтилъ:

— On ne sait jamais, mon ami... Береженаго и Богъ бережетъ.

То же, что сейчасъ сказалъ Озерскому полковникъ.

Все это Андрей теперь припомнилъ. Онъ почувствовалъ приливъ симпатіи къ генералу К—му. Сердце его трепетало радостью при мысли о томъ, чего можно ожидать завтра...

— И зачѣмъ имъ эти револьверы? И зачѣмъ мнѣ не спать сегодня ночью? Чего беречься, кого бояться передъ такимъ радостнымъ днемъ?.. — разсуждалъ онъ теперь, сидя на дежурствѣ.

Озерскій нервно поёрзалъ въ обширномъ креслѣ и углубился въ чтеніе книжки „Современника“.

Въ сѣняхъ грубо звякнули солдатскія шпоры; вошелъ вахмистръ Рябининъ, статный, красивый, со смуглымъ, смышленымъ, слегка продувнымъ лицомъ.

— Ваше благородіе, командиръ требуетъ къ себѣ ваше благородіе,—отрапортовалъ вахмистръ.

— Куда? Полковникъ вѣдь недавно домой уѣхалъ?

— Такъ точно, ваше благородіе. А сей минутой назадъ вернулись...

Озерскій закрылъ книгу, надѣлъ каску и спустился на казарменный дворъ.

Среди большого, покрытаго грязно-потемнѣвшимъ снѣгомъ, квадратнаго пространства, обставленнаго сѣрыми отъ оттепели казарменными постройками, стояла широкоплечая монументальная фигура въ сѣромъ пальто: Прейеръ разговаривалъ съ бригаднымъ адъютантомъ. Поодаль сгруппировалось нѣсколько фейерверкеровъ.

Въ ту минуту, когда дежурный подходилъ къ этой группѣ, въ ворота двора словно впорхнули съ улицы щегольскія сани-эгоистка; массивный кучеръ быстро осадилъ вороного рысака, изъ саней выскочилъ С—въ, высокій бѣлокурый штабъ-офицеръ, извѣстный всему Петербургу адъютантъ одного изъ высшихъ командующихъ лицъ. Полковникъ Прейеръ, завидя его, зашагалъ на встрѣчу. Сойдясь, оба заговорили въ полголоса, сдержанно, спокойно, но, видимо, озабоченно. Потомъ пожали другъ-другу руки, и С—въ опять вскочилъ въ свои сани съ фыркающимъ рысакомъ.

— Adieu. Donc—c'est entendu?—кинулъ онъ полковнику.

— Bon!—отозвался Прейеръ и сдвинулъ назадъ фуражку, что было у него признакомъ безпокойства.

Крошечныя сани, необъятный кучеръ, горячій рысакъ, длинная сѣрая спина адъютанта и красный съ бѣлыми кантами околышъ фуражки мгновенно скрылись за воротами.

Полковникъ, съ напряженнымъ выраженіемъ своего широкаго, обыкновенно безцвѣтнаго, а теперь разрумянившагося отъ волненія лица, приблизился къ оставленной имъ группѣ. Онъ попросилъ бригаднаго адъютанта тотчасъ же лично сообщить командирамъ двухъ другихъ составныхъ частей бригады, что ему, Прейеру, поручено передать имъ полученныя словесно приказанія его в—ва.

— Къ бригадному генералу, правда, С—въ уже заѣзжалъ...— Прейеръ смутился и замялся.

Бригаднаго генерала за его вялую величавость офицеры

звали архіереемъ. Прейеръ же въ эту минуту, не смотря на свою обычную скромность, считалъ себя призваннымъ спасать отечество.

— И еще,—добавилъ онъ, остановивъ почти бѣгомъ удалявшагося адъютанта:—еще приказано, чтобы наши офицеры оставались весь сегодняшній вечеръ, всю ночь и весь день завтра, въ воскресенье—дома!.. И въ походной, знаете, формѣ... Будьте добры приказать въ канцеляріи написать повѣстки и разослать... До свиданья...

Адъютантъ, поспѣшно шагая по лужамъ, скрылся въ черной пасти канцелярскаго подъѣзда съ неуклюжимъ навѣсомъ изъ листового желѣза. Полковникъ сдвинулъ еще больше кверху свою фуражку и, все еще румяный, взглядывалъ нерѣшительно то на вопросительную фигуру вызваннаго имъ Озерскаго, то на фейерверкеровъ, повидимому, одеревенѣвшихъ—руки по швамъ.

— Поручикъ,—наконецъ, обратился онъ къ дежурному,— вы должны будете распорядиться, чтобы послѣ зари часовые были удвоены; и патрули, — которые, знаете, обходятъ ночью казармы,—тоже надо удвоить...

— Слушаю,—отвѣчалъ дежурный.

— Кромѣ того, распорядитесь, чтобы всю ночь всѣ лошади стояли осѣдланными... Послѣ чистки, знаете, надо будетъ осѣдлать... разумѣется, на ночь—съ распущенными подпругами... И офицерскихъ лошадей тоже осѣдлать.

— Подъѣздковъ?—спросилъ Озерскій.

— Гмъ... подъѣздки?.. Да лучше, знаете, подъѣздки *). Ну, а ты, Опонасенко,—обратился полковникъ къ одному изъ фейерверкеровъ,—сію же минуту озаботься своей частью: на рысяхъ бѣги. Чтобъ сѣдла и все тамъ было въ порядкѣ, въ готовности, чтобъ ни сучка, ни задоринки, когда дежурный офицеръ прикажетъ сѣдлать!.. Маршъ!—прикрикнулъ, принатужась, добрякъ. Окрикъ этотъ, какъ будто, облегчилъ его сердце; краска съ лица немножко сбѣжала... Онъ своимъ уже обычнымъ тягучимъ голосомъ, словно приглашая подчиненныхъ, а не приказывая имъ, промолвилъ:

— А теперь осмотримъ орудія...

Всѣ направились къ сараю.

Завѣдующій имъ фейерверкеръ Марковъ, погремѣвъ ключами, распахнулъ ворота. Орудія, блестящія и веселенькія, покоились на своихъ зеленыхъ веселенькихъ лафетахъ... Полковникъ съ Озерскимъ и двумя фейерверкерами осмотрѣли каждый винтикъ: все оказалось въ исправности.

---

*) Подъѣздками называются лошади менѣе красивыя, такъ-сказать, расхожія. Парадеры—лошади для парадовъ, напоказъ.

— Какъ игрушечки!—замѣтилъ, ухмыляясь, фейерверкеръ Марковъ, смышленый, заботливый, много помогавшій и въ школѣ „просвѣщенію“ солдатъ по части военной науки. Прейеръ любилъ за это Маркова, и Марковъ позволялъ себѣ нѣкоторыя невинныя вольности, въ родѣ сейчасъ сдѣланнаго замѣчанія. Но теперь командиръ, настроенный сурово, строго взглянулъ на своего фаворита и приказалъ открыть сарай съ зарядными ящиками, содержаніе которыхъ въ порядкѣ лежало на обязанности самого Маркова.

— Открывай ящики, Марковъ, — приказалъ командиръ.— Мы осмотримъ, хорошо ли уложены снаряды.

— Снаряды у меня, ваше высокоблагородіе, завсегда въ порядкѣ, — попробовалъ было замѣтить баловень-фейерверкеръ.

— Открывай,—насколько умѣлъ сердито, произнесъ командиръ.

Марковъ сталъ помогать ему и дежурному офицеру повѣрять укладку снарядовъ и, увѣренный въ своей исправности, ухмылялся въ свои нафабренные усы. Все оказалось, какъ всегда, въ порядкѣ.

Прейеръ былъ не шумливый, не строгій, но заботливый начальникъ, по солдатскому выраженію, „до всего доходчивый“. За глаза надъ нимъ подсмѣивались, но всѣ его очень уважали и усердно, охотно исполняли его приказанія. Все содержалось въ образцовомъ порядкѣ.

Результатъ осмотра успокоилъ его. Лицо стало по прежнему безцвѣтно. Однако, морщина озабоченности не сходила съ широкаго лба, едва прикрытаго козырькомъ фуражки. Онъ остановился среди двора, какъ-будто припоминая что-то важное, и вдругъ встрепенулся, когда обвелъ глазами окружавшую его группу: дежурнаго офицера, фейерверкеровъ и двухъ писарей. Онъ взглянулъ на солдатъ врасплохъ, поймалъ усмѣшливую улыбку въ глазахъ Маркова и недоумѣвающіе взгляды другихъ...

— Да,—обратился онъ громко къ Озерскому, — такъ вы исполните все, что приказано. Все это нужно,—и, снова покраснѣвъ, на этотъ разъ отъ необходимости выдумывать не совсѣмъ правдоподобное объясненіе, онъ возвысилъ голосъ, чтобы солдаты слышали. —Нужно намъ отличиться, знаете. Очень можетъ быть, сегодня ночью, либо завтра, вызовутъ всѣ войска по тревогѣ... на смотръ, знаете. Мы должны быть на мѣстѣ, на смотру, т. е., первыми... Прощайте, ребята,—уже прямо къ солдатамъ обратился Прейеръ и подумалъ: „повѣрили ли они мнѣ или нѣтъ?“

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе!—откликнулись фейерверкеры и писаря.

Послѣ угрюмаго слякотнаго мартовскаго дня, быстро спускалась преждевременная ночь. Вѣтеръ метался изъ стороны въ сторону и сулилъ не то полную ростепель, не то гололедицу.

Андрей Озерскій бродилъ по лужамъ унылыхъ казарменныхъ дворовъ, наблюдая за выполненіемъ полученныхъ приказаній; распорядился нарядомъ двойныхъ патрулей и часовыхъ, пошелъ въ офицерскую конюшню взглянуть, осѣдланъ ли его подъѣздокъ.

Скудные масляные фонари еще не были зажжены. Три, стоявшія около угла конюшни, солдатскія фигуры не замѣтили въ густыхъ сумеркахъ приближенія офицера.

— Сказками кормятъ, — долетѣлъ до него знакомый голосъ фейерверкера Маркова.—По тревогѣ, говоритъ, смотръ будетъ. Видано ли, чтобы на городскомъ смотру заряды и картечь понадобились. То-то вотъ...

— Да и офицерамъ не подъѣздковъ, а парадёровъ велѣно было бы сѣдлать, кабы на смотръ, — отозвался другой голосъ.

— Извѣстно...

— Ничего этого не понадобится,— согласился третій голосъ.

Остальные что-то пробурчали, видимо, соглашаясь.

Озерскій прошелъ въ дежурную комнату, гдѣ рейткнехтъ подалъ ему ящикъ съ новымъ револьверомъ Кольта, а при немъ записку дѣда:

„Револьверъ я тебѣ велѣлъ сейчасъ же купить,—писалъ старикъ, — попросилъ Николая Антоновича выбрать у Вишневскаго. Николай Антоновичъ знаетъ толкъ; недаромъ стрѣлковый капитанъ. Заплатилъ 45 рублей. Но, по моему разумѣнію, деньги на вѣтеръ брошены. Никакихъ револьверовъ не нужно: Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ. А, главное, не за что и ѣсть-то.“

Это же самое, только по другимъ, чѣмъ дѣдъ, мотивамъ, полагалъ и Андрей. Онъ самъ испытывалъ какое-то теплое волненіе, а вовсе не страхъ.

II.

Настало сѣренькое утро, и небо было сѣренькое, низенькое, какъ вчера. Лужи позатянуло ледяной корочкой; рыхлый, желтый снѣгъ немножко сплотило за ночь. Парники въ огородахъ у ярославцевъ были прикрыты рогожами. Значитъ, ярославцы ждутъ, что еще посвѣжѣетъ. Вѣтеръ былъ слабѣе, но устойчивѣе вчерашняго.

Озерскій провелъ ночь, не раздѣваясь; два раза обхо-

дилъ казармы, провѣрялъ часовыхъ и патрули. Теперь онъ умылся, опять обошелъ казармы и, вернувшись въ дежурную, подошелъ къ окну. По улицѣ шагала рота пѣхотнаго полка, безъ музыки, въ походной формѣ.

— Иванчукъ! — крикнулъ онъ солдата, служившаго при дежурной комнатѣ.

Нескладный Иванчукъ выросъ передъ дежурнымъ изъ-за перегородки, руки по швамъ. Онъ всегда имѣлъ недомогавшій и недоумѣвающій видъ.

— Ты не знаешь, куда эта рота идетъ?

— Не могимъ знать, ваше благородіе.

— Позови вахмистра.

Вахмистръ вошелъ, звякая шпорами и шашкой. Онъ исправно былъ одѣтъ по походному, гладко выбрился и внушительно нафабрилъ усы.

— Рябининъ, куда это рота идетъ?

— Къ Рождеству въ церковь, на Пески, ваше благородіе.

— Ты знаешь—зачѣмъ?

— Высочайшій манифестъ, сказываютъ, будутъ читать,— отрапортовалъ вахмистръ равнодушно, точно рѣчь шла о чисткѣ лошадей.

Озерскій понялъ, въ чемъ дѣло, и отпустилъ Рябинина.

Черезъ нѣсколько минутъ забѣжалъ въ дежурную его пріятель, адъютантъ, запыхавшійся и тоже радостный, далъ Андрею экземпляръ манифеста; не удержался—обнялъ и поцѣловалъ товарища. У обоихъ словно влага выступала на глаза. Онъ ушелъ, объяснивъ, что во всѣхъ церквахъ, послѣ поздней обѣдни, читаютъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что мелкіе отряды пѣхоты расположены почти около всѣхъ церквей.

Оставшись одинъ, Озерскій не успѣлъ еще прочитать волновавшія его строки, какъ явился ему на смѣну поручикъ баронъ Э. Баронъ былъ старше Озерскаго и богачъ; въ Петербургѣ вращался въ высшемъ свѣтѣ, много танцовалъ и считался положительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Что, Озерскій, тоже манифестъ читаешь? Это хорошо,— вяло, но со своей всегдашней свѣтско-привѣтливой улыбкой маленькихъ темныхъ глазъ, сказалъ Э. и, бросивъ шинель съ богатыми бобрами на диванъ, сталъ охорашиваться передъ простѣночнымъ зеркаломъ.

— Что ты говоришь? Хорошо... да вѣдь это радость!.— съ упрекомъ воскликнулъ Озерскій.

— C'est selon; изъ-за этой радости я вчера вечеромъ, какъ, впрочемъ, и всѣ мы, по волѣ высшаго начальства, просидѣлъ дома, тогда какъ былъ званъ на вечеръ въ

М—скимъ... Ну, а всетаки дѣло хорошее, потому что Россія вылѣзла, наконецъ, изъ непристойной шкуры рабовладѣльчества; хоть и не безъ изъяну для нашего кармана, но всетаки мы вылѣзли... А то грѣшно было европейцамъ въ глаза смотрѣть... За границу стыдно было показаться. Пора, пора!.. Je suis de ton avis...

Озерскій возвращался съ дежурства домой около 11 часовъ. Позднія обѣдни еще не отошли. Ему надо было проѣзжать по Конной площади, мимо церкви Знаменья; далѣе вдоль Лиговки, потомъ направо, въ Коломенскую улицу, которая теперь составляетъ нѣсколько отклоненное продолженіе Пушкинской (въ тѣ времена еще не существовавшей). Вся эта мѣстность, хотя и цивилизованная, соприкасалась около Лиговки за Коломенской съ народными, такъ сказать, сферами: съ приходомъ Іоанна Предтечи, по старинному Ямской слободкой, со знаменитой въ екатерининскія времена областью Глазова кабака, на Разъѣзжей. Самъ Глазовъ кабакъ, правда, давно уже не существовалъ, но около его пепелища, между Лиговкой и Николаевской (тогда Грязной) улицей и около мясного рынка, существовало за то нѣсколько его преемниковъ, торговавшихъ бойко. Около нихъ по праздникамъ густо шатались посѣтители въ разныхъ градусахъ подпитія; раздавались пѣсни, бабьи взвизгиванія; сквернословіе и пьяныя объясненія въ дружбѣ и любви. И народъ тутъ все жилъ простой. Особенно много разныхъ мастеровыхъ, извозчиковъ, плотниковъ, каменьщиковъ и проч., приходящихъ въ Питеръ на заработки артелями. Словомъ, населеніе этого уголка столицы, казалось, не могло бы не интересоваться великимъ переворотомъ. Озерскій рѣшилъ сдѣлать изрядный крюкъ, чтобы взглянуть на эти палестины. Сначала онъ думалъ идти пѣшкомъ; но, не доходя до Знаменья, соблазнился извозчикомъ. Широкоплечій, сутуловатый ямбургскій мужикъ, лѣтъ 50,—предложилъ ему свои услуги; глядѣлъ онъ смышленно и какъ будто любознательно, даже вопросительно, словно хотѣлъ что-то узнать отъ „вашего сіятельства“. По крайней мѣрѣ, такъ показалось Озерскому. Небо прояснилось; уличное движеніе было обыкновенное—раннее праздничное. Развѣ что полицейскіе встрѣчались чаще, да около кабаковъ и харчевень было чуточку оживленнѣе. У Знаменья тоже все по обыкновенному, хотя около паперти стояла небольшая толпа, какъ будто, чего-то чающая. Извозчикъ раза два молча оглянулся на сѣдока; Озерскій не утерпѣлъ и заговорилъ самъ.

— Царскій манифестъ читаютъ въ церкви.

— Сказываетъ народъ, что читаютъ; да кто его знаетъ,— какъ бы съ опаской пробормоталъ въ бороду мужикъ.

— Какъ: кто знаетъ? Всѣ знаютъ: царскій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

— Эвона что. А народъ вретъ, о волѣ будто-бы, — недовѣрчиво произнесъ старикъ, вскользь взглянувъ на сѣдока.

— О волѣ и есть. Крѣпостныхъ больше не будетъ.

И, усиленно стараясь сдерживать волненіе (отъ котораго Андрей весь этотъ день не могъ освободиться и словно захлебывался), онъ передалъ извозчику краткое содержаніе манифеста и нѣкоторыя главныя, извѣстныя ему ранѣе, правила Положенія 19-го февраля. Ямбуржецъ не оборачивался, но слушалъ внимательно, казалось, не только ушами, полузасунутыми въ шапку, но всей своей широкой, сутуловатой спиной. Когда же Озерскій смолкъ, то мужикъ опять сидѣлъ понуро и молчалъ.

Сани тащились уже по ямской части Лиговки. Налѣво за ней высилась церковь Іоанна Предтечи. За просторной оградой сѣрѣла, словно притаившаяся, рота солдатъ. Народъ выходилъ уже изъ храма; толпа была тутъ, какъ будто, нѣсколько многолюднѣе и оживленнѣе обыкновеннаго. Справа, по набережной узкаго канала, тянулись одна за другой деревянныя постройки, извозчичьи дворы, очень неприглядные, особенно въ мартѣ, когда начинали проявляться изъ-подъ тающаго снѣга конюшенные отбросы и кучи нечистотъ, въ тѣ времена не вывозившіяся изъ города зимой. Тутъ было много кабаковъ и харчевень. Двери этихъ заведеній хлопали, взвизгивали на блокахъ, дребезжали стеклами. Слышалась уже увертюра праздничнаго масляничнаго дня. Вообще же, „все обстояло благополучно", какъ въ тѣ времена дежурные рапортовали начальству, даже и тогда, когда только что случилось въ полку убійство или пожаръ. Сегодня случилось не несчастье, а великая радость. Обыденность уличной физіономіи была досадна Озерскому, какъ и понурое молчаніе ямбургскаго извозчика.

— Ну, такъ какъ же ты думаешь?—спросилъ у него, наконецъ, Андрей.

— Чего?

— Да вотъ объ освобожденіи... О манифестѣ?

— Думаю! Какъ не думать, — чуть слышнымъ хрипомъ, нехотя, отвѣчалъ старикъ.

— Что-жъ ты думаешь?

— Да хорошо, кабы этакъ-то...

— Будетъ такъ. Это, братъ, дѣло рѣшеное.

— Будетъ! Ну, слава Богу. Никто какъ Богъ...—прохрипѣлъ мужикъ и еще крѣпче погрузился въ думу. Онъ, вѣ-

роятно, безсознательно, сталъ размѣренно хлестать по своей и безъ того довольно добросовѣстно трусившей буланой лошадкѣ.

Озерскому въ словахъ ямбуржца послышалось что-то недовѣрчивое. Такъ человѣкъ, многіе годы подавленный недугомъ, ожидавшій долго, томительно, но напрасно обѣщаннаго облегченія, уже не вѣритъ своимъ собственнымъ отраднымъ ощущеніямъ, когда чаемое осуществляется.

Ямбургскій старикъ, какъ выяснилось изъ отрывочнаго и тугого съ нимъ разговора, готовъ былъ вѣрить, что такой новый хорошій законъ написанъ царемъ и прочитанъ въ церкви, что этотъ законъ и дѣйствовать, пожалуй, будетъ. Но мужикъ не былъ увѣренъ, чтобы такой законъ долго продержался: опять-де его поворотятъ назадъ... Это какъ и безъ воли бывало: при хорошемъ баринѣ, да на легкомъ оброкѣ иной разъ думаешь, что никакой тебѣ воли не надо. А глядишь—либо баринъ продастъ мужиковъ; либо поставитъ надъ ними какого чорта управляющаго, а не то и старосту, своего же брата. И опять узнаешь Кузькину мать... Ну, и насчетъ земли тоже думно на умѣ... Сколько еще ея дадутъ; да, главное, гдѣ ее ему, Ивану Петрову, дадутъ? Если на Лисьей Норкѣ сѣнокосъ за бариномъ оставятъ, такъ ужъ какая тутъ воля!..

IV.

Когда Андрей пріѣхалъ домой, у воротъ его встрѣтилъ обычнымъ поклономъ, обнаживъ свою лоснящуюся лысину, уважаемый въ околоткѣ дворникъ Платонъ.

Черезъ окно подвальнаго этажа онъ видѣлъ степеннаго, тупого, но исполнительнаго дѣдовскаго городского управляющаго Емельяна Васильевича, который, вернувшись отъ обѣдни, пилъ чай съ просфорой въ своей комнатѣ. Сынъ его, красивый выѣздной лакей барыни, убиралъ отцовскую енотовую шубу съ барскаго плеча.

На дворѣ кучеръ мелъ около конюшни. Казачекъ Ефимка бездѣльничалъ и кувыркался по галлереѣ надъ сараями, а старая няня Моня стояла на крыльцѣ, словно лаяла, ругая шалуна.

Картавая, кокетливая горничная Катя съ визгливымъ хохотомъ, увернувшись отъ кого-то изъ дворовыхъ ловеласовъ, сбѣгала по внѣшней крытой лѣстницѣ въ людскую, шумя накрахмаленными юбками и розовымъ ситцемъ платья.

Все было, какъ всегда. А развѣ сегодня всегда? Особенно для этой крѣпостной челяди.

Старый домъ, особнякъ съ просторнымъ садомъ въ глубинѣ двора, былъ построенъ еще пра-прадѣдомъ Андрея съ материнской стороны, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, по преданію, еще при Петрѣ Великомъ стояла чухонская кирка. Покойникъ былъ, хотя и не выдающимся, но все-таки вельможей екатерининскаго двора. Четверо дворянско-помѣщичьихъ поколѣній тутъ прожили. Андрей Озерскій былъ піонеромъ пятаго. Пра-прадѣдъ, построившій этотъ домъ, читалъ Вольтера, съ которымъ, какъ извѣстно, переписывалась матушка Екатерина Алексѣевна. Дѣдъ Андрея Вольтера не читалъ, но не злоупотреблялъ своимъ крѣпостнымъ правомъ; его мужики не бѣдствовали, изъ 900 душъ 700 было оброчныхъ. Но отмѣну крѣпостного права въ Россіи считалъ онъ столь же неестественнымъ явленіемъ, какъ восходъ солнца съ запада. Такое убѣжденіе онъ поддерживалъ всю свою жизнь цѣлымъ арсеналомъ доказательствъ, не лишенныхъ традиціоннаго остроумія и даже сословной логики. Когда же, въ 1860 г., старикъ понялъ неизбѣжность переворота, то подчинился ему, какъ неизбѣжности, однако, не безъ ворчливаго протеста. „Я всѣ свои маятности въ Россіи продамъ и уѣду жить къ нѣмцамъ, можетъ быть, тамъ и имѣнье куплю“,—часто говаривалъ онъ въ то время.

Внукъ его, утромъ 5-го марта 1861 г., весело взбѣжалъ по полукруглой лѣстницѣ стараго дома. Онъ даже не думалъ въ это утро, какъ его семья отнеслась къ великому событію; въ головѣ его какъ-то торжественно повторялось: „И рабство, падшее по манію царя!..“

Ему отперъ дверь всегда блѣдный и угрюмый, съ впалыми щеками, молодой лакей Михайло; шинель суетливо снялъ метнувшійся въ переднюю балагуръ Сенька. Этотъ, какъ всегда, улыбался молодому барину словно Христову Воскресенью. Сквозь полутемный корридоръ, Андрей видѣлъ просторную лакейскую комнату, гдѣ обыкновенно засѣдала домашняя прислуга.

Любознательный Евграфъ Иванычъ (его и господа иногда такъ величали), самоучкой добившійся нѣкотораго знанія медицины и латыни, сидѣлъ у окна, уткнувъ свой острый, какъ бубновый тузъ, прямоугольный, носъ въ толстую старую книгу, какихъ у него было не мало. Онъ покупалъ ихъ на деньги, пріобрѣтаемыя медицинской практикой и хранилъ въ отведенной ему особой комнатѣ полуподвальнаго этажа, вмѣстѣ съ запасомъ разныхъ медикаментовъ. Его перезрѣлая, расплывшаяся сестра Настасья, камерфрау барыни, пила въ уголку кофе съ молодымъ лакеемъ Николашкой и исподтишка кидала на него нѣжные взгляды. Все это были крѣпостные дѣда. Озерскій бѣгло, но зорко

вглядывался въ нихъ, но никакого особеннаго настроенія не усматривалъ...

Маленькій плюгавенькій парень, портной Иванъ, былъ, по воскресному обычаю, слегка клюкнувши. Въ такомъ положеніи онъ проникался непреодолимой нѣжностью къ горничной Катѣ и, встрѣчая съ ея стороны „отпоръ суровый", шелъ къ господамъ, кланялся имъ въ ножки и, стоя на колѣняхъ, слезно молилъ, чтобы его повѣнчали съ жестокосердой дѣвицей.

— А что, Ваня,—шутливо замѣтилъ Озерскій, проходя мимо комнаты, гдѣ тотъ что-то спѣшно утюжилъ, ужъ теперь господа не могутъ выдать за тебя Катю. Пусть она сама тебя полюбитъ...

— Андрей Григорьевичъ, батюшка, господа всегда могутъ... Всегда это будетъ ихъ воля,—словно взмолился сиплымъ голосомъ влюбленный простакъ...

Евграфъ Иванычъ почтительно приподнялся и поклонился съ значительнымъ видомъ, не закрывая своей патологіи. Андрей замѣтилъ, что около Евграфа лежала сегодняшняя газета; и это ему было пріятно: значитъ, хоть Евграфъ поинтересовался.

Старикъ дѣдъ ходилъ взадъ и впередъ по амфиладѣ парадныхъ комнатъ и въ задумчивости, по привычкѣ, поскабливалъ зубами ноготь большого пальца. Бабушка,—вѣчно кашляющая, сухонькая,—сидѣла въ обычномъ углу дивана, около мраморной колоннки съ канделябромъ, и язвила свою любимицу горничную за плохо разглаженный рюшевый чепчикъ. Язвила даже болѣе обыкновеннаго, словно въ отмѣстку за то, что горничная стала вольной. Дѣвушка, по обыкновенію, молчала и, по обыкновенію, чуть замѣтно добродушно и снисходительно улыбалась. Старуха прежде на эту улыбку не обращала вниманія, но нынче не выдержала и уязвила горничную, шпилькой, до которыхъ была охотница.

— Поживите, поживите на волѣ. Увидимъ — лучше ли вамъ будетъ... Сами станете барынями, кто-то васъ только кормить будетъ.

Добродушная Феня слегка улыбнулась своими пѣгими глазами и спокойно удалилась, шурша юбками. Дѣдъ съ укоризной поглядѣлъ на жену.

Мать Озерскаго тоже была въ маленькой гостиной, на своемъ обычномъ креслѣ; вязала, какъ всегда, что-то большое шерстяное. Лицо, обращенное къ сыну, выражало тревогу и желаніе узнать: что же, наконецъ? Дѣдъ, поздоровавшись съ внукомъ, спросилъ его, получилъ ли онъ ре-

вольверъ, и, выслушавъ разсказъ молодого человѣка о принятыхъ начальствомъ предосторожностяхъ, воскликнулъ:

— И чего они только боятся? Народу-то чѣмъ же возмущаться!..

Андрей пошелъ въ свои комнаты переодѣться. Комнаты находились во второмъ этажѣ, рядомъ съ половиной дѣда, куда вела особая лѣстница изъ передней.

Молодой человѣкъ едва облекся въ походную форму, какъ услышалъ, что дѣдъ идетъ къ нему. Старикъ рѣдко заходилъ къ внуку, не желая стѣснять его.

На этотъ разъ онъ заглянулъ, какъ будто для того, чтобы узнать, годится ли купленный вчера револьверъ.

Покуда мазурикъ Сенька, съ преувеличеннымъ усердіемъ приводилъ въ порядокъ платье барина, Ковалевъ разговаривалъ о безразличныхъ предметахъ. Сенька суетился, но нарочно затягивалъ уборку, чего-то ожидая, что-то, видимо, желая услышать. Его масляные каріе глаза пытливо, чуточку даже нагло наблюдали за господами. Но ничего не дождавшись, онъ долженъ былъ уйти, спускаясь съ лѣстницы, громко вздохнулъ.

Когда послышался звукъ запираемой имъ внизу двери, старикъ Ковалевъ опять сталъ разспрашивать вполголоса Андрея о томъ, что ему извѣстно насчетъ сдѣланныхъ по войскамъ распоряженій на сегодня. Тотъ разсказалъ, что зналъ. Но умный старикъ былъ сердито взволнованъ, хотя сдерживался. Онъ только слегка нервно потопывалъ носкомъ праваго сапога, да грызъ ноготь большого пальца, покуда слушалъ внука, а когда тотъ кончилъ, медленно произнесъ:

— Царю нечего бояться народа... А дворянство?.. Гмъ... Когда покойный Николай Павловичъ рѣшилъ почти это дѣло, Меньшиковъ и Орловъ на колѣняхъ умоляли его отмѣнить, не возбуждать противъ себя дворянство. Они довели и государыню до такой тревоги, что она просила супруга... Въ тѣ годы еще можно было опасаться дворянскаго вліянія, а нынче... не важная мы сила, особенно съ сегодняшняго дня...

Ковалевъ махнулъ рукой и, пройдясь по комнатѣ, прибавилъ:

— Вотъ намъ, самимъ помѣщикамъ, надо бы остерегаться. Мы межъ двухъ огней: и сверху, и снизу. Надо остро ухо держать.

— Только не вамъ, дѣдушка. Вы не злоупотребляли...

Озерскій не договорилъ. Его точно кольнули въ сердце воспоминанія, почти младенческія. Дѣдъ, дѣйствительно, не злоупотреблялъ, но отецъ...

Теперь отецъ Андрея давно не живетъ съ семьей. У него

уже нѣсколько лѣтъ, какъ нѣтъ крѣпостныхъ. И слава Богу.

Слава Богу! А между тѣмъ, онъ, по своему образу мыслей, менѣе крѣпостникъ, чѣмъ его тесть Ковалевъ. Онъ весьма просвѣщенный человѣкъ, прослушалъ курсы двухъ высшихъ учебныхъ заведеній; не ради какой-либо профессіи, а изъ любви постоянно слѣдилъ за наукой, дружилъ съ ея передовыми людьми; даже устроилъ въ своемъ домѣ, на Сергіевской, лабораторію, которой нѣкоторые изъ нихъ могли пользоваться. Его библіотека была обширна, толково составлена: энциклопедисты и философы стояли рядомъ съ лучшими того времени французскими и нѣмецкими сочиненіями по естествознанію и точнымъ наукамъ. Онъ любилъ искусство, понималъ его; самъ недурно рисовалъ акварелью. Въ молодости былъ интереснымъ собесѣдникомъ, въ свѣтскомъ обществѣ persona grata.

Но человѣкъ онъ былъ слабохарактерный, вспыльчивый, властолюбивый, мелочный, не умѣвшій владѣть собой. „Ума у него много, а разсудка мало“,—говаривала про него теща, бабушка Андрея. Онъ рано прожилъ свое довольно большое состояніе, хотя не кутилъ, не игралъ въ карты, не тратился ни на женщинъ, ни на лошадей. Прожилъ потому, что никогда не умѣлъ считаться ни съ расходами, ни съ увлеченіями,—хотя бы и научными.

Въ семейной жизни онъ былъ болѣе, чѣмъ тяжелъ. То, ни съ того, ни съ сего, порывисто ласкалъ жену, сына; то, такъ же порывисто, грубо сердился, по самому ничтожному поводу придирался, терзалъ и ихъ, и всѣхъ окружающихъ, а въ свои особенно желчные часы былъ необузданно злобенъ.

Съ мучительной отчетливостью представилась теперь Андрею одна сцена.

Вечеръ. Кабинетъ отца; по стѣнамъ англійскія гравюры съ лучшихъ картинъ итальянской школы. Два огромныхъ шкафа съ книгами; между ними прижавшійся къ стѣнѣ человѣческій скелетъ, на шкафахъ—бюсты Сократа, Лапласа, Ньютона, Вольтера. По срединѣ комнаты большой столъ съ журналами, брошюрами, раскрытымъ альбомомъ картинъ Гогарта.

Большая лампа не зажжена; на письменномъ столѣ горитъ наскоро принесенная изъ передней свѣча, скудно и непривычно освѣщая красивую обстановку, плачущую тихими слезами мать Андрея въ креслѣ у окна. Мужъ привелъ ее сюда насильно. Къ ней, страдалицѣ, жмется онъ, мальчикъ, по шестому году, помертвѣвшій отъ ужаса и жалости къ мамѣ и Иришѣ.

Ириша, молодая, любимая горничная матери, привязана, загнутыми за спину руками къ запертой въ лабораторію двери. Она истерзана побоями, едва переводитъ духъ, глаза закатываются, платье въ клочьяхъ. На полу валяются темно-русыя пряди ея волосъ, вырванныя бариномъ, и черешневый чубукъ, изломанный имъ на плечахъ несчастной.

Отецъ наказываетъ дѣвушку за то, что она отнесла письмо своей барыни къ ея отцу, дѣду Андрея, съ которымъ зять былъ въ ссорѣ.

Ириша теряетъ сознаніе; ея тѣло опускается наискось, поддерживаемое руками, которыя привязаны къ дверной ручкѣ; лицо синѣетъ...

— Воды!—рычитъ отецъ.

Лицо его совсѣмъ желтое. Испуганная прислуга мечется безъ толку; баринъ хватаетъ со стола большой хрустальный графинъ съ водой, опрокидываетъ его надъ головой своей жертвы и злостно пристукиваетъ имъ ее по темени, шипитъ сквозь скрежещащіе зубы...

— Не околѣетъ!

Мать Андрея вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ...

Юношей, когда Андрей жилъ уже у дѣда, вспоминая эту и многія подобныя сцены, онъ вздрагивалъ, холодѣлъ, проникался жалостью къ жертвамъ отца, негодованіемъ къ мучителю, ненавистью къ узаконенннному праву—истязать...

Дѣдъ, Ковалевъ, тоже былъ вспыльчивъ, но умѣлъ владѣть собой. Онъ иногда наказывалъ людей, случалось ошибался, но никогда не истязалъ и даже никого не билъ самъ. Внукъ цѣнилъ въ немъ эту относительную мягкость, и вотъ почему сказалъ теперь: вы не злоупотребляли своимъ правомъ...

Дѣдъ простоялъ съ минуту посреди комнаты, какъ будто что-то вспоминая...

— Всяко бывало; какъ кому кажется... Да все равно ужъ, коли что начнется, такъ всѣхъ насъ подъ одну мѣрку подтянутъ... Большая метла не разбираетъ: и добро вмѣстѣ съ соромъ за порогъ тащитъ.

Помолчавъ съ минуту, онъ обратился къ внуку:

— Пойдемъ-ка, посмотримъ, что тамъ за „Положенія"; ко мнѣ квартальный сегодня утромъ принесъ цѣлый ворохъ. Во всѣ дома разносилъ.

— И вы еще ихъ не просмотрѣли, дѣдушка?—не то съ упрекомъ, не то съ сожалѣніемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ. Я до тебя не хотѣлъ ихъ трогать...—отвѣчалъ дѣдъ, и голосъ его чуть дрожалъ.

Ковалевъ не былъ трусомъ, онъ за Наваринскій бой, гдѣ былъ раненъ, имѣлъ Владиміра, но Андрей понялъ, что старому душевладѣльцу было страшно, пуще чѣмъ до пороха, дотронуться до новаго закона, которымъ взорвало крѣпостное право, а можетъ взорвать и больше...

Они перешли на половину дѣда въ его уютную спальню. Кабинетъ его стоялъ всегда пустой, если не было гостей. Онъ почти жилъ въ спальнѣ. Изъ оконъ ея видно было все городское на старинный крѣпостной ладъ хозяйство: сараи, конюшни, большой флигель, длинная галлерея, изъ которой двери вели въ разныя кладовыя, сѣновалы, сушильни, кухня; садъ въ глубинѣ двора, въ саду осѣненный вѣковымъ дубомъ, помѣстительный павильонъ, въ которомъ екатерининскій вельможа, дѣдъ настоящаго хозяина, проводилъ иногда лѣто вмѣсто деревни или дачи. Въ тѣ времена эта часть Петербурга носила загородный характеръ. Все это вмѣстѣ составляло нѣчто въ родѣ миніатюрной усадьбы. Ковалевъ любилъ заниматься хозяйствомъ; любилъ аккуратность, экономію; за всѣмъ наблюдалъ самъ не только въ своей большой Н—й усадьбѣ, Липникѣ, но и въ Петербургѣ. Онъ считалъ необходимымъ жить прилично своему званію, состоянію и роду, но не допускалъ въ жизни и обстановкѣ никакихъ излишествъ; держался немножко даже преувеличенно правила „по одежкѣ протягивай ножки“, и за это пользовался не совсѣмъ безосновательно репутаціей богатаго и скуповатаго человѣка. За то, благодаря своей умѣренности, Ковалеву не было надобности выжимать сокъ изъ своихъ мужиковъ. Онъ понималъ, что не разсчетъ истощать крѣпостную массу, какъ не разсчетъ истощать кормилицу землю. Его крѣпостные не бѣдствовали; оброчные же даже и очень хорошо жили. Благодаря именно этой умѣренности и ограниченному числу крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, освобожденіе крестьянъ мало затрогивало его матеріальное благосостояніе.

Придя въ спальню и убѣдясь, что двери, ведущія съ низу въ его половину, заперты, старикъ откинулъ доску своего массивнаго бюро, которое тоже было своего рода цѣлое хозяйство. Онъ тутъ хранилъ деньги, счета, письма, любимыя книги, разные инструменты для легкихъ домашнихъ ремеслъ, которыми любилъ наполнять свои досуги; и даже лакомства, которыя очень любилъ. Онъ тутъ писалъ письма, провѣрялъ донесенія, счета и получаемые доходы.

Двѣ канарейки, весело чирикая, свободно порхали по комнатѣ, то забирались въ свою клѣтку, то шуршали газетами на этажеркѣ.

Изъ-подъ замка старикъ вынулъ и пододвинулъ къ внуку пачку большихъ печатныхъ листовъ, а самъ присѣлъ на свое обычное мѣсто у откинутой горизонтально доски бюро и погрузился въ задумчивость, повидимому, спокойную. Однако, онъ пристально взглядывалъ на молодого человѣка и напряженно слушалъ не только слова, которыя тотъ читалъ, но и сдерживаемый трепетъ, восторгъ, прорывавшійся въ его голосѣ.

Слишкомъ обширное холодное сочиненіе Филарета, намѣренно книжный, мѣстами смутный для простолюдина, мало доступный слогъ манифеста былъ для Андрея сладостнымъ и отраднымъ. И раньше, и позже едва-ли какое чтеніе наполняло его сердце такой радостью и волненіемъ. Форма для него въ этотъ мигъ не существовала. Существовала только желанная цѣль. Лишь теперь Озерскій понялъ, какъ сильно было то напряженіе, съ которымъ ожидали великаго событія русскіе честные люди извѣстнаго образа мыслей и наклонностей. А каково же должно быть чувство народа, два вѣка ждавшаго такого дня и столько разъ обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ!

Андрей чувствовалъ, какъ билось его сердце, какъ слезы подступали къ горлу. Онъ боялся, что не будетъ въ силахъ дочитать до конца... просто стыдно... И дѣйствительно, слезы вырвались, когда, добормотавъ невнятно послѣднія слова манифеста, онъ дрожащей рукой положилъ на бюро брошюру, всталъ и повернулся къ окну.

Дѣдъ не шелохнулся, но лицо его теперь было сурово и печально. Глаза, устремленные на внука, тоже подернулись влагой. Однако, это не были слезы радости. Быть можетъ, слезы безсильнаго озлобленія; быть можетъ, скорби за „*свое паденіе*“, а можетъ быть — и печали за будущность своихъ внучатъ, которымъ онъ всю жизнь готовилъ теплый, сладкій, обезпеченный кусокъ... Понять ихъ радость онъ не могъ, какъ не могъ и отрицать ее. Спорить съ ними онъ считалъ безполезнымъ въ виду совершившагося факта.

Онъ тоже всталъ и, когда Андрей отошелъ отъ окна, нерѣшительно приблизился къ внуку. Суровость сбѣжала съ лица; онъ крѣпко обнялъ Андрея, сталъ крестить и цѣловать его. Старческія слезы сожалѣнія и боязни за будущее любимыхъ слились съ юношескими слезами радости и вѣры въ лучшее для всѣхъ.

Андрей понималъ, что дѣда волнуютъ иные, чѣмъ его, чувства. Но онъ самъ испытывалъ облегченіе подавлявшей его радости, прижимаясь къ груди любящаго и любимаго старика. Озерскій, какъ дитя, ласкалъ его, цѣлуя руки.

— Тамъ я вижу на дворѣ,—заговорилъ Ковалевъ съ несвойственнымъ ему колебаніемъ, какъ бы устыдившись сантиментальнаго порыва,—тамъ, кажется, пришли Василій сапожникъ и Ѳедька поваръ. Можетъ, и другіе явятся, такъ надо бы имъ и домашнимъ дворовымъ тоже объявить все это... разсказать.

Василій и Ѳедоръ были дворовые, ходившіе по оброку въ Петербургѣ.

— Что же, ихъ можно собрать, поговорить съ ними...

— Да, поговорю: шила въ мѣшкѣ не утаишь,—подумавъ сосредоточенно, молвилъ дѣдъ.—Ты вели имъ въ столовую собраться; да самъ ты тоже приходи туда.

— Хорошо, дѣдушка. Только можно такъ черезъ часъ?..

— Черезъ часъ, все равно, подождемъ. Дождались!—вдругъ рѣзко, злобно сорвалъ было онъ, но въ тотъ же мигъ сдержался и опять погрузился въ задумчивость...

Андрей пошелъ въ свою комнату. Онъ отложилъ объясненіе съ дворовыми, чувствуя себя все еще слишкомъ взволнованнымъ, чтобы разсуждать съ ними толково. „Еще, пожалуй, опять слезы станутъ душить; еще расплачешься“. Люди подумаютъ — онъ плачетъ оттого, что крѣпостныхъ у баръ отняли...

Ему даже смѣшно стало, что это могутъ подумать о немъ. А навѣрно подумаютъ; при всей его искренности, при всемъ сочувствіи эти люди едва-ли довѣряютъ и ему. Сговариваться съ ними будетъ и трудно, и больно. Всякое полезное для нихъ предложеніе они будутъ считать барской хитростью; желаніемъ обойти царскій законъ.

Въ корридорѣ, не доходя до своей комнаты, Озерскій встрѣтилъ няню Сашу. Она съ малолѣтства жила при его матери; вынянчила младшихъ сестеръ Андрея. Съ молодыми господами она обращалась свободно.

Когда нѣсколько лѣтъ назадъ прошли толки о томъ, что готовится „воля“, и когда объ этой „волѣ“ всѣ думали, но мало кто смѣлъ громко говорить, няня Саша вступала въ оживленный о ней разговоръ съ Андреемъ и со своими маленькими барышнями, иногда и съ самой барыней, его матерью. Няня сердилась, когда ей говорили, что можетъ быть мужику дадутъ волю, но не дадутъ земли. Она доказывала менѣе краснорѣчиво, но не менѣе убѣдительно публицистовъ того періода, что мужикъ безъ земли вовсе не мужикъ будетъ, и человѣкомъ-то по настоящему его нельзя будетъ назвать;

опрохвостится онъ; она настойчиво утверждала, что царь непремѣнно знаетъ это, и безъ земли мужика не оставитъ...

Встрѣтивъ теперь Сашу въ корридорѣ, Андрей, подъ вліяніемъ все еще до тяготы волновавшей его радости, порывисто обнялъ няню. Но она—еще не старая, довольно красивая дѣвушка—не поняла его порыва.

— Чего вы, Андрей Григорьевичъ? Чего васъ изнимаетъ?—строго прикрикнула она и слегка толкнула молодого человѣка.

Онъ разсмѣялся и сказалъ:

— А вѣдь по твоему, няняша, вышло!

— Чего по моему?

— Мужикамъ то и свобода дана, и земля дана...

— А то какъ же! — совершенно спокойно и увѣренно возразила Саша.—Царь-отъ понимаетъ, что безъ земли ни хлѣба ни у кого, ни покоя никому бы не было. Ни мужикамъ, ни барамъ, ни ему самому.

И, оправивъ большую шерстяную косынку, повязанную накрестъ по туловищу, она удалилась, ворча, что Сонечка, ея барышня, сестра Андрея, сидитъ еще безъ рукавчиковъ:

— Подлая Фенька вчера ихъ выгладить забыла.

Придя въ свой кабинетъ, Озерскій хотѣлъ было прочесть внимательно Положеніе о дворовыхъ, которое захватилъ съ собой отъ дѣда, но это ему не удалось. Онъ читалъ строки и плохо понималъ ихъ смыслъ. Сердце билось, грудь наполняло что-то восторженное до боли; въ умѣ мелькали свѣтлыя, но отрывочныя мысли. Какія-то слова, точно звуки, переливались около него. Онъ нервно, быстро и ходилъ покомнатѣ:

Зорька разгорѣлася,
Прояснилась даль,

словно что-то пропѣло во всемъ его существѣ, и онъ уже самъ въ полголоса допѣлъ:

И умолкъ соловушка,
Выплакавъ печаль...

Озерскій порывисто сѣлъ къ столу и, почти не задумываясь, не останавливаясь, набросалъ стихотвореніе, которое заканчивалось:

И румяный, радостный,
Новый день встаетъ...

Написавъ, онъ почувствовалъ облегченіе: избытокъ счастья, мѣшавшій жить, излился въ пѣснѣ. Сердце постепенно переходило въ ровный бой, а мысли въ умѣ начинали складываться послѣдовательною цѣпью.

Но, прочитавъ еще разъ только что вылившееся изъ души стихотвореніе, онъ смутился. И начало, и конецъ соотвѣтствовали радостному настроенію, но въ средину, Богъ знаетъ какъ, прокрались черточки пессимизма, страха за будущее: скупая земля, мало благодарный трудъ, недоѣданье, умственная темнота народа.

— И какъ это у меня вышло? — недоумѣвалъ онъ, но не вычеркнулъ и постарался хладнокровными доводами убѣдить себя, что всѣ эти темныя черточки въ жизни народа сами собой сотрутся отъ благого вѣянія новаго закона... Да, да, мы, наше поколѣніе должны работать, чтобы эти тѣни исчезли безслѣдно:

И румяный, радостный,
Новый день встаетъ...

Онъ взглянулъ въ окно. День, начавшійся было сѣро и уныло, теперь, въ самомъ дѣлѣ, разрумянился и засвѣтился радостью... Андрей успокоился и сѣлъ за работу. Онъ не только внимательно просмотрѣлъ Положеніе о дворовыхъ, но и припомнилъ многое, что слышалъ раньше о мотивахъ, которыми руководились составители.

Многіе полагаютъ до сихъ поръ, что когда печаталось Положеніе 19-го февраля 1861 г., никто въ Петербургѣ, кромѣ, разумѣется, работавшихъ надъ составленіемъ его, не зналъ его содержанія, и что только благодаря болтливости какого-то наборщика въ послѣдніе передъ объявленіемъ манифеста дни кой-что просочилось наружу.

Это не совсѣмъ вѣрно. При учрежденіяхъ, разрабатывавшихъ законъ, состояло столько лицъ, что полная тайна была невозможна. Лица, занимавшія высшіе посты, и, вообще, люди зрѣлыхъ лѣтъ были, правда, безусловно сдержанны. Но молодые, второстепенные и третьестепенные чиновники при коммиссіяхъ и комитетахъ, по преимуществу изъ молодежи образованной и сочувствовавшей дѣлу, иногда просто не могли воздержаться,—именно въ силу своего горячаго сочувствія къ дѣлу,—чтобы не подѣлиться свѣдѣніями съ молодыми товарищами, пріятелями, ихъ единомышленниками, стоявшими внѣ „святая святыхъ“.

У Андрея также было два-три пріятеля, состоявшихъ при коммиссіи, потомъ при комитетѣ, и онъ былъ заблаговременно уже въ главныхъ чертахъ ознакомленъ съ сутью новаго закона.

V.

Внизу, въ столовой, собрались дворовые. Большая часть ихъ проживала при господахъ, остальные жили въ Петербургѣ на оброкѣ. Всѣхъ вмѣстѣ набралось болѣе двухъ десятковъ.

Оброчные пришли въ это утро по собственной инициативѣ. Очевидно, они интересовались своимъ новымъ положеніемъ. Повидимому, ихъ вожакомъ былъ Василій-сапожникъ, мужчина лѣтъ подъ сорокъ, въ длинномъ, почти по пяты, лоснящемся сюртукѣ, неуклюжій въ движеніяхъ и въ словахъ. Лицо у него было смуглое, постоянно покрытое давно не бритой черной щетиной, большіе темные глаза. Съ равными онъ разговаривалъ, точно лаялъ, но всегда серьезно. Съ господами же говорилъ почтительно и чуточку иронически улыбался. Голосъ у него былъ сиплый, волосы нечесанные и руки черныя.

Во главѣ дворовыхъ, лично служившихъ при господахъ, стоялъ, прислонясь къ бѣлой кафельной печкѣ, откормленный, одѣтый лучше барина, Емельянъ Васильевичъ, городской управляющій, лѣтъ 55. Сѣрые телячьи глаза его недовольно глядѣли съ широкаго, лимфатическаго, гладко выбритаго лица. Около него высилась фигура его сына, красавца, выѣздного лакея старой барыни, съ такимъ же, какъ у отца, тщательно выбритымъ, безцвѣтнымъ и недовольнымъ лицомъ. Оба они не были рады волѣ. Она нарушала ихъ житейскіе разсчеты. Емельянъ, накопивши деньжонокъ, имѣлъ основаніе разсчитывать, что и безъ эмансипаціи баринъ, за его и его сына службу, не сегодня-завтра дастъ вольную и наградитъ деньгами. Нынѣ же, получивъ свободу помимо барина, онъ боялся, что лишится награды.

Бубновый, рябой носъ Евграфа Ивановича медленно поворачивался изъ стороны въ сторону, и маленькіе темно-сѣрые глаза глядѣли твердо и смышленно. Въ рукахъ онъ держалъ свернутую въ трубку газету. Лица остальныхъ людей были большею частью хмуры.

Только мазурикъ Сенька, по привычкѣ, скалилъ бѣлосахарные зубы, да подвыпившій Ванька-портной, видимо, безучастно относился къ цѣли сборища и осовѣлыми глазами моргалъ по направленію къ зеленой драпировкѣ корридорной двери, изъ-за которой, хихикая, выглядывала голова Кати и другихъ особъ прекраснаго пола.

Всѣ эти люди, по исконному обычаю, подошли къ ручкѣ

барина, старика Ковалева, который стоялъ, опершись на пустой обѣденный столъ.

Эта патріархальная церемонія, повидимому, понравилась ему и какъ бы ободрила. Онъ не былъ увѣренъ, что она состоится. Онъ заговорилъ было съ дворовыми, но, сказавъ нѣсколько словъ, сѣлъ къ окну, промолвивъ:

— Вотъ Андрей Григорьевичъ вамъ лучше все разскажетъ.

— Манифестъ государя императора вы слышали, братцы?— началъ Андрей.

— У Ивана Предтечи отецъ Александръ читалъ. Я былъ у обѣдни,—степенно произнесъ своимъ высокимъ, скрипучимъ голосомъ управляющій Емельянъ.

Кто-то изъ оброчныхъ крякнулъ и почти грубо отрубилъ:

— Слышали мы.

Озерскій не рѣшился спросить: поняли ли? Онъ зналъ, что не поняли или почти не поняли, въ особенности Емельянъ Васильевичъ. Молодой человѣкъ возможно кратко и толково объяснилъ главныя черты общаго положенія и весьма подробно и тщательно растолковалъ статьи, касающіяся спеціально устройства дворовыхъ. Его слушали внимательно и у нѣкоторыхъ даже шеи впередъ вытянулись, и жилы на лбу напряглись. Сапожникъ Василій полегоньку все приближался къ Озерскому, впился въ его лицо своими вытаращенными глазами, странно насмѣшливо кривилъ ротъ, а черные пальцы его все шуркали по лоснящемуся сюртуку. Физіономія Сеньки, тоже какъ-то вывернувшагося впередъ, измѣнилась, и было видно, что онъ думаетъ напряженно и старается понять. Его, хотя миловидное, женственное, но нахальное лицо стало выражать почти боль. Должно быть, ему, не привыкшему къ серьезной думѣ и заботѣ, было почти физически больно напрягать мысль.

Андрей замѣчалъ, что, внимательно вникая въ его рѣчи, слушатели по временамъ вопросительно взглядывали на Евграфа Ивановича; успокоивались, если кончикъ его остраго носа слегка кивалъ утвердительно, и становились смутны— при неподвижности носа крѣпостного эскулапа.

— Ну, вотъ, братцы, главное все я, кажется, вамъ передалъ. Если чего не поняли—спросите, —закончилъ Андрей, чувствуя нѣкоторое недовольство своимъ изложеніемъ: вышло какъ-то сухо.

Слушатели молчали: нѣкоторые опять переглянулись съ Евграфомъ. Емельянъ Васильевичъ, какъ съ просонья, вскинулъ телячьи глаза сначала на стараго барина, потомъ на молодого. Онъ самъ, хотя и слушалъ, но понималъ ме-

нѣе всѣхъ, а думалъ больше, что внизу его ждетъ кумъ, лавочникъ, съ которымъ надо было свести повыгоднѣе для себя счеты на забранные для барскаго хозяйства мелкіе товары. Ну, и кофе, который онъ привыкъ пить въ этотъ часъ, ему страстно хотѣлось.

Андрей повторилъ свой вопросъ.

— Оно точно; это вы, Андрей Григорьевичъ, точно, какъ и Евграфъ Иванычъ намъ читалъ, — криво улыбаясь, отозвался Василій сапожникъ, а нѣсколько другихъ пробормотали подтвержденіе.

— Точно такъ, — отозвался Евграфъ, — сегодня утромъ дворовымъ людямъ были розданы эти вотъ бумаги, — онъ приподнялъ свертокъ, который держалъ въ рукѣ, оказавшійся не газетой, а Положеніемъ объ устройствѣ дворовыхъ.—Они вотъ меня просили, я имъ прочелъ уже.

Старикъ Ковалевъ сердито приподнялся со стула, но, какъ-будто одумавшись, опять сѣлъ, не проронивъ ни слова.

Озерскій тоже на мгновеніе нахмурилъ брови: онъ понялъ, что дворовые напряженно слушали его не столько для того, чтобы познакомиться съ Положеніемъ, непосредственно касавшимся до нихъ, которое объяснилъ имъ еще раньше Евграфъ, сколько для того, чтобъ провѣрить, не будетъ ли молодой баринъ ихъ морочить.

Вотъ оно—то роковое, неизбѣжное, исторически сложившееся недовѣріе, предчувствіе котораго давеча кольнуло его, то мучительное, если оно не заслужено, подозрѣніе, которое можетъ породить много бѣдъ при осуществленіи или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, приведеніи въ исполненіе великаго дѣла.

— Ну, что же,—обратился онъ опять къ слушателямъ,— если я въ чемъ ошибся или неясно разсказалъ — вы скажите.

Евграфъ возразилъ, что Андрей Григорьевичъ все „такъ точно“ передалъ, какъ въ царскомъ законѣ стоитъ. И при этомъ, какъ бы подтверждая свои слова, внушительно обвелъ глазами и острымъ носомъ всѣхъ дворовыхъ.

— Патентъ мнѣ на добросовѣстность выдалъ,—подумалъ Андрей, съ ребяческихъ лѣтъ очень любившій Евграфа и теперь чувствовавшій себя слегка обиженнымъ.

Однако, выдача патента подѣйствовала не вполнѣ. Между дворовыми нашлось нѣсколько человѣкъ, потребовавшихъ объясненій, какъ бы свѣрки сообщеній Озерскаго со словами Евграфа. Да и всѣ остальные хотѣли бы вопросы задать, только робѣли, можетъ быть, подъ гнетомъ крѣпостной инерціи.

Старикъ Ковалевъ едва сдерживалъ свой гнѣвъ, иногда порывался заговорить, металъ изъ-подъ старческихъ бровей грозные взгляды на своихъ бывшихъ подданныхъ и терзался новымъ для него ощущеніемъ, сознаніемъ безсилія передъ вчерашними рабами. Ему теперь ужъ нельзя сказать имъ: „убирайтесь вы къ чорту“, а неизбѣжно надо втолковывать то, чего они нарочно не хотятъ понимать.

За то Евграфъ Ивановичъ вмѣшался въ объясненія очень мягко и съ большимъ тактомъ устранилъ недоразумѣнія. Конечно, всетаки не всѣ и не все поняли, но Озерскій считалъ возможнымъ повторить, какіе пути немедленно представляются для устройства дворовыхъ, и затѣмъ спросилъ:

— Дѣдушка не желаетъ препятствовать вашему выбору, такъ вы подумайте и скажите, какъ именно хочетъ устроиться каждый изъ васъ?

Дворовые молчали, переглядывались между собой, вопросительно уставляли глаза на Евграфа. Но тотъ оставался безмятеженъ. Понятно, что на сдѣланный вопросъ никто бы не могъ отвѣтить сразу. Только Андрею было непонятно, отчего лица большинства, выражавшія напряженное вниманіе нѣсколько минутъ тому назадъ, теперь почти у всѣхъ стали равнодушно-безучастны. Нѣкоторые—онъ подмѣтилъ, а можетъ, это ему показалось—просто насмѣшливо улыбались и, желая, чтобы поскорѣе кончились эти безполезные разговоры, избѣгали господскаго взгляда.

Андрей сѣлъ... Молчаніе начинало тяготить его. Дѣдъ грызъ ноготь большого пальца. За зеленой драпировкой коридорной двери прекрасная половина дворовыхъ шуршала праздничными крахмальными юбками, перешептывалась и была, повидимому, заинтересована больше мужчинъ.

— Евграфъ Ивановичъ, ты бы имъ посовѣтовалъ, —обратился къ ученому Озерскій.

— Въ такомъ великомъ, можно сказать, дѣлѣ, Андрей Григорьевичъ, страшно совѣтовать... Большой можно грѣхъ на себя взять, коли ошибешься... Я и самъ въ нерѣшимости,— былъ отвѣтъ.

Нѣкоторые дворовые вздохнули.

Опять наступило молчаніе. Но вдругъ Ванька портной, все время несмѣло мотавшійся на мѣстѣ, повалился на колѣни, стукнулъ своимъ чубастымъ лбомъ объ полъ, сначала по направленію къ старому барину, потомъ къ молодому, и слезно взмолился:

— Прикажите, батюшка баринъ, Катюшкѣ за меня замужъ выдти...

Непріятная напряженность была нарушена. Катя изъ-за

драпировки обругала своего поклонника пьянымъ соплякомъ; дѣвки хихикали, мужчины громко подсмѣивались. Старикъ баринъ пересталъ грызть ноготь и не то съ сожалѣніемъ, не то презрительно, махнувъ рукой на Ваньку, сказалъ:

— Ну, что вотъ этакая тварь несчастная на волѣ будетъ дѣлать, скажите, пожалуйста?

— Ужъ это подлинно, пропадетъ, какъ тля, — пробормоталъ, оскаливъ зеленые зубы, царедворецъ Емельянъ Васильевичъ.

Ванька, нисколько не обижаясь, продолжалъ пресмыкаться.

Ковалевъ, сосредоточенно насупивъ брови, всталъ, подошелъ къ толпѣ, положилъ свою большую старческую руку на первое попавшее ему плечо и сказалъ отрывисто, почти рѣзко, стараясь, впрочемъ, говорить спокойно:

— Я понимаю, что вамъ — да и мнѣ тоже — надо одуматься; поспѣшишь—людей насмѣшишь. Вы вотъ что: соберитесь сюда опять въ будущее воскресенье, и тогда скажете кому и что, и какъ. А покуда подумайте...

Озерскій при этихъ словахъ вспыхнулъ. Ему стало совѣстно своей юной поспѣшности и настойчивости.

Василій сапожникъ одобрилъ совѣтъ стараго барина; Емельянъ немедленно собрался было удалиться къ своему гостю и къ кофейнику, но баринъ ихъ задержалъ.

— А коли моего совѣта хотите послушаться,—заговорилъ онъ,—такъ никто не уходи на волю безъ земли. Земли у насъ есть не мало, на всѣхъ васъ хватитъ. А безъ земли вашъ братъ истреплется, сгинетъ. Можете въ городахъ жить, коли путная работа есть, а все лучше, чтобъ на родинѣ клочекъ былъ про васъ припасенъ. Онъ надѣломъ вотъ тутъ называется.—Ковалевъ тронулъ указательнымъ пальцемъ листы Положенія.

Онъ проговорилъ эти первыя слова досадливо, нехотя; но вдругъ въ старомъ помѣщикѣ словно проснулось хозяйственное сочувствіе къ „этому дурачью", какъ онъ потомъ всегда выражался. И онъ, дотолѣ чувствовавшій и сознававшій только, что дворянинъ—не дворянинъ безъ земли, вдругъ сталъ искренно доказывать, что и свободный человѣкъ крестьянскаго рода не свободенъ, если нѣтъ за нимъ клочка хотя бы общественной земли.

До его рѣчи многіе изъ этого „дурачья" тоже смекали нѣчто подобное. Но когда самъ баринъ сталъ доказывать полезность такого рѣшенія, въ ихъ души начало закрадываться сомнѣніе: „видно это ему, а не намъ на руку, ежели онъ такъ лестно расписываетъ".

Отчасти они были правы. Въ умѣ стараго разсчетливаго помѣщика сначала мелькнула мысль, что ему будетъ выгоднѣе, если дворовые возьмутъ надѣлы: имѣнья его были въ просторныхъ многоземельныхъ губерніяхъ; надѣлъ—и хорошій надѣлъ--для дворовыхъ его бы не разорилъ, а между тѣмъ, увеличилась бы выкупная ссуда, а покуда оброкъ. Но рядомъ и одновременно съ этой мыслью, развивалась у него совершенно искренно и безкорыстно, не столько въ силу сочувствія къ дворовымъ, сколько въ силу безличныхъ хозяйственныхъ инстинктовъ и привычки передавать ихъ другимъ, мысль: „не хорошо быть работящему человѣку безъ земли".

Однако, его слушатели, быстро почуявъ первую мысль, едва-ли допускали возможность второй.

Безмолвно выслушавъ стараго барина, они снова приложились къ его ручкѣ и разошлись.

Когда, ровно черезъ недѣлю, дворовые собрались въ ту же столовую барскаго дома, они всѣ въ одинъ голосъ,—и живущіе на оброкѣ, и живущіе въ помѣщичьемъ домѣ, и сапожникъ Василій, и лимфатическій царедворецъ Емельянъ Васильевичъ, и мазурикъ Сенька, и влюбчивый пьянчужка Ванька—всѣ въ одинъ голосъ объявили:

— Барская воля: какъ прикажете. Какъ положите, такъ и ладно будетъ, какъ законъ.

Одинъ Евграфъ, казалось, держалъ на умѣ что-то свое, хотя формально и не былъ прочь отъ „міра".

Напрасно Андрей и его дѣдъ разъясняли имъ ихъ новое положеніе съ разныхъ сторонъ: они стояли на своемъ.

— Да понимаете ли, дурачье вы безмозглое,—разгорячился, наконецъ, Ковалевъ,—понимаете вы, что не мнѣ жить по новому, не моимъ дѣтямъ, а вамъ, вашему отродью...

— Ужъ это какъ воля милости вашей будетъ...

— Да вѣдь знаете вы, ослы, что нѣтъ больше моей воли...

— Это, батюшка, такъ точно, только мы не согласны сами себя рѣшать.

— Да отчего же? — допытывался Озерскій у Василія сапожника, который все выставлялся впередъ и какъ-то особенно лукаво улыбался.—Скажи мнѣ, отчего?

— Батюшка, Андрей Григорьевичъ, извольте то въ мысли ваши взять: темно намъ. Что лучше, что хуже, кто сознаетъ... Ежели мы сами себѣ устройство выберемъ, да выйдетъ петля, на себя и пенять должны будемъ, сами на себя вѣ-

ковѣчно, и дѣти насъ клясть будутъ. Это ужъ, значитъ, не одно, а два худа. А коли баринъ ублаготворитъ насъ по своему, значитъ, уму и по царскому уложенію,—тогда что Богъ даетъ. Хорошо выйдетъ—и мы, и дѣти должны будемъ вѣчно за господъ молить. Ну, а коли худо—такъ извѣстное дѣло—хоть душу намъ можно будетъ отвести, не на самихъ же себя пенять весь вѣкъ.

— А на барина?—горько и злобно спросилъ дѣдъ.

Василій утвердительно кивнулъ головой, какъ-то смущенно, едва слышно пробормотавъ: „такъ точно"; и по его небритому черномазому лицу расползлось что-то въ родѣ иронической улыбки.

Ковалевъ, гнѣвный и блѣдный, ушелъ въ свои комнаты и заперся тамъ.

Л. Рускинъ.

УЗНИКЪ.

Я не въ силахъ уснуть... Я стою у окна,
Прижимаясь къ желѣзной рѣшоткѣ щекой,
И гляжу, какъ справляетъ свой праздникъ весна,
Какъ несутся куда-то веселой толпой
Облака надъ рѣкой.

Нынче сторожъ меня на прогулку повелъ.
Какъ ребенокъ, приникъ я къ цвѣтку у стѣны,
Да и самъ, какъ подснѣжникъ, на солнцѣ расцвѣлъ,
Весь обвѣянный чарами юной весны...
О, проклятые сны!

Точно пьяный, стоялъ я... А тамъ, надо мной,
Въ небесахъ, вереница неслась журавлей —
И манила къ себѣ, и дразнила весной
И звала изъ постылой неволи моей
На приволье степей.

Я рванулся! Я мысленно къ нимъ полетѣлъ!
Высоко, высоко я взвился надъ тюрьмой,
Я смѣялся и плакалъ, молился и пѣлъ,
Я весь міръ обнималъ: онъ былъ мой, онъ былъ мой...
И летѣлъ я домой!

Но, увы! отъ плѣнительный грёзы весны
Пробудилъ меня окрикъ суровый: „Пора!“

И сорвалъ я украдкой цвѣтокъ у стѣны,
Что̀ расцвѣлъ подъ улыбкою солнца вчера,
И побрелъ со двора.

Загремѣли засовы — и вотъ, въ глубинѣ
Я холодной могилы... Всю ночь у окна
Я теперь простою, какъ въ бреду, какъ во снѣ,
И глядѣть будетъ въ душу съ угрозою мнѣ
Крышка гроба — стѣна!..

В. Львовъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать, что думать?

— Найти автора письма, привлечь его за шантажъ и никому не разсказывать. Я могу помочь вамъ въ розыскахъ: это вѣдь и меня отчасти касается.

Къ Боровецкому возвращалось его спокойствіе и самообладаніе: онъ былъ уже увѣренъ, что Люси не проговорилась, и снова высоко и смѣло поднялъ голову, дерзко смотря на Цукера. Сдѣлавъ безцѣльно нѣсколько шаговъ, Цукеръ опять сѣлъ. Онъ долго молчалъ, опершись головой о стѣну.

— Пане Боровецкій,—съ усиліемъ произнесъ онъ:—я тоже человѣкъ, я также чувствую, у меня есть своя честь. Я теперь пришелъ къ вамъ и всѣмъ святымъ заклинаю васъ, скажите: правда ли все это?

— Неправда!—рѣшительно и рѣзко отвѣтилъ Боровецкій.

— Я еврей, простой еврей, вѣдь я не застрѣлю васъ, не вызову на дуэль. Что я могу вамъ сдѣлать? Ничего! Я простой человѣкъ, но очень люблю свою жену, работаю по мѣрѣ силъ, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась, жила королевой. Вы знаете, я на собственныя деньги далъ ей образованіе, она для меня—все, и вдругъ мнѣ пишутъ, что она ваша любовница!.. Мнѣ показалось, что небо валится на мою голову... У нея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ ребенокъ... Вы знаете, что такое ребенокъ?.. Я ждалъ его четыре года, томительныхъ четыре года! И вдругъ такое извѣстіе! Чей же это ребенокъ? Вы должны сказать мнѣ правду! — крикнулъ старикъ, бросаясь къ Боровецкому съ кулаками.

— Я уже сказалъ вамъ, что это—подлая клевета, — спокойно отвѣтилъ Боровецкій.

Цукеръ замеръ съ вытянутыми руками и тяжело опустился на стулъ.

— Вы, господа, любите играть чужими женами. Вамъ все равно, что потомъ будетъ съ женщиной, у васъ нѣтъ ни стыда, ни жалости... вы... Богъ васъ накажетъ!..

Дрожавшій старикъ ломалъ руки и плакалъ. Но чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше успокаивался: правдивый взглядъ и искреннее сочувствіе Боровецкаго убѣждали Цукера, что письмо дѣйствительно—ложь.

Карлъ облокотился на столъ и слушалъ, не спуская глазъ съ фабриканта, и въ то же время незамѣтно писалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги, лежавшемъ въ полуоткрытомъ ящикѣ: „Не выдай себя, все отрицай! Онъ у меня, подозрѣваетъ, записку эту сожги. Вечеромъ — тамъ, гдѣ послѣдній разъ“.

Ему удалось сунуть записку въ конвертъ. Онъ подошелъ къ телефону, соединявшему контору съ квартирой, и велѣлъ Матвѣю принести вина и содовой воды.

— Я распорядился принести вина, потому что вы совсѣмъ измучены и разстроены. Прошу васъ вѣрить, что я вамъ очень сочувствую. Разъ это неправда, вамъ нечего и огорчаться.

Цукеръ вздрогнулъ, почувствовавъ что-то фальшивое въ его словахъ, но не могъ ничего сказать, такъ какъ явился Матвѣй съ виномъ. Карлъ сейчасъ же налилъ стаканъ и подалъ Цукеру.

— Выпейте, это немного подкрѣпитъ васъ... Матвѣй! — крикнулъ Боровецкій въ окно и, не дожидаясь его, вышелъ за дверь. Онъ велѣлъ немедленно отнести письмо Люси, не говорить, отъ кого оно, передать лично и сейчасъ же, если можно, получить отвѣтъ.

Все произошло такъ быстро, что Цукеръ ничего не заподозрилъ. Пока онъ пилъ вино, Карлъ, расхаживая по комнатѣ, подробно сообщалъ ему о своей фабрикѣ: ему хотѣлось задержать старика до возвращенія Матвѣя.

Цукеръ, какъ будто, слушалъ его, но черезъ нѣкоторое время вдругъ опять спросилъ:

— Пане Боровецкій, я васъ заклинаю всѣмъ святымъ, скажите мнѣ: правда ли?

— Ахъ, вѣдь я же сказалъ, что клевета! Даю вамъ слово!

— Поклянитесь! Я только тогда повѣрю. Клятва — дѣло великое: тутъ вѣдь вопросъ жизни моей, жены, ребенка и вашей. Да, и вашей жизни. Поклянитесь передъ этимъ образомъ Божьей Матери; я знаю, какая это святыня для поляковъ. Поклянитесь мнѣ, что все это неправда!—съ силой воскликнулъ старикъ, протягивая руки къ образку, который Анка велѣла повѣсить надъ дверью конторы.

— Я вѣдь далъ вамъ честное слово. Я такъ рѣдко видѣлъ вашу жену, что сомнѣваюсь, знаетъ ли она меня.

— Поклянитесь!—требовалъ Цукеръ такъ настойчиво, что по тѣлу Карла пробѣжала дрожь.

Весь красный, Цукеръ трясся всѣмъ тѣломъ и охрипшимъ, дикимъ голосомъ все повторялъ одно слово: „поклянитесь“!

— Ну, хорошо, клянусь вамъ этимъ святымъ образомъ, что не состою и не состоялъ ни въ какой связи съ вашей женой, что письмо это—клевета отъ начала до конца,—торжественно произнесъ Карлъ, поднимая вверхъ руку.

Голосъ его звучалъ такой искренностью, что Цукеръ бросилъ письмо на полъ и началъ топтать его

— Я вѣрю вамъ! Вы спасли мнѣ жизнь... Вѣрю теперь, какъ самому себѣ, какъ Люси... Разсчитывайте теперь на меня: я могу вамъ пригодиться... Я никогда не забуду васъ,—говорилъ обрадованный, упоенный счастьемъ старикъ.

Матвѣй вбѣжалъ, еле дыша отъ усталости, и подалъ письмо, въ которомъ было только: „Буду. Люблю тебя...“

— Теперь мнѣ нужно къ женѣ. Она и не знаетъ, какъ я дурно готовъ былъ думать о ней. Я теперь совсѣмъ здоровъ, прекрасно себя чувствую... Въ знакъ благодарности, скажу вамъ по секрету: остерегайтесь Морица и Гросглюка, они хотятъ васъ съѣсть. До свиданья, дорогой пане Боровецкій!

— Благодарю за предупрежденіе, но я не понимаю его.

— Больше ничего не могу сказать. Будьте здоровы, желаю того же вашему отцу, вашей невѣстѣ и дѣтямъ.

— Благодарю, благодарю! А если кто-нибудь еще напишетъ вамъ такое письмо, то сообщите и оставьте мнѣ его, чтобы я могъ найти автора.

— Я посажу этого негодяя въ тюрьму, сошлю его въ Сибирь. Дорогой пане Боровецкій, я буду вашимъ другомъ до самой смерти!

Старикъ бросился ему на шею, крѣпко поцѣловалъ и ушелъ, совершенно успокоенный и довольный.

— Морицъ и Гросглюкъ!., Они хотятъ меня съѣсть! Это важное извѣстіе!—раздумывалъ Карлъ и такъ сильно увлекся этимъ вопросомъ, что забылъ и объ анонимномъ письмѣ, и о своей клятвѣ, вообще о всей сценѣ съ Цукеромъ, которая, тѣмъ не менѣе, сильно разстроила его.

Дома, кромѣ Травинскихъ и четырехъ игроковъ въ карты, онъ никого не засталъ. Становилось уже темно. Онъ взялъ извозчика, велѣлъ поднять верхъ пролетки и поѣхалъ на свиданіе съ Люси.

Послѣ часового ожиданія, которое окончательно разстроило его нервы, Люси, наконецъ, появилась на тротуарѣ... Она вскочила въ пролетку и сейчасъ же бросилась ему на шею, осыпая его поцѣлуями.

— Въ чемъ дѣло, Карлъ?—спросила она.

Онъ разсказалъ ей все.

— А я и не поняла, почему мужъ вернулся домой такой радостный: принесъ мнѣ гарнитуръ изъ сапфировъ и заставилъ сейчасъ же надѣть... Сегодня мы ѣдемъ съ нимъ въ театръ: онъ непремѣнно хочетъ.

— Ты понимаешь теперь,—говорилъ Боровецкій, прижимая ее къ груди,—что мы должны на нѣкоторое время прекратить наши встрѣчи, чтобы уничтожить всякія подозрѣнія.

— Мужъ говорилъ мнѣ, что отвезетъ меня въ Берлинъ... на все это время... понимаешь?...

Она прильнула къ нему, какъ маленькій ребенокъ.

— Но ты будешь пріѣзжать ко мнѣ?.. Вѣдь я умру, навѣрное умру, если ты не пріѣдешь... Пріѣдешь, Карлъ?—горячо просила она.

— Пріѣду.

— Ты еще любишь меня?

— А ты этого не чувствуешь?

— Не сердись, но... теперь ты какой-то другой, какъ будто не мой, такой... холодный...

— Ты думаешь, что сильное чувство можетъ продолжаться всю жизнь?

— Да: вѣдь я же люблю тебя все сильнѣе, — чистосердечно отвѣчала она.

— Прекрасно, Люси, но необходимо подумать о нашемъ положеніи: оно вѣдь не можетъ продолжаться вѣчно.

— Карлъ!—воскликнула она, отшатнувшись, какъ будто получила ударъ.

— Тише говори! Зачѣмъ извозчика посвящать въ наши тайны? Не пугайся того, что я тебѣ скажу. Я тебя люблю, но мы не можемъ видѣться такъ часто... ты сама понимаешь, что я не могу рисковать твоимъ спокойствіемъ, подвергать тебя мести мужа. Нужно быть разсудительнѣе.

— Когда такъ, я все брошу и пойду за тобой, и домой уже не вернусь; я не могу больше мучиться, не могу; возьми меня, Карлъ!—страстно шептала она, обвиваясь вокругъ него. Она такъ сильно любила его, что, дѣйствительно, сейчасъ бросила бы все, если бы только онъ захотѣлъ.

Карла безпокоила ея страстная, дикая любовь; ему хотѣлось сразу и рѣшительно сказать, что все это уже надоѣло ему, но ему было ясно, что, кромѣ этой любви, у нея ничего нѣтъ, и съ ея стороны можно ждать какой-нибудь выходки, которая скомпрометтируетъ его.

Боровецкій сталъ успокаивать Люси, но не легко было загладить впечатлѣніе его первыхъ словъ.

— Когда ты уѣзжаешь?—спросилъ онъ.

— Послѣ завтра. Онъ меня будетъ провожать. Пріѣзжай, Карлъ, ко мнѣ, пріѣзжай!.. — шептала она ему на ухо.—Ты долженъ быть и потомъ... чтобы видѣть нашего ребенка... Карлъ! — вдругъ вскрикнула она: — поцѣлуй меня, какъ бывало раньше. Крѣпко!.. крѣпче!..—Онъ исполнилъ ея просьбу, но она, не довольная его поцѣлуемъ, отодвинулась въ уголъ пролетки и разразилась конвульсивными рыданіями, жалуясь, что онъ ее не любитъ.

Боровецкій успокаивалъ ее, какъ могъ, клялся въ своей любви, но ничто не помогало: съ Люси сдѣлался истерическій припадокъ. Пришлось остановить извозчика и бѣжать въ аптеку за лѣкарствомъ.

— Не сердись на меня,—говорила она, успокоившись,—но мнѣ такъ грустно, такъ тяжело... мнѣ кажется, что я уже не увижу тебя, Карлъ!—произнесла она сквозь слезы и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, соскользнула съ си-

дѣнія, стала въ пролеткѣ предъ нимъ на колѣни, обняла его ноги и въ выраженіяхъ, полныхъ любви и отчаянья, умоляла не обрекать ее на одиночество и страданія.

Она до того чувствовала себя несчастной при мысли объ отъѣздѣ и о возможности никогда больше не увидѣть его, что теряла сознаніе.

Она бросалась ему на грудь, обнимала, цѣловала, плакала, и хотя онъ, тронутый ея страданіемъ, говорилъ ей страстныя слова любви, сердце ея продолжало разрываться отъ страха и горя.

Измученная въ конецъ, она положила ему голову на грудь и, взявъ его за руки, умолкла; только слезы крупными каплями текли по ея щекамъ.

Наконецъ, они разстались. Боровецкій долженъ былъ обѣщать, что будетъ издали присутствовать при ея отъѣздѣ въ Берлинъ и каждую недѣлю писать ей.

Онъ чувствовалъ себя виноватымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безпомощнымъ передъ ней. Боровецкій ѣхалъ домой, страшно утомленный, грустный, весь охваченный впечатлѣніемъ отъ ея словъ и горя.

— Чортъ побери романы съ чужими женами!—выругался онъ, входя къ себѣ въ комнату.

XVII.

Фабрика Боровецкаго и К° уже дѣйствовала,—вѣрнѣе, дѣйствовала пока одна прядильня, которою занимался Максъ съ такимъ рвеніемъ, что по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ нея. Въ началѣ, по обыкновенію, часто портились машины: онъ превращался въ слесаря, механика, директора, былъ вездѣ и почти все дѣлалъ самъ. За то первыя партіи пряжи, уже готовыя для продажи, упакованныя, снабженныя штемпелемъ ихъ фирмы, доставили ему такое удовольствіе, что онъ почувствовалъ себя вознагражденнымъ за всѣ труды.

Боровецкій занимался оборудованіемъ другихъ отдѣловъ фабрики съ такимъ же увлеченіемъ, желая открыть ихъ дѣйствіе еще до наступленія зимы.

Морицъ завѣдывалъ коммерческой стороной дѣла и отчасти администраціей.

Онъ тоже работалъ съ жаромъ, такъ какъ надѣялся, что работаетъ въ свою пользу, и все больше упрочивалъ долю своего матеріальнаго участія въ фабрикѣ, которая безпрестанно нуждалась въ деньгахъ. Морицъ лично и черезъ подставныхъ лицъ, чаще всего черезъ Стаха Вильчека, доставлялъ деньги на уплату рабочимъ и текущіе расходы и

потихоньку, тоже при посредствѣ другихъ лицъ, скупалъ векселя Боровецкаго.

Онъ замѣчалъ теперь, что Гросглюкъ былъ правъ, утверждая, что послѣ открытія фабрики Боровецкаго поляки поднимутъ головы.

Въ Лодзи поговаривали о проектахъ другихъ фабрикъ, затѣваемыхъ поляками, и, хуже всего,—пресса громко кричала объ этомъ, вызывая извѣстное оппозиціонное настроеніе въ нѣкоторыхъ слояхъ покупателей „дешевки". Многіе агенты, имѣвшіе дѣло съ перворазрядными торговыми домами, съ богатыми и изысканными кліентами, начали наводить справки объ издѣліяхъ фабрики Боровецкаго и К°.

Но всѣ эти опасенія были неосновательны. О нихъ Морицъ невольно проговорился Карлу, который въ отвѣтъ только разсмѣялся.

— Все преувеличено,—говорилъ онъ.—Подумай только, можетъ ли наша фабрика быть конкуррентомъ? Тамъ, гдѣ Бухгольцъ вырабатываетъ ежегодно сто милліоновъ метровъ, гдѣ Шая Мендельсонъ пускаетъ въ оборотъ почти столько же, что́ могутъ значить наши нѣсколько милліоновъ? Кому это можетъ повредить? Тѣмъ болѣе, что я хочу выдѣлывать сорта, которые не производились у насъ, а выписывались изъ за-границы. Ну, если дѣло пойдетъ хорошо, если будутъ деньги и можно будетъ скоро расширить фабрику, тогда, пожалуй, можно будетъ конкуррировать съ производителями „дешевки». Это моя мечта.

Карлъ, послѣ предостереженія Цукера, внимательно слѣдилъ за Морицомъ и съ тревогой замѣчалъ, что онъ слишкомъ много вкладываетъ денегъ въ предпріятіе, благодаря чему становится болѣе увѣреннымъ, все чаще противопоставляетъ его желаніямъ свои взгляды относительно веденія дѣлъ.

Морицъ становился часто несноснымъ, грубымъ, дерзкимъ, и Боровецкому приходилось молчать, въ сознаніи своей зависимости отъ него.

— Денегъ! денегъ!—повторялъ онъ про себя и, глядя на свою фабрику, только сравнивалъ ее съ колоссами Мюллера, возбуждавшими въ немъ острую зависть и злобу на себя самого. Ему хотѣлось сразу имѣть такую же фабрику, и онъ забывалъ, что фабрика Мюллера росла въ теченіе 30 лѣтъ, что тамъ строился одинъ павильонъ за другимъ, цѣлыми годами создавались эти могучія, полныя жизни громады. При томъ ему было ясно, что если бы даже его дѣла шли самымъ блестящимъ образомъ, онъ всетаки не получитъ столько доходовъ, сколько получалъ жалованья у Бухгольца.

Все это заставляло страдать его самолюбіе.

Онъ хотѣлъ быстро и прочно встать на ноги, хотѣлъ двигать милліонами, видѣть себя окруженнымъ сотнями машинъ, тысячами рабочихъ, безумнымъ движеніемъ, могуществомъ крупной промышленности, къ которой онъ привыкъ у Бухгольца; а въ дѣйствительности у него была маленькая фабрика, гдѣ во всѣхъ отдѣлахъ работало не больше 300 человѣкъ!

Вмѣсто того, чтобы летать, приходилось ползать!

Его широкая натура задыхалась въ атмосферѣ мелкаго производства, торговъ изъ за копѣйки, отвратительныхъ грошовыхъ сбереженій. Ему было прямо-таки больно отъ необходимости искать все подешевле: машинное масло, краски, уголь, рабочихъ; было больно отъ постоянной, безпрестанной заботы о деньгахъ.

— Мы дойдемъ до дешевки, если такъ будетъ продолжаться дальше,—сказалъ онъ однажды Морицу.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ до большихъ прибылей,—отвѣтилъ компаніонъ.

Прошло еще нѣсколько недѣль лихорадочной работы.

Фабрика дѣйствовала, но пока производилась только пряжа, которую приходилось продавать немедленно, такъ какъ, послѣ зимняго хлопчато-бумажнаго кризиса, на бумагу былъ большой спросъ, и она покупалась по очень высокой цѣнѣ. Сбытъ пряжи задерживалъ работу другихъ отдѣловъ фабрики, уже пущенныхъ въ ходъ. Нужно было готовить товаръ, складывать его и ждать для выгодной продажи сезоннаго времени, которое начиналось только въ половинѣ зимы. Между тѣмъ, постоянно требовались новые расходы, а кредитъ все уменьшался, почти исчезъ.

Заговоръ Гросглюка и К° тѣснымъ обручемъ сжималъ фабрику, подрывалъ къ ней довѣріе, распространялъ сплетни о близкомъ банкротствѣ фирмы.

Все это сильно волновало Боровецкаго, и онъ все чаще посматривалъ на Мюллера, съ мыслью: не воспользоваться ли его помощью, которую онъ столько разъ предлагалъ ему?

Но онъ еще воздерживался—не изъ-за условій, на которыхъ старикъ могъ предложить ему деньги, а изъ гордости и упрямства, которыя росли въ немъ по мѣрѣ увеличенія препятствій.

Въ минуты сокровенныхъ размышленій о своемъ положеніи онъ смѣялся надъ своими глупыми предразсудками, проклиналъ романтичность, какъ онъ называлъ щепетильность, мѣшавшую ему порвать съ Анкой и жениться на Мадѣ, и тѣмъ не менѣе подчинялся этимъ предразсудкамъ.

Можетъ быть, даже потому, что онъ видѣлъ теперь Анку ежедневно, начиналъ понимать ея состояніе, видѣлъ, что

это уже не прежняя веселая, искренняя, довѣрчивая дѣвушка, а какая-то другая женщина, полная печали и самоотреченія.

Отъ прежней Анки осталась только тѣнь. Она поблѣднѣла, улыбка исчезла съ лица и уступила мѣсто глубокой, казалось, неизлѣчимой грусти.

Она просиживала по цѣлымъ днямъ возлѣ старика Боровецкаго, съ которымъ въ первыхъ числахъ ноября случился припадокъ паралича. Его едва спасли, и онъ лежалъ теперь почти неподвижно, съ трудомъ шевелилъ руками и что-то бормоталъ про себя. Изъ-за расположенія къ нему, Анка ухаживала за нимъ и часто переносила его капризы. Она читала ему книжки и придумывала для него другія развлеченія, такъ какъ старикъ сильно скучалъ, привыкнувъ къ подвижной жизни.

Благодаря этой болѣзни, домъ еще больше опустѣлъ и становился похожимъ на могилу, въ которой она должна была жить.

Дни проходили съ ужаснымъ однообразіемъ, ничего не измѣняя ни въ ходѣ болѣзни пана Адама, ни въ отношеніяхъ между нею и Карломъ, который теперь, ради отца, чаще бывалъ по вечерамъ дома, говорилъ о своихъ дѣлахъ и чаще обращался къ ней.

Все это не радовало ее, а становилось все болѣе и болѣе безразлично.

Она не хотѣла еще сознаться, что чувствовала себя гораздо легче, когда Карла не было дома: его измученное работой лицо, печальные взгляды, которые онъ иногда бросалъ на нее, только волновали и огорчали ее. Въ эти минуты она упрекала себя, что Карлъ страдаетъ изъ-за нея, что она во всемъ виновата... Но не долго продолжались эти упреки: они уступали мѣсто оскорбленному достоинству и все лучшему пониманію его холодной, эгоистичной натуры.

Бывали минуты, когда, подобно отраженному эхо, къ ней возвращалась,—не прежняя любовь, а жажда любви, жажда отдаться всецѣло чувству, лишь бы кончились муки пустоты, одиночества, ожиданія.

Однажды, послѣ продолжительной, откровенной бесѣды, Нина заставила ее открыть эту тайну сердца и удивленно воскликнула:

— Зачѣмъ же ты мучишься? Почему сейчасъ же не разойдешься съ нимъ?

— Не могу. Какъ же я разстанусь съ отцомъ? Одно извѣстіе о нашемъ разрывѣ можетъ убить старика,—отвѣтила Анка.

— Вѣдь не пойдешь же ты замужъ, не любя?

— Не будемъ говорить объ этомъ. Я не могу выйти за него, такъ какъ испорчу его карьеру. Онъ долженъ жениться на богатой, чтобы имѣть возможность осуществить свои планы, достигнуть того, чего онъ хочетъ. Я не хочу быть ему помѣхой... и не буду.

— Ты еще любишь его?

— Не знаю. Иногда люблю, иногда ненавижу, и всегда мнѣ его жаль, такъ какъ онъ несчастливъ. Я чувствую, что онъ никогда не будетъ счастливъ.

— Однако, такъ не можетъ продолжаться.

— Тяжело жить, ужасно тяжело! А еще годъ назадъ, даже весной я была счастлива. Гдѣ же это счестье, гдѣ? — жаловалась Анка, не слушая утѣшеній Нины и смотря въ окно на падавшій снѣгъ, грязный отъ фабричнаго дыма.

Голые скелеты деревьевъ гнулись отъ вѣтра и съ печальнымъ, жалобнымъ стономъ заглядывали въ окно.

— Что такое любовь — любовь, соединяющая навсегда двѣ души, поглощающая ихъ вполнѣ? Иллюзія, туманъ, который разсѣивается отъ легкаго вѣтерка... Вѣдь я любила! Мнѣ казалось, что я люблю дѣйствительно, отъ всего сердца, всей душой отдалась чувству... Гдѣ же теперь это мое сильное чувство?

— Оно звучитъ еще въ твоей жалобѣ,—прошептала Нина.

— Что же сталось съ моей любовью? Ее убила мысль, что меня не любятъ. Нѣтъ, то, что я считала любовью, вѣроятно, не было ею; должно быть, я не способна къ сильному чувству, къ настоящей любви, — жаловалась Анка, находя только въ себѣ корень зла.

— Да, есть любовь тепличная, которая умираетъ въ обыкновенной атмосферѣ. Есть любовь — амеба, которая обволакиваетъ избранный предметъ и существуетъ до тѣхъ поръ, пока черпаетъ изъ него жизнь. Есть любовь — мелодія: ее нужно вызвать, чтобы она существовала, иначе ея нѣтъ. Но ты не упрекай себя: ты ни въ чемъ не виновата...

Нина не кончила, такъ какъ вошелъ Травинскій.

— Ты будешь дома вечеромъ?—спросила она мужа.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, — я пришелъ сказать тебѣ, что скоро ухожу. Сегодня обычное собраніе у Куровскаго.

— Я слышала цѣлыя легенды объ этихъ вечерахъ. Что вы тамъ дѣлаете?—спросила Анка.

— Выпиваемъ и разговариваемъ... Это вечера, на которыхъ люди говорятъ другъ другу безусловную правду. Пальма первенства всегда остается за Куровскимъ.

— Странно, что вамъ хочется слышать правду о себѣ отъ другихъ,—замѣтила Нина,—очевидно, самъ себя человѣкъ никогда не обидитъ.

— Дѣйствительно, странно: они и говорятъ другъ другу правду, и выслушиваютъ ее о себѣ.

— Повидимому, это доказываетъ, что сколько - нибудь культурный человѣкъ не удовлетворяется только матеріальными интересами: фабриками, дѣлами, деньгами.

— Ты права: даже Кесслеръ приходитъ туда, чтобы безнаказанно ругать другихъ. Единственно удобный случай, и онъ не пропускаетъ его.

XVIII.

Въ гостиницѣ у Куровскаго собрались уже всѣ, принадлежавшіе къ тѣсному кружку его знакомыхъ. Сидѣли за большимъ, круглымъ столомъ, уставленнымъ бутылками и освѣщеннымъ большимъ количествомъ свѣчъ въ серебряныхъ канделябрахъ.

Травинскій пришелъ съ Боровецкимъ, котораго захватилъ по дорогѣ.

Они застали моментъ филиппики Кесслера, который охрипшимъ, полнымъ ненависти голосомъ говорилъ:

— Ни одна, ни десять вашихъ фабрикъ не создадутъ промышленности. Вы должны сначала цивилизоваться, создать у себя извѣстную промышленную культуру, и тогда только ваши старанія перестанутъ возбуждать смѣхъ. Я хорошо васъ знаю! Вы очень способный народъ: вѣдь половина разныхъ тамъ музыкантовъ и пѣвцовъ въ Европѣ — поляки. Вы талантливые, большіе господа. Вамъ надо ѣхать въ Монако, не пропускать сезона въ Ниццѣ, въ Парижѣ, въ Италіи. Тамъ вы могли бы вызывать восхищеніе: вѣдь вы такъ любите, когда вами восхищаются! Вы все дѣлаете только на показъ, чтобы весь міръ любовался вами, чтобы можно было сыпать красивыми фразами! Ваше благородство, трудъ, искусство, литература, вся жизнь—только фраза; лучшая или худшая декламація для райка, а если нѣтъ его — то хоть для самого себя. Вы банкроты уже раньше, чѣмъ у васъ есть что-нибудь. Вы — короли флирта со всѣми и вездѣ. Я говорю безъ предубѣжденія, говорю лишь то, что видѣлъ, передаю рядъ своихъ наблюденій чисто анатомическаго характера.

Онъ замолчалъ и пилъ вино, которое все время подливалъ ему Куровскій.

— Вы правы и не правы,—возразилъ Куровскій.—Свинья, разсуждая, напримѣръ, объ орлѣ, говорила бы то же самое. Если бы она провела параллель между своей неопрятностью, грязнымъ хлѣвомъ, своей грубостью, глупой и жестокой силой, своимъ отвратительнымъ хрюкающимъ голосомъ и умомъ,

понимающимъ только обжорство, — параллель между всѣмъ этимъ и красотой орла, съ его жаждой свободы, жаждой летать въ небесахъ, съ его гордостью, любовью къ широкимъ перспективамъ, – она возненавидѣла бы его и презирала... То, что вы говорите, не есть анализъ явленій, а злобное ворчаніе индивидуума низшаго типа.

— Мнѣ все равно, кто—я: я ненавижу и презираю васъ.

— Вонъ его!—крикнулъ Мышковскій, вскакивая со стула.

— Оставь! Его ненависть—показатель нашей силы.

Кесслеръ не возражалъ больше; онъ вытянулся въ креслѣ и началъ читать какое-то грязное, измятое письмо, зловѣще улыбаясь.

— Однако, скоро вы исчерпали тему, — замѣтилъ Боровецкій.

— Кесслеръ плюетъ на насъ; мы не мѣшаемъ ему. Смѣшно думать, что если онъ насъ забросаетъ презрѣніемъ и ненавистью, то мы погибнемъ съ отчаянья или отъ страха уступимъ наше мѣсто умнымъ, трудолюбивымъ, цивилизованнымъ, благороднымъ нѣмцамъ. Глупый! Онъ не знаетъ, что народу, чтобы жить, развиваться и побѣждать, не лишне терпѣть иногда удары ненависти, не лишне, вмѣсто ангеловъ, напѣвающихъ ему гимны мира и любви, быть окруженнымъ шакалами, готовыми растерзать его.

— Міръ—число, говорилъ Пиѳагоръ; и ты въ немъ, Кесслеръ,—только нуль!—злобно замѣтилъ Мышковскій.

— Выпьемъ!—предложилъ Морицъ, который обыкновенно только слушалъ и не принималъ участія въ разговорахъ.

Всѣ выпили, закурили сигары и нѣкоторое время сидѣли молча.

Травинскій, любившій дѣлиться своими случайными мыслями и наблюденіями, не связанными съ общимъ разговоромъ, прервалъ молчаніе.

— Человѣкъ, живущій разсчетомъ, это хорошо функціонирующее колесо большой міровой машины, — ничтожество для прогресса, лишь сѣрый фонъ общественности: даже большой человѣкъ, сохраняющій существующій порядокъ, есть въ лучшемъ случаѣ консерваторъ цивилизаціи, но не творецъ ея.

— Что вы хотите сказать?—живо вмѣшался Высоцкій.

— Я констатирую только, что идеальныя личности ведутъ міръ впередъ, что безъ нихъ была бы ночь, господство хаоса и слѣпыхъ стихій.

— А откуда же берутся эти личности? Не падаютъ же онѣ съ луны, съ готовыми скрижалями заповѣдей и законовъ, открытій и изобрѣтеній прогресса? Онѣ тоже продуктъ сѣрой массы „консерваторовъ“, продуктъ своей обществен-

ной среды!—горячо проговорилъ Высоцкій, готовясь къ жаркому спору.

— Какой же выводъ изъ вашихъ словъ?—спокойно спросилъ Травинскій.

— Идеальныя личности, которыя, какъ вы говорите, ведутъ за собою міръ, эти геніи искусства, науки, мысли, чувства и т. д.,—все это только инструменты, съ помощью которыхъ высказывается ихъ раса, народъ или государство. Ихъ величіе прямо пропорціонально величію ихъ среды. Онѣ представляютъ фокусъ, въ которомъ концентрируются всѣ желанія, мечты и потребности ихъ народа. Потому трудно предположить, чтобы среди папуасовъ могъ родиться Коперникъ или Мицкевичъ.

— Въ свою очередь, тоже фактами я могу доказать вамъ, что геніи представляютъ не продуктъ своей расы, а нѣчто совсѣмъ иное. Но сначала я разскажу вамъ старую легенду о происхожденіи геніевъ. Когда-то, очень давно, зло царило между людьми и звѣрями, распространялось во всей природѣ, и въ пещерахъ, и въ пустыняхъ, и въ глубинѣ водъ. Господствовалъ тогда злой богъ Хаосъ и его дѣти: Зависть, Ненависть, Насиліе, Голодъ и Моръ. Всѣ боролись противъ всѣхъ, и стоны, и плачъ долго раздавались по землѣ, пока не разбудили, наконецъ, бога Индру, покоившагося въ небесахъ. Онъ долго слушалъ, смотрѣлъ на землю, пока сердце его не переполнилось жалостью; тогда божественныя слезы, какъ драгоцѣнныя жемчужины, скатились съ его глазъ и нѣкоторыя изъ нихъ упали на землю. Изъ этихъ-то слезъ выросли и продолжаютъ выростать геніи, ведущіе несчастное человѣчество въ лоно божества. Рожденные отъ божества, они являются свѣтомъ, любовью, спасеніемъ человѣчества.

— Сказка, какъ всѣ сказки, не имѣла бы смысла, если бы не была поэтичной, — возразилъ Высоцкій и продолжалъ спорить съ Травинскимъ, но уже потихоньку, такъ какъ подали ужинъ, и среди остальной компаніи завязался общій разговоръ.

Только Боровецкій скучалъ, не говорилъ и не слушалъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, чтобы остаться вдвоемъ съ Куровскимъ. Но гости и не думали расходиться, особенно, когда за чернымъ кофе Куровскій началъ потѣшать компанію своими любимыми афоризмами:

„Когда добродѣтель испытываетъ скуку, — остерегайтесь ея“.

„Можно быть добродѣтельнымъ, но при условіи: отъ времени до времени давать взятку пороку“.

„Кто жаждетъ справедливости, — можетъ получить ее — за деньги“.

„Нѣтъ такого негодяя, который иногда не ощупывалъ бы своихъ плечъ: не выростаютъ ли у него крылья ангела“.

„Лодзь признаетъ всѣ заповѣди, кромѣ одной: не укради“.

„Истина дороже всего обходится цивилизованному обществу. Поэтому не безпокойтесь: она никогда не будетъ господствовать“.

„Мы подчиняемся законамъ и уважаемъ ихъ, когда они поддерживаются штыками“.

„Наша цивилизація слишкомъ велика для нашихъ еще варварскихъ душъ, дикихъ инстинктовъ. Мы одѣваемся въ нее, какъ карлики въ платье великановъ“.

„То, что мы знаемъ, можно уподобить свѣту спички, зажженной во меракѣ вѣчности“.

„Кто можетъ пожертвовать собою ради идеи, пусть не гордится этимъ, такъ какъ, навѣрно, ему приходится жертвовать очень малымъ“.

„Нѣтъ злыхъ и добрыхъ людей; есть только глупые и умные“.

Кесслеру надоѣло слушать всѣ эти афоризмы.

— Вы забавляетесь, какъ дѣти, мыльными пузырями словъ!—воскликнулъ онъ, съ презрѣніемъ пожавъ плечами.

Никто не обратилъ на него вниманія.

Разговоръ перешелъ на литературу, съ легкой руки Мышковскаго, который сказалъ Боровецкому, подтрунивавшему надъ поклонниками литературы:

— Въ началѣ была пѣснь и въ концѣ будетъ пѣснь, учебника же прядильнаго искусства не дождешься.

Въ концѣ концовъ, Мышковскій предложилъ выпить съ нимъ на прощанье, объявивъ, что завтра уѣзжаетъ въ Австралію.

Всѣ начали чокаться съ нимъ, смѣясь надъ его заявленіемъ, но онъ серьезно повторилъ:

— Не смѣйтесь, даю вамъ честное слово, что завтра ночью уѣзжаю изъ Лодзи навсегда.

— Куда? зачѣмъ? почему?—посыпались вопросы.

— Куда глаза глядятъ. А зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы быть подальше отъ Европы и фабричной цивилизаціи. По горло сытъ я уже этимъ болотомъ, задыхаюсь въ немъ, тону, умираю. Еще нѣсколько лѣтъ, и я сгнилъ бы здѣсь до основанія. А я хочу жить и уѣзжаю. Начну жить зàново, по-человѣчески.

— Но зачѣмъ?—восклицали присутствующіе, изумленные такимъ рѣшеніемъ.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что мнѣ тутъ скучно, что мнѣ опротивѣла тиранія законовъ, нравовъ, общественныхъ отношеній, учрежденій, что мнѣ противна старая блудница Европа, ея

фальшь, кодексъ правилъ, связывающихъ меня и не позволяющихъ быть самимъ собой. Не могу я больше выносить всего этого.

— А развѣ въ другомъ мѣстѣ вамъ будетъ лучше?

— Посмотрю. Ну, будьте здоровы.

Всѣ убѣждали его остаться: его любили и уважали, не смотря на нѣкоторыя странности.

Одинъ Куровскій молчалъ, слѣдилъ за нимъ глазами и, цѣлуя его на прощанье, прошепталъ:

— Хорошо вы дѣлаете. Если понадобятся вамъ когда-нибудь деньги, напишите мнѣ.

— Зачѣмъ онѣ мнѣ? Вѣдь я беру съ собой такой капиталъ, какъ здоровыя руки и голова. Вѣдь я ѣду не соблазнять женщинъ или развлекаться; я ѣду пожить на свободѣ. Если хотите, вспоминайте меня иногда, и прошу васъ,—не отравляйте свою жизнь вѣчнымъ стремленіемъ къ деньгамъ, не превращайтесь въ ломовыхъ лошадей, не становитесь машинами, не изводите себя чрезмѣрной работой.

Онъ расцѣловалъ всѣхъ и, посмѣиваясь, чтобы скрыть волненіе, удалился.

— Сумасшедшій!—пренебрежительно проворчалъ Кесслеръ и тоже вскорѣ вышелъ вмѣстѣ съ Морицемъ и Высоцкимъ.

Остались только Куровскій и Боровецкій.

— Я задержу тебя только на минутку,—сказалъ Карлъ.

— Садись, до утра еще довольно времени,—отвѣтилъ Куровскій, указывая рукой на запотѣвшія окна, сквозь которыя уже пробивался свѣтъ.

Боровецкій долго разсказывалъ о своей фабрикѣ и положеніи дѣлъ, о необходимости избавиться отъ компаньоновъ, говорилъ о заговорѣ, который устроенъ противъ него, и, въ концѣ концовъ, предложилъ войти съ нимъ въ компанію.

Куровскій долго думалъ, разспрашивалъ о разныхъ частностяхъ дѣла и тогда только отвѣтилъ:

— Хорошо, но съ однимъ условіемъ. Впередъ предупреждаю, что условіе важное и... можетъ быть, немного странное.

— Какое?

— Можетъ быть, тебѣ оно не понравится, но ты отнесись къ нему спокойно, по-купечески.

— Жду съ интересомъ.

— Не женись на Анкѣ!

Боровецкій вскочилъ со стула; румянецъ радости залилъ его щеки. Онъ готовъ былъ броситься Куровскому на шею, но быстро принялъ суровое выраженіе и началъ искать шляпу.

— Я говорилъ тебѣ: отнесись спокойно, по-купечески...

Поговоримъ искренно, не обманывая другъ друга: вѣдь мы хорошо знакомы.

— Хорошо, будемъ говорить искренно.

— Я согласенъ войти съ тобой въ негласную компанію, чтобы избавить тебя отъ долговъ и выгнать твоихъ компаньоновъ, но за это ты откажись отъ Анки и женись на комъ угодно, хоть на Мадѣ Мюллеръ.

— А ты на Анкѣ?

— Это мое дѣло, что̀ будетъ дальше. Только откажись отъ нея и не мучь ее больше. Анку убиваетъ ея положеніе: сама она вѣдь не скажетъ тебѣ этого.

— Я самъ давно поступилъ бы такъ, думалъ и думаю объ этомъ часто, но боюсь ея впечатлительности; при томъ...

— При томъ она, какъ мнѣ кажется, тебя не любитъ, значитъ, ты сдѣлаешь ей только одолженіе.

— Я иначе думаю,—проговорилъ Карлъ, обиженный его словами.

— И ты тоже не любишь ее.

— На это отвѣчу: это уже мое дѣло. Теперь скажу только, что пока она не порветъ со мной отношеній, я буду считать ее своей невѣстой и женюсь на ней. Я удивляюсь, что ты могъ предложить мнѣ подобную сдѣлку,—кончилъ Карлъ, сверхъ своего ожиданія взволнованный.

— Ты правъ. Я, видно, немного пьянъ и не хорошо аргументировалъ.

— Спокойной ночи.

Куровскій пожалъ ему руку и съ глубокой грустью смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ позвонилъ слугу и велѣлъ немедленно запрягать лошадей.

— Бѣдная Анка!—думалъ онъ.

XIX.

— Я загляну на минутку на фабрику, а потомъ пойду съ вами: не хочется мнѣ возвращаться домой,—говорилъ Кесслеръ Морицу, когда они разстались съ Высоцкимъ.

— Пойдемъ ко мнѣ чай пить?—предложилъ Морицъ.

— Хорошо. Скверное у меня настроеніе, самъ не знаю, почему!—отвѣтилъ Кесслеръ, нервно вздрагивая.

Медленно шли они по пустымъ, какъ будто вымершимъ улицамъ. Снѣгъ побѣлилъ крыши и лежалъ на улицахъ и тротуарахъ тонкимъ слоемъ. Сѣрый туманъ окутывалъ городъ, придавая ему унылое настроеніе. Уже тушили фонари, все сливалось въ безформенную массу, только кое-гдѣ загорался огонекъ и быстро потухалъ.

— Вы должны идти на фабрику?—спросилъ Морицъ.

— Долженъ: ночная работа идетъ во всѣхъ отдѣлахъ.

— Простите мое замѣчаніе, но, если бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не заглядывалъ бы къ Малиновскому: у него видъ бѣшеной цѣпной собаки.

— Дуракъ! Его дочь стоитъ мнѣ тысячъ пять въ годъ, а онъ еще зубы на меня скалитъ.

— Онъ уже былъ въ Сибири,—замѣтилъ Морицъ.

— За возстаніе,—знаю. Онъ спокойный человѣкъ. Нужно къ нему зайти. Онъ написалъ мнѣ письмо, и я хочу лично отвѣтить ему.—Кесслеръ зловѣще улыбнулся.

— По поводу Зоськи?

— Да.

— Есть ли у васъ, по крайней мѣрѣ, револьверъ?

— У меня нога есть для этого польскаго пса. Если зарычитъ, я раздавлю его. Но увѣряю васъ, что даже не зарычитъ: онъ хочетъ только хорошаго вознагражденія за свою дочь. Я не первый разъ улаживаю такія дѣла, — говорилъ Кесслеръ насмѣшливо, но въ глубинѣ души чувствовалъ волненіе и безпокойство.

Раздраженно смотрѣлъ онъ на сѣрое небо, на угрюмые дома, на сонный, безмолвный городъ.

Но во дворѣ фабрики, залитомъ волнами электрическаго свѣта и полномъ движенія, онъ почувствовалъ себя опять хорошо.

— Обождите минутку. Я поговорю и сейчасъ же выйду.

Кесслеръ вошелъ въ почти темную башню: лампочка, прикрѣпленная къ закоптѣвшей стѣнѣ, бросала мутный свѣтъ на движущіеся поршни и нижнюю часть колеса, которое, какъ всегда, вращалось съ безумной быстротой, грозно сверкая громадными стальными спицами.

— Малиновскій!—крикнулъ Кесслеръ съ порога, но голосъ его былъ заглушенъ ревомъ машины.

Малиновскій, согнувшись, въ длинной блузѣ, съ масленкой и тряпкой въ рукѣ, ходилъ вокругъ машины; совершенно оглушенный шумомъ, вырывавшемся какъ будто изъ глубины моря, онъ только глазами слѣдилъ за движеніями чудовища, которое съ бѣшенствомъ металось, потрясало стѣнами и наполняло всю башню ужасомъ.

— Малиновскій! — крикнулъ ему почти на ухо Кесслеръ.

Малиновскій услышалъ, подошелъ ближе, поставилъ масленку и, спокойно смотря на Кесслера, началъ вытирать руки о блузу.

— Ты писалъ мнѣ письмо?—грозно спросилъ хозяинъ.

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Чего же тебѣ нужно? — грубо спросилъ фабрикантъ: спокойствіе Малиновскаго начинало раздражать его.

— Что ты сдѣлалъ съ Зоськой? — спросилъ старикъ, наклоняясь къ нему.

— Ну, чего же ты хочешь?—спросилъ вторично Кесслеръ и инстинктивно хотѣлъ отступить къ дверямъ.

Малиновскій преградилъ ему дорогу и тихо, очень спокойно отвѣтилъ:

— Ничего... Я только заплачу тебѣ за нее...

Глаза его сверкнули, какъ сталь, и сильныя руки вытянулись впередъ, точно рычаги машины.

— Прочь съ дороги! Не то голову разобью! — крикнулъ Кесслеръ. Онъ съ ужасомъ прочелъ въ глазахъ Малиновскаго свой смертный приговоръ.

— Попробуй, попробуй!..—угрюмо пробормоталъ рабочій.

Враги сошлись и нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга, какъ звѣри, готовые сдѣлать страшный прыжокъ.

Металлическое чудовище металось изо всѣхъ силъ, какъ будто хотѣло убѣжать изъ подавлявшихъ его громадныхъ стѣнъ.

— Прочь съ дороги!—рявкнулъ Кеселеръ и нанесъ Малиновскому такой ударъ кастетомъ, что тотъ отшатнулся къ стѣнѣ, но не упалъ; мгновенно ринулся на Кесслера, схватилъ его своими стальными руками за горло и началъ толкать къ противоположной стѣнѣ.

— Ты... стерва...—ворчалъ старикъ и все сильнѣе душилъ фабриканта. У Кесслера уже кровь хлынула изо рта, и онъ едва прохрипѣлъ:

— Прости... прости...

— Нѣтъ, я теперь прикончу тебя; ты мой... мой... — медленно и безсознательно повторялъ Малиновскій.

Но вдругъ Кесслеръ рванулся съ такою силою, что оба сразу упали на полъ.

Малиновскій не выпускалъ его, и они катались по полу, ударяясь головами объ асфальтъ, о стѣны, кусая другъ другу руки, рыча отъ боли и бѣшенства.

Борьба этихъ людей, обезумѣвшихъ отъ ненависти и жажды смерти, затягивалась и происходила уже подъ колесомъ машины, которое поминутно захватывало ихъ своими стальными клыками.

Малиновскій начиналъ уже брать верхъ и такъ сильно сжималъ противника, что у него захрустѣли ребра и грудная клѣтка. Но Кесслеръ послѣднимъ, отчаяннымъ движеніемъ схватилъ его руками за горло. Оба вскочили съ полу и, обхвативъ другъ друга, грохнулись съ страшнымъ крикомъ на поршни, между мелькавшихъ спицъ колеса, которое

мгновенно подхватило ихъ, затянуло, подняло къ потолку и разможжило съ быстротой молніи.

Еще, кажется, не замеръ ихъ крикъ среди дрожавшихъ стѣнъ, какъ они уже были мертвы, и только разстерзанные клочья тѣлъ носились по окружности чудовищнаго колеса, падали на стѣны, сползали съ окровавленныхъ поршней, рычаговъ и спицъ колеса, которое продолжало мчаться, въ своемъ безумномъ движеніи, съ бѣшенымъ ревомъ порабощенной силы.

За гробомъ жертвы Кесслера шла только группа знакомыхъ и друзей Адама Малиновскаго. Погода была ужасная: поминутно шелъ дождь со снѣгомъ, дулъ пронзительный, ледяной вѣтеръ, низко спускались сѣрыя, тяжелыя тучи.

Адамъ велъ мать, заливавшуюся слезами; за ними шли Яскульскіе со старшими дѣтьми и нѣсколько сосѣдокъ по рабочимъ казармамъ. Всѣ шли по серединѣ улицы, за траурными дрогами, которыя подпрыгивали на ухабахъ и разбрызгивали колесами жидкую, черную грязь.

Процессія медленно двигалась по Петроковской улицѣ, загроможденной возами съ разнымъ товаромъ; толпы народа въ грязи сновали по тротуарамъ, съ крышъ ручьями стекала вода, снѣгъ мокрыми хлопьями все больше и больше заносилъ дроги и гробъ.

По тротуару шли Блюменфельдъ, Шульцъ и вся ихъ музыкальная компанія, а за ней Стахъ Вильчекъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, которому все время разсказывалъ о своихъ дѣлахъ.

Горнъ тоже слѣдовалъ за процессій и печальными глазами искалъ Зоську, но ея не было и никто не зналъ, что̀ съ ней сталось послѣ смерти Кесслера.

За городомъ къ процессіи присоединилась группа работницъ. Онѣ затянули какую-то печальную пѣсню. Малиновскаго хоронили, какъ самоубійцу и убійцу, безъ ксендза, креста и молитвы, и это вызывало на лицахъ присутствовавшихъ глубокую горечь.

По мѣрѣ удаленія отъ города прибывало все больше рабочихъ изъ разныхъ воротъ и закоулковъ, людей, только что оторвавшихся отъ фабричной работы, загорѣлыхъ, посинѣвшихъ отъ холода. Они сплошной толпой окружили умершаго товарища и шли за нимъ, какъ грозное войско.

Пѣсня звучала печально, среди пронизывающаго вѣтра, холоднаго дождя и снѣга.

Въ аллеѣ, которая вела къ кладбищу, голыя деревья стонали отъ напора вѣтра, и похоронная пѣснь разносилась, какъ рыданіе, полное жалобы и безбрежной грусти.

Толпа быстро прошла черезъ кладбище, покрытое великолѣпными памятниками, и свернула въ уголокъ „забытыхъ“, гдѣ нѣсколько могильныхъ насыпей возвышалось среди уцѣлѣвшей жалкой растительности.

Могила была готова, и скоро желтая мерзлая земля застучала по крышкѣ гроба. Плачъ и крики женщинъ смѣшивались съ громкими молитвами рабочихъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ могилы.

Вѣтеръ вдругъ стихъ. Отъ Лодзи, сквозь падавшій тяжелыми хлопьями снѣгъ, доносились глухіе звуки фабричныхъ свистковъ...

— Что съ Зоськой?—спросилъ Блюменфельдъ Вильчека, когда толпа послѣ похоронъ возвращалась въ городъ.

— Станетъ уличной... Когда она узнала о смерти Кесслера, то разсердилась и начала бранить отца, что изъ-за него должна искать новаго любовника. Но, кажется, Вильгельмъ Мюллеръ уже занялся ею.

— Что вы теперь подѣлываете, Вильчекъ? — спросилъ Горнъ, подходя къ нимъ.

— Ищу какого-нибудь дѣла. Гросглюка бросилъ, а уголь мнѣ надоѣлъ.

— Говорятъ, вы продали Грюнспану свою землю?

— Продалъ... — проворчалъ онъ такимъ тономъ, точно коснулись его не зажившей раны.

— Что,. надулъ васъ?

— Надулъ! — со злостью сквозь зубы отвѣтилъ Вильчекъ.—Я продалъ землю за сорокъ тысячъ, заработалъ на этомъ дѣлѣ тридцать восемь съ половиной тысячъ, но онъ меня всетаки надулъ! Я не прощу ему этого до самой смерти!

Вильчекъ поднялъ воротникъ шубы, чтобы закрыть лицо отъ снѣга.

— Не понимаю. Вы столько заработали,—какъ же васъ могли надуть?..

— А вотъ какъ. Когда условіе было подписано, и деньги уже лежали въ моемъ карманѣ, этотъ жидъ вдругъ протягиваетъ мнѣ руку, благодаритъ за доброту и говоритъ мнѣ, что я уменъ, но не совсѣмъ!.. Началъ смѣяться и сказалъ, что рѣшилъ было дать мнѣ пятьдесятъ тысячъ, такъ какъ земля ему безусловно необходима!.. Подумайте только, какъ глупо я попалъ въ просакъ! А онъ теперь смѣется...

Вильчекъ не могъ простить себѣ, что позволилъ провести себя Грюнспану. Самолюбіе его очень страдало.

Онъ холодно простился съ товарищами. При воспоминаніи о неудачѣ ему непріятно было видѣть кого бы то ни было; онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ домой. Жилъ онъ въ прежней своей лачугѣ.

Въ комнатѣ у него было такъ холодно, сыро и пусто, что онъ едва досидѣлъ до вечера, и поплелся въ „колонію“, гдѣ теперь состоялъ нахлѣбникомъ, такъ какъ хотѣлъ завязать болѣе близкія сношенія съ представителями такъ называемаго „общества“.

Но въ „колоніи“, гдѣ всегда бывало весело, теперь видна была печаль на всѣхъ лицахъ, а Кама поминутно плакала: ей до глубины души жаль было Адама Малиновскаго. Проводивъ мать домой, онъ нѣсколько часовъ блуждалъ по городу и, наконецъ, усталый, пришелъ пить чай въ „колонію“, въ надеждѣ успокоиться среди своихъ друзей. Онъ сидѣлъ за столомъ и смотрѣлъ куда-то вдаль. При видѣ искренней печали всѣхъ присутствующихъ и слезъ Камы, онъ не выдержалъ, вдругъ выбѣжалъ изъ комнаты, не простившись ни съ кѣмъ, и разрыдался за дверью.

За нимъ выбѣжали Горнъ и Вильчекъ и отвезли его домой, куда скоро собрались и всѣ остальные пріятели.

Всѣ сидѣли нѣкоторое время молча. Но Блюменфельдъ началъ играть на скрипкѣ ноктюрны Шопена, игралъ долго и съ такимъ чувствомъ, что Малиновскій, заслушавшись музыки, въ концѣ концовъ немного успокоился.

Явился Давидъ Гальпернъ. Онъ началъ утѣшать его и говорить съ глубокой вѣрой о Богѣ. Всѣ слушали его довольно охотно, кромѣ Вильчека, котораго теперь ничто не занимало, кромѣ ненависти его къ Грюнспану. Онъ скоро ушелъ.

По цѣлымъ днямъ онъ бродилъ по городу, придумывая способы мести, главнымъ образомъ, на матеріальной почвѣ.

Вильчекъ искалъ только случая осуществить свой планъ, на которомъ, наконецъ, остановился—поджечь фабрику Грюнспана: онъ сознавалъ, что съ этой стороны можно нанести ему самую чувствительную рану.

Кое-что было уже налажено. Пока же, ради нѣкотораго удовлетворенія, онъ рѣшилъ открыть Боровецкому заговоръ Гросглюка и всѣ комбинаціи Морица, направленныя къ захвату имъ фабрики въ свои руки.

Онъ одѣлся очень тщательно и пошелъ съ визитомъ къ старику Боровецкому и Анкѣ, надѣясь встрѣтить тамъ и Карла.

Анка была рада его приходу: онъ напомнилъ ей родной Куровъ, и сейчасъ же провела его къ старику.

— Стахъ! здравствуй. Хорошо, что ты пришелъ, хорошо...— шепталъ панъ Адамъ, протягивая ему руку, которую Вильчекъ инстинктивно, по старой привычкѣ, поцѣловалъ.

— Ну, какъ твои дѣла?—спросилъ его панъ Адамъ, послѣ предварительныхъ разспросовъ о Куровѣ.

— Не дурно, ничего себѣ для начала, — небрежно отвѣчалъ Вильчекъ и, желая импонировать имъ, будто нехотя, разсказалъ исторію о сорока тысячахъ.

— Ну, ну! Богъ въ помощь тебѣ, Стахъ. Будь хоть милліонеромъ, только не обижай людей.

Вильчекъ снисходительно улыбнулся и началъ пространно разсказывать о своихъ планахъ, связяхъ съ милліонерами, о блестящемъ будущемъ, не замѣчая комизма своей хвастливости.

Анка насмѣшливо улыбалась, а панъ Адамъ съ искреннимъ изумленіемъ воскликнулъ:

— Какъ странно все складывается на свѣтѣ! Помнишь ли ты, Стахъ, какъ пасъ нашихъ коровъ? А чубуки ксендза Семена не забылъ?..

— Трудно забыть...—пробормоталъ онъ, смущенный взглядомъ Анки.

Это напоминаніе испортило его настроеніе; онъ сейчасъ же всталъ и спросилъ, дома ли Карлъ.

— Пана Боровецкаго нѣтъ. Онъ вчера уѣхалъ въ Берлинъ и пріѣдетъ черезъ нѣсколько дней,—отвѣтила Анка, наливая ему чай.

— А разскажи-ка мнѣ, какъ было дѣло съ той еврейкой?— безпощадно продолжалъ старикъ свои воспоминанія.—Ты съѣлъ ея калачи или нѣтъ?

Вильчекъ поспѣшилъ выпить чай и уйти домой, еще болѣе раздраженный, чѣмъ прежде.

— Мое дѣтство будетъ вѣчно преслѣдовать меня, — думалъ онъ.

Панъ Адамъ долго разговаривалъ о немъ съ Анкой, и никакъ не могъ понять, какъ это устроенъ такъ свѣтъ, что, напримѣръ, Вильчекъ, который пасъ у него скотину, и котораго онъ не разъ колотилъ, теперь уже богатый человѣкъ и можетъ спокойно приходить къ нему въ гости и чувствовать себя, какъ равный съ равнымъ.

Панъ Адамъ, хотя и былъ демократомъ, но на такое равенство не могъ согласиться.

— Они слишкомъ быстро выростаютъ! — говорилъ онъ.— Отъ шляхты бывало утѣшеніе и Господу Богу, а эти господа только чорта тѣшатъ. Какъ ты думаешь, Анка?..

XX.

Боровецкій жилъ въ Берлинѣ. Онъ поѣхалъ къ Люси, которая засыпала его телеграммами и грозила покончить съ собой, если онъ не пріѣдетъ, хотя на нѣсколько часовъ. Онъ поѣхалъ довольно охотно, надѣясь отдохнуть немного вдали

отъ фабрики, всѣ отдѣлы которой были уже пущены въ ходъ. Боровецкій чувствовалъ себя страшно измученнымъ тяжелой работой и постоянными заботами.

Съ Люси онъ видѣлся по два раза въ день. Встрѣчи эти тѣмъ болѣе мучили его, что Люси очень подурнѣла: фигура расплылась, лицо обрюзгло и покрылось желтыми пятнами.

Она скоро замѣтила производимое ею впечатлѣніе, и каждое свиданіе кончалось горькими упреками и слезами.

Она любила его съ прежней силой, но въ ней исчезла прежняя утонченная, страстная любовница; исчезла скромная, немножко наивная и трогательно-застѣнчивая Люси, восхищавшая всю Лодзь, и пробуждалась простая, грубая, невоспитанная женщина маленькаго мѣстечка, откуда была родомъ.

Она становилась крикливой, дерзкой, глупой: будущее материнство радикально измѣнило ее и разбудило инстинкты, спавшіе до сихъ поръ.

Карлъ съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣлъ на эту перемѣну, но, чувствуя себя виноватымъ, подавлялъ въ себѣ, насколько возможно, отвращеніе и ненависть и довольно спокойно переносилъ ея выходки и капризы.

При каждой встрѣчѣ она упрекала его, что онъ сдѣлалъ ее несчастной, постоянно напоминала ему, что будущій ребенокъ—его, постоянно терзала его страхомъ смерти, и кончала тѣмъ, что бросалась въ объятія съ безумными вспышками чувственности.

Черезъ нѣсколько дней Боровецкій простился съ нею: больше не хватало ни силъ, ни терпѣнія переносить ее.

Но онъ продолжалъ жить въ Берлинѣ и проводилъ дни и ночи въ пустыхъ, безсмысленныхъ развлеченіяхъ.

Однажды онъ вернулся домой очень поздно. Его разбудили и подали телеграмму. Соннымъ, почти безсознательнымъ взглядомъ онъ прочелъ: „Пріѣзжай. Горитъ фабрика. Морицъ."

Карлъ соскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и началъ медленно пить остывшій чай, разсматривая въ окно противоположную сторону улицы; только черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ, что сжимаетъ въ рукѣ какую-то бумагу; онъ развернулъ и снова прочелъ телеграмму.

— Фабрика горитъ!—вскрикнулъ Боровецкій испуганнымъ голосомъ и бросился въ корридоръ, какъ бы готовый бѣжать на помощь; только у подъемной машины онъ опомнился и овладѣлъ собою.

Онъ заказалъ экстренный поѣздъ и, охваченный невыразимой тревогой, ждалъ въ какомъ-то маленькомъ ресторанчикѣ у вокзала. Что онъ пилъ, что дѣлалъ, что говорилъ,—

онъ не сознавалъ: всѣмъ своимъ существомъ онъ былъ въ Лодзи, гдѣ горѣла его фабрика.

Когда ему доложили, что поѣздъ готовъ, онъ понялъ это и сѣлъ въ вагонъ; когда его о чемъ-то спрашивали, онъ тоже понималъ, но не зналъ, что отвѣчать: въ мозгу безпрестанно, не умолкая, звучала одна мысль: горитъ фабрика!

Поѣздъ, состоявшій только изъ одного спеціальнаго вагона, тендера и паровоза, помчался. Съ какой-то станціи, гдѣ была минутная остановка, Карлъ телеграммой просилъ Морица сообщать ему депешами о ходѣ пожара.

Вокзалы, города, горы, рѣки, лѣса—мелькали, какъ въ калейдоскопѣ, проносились, какъ тѣни, и исчезали въ ночной темнотѣ. Остановокъ почти не было.

Боровецкій, прильнувъ лицомъ къ окну вагона, стоялъ и смотрѣлъ на мелькавшіе въ темнотѣ предметы, на снѣжныя поля, убѣгавшія назадъ.

Онъ ни о чемъ не думалъ и только посматривалъ на часы.

Въ Александрово его ждала уже телеграмма: „Горитъ".

Онъ пересѣлъ въ курьерскій поѣздъ и поѣхалъ дальше.

Была поздняя ночь. Онъ прикрылъ свѣтъ фонаря занавѣской и легъ, но заснуть не могъ; все существо его было охвачено тревогой; какіе-то неясные образы, безъ очертаній и лицъ, носились передъ глазами, терзали мозгъ и сердце и вызывали дрожь во всемъ тѣлѣ.

Боровецкій вскочилъ съ дивана и, при свѣтѣ вагоннаго фонаря, который снова открылъ, сталъ опредѣлять по памятной книжкѣ активъ и пассивъ своей фабрики. Но не кончилъ, очевидно, испугавшись положенія своихъ дѣлъ. Страховая премія могла покрыть только вклады компаньоновъ и долгъ Анки. Но ни своихъ собственныхъ средствъ, затраченныхъ на дѣло, ни вознагражденія за свой трудъ, ни денегъ на устройство другой фабрики онъ не нашелъ въ своихъ цифрахъ.

Боровецкій не хотѣлъ думать объ этомъ, но чѣмъ больше старался забыть, тѣмъ яснѣе вставали передъ нимъ зловѣщія цифры.

— Что дѣлать?—повторялъ онъ иногда и не могъ ничего придумать, не могъ даже связать ни одной мысли.

Онъ опять началъ смотрѣть въ окно вагона, сгорая отъ нетерпѣнія и неизвѣстности: воображеніемъ онъ уже сотни разъ забѣгалъ впередъ, былъ уже въ Лодзи, видѣлъ зарево, пламя, пожиравшее плоды его рукъ, слышалъ гулъ и трескъ рушившихся стѣнъ...

Онъ вскакивалъ съ мѣста, ходилъ взадъ и впередъ по вагону, какъ пьяный натыкался на стѣны, и опять ложился,

безсмысленно устремивъ взглядъ на свѣтъ электрическаго фонаря.

Время тянулось медленно.

Въ Скерневицахъ получилась третья телеграмма: „Еще горитъ". Боровецкій изорвалъ ее и бросилъ на полъ.

Онъ попробовалъ выпить коньяку, но не успокоился и не забылся. Съ тревогой въ сердцѣ всматривался онъ въ названія станцій, мимо которыхъ проносился поѣздъ. Тревога не покидала его ни на минуту, разстраивала нервы. Отъ усталости Карлъ впадалъ иногда въ дремоту, но быстро пробуждался съ чувствомъ прежняго страха и сознаніемъ своего безсилія.

Но утомленіе мало-по-малу начинало брать верхъ, и онъ все менѣе отчетливо сознавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ; точно сквозь сонъ различалъ онъ блѣдный свѣтъ, который уже начиналъ заглядывать въ окно, открывая неясные контуры лѣсовъ, деревень и массу снѣга, падавшаго изъ сѣрыхъ тучъ на землю.

Въ Колюшкахъ уже не было телеграммы.

Боровецкій, поборовъ усталость, умылся и старался привести въ равновѣсіе свои разстроенные нервы. Но, вернувъ себѣ внѣшнее спокойствіе и способность логично соображать, онъ не могъ преодолѣть нетерпѣнія и тревоги, которыя все возрастали, по мѣрѣ приближенія къ Лодзи.

Сколько лѣтъ труда, сколько надеждъ, усилій, желаній,—думалъ онъ,—все, что было и могло быть, разсѣялось съ дымомъ пожара.

Поѣздъ какъ будто раздѣлялъ его безпокойство. Онъ мчался безъ удержу среди сплошной массы падающаго снѣга; рычалъ отъ усилій, громыхалъ цѣпями, выпускалъ тучи дыма...

XXI.

Въ день пожара Анка, какъ обыкновенно, сидѣла возлѣ пана Адама, который былъ особенно разстроенъ и тревоженъ. Онъ все время спрашивалъ о Карлѣ и жаловался на духоту и сильную боль въ сердцѣ.

День былъ пасмурный, вѣтеръ бросалъ въ окна хлопья снѣга, раскачивалъ деревья въ саду и со свистомъ носился по верандѣ, на которую выходили окна больного.

Вечеромъ вѣтеръ утихъ и наступила глубокая тишина, среди которой еще громче гудѣли фабрики.

— Когда пріѣдетъ Карлъ?—снова спросилъ старикъ.

— Не знаю, — отвѣтила Анка, расхаживая по комнатѣ и заглядывая въ окна.

Она чувствовала усталость и невыразимую тоску, которую, казалось, навѣвала сѣрая ночь, спускавшаяся на землю.

По цѣлымъ недѣлямъ она не выходила изъ комнатъ, просиживая все время возлѣ старика и все больше страдая отъ своего фальшиваго положенія.

Теперь, блуждая по полутемной комнатѣ, насыщенной запахомъ лѣкарствъ, она испытывала такое чувство, какъ будто уже навсегда обречена оставаться въ этомъ положеніи и должна подчиниться печальной необходимости самоотреченія.

Боровецкій началъ вполголоса читать свои вечернія молитвы; Анка не слушала его, въ какомъ-то оцѣпенѣніи остановилась у окна и смотрѣла въ садъ.

Вдругъ кто-то мелькнулъ въ фабричной калиткѣ и быстро побѣжалъ къ верандѣ, что-то крича на ходу.

Анка бросилась ему навстрѣчу.

— Горитъ!—крикнулъ Соха.

— Гдѣ?

Анка закрыла дверь въ переднюю, чтобы больной не могъ слышать.

— На фабрикѣ. Пожаръ начался въ сушильнѣ, въ третьемъ этажѣ..

Она больше не стала разспрашивать, кинулась бѣжать на фабрику и, едва успѣла шмыгнуть въ калитку, какъ увидѣла пламя, вырывавшееся изъ оконъ сушильни.

Во дворѣ была ужасная суматоха, люди съ безумными криками выбѣгали изъ павильоновъ, стекла лопались въ окнахъ, и черный, ѣдкій дымъ, съ огнемъ, лизалъ оконныя рамы и поднимался на крышу...

— Отецъ! — съ ужасомъ вспомнила Анка и побѣжала домой.

Но теперь и на верандѣ уже слышны были крики, и пламя виднѣлось изъ оконъ дома.

— Что тамъ случилось, Анка?—тревожно спросилъ старикъ.

— Ничего... ничего... кажется, у Травинскихъ что-то...—быстро отвѣтила она, зажгла лампу и дрожащими руками спустила шторы.

— Барышня... Бога ради... тамъ...—заголосила, вбѣгая въ комнату, горничная.

— Тише!..—прикрикнула на нее Анка.—Зажги лампу, а то здѣсь темно...

— Да вѣдь горитъ...

— Да... да... хорошо... иди... я позову тебя...

Глухой, смѣшанный шумъ пожара усиливался все больше и начиналъ врываться въ комнату черезъ окна и двери.

— Боже, Боже!..—безпомощно шептала Анка, не зная, что дѣлать, чтобы заглушить долетающій шумъ.

— Анка, пригласи Макса пить чай,—сказалъ старикъ.

— Хорошо. Сейчасъ напишу ему.

Она бросилась къ письменному столу, стала передвигать стулья, стучать ящиками, сбросила на землю цвѣтной горшокъ, потомъ портфель съ бумагами, поднимая который, опрокинула стулъ; начала искать чернильницу, громко стучала ногами, хлопала дверьми.

— Что ты выдѣлываешь сегодня?—проворчалъ старикъ, начиная тревожно прислушиваться, такъ какъ, не смотря на глухоту, уже смутно различалъ какой-то шумъ.

— Я стала совсѣмъ неуклюжая... это даже Карлъ замѣтилъ!..—отвѣтила Анка и разразилась безпричиннымъ смѣхомъ.

Она заглянула въ сосѣднюю комнату, чтобы посмотрѣть на фабрику. Инстинктивный крикъ вырвался изъ ея груди, когда она увидѣла море огня.

— Что случилось?—спросилъ Боровецкій, услыхавъ ея крикъ.

— Ничего... ничего... я ушиблась о дверь... — говорила Анка, хватаясь за голову. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и едва держалась на ногахъ.

Пожарная команда съ грохотомъ и звуками рожковъ пронеслась по улицѣ.

— Анка, что тамъ?

— Какіе-то возы проѣхали...

— Мнѣ кажется, я слышалъ музыку?

— Это бубенчики на лошадяхъ!.. бубенчики!.. Не почитать ли вамъ что-нибудь, отецъ?

Больной утвердительно кивнулъ головой.

Анка очень громко начала читать.

— Слышу... слышу... — раздраженно остановилъ ее панъ Адамъ.

Она не обратила вниманія на его протестъ и, не понижая голоса, продолжала читать; она не знала, что читаетъ, не понимала ни одного слова, не различала буквъ: читала въ какомъ-то гипнозѣ.

Кровавый отблескъ пожара, не смотря на освѣщеніе въ комнатѣ, уже начиналъ ложиться на шторы.

Сердце дѣвушки замирало отъ страха, ужасное безпокойство терзало мозгъ, потъ выступалъ на блѣдномъ лицѣ, голосъ все время прерывался. Она задыхалась, но все еще владѣла собой.

Крики уже ясно долетали въ комнату, а шумъ падаю-

щихъ стѣнъ и проваливающихся потолковъ поминутно потрясалъ весь домъ...

— Боже!.. смилуйся!..—молилась про себя Анка.

Панъ Адамъ слушалъ ея чтеніе все съ большимъ безпокойствомъ.

— Кричатъ! Какъ будто на фабрикѣ Карла... Посмотри, Анка.

Она заглянула въ сосѣднюю комнату и увидѣла, что уже вся фабрика въ огнѣ: пожаръ, какъ буря, носился надъ всѣми павильонами и огненными волнами подымался къ небу...

— Ничего... ничего... отецъ!.. Вѣтеръ шумитъ... ужасный вѣтеръ!..—съ величайшимъ усиліемъ проговорила она.

Она чувствовала, что задыхается... Она хорошо знала, что этотъ пожаръ убьетъ отца...—Что дѣлать?.. Почему нѣтъ Карла?... Что, если и домъ загорится? — подобно молніямъ, мелькали эти мысли и до конца обезсиливали ее.

Она не могла больше читать, стала ходить по комнатѣ и приготовлять, что нужно, къ чаю.

— Это вѣтеръ, отецъ... Вы помните, какой страшный вѣтеръ былъ въ Куровѣ?.. Помните нашу тополевую аллею? Какъ вѣтеръ тогда вырывалъ и ломалъ въ ней деревья?.. Боже... какъ я боялась тогда!.. Еще... сегодня... сейчасъ... Я слышу этотъ страшный шумъ... трескъ... какъ будто стоны деревьевъ... отчаянный вой вѣтра... Боже... какъ это страшно!..

Больше она не въ силахъ была говорить и остановилась, вслушиваясь въ шумъ пожара, который все возрасталъ.

— Тамъ что-то случилось, — замѣтилъ больной, силясь встать.

Анка очнулась, еще разъ успокоила его, прошла въ гостиную, съ большимъ усиліемъ пододвинула къ открытымъ дверямъ піанино и начала играть какой-то бравурный, веселый маршъ. Эта музыка, дѣйствительно, заглушила немного долетавшій снаружи шумъ и вызвала на лицѣ пана Адама даже довольное выраженіе.

Анка играла все громче. Слезы ручьями катились по ея щекамъ, она не замѣчала ихъ, ничего не видѣла, не понимала, играла безсознательно, руководимая одной только мыслью—спасти отца.

Вдругъ домъ задрожалъ, картины попадали со стѣнъ, раздался такой гулъ, точно земля провалилась.

Панъ Аданъ бросился къ окну, сорвалъ шторы, и зарево пожара, подобно кровавой волнѣ, хлынуло на него и залило всю комнату.

— Фабрика! Карлъ! Карлъ!..—прошепталъ старикъ и упалъ навзничь. Конвульсивно сгибались его ноги и руки, и онъ хрипѣлъ, какъ будто его душили.

Анка бросилась къ нему, стала звать прислугу, звонила, но никого не было. Пробовала привести его въ чувство, спасти, но все было напрасно: Боровецкій не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни. Она выбѣжала на крыльцо и начала звать на помощь.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ скоро пришелъ Высоцкій, который ухаживалъ за пострадавшими на пожарѣ рабочими, но было уже поздно: панъ Адамъ былъ мертвъ. Анка лежала рядомъ съ нимъ въ глубокомъ обморокѣ.

Фабрика продолжала горѣть.

Гулъ, обнаружившій старику Боровецкому пожаръ, произошелъ отъ взрыва котла, который взлетѣлъ на воздухъ, разрушилъ половину павильона; какъ огненный метеоръ, пронесся въ воздухѣ и упалъ на одинъ изъ павильоновъ фабрики стараго Баума. Тамъ онъ пробилъ крышу, потолокъ, разрушилъ два этажа и зарылся внизу подъ грудой развалинъ уже горѣвшаго зданія.

Послѣ взрыва котла пожаръ на фабрикѣ Боровецкаго сталъ прогрессировать еще сильнѣе. Сквозь разорванныя стѣны ринулись потоки огня и дыма и съ дикимъ шумомъ охватили все кровавымъ пламенемъ.

Не смотря на усилія пожарной команды, павильоны загорались одинъ за другимъ, огонь, какъ живое существо, ползалъ по стѣнамъ, взбирался на крыши, волнами распространялся по всему двору.

Ужасъ пожара возрасталъ еще отъ темноты ночи и сильнаго вѣтра. Клубы ѣдкаго дыма наполняли дворъ, покрывали стѣны чернымъ туманомъ, въ которомъ извивались огненныя змѣи.

Крыши и потолки проваливались и съ трескомъ падали въ море огня, стѣны лопались и разсыпались въ дребезги.

Стихія бушевала, и люди отказались бороться съ нею, тѣмъ болѣе, что нужно было защищать сосѣднюю фабрику Травинскаго и тушить пожаръ на фабрикѣ Баума.

Къ утру на мѣстѣ фабрики Боровецкаго стояли только голыя стѣны, безъ крышъ, потолковъ, безъ оконъ, большіе квадраты, похожіе на пробитые на сквозь ящики, на днѣ которыхъ еще ползали красные языки огня, уничтожая послѣдніе остатки фабрики.

Сыпалъ частый снѣгъ, было сѣрое, унылое утро, когда пріѣхалъ Боровецкій.

Онъ соскочилъ съ извозчика и пошелъ прямо на фабрику. На дворѣ онъ остановился между грудами еще дымившихся развалинъ, которыя поливали водой, и сталъ медленно обводить глазами голыя, ободранныя стѣны, настоящее кладбище своихъ трудовъ и надеждъ...

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ. Волненіе, тревога, страхъ, терзавшіе его въ вагонѣ, теперь разсѣялись; онъ смотрѣлъ сурово, спокойно, и только въ сердцѣ его появилось и росло чувство злобы, ненависти и упорства.

Къ нему подошелъ Морицъ и еще кто-то. Карлъ поздоровался съ ними; равнодушно и спокойно слушалъ разсказы о началѣ и ходѣ пожара. Самъ ни о чемъ не разспрашивалъ и пошелъ въ контору, которая уцѣлѣла. Только крыша была сорвана на этомъ одноэтажномъ домикѣ.

Въ конторѣ стоналъ старикъ Яскульскій, получившій ожоги на пожарѣ. За нимъ ухаживалъ Высоцкій.

Боровецкій посмотрѣлъ черезъ окно на дымившіяся развалины и твердымъ голосомъ обратился къ Морицу:

— Ну что-жъ! нужно начинать снова.

— Да, да! Если бъ ты зналъ, что я пережилъ! Я совсѣмъ боленъ, боюсь за себя... Какое несчастье, какое несчастье!.. Я былъ въ городѣ, видѣлъ, какъ ѣхала пожарная команда, и думалъ: пусть опоздаетъ, если это кому-нибудь нужно... Вдругъ кто-то сказалъ: Боровецкій горитъ... Я пріѣхалъ; уже вся прядильня была въ огнѣ! Что я пережилъ, что я пережилъ!

Боровецкій долго слушалъ его жалобы, наконецъ, когда дѣланное отчаяніе Морица надоѣло ему, онъ сказалъ:

— Не ломай дурака. Вѣдь это ты сдѣлалъ!

Морицъ отшатнулся и началъ кричать:

— Ты сумасшедшій! Ты психопатъ, ты...

— Я знаю, что говорю.

Боровецкій обернулся къ Матвѣю, который со слезами бросился цѣловать его руки и бормоталъ что-то непонятное. Карлъ могъ разобрать только, что кто-то умеръ

— Кто умеръ? Говори по-человѣчески!—крикнулъ онъ съ раздраженіемъ.

— Старый баринъ!.. Боже мой! Прибѣжалимы, а старый баринъ лежитъ... барышня тоже на полу...

— Послушай, шутъ, не мели вздора, а то я тебѣ голову разможжу!—сказалъ Карлъ, приближаясь къ слугѣ.

— Да, панъ Адамъ умеръ отъ аневризма сердца,—сказалъ Высоцкій,—вѣроятно, отъ неожиданнаго испуга; я былъ тамъ... Пойдите туда: Анка тоже еле жива!

Боровецкій очень любилъ отца. Онъ былъ испуганъ этимъ извѣстіемъ и, какъ будто не вѣря словамъ доктора, поспѣшилъ домой.

На порогѣ онъ встрѣтилъ Анку, которую переносили къ Травинскимъ. Дѣвушка была въ слезахъ.

— Перестань! не плачь...—хотѣлъ утѣшить ее Боровецкій.— Фабрику мы выстроимъ снова. Все будетъ хорошо...

— Отецъ... отецъ...

Она не могла говорить и разрыдалась.

— Я зайду къ вамъ днемъ,—сказалъ ей Карлъ и пошелъ къ отцу.

Онъ долго смотрѣлъ на доброе, благородное лицо старика, застывшее съ выраженіемъ страданія, которое въ послѣднюю минуту исказило его черты.

Возлѣ трупа отца Карлъ перенесъ самыя тяжелыя минуты.

Послѣ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ мысленно пережилъ всю свою жизнь, обнажилъ ее передъ собой безъ всякихъ прикрасъ, глубоко заглянулъ себѣ въ душу. И какъ грустно, тяжело стало ему...

Въ эту ночь Карлъ проспалъ довольно долго. Проснувшись, онъ почувствовалъ себя совершенно бодрымъ и думалъ о рѣшительной борьбѣ съ судьбой. Но съ первыхъ же шаговъ наткнулся на препятствія.

Морицъ, среди нѣжнѣйшихъ увѣреній въ дружбѣ, сообщилъ ему, что беретъ назадъ свой вкладъ, и что страховое общество уже извѣщено объ этомъ.

— Я тебя понимаю,—отвѣтилъ Боровецкій. — Ты ловко все подстроилъ, чтобы погубить меня. Но неужели ты думаешь, что это удастся тебѣ, что я не оправлюсь.

— Ты огорченъ и не знаешь самъ, что́ говоришь, даже обижаешь меня подозрѣніями. Я выхожу изъ компаніи просто потому, что не могу держать денегъ въ мертвомъ дѣлѣ. Ты справишься и безъ меня, а деньги мнѣ сейчасъ нужны для дѣла съ моимъ тестемъ.

Морицъ началъ со всѣми подробностями разсказывать о своихъ дѣлахъ.

— Карлъ, ты не смотри на меня такъ скверно,—кончилъ онъ.—Я люблю тебя, какъ брата; у меня болитъ сердце, когда я подумаю о твоихъ убыткахъ; мнѣ такъ хотѣлось бы помочь тебѣ чѣмъ-нибудь, что я готовъ купить у тебя землю и все, что осталось отъ фабрики, хотя мнѣ это и не нужно. Я занялъ бы денегъ, но заплатилъ бы тебѣ сейчасъ, чтобы только ты могъ начать новое дѣло.

Карлъ, возмущенный его проектомъ, указалъ ему на дверь.

— Вотъ мой отвѣтъ! О дѣлахъ я разговариваю въ конторѣ.

— Что? что? Меня—гнать!.. За мою дружбу, за мое сочувствіе?

— Убирайся, а то велю вытолкать въ шею,—рѣшительно сказалъ Карлъ и позвонилъ.

По уходѣ Морица Боровецкій сѣлъ за столъ и долго что-то подсчитывалъ. Всталъ онъ блѣдный и разстроенный, такъ какъ оказалось, что страховой преміи хватитъ только на

покрытіе самыхъ крупныхъ долговъ, а мелкіе могутъ поглотить всю стоимость земли, такъ что въ результатѣ онъ останется безъ копѣйки.

Опять придется поступить на службу, опять нужно будетъ повиноваться, стать машиной, жить цѣлые годы въ мукахъ безсилія, въ безплодныхъ мечтахъ о свободѣ, метаться въ цѣпяхъ зависимости и смотрѣть съ завистью на тѣхъ, которые строятъ фабрики, накопляютъ милліоны и живутъ во всю ширь своихъ силъ, желаній, страстей!..

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... — шепталъ онъ сквозь сжатые зубы и съ презрѣніемъ и ненавистью гналъ отъ себя картины прошлаго.

Ни за что не вернется онъ больше къ своему прошлому! Голова лихорадочно работала надъ изысканіемъ средствъ выдти изъ критическаго положенія. Ни на минуту не думалъ онъ о томъ, чтобы сдаться.

На другой день пришелъ Максъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза его были красны отъ слезъ; первымъ дѣломъ онъ сообщилъ Карлу, что выходитъ изъ компаніи и что тоже предупредилъ объ этомъ страховое общество. Тутъ Боровецкій не выдержалъ.

— И ты меня покидаешь, Максъ?—съ горечью проговорилъ онъ, и слезы, первый разъ въ жизни, выступили у него на глазахъ.

Но скоро онъ оправился и началъ развивать свой планъ новой фабрики, говорилъ Максу, что ему нужны не капиталы его, а онъ самъ, его честность и способности, умолялъ его остаться.

— Не могу,—возразилъ Максъ.—Не сердись на меня, не обижайся: я не могу. Видишь ли, я вложилъ въ эту фабрику всю свою душу, я радовался ей, какъ ребенокъ, жилъ ея жизнью, и все пошло прахомъ. У меня не хватило бы ни силъ, ни вѣры для другой подобной работы. Пойми мое положеніе и прости меня... Я всегда останусь твоимъ пріятелемъ, всегда можешь разсчитывать на меня, но дѣло я буду вести отдѣльно. Я еще самъ не знаю, что буду дѣлать. Будь здоровъ!

— Прощай!

Они поцѣловали другъ друга и разстались.

Боровецкій не могъ упрекать Макса; онъ хорошо понималъ его душевное состояніе: рабочіе разсказывали, что, когда положеніе горящей фабрики стало совсѣмъ безнадежно, Максъ заперся въ конторѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, надъ развалинами своихъ трудовъ.

— Итакъ, я остался совершенно одинъ! — резюмировалъ Карлъ свое положеніе.—Ну, что-жъ? Буду бороться одинъ.

Онъ велѣлъ прислугѣ заняться приготовленіями къ похоронамъ отца, а самъ пошелъ на фабрику, гдѣ уже были агенты страхового общества.

Но скоро прибѣжалъ за нимъ Матвѣй и доложилъ, что его ждетъ старикъ Мюллеръ.

При видѣ Карла, фабрикантъ бросился обнимать его и сейчасъ же заговорилъ:

— Я былъ въ Сосновцѣ, мнѣ только сегодня сообщили телеграммой, и потому я опоздалъ. Я ужасно огорченъ, мнѣ васъ жаль: я видѣлъ, какъ вы работали. Однако, что вы думаете дѣлать дальше?

— Еще не знаю.

— Вы все потеряли?

— Все,—откровенно отвѣтилъ Боровецкій.

— Пустяки! Я вамъ помогу. Вы заплатите мнѣ обыкновенный процентъ, и я выстрою вамъ еще большую фабрику: я васъ люблю, вы мнѣ очень нравитесь. Согласны?

Карлъ сталъ доказывать ему, что не можетъ дать никакихъ гарантій, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображалъ свое матеріальное положеніе. Фабрикантъ только разсмѣялся въ отвѣтъ.

— Перестаньте! У васъ есть умъ; это—самый большій капиталъ. Сегодня васъ постигло несчастье, а черезъ нѣсколько лѣтъ вы съ избыткомъ все поправите. Я былъ когда-то ткачомъ, не умѣю грамотно писать, а у меня—фабрика, милліоны. Женитесь на моей Мадѣ и берите себѣ все: я давно хотѣлъ сказать вамъ это. Она добрая дѣвушка. А не хотите—не женитесь: я и такъ дамъ вамъ денегъ. Мой Вилль—не фабрикантъ. Я куплю ему имѣніе: онъ баринъ. Мнѣ нуженъ такой зять, какъ вы. Ну, что? — повторилъ онъ свой вопросъ, вытирая рукавомъ вспотѣвшее лицо.—Говорите скорѣе: мнѣ некогда...

— Хорошо!—спокойно отвѣтилъ Карлъ: онъ давно вѣдь зналъ, что такъ кончится.

Мюллеръ, въ восторгѣ, обнялъ его, похлопалъ по плечу и ушелъ домой.

XXII.

Прошло нѣсколько недѣль со времени пожара и похоронъ пана Адама. Анка не присутствовала на похоронахъ, такъ какъ была больна и лежала въ квартирѣ Травинскихъ, куда переселилась совсѣмъ.

Теперь она чувствовала себя значительно лучше, но боялась выходить на улицу въ виду ужасной весенней погоды, съ дождями, грязью и холодомъ.

Она чувствовала себя почти здоровой, но душевное равновѣсіе возвращалось къ ней очень медленно. Страшная ночь, кончившаяся смертью пана Адама, оставила на ней неизгладимые слѣды. Постоянно нужно было кому-нибудь быть съ нею, развлекать и не позволять поддаваться воспоминаніямъ.

Чаще всего дѣлала это Нина, которая съ самопожертвованіемъ матери ухаживала за нею; каждый день приходила Высоцкая, а по вечерамъ навѣщала Кама.

Анка цѣлый день проводила въ большой угловой комнатѣ, превращенной въ оранжерею, гдѣ цвѣли камеліи, щебетало множество птицъ и журчалъ фонтанъ.

Анка сидѣла въ низкомъ, глубокомъ креслѣ и разговаривала съ Ниной.

— Знаешь, обо мнѣ никто такъ искренно не заботился, какъ ты.

— Неудивительно: я сама заинтересована въ томъ, чтобы беречь свою натурщицу,—весело отвѣтила Нина.

Она рисовала портретъ Анки, прикрытой въ полулежащей позѣ тигровой шкурой, на фонѣ цвѣтущихъ камелій.

Тутъ было тепло и тихо; фонтанъ монотонно журчалъ, и вода бриллiантовой пылью падала въ бѣлый, мраморный бассейнъ, въ которомъ плавали маленькія зеленыя лягушки.

— Карлъ былъ сегодня?—спросила Нина.

— Былъ...

— Уже кончено?..

— Нѣтъ еще, не хватило духу, но на этихъ дняхъ я возвращу ему кольцо и слово. Это очень тяжело...

Она замолчала, и слезы показались на ея глазахъ. Разговоръ оборвался.

Дни продолжали тянуться монотонно.

Однажды вечеромъ навѣстилъ Анку Стахъ Вильчекъ. Анка приняла его въ оранжереѣ и молча смотрѣла на него. Вильчекъ, раздушенный, самоувѣренный, разсказывалъ ей, что онъ составилъ компанію съ Максомъ Баумомъ, и весной на землѣ старика Баума они начнутъ строить фабрику полушерстяныхъ платковъ и будутъ конкуррировать съ Грюншпаномъ.

— А что же съ отцомъ Макса?—спросила Анка.

— Съ ума сошелъ! Какъ вамъ извѣстно, пожаръ совершенно разрушилъ его и безъ того опустѣвшую фабрику; старикъ уступилъ всю землю Максу, отдалъ весь готовый товаръ, который оставался еще въ складѣ, продалъ даже уцѣлѣвшіе станки и раздѣлилъ капиталъ между дѣтьми, но выговорилъ себѣ условіе, что до его смерти никто не коснется стѣнъ его сгорѣвшей фабрики... Замкнулся въ этихъ

стѣнахъ и живетъ тамъ. Совсѣмъ сумасшедшій! Я совѣтовалъ Максу перевезти старика въ какую-нибудь лѣчебницу: стѣны фабрики пригодились бы намъ; но онъ не хочетъ.

— Онъ правъ... Не можете ли вы попросить Макса зайти ко мнѣ?

— Съ удовольствіемъ. Онъ давно собирается къ вамъ, ждетъ только вашего полнаго выздоровленія.

Анка холодно простилась съ Вильчекомъ и поспѣшила вытереть свою руку послѣ его ухода.

— Онъ производитъ на меня впечатлѣніе гада,—сказала она Нинѣ.

— Это—помѣсь гада съ дикимъ звѣремъ. Такіе люди многаго достигаютъ въ жизни, если только раньше не попадаютъ въ тюрьму,—замѣтилъ Травинскій и разсказалъ Анкѣ объ его продѣлкѣ съ Грюнспаномъ.

— И вы послѣ этого принимаете его у себя?—воскликнула Анка.

— Онъ пришелъ къ вамъ. Кромѣ того, я долженъ поддерживать съ нимъ знакомство; здѣсь нельзя сортировать людей на честныхъ и воровъ: всякій можетъ понадобиться.

— Но я не желаю его видѣть.

— Хорошо. Я скажу прислугѣ. А моими словами вы не огорчайтесь: мы всегда руководствуемся необходимостью, а не желаніями и волей,—прибавилъ Травинскій съ печальной улыбкой.

Нина отодвинула мольбертъ и, чтобы не слушать разговора, который всегда производилъ на нее тяжелое впечатлѣніе, разсматривала нѣжные, только что распустившіеся розовые бутоны камелій.

— Ужасная жизнь!—прошептала Анка.

— Нѣтъ, ужасны только наши требованія отъ жизни, ужасны наши мечты о прекрасномъ, ужасна наша жажда добра и справедливости, потому что все это никогда не осуществится и мѣшаетъ лишь смотрѣть намъ на жизнь, какъ она есть; въ этомъ—корень всѣхъ страданій.

— И надеждъ!—прибавила Нина, ставя на столикъ возлѣ Анки горшокъ съ китайской розой, покрытой чудными желтыми цвѣтами, съ очень нѣжнымъ запахомъ.—Посмотри лучше, Казимиръ, и не говори непріятныхъ вещей.

Вечеромъ явился Юзефъ Яскульскій, который съ нѣкоторыхъ поръ каждый день заходилъ къ Анкѣ читать книги. Отъ него она узнавала всѣ подробности о дѣлахъ Карла, такъ какъ самъ Боровецкій, хотя и бывалъ ежедневно, но о своихъ дѣлахъ не говорилъ.

— Твой отецъ уже здоровъ?—спросила она Юзефа.

— Да, недѣля, какъ уже началъ опять работать.

— А ты что дѣлаешь?

— Я тоже занимаюсь въ конторѣ пана Боровецкаго... Панъ Максъ просилъ меня узнать, можно ли ему завтра зайти къ вамъ?

— Можно. Я буду ждать его днемъ.

Анка съ волненіемъ ждала прихода Макса и, когда на другой день слуга доложилъ о немъ, сердце ея радостно забилось, и она съ большимъ чувствомъ пожала ему руку.

Максъ, очень смущенный, сѣлъ противъ нея и тихо, неувѣреннымъ голосомъ сталъ разспрашивать о здоровьи.

— Я совсѣмъ здорова и жду только хорошей погоды, чтобы выдти на воздухъ и затѣмъ совсѣмъ уѣхать изъ Лодзи,—сказала дѣвушка.

— Вы на долго хотите уѣхать? — съ тревогой спросилъ Максъ.

— Можетъ быть, совсѣмъ. Я еще не знаю, какъ распорядиться съ собой...

— Вамъ не хорошо живется въ Лодзи?..

— Да, не хорошо: умеръ отецъ и...—Анка не кончила.

Максъ не продолжалъ разспросовъ. Оба молчали и ласково смотрѣли другъ на друга.

Анка смотрѣла на него съ такой нѣжной, открытой улыбкой, что Максъ таялъ, какъ воскъ. Давнишняя любовь наполняла его сердце трогательной радостью. Но смущеніе мѣшало ему выразить свои чувства, и, посидѣвъ немного, онъ собрался уходить.

— Вы уже покидаете меня!—огорченно сказала Анка.

— Мнѣ нужно прямо отсюда на свадьбу Морица и Мели Грюнспанъ.

— Неужели Меля выходитъ за Морица?

— Очень удачная пара. У нея большое приданое и она очень красива; отецъ ея съ успѣхомъ совершилъ уже нѣсколько банкротствъ, а зять сумѣетъ проглотить и тестя.

— Но вы еще зайдете ко мнѣ?

— Какъ только позволите.

— Въ такомъ случаѣ—каждый день, если у васъ будетъ время.

Максъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ въ радостномъ настроеніи.

Въ сумерки, когда черезъ окно виднѣлись уже огоньки на фабрикахъ, пришелъ Боровецкій и осторожно сѣлъ возлѣ Анки, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ Нина играла на фортепіано.

Долго молчали они оба; иногда въ полумракѣ робко встрѣчались ихъ взгляды. Только когда зажгли лампы, они начали тихо разговаривать, чтобы не мѣшать музыкѣ.

Анка машинально вертѣла на пальцѣ обручальное кольцо. У обоихъ просились съ губъ какія-то слова, но не хватало духу произнести ихъ.

Нина играла, не переставая.

Музыка любовной, страстной рѣчью неслась отъ рояля и будила въ нихъ эхо прежнихъ забытыхъ чувствъ. Глаза Анки наполнились слезами, невыразимой грустью сжалось сердце, она сняла кольцо съ пальца и, молча, подала его Карлу. Онъ взялъ и также, молча, возвратилъ ей свое.

Карлъ не могъ вынести ея печальнаго взгляда, который насквозь пронизывалъ его; низко наклонился къ ней и едва слышно произнесъ:

— Я во всемъ виноватъ...

— Нѣтъ, я виновата, что не умѣю любить такъ, чтобы все прощать, забывать о себѣ,—медленно отвѣтила она.

Боровецкій въ большомъ смущеніи поднялся съ своего мѣста: такъ больно стало ему отъ ея словъ, до того почувствовалъ онъ себя виноватымъ передъ этой блѣдной, больной дѣвушкой. Глубокій, непобѣдимый стыдъ жегъ его сердце.

Поклонившись издали, онъ собрался уходить.

— Пане Карлъ!—быстро сказала она ему вслѣдъ.

Онъ обернулся и остановился.

— Дайте мнѣ руку, но не на прощанье, а до свиданья,— сказала Анка, протягивая ему руку.

Карлъ крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Желаю вамъ отъ всей души счастья, полнаго счастья.

— Благодарю, благодарю...—шепталъ онъ, страшно взволнованный, и поспѣшилъ уйти.

Анка безъ силъ опустилась въ кресло. Горькія слезы текли по ея лицу.

Изъ сосѣдней комнаты доносилась тихая, грустная мелодія.

XXIII.

Позднею осенью въ томъ же году происходило вѣнчанье Боровецкаго съ Мадой Мюллеръ.

Церковь была буквально переполнена народомъ.

Боровецкій шелъ отъ алтаря со своей женой по широкому ковру, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли ряды пальмъ и высокихъ свѣтильниковъ. Изъ толпы ему улыбалось множество знакомыхъ лицъ, но онъ никого не замѣчалъ, утомленный продолжительной церемоніей и чрезмѣрной помпой мѣщанской обстановки.

Передъ костеломъ никто изъ знакомыхъ, не приглашен-

ныхъ на свадьбу, не рѣшался прерывать цѣпь милліонеровъ, окружавшихъ его, и нарядныхъ, усыпанныхъ брилліантами женщинъ, которымъ на паперти ливрейная прислуга подавала платье.

Боровецкій съ Мадой сѣлъ въ карету и уѣхалъ домой.

Мада плакала отъ радости и робко, осторожно прижималась къ нему. Онъ относился къ ней равнодушно и смотрѣлъ въ окно кареты на уличную толпу, на фабрики и думалъ о томъ, что, наконецъ-то, у него въ рукахъ милліоны, и онъ стоитъ на порогѣ счастья-богатства. Онъ думалъ объ этомъ и съ изумленіемъ сознавалъ, что онъ совершенно спокоенъ, холоденъ, равнодушенъ, чувствуетъ только скуку.

— Карлъ!—прошептала Мада, обращая къ нему свое пылающее лицо и голубые глаза.

Боровецкій вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Я такъ счастлива! такъ счастлива!—шептала она и робко, какъ ребенокъ, положила голову на его грудь и протянула къ нему губы для поцѣлуя.

Онъ только пожалъ ей руку и продолжалъ ѣхать молча.

Вся улица до фабрики Мюллера была заполнена его рабочими, разодѣтыми въ праздничные костюмы. А въ концѣ ея, при въѣздѣ на фабричный дворъ, возвышалась тріумфальная арка, съ надписью, изображенной электрическими лампочками: „добро пожаловать!“

За воротами опять тянулись шпалеры людей, они были во всѣхъ дворахъ, въ саду, вплоть до подъѣзда дворца.

Путешествіе молодыхъ тянулось такъ долго, что, войдя въ домъ, они застали уже всѣхъ гостей въ сборѣ.

Общество было по преимуществу нѣмецкое. Горсть поляковъ была незамѣтна.

Мюллеръ показалъ себя истиннымъ милліонеромъ. Берлинскіе мастера декорировали весь дворецъ; вездѣ было такое изобиліе ковровъ, мебели, серебра, цвѣтовъ, драпировокъ, что всѣ изумлялись.

Сегодняшній день былъ для Мюллера настоящимъ праздникомъ: онъ выдавалъ замужъ единственную дочь и пріобрѣталъ себѣ помощника въ лицѣ зятя. Немудрено, что онъ былъ очень доволенъ и его круглое, красное, жирное лицо сіяло радостью.

Онъ угощалъ всѣхъ самыми дорогими сигарами, хлопалъ Карла по плечу, обнималъ его за талію, сыпалъ незамысловатыми остротами и безпрестанно приглашалъ всѣхъ закусить. Въ свободныя минуты онъ бралъ кого-нибудь изъ гостей подъ руку и показывалъ всѣ комнаты.

— Пане Куровскій,—обратился онъ къ нему,—смотрите

это дворецъ моихъ дѣтей; они будутъ тутъ жить. Красиво? Правда?

Куровскій поддакивалъ и снисходительно улыбался, слушая объясненія, переполненныя цифрами расходовъ. Отъ старика Мюллера онъ подошелъ къ Мелѣ Вельтъ, которая царила въ одной изъ залъ въ кругу молодежи.

Онъ прислушивался къ ея игривому разговору, къ искусственному смѣху и отошелъ въ изумленіи: онъ не узнавалъ прежней Мели.

— Морицъ, что вы сдѣлали съ своей женой?—спросилъ онъ Вельта.

— Вы нашли перемѣну?

— Совершенно не узнаю ея.

— Это я передѣлалъ ее. А правда,—прелестная женщина?

Куровскій ничего не отвѣтилъ и сталъ слѣдить глазами за Карломъ, которому, повидимому, роль зятя Мюллера была не особенно по душѣ: онъ ходилъ скучный, апатичный, свысока третировалъ родню своей жены и другихъ фабрикантовъ, и при первой возможности ускользалъ то къ Максу, то даже къ Вельту, лишь бы только не оставаться съ новыми родственниками.

— Ну, чтó-жъ, всѣ обрѣли уже „землю обѣтованную"?—спросилъ его Куровскій.

— Если эта земля характеризуется милліонами, то вы правы. Вы приближаетесь къ нимъ: Морицъ, навѣрно, будетъ ихъ имѣть, Максъ заработаетъ, если Вильчекъ не вырветъ милліоновъ у него изъ-подъ носа.

— Обо мнѣ рѣчь?—спросилъ, подходя, Стахъ Вильчекъ, въ качествѣ компаньона Макса имѣвшій уже доступъ въ приличное общество.

— Мы только что говорили, что Максъ будетъ богатъ, если вы не вырвете богатства у него изъ-подъ носа,—шутя, обратился къ нему Куровскій.

— Если только можно будетъ!—отвѣтилъ Вильчекъ, облизываясь, и направился ухаживать за безобразной дѣвицей Кнабе, за которой можно было получить тысячъ двѣсти приданаго.

Рядомъ съ Кнабе сидѣлъ Муррей и такъ комично любезничалъ съ нею, такіе потѣшные говорилъ ей комплименты, что дѣвица хохотала во все горло.

Оркестръ, помѣстившись на эстрадѣ, великолѣпно декорированной бархатистой красной бумазеей, заигралъ вальсъ.

Несчастныя фигуры несчастныхъ конторщиковъ, приглашенныхъ исключительно для танцевъ, потянулись изъ бу-

фета, боковыхъ комнатъ, закрытыхъ драпировкой, и начались танцы.

Карлъ одиноко бродилъ по залитымъ свѣтомъ комнатамъ. Ему страстно хотѣлось убѣжать, запереться въ своей квартирѣ или, какъ бывало раньше, пойти съ Максомъ, Морицемъ, Куровскимъ въ какой-нибудь трактиръ и въ бесѣдѣ за стаканомъ пива забыть все. Между тѣмъ, изъ приличія приходилось разговаривать съ гостями, улыбаться, говорить любезности дамамъ, бесѣдовать съ Мадой, даже отдавать распоряженія прислугѣ, такъ какъ никто не умѣлъ этого сдѣлать.

Старуха Мюллеръ, смущенная окружающей роскошью и множествомъ совершенно незнакомыхъ людей, пряталась по угламъ, не рѣшаясь показываться въ своемъ великолѣпномъ шелковомъ платьѣ, не зная, о чемъ говорить.

Вильгельмъ не выходилъ изъ буфета, пилъ съ пріятелями и поминутно цѣловался съ Карломъ, къ которому начиналъ чувствовать нѣжную симпатію.

А Мада была такъ счастлива, что ничего не замѣчала вокругъ, кромѣ мужа, котораго постоянно искала и, найдя, изводила своими нѣжностями.

Въ полночь Боровецкій чувствовалъ себя уже до того уставшимъ, что обратился съ просьбой къ старику Яскульскому, игравшему въ этотъ день роль метръ д'отеля:

— Прикажите, пожалуйста, подавать ужинъ; всѣ уже скучаютъ.

— Нельзя подавать раньше, чѣмъ назначено,—серьезно возразилъ старый шляхтичъ, который былъ уже порядочно выпивши, но держался прямо, покручивалъ усы и свысока смотрѣлъ на милліонеровъ.—Нѣмчура!—ворчалъ онъ и вмѣстѣ съ тѣмъ униженно прислуживалъ гостямъ.

Наконецъ, подали ужинъ въ огромной, роскошной столовой. Столы гнулись подъ тяжестью серебра, хрусталя, цвѣтовъ.

Карлъ сидѣлъ рядомъ со своей женой и терпѣливо выслушивалъ тосты, рѣчи и довольно сальныя остроты по своему адресу. Въ концѣ ужина, когда настроеніе у всѣхъ было приподнято шампанскимъ, ему пришлось цѣловаться и обниматься со всѣми этими толстяками, заплывшими жиромъ, которые ѣли, какъ волки, и пили, какъ морскія чудовища. Боровецкій испытывалъ настоящія муки, голова разболѣлась, и при первой возможности онъ скрылся отъ родственныхъ объятій въ оранжерею, гдѣ немного пришелъ въ себя. Но едва успѣлъ онъ расположиться на диванчикѣ, скрытомъ зелеными кустарниками, какъ явился старикъ Мюллеръ и меланхолически испортилъ чудную клумбу цвѣ-

товъ изверженіемъ лишней пищи и вина. За нимъ украдкой пробралось въ оранжерею еще нѣсколько фабрикантовъ съ тою же цѣлью.

Боровецкій поспѣшилъ уйти.

Въ столовой, гдѣ оставалась уже только прислуга, онъ наткнулся на новую сцену. Матвѣй, совершенно пьяный, ссорился съ мадамъ Мюллеръ, которая довольно нерѣшительно, въ виду грозной позиціи лакея, предлагала спрятать въ буфетъ остатки ужина и недопитыя бутылки.

— Такія слова... мадамъ... ни къ чему... Наша свадьба сегодня... нашъ праздникъ... Мы женимся... Значитъ, вы спать идите... Мы тутъ сами справимся съ виномъ... Лакеи, налить мнѣ вина!.. Слушайте пана Матвѣя... Иначе — кулакомъ въ рожу, и будетъ fertig, глянцъ...

Испуганная старуха побѣжала искать Карла, а Матвѣй развалился въ креслѣ и пьянымъ голосомъ бормоталъ, ударяя кулакомъ въ столъ:

— Женились мы... пане... есть у насъ фабрики... есть жена... есть дворецъ... а нѣмцевъ—вонъ... кулакомъ въ рожу, и fertig, глянцъ...

Шли недѣли, мѣсяцы, годы, воспоминанія пропадали въ могилѣ забвенія, исчезали такъ тихо, какъ тихо тянется пряжа жизни, сплетенная изъ волоконъ вчерашняго, сегодняшняго, завтрашняго дня.

Нѣсколько лѣтъ, протекшія со свадьбы Боровецкаго, многое измѣнили въ Лодзи и въ жизни нашихъ знакомыхъ.

Лодзь кипѣла жизнью, лихорадочно строилась, разросталась, изумляла всѣхъ своею силой, разливавшеюся неудержимымъ потокомъ. Тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ росли хлѣба или паслись коровы, — теперь выростали городскія улицы, съ огромными домами, фабриками, появлялись новыя гнѣзда эксплуатаціи, мошенничества.

Городъ напоминалъ собою омутъ, въ которомъ кружились люди, фабрики, мысли и страсти, милліоны и нищета, развратъ и вѣчный голодъ, — кружились съ безумной поспѣшностью, среди рева машинъ и борьбы всѣхъ противъ всѣхъ.

Все рвалось впередъ съ силой разнузданныхъ стихій, по трупамъ фабрикъ и людей, только бы скорѣе достигнуть милліоновъ, источники которыхъ, казалось, можно было найти въ каждой пяди этой „земли обѣтованной“.

Куровскій на всѣхъ парахъ шелъ къ обогащенію.

Максъ Баумъ и Стахъ Вильчекъ представляли уже со-

лидную фирму, подрывавшую своими низкопробрыми платками фирму Грюнспанъ, Вельтъ и Гросманъ.

Морицъ Вельтъ, одинъ изъ компаньоновъ фирмы, ѣздилъ по улицамъ исключительно въ каретѣ и уже не узнавалъ людей, имѣвшихъ менѣе полумилліона.

Фирма Бухгольца, руководимая нѣкогда Карломъ, шла по прежнему впереди всѣхъ. Не побѣдилъ ея Шая Мендельсонъ, который опять сгорѣлъ и послѣ пожара увеличилъ производство на двѣ тысячи рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и филантропіей: выжимая изъ рабочихъ всѣ соки, строилъ для нихъ великолѣпныя больницы, пріюты для увѣчныхъ...

Гросглюкъ продолжалъ свои нечистыя дѣлишки съ удвоенной энергіей. Свою Мери онъ выдалъ за какого-то погрязшаго въ развратѣ князька и долженъ былъ содержать его и лѣчить.

Травинскій, настойчивостью и терпѣніемъ преодолѣвшій всѣ препятствія, былъ теперь крупнымъ промышленникомъ.

Мюллеръ совсѣмъ уѣхалъ изъ Лодзи: отдалъ фабрику Боровецкому, а самъ съ женой проживалъ у сына, которому купилъ имѣніе. Вильгельмъ чувствовалъ большую слабость къ дворянскимъ гербамъ, хотѣлъ жениться на какой-то графинѣ, подписывался „де-Меллеръ", въ Лодзь пріѣзжалъ съ ливрейными лакеями, на каретахъ своихъ изображалъ замысловатые гербы, въ дѣла фабрики совершенно не вмѣшивался и добросовѣстно дѣлился ея громадными доходами.

Боровецкій былъ полнымъ хозяиномъ огромной фабрики. За послѣдніе четыре года онъ сильно развилъ ее; реформировалъ производство бумазеи, довелъ до совершенства свои издѣлія, пристроилъ новые отдѣлы, расширилъ рынки сбыта и шелъ все впередъ.

Четыре года, которые прошли со дня свадьбы его съ Мадой Мюллеръ, были для него періодомъ невѣроятнаго труда.

Онъ вставалъ въ шесть часовъ утра, ложился въ полночь, никуда не ѣздилъ, не зналъ развлеченій, не пользовался жизнью и своими милліонами, только работалъ, захваченный водоворотомъ дѣлъ и массой капиталовъ, проходившихъ черезъ его руки. Фабрика опутала его, какъ паукъ, и высасывала безпрестанно всѣ мысли, время, силы.

Уже онъ достигъ давно желанныхъ милліоновъ, жилъ съ ними, видѣлъ ихъ вокругъ себя, въ полномъ подчиненіи себѣ. Но работа свыше силъ, продолжавшаяся цѣлые годы, изнуряла его физически, и милліоны совсѣмъ не радовали его; напротивъ, онъ чувствовалъ себя все болѣе утомленнымъ, апатичнымъ и печальнымъ. Все чаще тоска загляды-

вала въ его душу, все чаще начиналъ онъ чувствовать, что ему очень тяжело жить, что онъ одинокъ.

Мада была доброй женой, еще лучшей матерью и нянькой его сына, берегла и холила Карла, но ничего больше не могла и не умѣла дать ему. Ихъ соединялъ только общій ребенокъ и общая квартира. Она поклонялась ему, какъ фетишу; не смѣла подойти къ нему, если онъ не давалъ къ тому повода; не смѣла говорить съ нимъ, если онъ не былъ въ хорошемъ настроеніи, и въ награду за все Карлъ бросалъ ей иногда какое-нибудь доброе слово или ласковую улыбку.

Друзей у него не было и раньше, но всегда было много пріятелей и хорошихъ знакомыхъ изъ старыхъ товарищей. Теперь же, вмѣстѣ съ ростомъ его могущества, они удалились и затерялись въ сѣрой массѣ, отгороженные отъ него недоступной стѣной милліоновъ. Съ милліонерами онъ тоже не сходился: прежде всего не было времени, а затѣмъ слишкомъ онъ презиралъ ихъ, и слишкомъ много было между нимъ и ими промышленнаго антагонизма.

Куровскаго онъ избѣгалъ, такъ какъ тотъ не могъ простить ему поведеніе его съ Анкой и при каждомъ удобномъ случаѣ старался уколоть его.

Съ Морицомъ Вельтомъ не могъ жить, такъ какъ тотъ сталъ ему совсѣмъ противенъ.

Съ Максомъ Баумомъ онъ не умѣлъ сойтись. Встрѣчались они довольно часто, Максъ былъ даже крестнымъ отцомъ его сына, но тѣмъ не менѣе отношенія между ними были натянутыя: Максъ, какъ и Куровскій, не могъ забыть его отношенія къ Анкѣ.

Боровецкій все чаще начиналъ испытывать одиночество и ужасающую пустоту жизни, которую не могли заполнить ни милліоны, ни убійственная работа.

Фабрика, дѣла, люди, деньги,—все уже надоѣло.

Въ такомъ настроеніи зашелъ онъ однажды на фабрику. Мрачно переходилъ онъ изъ залы въ залу, ни съ кѣмъ не здоровался, ни на кого и ни на что не обращалъ вниманія; шелъ, какъ автоматъ; тусклымъ взглядомъ водилъ по дѣйствующимъ машинамъ, по рядамъ сосредоточенно занятыхъ рабочихъ; поднялся на подъемной машинѣ въ сушильню готоваго товара, гдѣ на длинныхъ столахъ, на полу, на вагонеткахъ лежали милліоны метровъ; проходилъ по нимъ, топталъ съ какимъ-то инстинктивнымъ презрѣніемъ и остановился у окна, черезъ которое видны были вдали поля и лѣсъ, засмотрѣлся на свѣтлый, солнечный апрѣльскій день, полный радости, тепла, молодой зелени, на чистыя облака въ глубинѣ лазурнаго неба...

Гонимый тоской, снова началъ онъ переходить изъ павильона въ павильонъ, изъ залы въ залу, среди шума, гула, грохота работы, въ атмосферѣ удушливыхъ испареній и адской жары. Онъ шелъ по своему царству и вспоминалъ старыя мечты о такомъ могуществѣ, какимъ владѣлъ теперь.

Онъ вѣрилъ когда-то, что милліоны дадутъ ему какое-то необыкновенное, непостижимое счастье.

— Что же дали они мнѣ?—думалъ Карлъ.

Да, что дало ему это царство? Усталость и тоску. И еще какую-то непонятную жажду души.

А тамъ, за окнами красильни, въ которой онъ сейчасъ сидѣлъ, весна поднималась надъ полями, все сіяло, слышались радостные крики дѣтей, воробьи весело чирикали; тамъ было все такъ ясно, бодро, молодо, такая могучая радость воскресающей природы трепетала всюду, что хотѣлось идти туда, пѣть, кричать, кататься по травѣ, дышать полной грудью, жить! жить!..

— И что̀-жъ дальше?—угрюмо думалъ онъ, вслушиваясь въ шумъ фабрики.

Отвѣта не было.

— Я самъ хотѣлъ всего этого и получилъ, къ чему стремился!—думалъ Карлъ, съ глубокой ненавистью раба, глядя на красныя стѣны своихъ фабрикъ, на своего тирана, который сверкалъ тысячами оконъ и дрожалъ въ избыткѣ энергіи.

Боровецкій направился въ контору.

Тамъ разные дѣльцы, комиссіонеры, конторщики, рабочіе, искавшіе занятій,—ждали его въ пріемной. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ его видѣть, а онъ, выйдя въ боковую дверь, медленно поплелся въ городъ.

Улицы залиты были солнцемъ. Отовсюду, изъ домовъ, переулковъ, даже съ полей доносилось эхо машинъ труда, гулъ отчаянной борьбы...

Какъ все это ужасно надоѣло!

Съ ироніей смотрѣлъ Боровецкій на барона Мейера, который, раскинувшись въ великолѣпной каретѣ, гордо проѣзжалъ по улицѣ, напоминая собой жирную свинью, начиненную милліонами.

— Вотъ скотина, чувствующая себя счастливой!—подумалъ Боровецкій.

Что изъ радостей лодзинскихъ милліонеровъ могло удовлетворить его?

Женщины? Но онъ любилъ ихъ такъ много и столько былъ любимъ ими, что это надоѣло.

Развлеченія? Какія? Гдѣ тѣ, которыя стоили бы жертвъ, и послѣ которыхъ не усиливалась бы тоска.

Вино? Но уже два года, благодаря переутомленію, онъ соблюдалъ строгую діету и довольствовался почти однимъ молокомъ.

И окружать себя роскошью онъ не любилъ, и жить на показъ не хотѣлъ, не чувствовалъ потребности.

Нагромождать милліоны? Зачѣмъ? Онъ не проживалъ даже процентовъ. А сколько они отняли силъ и жизни, какъ тяжелы ихъ золотыя цѣпи!

И все мрачнѣе становились его мысли о рабскомъ положеніи, о долгихъ годахъ скуки и мученій, какіе еще предстояли впереди.

Гуляя такимъ образомъ, Боровецкій случайно забрелъ въ еленовскій паркъ. Глубокая тишина царила въ пустыхъ аллеяхъ, гдѣ прогуливались только вороны и суетились воробьи. Боровецкій ходилъ по размякшимъ дорожкамъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на свѣжую траву, на блѣдно-зеленые листочки деревьевъ, инстинктивно попадая въ тѣ мѣста, гдѣ встрѣчался когда-то съ Люси... Какъ недавно все это было и какъ давно!

Было время, когда онъ умѣлъ любить, испытывалъ страсть. А теперь?.. Взамѣнъ молодости съ ея порывами, у него есть милліоны и скука.

На обратномъ пути онъ встрѣтилъ въ воротахъ длинную вереницу дѣвочекъ въ сопровожденіи двухъ дамъ.

Боровецкій взглянулъ и не могъ сдержать восклицанія:

— Анка!

Одна изъ дамъ была дѣйствительно Анка. Она быстро подошла къ Карлу и протянула ему руку.

— Какъ давно я васъ не видѣла! — радушно проговорила она.

Боровецкій поцѣловалъ у нея руку и не могъ насмотрѣться: передъ нимъ была его прежняя Анка изъ Курова, молодая, красивая, полная силъ, съ выраженіемъ искренности и благородства.

— Не хотите-ли пройтись съ нами, если у васъ есть время?—предложила она.

— Что это за дѣти?—тихо спросилъ Карлъ.

— Изъ моего пріюта.

— Вашего пріюта?..

— Нужно было чѣмъ-нибудь заняться. А это дѣло даетъ мнѣ столько удовлетворенія, что я думаю открыть еще одинъ пріютъ.

— Забота объ этихъ дѣтяхъ даетъ вамъ удовлетвореніе?

— И даже счастье: я сознаю, что живу не даромъ и дѣлаю добро хоть въ маленькой сферѣ А вы... счастливы?

— Да... да... очень...—быстро и рѣзко отвѣтилъ онъ.

— У васъ такой болѣзненный видъ...

— Не жалѣйте меня... Я получилъ то, чего искалъ. Хотѣлъ милліоновъ—и достигъ ихъ; и я самъ виноватъ, что они не удовлетворяютъ меня. Я самъ виноватъ, что добился въ этой жизни всего, кромѣ счастья, что на пиру чувствую мучительный голодъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что слезы текутъ по ея щекамъ и губы дрожатъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. При видѣ этихъ слезъ такая жалость проникла въ его сердце, что онъ, пожавъ Анкѣ руку, быстро исчезъ, чтобы не мучить ее больше.

Боровецкій дрожалъ отъ волненія, хотѣлъ вызвать въ своемъ воображеніи свѣтлыя картины прошлаго, но ихъ омрачали воспоминанія о всѣхъ обидахъ, причиненныхъ имъ Анкѣ, о всѣхъ несправедливостяхъ и жестокостяхъ по отношенію къ ней.

Вернувшись домой, онъ не въ силахъ былъ видѣть жену и сына; услалъ Матвѣя и заперся въ своемъ кабинетѣ.

Долго лежалъ онъ безъ движенія и безъ всякой мысли, какъ погруженный въ полусонъ.

— Загубилъ жизнь!—вдругъ мелькнула мысль.

Осмотрѣвшись по сторонамъ, онъ какъ будто очнулся и все увидѣлъ въ новомъ освѣщеніи.

— Ради чего?—продолжалъ онъ думать, садясь у открытаго окна.

Городъ постепенно утихалъ, готовясь къ отдыху въ тихую апрѣльскую ночь, которая спускалась на землю.

— Ради чего?—спрашивалъ себя Боровецкій.

Онъ переживалъ теперь въ памяти всю жизнь за сорокъ лѣтъ, съ мельчайшими подробностями.

Проснувшаяся совѣсть говорила, что онъ жилъ только для себя, ради удовлетворенія тщеславія, честолюбія...

— Да, я—эгоистъ; да, я всѣмъ жертвовалъ ради карьеры...—отчетливо повторялъ онъ себѣ.

Онъ всѣмъ пожертвовалъ и чего же достигъ? Груды безполезныхъ денегъ. Но нѣтъ ни друзей, ни покоя, ни удовольствія, ни счастья, ничего...

— Человѣкъ не можетъ жить только для себя... не можетъ, подъ страхомъ собственной гибели. Потому я и проигралъ свое счастье...

Чѣмъ больше думалъ Боровецкій, тѣмъ больше овладѣвалъ собой, и сталъ уже искать выхода изъ своего положенія...

Черезъ открытое окно мягкой прохладой дышала ему въ лицо весенняя ночь. Надъ городомъ царила глубокая, гробовая тишина. Только вдали на поляхъ, вокругъ этой земли обѣтованной, въ таинственной глубинѣ ночи кипѣло какое-то движеніе, слышался трескъ и грохотъ, раздавались звуки голосовъ.

По всѣмъ дорогамъ, сверкавшимъ теперь лужами весенней воды, по всѣмъ тропинкамъ, которыя вьются среди зеленыхъ полей и цвѣтущихъ садовъ, среди лѣсовъ, полныхъ весенняго аромата молодыхъ березокъ, и среди отощавшихъ деревень и непроходимыхъ болотъ—тянутся толпы людей, скрипятъ сотни возовъ, мчатся тысячи поѣздовъ, раздаются тысячи вздоховъ, и воспаленные взгляды пронизываютъ тьму,—все въ жадныхъ поискахъ этой земли обѣтованной.

Съ далекихъ равнинъ, съ горъ, изъ деревушекъ, изъ столицъ и мѣстечекъ, изъ хатъ и дворцовъ тянутся люди безконечной вереницей въ эту землю обѣтованную. Приходятъ оплодотворять ее своею кровью, приносятъ ей свои силы, молодость, здоровье, свободу, надежду, вѣру и мечты.

Для этой земли обѣтованной пустѣютъ деревни, исчезаютъ лѣса, истощается земля, высыхаютъ рѣки, родятся люди, а она все засасываетъ и уничтожаетъ, и старыхъ, и малыхъ, и мозгъ, и душу, давая взамѣнъ безполезные милліоны небольшой горсти людей и голодъ и непосильный трудъ массѣ...

Карлъ долго и напряженно смотрѣлъ на темную пелену ночи, уже начинавшую блѣднѣть на востокѣ. Заря медленно разливалась въ полумракѣ. Ласточки начинали щебетать подъ крышей оранжереи. Прохладное, бодрое дыханье утра слегка колыхало деревья. Становилось все свѣтлѣе, и ближайшія крыши уже сверкали изъ-подъ таявшаго тумана; развалины фабрики старика Баума выступали ясно, какъ огромный скелетъ...

Боровецкій успокоился. Онъ уже нашелъ дорогу для будущаго, онъ уже ясно видѣлъ цѣль дальнѣйшей жизни. Онъ растопталъ все прошлое, чувствовалъ себя теперь новымъ человѣкомъ, сильнымъ и готовымъ идти на борьбу.

Онъ былъ очень блѣденъ, постарѣлъ за одну эту ночь, глубокая морщина легла на лбу; лицо осунулось и какъ будто застыло съ выраженіемъ твердой рѣшимости.

— Я проигралъ личное счастье... Будемъ бороться за общее счастье!..—шепталъ онъ и мужественнымъ взглядомъ охватывалъ пробуждавшійся городъ и необъятную ширь полей, выбивавшихся изъ мрака ночи.

Конецъ.

Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
„ „ „ Отклики. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к. Печатается.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и
„ „ „ очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. Ц. 1 р. 50 к. Печатается.
Сборникъ „Русскаго Богатства" (1899 г.). Беллетристика. Ц. 2 р.
„ „ „ „ Публицистика. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Т. I. Изд. *пятое*. Ц. 1 р.
Т. II. Изд. *второе*. Ц. 1 р.

Обращающіеся за этими книгами въ контору **„Русскаго Богатства"** пользуются уступкой 20% или даровой пересылкой.

Изъ иностранной литературы.

Auguste Brachet, *Pathologie mentale des Rois de France, Louis XI et ses ascendants. Une vie humaine étudiée à travers six siècles d'hérédité* 852—1483; Парижъ, 1903.

Довольно длинное и сложное заглавіе книги Огюста Браше, напоминающее своими подзаглавіями средневѣковую манеру книжныхъ названій, уже даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ труда. Это именно „патологія французскихъ королей", изученная спеціально на біологической группѣ „Людовика XI и его предковъ" и представляющая собою изслѣдованіе „человѣческой жизни на протяженіи шести вѣковъ наслѣдственности". Я считаю полезнымъ предпослать оцѣнкѣ книги нѣсколько замѣчаній о самомъ авторѣ.

Недавно умершій Огюстъ Браше—по своей спеціальности филологъ и историкъ средневѣковой литературы. Ученикъ извѣстнаго нѣмецкаго языковѣда Дица и энциклопедически образованнаго позитивиста Литтрэ, онъ работалъ преимущественно надъ исторической грамматикой и этимологіей французскаго языка. Въ школьномъ мірѣ онъ даже извѣстенъ всего болѣе какъ авторъ трехъ послѣдовательно усложняющихся курсовъ французской грамматики. Но въ ученыхъ сферахъ цитируются главнымъ образомъ его „Историческая грамматика" и „Этимологическій словарь французскаго языка", а также обстоятельный переводъ (въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ, нынѣ тоже умершимъ Гастономъ Пари) „Сравнительной грамматики романскихъ языковъ" его учителя, Дица. Въ свою очередь, такой выдающійся спеціалистъ въ области языковъ и исторіи религіи, какъ Фр. Мюллеръ, перевелъ на англійскій „Историческую грамматику" Браше.

Одною филологіею ученая дѣятельность нашего автора, впрочемъ, не исчерпывается. И этнологамъ извѣстны его „Опытъ по исторіи итальянскаго характера" и „Сравнительный очеркъ характера французовъ и итальянцевъ". Я вскользь лишь упоминаю о его публицистическихъ работахъ, посвященныхъ современ-

ной Италіи и вызвавшихъ полемику между Браше, съ одной стороны, и Кристи и Нигрой—съ другой.

Но Браше много работалъ еще въ одной сферѣ, и книга, съ которой мы желаемъ познакомить читателей, относится какъ разъ сюда: это—область исторической патологіи, въ которой филологическія знанія автора удачно соединяются съ естественно-научными и медицинскими свѣдѣніями, пріобрѣтенными имъ по совѣту и подъ вліяніемъ Литтрэ. Литтрэ же внушилъ ему мысль заняться научнымъ изслѣдованіемъ интереснаго вопроса, который формулировался имъ, какъ „патологическая исторія европейскихъ династій“. Пять лѣтъ Браше колебался, не рѣшаясь взяться за изученіе этой привлекательной, но сложной проблемы, и лишь въ 1880 г. принялся за упомянутую задачу, вполнѣ сознательно, впрочемъ, ограничивъ ее, въ виду обширности вопроса, изученіемъ патологіи лишь однихъ французскихъ королей.

Почти пятнадцать лѣтъ спустя, а именно въ 1894 г., Браше дошелъ въ своей работѣ до конца Среднихъ вѣковъ и въ этомъ же году познакомилъ спеціалистовъ на конгрессѣ французскихъ психіатровъ съ существенными частями своего труда. А въ 1896 г. появилось и все научное изслѣдованіе въ видѣ четырехъ томовъ, которые авторъ не предназначалъ, однако, для публики, а, отпечатавъ въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, представилъ лишь парижской медицинской академіи, удостоившей работу Браше почетнаго отзыва.

Браше недавно умеръ, и жена его, урожденная Корффъ, рѣшила переиздать изслѣдованіе мужа уже для читающей публики. Толстая, болѣе чѣмъ въ 900 страницъ, книга, заглавіе которой мы выписали, и представляетъ собою первую половину работы Браше, заключающую въ себѣ историко-патологическое изслѣдованіе предковъ Людовика XI; второй, еще не вышедшій томъ будетъ посвященъ патологіи самого Людовика XI. Въ отличіе отъ перваго изданія, многочисленныя цитаты, подкрѣпляющія выводы автора и составлявшія прежде три послѣдніе тома изслѣдованія, перенесены въ примѣчанія къ соотвѣтствующимъ страницамъ текста; сверхъ того, книгѣ предпослано большое (въ 219 страницъ) введеніе, въ которомъ Браше выясняетъ значеніе своей книги для научнаго изученія предмета и характеръ своихъ пріемовъ.

Читателя не-спеціалиста, т. е. не медика и не историка, работа Браше оттолкнетъ даже и въ новомъ своемъ видѣ отсутствіемъ литературной обработки и обиліемъ сырого матеріала. Чувствуется, что автору не хватило времени связать въ одно цѣлое всѣ эти подробности. Многія цитаты производятъ впечатлѣніе, какъ если бы писатель высыпалъ на столъ изъ своихъ картоновъ простыя выписки изъ документовъ, зачастую оставляя ихъ даже безъ перевода, а прямо какъ онѣ были на средневѣковомъ

французскомъ, итальянскомъ или латинскомъ. Это много повредитъ книгѣ Браше, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія и не-спеціалистовъ. Я попытаюсь выяснить общій смыслъ этого изслѣдованія именно для читающей публики.

Если читатель не принадлежитъ къ разряду догматическихъ умовъ, для которыхъ несносно всякое сомнѣніе и которые готовы уцѣпиться за любую гипотезу съ экстазомъ вѣрующаго, лишь бы не утруждать свою мысль дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ различныхъ, зачастую противорѣчивыхъ, фактовъ,—если читатель, говорю я, не принадлежитъ къ этой категоріи умовъ, то онъ легко признаетъ, что скептицизмъ болѣе, чѣмъ умѣстенъ, когда рѣчь заходитъ о современномъ положеніи вопроса наслѣдственности. Несмотря на болѣе или менѣе остроумныя соображенія, высказанныя въ этой области геніальными мыслителями или изъ-ряду вонъ выдающимися наблюдателями, проблема наслѣдственности до сихъ поръ заключаетъ въ себѣ массу темныхъ, во всякомъ случаѣ далеко еще не объясненныхъ сторонъ. Взять хоть бы такой вопросъ: въ какой степени и какія свойства біологическихъ предковъ передаются потомкамъ? въ чемъ заключается механизмъ этой передачи? Тотъ, кто мало-мальски знакомъ съ постановкой вопроса, безъ труда припомнитъ различныя, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія гипотезы, которыя строились и строятся до сихъ поръ для рѣшенія этой очень важной и въ практическомъ смыслѣ задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано сходство поколѣній? Посылаютъ-ли клѣточки различныхъ тканей взрослаго организма свои, такъ сказать, миніатюрныя біологическія фотографіи въ зародышъ молодого организма, который, комбинируя ихъ по извѣстному типу и развиваясь, даетъ, такимъ образомъ, сходный въ той или иной степени портретъ своего предка уже во весь ростъ? И, значитъ, права ли теорія прямого и всеобщаго выдѣленія или экстракціи, которой придалъ такую популярность подъ именемъ „пангенезиса“ („весь организмъ, т. е. каждый его атомъ, каждая органическая единица воспроизводится вполнѣ“) великій Дарвинъ, но которая восходитъ въ грубыхъ очертаніяхъ еще къ Гиппократу и его школѣ?

Или,—разъ сама только что упомянутая теорія принимаетъ въ соображеніе извѣстный типъ комбинаціи для первоначальныхъ элементовъ,—не заключается ли сущность наслѣдственности въ передачѣ лишь этого типа комбинаціи, въ такъ называемой „органической памяти“, въ преемственности извѣстныхъ движеній, унаслѣдуемыхъ потомкомъ отъ предка? И не должны ли мы въ такомъ случаѣ предпочесть динамическую теорію, которую можно найти еще въ сочиненіяхъ Аристотеля и которую Геккель съ свойственною ему послѣдовательностью и страстью къ систематизаціи развилъ въ видѣ „перигенезиса пластидулъ“?

Или, можетъ быть, правъ не такъ давно вошедшій въ моду Вейсманъ, который строго различаетъ соматическія, развивающіяся въ процессѣ роста индивидуума клѣточки, отъ клѣточекъ зародышевыхъ, передающихся въ неизмѣнномъ видѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію и только и обусловливающихъ сходство предковъ и потомковъ? А въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ, какой смыслъ имѣютъ всѣ наши попытки, если можно такъ выразиться, наслѣдственной педагогіи, разъ наши организмы въ состояніи передать нашимъ дѣтямъ лишь это родовое наслѣдство и безсильны обогатить ихъ самомалѣйшею частью нашего „благопріобрѣтеннаго“, которое неминуемо мы унесемъ съ собою въ могилу? Съ другой стороны, какое значеніе имѣетъ отнынѣ нравственная дисциплина для родителей, напримѣръ, воздержаніе отъ пьянства, разврата и т. п., когда „непрерывность зародышевой плазмы“, чтобы употребить терминологію самого Вейсмана, разъ навсегда опредѣляетъ общую устойчивость первоначальнаго біологическаго типа и противится передачѣ какихъ нибудь пріобрѣтаемыхъ индивидуумомъ привычекъ?

Или, наконецъ, послѣднее слово принадлежитъ теоріи, которая постарается скомбинировать здоровые элементы всѣхъ этихъ разныхъ гипотезъ и избѣжитъ преувеличеній каждой изъ нихъ, напр., признаетъ передачу біологическаго наслѣдства, но въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по тому, идетъ ли дѣло о безконечно долго вырабатывающихся привычкахъ и измѣненіяхъ, или же рѣзкихъ, но внезапныхъ пріобрѣтеніяхъ организма?

Пока что, у насъ не только нѣтъ теоріи наслѣдственности, удачно объемлющей различные факты, но нѣтъ и достаточнаго количества строго провѣренныхъ фактовъ даже въ такихъ областяхъ, которыя представляютъ большой жизненный интересъ и близко касаются насъ. Такъ, съ самыхъ давнихъ временъ человѣчество держится на практикѣ болѣе или менѣе значительной вѣры въ передачу внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Священные кодексы семитовъ и индусовъ,—отвѣчающіе въ концѣ-концовъ на жизненныя потребности человѣческихъ обществъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія,—проникнуты этими вѣрованіями. Такъ называемая народная мудрость создала массу пословицъ, выражающихъ эту мысль почти какъ аксіому. Въ организаціи кастъ соображеніе о біологическомъ наслѣдствѣ играетъ значительную роль на ряду съ другими важными факторами. Предразсудки монархически-феодальныхъ и аристократическихъ семей исходятъ опять-таки изъ вѣры въ могучее дѣйствіе преемственности, опирающейся на чистоту крови.

Съ другой стороны, научная обработка этихъ фактовъ наслѣдственности заставляетъ желать еще чрезвычайно многаго. Не говоря о томъ, что та же практика жизни и та же народная

мудрость указываютъ на противоположныя тенденціи или, во всякомъ случаѣ, на многочисленныя отклоненія отъ біологическаго правила, мы располагаемъ сравнительно небольшимъ запасомъ научно провѣренныхъ наблюденій надъ проявленіями наслѣдственности. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся хотя бы къ фактамъ наслѣдственной передачи выдающихся качествъ въ семьяхъ, которыя, въ pendant политической и родовой аристократіи, мы можемъ считать умственной аристократіей. Мы знаемъ, что замѣчательные писатели въ родѣ Гальтона (см. его „Наслѣдственный геній“) и Рибо (въ трудѣ о „Психологической наслѣдственности“) выдвинули не мало очень рельефныхъ примѣровъ передачи генія и таланта въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Кто не слышалъ, дѣйствительно, о семьяхъ ученыхъ въ родѣ Бернулли, Кассини, Жюссьё, о семьяхъ живописцевъ, каковы Каррачіо, Тэнирсы, Ванъ-Остадэ, Вернэ, и особенно о семьяхъ музыкантовъ, иныя изъ которыхъ даютъ поистинѣ поразительные образцы передачи психическихъ свойствъ по наслѣдству? Какъ извѣстно, одинъ изъ крупныхъ музыкальныхъ теоретиковъ и композиторовъ, а именно бельгіецъ Фэти, сосчиталъ, что лишь одна семья Баховъ дала на протяженіи 250 лѣтъ (отъ 1550 до 1800) цѣлыхъ 57 музыкантовъ, изъ нихъ болѣе половины несомнѣнно выдающихся.

Но вотъ и обратная сторона медали: не было ли уже довольно давно замѣчено Гальтону, что набрать даже и значительное число случаевъ передачи геніальности еще не значитъ доказать закономѣрность этого явленія; и что для этого понадобилось бы, наоборотъ, установить, въ какой пропорціи случаи этой передачи превышаютъ обратные случаи отсутствія такой преемственности?*) А автору „Психологической наслѣдственности“ было сдѣлано аналогичное же возраженіе Лакомбомъ, который писалъ въ 1894 г.: „Рибо, въ своей очень хорошо составленной книгѣ, собралъ извѣстное число примѣровъ артистическихъ талантовъ, составлявшихъ какъ бы наслѣдственное достояніе семьи въ теченіе нѣскольких поколѣній (напр., талантъ живописи у Вернэ); но если онъ хотѣлъ доказать этимъ, что спеціальныя особенности обыкновенно передаются по наслѣдству, то эти примѣры недостаточны для доказательства. Его книгѣ не достаетъ аргументаціи отъ противнаго (instance contradictoire). Тутъ нужно было бы отмѣтить, на ряду съ случаями передачи талантовъ, всѣ извѣстные случаи, въ которыхъ родительскіе таланты не были переданы; и тогда можно было бы

---

*) Замѣтимъ кстати, что еще до появленія книжки Гальтона слабость аналогичныхъ разсужденій была рѣзко подчеркнута Боклемъ, который въ своей «Исторіи цивилизаціи» заходитъ, впрочемъ, такъ далеко, что не находитъ въ приводимыхъ фактахъ наслѣдственности «никакого доказательства ихъ дѣйствительнаго существованія».

видѣть разницу. И это еще не все. Въ тѣхъ примѣрахъ, которые, повидимому, благопріятны его тезѣ, Рибо упускаетъ изъ виду очень серьезный недостатокъ въ аргументаціи. Нѣсколько Вернэ, одинъ за другимъ, становятся живописцами; Рибо приписываетъ талантъ каждаго изъ нихъ цѣликомъ наслѣдственности. Но здѣсь, очевидно, дѣйствовали и другія причины. Любой Вернэ представляетъ собою ребенка, рано попадающаго въ превосходную, въ исключительную школу. У него есть еще особый стимулъ прилежно заниматься и работать: его имя. Благодаря этому же имени, онъ находитъ поощреніе и исключительныя обстоятельства, облегчающія его карьеру. Какая же доля таланта этого Вернэ должна быть приписана этимъ причинамъ? И какая наслѣдственности? Невозможно рѣшить этотъ вопросъ съ достовѣрностью. Для того, чтобы примѣръ Вернэ былъ убѣдителенъ, надо было бы, чтобы второй Вернэ былъ воспитанъ вдали отъ семьи Вернэ, и даже чтобы онъ не зналъ, что онъ Вернэ; и т. д. по отношенію ко всѣмъ другимъ членамъ этой фамиліи. Тогда и лишь тогда мы узнали бы съ достовѣрностью вліяніе наслѣдственности. Всѣ другіе примѣры, данные Рибо, подвержены тѣмъ же возраженіямъ" (P. Lacombe, *De l'Histoire considérée comme science*, стр. 323; цитировано Браше на стр. X--XI).

Слѣдуетъ замѣтить, что вліяніе непосредственной обстановки и профессіи родителей на склонности дѣтей было уже очень давно отмѣчено человѣчествомъ, можетъ быть, столь же давно, какъ и фактъ біологической преемственности. И вторая половина разсужденій Лакомба невольно вызываетъ въ памяти хотя бы то мѣсто изъ „Исторической библіотеки" Діодора Сицилійскаго, въ которомъ этотъ авторъ объясняетъ высокую степень техническаго совершенства, достигнутаго различными кастами древняго Египта наслѣдственностью профессій: „земледѣльцы... съизмала воспитываемые среди земледѣльческихъ работъ, много превосходятъ своимъ умѣньемъ земледѣльцевъ всѣхъ другихъ народовъ... одно узнавъ изъ наблюденій своихъ предковъ, другому научившись по собственному опыту. То же самое надо сказать и о пастухахъ, которые, получивъ отъ отцовъ по закону въ наслѣдство занятіе скотоводствомъ, проводятъ всю свою жизнь въ немъ; многое они взяли отъ предковъ касательно лучшаго ухода за скотомъ, не мало прибавляютъ къ тому и своего, ища съ рвеніемъ... Но и ремесла, какъ то можно видѣть, очень развиты у египтянъ и достигли значительнаго совершенства. Ибо лишь у нихъ однихъ никому изъ ремесленниковъ не позволено заниматься какимъ-нибудь другимъ дѣломъ и отправлять какую-нибудь общественную должность, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣлены по закону и переданы отъ родителей, такъ что ни зависть къ учителю, ни отвлеченія политическаго характера

(πολιτικοὺς περισπασμοὺς), ни что другое не препятствуетъ ихъ занятію однимъ и тѣмъ же ремесломъ" (Diodori Bibl. hist., I, 74)...

Итакъ, мы видимъ, какъ въ сущности еще мало сдѣлано въ области научной біологіи по вопросу о наслѣдственности, особенно же относительно сравнительной силы, съ какою вліяютъ на передачу свойствъ родителей дѣтямъ чисто-біологическія условія, съ одной стороны, и занятія и профессіональная обстановка старшихъ—съ другой. Поэтому все, что увеличиваетъ количество научно изученныхъ фактовъ въ этой области, должно возбуждать въ насъ чувство живой благодарности къ изслѣдователямъ. Данныя, собранныя Браше и достаточно критически имъ отфильтрованныя, принадлежатъ къ этой категоріи. Авторъ затрогиваетъ лишь спеціальную область фактовъ, но за то оперируетъ надъ большимъ количествомъ ихъ. Эта спеціальная область—проявленіе наслѣдственности въ длинномъ рядѣ поколѣній такихъ біологическихъ группъ, по отношенію къ которымъ мы можемъ располагать, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, наиболѣе обширнымъ и наилучше изученнымъ матеріаломъ. А такими группами и являются королевскія династіи.

Дѣйствительно, Браше въ самомъ началѣ своего предисловія констатируетъ тотъ фактъ, что по отношенію къ рядовому человѣчеству нашъ матеріалъ крайне скуденъ во времени. Много ли обыкновенныхъ людей въ состояніи восходить выше трехъ-четырехъ поколѣній своихъ предковъ? И какими данными располагаемъ мы касательно ихъ образа жизни, физическихъ и нравственныхъ особенностей, не говоря уже о точныхъ и документальныхъ свѣдѣніяхъ, относящихъ къ ихъ жизни и смерти. Тутъ мы имѣемъ дѣло—и не можемъ не имѣть—лишь съ очень неясно вычерченной и короткой линіей наслѣдственности.

Иначе дѣло обстоитъ съ семейными группами, почему-либо выдвинувшимися изъ сѣрой массы на первый планъ и на поверхность общественной жизни и потому оставившими свои слѣды въ общей или спеціальной исторіи: таковы различные виды аристократіи политической, родовой и умственной. Но и здѣсь приходится различать категоріи по бо̀льшему или меньшому обилію документовъ, могущихъ быть утилизированными для вопроса о наслѣдственности. Всего хуже обстоитъ дѣло съ семьями талантливыхъ и геніальныхъ людей, т. е. собственно съ умственной аристократіей. Талантъ или геній можетъ возникнуть столь же внезапно, какъ загораются иногда на небѣ не внесенныя ни въ какой астрономическій каталогъ звѣзды, и по истеченіи одного, много двухъ-трехъ поколѣній погаснуть, опять таки какъ гаснутъ эти эфемерныя звѣзды. Что знаемъ мы точнаго о родителяхъ Ньютона, который, кромѣ того, не оставилъ по себѣ потомства? Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выдающіяся способности сохраняются сравнительно продолжительное время среди одного и

того же семейства, количество положительныхъ свѣдѣній о членахъ такой умственной аристократіи очень ограничено.

Лучше дѣло обстоитъ съ родовой аристократіей, которая въ силу генеалогической гордости старается сохранять фамильные архивы и отчасти соприкасается, по крайней мѣрѣ въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, съ общей исторіей, а потому оставляетъ слѣды и въ болѣе или менѣе достовѣрныхъ документахъ.

Всего благопріятнѣе до сихъ поръ обстоятельства складываются для высшей политической аристократіи, образующей длинныя королевскія династіи, которыя если и обрываются порою по прямой линіи, то продолжаются косвенными вѣтвями, находящимися въ болѣе или менѣе подлинномъ физіологическомъ родствѣ съ главнымъ стволомъ... Тутъ, впрочемъ, возникаетъ совершенно естественный вопросъ: а насколько мы можемъ быть увѣрены, что формальная и дипломатическая генеалогія есть вмѣстѣ и съ тѣмъ и дѣйствительная? На это Браше отвѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ „королевская наслѣдственность наименѣе недостовѣрна не потому, чтобы королевскія семьи были нравственнѣе семей буржуазныхъ или изъ народа, но по причинамъ, которыя отнюдь не моральнаго характера, какъ то: крайній надзоръ, отсутствіе благопріятныхъ случаевъ, политическая необходимость, всѣ эти причины, проявляющія здѣсь сильнѣе свое дѣйствіе, чѣмъ въ буржуазіи или народѣ“ (стр. CXCIII)...

Читатель очень ошибся бы, если бы заключилъ, что Браше относится съ предубѣжденіемъ къ категоріи семействъ, подвергнутой имъ изученію, а именно къ королевскимъ династіямъ. Если авторъ патологической исторіи предшественниковъ Людовика XI и чуждъ того своеобразнаго фетишизма, который въ эпоху „стараго режима“ окружалъ политическихъ идоловъ ореоломъ, исходившимъ лишь изъ особаго настроенія самихъ вѣрующихъ поклонниковъ (см., напр., придворную хронику маркиза Данжо), то вы у него не замѣтите никакого предвзятаго взгляда, враждебнаго упомянутымъ привилегированнымъ группамъ. Наоборотъ, если уже говорить о предубѣжденіи, то его можно найти скорѣе въ той рѣзкой критикѣ, которой Браше подвергаетъ писателей, разсматривавшихъ упомянутый вопросъ съ соціологической точки зрѣнія. Такъ, онъ съ большой запальчивостью полемизируетъ не только противъ Мишле, который, желая примѣнять физіологическія гипотезы къ политической исторіи королей, впадалъ порою, за отсутствіемъ серьезныхъ естественно-научныхъ свѣдѣній, въ странныя ошибки, но и противъ изслѣдователей, которымъ нельзя отказать въ спеціальныхъ знаніяхъ въ области медицины.

Я упомяну лишь о его нападеніяхъ на доктора Якоби за книгу „Этюды о подборѣ въ его отношеніяхъ къ наслѣдственности у человѣка“, касающуюся, между прочимъ, вопроса о вы-

рожденіи первыхъ цезарей подъ вліяніемъ чудовищной политической обстановки, которая окружала юліанско-клавдіанскую династію. Работа Якоби, несомнѣнно, далеко не свободна отъ недостатковъ. На читателя, знакомаго съ литературой вопроса, нѣсколько непріятно дѣйствуетъ уже то обстоятельство, что въ первой своей части, трактующей спеціально о цезаряхъ, авторъ, очевидно, инспирируется сочиненіемъ доктора Видемейстера о „цезаристскомъ помѣшательствѣ юліанско-клавдіанской императорской фамиліи“ (Wiedemeister, *Cäsarenwahnsinn der Julisch-Claudischen Imperatoren-Familie*; Гановеръ, 1875), но не считаетъ нужнымъ, если не ошибаюсь, и словомъ упомянуть о своемъ непосредственномъ предшественникѣ и вдохновителѣ. Затѣмъ, книга Якоби заключаетъ въ себѣ не мало скороспѣлыхъ и парадоксальныхъ обобщеній, грѣшитъ случайностью и торопливостью и въ подборѣ историческаго матеріала (особенно во второй половинѣ) и, вообще, что называется, не была достаточно „выношена“ авторомъ. Но охарактеризовать это сочиненіе, какъ „демократическую белиберду (fatras démocratique) во вкусѣ Анри Мартэна“ (и почему это именно во вкусѣ этого историка?) значитъ давать очень пристрастную въ неблагопріятномъ смыслѣ оцѣнку такой книгѣ, которая, не смотря на всѣ свои недостатки, принадлежитъ къ числу мыслебудящихъ и интересно задуманныхъ работъ, и была сочувственно встрѣчена серьезными учеными вродѣ Рибо.

Огюста Браше не удовлетворяетъ соціологическая сторона построеній Якоби, который указываетъ на ускореніе — если не прямое возникновеніе—патологическаго процесса въ семьѣ цезарей, вслѣдствіе тиранической и неограниченной никакими прочными учрежденіями или хотя бы обычаями власти, доставшейся на долю этой біологической группы...

Вотъ этотъ-то взглядъ Якоби вызываетъ рѣзкую критику Браше, критику, не совсѣмъ гармонизирующую съ тѣмъ самымъ требованіемъ объективнаго изслѣдованія предмета, которое онъ ставитъ научнымъ работамъ. Во всякомъ случаѣ намъ важно было показать, что Браше вовсе не демагогъ, и что, изслѣдуя патологическую исторію французскихъ королей, онъ отнюдь не подчеркиваетъ умышленно темныхъ сторонъ наслѣдственности привилегированныхъ классовъ, но изучаетъ ее исключительно какъ медикъ. Высказываясь противъ соціологическаго объясненія въ примѣненіи къ цезарямъ, вырожденіе которыхъ онъ объясняетъ исключительно накопленіемъ патологическихъ особенностей двухъ породнившихся фамилій, онъ примѣняетъ этотъ же пріемъ изслѣдованія къ избранной имъ французской династіи. Если употребить заимствованное Браше у Литтрэ выраженіе „королевская патологическая флора“, то придется сказать, что нашъ авторъ обращаетъ вниманіе лишь на свойство цѣлаго наслѣдственнаго ряда этихъ растеній, но оставляетъ въ сторонѣ обще-

ственную почву, соками которой питались эти продукты спеціальной культуры. Само собою разумѣется, однако, что вполнѣ отвлечься отъ этой почвы Браше не можетъ и, анализируя біологическія свойства того или другого поколѣнія, принужденъ характеризовать, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ, обстановку, въ которой оно выросло. Продолжая оставаться въ предѣлахъ естественно-научнаго сравненія, сдѣланнаго Литтрэ, мы можемъ выразиться такимъ образомъ: къ каждому экземпляру растеній, составляющихъ богатый историко-патологическій гербарій Браше, пристало хоть нѣсколько крупинокъ того слоя земли, въ который были опущены корни изучаемой флоры. А въ результатѣ, хотѣлъ или не хотѣлъ этого авторъ, изъ-за его біологіи очень часто выглядываетъ соціологія, и свойства индивидуума позволяютъ намъ заключать въ извѣстной мѣрѣ объ особенностяхъ окружавшаго и питавшаго его общества. Во всякомъ случаѣ, галлерея портретовъ, развертываемая нашимъ авторомъ передъ глазами читателей, и велика, и поучительна.

Начиная съ Роберта Сильнаго (852), открывающаго болѣе или менѣе достовѣрную родословную Капетинговъ и спускаясь до Людовика XI (1483), мы имѣемъ двадцать поколѣній предковъ уже упомянутаго короля. Браше изучилъ между ними ближайшихъ предковъ по прямой и боковой линіи и получилъ обширный контингентъ физіологическихъ родственниковъ. Онъ не безъ законной гордости замѣчаетъ: „историческая документація позволила намъ вскрыть патологическую жизнь около 350 лицъ (до конца прямыхъ Валуа), что уже составляетъ самую значительную коллекцію документальныхъ клиническихъ данныхъ, какою мы располагаемъ по отношенію къ одной семьѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ шести вѣковъ“ (CLXXXV).

При этомъ Браше обнаруживаетъ далеко не заурядное умѣнье критически просѣивать историческіе документы и извлекать изъ нихъ богатый матеріалъ для своей опредѣленной задачи. Тутъ, съ одной стороны, предъ вами спеціалистъ, искусившійся въ филологической и исторической оцѣнкѣ средневѣковыхъ памятниковъ; съ другой стороны, человѣкъ, выгодно отличающійся отъ своихъ собратій по спеціальности естественно-научными и медицинскими знаніями, устраняющими возможность грубыхъ ошибокъ въ истолкованіи физіо-патологическихъ явленій.

Я приведу читателю одинъ-два примѣра, изъ которыхъ будетъ видно, къ какимъ пріемамъ прибѣгаетъ нашъ авторъ, чтобы обогатить свою историческую „клинику“ выводами изъ, казалось бы, навсегда утонувшихъ въ многовѣковой архивной пыли документовъ. Возьмемъ, напр., вопросъ о болѣзненномъ состояніи Людовика XI. Авторъ собственно долженъ посвятить этому королю лишь продолженіе своей работы. Но уже въ предисловіи къ первому, лежащему передъ нами, тому онъ даетъ образецъ

исторически-медицинской критики матеріаловъ, доставляемыхъ архивами эпохи. Былъ ли, напр., дѣйствительно эпилептикомъ этотъ искусный и энергичный политикъ, заслужившій своимъ циническимъ и безпощаднымъ преслѣдованіемъ разъ поставленной цѣли прозвище „страшнаго короля“?

Браше находитъ у очень точнаго хроникера Роберта Гагэна, который былъ одно время посланникомъ Людовика XI при дворѣ императора Максимиліана, прямое указаніе на падучую короля: „Въ это время (1480) наступили годы перемирія съ Максимиліаномъ... Но въ эту же пору Людовикъ началъ очень сильно болѣть. Ибо, страдая падучей“, и т. д. (nam comitiali morbo cum interdum premeretur etc...,—намъ приходится еще разъ выразить сожалѣніе, что Браше зачастую оставляетъ документы въ своей книгѣ безъ перевода и потому лишаетъ средняго читателя возможности познакомиться съ историческими фактами, на которыхъ опираются его выводы). Можно ли, однако, удовольствоваться этимъ отдѣльнымъ указаніемъ, и не слѣдуетъ ли поискать въ документахъ эпохи дополняющихъ и оправдывающихъ это свѣдѣніе данныхъ?

Браше съ большимъ искусствомъ подбираетъ и истолковываетъ нѣсколько очень характеристичныхъ фактовъ, совокупность которыхъ дѣлаетъ гипотезу эпилепсіи у Людовика XI высоко вѣроятной. Браше отмѣчаетъ прежде всего трудность задачи, зависящую отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій: „Нософическое изслѣдованіе, являясь простымъ по отношенію къ болѣзнямъ, публичное признаніе которыхъ не считается неудобнымъ, становится, наоборотъ, очень труднымъ въ случаѣ эпилептическаго невроза. Въ средніе вѣка, еще болѣе, чѣмъ теперь, падучая (le mal sacré) была для страдающаго ею (а особенно, если онъ былъ королемъ) униженіемъ, существованіе котораго и самъ больной, и его родные, и врачи всячески старались скрыть“ (стр. LXXIX -- LXXX). Какъ же установить вѣроятность этого столь тщательно скрываемаго недуга? Браше старается прежде всего поставить на основаніи документовъ діагнозъ болѣзни короля современными ему медиками и съ этой цѣлью подвергаетъ основательному анализу господствовавшіе въ то время взгляды врачей на эпилепсію. Затѣмъ ищетъ прямыхъ и косвенныхъ указаній на діагнозъ падучей въ архивныхъ матеріалахъ, касающихся Людовика XI.

Браше находитъ съ этой точки зрѣнія крайне любопытнымъ одинъ документъ, въ которомъ король „самъ не зная того, выдаетъ намъ природу своей болѣзни столь же ясно, какъ если бы признался въ томъ клиницисту“. Дѣло идетъ о письмѣ, которымъ Людовикъ XI извѣщалъ настоятеля одного монастыря о состояніи своего здоровья въ 1481 г. и обращалъ къ нему оригинальную просьбу: „Другъ мой, отецъ Петръ, прошу васъ, какъ только

могу, молите усердно Бога и Богоматерь Сальскую, дабы имъ угодно было послать мнѣ перемежающуюся каждые четыре дня лихорадку; ибо я страдаю болѣзнью, отъ каковой, по словамъ докторовъ, я не могу иначе излѣчиться, какъ получивъ упомянутую лихорадку; и лишь только она будетъ у меня, я васъ о семъ тотчасъ же извѣщу". Этотъ документъ въ умѣлыхъ рукахъ Браше доставляетъ нѣсколько любопытныхъ выводовъ.

Прежде всего, что это была за болѣзнь, для излѣченія которой было необходимо схватить перемежащуюся лихорадку, и при томъ въ формѣ возвращающейся на четвертый день? Исторія медицины говоритъ намъ, что со времени Гиппократа и вплоть до начала XIX-го вѣка господствовало мнѣніе, считавшееся аксіомой, согласно которому лихорадочный процессъ находился въ прямомъ антагонизмѣ съ конвульсивнымъ процессомъ и исключалъ его, или разрѣшалъ и прекращалъ. Но перемежающаяся лихорадка, и особенно въ формѣ четверодневной, считалась наиболѣе сильною и упорною разновидностью лихорадокъ, такъ что еще отъ классической древности сохранилось извѣстное проклятіе: пусть тебя подхватитъ четверная лихорадка (quartana te teneat!). Поэтому средневѣковая медицина видѣла въ этой болѣзни могущественное средство именно противъ—эпилепсіи, и на протяженіи болѣе, чѣмъ 2000 лѣтъ, руководства по терапевтикѣ заключали афоризмъ: *superveniente quartana epileptici convulsione defunguntur* (у эпилептиковъ конвульсіи прекращаются съ наступленіемъ четверной лихорадки). Трудность лишь заключалась въ томъ, какъ употреблять это оригинальное лѣкарство, ибо по заказу перемежающаяся лихорадка не получалась. И вотъ, мы видимъ, что Людовикъ XI обращается за молитвами къ настоятелю монастыря Сальской Богоматери (въ Буржѣ), спеціальностью которой, въ теченіе Среднихъ вѣковъ, было распоряжаться лихорадками... Такимъ образомъ, на первый взглядъ неважный документъ раскрываетъ намъ неожиданно истинную природу болѣзни короля.

Не менѣе интересны изслѣдованія Браше относительно способовъ лѣченія, которые еще болѣе подкрѣпляютъ гипотезу эпилепсіи. Одинъ за другимъ онъ перебираетъ различные документы съ той точки зрѣнія, съ какой всего менѣе подходили къ нимъ, т. е. чисто-медицинской, и опять-таки приходитъ къ неожиданнымъ выводамъ. Оказывается, что король прибѣгалъ и къ хирургическому лѣченію какого-то недуга, отыскивая спеціалиста по насѣчкамъ и прижиганіямъ кожи на головѣ. Онъ принималъ все противъ той же болѣзни—и золото въ жидкомъ видѣ (aurum potabile, по всей вѣроятности, смѣсь золотыхъ опилокъ съ сокомъ огуречника, согласно рецептурѣ Авиценны), иссопъ, дымянку, олений рогъ. Онъ примѣнялъ моральную и гигіеническую систему лѣченія: слушалъ игру пастуховъ на свирѣли (съ цѣлью под-

нять подавленное состояніе духа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прогнать дневную сонливость); спалъ на очень высокихъ изголовьяхъ; окружалъ себя ароматными растеніями. А всѣ эти терапевтическіе пріемы, какъ оказывается изъ детальнаго разсмотрѣнія Огюстомъ Браше средневѣковой медицины, пускались въ ходъ именно тогда, когда дѣло шло о лѣченіи падучей болѣзни.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія понятнымъ становится и происхожденіе страшной легенды о королѣ-людоѣдѣ, который принималъ ванны изъ человѣческой крови и пилъ кровь тутъ же зарѣзанныхъ дѣтей. У хроникера Роберта Гагэна находится, дѣйствительно, фраза относительно того, что король въ послѣдніе годы своей жизни „пилъ и нюхалъ кровь дѣтей“, надѣясь этимъ задержать процессъ быстраго угасанія. Одни историки совершенно отбрасываютъ это свидѣтельство, какъ басню и клевету. Другіе видятъ въ этомъ указаніе на чудовищную жестокость Людовика XI. Но Браше доказываетъ цитатами изъ медицинскихъ трактатовъ, что, начиная съ знаменитаго Галена, врача II-го вѣка, и до конца XVIII-го вѣка, питье человѣческой крови, извлеченной изъ жилъ молодыхъ субъектовъ и по возможности теплой, считалось наилучшимъ средствомъ противъ эпилепсіи. Въ счетахъ короля сохранилось глухое упоминаніе о крупной суммѣ (по нынѣшнему въ 350 фр.), заплаченной за двѣ пробныя операціи кровопусканія. Такимъ образомъ, не заходя такъ далеко, чтобы обвинять короля въ людоѣдствѣ, можно, однако, вполнѣ допустить по отношенію къ Людовику XI вѣроятность лѣченія кровью или гемотерапіи и, стало быть, новый аргументъ въ пользу существованія у „страшнаго короля“ падучей болѣзни.

Не менѣе любопытна попытка Браше объяснить непонятно-тираническій поступокъ Людовика XI, который, въ ноябрѣ 1468 г., почти сейчасъ же вслѣдъ за унизительнымъ для него свиданіемъ съ Карломъ Смѣлымъ въ городѣ Пероннѣ, т. е. когда общественное мнѣніе было наиболѣе враждебно настроено противъ него, не постѣснился, однако, совершить по отношенію къ парижанамъ двойной актъ пиратства. Въ два пріема король приказалъ схватить у парижанъ безъ всякаго вознагражденія сначала всѣхъ птицъ въ клѣткахъ, а затѣмъ прирученныхъ животныхъ (оленей, сернъ) и отправить ихъ въ свой паркъ въ Амбуазъ. До какой степени этотъ насильственный и вмѣстѣ комическій поступокъ взволновалъ его подданныхъ, можно уже видѣть изъ того, что хроникеры этой эпохи разсматриваютъ его, какъ „злодѣяніе, вполнѣ недостойное короля по своей странности“ (facinus profecto sua novitate indignum rege).

Историки, какъ извѣстно, пускали въ ходъ различныя объясненія этого акта, но безъ особаго успѣха; и причудливость каприза оставалась во всей своей силѣ. Сначала господствовало то мнѣніе, что король конфисковалъ птицъ за то, что въ нѣкото-

рыхъ крикахъ ученыхъ сорокъ, скворцовъ и т. п. усмотрѣлъ обидный для него намекъ на неудачу въ Пероннѣ: его подданные забавлялись, будто бы, тѣмъ, что выучивали своихъ птицъ выговаривать непріятныя для короля вещи. Но тогда непонятно, почему Людовикъ не ограничился арестомъ ученыхъ птицъ, а забралъ всѣхъ и присовокупилъ еще къ тому прирученныхъ животныхъ. Затѣмъ новѣйшая школа историковъ выставила болѣе простую гипотезу и сказала, что Людовикъ конфисковалъ животныхъ просто потому, что хотѣлъ населить ими королевскій паркъ для своего удовольствія. Но къ чему въ такомъ случаѣ насильственное похищеніе?

Браше, сопоставляя съ „злодѣяніемъ, недостойнымъ короля" другіе факты его жизни, — напр., его болѣзненное и страстное отыскиваніе разныхъ рѣдкихъ животныхъ, сопровождавшееся почти немедленнымъ же равнодушіемъ къ вновь пріобрѣтеннымъ экземплярамъ,—характеризуетъ короля, какъ „дегенерата высшей категоріи", а знаменитую конфискацію, какъ сложный актъ патологической зоофиліи и, вмѣстѣ, клептоманіи. Съ одной стороны, Людовикъ XI крайне интересуется животными и по своему любитъ ихъ (хотя безпрестанно остывая къ примелькавшимся), что составляетъ рѣзкую противоположность съ его холоднымъ и жестокимъ отношеніемъ къ людямъ. Съ другой стороны, ему доставляетъ особое удовольствіе не просто пріобрѣтать ихъ, а похищать: „вслѣдствіе непослѣдовательности, являющейся признакомъ этого болѣзненнаго психическаго состоянія, больной воруетъ то, что желаетъ имѣть, не потому, чтобы не могъ купить, а потому что такъ ему пріятнѣе обладать: это составляетъ какъ бы его завоеваніе" (CXVII).

Таковы пріемы Браше при изученіи королевской патологіи. И послѣдовательное примѣненіе ихъ къ изученію уже упомянутой привилегированной „флоры" снабжаетъ автора очень большимъ количествомъ фактовъ, касающихся наслѣдованія болѣзненныхъ особенностей. Я остановлю вниманіе читателей лишь на страницахъ, посвященныхъ психологіи миланскихъ властителей изъ дома Висконти. Браше считаетъ нужнымъ анализировать ихъ наслѣдственную „формулу", какъ предковъ—по материнской линіи—пресловутой Изабеллы Баварской, жены Карла VI. Дѣйствительно,—говоритъ Браше,—какъ бы ни были законны сомнѣнія относительно физіологическаго родства дѣтей съ сумасшедшимъ королемъ, мы знаемъ во всякомъ случаѣ ихъ мать. И достаточно изучить физическую и нравственную физіономію Изабеллы Баварской, чтобы понять, какое тяжелое біологическое наслѣдство было передано Карлу VII, а затѣмъ и Людовику XI. Но, въ свою очередь, психологія глубоко эгоистичной, развратной и во многихъ отношеніяхъ презрѣнной женщины объясняется физическими и душевными особенностями ея предковъ Висконти.

Извѣстно, дѣйствительно, что Изабелла родилась отъ брака баварскаго герцога Стефана съ Таддеей Висконти, бывшей въ свою очередь дочерью Варнавы (Barnabò или Bernabò) Висконти (отъ Реджины-делла-Скала).

Браше считаетъ своимъ долгомъ дать психологію прямыхъ и косвенныхъ предковъ Таддеи и, такимъ образомъ, набрасываетъ рядъ сухихъ, основанныхъ лишь на не обработанныхъ матеріалахъ, но краснорѣчивыхъ самою документальностью своею портретовъ. Вдумываясь въ эти необыкновенно рельефныя фигуры полдюжины Висконти, вы не можете не выразить сожалѣнія, что беллетристы-психологи и искатели „сверхчеловѣковъ" не утилизировали въ достаточной степени политическую и личную исторію этихъ миланскихъ властителей. Дѣйствительно, рѣдко приходится встрѣчать такое соединеніе наслѣдственной жестокости, эгоизма, почти прямого помѣшательства, съ крупными талантами и рѣдкими качествами ума.

Вотъ передъ нами дядя Таддеи и старшій братъ Варнавы Висконти, Маттео Висконти. Отличался красотою, но скоро пріобрѣлъ болѣзненную тучность и страдалъ подагрою. Былъ типичнымъ эротоманомъ; его современникъ и панегиристъ Ацаріо такъ характеризуетъ его въ этомъ отношеніи: „пятналъ себя (foedabatur) лишь порокомъ сладострастія. Ведя дурную жизнь и имѣя наложницами многихъ красивыхъ дѣвицъ, даже изъ знатныхъ миланскихъ фамилій, совершенно разстроилъ свой организмъ". Дальше слѣдуютъ фразы, которыя ярко характеризуютъ его болѣзненно развращенное воображеніе, но которыя приходится поневолѣ оставить въ подлинникѣ. Уже упомянутый Ацаріо замѣчаетъ: „...quod puteum evacuasset aqua ipsis (mulieribus) apud culum distillata". А Коріо, въ своей „Исторіи Милана", пишетъ: „такимъ образомъ онъ столь сильно разстроилъ свое здоровье, что не имѣлъ уже больше ни силы, ни способности, и чтобы удовлетворить своимъ постыднымъ желаніямъ—per le porte obscene nella natura delle donne faceva andare odoriferi liquori". Онъ и умеръ отъ половыхъ излишествъ, бывшихъ гибельными при его тучности. И, однако, этотъ грязный эротоманъ былъ человѣкомъ высокаго ума и богато одаренъ природою. Тотъ же Ацаріо говоритъ: „Доблестями онъ превосходилъ всѣхъ своихъ братьевъ, а особенно же краснорѣчіемъ, въ каковомъ отношеніи ему не былъ не только равенъ, но и подобенъ никто изъ магнатовъ Ломбардіи".

Вотъ вамъ другой дядя Таддеи и средній братъ Варнавы: Галеаццо Висконти. Физически онъ былъ необыкновенно лѣнивымъ и неподвижнымъ подагрикомъ, не любившимъ никакихъ тѣлесныхъ упражненій; и, что было рѣдкостью у людей его положенія, никогда не брался за оружіе. Въ противоположность своему старшему брату, онъ былъ человѣкомъ воздержнымъ въ

половомъ отношенiи. Но его ненормальность явно выражалась въ его безпокойномъ перебѣганьи отъ предмета къ предмету и изысканной жестокости. Онъ не выносилъ однихъ и тѣхъ же лицъ вокругъ себя, и по истеченiи шести мѣсяцевъ всѣ сановники и служащiе безжалостно отставлялись, мало того, прямо прогонялись имъ. Онъ не терпѣлъ никакого внѣшняго стѣсненiя, и былъ неспособенъ подчиниться какому бы то ни было правилу этикета и приличiя. Онъ вѣчно и безпокойно строился: день и ночь приказывалъ ломать и перестраивать свои дворцы, разрушалъ, не давъ докончить начатое, снова строилъ и снова разваливалъ выстроенное зачастую до основанiя. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вся эта эфемерная архитектура, надъ которой работали и зимою, и въ дождь, ветшала, не успѣвши высохнуть, и глубокiя трещины безобразили едва воздвигнутыя стѣны.

Но въ особенности его ненормальность проявлялась въ дьявольской изобрѣтательности, съ какой онъ находилъ утонченныя пытки для заключенныхъ, томившихся въ его тюрьмахъ. Это ему принадлежитъ перешедшая въ исторiю система замучиванiя человѣка ровно въ сорокъ дней, ни больше и ни меньше, почему онъ и давалъ этой генiальной идеѣ мучительства названiе „сорокодневнаго поста" или же „карантина". Я позволю себѣ перевести нѣсколько строкъ изъ его знаменитой инструкцiи палачамъ, написанной со всею точностью и педантизмомъ, какiе допускала средневѣковая латынь, испещренная италiанизмами: „Первый день дать пять ударовъ палками (bottas de curlo); второй позволить отдохнуть; третiй пять ударовъ палками; четвертый отдохнуть". И такъ далѣе: замѣтьте, человѣкъ при этомъ осужденъ на голоданiе. Но вотъ наступаетъ девятый день, и пацiенту дается—вода, уксусъ и известь!.. Затѣмъ начинаются различныя ухищренiя мучительства: напр., на 15-й день сдирается кожа съ обѣихъ подошвъ, и несчастную жертву гоняютъ въ такомъ видѣ по сухому гороху; на 23-iй вырывается одинъ глазъ, на 25-ый отрѣзается носъ, и т. д. и т. д., пока, наконецъ, на 40-ой день человѣкъ, въ буквальномъ смыслѣ испытавшiй это сорокадневное хожденiе по мукамъ, не привязывался къ колесу и не разрывался благополучно на части, съ соотвѣтствующимъ строго опредѣленнымъ ритуаломъ. И горе тому изъ мучителей, кто оказался бы настолько неаккуратнымъ и неловкимъ, что не допустилъ или перепустилъ сколько-нибудь изъ полагавшихся мученiй. Галеаццо не любилъ шутить, и могъ приложить тутъ же систему „сорокодневнаго поста" къ погрѣшившему противъ тонкостей ремесла палачу.

Беремъ, наконецъ, самого Варнаву, этого наиболѣе талантливаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе жестокаго изъ фамилiи Висконти. Подобно своему брату Маттео, онъ былъ типичный половой маніакъ. „Миланская лѣтопись" (Annales Mediolanenses) говоритъ выразительно: „Когда онъ пришелъ уже въ старческiй возрастъ,

то держалъ при себѣ, какъ то извѣстно, по дюжинѣ и по два десятка (duodenarium vel vicenarium numerum) непотребныхъ женщинъ, между которыми была одна „богиня любви“, называвшаяся Donnina. Изъ этого числа женщинъ онъ многихъ взялъ силою“. Этотъ невропатъ ужасно боялся смерти. Извѣстенъ разсказъ Виллани о томъ, какъ Варнава, удалившись изъ Милана при наступленіи чумы въ уединенный замокъ, бѣжалъ и оттуда, какъ только узналъ, что башенный сторожъ-звонарь (il campanaro) былъ найденъ мертвымъ у подножія колокольни.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто такъ безжалостно не расточалъ жизнь другихъ, расточалъ по пустякамъ и почти всегда въ изысканныхъ мученіяхъ. Такъ, страдая, подобно многимъ маніакамъ, зоофиліею (неумѣренною любовью къ животнымъ), онъ раздалъ всѣ пять тысячъ своихъ собакъ по знатнымъ фамиліямъ и учредилъ особый корпусъ инспекторовъ „собачниковъ“ (canetterii), которые должны были осматривать два раза въ мѣсяцъ этихъ животныхъ и докладывать властелину о состояніи ихъ здоровья. И если у кого собаки оказывались больными или худыми, тотъ подвергался жесточайшимъ наказаніямъ: его скопили, ему рубили члены тѣла, его сжигали живьемъ. Вообще же, всѣ эти ужасныя кары сыпались на подданныхъ Висконти зачастую за самые незначительные проступки и даже за такія вещи, которыя лишь кровожадный маніакъ могъ считать преступленіемъ. „Миланская лѣтопись“ сохранила намъ повѣствованіе объ одномъ мальчикѣ (quidam impubes), которому Варнава приказалъ вырвать одинъ глазъ и отрубить одну руку за то только, что тотъ видѣлъ во снѣ, будто поймалъ на охотѣ кабана, и разсказалъ объ этомъ: миланскій властитель, какъ извѣстно, считалъ всю дичь принадлежащею коронѣ. Нечего говорить, что если наказанія назначались за воображаемыя преступленія, то самомалѣйшая дѣйствительная оплошность вела за собою почти неизмѣнно смертную казнь или же уродованіе, худшее всякой смерти.

Наконецъ, чтобы дорисовать портретъ этого чудовищнаго человѣка, надо упомянуть о его маніи величія. Варнава считалъ себя настолько выше императора и современныхъ ему королей Европы, что ради униженія ихъ давалъ ихъ посланникамъ аудіенціи не иначе, какъ въ публичномъ домѣ (nolebat audire nisi in loco lupanaris). А своимъ приближеннымъ не разъ говорилъ: „да развѣ вы не знаете, что я Богъ на землѣ?“

И, однако, этотъ развратный, трусливый, кровожадный и безмѣрно горделивый маніакъ былъ на рѣдкость образованнымъ человѣкомъ своего времени, искуснымъ правителемъ и тонкимъ политикомъ. Новая историческая школа Италіи воздаетъ должное дипломатическимъ талантамъ Варнавы, который отличался особою способностью родниться при помощи браковъ своихъ многочисленныхъ дѣтей (отъ женъ и наложницъ) съ тогдашними вла-

дѣтельными домами и, вообще, былъ способенъ „на самыя различныя политическія комбинаціи“ (отзывъ Романо, цитированнаго Огюстомъ Браше на стр. 33: G. Romano, *Gian Galeazzo Visconti e gli eredi di Bernabò*; Миланъ, 1891, стр. 9).

Что касается до внутренней политики, то Варнава выработалъ неслыханную въ то время очень раціональную систему подбора администраторовъ и чиновниковъ, благодаря которой онъ изъ всѣхъ итальянскихъ властителей обладалъ наилучшимъ служебнымъ персоналомъ. А именно, въ противоположность господствовавшимъ въ то время обычаямъ, онъ не продавалъ за деньги должности, но, наоборотъ, выбиралъ для замѣщенія ихъ наиболѣе способныхъ лицъ и всячески поощрялъ ихъ служебное усердіе. Рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ своего брата Галеаццо, вѣчно перетасовывавшаго свой контингентъ служащихъ, Варнава удерживалъ при себѣ талантливыхъ администраторовъ и награждалъ быстрымъ повышеніемъ. Словомъ, третій Висконти, рядомъ со своимъ патологическимъ поведеніемъ, поражалъ современниковъ проницательностью и дальновидностью.

Браше такъ резюмируетъ это двойственное впечатлѣніе, производимое отцомъ Таддеи: „Варнава былъ для людей XIV-го вѣка чудовищной загадкой: онъ остался такимъ и для современныхъ историковъ, тогда какъ клиницистъ сейчасъ же узнаетъ въ этомъ прапрадѣдѣ Людовика XI одинъ изъ самыхъ обычныхъ типовъ современной психіатріи, а именно тотъ, который классифицированъ Маньяномъ и Вестфалемъ подъ названіемъ „дегенерата высшей категоріи“. Современные итальянскіе историки вродѣ Канту̀, Сисмонди и т. п., благодаря одинаковому у всѣхъ ихъ незнанію психопатологіи, ссылаются одни на жестокость Варнавы, чтобы сдѣлать изъ него тирана, занятаго лишь удовлетвореніемъ своихъ низкихъ потребностей, а другіе — на его удивительное краснорѣчіе, его политическое искусство въ борьбѣ противъ враговъ, чтобы превратить его въ оклеветаннаго государственнаго мужа. Въ дѣйствительности эта разница проистекаетъ изъ наивной (и литературной) потребности противоположить эти два элемента, тогда какъ психіатръ примиряетъ ихъ. Они оба дѣйствительно существуютъ,—его краснорѣчіе и его звѣрство, его политическая ловкость и его нелѣпые взрывы гнѣва; и все это называется въ медицинѣ дегенератомъ“ (стр. 35).

Вѣрный своему чисто-біологическому способу изслѣдованія, Браше вооружается даже противъ тѣхъ историковъ, которые не могутъ удержаться, чтобы не охарактеризовать свирѣпаго Варнаву Висконти какъ „тирана, занятаго лишь удовлетвореніемъ своихъ низкихъ потребностей“, и противополагаетъ имъ терминъ „дегенерата высшей категоріи“. Дѣло, однако, не въ названіи: дегенератъ такъ дегенератъ! Но не кажется ли вамъ, читатель, что, не смотря на интересные пріемы, употребляемые Браше при

его изслѣдованіи, и на результаты, добытые при помощи этихъ пріемовъ, его книга страдаетъ значительною односторонностью? Дѣйствительно, ученый авторъ развернулъ передъ нами очень богатую фамильную галлерею, состоящую, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ съ половиною сотенъ портретовъ родственныхъ между собою лицъ. И что же? Присматриваясь къ этимъ историческимъ фигурамъ, вы найдете, что очень значительное число между ними носитъ слѣды нравственной и физической ненормальности. Какъ же понимать это? Надо ли думать, что если бы авторъ взялъ любую семейную или родственную группу, она дала бы такой же процентъ своихъ членовъ, отмѣченныхъ патологическими стигматами? И что если въ нашемъ случаѣ документы изобилуютъ данными болѣзненной наслѣдственности, то лишь потому, что таково, вообще, человѣчество, а что привилегированное положеніе изслѣдуемыхъ субъектовъ обусловливаетъ лишь богатую жатву болѣе или менѣе достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній? Или же, если бы мы взяли (предполагая это возможнымъ) группу какихъ-нибудь ремесленниковъ или крестьянъ на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, то мы, наоборотъ, нашли бы гораздо менѣе значительную пропорцію дегенератовъ?

Изъ общаго духа изслѣдованія Брашe вытекаетъ, что онъ стоитъ на первой точкѣ зрѣнія. Намъ же вѣроятнѣе представляется вторая гипотеза, усложняющая голую біологическую формулу соціологической. Мы разсуждаемъ такъ: для членовъ вырождающейся семьи, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе, кромѣ болѣзненной наслѣдственности, еще та обстановка, которой окруженъ каждый данный субъектъ. Ибо есть условія, которыя благопріятствуютъ и безъ того обнаруживающейся тенденціи къ ненормальности; и есть условія, которыя если не совсѣмъ парализуютъ ее, то значительно препятствуютъ ея полному проявленію. Возьмемъ хотя бы чисто физіологическій процессъ отравленія алкоголемъ: мы знаемъ, съ какою разрушительною силою спиртные напитки дѣйствуютъ на дѣтей алкоголиковъ. Но подобное же явленіе должно обнаруживаться и при всѣхъ эксцессахъ уже чисто-психологическаго характера. Человѣкъ, поставленный въ условія, позволяющія ему проявлять во всей энергіи и стремительности свои болѣзненные импульсы, безспорно усиливаетъ свою основную ненормальность и передаетъ ее въ увеличенномъ видѣ своимъ дѣтямъ. Постройте мысленно цѣлый рядъ такихъ безпрестанно накопляющихся измѣненій, и вы должны будете встрѣтиться съ болѣе или менѣе длинною цѣпью все болѣе ненормальныхъ поколѣній, пока, наконецъ, она не оборвется на послѣднемъ окончательно изжившемъ звенѣ.

Мы знаемъ, далѣе, какое значеніе въ психической гигіенѣ имѣютъ упражненіе и выработка задерживающихъ центровъ. Все, что ослабляетъ ихъ дѣятельность, вноситъ случайность и хаотич-

ность въ наше *я*; а здоровое и энергичное *я* и является наилучшимъ средствомъ противъ взрыва ненормальныхъ аффектовъ. Представьте теперь себѣ ясно „дегенерата высшей категоріи“. Его *я* уже надломлено; и среда, которая совершенно устраняетъ для него необходимость самомалѣйшаго упражненія задерживающихъ центровъ, толкаетъ и безъ того болѣзненнаго субъекта по крайне наклонной плоскости. Ясно, какую громадную роль играетъ въ данномъ случаѣ соціальное положеніе человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, на примѣрѣ цезарей мы познакомились съ тираніей, которая, презирая установившіяся было формы общественнаго порядка, держалась на насиліи солдатъ и произволѣ. Съ такой же приблизительно тираніей мы встрѣчаемся въ Италіи, гдѣ, начиная съ XIV—XV-го вѣка, вѣчныя столкновенія между сформировавшимися республиками и свирѣпая борьба партій внутри каждой очистили дорогу такимъ неограниченнымъ властителямъ, которые не сдерживались ни прочными историческими традиціями, ни нравственными соображеніями. Наконецъ, вырабатывавшаяся власть абсолютныхъ королей во Франціи отличалась въ періодъ борьбы съ феодальными и корпоративными учрежденіями среднихъ вѣковъ именно тѣмъ, что разрушала старые обычаи и порядки и, не успѣвъ пока создать новыхъ и прочныхъ формъ политической жизни, благопріятствовала произвольнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ,. которыя естественно вызывали рѣзкую оцѣнку современниковъ самаго различнаго положенія. Такъ, при жизни Людовика XI, его соперникъ, Карлъ Смѣлый, называлъ энергичнаго и беззастѣнчиваго властителя „всемірнымъ паукомъ“, а 15 лѣтъ спустя послѣ его смерти, одинъ свидѣтель во время бракоразводнаго процесса дочери покойнаго, Жанны, съ Людовикомъ XII выразилъ общее мнѣніе страны, сказавъ, что Людовикъ XI „былъ самымъ страшнымъ королемъ, который только когда-либо существовалъ во Франціи“ (c'estoit le plus terrible roy qui fust jamais en France“; см. стр. 330 тома IV интересной многотомной исторіи Франціи, которая обрабатывается спеціалистами по періодамъ и выходитъ подъ общей редакціей Эрнеста Лаввиса: Ernest Lavisse,—*Histoire de France*; Парижъ, 1902.

Вставьте теперь живую личность въ эти спеціальныя условія, и вы поймете, какая разница въ психологіи должна получиться между обыкновеннымъ индивидуумомъ и лицомъ, плавающимъ въ особой соціологической атмосферѣ. Отсюда же и разница между дегенератами различнаго соціальнаго положенія. Обыкновенный „дегенератъ высшей категоріи“ можетъ, напр., страдать клептоманіей; но его стараются поставить въ условія, исключающія возможность удовлетворенія хищническаго импульса. Дегенератъ на тронѣ средневѣковаго французскаго короля силкомъ похищаетъ имущество подданныхъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Людовика XI; но

никто не препятствуетъ ему въ этомъ, и историкамъ остается только изощрять остроуміе и проницательность надъ разгадкой мотивовъ такого дѣйствія. Обыкновенный дегенератъ совершаетъ рядъ безнравственныхъ поступковъ или доходитъ до звѣрскаго убійства; но его сажаютъ въ сумасшедшій домъ, и общественная власть, и родные, и сама его жена примутъ мѣры, чтобы этотъ кровожадный маніакъ не плодилъ себѣ подобныхъ же дѣтей. Дегенератъ въ шкурѣ властителя Варнавы Висконти всю жизнь свою проводитъ въ грязныхъ и кровавыхъ дѣлахъ, и силкомъ захваченныя въ его гаремъ женщины передадутъ по наслѣдству дѣтямъ его звѣрскіе инстинкты... Спрашивается, можно ли ограничиваться лишь голой біологической формулой наслѣдственности? И не должно ли, наоборотъ, умножать ее на извѣстный, порою очень значительный соціологическій коэффиціентъ, опредѣляемый всей обстановкой тираническихъ правителей и примѣромъ произвольныхъ тираническихъ дѣйствій?

Эти соображенія заставляютъ насъ вносить поправки въ одностороннюю теорію Браше. И общій смыслъ ихъ заключается въ параллельномъ изученіи не только органическаго типа родственной группы лицъ, передаваемаго по наслѣдству, но и общественной среды, въ которую погружена эта группа, особенно если такая среда отличается длящимися особенностями, — какъ то имѣетъ мѣсто по отношенію къ режиму, сравнительно долго злоупотреблявшему въ силу спеціальныхъ историческихъ условій, тиранической властью. Изучайте не одинъ организмъ, предполагая его передающимся по наслѣдству въ первоначальномъ видѣ; изучайте не менѣе того условія, которыя способствуютъ или препятствуютъ чистотѣ наслѣдственнаго типа,—вотъ заключеніе, къ которому приходишь въ области, затронутой Браше.

И это заключеніе совпадаетъ въ извѣстномъ смыслѣ съ чисто теоретическимъ выводомъ, къ которому приходитъ извѣстный французскій біологъ, Ивъ Делажъ. Въ своей только что вышедшей вторымъ изданіемъ книгѣ о „Наслѣдственности и великихъ задачахъ общей біологіи“ онъ высказываетъ ту мысль, что изслѣдователи наслѣдственности сами слишкомъ усложнили свою проблему, предполагая, что уже въ самомъ зародышѣ предрѣшена, такъ сказать, его дальнѣйшая біологическая исторія со всѣми ея деталями. И онъ дѣлаетъ интересное сравненіе: „Вотъ рѣка, которая течетъ съ горы, питаясь тающими снѣгами ледника. Она образуетъ водопадъ, затѣмъ спускается въ равнину, здѣсь вертитъ колесо мельницы, дальше встрѣчаетъ извѣстное расположеніе скалъ, которое опредѣляетъ въ этомъ мѣстѣ ея постоянный водоворотъ, и, наконецъ, теряется въ океанѣ. Предположимъ на одну минуту, что мы имѣемъ дѣло постоянно съ тѣми же самыми массами воды, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ съ непрерывною правильностью льются, скачутъ каскадами, вертятъ

колеса, кипятъ въ водоворотѣ между скалами, потомъ испаряются и образуютъ облако, гонимое вѣтромъ къ горѣ, гдѣ оно разрѣшается снѣгомъ, затѣмъ льдомъ, который, тая, снова обращается въ воду, чтобы опять и опять начинать тотъ же кругъ. Въ данномъ случаѣ предъ нами цѣлый рядъ явленій, которыя воспроизводятся съ тою же самою правильностью, что жизненныя явленія въ рядѣ поколѣній одного и того же животнаго или растительнаго вида“ (Yves Delage, *L'Hérédité et les grands problèmes de la biologie générale*; Парижъ, 2-е изд., 1903, стр. 805).

Сдѣлавъ это сравненіе, авторъ спрашиваетъ: что сказали бы мы о физикѣ, который отыскивалъ бы въ первоначальной каплѣ воды, какъ въ зародышѣ, всѣ послѣдующія состоянія жидкости,— и горный потокъ, и водопадъ, и рѣку, вертящую мельницу, и величественную массу водъ, вливающуюся въ море, и капризное облако, и ливень, и снѣгъ, и ледъ, и снова первоначальную каплю воды? Что должны мы думать о научности пріемовъ такого ученаго, который полагаетъ, что, помимо условій окружающей среды, т. е. склона горы, преграды скалъ, широкой равнины, лучей солнца, вѣтра и т. д., послѣдующіе фазисы капли заключались въ скрытомъ состояніи уже въ ея первоначальномъ видѣ? Не проще ли было бы сказать ему, что кромѣ молекулярныхъ свойствъ химическаго тѣла, обозначаемаго H_2O, въ каплѣ воды не было ничего, предрѣшающаго ея послѣдующихъ видоизмѣненій? Не будь горы, она не скатывалась бы, а гнила и зацвѣтала бы въ болотѣ; не будь скалистаго ущелья, она не образовала бы водоворота; не встрѣть мельничнаго колеса, не могла бы производить полезной работы и т. д. Словомъ, не будь различныхъ условій среды, она не продѣлывала бы различныхъ перипетій и не испытывала бы различныхъ метаморфозъ, которыя, именно благодаря сравнительному постоянству обстановки, производятъ на насъ впечатлѣніе длящихся и типическихъ особенностей странствующей массы водъ на томъ или другомъ этапѣ ея пути.

А между тѣмъ, то же самое разсужденіе примѣняетъ біологъ, пытаясь въ зародышѣ найти исключительную причину послѣдующихъ фазисовъ организма, но не считаясь достаточно съ окружающими условіями, среди которыхъ совершается эволюція клѣтокъ. Конечно, зародышъ не есть такое простое тѣло, какъ вода, состоящая лишь изъ двухъ элементовъ. Но что изъ этого слѣдуетъ? Что органической клѣткѣ, обладающей крайне сложнымъ и опредѣленнымъ въ деталяхъ физико-химическимъ составомъ, приходится сталкиваться съ двоякой альтернативой: или найти условія, которыя позволятъ ей развиваться; или погибнуть, не найдя ихъ. Ясно, что здѣсь должно искать ключа къ явленіямъ передачи особенностей отъ поколѣнія къ поколѣнію, или, какъ говоритъ Делажъ: „Тутъ и все объясненіе наслѣд-

ственности. Ибо эти условія какъ разъ тѣ самыя, которыя встрѣчало и яйцо родителя въ соотвѣтствующей стадіи развитія. Неизбѣжно, стало быть, чтобы оно слѣдовало по тому же пути эволюціи, потому что оно обладаетъ тѣмъ же самымъ физико-химическимъ составомъ, какъ и первое, и встрѣчаетъ, въ томъ же самомъ порядкѣ, рядъ тожественныхъ строго опредѣленныхъ условій. Вовсе, стало быть, не необходимо, чтобы оно заключало въ себѣ всѣ факторы своей эволюціи. Достаточно, чтобы оно заключало *одинъ* изъ многочисленныхъ факторовъ, необходимыхъ для тожественнаго воспроизведенія всѣхъ явленій эволюціи; что касается до другихъ не менѣе необходимыхъ факторовъ, то они находятся внѣ его, но ихъ оно должно навѣрное встрѣтить какъ разъ въ необходимый моментъ, ибо въ противномъ случаѣ оно умираетъ, и эволюція не отклонена въ сторону, но вовсе остановлена" (Ibid., стр. 807—808).

Вдумайтесь въ эти соображенія ученаго спеціалиста, если и не отличающагося большою оригинальностью мысли, то достаточно умѣло комбинирующаго наиболѣе вѣроятныя гипотезы наслѣдственности,—и вы увидите, что они какъ нельзя лучше подходятъ къ разсматриваемымъ нами пріемамъ изслѣдователей въ родѣ Браше, которые черезчуръ много слѣдятъ за чисто біологической передачей особенностей организма отъ поколѣнія къ поколѣнію и слишкомъ пренебрегаютъ изученіемъ спеціальной среды...

Это критическое заключеніе нисколько не мѣшаетъ, конечно, тому, чтобы мы рекомендовали читателямъ книгу Огюста Браше, которая, не смотря на свои логическіе и литературные изъяны, содержитъ очень много поучительнаго матеріала. Вопросъ о наслѣдственности какъ общей, такъ и спеціальной является не академическимъ, а глубоко жизненнымъ вопросомъ, и соціологія властно вмѣшивается со своими требованіями въ чисто біологическую, повидимому, проблему.

Э. Вернеръ.

Новыя книги.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1903.

К. Бальмонтъ. Только любовь. Семицвѣтникъ. Кн—во «Грифъ». М. 1903.

Шесть большихъ книгъ оригинальныхъ стиховъ и два объемистыхъ сборника стихотворныхъ же переводовъ изъ Шелли (второй изъ нихъ уже печатается, третій обѣщанъ) на протяженіи всего какихъ нибудь восьми лѣтъ—это производительность, по истинѣ подавляющая. Еще ни одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ поэтовъ въ такой короткій срокъ не бросалъ въ публику такого удивительнаго ливня риѳмъ... Но г. Бальмонтъ удивляетъ не одною только плодовитостью своей музы: его стихъ давно уже славится—и справедливо—чарующей легкостью и музыкальностью, размѣры—оригинальностью и разнообразіемъ, риѳмы—полнотой и звучностью. Однако все это, къ сожалѣнію, не такія достоинства, которыя сами по себѣ представляли бы большую цѣнность. Цѣнна, по нашему мнѣнію, лишь та поэзія, которая имѣетъ гуманное, въ широкомъ смыслѣ этого слова, человѣчное содержаніе. Пусть это не будетъ даже любовь къ людямъ-братьямъ, сочувствіе ихъ страданіямъ и обидамъ (на нашъ взглядъ, самый высокій и достойный мотивъ поэзіи): важно, чтобы самъ поэтъ въ произведеніяхъ своихъ оставался всегда человѣкомъ, а не стремился, выражаясь вульгарно, вылѣзти изъ собственной кожи. Лишь при этомъ условіи между нимъ и читателемъ отыщется общая почва для сочувственнаго пониманія. Вспомнимъ хотя бы Ницше, міросозерцаніе котораго такъ далеко отстоитъ отъ нашего собственнаго: трагическій образъ мыслителя-поэта, отказавшагося отъ любви къ ближнему во имя любви къ дальнему и среди душевныхъ мукъ и смятенія ненасытно искавшаго истины, находитъ все же доступъ къ нашему сердцу...

Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки...

Вотъ секретъ власти поэтовъ,—и этимъ-то секретомъ даже въ самой малой степени не владѣетъ г. Бальмонтъ. Кокетничанье презрѣніемъ къ человѣчеству, любованіе всяческой грязью и мерзостью, похвальба собственными, наконецъ, пороками—все это (гадкое и противное само по себѣ) звучитъ въ его стихахъ неискреннимъ, надуманнымъ ломаньемъ и жеманничаньемъ.

Я ненавижу человѣчество,
Я отъ него бѣгу, спѣша.

. . . .

Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.

. . . .

Мнѣ нравятся толпы магометанъ,
Оргійность первыхъ пытокъ христіанъ.

. . . .

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внѣшнимъ и жестокимъ...

. . . .

Мое пѣвучее витійство (вотъ именно!)
Не только блескъ созвучныхъ силъ:
Разъ захочу—свершу убійство,
Быть можетъ, я ужъ и убилъ!

Все это было бы, можетъ быть, ужасно, если бы не было такъ смѣшно... Безъ конца и на всѣ лады рисуясь „силой" и „цѣльностью", охотнѣе всего кокетничаетъ г. Бальмонтъ своей якобы огненной страстностью въ любви. „Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ, хочу упиться роскошнымъ тѣломъ, хочу одежды съ тебя сорвать"! Онъ хочетъ быть любимъ „съ беззавѣтностью—пусть хоть звѣриной":

Хоть звѣриной, когда неземной
На землѣ намъ постичь невозможно.
Вотъ, ты чувствуешь? Сладко со мной?
Мы не блѣдно забылись, не ложно.
Утомившись, мы снова хотимъ,
Орхидейнымъ подобные чашамъ.
Мы съ тобою весь міръ побѣдимъ.,
Онъ возникнетъ чарующе-нашимъ (!).
Ты качаешься въ сердцѣ моемъ,
Какъ на влагѣ—восторгъ отраженій.
Мы съ тобою весь міръ закуемъ
Красотою змѣиныхъ движеніей!

И въ другомъ мѣстѣ еще пластичнѣе (если это только возможно) изображаются „бѣлыя ноги, предавшіяся мечтамъ, и красота и нѣга безъ предѣла, отданное стиснутымъ рукамъ судорожно бьющееся тѣло". Бѣдный поэтъ и не подозрѣваетъ, что единственное чувство, которое онъ вызываетъ въ читателѣ всѣми этими описаніями,—гадливость и омерзѣніе... Такъ ли изображаютъ *человѣческую* страсть истинные художники? Великій русскій поэтъ, въ жилахъ котораго, дѣйствительно, текла африканская кровь, обрывалъ свои великолѣпные стихи („Клеопатра", „Ненастный день потухъ") какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ безвкусный и антигуманный поэтъ нашихъ дней, навѣрное, наговорилъ бы Богъ знаетъ что о змѣиныхъ, звѣриныхъ и, не знаемъ еще какихъ, движеніяхъ.

Въ соотвѣтствіи съ отталкивающимъ содержаніемъ находится и вычурность формы въ большинствѣ произведеній г. Бальмонта— всѣ эти „золотыя возможности дождей“, „удавно шелестящія ночи“, „разорванно-слитные многопѣнные переплески“ и прочая цвѣтистая чепуха, положительно загромождающая то немногое хорошее, что всетаки есть у него. Поэтъ приглашаетъ насъ быть, „какъ солнце, всегда, молодое, нѣжно ласкать огневые цвѣты (?), воздухъ прозрачный и все (?) золотое“; г. Мережковскій, въ посвященномъ ему дифирамбѣ, называется „проникающимъ сознаньемъ туда, гдѣ прекращаются *рѣки*“. Куда же это—въ озера, въ моря? Не имѣемъ ли мы дѣла съ опечаткой, не нужно ли читать „рѣчи“? Но риѳма „навѣки“ („другомъ не будешь ты мнѣ никогда, братомъ—навѣки!“) ясно говоритъ, что оплошность наборщиковъ тутъ не при чемъ. Поэтъ, прославившійся музыкальностью стиха (секретъ, который заключается, главнымъ образомъ, въ удачно выбираемыхъ красивыхъ метрахъ), въ сущности, удивительно плохо владѣетъ формой,—чаще всего она имъ владѣетъ. Кривлянье и ломанье нерѣдко лишь прикрываютъ художественное безсиліе; среди потугъ философскаго глубокомыслія то и дѣло бросаются въ глаза невозможно - прозаическіе обороты, удивительнѣйшія банальности, лишенныя всякой другой связи съ цѣлымъ, кромѣ требованія метра и риѳмы. Вотъ почему у г. Бальмонта есть цѣлый рядъ стихотвореній, которыя съ удобствомъ можно было бы объединить подъ заглавіемъ „Въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько“. Вотъ первый попавшійся образчикъ:

Все равно мнѣ, человѣкъ плохъ или хорошъ,
Все равно мнѣ, говоритъ правду или ложь.
Только-бъ вольно онъ всегда да сказалъ на да,
Только-бъ онъ, какъ вольный свѣтъ (?), нѣтъ сказалъ на нѣтъ.
Если въ небѣ свѣтъ погасъ, значитъ—поздній часъ,
Значитъ—въ первый мы съ тобой и въ послѣдній разъ (?!).
Если въ небѣ свѣта нѣтъ, значитъ умеръ свѣтъ,
Значитъ—ночь бѣжитъ, бѣжитъ, заметая слѣдъ.
Если ключъ поетъ всегда: «Да,—да, да—да, да»,
Значитъ въ немъ молчанья нѣтъ больше никогда (?).

и т. д.

Или другой примѣръ:

Когда я былъ мальчикомъ, маленькимъ, нѣжнымъ,
Былъ кротокъ мой взоръ и глубокъ.
Ты знаешь, что утромъ *предъ* моремъ безбрежнымъ,
Горитъ золотистый песокъ?
Когда я былъ юношей, робкимъ и стройнымъ,
Я былъ вѣчной полонъ тоской.
Ты знаешь, что *вечеромъ*, въ свѣтѣ туманномъ,
Русалки поютъ надъ рѣкой?
Когда я сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ,
Цѣлую я всѣхъ на пути (?!).
Ты знаешь, что ночью, въ туманѣ ненастномъ,
Такъ страшно, такъ страшно идти?

Остается только невыясненнымъ, кому же страшно идти—самому поэту, или тѣмъ, кто встрѣчается съ нимъ на пути... Творческое безсиліе г. Бальмонта дѣлаетъ его иногда въ высшей степени комичнымъ:

Дышетъ мракъ голубой. Ну, цѣлуй же! Ты мой?
Здѣсь. И здѣсь. Такъ. И здѣсь... Ахъ, какъ сладко съ тобой!

И такъ, и этакъ—а все выходитъ одинаково смѣшно и въ достаточной мѣрѣ... противно. Между тѣмъ, самъ поэтъ по прежнему чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія.

Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.
. . . .
Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи.
. . . .
Знаю я, что красиво и нѣжно пою.
. . . .
Высшимъ знакомъ я отмѣченъ.
. . . .
Въ моихъ пѣснопѣньяхъ—журчанье ключей,
Что звучатъ все звончѣй и звончѣй,
Въ нихъ женственно-страстные шопоты струй
И дѣвическій въ нихъ поцѣлуй

и т. д. безъ конца.

Но,—возражаютъ поклонники и защитники г. Бальмонта,—не вѣчно же наряжается нашъ поэтъ въ демоническій плащъ, не вѣчно кривляется. Бываетъ и онъ простъ и человѣченъ. Настоящая обязанность критики и состоитъ именно въ томъ, чтобы, закрывъ глаза на слабыя стороны писателя, указать и выяснить то положительное, что онъ даетъ. Слѣдующее маленькое стихотвореніе г. Бальмонта было недавно отмѣчено благожелательной критикой, какъ „шедевръ миніатюрной работы", какъ вещь истинно художественная и по выполненію, и по переданному ею настроенію:

Волна бѣжитъ. Волна съ волною слита.
Волна съ волною слита въ одной мечтѣ.
Прильнувъ къ скаламъ, они (ѣ?) гремятъ сердито.
Они (ѣ?) гремятъ сердито: «Не тѣ! Не тѣ!»
И въ горькомъ снѣ волна волнѣ шепнула.
Волна волнѣ шепнула: «Въ тебѣ—мечта».
И плещутъ вновь: «Меня ты обманула!»
«Меня ты обманула... И ты—не та!»

Къ сожалѣнію, въ насъ и эта пьеска оставляетъ все то же впечатлѣніе манерности и натянутости. Развѣ можетъ она идти въ какое либо сравненіе съ настоящими „шедеврами" въ томъ же родѣ,—напр., съ „Сосной" Гейне или „Утесомъ" Лермонтова? Тамъ все прозрачно-ясно и реально-фантастично, если можно такъ

выразиться; здѣсь все—туманно и искусственно. Начать съ того, что двѣ „слитыя" волны составляютъ одну большую волну, и г. Бальмонтъ, словно понимая это, спѣшитъ во второмъ же стихѣ оговориться: мои волны были не то, чтобъ на самомъ дѣлѣ слиты, а только „въ одной мечтѣ слиты"... Фальшь съ самаго уже начала закрадывается въ образъ... Если понятно далѣе, почему стремившіяся къ скаламъ и разбившіяся объ нихъ волны сердито гремятъ (хотя врядъ-ли, разбитыя, онѣ могли *гремѣть*): „Не тѣ! Не тѣ!"—то остается вполнѣ загадочнымъ, почему онѣ разочаровываются послѣ того и другъ въ другѣ. Но и отъ большинства „символовъ" г. Бальмонта вѣетъ той же фальшью и той же придуманностью. Какъ характеренъ, напр., для его тепличной поэзіи „лелѣйный (?) цвѣтокъ", растущій подъ льдами, „въ студеныхъ садахъ, въ тишинѣ темноты"!

Однако, неужели ни одной, такъ-таки ни одной истинно-поэтической вещи не находимъ мы у г. Бальмонта? Этого мы не утверждаемъ. Изъ *трехъ сотъ* слишкомъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ новыхъ двухъ сборникахъ, наберется около десятка такихъ, которыя и намъ болѣе или менѣе нравятся: „Завѣтъ бытія", „Къ вѣтру", „Замарашка", „На вершинѣ горной", „Воздушная птичка", „Я не знаю мудрости" и еще нѣкоторыя. Вотъ примѣръ:

Воздушная птичка, на окнѣ у меня,
На мгновенье присѣла и запѣла, звеня,—
Воздушная птичка не видала меня.
Закатъ запоздалый въ облакахъ догоралъ,
Упоительно-алый, какъ небесный кораллъ.—
Забытый, усталый, я одинъ умиралъ.
Но сѣрая птичка, на раскрытомъ окнѣ,
Все воздушнѣе пѣла о негаснущемъ днѣ,—
О вѣчности свѣтлой въ неизвѣстной странѣ.
И тихо я умеръ, безъ печали земной,
И замолкшая птичка улетѣла со мной,
Смутившись внезапно неземной тишиной.

Или, вотъ, стихотвореніе,—быть можетъ, обращенное поэтомъ къ его критикамъ:

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры!
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

Да! если бы г. Бальмонтъ, дѣйствительно, являлся въ своей поэзіи „только облачкомъ, полнымъ огня", мы бы имъ любовались и, можетъ быть, вмѣстѣ съ „мечтателями" пошли бы на его зовъ. Быть можетъ, это именно и было его настоящимъ

призваніемъ—пѣть задумчиво-нѣжныя, меланхолично-красивыя пѣсни... Но бѣда въ томъ, что онъ ихъ рѣдко поетъ, да когда и поетъ—въ большинствѣ случаевъ явно подражаетъ чужимъ образцамъ, роднымъ и иностраннымъ,—Лермонтову, Шелли, Бодлеру. Съ чужого голоса поетъ онъ и свои дурныя пѣсни, но хуже всего то, что дурное безконечно перевѣшиваетъ въ его произведеніяхъ хорошее, такъ что въ общемъ значеніе его, какъ оригинальнаго поэта, необходимо признать отрицательнымъ: въ наше и безъ того смутное время онъ профанируетъ поэзію, воспитываетъ въ обществѣ неуваженіе къ ней.

Всякій разъ, какъ мы думаемъ о г. Бальмонтѣ и его цвѣтистыхъ, жеманныхъ стихахъ, намъ вспоминается блаженной памяти Бенедиктовъ. Вотъ поэтъ, едва ли не больше г. Бальмонта поражавшій въ свое время публику звучностью стиха, „роскошью" красокъ и даже „глубиною мысли"! Но онъ гремѣлъ и дивилъ простаковъ лишь до тѣхъ поръ, пока не вспыхнула яркая звѣзда Лермонтова. Бенедиктовъ былъ сразу и навсегда забытъ... Не пора ли и теперь явиться, наконецъ, настоящему поэту, „властителю думъ" своего времени? Въ могучихъ стихахъ, полныхъ пламеннаго негодованія, онъ заклеймитъ все то, что держитъ современную мысль въ мертвенныхъ путахъ неискренности и вялости, въ яркихъ захватывающихъ образахъ представитъ намъ ту „новую красоту" жизни, которой такъ жаждетъ русскій народъ и русское общество, воспоетъ и ихъ страданія, и лучшія надежды...

А. Чивонибаръ. Каторга. Тюрьма. Голодъ. Очерки и разсказы. Одесса 1903.

Пословица: отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся—показываетъ, какой популярностью пользуются у насъ эти „институты" въ народѣ. Соотвѣтственно этому и въ литературѣ разнообразныя описанія каторжной жизни и голодовокъ пользуются широкимъ распространеніемъ среди читающей публики. Давая своей книгѣ заглавіе „Каторга. Тюрьма. Голодъ", г. Чивонибаръ обнаружилъ несомнѣнное знаніе читательской психологіи, и если его книга найдетъ себѣ сбытъ, то этимъ она обязана будетъ исключительно своему заглавію. Для большей заманчивости авторъ перечислилъ еще на обложкѣ названія отдѣльныхъ разсказовъ: „Смотритель сахалинской тюрьмы", „80 розогъ", „Невинно осужденный на каторгу", „Гостиница западня", „Одесскія катакомбы", „Убійства въ поѣздахъ" и т. п. Но истощивъ на заглавномъ листкѣ все свое остроуміе и находчивость, г. Чивонибаръ не нашелъ въ себѣ силъ для дальнѣйшаго. Эти коротенькіе разсказы и очерки печатались, очевидно, въ свое время въ газетахъ въ видѣ посредственнаго достоинства фельетоновъ или злободневныхъ корреспонденцій (Голодъ). Собранныя теперь въ одной книгѣ, эти га-

зетныя произведенія, поспѣшно написанныя, литературно необработанныя и не запечатлѣнныя печатью художественности, могутъ служить только назидательнымъ примѣромъ того, какъ неудобно подчасъ извлекать изъ газетнаго хлама то, что по всей справедливости обречено быть достояніемъ „медленной Леты". О такихъ произведеніяхъ принято говорить, что они пригодны въ качествѣ желѣзнодорожной литературы. Предполагается, что изнывающій отъ скуки желѣзнодорожный пассажиръ—читатель очень невзыскательный и способный въ дорогѣ съ охотой накинуться на то, отъ чего бы онъ отвернулся, сидя на мѣстѣ. Въ видѣ такого желѣзнодорожнаго чтенія книжка г. Чивонибара еще допустима для пользованія, ибо въ этомъ сортѣ литературы зачастую попадаются произведенія и еще худшаго достоинства.

Н. Новомбергскій. Островъ Сахалинъ. Спб. 1903 г.

Еще очень недавно намъ рисовали Сахалинъ, какъ уголокъ Россіи, гдѣ кипитъ, правда, довольно своеобразная, но очень энергичная дѣятельность администраціи. Мы привыкли думать, что тамъ, не покладая рукъ, энергичное начальство занято укрощеніемъ строптивыхъ, постройкой необыкновенныхъ туннелей, воздвиганіемъ показныхъ деревень, культивированіемъ тундръ и болотъ и т. д. Теперь, какъ сообщаетъ г. Новомбергскій, все угомонилось. Исчезла ясность мысли, неуклонная исполнительность, смѣнившись полнѣйшей растерянностью „Администрація,—утверждаетъ авторъ,—бездѣйствуетъ, словно съ часу на часъ ждетъ приказа оставить островъ (139)... Въ настоящее время на островѣ нѣтъ ни работъ, ни наказаній... Тяжелыя каторжныя работы исчезли, тяжкія наказанія упразднились. Новыхъ поселеній больше не заводятъ... Все приходитъ въ упадокъ: мосты, дороги, зданія... Самая идея превращенія острова въ сельско-хозяйственную колонію увяла, и не сегодня—завтра опавшіе лепестки дорогого растенія свѣжей струйкой животворнаго воздуха размечутся безъ остатка" (92). И—страшно сказать—верхъ растерянности—„розги потеряли кредитъ, явился спросъ на гуманность, и сахалинскій чиновникъ включилъ ее въ число своихъ добродѣтелей". Поистинѣ, можно сказать, sic transit gloria mundi! Этой общей растерянностью заразился, повидимому, нѣсколько и самъ авторъ. Ему уже кажется, „словно всѣ отдушины открыты, будто бы хребты, сдавившіе несчастное населеніе въ угрюмыхъ долинахъ, отодвинулись куда-то далеко, и стало дышаться свободнѣе... Перемѣна уже совершилась, къ прошлому нѣтъ возврата" (92).

Осталось бы только радоваться, но, къ сожалѣнію, растерянность—величина отрицательная, изъ которой ничто положительное родиться не можетъ. И, дѣйствительно, то, что въ своемъ дѣловомъ очеркѣ Сахалина рисуетъ авторъ, не представляетъ собою

ничего утѣшительнаго,—это та же знакомая уже намъ картина безсмысленно-жестокаго существованія десятковъ тысячъ людей, надъ которыми, какъ in anima vili, продѣлывается жестоко-дорогой опытъ пенитенціарной колонизаціи. Вся разница въ томъ, что теперь крахъ этого опыта признанъ оффиціально, діагнозъ поставленъ, и, слѣдовательно, собираются приступить къ лѣченію. Врачи этого больного дѣтища уже теперь засѣдаютъ въ спеціальной коммиссіи, рѣшая трудный вопросъ объ его исцѣленіи. Всякое серьозное мнѣніе компетентнаго человѣка является теперь какъ разъ кстати. Г. Новомбергскій, прослужившій нѣкоторое время на Сахалинѣ и имѣвшій подъ рукой значительный оффиціальный матеріалъ, дѣлаетъ посильную попытку разобраться въ вопросѣ и по своему рѣшить его.

Мы не будемъ останавливаться на критической сторонѣ разсужденій автора: причины неудачи сахалинской колонизаціи можно считать теперь общеизвѣстными.

Теперь насъ можетъ интересовать только положительная сторона книги, тѣ предложенія автора, которыя онъ считаетъ истинно-рѣшающими моментами вопроса. Прежде всего нужно замѣтить, что, не смотря на безнадежное отношеніе автора къ *настоящему* Сахалина, не смотря на его обще-пессимистическое воззрѣніе на природу преступнаго человѣка, онъ оказывается рѣшительнымъ оптимистомъ по отношенію къ будущему Сахалина, когда самъ онъ является въ роли врачевателя его язвъ. „Заложите въ душѣ сахалинца надежду на *воскресеніе*,—говоритъ авторъ въ послѣднихъ строкахъ своей книги,—дайте ему возможность *утвердиться* на островѣ, и печальный Сахалинъ превратится въ тотъ счастливый островъ, который представилъ Девитъ въ своей „New Siweria“! Авторъ вѣритъ въ возможность земледѣлія на островѣ, вѣритъ въ его неистощимыя естественныя богатства (уголь, рыба, лѣса, нефть), вѣритъ въ возможность осуществленія реформъ...

Но во все это вѣрило въ свое время и Главное Тюремное Управленіе. Чѣмъ же думаетъ авторъ оплодотворить эту вѣру, чтобы островъ слезъ обратить въ счастливую исправительную колонію?

Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но кореннымъ зломъ, губящимъ колонизацію острова, авторъ считаетъ каторгу, ту самую каторгу, ради которой весь опытъ колонизаціи Сахалина былъ затѣянъ. По его мнѣнію, каторга должна быть либо совершенно удалена съ острова, либо быть замкнута безвыходно въ центральныя, замурованныя тюрьмы. „Кто осужденъ на жизнь въ тюрьмѣ,—патетически восклицаетъ авторъ,—пусть за *полями ея* (курс. нашъ) и несетъ свой крестъ, но, кто изъ нея вышелъ, по праву да будетъ на свободѣ!.. Первое условіе безопасности—это уничтоженіе *естественной* тюрьмы!“ (150).

Чтобы понять всю опасность и нелогичность предложенія автора,

нужно имѣть въ виду, что единственная свѣтлая черта сахалинской каторги именно заключалась въ ея „естественной тюрьмѣ“, что каторжный, вмѣсто того, чтобы изнывать за стѣнами централа, задыхаться отъ отсутствія свѣта и воздуха, общенія съ природой, исполняя адски-искусственную, ad hoc созданную работу, на Сахалинѣ получалъ возможность не только съ перваго же дня работать на лонѣ природы, пользоваться относительной свободой передвиженія, но, по истеченіи срока испытуемости, совершенно разстаться съ тюрьмой, жить „на волѣ“ и даже сѣсть на хозяйство. При всѣхъ недостаткахъ Сахалина, эта относительная свобода „естественной тюрьмы“ была благомъ, которое надо было расширять и улучшать. Теперь авторъ требуетъ уничтоженія этого блага. Во имя кого?

Во имя тѣхъ, которые, отбывши наказаніе, занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Эти послѣдніе, по мнѣнію автора, терпятъ отъ вольной каторги вдвойнѣ: во 1-хъ, послѣдняя своими разбоями и поджогами лишаетъ поселенцевъ безопасности, этой основы всякой спокойной жизни, во 2-хъ, она вноситъ въ среду послѣднихъ развратъ, подтачивающій въ корень нравственные, а оттуда и хозяйственные устои земледѣльца.

Всѣ эти доводы не выдерживаютъ критики. Во 1-хъ, сахалинскіе земледѣльцы плоть отъ плоти самой каторги и не менѣе склонны къ безсмысленнымъ преступленіямъ, чѣмъ каторжане. Во 2-хъ, преступленія, учиняемыя каторжанами, вовсе не такъ велики, чтобы они нарушили обычное теченіе жизни. Поселенецъ гораздо больше боится козней своего сосѣда-поселенца, чѣмъ случайнаго бѣглаго каторжника, который можетъ заглянуть къ нему изрѣдка, и то рѣдко покушаясь на жизнь. Что касается до нравственнаго развращенія, вносимаго каторгой, то de facto $^4/_5$ селеній расположены настолько далеко отъ тюрьмы, что жители ихъ ничего общаго съ каторгой не имѣютъ, и, наконецъ, чѣмъ отбывшій срокъ наказанія выше въ нравственномъ отношеніи человѣка еще ее отбывающаго, а вѣдь тому, по г. Новомбергскому, честь и мѣсто, онъ „по праву да будетъ на свободѣ“ и развращаетъ своихъ сосѣдей, сколько ему угодно. Но этого мало. Авторъ, столь часто и патетически осуждающій развращающее вліяніе тюрьмы, совершенно упустилъ изъ виду, что онъ осуждаетъ на это развращеніе ту самую массу, изъ которой должны выдти обновленные и возрожденные сыны его острова Утопіи. Гдѣ же и когда произойдетъ это обновленіе?

Не за палями-ли тюрьмы, гдѣ они осуждены авторомъ вариться въ собственномъ соку паденія? Или авторъ надѣется, что человѣкъ, лучшіе годы проведшій въ тюремномъ рабствѣ, вдругъ обрѣтетъ нравственныя силы, лишь только его, разслабленнаго физически и нравственно, пригонятъ съ надзирателемъ на поселенье.

Вѣдь весь ужасъ фактическій и логическій именно заключается въ томъ, что колонизировать посылаютъ людей, послѣ того какъ годами убивали ихъ духъ и тѣло на каторгѣ! Теперь г. Новомбергскій думаетъ спасти дѣло тѣмъ, что каторжныхъ забьютъ еще больше, томя въ запертой тюрьмѣ вдали отъ взоровъ невинныхъ пейзановъ острова. Печальная ошибка, тѣмъ болѣе печальная, что авторъ вообще человѣкъ благожелательный и искренно желающій возрожденія Сахалина. Онъ горячо ратуетъ, напримѣръ, о широкой матеріальной помощи населенію при устроеніи среди суровыхъ, требующихъ большихъ затратъ, условіяхъ хозяйства. Еще болѣе горячо онъ требуетъ освобожденія земледѣльческаго населенія отъ гнета администраціи, предоставленія ему широкаго самоуправленія и твердой гарантіи правъ личности, безъ сознанія которыхъ населеніе никогда не примирится съ островомъ, какъ своей второй родиной. Все это прекрасно, логично и осуществимо, но почему же, если для возрожденія *бывшаго* каторжнаго требуется тщательное огражденіе его отъ произвола и посягательствъ на его личность, если для него свобода и самоопредѣленіе лучшая школа, то почему это испытанное средство не должно быть въ возможно широкихъ предѣлахъ не распространено и на каторжнаго, этого будущаго колонизатора? И думаетъ ли авторъ, что суровый тюремный режимъ такая хорошая подготовительная школа для будущей широкой свободы поселенца? Поистинѣ плохой совѣтъ преподалъ авторъ коммиссіи, работающей надъ Сахалинскимъ вопросомъ. Ей твердить необходимо было, что, если желаютъ имѣть хорошихъ колонизаторовъ-поселенцевъ, надо прежде всего начать съ реформы каторги и именно на началахъ перевоспитанія въ школѣ самоопредѣленія, а не тюремнаго режима. Авторъ поступилъ совершенно наоборотъ.

Особенно страннымъ должно показаться отношеніе автора потому, что онъ весьма горячо принимаетъ опредѣленіе преступности Нордау, именно, какъ явленіе человѣческаго паразитизма. Какъ ни относиться къ этому опредѣленію, но разъ авторъ его принимаетъ, то онъ долженъ сдѣлать изъ него всѣ логическіе выводы, и первый выводъ будетъ тотъ, что содержаніе „за палями“ не лучшее средство отучить человѣка отъ паразитизма. Къ своему очерку г. Новомбергскій приложилъ портретъ и огромную автобіографію преступника Широколобова. Принимая во вниманіе стиль этой автобіографіи, мало соотвѣтствующій физіономіи ея автора, а также извѣстную склонность тюремныхъ завсегдатаевъ приписывать себѣ всевозможныя преступленія, о которыхъ имъ приходилось когда либо слышать, мы склонны ей придавать весьма небольшое значеніе для изученія психики преступнаго человѣка.

Въ общемъ, очеркъ г. Новомбергскаго заслуживаетъ внима-

нія по собранному въ немъ фактическому матеріалу и многимъ вѣрнымъ замѣчаніямъ о разныхъ сторонахъ Сахалинской жизни.

А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1903.

„Законодательство о печати не есть продуманное произведеніе человѣческаго разума, это—несовершенное и поспѣшное созданіе политическихъ событій, груда законовъ, сочиненныхъ на скорую руку людьми, мало для этого подходящими, подъ предлогомъ мнимыхъ нуждъ даннаго момента“. Этотъ афоризмъ изъ „Manuel de la liberté de la presse“ Hatin'а избралъ проф. Раевскій эпиграфомъ къ своему изслѣдованію. Оно нуждается въ такихъ освѣщающихъ афоризмахъ: оно такъ сдержанно-сурово, такъ заполнено фактическимъ матеріаломъ и такъ сторонится общественно-политическихъ выводовъ, что лишь посредствомъ отдѣльныхъ замѣчаній и цитатъ, часто отодвинутыхъ въ примѣчанія, авторъ даетъ читателю возможность догадаться объ его отношеніи къ свѣдѣніямъ, самостоятельно сгруппированнымъ въ его работѣ. Моментъ, избранный авторомъ, очень интересенъ, быть можетъ, самый любопытный и сложный въ многовѣковомъ стремленіи европейскаго государства подчинить общественную и теоретическую мысль своимъ интересамъ. Микрокосмомъ этихъ стремленій являлась всегда Франція, бурнѣе других провозгласившая свободу мнѣній и печати, настойчивѣе другихъ ее ограничивавшая и, наконецъ, возстановившая ее послѣ кризиса, который, быть можетъ, былъ для свободы мысли опаснѣйшимъ моментомъ въ исторіи ея развитія. Этотъ моментъ—вторая имперія—и избранъ для изслѣдованія проф. Раевскимъ. Любопытнѣйшимъ признакомъ этого момента является его лицемѣріе. Прямо, откровенно и окончательно отречься отъ началъ, провозглашенныхъ въ деклараціи правъ человѣка, не смѣетъ ни одно французское правительство, съ тѣхъ поръ какъ они были провозглашены. Конечно, и у реакціи есть своя идеологія—die Hölle selbst hat ihre Rechte,—но ея идеи легче примѣнять, чѣмъ провозглашать. Во всѣхъ программахъ, вплоть до самыхъ правыхъ, расписываются въ вѣрности идеямъ свободы; на практикѣ стараются ихъ обезвредить „въ порядкѣ управленія“. Пріемы, выработанные административно-полицейскимъ творчествомъ второй имперіи, заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе у насъ, такъ какъ „Временныя Правила“ 1865 года имѣютъ въ значительной своей части источникомъ именно наполеоновское законодательство.

Картина, раскрываемая въ изслѣдованіи проф. Раевскаго, не нова въ своихъ основныхъ чертахъ, но чрезвычайно любопытна въ подробностяхъ. Мы видимъ, какъ, не рѣшаясь возстановить предварительную цензуру, вторая имперія ухищряется воздѣйствовать

на печать новыми способами, замѣняющими цензурный просмотръ. Это настоящее административное творчество. Возстановлено предварительное разрѣшеніе изданія газетъ и журналовъ; судъ присяжныхъ въ дѣлахъ о печати смѣняется судомъ исправительной полиціи; главѣ правительства сообщается дискреціонная власть полнаго запрещенія всякой газеты, вредной для общественной безопасности; печатаніе процессовъ по дѣламъ печати воспрещается; равнымъ образомъ изъяты изъ газетной гласности отчеты о засѣданіяхъ законодательныхъ учрежденій; наконецъ, „введена знаменитая система административныхъ предостереженій и пріостановокъ". „Всѣхъ этихъ постановленій въ отмѣченныхъ нами областяхъ законодательства оказалось вполнѣ достаточно, чтобы завершить установившійся послѣ государственнаго переворота „личный" режимъ Наполеоновскаго управленія, а благопріятныя для Франціи событія внѣшней политики позволяли безъ труда поддерживать общественный индифферентизмъ и подавленность оппозиціонныхъ партій". Конечно, подавленность эта не обозначала отсутствія всякой жизни. „Даже искусно созданный Наполеономъ III общій административно - политическій режимъ не могъ навсегда искоренить стремленія общества къ активной соціально-политической жизни въ такой странѣ, какъ Франція. Вѣдь созданный вторымъ императоромъ автократическій строй формально (оффиціально) оправдывался постоянною ссылкою на существованіе исключительной опасности для страны". Ссылка эта уже не производила впечатлѣнія на общество, которое, „очевидно, уже тяготилось исключительнымъ режимомъ, стремилось къ участію въ обсужденіи и разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ своей страны и не хотѣло довольствоваться сплетнями и разсказами о придворныхъ балахъ". Все шло къ знаменитымъ „Motu proprio", угасанію наполеоновской автократіи и парламентскимъ принципамъ. Съ этого пути вторая имперія, очевидно, не могла бы сойти, даже если бы избѣжала страшнаго разгрома. Но она начала слишкомъ поздно. Съ самаго начала свобода мысли было для Наполеона „не столько элементомъ культуры, сколько элементомъ серьезной опасности для всего заботливо воздвигнутаго имъ автократическаго диктаторскаго режима" (стр. 324). Этого исторія не прощаетъ.

Строго юридическій характеръ труда проф. Раевскаго будетъ, вѣрно, поставленъ ему въ достоинство. Мы считаемъ его недостаткомъ этой работы; это сдѣлало ее гораздо менѣе интересной для большой публики, отъ вниманія которой, конечно, не пострадала бы и наука.

Филиппъ Монье. Кваттроченто. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Пер. съ фран. К. С. Шварсалона. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1904.

Точно къ первой любви возвращается европейская научная мысль къ своему Возрожденію. Есть эпохи столь же любопытныя въ своей яркости и сложности, но едва ли какая-либо, за исключеніемъ развѣ первой французской революціи, можетъ похвалиться болѣе интересной и болѣе блестящей литературой ея изученія. Привлекательный и замѣтный, не смотря на ея богатство, вкладъ въ эту литературу представляетъ собою книга Монье, только что появившаяся въ русскомъ переводѣ. Авторъ самъ предупреждаетъ, что ученые спеціалисты не найдутъ въ его сочиненіи ничего новаго. Но если оно не самостоятельно въ основныхъ идеяхъ, то оригинально въ деталяхъ; оно основано на обширномъ знакомствѣ съ первоисточниками, которое бросается въ глаза даже случайному читателю; оно умѣло передаетъ въ распоряженіе этого средняго читателя недоступные ему драгоцѣнные результаты научныхъ трудовъ итальянскихъ изслѣдователей; оно дышетъ свѣжестью и энтузіазмомъ молодой ищущей мысли.

Среди анекдотовъ о курьезахъ русской переводной литературы есть разсказъ о томъ, какъ нѣкій компиляторъ, принявъ итальянское названіе XVI вѣка—cinquecento—за собственное имя, трактовалъ въ своей работѣ этого таинственнаго Чинквеченто, какъ нѣкотораго историческаго дѣятеля, оказавшаго громадное вліяніе на культурную исторію Италіи. Эта забавная ошибка не кажется такой ужъ странной послѣ знакомства съ книгой Монье. И для него его Кваттроченто—не просто эпоха, не абстрактное вмѣстилище разныхъ событій, движеній и настроеній, а цѣльный, живой организмъ, растворяющій и поглощающій все, что въ него входитъ: истинный герой его книги. Отсюда ея, такъ сказать, статическій характеръ; въ ней нѣтъ движенія, нѣтъ исторіи, поскольку это можно сказать о превосходной книгѣ историческаго содержанія: она исчерпывается изображеніемъ эпохи въ ея законченномъ, почти застывшемъ видѣ. Почти вся, съ начала до конца, она изложена въ настоящемъ времени; это не повѣствованіе, а характеристика.

Пріемы этой характеристики своеобразны. Погрузившись въ необъятную массу гуманистской литературы, авторъ вынесъ отсюда громадное количество мельчайшихъ фактовъ, на которыхъ строитъ свои обобщенія. Онъ бросаетъ эти песчинки въ груду, и только на нѣкоторомъ разстояніи видно цѣлое, которое онѣ образуютъ: точно картина „пуэнтиллиста", пишущаго точками. Иногда въ этой грудѣ фактиковъ нѣкоторые кажутся лишними; они ничего не доказываютъ,—рука какъ будто захватила ихъ вмѣстѣ съ другими, потому что не было времени отбирать. Но

на самомъ дѣлѣ и они нужны; эта исторія ничего не берется доказывать: она возсоздаетъ, она рисуетъ, а для изображенія живого лица, какъ извѣстно, необходимо не только типичное, но и случайное; но въ тѣхъ краскахъ, которыя взяты для ея изображенія, нѣтъ ничего вышедшаго изъ предположеній и соображеній автора: каждую мелочь, каждую фразу можно найти въ томъ или иномъ произведеніи письменности Возрожденія; именно письменности, а не только литературы, такъ какъ авторъ бралъ факты отовсюду, въ томъ числѣ изъ такихъ произведеній, отъ которыхъ и не пахнетъ литературой.

Для иллюстраціи всего этого пригоденъ любой отрывокъ изъ книги Монье; приводимъ часть характеристики горожанъ: „Иногда они бѣдны, въ долгу, какъ въ шелку; ихъ сажаютъ въ тюрьму за долги, и тогда они пользуются этимъ покоемъ, чтобы сочинять стихи или исторіи, слѣдуя примѣру Жакопо да Монтепульчіано, Джіованни Кавальканти или парикмахера Буркіелло. Случается, что они бываютъ богаты, чрезвычайно богаты, владѣютъ полями, залитыми солнцемъ, хлѣбомъ въ житницѣ, бѣльемъ въ сундукахъ. Они любятъ порядокъ. Они берегутъ книгу, книгу, въ которую, ради ясности и удобства мысли, они записываютъ все, что касается ихъ духовной жизни, подобно тому, какъ въ шкафъ они запираютъ предметы своей торговой дѣятельности. Стоитъ открыть эту книгу и шкафъ, и вы найдете на своемъ мѣстѣ то, что вамъ нужно. Они записываютъ прежде всего событія, которыя ихъ ближе касаются: свои случайные расходы, рожденіе ребенка, приданое и смерть своихъ женъ; произведенія своихъ земель, число плодовыхъ деревьевъ; свои контракты, свои поѣздки; отмѣчаютъ, какъ они были одѣты въ такомъ-то путешествіи; что они заказали себѣ мѣховой колпакъ въ такую-то цѣну и что ихъ жена потеряла маленькій ножичекъ на балу, устроенномъ на площади города Сіены. Они списываютъ въ эти книги полезныя вещи, напримѣръ: рецепты помадъ и водъ, формулы для заговоровъ, отрывки древнихъ хроникъ, „strambotti“ сонеты, баллады, пѣсни славныхъ поэтовъ, небольшое разсужденіе о географіи, символъ вѣры св. Аѳанасія, молитву о семи радостяхъ въ стихахъ, молитву о семи радостяхъ въ прозѣ. Они заносятъ въ нихъ событія, которыя происходятъ на улицѣ, въ городѣ или вообще на свѣтѣ, и не только празднества, свадьбы, торжественные въѣзды, балы, турниры, рожденіе уродовъ, появленіе кометы, повальныя болѣзни, смертныя казни, процессіи, ураганы, землетрясенія, но и сраженія, объявленіе мира, объявленіе войны, подробности о посольствѣ, выборы пріоровъ, указы государей, волненія на площади. Это ихъ приходо-расходныя книги, ихъ „diarii», „libri di ricordi“‘ „libri secreti“, „memorie“, „zibaldoni“, салатъ изъ ручныхъ травъ“, какъ говоритъ о своей книгѣ купецъ Джіованни Руччелаи“.

Этотъ, быть можетъ, слишкомъ длинный, но типичный отры-

вокъ показываетъ также, что мы имѣемъ дѣло не съ исторіей литературы, а именно съ литературной исторіей; это исторія культуры, исторія мысли и настроеній, основанная на данныхъ литературы. Никогда матеріалы для такого построенія не были болѣе богаты, ибо не было эпохи болѣе экспансивной въ своихъ проявленіяхъ, литературы, болѣе проникнутой дыханіемъ жизни, чѣмъ эта литература пробужденія. И оттого всякое знакомство съ ней даетъ не только знанія: оно прежде всего и болѣе всего воспитательно.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ первый. Кіевъ. 1903.

Въ „Санитарно-экономическомъ описаніи с. Малышева Воронежскаго уѣзда", напечатанномъ въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ 3 № „Саратовской Земской Недѣли" за нынѣшній годъ, упоминается, между прочимъ, и о „народной литературѣ". Въ 94 дворахъ изъ 318 нашлось 460 экземпляровъ разныхъ книгъ. На первый взглядъ такая находка какъ будто свидѣтельствуетъ о томъ, что литература со всѣми благими послѣдствіями начинаетъ проникать и въ деревню. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи въ этомъ приходится немного разочароваться. Божественныя книжки и сказки, оказывается, въ большинствѣ случаевъ куплены самими крестьянами, а другія такъ называемыя „хорошія" книжки попали къ нимъ почти что всѣ случайно. Но этого мало. Въ то время, какъ „про Іоанна Новгородскаго, какъ онъ на дьяволѣ ѣздилъ въ Іерусалимъ, или про Ивана-царевича и Бову-королевича знаютъ весьма основательно даже неграмотные, содержаніе популярно-научныхъ книгъ оказалось никому неизвѣстнымъ и даже помѣщенныя въ нихъ картинки непонятными. Даже вполнѣ доступныя произведенія Л. Н. Толстого не всегда читаются". Какая грустная иронія таится въ этомъ фактѣ по отношенію ко всѣмъ заботамъ о народномъ просвѣщеніи и ко всѣмъ стѣсненіямъ, которыми обставлены эти заботы. Кто можетъ поручиться, что такое отношеніе къ литературѣ существуетъ въ одномъ только селѣ Малышевѣ, а не во всѣхъ нашихъ Горѣловыхъ, Неѣловыхъ, Дырявиныхъ, Заплатиныхъ? Зная такіе факты, начинаешь какъ-то невольно относиться съ предубѣжденіемъ ко всякимъ указателямъ „хорошихъ" книжекъ для народа. Составителямъ такого указателя, изданнаго Кіевскимъ обществомъ грамотности, вѣроятно, совершенно не были извѣстны литературные вкусы обитателей села Малышева. Думаемъ такъ, прежде всего, потому, что въ противномъ случаѣ мы увидали бы въ этомъ сборникѣ хоть нѣсколько отзывовъ о божественныхъ книжкахъ и сказкахъ (русскихъ, — иностранныя сказки есть). До сихъ поръ всѣ указатели народной литературы, начиная съ из-

вѣстнаго труда „Что читать народу?“, давали первое мѣсто книгамъ духовно-нравственнаго содержанія. Да при томъ положеніи, какое занимаетъ въ жизни народа религія, это и вполнѣ естественно. Но легко можетъ быть, что этотъ недостатокъ будетъ восполненъ составителями сборника въ слѣдующихъ выпускахъ. Въ появившемся теперь первомъ выпускѣ помѣщены отзывы о книгахъ по беллетристикѣ (275), по исторіи (171), по географіи (80), естествознанію (80) и медицинѣ (36). Изъ общаго количества отзывовъ о 642 книгахъ 36 книгъ не рекомендуются для чтенія народу, остальные рекомендуются для дѣтей, для подростковъ, для взрослыхъ или для читателей всѣхъ возрастовъ. Изъ предисловія къ сборнику совсѣмъ не видно, какими собственно основаніями руководствовались гг. рецензенты въ самомъ выборѣ рекомендуемыхъ или отвергаемыхъ ими книгъ. Не уясняется это и послѣ просмотра всей книги. Если бы не заглавіе и не отмѣтки „для взрослыхъ“, то книгу можно бы было принять скорѣе за сборникъ отзывовъ преимущественно о дѣтскихъ книгахъ. По цѣнѣ (до 2 р. 25 к.) книги тоже мало разсчитаны на покупательную способность деревни. Болѣе подробное знакомство со сборникомъ показываетъ, что въ него вошли отзывы о книгахъ, напечатанныхъ преимущественно въ послѣднее десятилѣтіе. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, мы встрѣтили только одну (А. Сливицкій. Разоренное гнѣздо. М. 1882.) Но давая отзывы о книгахъ печати послѣдняго десятилѣтія, составители, видимо, преднамѣренно нѣкоторыя категоріи книгъ исключили. Такъ въ отдѣлъ беллетристики совершенно не вошли отзывы о произведеніяхъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого и другихъ русскихъ классиковъ, хотя въ народныхъ изданіяхъ эти писатели въ данное время выходили въ громадныхъ количествахъ экземпляровъ. Чѣмъ объяснить такое исключеніе—неизвѣстно. Помѣтка на книгѣ, что она составляетъ *первый* выпускъ предпринятаго Обществомъ труда, не позволяетъ, далѣе, касаться бросающейся въ глаза неравномѣрности выбора рекомендуемыхъ книгъ по извѣстнымъ отдѣламъ и по произведеніямъ отдѣльныхъ авторовъ. Странно, почему, напр., нѣтъ отзыва о разсказѣ г. Немировича-Данченко: „Махмудкины дѣти“, тогда какъ имѣется 15 отзывовъ о другихъ его разсказахъ, заслуживающихъ, можетъ быть, и меньшей рекомендаціи. Почему изъ всѣхъ сочиненій г. Чехова данъ отзывъ только объ одномъ разсказѣ: „Жена“? Почему изъ всей біографической библіотеки Павленкова удостоилась рекомендаціи только одна біографія Канкрина? Отчего въ медицинскомъ отдѣлѣ нѣтъ указанія на книжку г. Лункевича: „Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ?“, тогда какъ по отдѣлу естествознанія этотъ авторъ рекомендуется составителями 26 разъ (изъ 80)? Такими вопросами можно было бы исписать не одну страницу, но мы не въ правѣ

ихъ дѣлать и можемъ еще объяснять все это случайностью, зная, что мы имѣемъ дѣло только съ частью труда, еще не оконченнаго. Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ самыхъ отзывовъ. Отзывы эти чисто теоретическіе, апріорные и не основанные на знаніи литературныхъ вкусовъ народа. Достаточно сказать уже и то, что по отдѣлу беллетристики, напр., большая часть рекомендуемыхъ книгъ принадлежитъ къ числу переводныхъ съ непонятными для народа и трудно произносимыми собственными именами. Далѣе, отзывы эти отличаются слишкомъ большой снисходительностью. Выпишемъ нѣсколько примѣровъ. „Разсказъ („Ѳомка-Дуракъ“ Догановичъ) написанъ растянуто, изобилуетъ не идущими къ дѣлу разговорами, что сильно вредитъ цѣльности впечатлѣнія“. Этотъ разсказъ рекомендуется для дѣтей. „Разсказъ („Разлученные“ Лонгфелло) написанъ такъ растянуто и сантиментально, что всѣ событія и описанія американской природы теряютъ свой интересъ и весь разсказъ наводитъ на читателя только скуку“. Этотъ разсказъ рекомендуется для взрослыхъ. Чтобы навести на нихъ скуку? „Едва ли этотъ эпизодъ,— говорится о разсказѣ г-жи Лукашевичъ „Звѣздочка“ — достоинъ того, чтобы быть увѣковѣченнымъ въ видѣ разсказа... Дѣтей онъ мало заинтересуетъ, не смотря на простое изложеніе“. И всетаки онъ рекомендуется для дѣтей. „Разсказъ написанъ приторно и нескладно, дѣйствующія лица безжизненны, фабулы почти никакой“, говорится о другомъ произведеніи этой писательницы и опять-таки это произведеніе рекомендуется для дѣтей школьнаго возраста и т. д. Хорошая сторона отзывовъ та, что они вкратцѣ передаютъ содержаніе произведенія и даютъ объ этомъ содержаніи болѣе или менѣе вѣрное представленіе. Выводъ изъ отзыва пользующійся сборникомъ можетъ сдѣлать и самъ. Съ этой точки зрѣнія сборникъ можетъ служить въ качествѣ справочника для всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ народными чтеніями, библіотеками, книжными складами и т. п. Въ этомъ смыслѣ полезны также и приводимыя составителями подробныя библіографическія данныя о каждой книгѣ (издатель, цѣна, число страницъ, мѣсто и годъ печати; не указанъ форматъ). Удобна для справокъ и отмѣтка (звѣдочками) о допущеніи книги въ безплатныя народныя читальни и ученическія библіотеки. Полезно было бы прилагать еще въ такихъ изданіяхъ, кромѣ алфавита авторовъ, алфавитъ личныхъ именъ по отдѣлу исторіи и географіи и алфавитъ предметовъ по отдѣламъ естественныхъ наукъ, медицины, техники и пр.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга I. Томы I, II и III. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Литературнаго Фонда»). Спб. 1903.

„Литературный Фондъ", къ которому, по смерти вдовы Костомарова, должно перейти въ собственность право на изданіе его сочиненій, по соглашенію съ г-жею Костомаровой предпринялъ изданіе двадцати одного тома монографій и изслѣдованій покойнаго историка, которое должно выйти въ свѣтъ въ восьми „книгахъ". Передъ нами первая „книга" этого собранія сочиненій, въ составъ котораго вошли первые три тома прежняго изданія, заключающіе въ себѣ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ работъ Костомарова, между ними „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", „Двѣ русскія народности", „О значеніи великаго Новгорода", „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в.", „Бунтъ Стеньки Разина" и т. д. Въ новомъ изданіи историческихъ монографій и изслѣдованій давно чувствовалась надобность, и нельзя не привѣтствовать поэтому новое предпріятіе „Литературнаго Фонда". Весьма важно и то, что новое изданіе при разсроченной подпискѣ на него будетъ стоить лишь 20 руб., вмѣсто 46, которые приходилось платить при покупкѣ отдѣльныхъ томовъ прежнихъ изданій. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что это собраніе не можетъ быть названо полнымъ, потому что въ немъ, какъ и въ прежнихъ изданіяхъ „историческихъ монографій и изслѣдованій", читатель не найдетъ ни „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", ни беллетристическихъ его произведеній, ни множества мелкихъ статей, которыя самъ авторъ не считалъ нужнымъ переиздавать.

Костомаровъ умеръ почти 20 лѣтъ тому назадъ, а со времени появленія первыхъ его работъ, вошедшихъ въ составъ первой „книги" настоящаго изданія, прошло около 50-ти лѣтъ: разумѣется, многое въ его сочиненіяхъ устарѣло и въ смыслѣ взглядовъ, и въ смыслѣ пріемовъ изслѣдованія, но это не умаляетъ достоинствъ, присущихъ Костомарову, какъ вдумчивому ученому и всегда интересному повѣствователю. Соединяя въ лицѣ своемъ мыслителя и художника, онъ обладалъ талантомъ, если можно такъ выразиться, затягивать въ серьезное историческое чтеніе даже такихъ людей, которые раньше мало интересовались такимъ чтеніемъ. Въ его сочиненіяхъ читатели всегда найдутъ массу оригинальныхъ обобщеній и остроумныхъ сближеній, блестящія характеристики отдѣльныхъ лицъ и разныхъ общественныхъ группъ, цѣлыхъ эпохъ или отдѣльныхъ моментовъ, интересныя подробности, искусно выбранныя цитаты, мѣткія опредѣленія и часто яркія словца. Костомарова нерѣдко упрекали въ пристрастномъ освѣщеніи, какое онъ давалъ многимъ фактамъ нашего національнаго прошлаго и, между прочимъ, въ стремленіи „развѣнчивать" многихъ „признанныхъ" героевъ этого прошлаго. Но

большею частью это былъ только естественный результатъ, во-первыхъ, желанія писать исторію народа и народной жизни, которая совершалась у насъ при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ для образованія оптимистическаго взгляда на все наше прошлое, а, во-вторыхъ, желанія критически провѣрять тѣ источники, на основаніи которыхъ возникло немало красивыхъ, но не совсѣмъ то достовѣрныхъ легендъ, принимавшихся за историческую истину. Въ отдѣльныхъ случаяхъ приговоры историка могли быть и несправедливы, но въ общемъ Костомаровъ всегда стремился оставаться вѣрнымъ исторической правдѣ.

Центръ тяжести монографическихъ работъ Костомарова — въ XVI, XVII и XVIII вв., при чемъ ему постоянно приходилось выяснять взаимныя отношенія великорусскаго, малорусскаго и польскаго народовъ; изъ большихъ работъ внѣ этихъ трехъ столѣтій стоятъ лишь его „Сѣверно-русскія народоправства“. И современный читатель, который захотѣлъ бы познакомиться въ подробномъ повѣствованіи съ такими эпохами, какъ эпоха установленія церковной уніи въ южной Руси, смутное время Московскаго государства, времена отпаденія Малороссіи отъ Польскаго государства и присоединенія къ Россіи и, наконецъ, время паденія самой Польши, найдетъ лишь въ соотвѣтственныхъ монографіяхъ Костомарова наиболѣе обстоятельный фактическій разсказъ объ этихъ событіяхъ, къ которому, пожалуй, ничего новаго иногда и не пришлось бы прибавить, по крайней мѣрѣ, со стороны наиболѣе существеннаго. Только научный анализъ событій и опредѣленіе ихъ соціально-культурной подкладки пошло, конечно, дальше, благодаря движенію впередъ нашей исторической науки. Наименѣе, думаемъ, удовлетворятъ теперешняго читателя этнографическія соображенія покойнаго историка (напр., въ статьѣ „Двѣ русскія народности“, да и въ другихъ мѣстахъ) и его манера касаться вопросовъ экономической стороны народнаго прошлаго.

С. С. Арнольди. Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1903—4.

С. С. Арнольди. Цивилизація и дикія племена. Спб. 1904.

Обѣ эти работы очень хорошо памятны старымъ читателямъ „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Положимъ, первая изъ названныхъ книгъ была лишь большою журнальною статьею, написанною *по поводу* одной иностранной книги, оставшейся не переведенною по русски, а у себя на родинѣ, кажется, теперь и позабытою; это не мѣшаетъ, однако, и въ настоящее прочесть данную статью съ удовольствіемъ и пользою: если заглавіе „*Современныя* ученія о нравственности“ и окажется невполнѣ соотвѣтствующимъ содержанію работы, вопросъ, разсматриваемый въ ней авторомъ, ни-

когда не перестанетъ быть *современнымъ*, и появленіе въ свѣтъ книги, въ которой читатель найдетъ изложеніе этической теоріи одного изъ наиболѣе оригинальныхъ нашихъ мыслителей, никоимъ образомъ не можетъ быть названо *несвоевременнымъ*. Точно такъ же и другая книжка, „Цивилизація и дикія племена", не можетъ считаться устарѣлою. Пусть за послѣднія 30 лѣтъ наука сдѣлала большіе шаги впередъ въ изслѣдованіи культуры первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей, пусть даже съ точки зрѣнія современнаго состоянія тѣхъ или другихъ затрагиваемыхъ авторомъ вопросовъ въ спеціальной литературѣ многое подлежало бы исправленію и дополненію, а иногда, можетъ быть, и устраненію, это отнюдь не можетъ повредить въ глазахъ теперешняго читателя ни общему замыслу, положенному въ основу работы, ни общей идеѣ, послѣдовательно проведенной въ этой работѣ отъ первой страницы до послѣдней. „Цивилизація и дикія племена"—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ научныхъ трактатовъ автора, а между тѣмъ, онъ оказывается въ настоящее время достаточно позабытымъ, конечно, потому, что оставался долгое время погребеннымъ въ старыхъ книжкахъ журнала, которыя добываются теперь лишь съ величайшими затрудненіями.

Насколько основательно позабыта эта вторая изъ разсматриваемыхъ книгъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ журналѣ „Образованіе" за истекающій годъ печаталась въ нѣсколькихъ книжкахъ большая статья г. П. Берлина подъ заглавіемъ „Дикіе народы и цивилизація". Какъ видите, тема та же, что и въ книгѣ Анольди, и авторъ даже на первой же страницѣ ставитъ вопросъ о различіи между *культурою* и *цивилизаціей*,—вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся на первыхъ же страницахъ и книги „Цивилизація и дикія племена". Между тѣмъ, разбирая мнѣнія разныхъ писателей о томъ, что такое культура и что такое цивилизація, авторъ статьи оказывается въ полномъ невѣдѣніи того, что предметъ этотъ уже подробно трактовался 30 лѣтъ тому назадъ въ работѣ, которая была написана вообще на его, г. Берлина, тему. Г. Берлинъ не игнорируетъ взглядовъ автора этой работы, но излагаетъ ихъ не по „Цивилизаціи и дикимъ племенамъ", гдѣ они занимаютъ нѣсколько страницъ, а по другимъ его произведеніямъ, каковы: „Историческія письма" и „Опытъ исторіи мысли". Позволяемъ себѣ предположить, что лишь во время печатанія статьи г. Берлина кто-нибудь напомнилъ ему о статьѣ на ту же тему въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1869 г.: по крайней мѣрѣ, начало работы г. Берлина помѣщено въ іюльской книжкѣ „Образованія" и только въ книжкѣ за октябрь мы встрѣтили ссылку на „Цивилизацію и дикія племена" и уже по совершенно частному поводу *). Если бы г. Бер-

*) Въ только что вышедшей нояб. кн. мы находимъ уже двѣ ссылки и

линъ раньше зналъ о существованіи этой работы, то, конечно, съ самаго начала указалъ бы на нее, какъ на замѣчательный научный опытъ въ области интересующаго его вопроса.

Какъ бы тамъ ни было, двѣ интересныя работы виднаго мыслителя появляются на свѣтъ божій изъ-подъ спуда и тѣмъ спасаются отъ забвенія среди болѣе молодыхъ читателей, и этому нельзя не порадоваться.

Первую книжку „Современныя ученія о нравственности и ея исторія" мы рекомендуемъ тѣмъ читателямъ, которыхъ интересуетъ этическая проблема. Работа была написана по поводу книги Лекки „Исторія европейской нравственности отъ Августа до Карла Великаго" и при томъ въ ожиданіи перевода этой книги на русскій языкъ,—какъ сказано было выше, несостоявшагося, но въ сущности, это—самостоятельный трактатъ по этикѣ. Теперешній читатель можетъ, пожалуй, неособенно внимательно останавливаться на страницахъ, посвѣщенныхъ Лекки вообще и въ частности „теоретическому построенію", которое тотъ предпослалъ своему историческому изложенію; но собственныя воззрѣнія автора „Современныхъ ученій" заслуживаютъ величайшаго вниманія. Онъ разбираетъ именно ученія двухъ англійскихъ этическихъ школъ—утилитаристической и интуитивной (Лекки принадлежалъ ко второй) и обосновываетъ третье воззрѣніе, которое называетъ раціональнымъ. Онъ различаетъ между психологической теоріей генезиса нравственныхъ понятій и ихъ феноменологіей, составляющей самую теорію личной и общественной нравственности: теорія генезиса морали индуктивна, теорія самой этики дедуктивна, и на этомъ послѣднемъ пунктѣ авторъ особенно настаиваетъ (ср. стр. 23, 24, 27, 53, 57, 97), при чемъ, по его мнѣнію, одна школа сдѣлала особенно много въ разработкѣ генезиса нравственныхъ понятій, а другая обратила все свое вниманіе на феноменологію нравственности. Для автора этическія истины имѣютъ сходство съ истинами логическими или математическими, и все содержаніе этики можетъ быть выведено изъ основныхъ ея принциповъ. Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности ни изложить ученіе автора, ни тѣмъ болѣе подвергнуть его анализу и критикѣ. Это было бы удобнѣе сдѣлать въ особой статьѣ, и мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ на центральную часть книги, занимающую около сорока страницъ (44—83), гдѣ читатель найдетъ сжатое, но ясное и стройное изложеніе взглядовъ самого автора. „*Развитіе, критика, убѣжденіе, справедливость*—вотъ, говоритъ онъ, четыре пункта, исчерпывающіе ученіе раціональной этики и столь же тѣсно между собою связан-

---

на этотъ разъ по вопросамъ общаго характера. Конечно, г. Берлинъ писалъ на основаніи новаго матеріала, собраннаго и обработаннаго за послѣднія 25 лѣтъ.

ные, какъ теоремы математики". Прибавимъ, что у автора этика имѣетъ не только личный, но и соціальный характеръ. Вторая, бо́льшая половина книги (стр. 83—216), посвящена исторіи этики въ античномъ мірѣ и тоже можетъ быть прочитана съ интересомъ. Къ сожалѣнію, редактированіе книги оставляетъ желать лучшаго: напр., стоическій философъ II в. до Р. X. Панэтій на стр. 159 названъ Папэтіемъ, на стр. 184—Паэнтіемъ, на стр. 199—Панотіемъ, и на той же 199 страницѣ, Карнеадъ, въ третьей строкѣ сверху, является въ формѣ Кэрнеада, въ десятой же въ формѣ Корнеада. Примѣровъ такихъ корректурныхъ небрежностей, къ сожалѣнію, можно было бы привести нѣсколько, и читатель, которому ничего не говоритъ имя Арнольди, не долженъ ставить такія погрѣшности въ вину автору, который былъ глубокимъ знаткомъ исторіи философіи.

Другая изъ названныхъ выше книгъ была написана вскорѣ послѣ тургеневскаго „Дыма", чѣмъ и объясняются нѣсколько странныя теперь предисловіе и послѣсловіе: „Потугинъ, вмѣсто предисловія", и „Потугинская цивилизація въ видѣ послѣсловія". Впрочемъ, тема о цивилизаціи разработана въ этой книгѣ не только по отношенію къ дикарямъ, поставленнымъ въ заголовкѣ, но и по отношенію къ современнымъ обществамъ, въ томъ числѣ и къ нашему.

Въ заключеніе нельзя не выразить пожеланія, чтобы и другія крупныя работы автора „Современныхъ ученій" и „Цивилизаціи" были переизданы. Читателей онѣ найдутъ, что доказывается, между прочимъ, выходомъ въ свѣтъ второго изданія его „Задачъ пониманія исторіи", первое изданіе которыхъ было выпущено лишь въ 1898 г.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Пер. съ нѣм. С. Штейнберга. Спб. 1904.

Формальное отличіе книги Риля отъ другихъ сочиненій того же рода заключается въ томъ, что она есть введеніе въ *современную* философію; однако, изъ этого не слѣдуетъ, что авторъ игнорируетъ болѣе раннюю философію. Его книга состоитъ изъ восьми лекцій. Первая озаглавлена: „Сущность и развитіе философіи—Древняя философія". На примѣрѣ древней философіи авторъ изучаетъ не только процессъ возниковенія философской мысли, но и степень могущества мышленія, не основаннаго на опытѣ. „Все, говоритъ онъ на стр. 12, что могло сдѣлать въ познаніи вещей мышленіе, предоставленнное самому себѣ, было сдѣлано греческими мыслителями; все, чего могло достигнуть и развить мышленіе безъ помощи опыта, было достигнуто и развито греками; именно они открыли форму всякаго опыта, хотя они и не знали этого названія и не понимали истиннаго значенія своихъ открытій. Мышленіе еще смѣшивалось съ вещами,

законы мышленія принимались безъ ограниченія за законы вещей. Однимъ словомъ, мысль еще не стала критической, она не обратилась на самое себя, не выучилась еще отличать себя, какъ орудіе изслѣдованія отъ содержанія изслѣдованія. Но было бы неосновательно дѣлать изъ этого упрекъ античной мысли, которая лишь начала пробуждаться".

Въ дальнѣйшихъ лекціяхъ авторъ разсматриваетъ: Бруно, Декарта, Гобба, Спинозу, какъ представителей „великихъ системъ", находящихся въ зависимости отъ недавно возникшей положительной науки; типичнымъ представителемъ подобныхъ философовъ является Декартъ. Въ лицѣ Локка, Юма и Канта авторъ изучаетъ возникновеніе и развитіе критической философіи. Въ лицѣ Шопенгауэра и Ничше—вопросъ о цѣнности жизни.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на отношеніи Риля къ тремъ мыслителямъ, творенія которыхъ являются, такъ сказать, послѣднимъ словомъ философскаго мышленія (по крайней мѣрѣ, въ Германіи). Мы говоримъ о Ничше, Авенаріусѣ и Оствальдѣ. Къ сожалѣнію, изъ нихъ лишь одному Ничше авторъ посвящаетъ довольно много страницъ. Риль сталъ на очень вѣрную точку зрѣнія, разсматривая Ничше, какъ протестъ противъ Шопенгауэра. Онъ говоритъ (стр. 167): „Ничше—это прямое противорѣчіе Шопенгауэру, натура одновременно родственная и противоположная послѣднему; человѣкъ, бывшій сначала его ученикомъ и находившійся вполнѣ подъ его вліяніемъ и затѣмъ ставшій его противникомъ. Всѣ его своеобразныя мысли получаютъ форму, могутъ быть правильно поняты и оцѣнены лишь въ ихъ противоположности къ мыслямъ Шопенгауэра. Онъ защищаетъ жизнь противъ Шопенгауэра; онъ защищаетъ жизнь противъ всего, что ее уменьшаетъ, ослабляетъ, подкапываетъ, противъ всякаго декаданса или вырожденія, не исключая тѣхъ, которыя коренятся въ немъ самомъ. Это—философъ, убѣждающій жить".

Если Ничше нашъ авторъ разсматриваетъ, какъ антитезу Шопенгауэру, то относительно Авенаріуса онъ дѣлаетъ не менѣе вѣрное замѣчаніе, указывая на его связь съ Юмомъ. Онъ относится отрицательно къ идеѣ „чистаго опыта". „Изъ чистаго опыта, говоритъ онъ, стр. 185, наука никогда не можетъ произойти, потому что чистый опытъ не есть данное, но продуктъ абстракціи". И далѣе (стр. 186): „Мышленіе служитъ предпосылкой всякаго опыта; опытъ безъ мышленія невозможенъ". Риль не хочетъ даже назвать это ученіе „позитивизмомъ", а считаетъ, что оно „должно бы называть себя „импрессіонизмомъ" (стр. 187). „Замѣчательная книга, говоритъ онъ далѣе (стр. 187), которую авторъ назвалъ „Критикой чистаго опыта", но которая въ дѣйствительности подвергаетъ критикѣ разумъ и хотѣла бы удалить его посредствомъ чистаго опыта, появилась въ эпоху, когда и въ искусствѣ временно преобладающую роль играло аналогичное на-

правленіе, видѣвшее именно задачу искусства въ простомъ воспроизведеніи дѣйствительности. Художественному импрессіонизму соотвѣтствуетъ по времени научный импрессіонизмъ, и наша оцѣнка обоихъ направленій одна и та же. Какъ невозможно воспроизводить въ художественной передачѣ явленій чистыя чувственныя впечатлѣнія, исключая представленіе, вносящее порядокъ во впечатлѣнія, оцѣнивающее и выясняющее ихъ, стремясь при этомъ произвести художественное дѣйствіе, точно такъ же невозможно получить познаніе фактовъ, исключивъ изъ научнаго изображенія ихъ—подчиненіе фактовъ единству мысли".

Риль удѣляетъ нѣсколько словъ и „Энергетикѣ" Оствальда. Оствальдъ, какъ извѣстно, отрицаетъ матерію; онъ утверждаетъ, что существуетъ лишь одно „дѣйствительное", это—энергія. Риль возражаетъ, что „каждая форма энергіи скорѣй представляетъ продуктъ *двухъ* величинъ: факторовъ емкости и напряженности, которые оба являются реальными величинами... Въ емкости же, напр., массы, въ случаѣ кинетической энергіи— заключается эмпирическое понятіе матеріи, и энергетика, вмѣсто того, чтобы устранить его, лишь назвала его другимъ именемъ... поэтому, различіе между матеріей и энергіей такъ же реально, какъ различіе между пространствомъ и временемъ" (стр. 113—114).

Книгу свою Риль заканчиваетъ слѣдующими словами: „философія не представляетъ вовсе дѣла школѣ, это дѣло всего человѣчества... Даже если бы человѣкъ захотѣлъ относиться равнодушно къ проблемамъ философіи, онъ не могъ бы этого сдѣлать, потому что это—наиболѣе истинныя и важныя проблемы его знанія и жизни... философія является одной изъ духовныхъ жизненныхъ силъ человѣчества, одной изъ творческихъ силъ, создающихъ культуру".

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей **С. А. Венгерова**. Безплатная премія къ «Вѣстнику и библіотекѣ Самообразованія». Спб. 1903.

Эпоха освобожденія неизмѣнно пользуется особымъ вниманіемъ русскаго общества и читающей публики. Достаточно вспомнить, какой успѣхъ выпалъ на долю книги покойнаго Г. А. Джаншіева, которая въ теченіе короткаго времени выдержала нѣсколько изданій. Интересъ предмета и дорогая русскому обществу память людей, созидавшихъ великое дѣло 19 февраля, уже сами по себѣ обезпечиваютъ до извѣстной степени успѣхъ изданію, посвященному величайшей реформѣ прошлаго вѣка. Мысль дать въ видѣ приложенія къ журналу рядъ изображеній дѣятелей этой славной эпохи вмѣстѣ съ краткими біографіями или характеристиками очень удачна. Въ составъ перваго выпуска „Галлереи русскихъ дѣятелей" вошли портреты и очерки слѣдующихъ 14 лицъ: императора Александра II, великаго князя

Константина Николаевича, великой княгини Елены Павловны, Н. А. Милютина, Я. И. Ростовцева, А. Н. Радищева, Н. И. Тургенева, кн. В. А. Черкасскаго, Ю. Ѳ. Самарина, К. Д. Кавелина, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева; кромѣ того, въ текстѣ есть еще изображеніе С. С. Ланского. Можетъ быть, редакція нѣсколько поскупилась, давъ такъ мало мѣста непосредственнымъ дѣятелямъ реформы... Сюда можно было бы включить еще Я. А. Соловьева, В. А. Арцимовича, А. М. Унковскаго, В. В. Тарновскаго, А. И. Кошелева, П. Д. Киселева и еще немногихъ другихъ. Среди административныхъ сферъ лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, было очень немного. Съ другой стороны, давая мѣсто въ „Галлереѣ" А. Н. Радищеву и Н. И. Тургеневу, редакція, какъ будто, слишкомъ расширила свои рамки для лицъ, имѣвшихъ только косвенное вліяніе на дѣло освобожденія. Мы не хотимъ этимъ сказать, что заслуги Радищева и Н. Тургенева не должны быть упоминаемы въ исторіи крестьянскаго дѣла, но разъ эти лица нашли себѣ мѣсто въ „Галлереѣ", почему тогда не попали въ нее „властители думъ" 40-хъ годовъ, Бѣлинскій и Грановскій, вліянія которыхъ, — и вліянія очень могущественнаго—на ростъ эмансипаціонныхъ идей въ нашемъ обществѣ врядъ ли можно не признавать. Идя далѣе, почему не причислить къ той же плеядѣ Н. Г. Чернышевскаго и „наиболѣе яркаго выразителя демократическихъ идей своего времени", Н. А. Добролюбова? Но тогда, конечно, правильнѣй было бы расширить заглавіе добавленіемъ словъ „въ жизни и литературѣ".

Текстъ „Галлереи", состоящій изъ біографій или характеристикъ эмансипаціонной дѣятельности изображенныхъ лицъ, не претендуетъ на большую полноту, но даетъ въ общемъ довольно отчетливую картину освободительной эпохи и тѣхъ теченій въ обществѣ и правительствѣ, которыя господствовали въ то время по отношенію къ крестьянскому дѣлу. Въ отдѣльности обращаютъ на себя вниманіе сжатый очеркъ А. А. Кизеветтера, посвященный Александру II, „какъ участнику въ реформѣ 19 февраля", и литературныя характеристики И. С. Тургенева и Григоровича, принадлежащія перу С. А. Венгерова.

Художественная часть сборника, исполненная въ общемъ очень удовлетворительно, не вполнѣ выдержана. Въ числѣ 15 изображеній четыре великолѣпныхъ фотогравюры (Александръ II, Елена Павловна, Некрасовъ, Тургеневъ И. С.), три фототипіи (Константинъ Николаевичъ, Герценъ, Григоровичъ), семь литографій и одна автотипія (въ текстѣ). Это немного пестритъ „Галлерею" и дѣлаетъ ее похожей на случайное любительское собраніе портретовъ. Оригиналы изображеній названы не при каждомъ портретѣ. Для художественнаго изданія это недостатокъ. Что касается выбора изображеній, то было бы естественнѣй дать

портреты дѣятелей освобожденія болѣе близкіе къ той эпохѣ, когда они дѣйствовали. Такъ, напр., портретъ А. И. Герцена кисти Ге, писанный за три года до смерти, можетъ быть, было бы умѣстнѣе замѣнить болѣе „молодымъ“ изображеніемъ, хотя бы извѣстнымъ портретомъ работы Левицкаго (апрѣль 1861 года), послужившимъ для того же Ге прототипомъ для фигуры Христа на картинѣ „Огшествіе Іуды“ (Тайная вечеря). Совершенной противоположностью отличается портретъ Н. И. Тургенева, изображающій его совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и писанный, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще до 1825 года. Навѣрное же есть его портреты конца сороковыхъ или пятидесятыхъ годовъ, когда наиболѣе полно выразилась его публицистическая дѣятельность.

Не смотря на всѣ эти мелкія и, можетъ быть, даже нѣсколько придирчивыя замѣчанія, нужно сказать, что первый выпускъ „Галлереи русскихъ дѣятелей“ производитъ въ общемъ очень пріятное впечатлѣніе и, вѣроятно, встрѣтитъ себѣ хорошій пріемъ со стороны публики.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V до XVI столѣтія). Съ четвертаго нѣмецкаго изданія, съ дополненіями по новому итальянскому переводу, перевелъ М. П. Литвиновъ Томы I и II. Спб. 1903.

Имя Фердинанда Грегоровіуса хорошо извѣстно и у насъ, какъ имя одного изъ выдающихся и блестящихъ представителей того направленія въ нѣмецкой исторіографіи, которое принято называть „культурнымъ“, а его „Исторія города Рима въ средніе вѣка“ представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ образцовъ историческихъ произведеній этой школы. По содержанію своему, „Исторія города Рима“ въ дѣйствительности гораздо шире своей темы: это не столько исторія одного города, сколько исторія папско-императорскаго запада, номинальнымъ, а отчасти и реальнымъ центромъ котораго былъ Римъ.

Вышедшіе пока два первые тома русскаго перевода доводятъ изложеніе до конца восьмого вѣка.

Новый переводъ г. Литвинова существеннымъ образомъ отличается отъ перваго русскаго перевода сочиненія Грегоровіуса, сдѣланнаго въ восьмидесятыхъ годахъ г. Савинымъ. Новый переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, значительно переработаннаго; кромѣ того, въ новый переводъ внесены цѣнныя дополненія, сдѣланныя къ изданному недавно римскимъ муниципалитетомъ роскошному итальянскому изданію произведенія Грегоровіуса; однимъ изъ такихъ цѣнныхъ дополненій являются и многочисленныя хорошо подобранныя, хотя и не всегда удачно исполненныя, иллюстраціи; къ сожалѣнію, приложенный къ первому тому портретъ автора далеко нельзя признать удовлетворительнымъ. Внѣшность новаго русскаго изданія „Исторіи города

Рима“ также выгоднымъ образомъ отличается отъ упомянутаго перваго изданія. Нельзя не пожалѣть, что крайне небрежная корректура перваго тома является значительнымъ минусомъ въ цѣнности этой части изданія; второй томъ, впрочемъ, гораздо менѣе грѣшитъ этимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ обычнымъ въ русскихъ книгахъ недостаткомъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы это новое капитальное изданіе было благополучно доведено до конца; это будетъ цѣнный вкладъ въ нашу популярно-историческую литературу.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Изданіе второе, исправленное. Переводъ Н. Н. Спиридонова. М. 1903.

Трудно указать другую ученую книгу, посвященную античному міру, которая бы имѣла большій успѣхъ какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и въ широкихъ кругахъ образованной публики, чѣмъ это посчастливилось сочиненію Фюстель-де-Куланжа. Объясненія этому выдающемуся двойному успѣху слѣдуетъ искать въ рѣдкомъ соединеніи въ лицѣ названнаго французскаго ученаго двухъ въ отдѣльности вовсе нерѣдкихъ качествъ: огромной эрудиціи и блестящаго литературнаго таланта. До появленія книги Фюстель-де-Куланжа едва ли кто могъ предполагать, что можно изложить въ столь изящной, блестящей, увлекательной формѣ такую, казалось бы, сухую матерію, какъ „сакральныя, юридическія и государственныя древности“ античнаго міра. Своей книгой французскій ученый заставилъ заинтересоваться античной древностью самые широкіе круги читающей публики; и въ этомъ отношеніи, его сравнительно небольшая книга оказала дѣлу историческаго изученія античнаго міра гораздо большую услугу, чѣмъ десятки многотомныхъ кропотливыхъ изслѣдованій нѣмецкихъ „гелертеровъ“. И вотъ почему, не смотря на то, что за тридцать лѣтъ, что прошли со времени выхода въ свѣтъ изслѣдованія Фюстель-де-Куланжа, историческая наука сдѣлала огромный шагъ впередъ въ своихъ представленіяхъ объ античномъ мірѣ, эта книга далеко не утратила своего значенія; она до сихъ поръ остается, да, вѣроятно, еще и надолго останется незамѣнимою книгою въ качествѣ *введенія въ изученіе античнаго міра*. Пусть въ отдѣльныхъ частяхъ эта книга „устарѣла“, пусть тѣ или другія гипотезы автора не нашли себѣ подтвержденія въ позднѣйшихъ научныхъ пріобрѣтеніяхъ, пусть тѣ или другія детали воздвигнутаго имъ зданія обветшали,—но въ центральныхъ частяхъ работы въ глубокомъ пониманіи духа и характера античнаго міра, сочиненіе Фюстель-де-Куланжа остается до сихъ поръ не превзойденнымъ.

Анри Мишель. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Переводъ съ третьяго пересмотрѣннаго изданія. Спб. 1903.

„Исторію соціальныхъ и политическихъ теорій" авторъ начинаетъ не прямо съ революціи; онъ посвящаетъ обширное введеніе характеристикѣ политическихъ и соціальныхъ идей во Франціи до революціи, начиная съ „бюрократической монархіи XVII в." (въ оглавленіи ошибочно: „XVIII в."), и останавливаясь болѣе обстоятельно на восемнадцатомъ вѣкѣ. Въ идейномъ движеніи этого столѣтія авторъ различаетъ двѣ струи: съ одной стороны, это—*преобразовательная философія XVIII вѣка* и *теорія просвѣщеннаго деспотизма* (Вольтеръ, энциклопедисты, физіократы, Юмъ, Вольфъ), съ другой—*индивидуалистическое движеніе* (религіозный индивидуализмъ и американская революція, Монтескье и теорія политической свободы, Руссо и народный суверенитетъ, Кондорсе, Кантъ, Фихте и философія права, Адамъ Смитъ и система естественной свободы, и т. д.). Введеніе авторъ заканчиваетъ характеристикой идей индивидуалистовъ восемнадцатаго вѣка объ отношеніяхъ личности къ государству, при чемъ старается прослѣдить вліяніе этихъ индивидуалистическихъ идей на революцію.

Остальное содержаніе сочиненія распредѣлено на пять „книгъ". Въ первой разсматривается политическая реакція противъ индивидуалистическаго принципа во Франціи (теократическія и антиреволюціонныя доктрины), Анлгіи (Бентамъ, Беркъ) и Германіи (Савиньи, Гегель). Вторая книга трактуетъ объ экономической и соціальной реакціи противъ индивидуализма (Сенъ-Симонъ, Бюше, Леру, Луи Бланъ, Сисмонди, и т. д.). Слѣдующая книга посвящена характеристикѣ индивидуалистическихъ воззрѣній XIX вѣка (Дестю-де-Траси, Дону, Сталь, Ройе-Колларъ, Бенжамэнъ-Констанъ, Токвиль, Ламартинъ, Бастіа, Фурье, Прудонъ и т. д.). Четвертая книга озаглавлена „Государство и личность передъ судомъ научной философіи"; здѣсь разсматривается соціологическая теорія Огюста Конта, затѣмъ идеи новѣйшей соціологіи и, наконецъ, соціализмъ утопическій и научный съ его новѣйшими развѣтвленіями. Послѣдняя, пятая, глава посвящена характеристикѣ и разбору современныхъ теченій въ области общественной мысли; ихъ общая характерная черта, по мнѣнію автора, состоитъ въ упадкѣ индивидуализма и успѣха государственнаго соціализма.

Книга Анри Мишеля заканчивается обстоятельнымъ заключеніемъ, въ которомъ онъ резюмируетъ главнѣйшіе изъ своихъ выводовъ.

Уже этого бѣглаго и поверхностнаго очерка содержанія разсматриваемой книги вполнѣ достаточно для того, чтобы дать понятіе о богатствѣ ея содержанія. Масса собраннаго здѣсь матеріала просто подавляющая. Матеріалъ этотъ, однако, отнюдь не

подавляетъ читателя, и это по той простой причинѣ, что авторъ сумѣлъ съ нимъ справиться, разобраться въ массѣ разнообразныхъ идейныхъ теченій и историческихъ фактовъ и свести добытые результаты въ одинъ, хотя и объемистый, томъ. Удалось этого достигнуть автору умѣлымъ распредѣленіемъ матеріала на логически-ясныя категоріи, и сжатымъ, компактнымъ и продуманнымъ изложеніемъ. Сырого, не переваренного матеріала читатель не встрѣтитъ въ книгѣ Анри Мишеля. Но если бы онъ пожелалъ отнестись критически къ собственнымъ идеямъ автора, то ему бы пришлось лично обратиться къ изученію тѣхъ или другихъ теорій въ ихъ источникахъ. Матеріала же для критическаго отношенія къ идеямъ автора читатель найдетъ въ изобиліи въ разбираемой книгѣ, богатой не однѣми лишь „чужими мыслями". Изучая чужія идеи, авторъ не боится думать и собственной головой. Именно, *не боится*,—не боится высказывать искренно, прямо и смѣло свою мысль, хотя бы она шла въ разрѣзъ съ установившимися и закрѣпленными тѣмъ или другимъ общепризнаннымъ авторитетомъ воззрѣніями. Мужество мысли, это—безспорно одно изъ наиболѣе цѣнныхъ качествъ ученаго; и въ этомъ качествѣ нельзя отказать автору разсматриваемаго сочиненія, какъ нельзя ему отказать и въ талантѣ научнаго творчества. Можно съ нимъ не соглашаться, можно полемизировать противъ его идей, но нельзя ихъ не уважать, какъ нельзя не испытывать умственнаго наслажденія, читая его книгу.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой французскаго оригинала, а потому и не можемъ сказать, насколько точенъ русскій переводъ; что же касается качествъ послѣдняго съ литературной точки зрѣнія, то онъ не хуже, но и не лучше большинства появляющихся въ печати русскихъ переводовъ иностранныхъ книгъ.

Е. В. Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 1904.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ авторъ собралъ свои статьи, напечатанныя первоначально въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Большая часть статей посвящены характеристикѣ отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей, а именно: Чарльза Парнелля, Бабефа, Джорджа Каннинга, Ройе-Коллара и Гамбетты. Присутствіе Бабефа, фигуры изъ великой французской революціи, въ очеркахъ, посвященныхъ „общественнымъ движеніямъ девятнадцатаго вѣка", представляется нѣсколько неожиданнымъ, и врядъ ли та оговорка, которую авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать по этому поводу, можетъ быть признана убѣдительной. „Очеркъ о Бабефѣ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—попалъ сюда потому, что дѣятельность этого человѣка, вопреки хронологіи,

по основному смыслу своему, болѣе относится къ первой половинѣ XIX вѣка, нежели къ послѣднимъ годамъ XVIII-го". Вѣдь если такъ разсуждать, то пришлось бы, пожалуй, характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей двадцатаго столѣтія отвести мѣсто въ „очеркахъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ", а для другихъ, пожалуй, написать „очерки изъ исторіи двадцать второго столѣтія"... Врядъ ли подобная игра въ столѣтія удобна въ заглавіи, главною „добродѣтелью" котораго должна быть точность.

Остальныя двѣ статьи—болѣе общаго характера; одна изъ нихъ озаглавлена „Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX вѣка", другая, отчасти примыкающая къ ней по своему содержанію: „Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія". Первая изъ этихъ статей представляется намъ наиболѣе интересной во всей книгѣ. Основной тезисъ автора, могущій показаться на первый взглядъ парадоксальнымъ, но только на первый взглядъ,—заключается въ признаніи „упадка революціонизма" наиболѣе характернымъ признакомъ общественной мысли второй половины истекшаго столѣтія. По его мнѣнію, „вся исторія (ужъ и *вся*!) истекшаго пятидесятилѣтія заключалась въ постепенномъ исчезновеніи революціонныхъ тенденцій и чувствъ изъ умственнаго и моральнаго обихода западно-европейскаго общества".

Причины такого поворота въ направленіи общественной мысли авторъ усматриваетъ въ той глубокой метаморфозѣ, которую испытали общественныя отношенія за послѣднее полустолѣтіе. „Громадная правительственная власть, покоящаяся на основаніяхъ и матеріальнаго, и духовнаго порядка,—таковъ несомнѣнный фактъ нынѣшней текущей исторіи западной Европы... эта власть тысячью узъ связана и обусловлена процвѣтаніемъ могущественныхъ слоевъ общества и сама его обусловливаетъ; она располагаетъ невиданными и неслыханными до сихъ поръ средствами военной борьбы; наконецъ, она глубоко сознательна и опытна: исторія и для нея не прошла даромъ. Кто же стоитъ противъ нея въ боевой готовности? Кадры революціонныхъ враговъ власти въ западной Европѣ порѣдѣли въ настоящій моментъ отчасти отъ явной безнадежности борьбы, отчасти отъ надежды на эту власть, оттого, что она сама нѣсколько измѣнилась, отчасти оттого, что она, по широко распространенному воззрѣнію, нужна, какъ игемонъ націй въ ожесточенной борьбѣ за рынки и другія блага, то-есть за то, что, по распространенному мнѣнію, представляется нужнымъ всѣмъ, и капиталистамъ, и рабочимъ" (стр. 1 и 53—54).

Изложеніе автора, въ общемъ литературное и живое, выиграло бы много, если бы онъ освободился отъ нѣкоторой манерности языка и слабости къ бьющимъ на эффектъ выраженіямъ, которыя, импонируя показною яркостью, въ сущности лишь затемняютъ мысль автора и напускаютъ туманъ на читателя. Вотъ,

напримѣръ, какъ выражается авторъ, говоря объ извѣстной схемѣ Маркса (тезисъ—первобытный коммунизмъ, смѣняется своимъ антитезисомъ-капитализмомъ, который, въ свою очередь, уступаетъ мѣсто синтезу—соціализму): „Увѣренность построенія этой схемы, смѣлость мысли, не боящаяся приложить самое острое, самое неподдающееся компромиссу оружіе чистаго идеализма къ мертвой и живой (?) хаотической громадѣ историческаго матеріала—все это дѣйствительно весьма сложная, но отъ этого еще болѣе яркая иллюстрація повышенныхъ чувствъ теоретика рабочаго класса и его послѣдователей“ (стр. 17—18). Отмѣнно ярко и... несовсѣмъ ясно.

Книжка снабжена портретами Тьера, Луи Блана, Фердинанда Лассаля, Чарльза Парнелля, Бабефа, Гамбетты, Макъ-Магона и Ледрю-Роллэна (на портретѣ ошибочно: Ледрю-Ролланъ).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія и письма ***А. С. Пушкина***. Подъ редакціей П. О. Морозова. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Т. III. Спб. 1903.

Полное собраніе сочиненій ***А. Н. Островскаго***. Подъ редакціей М. И. Писарева. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Ц. за 10 томовъ 16 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳ. Сологубъ. Собраніе стиховъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Тассо de Viola. Настроенія. Кіевъ. 1903. Ц. 40 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія. М. 1904. Ц. 75 к.

Александръ Галуновъ. Ad lucem. Стихотворенія въ прозѣ. М. 1904. Ц. 40 к.

Н. А. Ратомскій. Романы и пѣсни. Стихотворенія. Шутки. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Баронъ ***Н. Н. фонъ-деръ Паленъ***. Разсказы. Симферополь. 1903. Ц. 50 к.

Повѣсти и разсказы ***Н. Львова***. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

С. Елеонскій. Разсказы. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1903. Ц. 1 р.

С. М. Терещенковъ. Ничья и На землѣ. Разсказы. Изданіе А. И. Терещенковой. М. 1903.

Вас. Брусянинъ. Ни живые—ни мертвые. Очеркъ петербургской жизни. Книга вторая. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Воспоминанія прежнихъ древнихъ лѣтъ. Соч. ***Якоря***. 2-е изданіе кн. магазина «Польза». Сызрань. 1903. Ц. 50 к.

Рядъ историческихъ романовъ. ***Жозефъ Бедье***. Тристанъ и Изольда. Переводъ съ франц. А. А. Веселовскаго. Съ предисловіемъ, подъ редакціей и съ введеніемъ акад. А. Н. Веселовскаго. Съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. А. Трачевскаго. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Бретъ-Гартъ. Семейный найде-

нышъ. Переводъ Е. Н. М. 1903. Ц. 60 коп.

Байронъ. Манфредъ. Драматическая поэма. Съ англ. Переводъ Ив. А. Бунина. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1904. Ц. 40 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Пьесы. Въ погонѣ за легкой добычей. Завѣщаніе. Сказка. Переводъ съ нѣм. и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Жуазель. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. ***М. Метерлинка***. Переводъ А. Л. Калусовскаго. Изданіе т-ва «Книговѣдъ». Спб. 1904. Ц. 1 р., перес. 25 к.

А. Луговой. Безумная. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1903.

Дм. Кайгородовъ. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Часть II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Н. Кажанова. Психика жизни (Логическое изслѣдованіе). Спб. 1903. I. Ц. 30 к. II. Ц. 40 к.

Генрихъ Риккертъ. Границы естественно-научнаго образованія понятій. Логическое введеніе въ историческія науки. Переводъ съ нѣм. А. Водена. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Проф. ***К. Вермана***. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей А. И. Сомова. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1903. Т. I. Вып. 9 — 12. Ц. 1 р. 60 к. Вып. 13—16. Ц. 1 р. 60.

В. Г. Вальтеръ. Опера М. И. Глинки Русланъ и Людмила. Съ портретомъ Глинки. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Н. И. Замотинъ. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1903. Ц. 2 р.

П. Ивановъ. Врагамъ Леонида Андреева! Психологическій этюдъ. Изданіе В. Н. Егорова. М. 1904. Ц. 30 к.

И. Книжникъ. Смыслъ пьесы Горькаго «На днѣ». Изданіе книжнаго магазина С. В. Можоровскаго. Одесса. 1903. Ц. 20 к.

Николай Зинъенко. Театръ при Петрѣ Великомъ. Спб. 1904. Ц. 15 к.

П. Н. Столпянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. Оренбургъ. 1903.

Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ. Собралъ ***Н. К. Пиксановъ***. Юрьевъ. 1903.

Библіотека указателей. Вып. I. Составила ***М. С. Боцяновская***. Изданіе т-ва «Литература и наука». Спб. 1903. Ц. 50 к.

Д-ръ ***Э. Шульце***. Общедоступныя библіотеки, народныя библіотеки и читальни. Переводъ съ нѣм. Е. Самуйленко. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изданіе С. Скирмунта. М. 1903. Ц. 2 р.

Проф. ***Ю. С. Гамбаровъ*** и проф. ***М. М. Ковалевскій***. Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Изданіе т-ва «Наука и жизнь.» Ростовъ на Дону. 1903. Ц. 30 к.

П. Стрѣльцовъ. О высшемъ учебномъ заведеніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Витебскъ. 1903. Ц. 30 к.

Николай Зинченко. Женское образованіе въ Россіи. Историческій очеркъ. Спб. Ц. 30 к.

Адель Гергардъ и Елена Симонъ. Материнство и умственный трудъ. Переводъ съ нѣм. М. Кучинскаго. 1904. Ц. 1 р. 40 к.

Педагогическая библіотека подъ редакціей А. П. Нечаева. Вып. I. ***Габріэль Компейре***. Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Переводъ Л. В. Степановой. Изданіе М. И. Пейкеръ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Научныя основы педагогики ***И. Е. Андреевскаго***. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1903. Ц. 60 к.

Пав. Первовъ. О школьной балловой системѣ. Харьковъ. 1903.

Левъ Мороховецъ. Простѣйшій проэкціонный фонарь, дешевое изготовленіе его, рисунковъ къ нему и таблицъ для большихъ аудиторій. Съ 20 рис. въ текстѣ. М. 1903. Ц. 40 к.

Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. II для учебныхъ заведеній, съ полнымъ курсомъ ариѳметики. 3-е изданіе. Составилъ ***С. Шохоръ-Троцкій***. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Воспоминанія слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Сочиненіе ***Жана Араго***. Съ портретомъ автора и рис. Переводъ П. Канчаловскаго. М. 1904. Ц. 80 к.

Путешествіе вокругъ свѣта ***Э. Р. Циммермана***. Для русскаго юношества. Изданіе К. Н. Николаева. 2-е изданіе. М. Ц. 1 р. 25 к.

А. Додель. Жизнь и смерть. Популярныя лекціи и статьи по біологіи. Переводъ съ нѣм. П. Быстрицкаго, съ предисловіемъ автора. Съ 51 рис. Саратовъ. 1904. Ц. 1 р.

Ф. Мартинъ. Три царства природы. Зоологія.—Ботаника.—Минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Приспособленный и дополненный для русскихъ читателей. Переводъ съ нѣм. И. М. Эйзена, подъ

редакціей проф. А. М. Никольскаго. Съ 54 таблицами, печатанными красками и содержащими 1125 рис. и 305 гравюрами въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб 1903. Ц. 8 р.

Карлъ Каутскій. Торговые договоры и торговая политика. Переводъ съ нѣм. Ѳ. Шипулинскаго и А. Фима. Подъ редакціей А. С. Залшупина. Изданіе газеты «Промышленный Міръ». Спб. 1904. Ц. 1 р.

Экономическіе очерки. Переводъ съ польск. подъ редакціей и въ переработкѣ П. Нежданова. Изданіе В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903. Ц. 10 к.

Расширеніе Англіи. Два курса лекцій проф. ***Дж. Р. Сили***. Переводъ съ англ. ***В. Я. Герда***. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Л. С. Личковъ. Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ. (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Кіевъ. 1903.

С. Турутинъ. О значеніи дѣятельности крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ и о томъ, какъ ихъ устранить. Курганъ. 1903. Ц. 20 к.

А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію 2-е изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

И. Р. Алибеговъ. Народное образованіе на Кавказѣ. Тифлисъ. 1903.

Е. В. Васьковскій. Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Одесса. 1901. Ц. 3 р.

Отзывъ объ ученыхъ трудахъ прив.-доц. Е. В. Васьковскаго, составленный орд. проф. ***А. И. Загоровскимъ***. Одесса. 1903.

Е. В. Васьковскій. Отвѣтъ на отзывъ проф. А. И. Загоровскаго. Одесса. 1903. Ц. 10 к.

Г. В. Демченко. Судъ и законъ въ уголовномъ правѣ. Варшава. 1903.

Харьковскій судебный округъ. 1867—1902 г. Историческій очеркъ ***А. А. Левенстама***. Харьковъ. 1903.

Послѣднія узаконенія и распоряженія по надзору фабричной инспекціи (1901—1903). Сост. ***Ѳ. И. Карповымъ***. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Соціальная гигіена. Сочиненіе ***Эмиля Дюкло***. Переводъ съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Изд. Д. Голова и А. Большакова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Сегенъ. Воспитаніе, гигіена и нравственное лѣченіе умственно-ненормальныхъ дѣтей. Переводъ съ франц. М. П. Лебедевой, подъ редакціей В. А. Енько. Изданіе М. Лихтенштадта. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ. Очеркъ (съ 4 таблицами). ***А. И. Розенквиста***. М. 1903. Ц. 1 р. 50.

Регламентація и свободная проституція. ***М. С. Маргуліеса***. Спб. 1903.

Н. А. Вырубовъ. Задачи общественнаго попеченія о душевно-больныхъ. Воронежъ. 1903.

Доисторическая жизнь. Происхожденіе и древность человѣка. Сочиненіе ***Габріеля и Адріана де Мортилье***. 121 рис. въ текстѣ. Переводъ съ франц. подъ редакціей Л. Я. Шетернберга. Изданіе т-ва «XX вѣкъ». Спб. 1903. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Н. М. Соколовъ. Святые земли русской. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Повѣрья и обычаи Сургутскаго края. ***И. Я. Неклепаева***. Омскъ. 1903.

Вл. Львовъ. Русская Лапландія и русскіе лопари. Географическій и этнографическій очеркъ. М. 1903. Ц. 25 к.

Фритьофъ Нансенъ. На крайнемъ сѣверѣ. Сокращенный переводъ и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, подъ редакціей В. П. Семенова. Изданіе А. Ф. Девріена. Т. XVIII. Киргизскій край. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

По Екатерининской жел. дорогѣ. Вып. I. Изданіе управленія Екатерининской жел. дороги. Екатеринославъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Большой всемірный атласъ Маркса. Подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокольскаго. Вып. I. Спб.

Учебникъ всеобщей географіи. Европа. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній (69 рис. въ текстѣ). Составилъ ***А. Е. Спиридоновъ***. Спб. 1904. Ц. 50 к.

О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. Врача ***П. А. Лощилова***. Нижній-Новгородъ. 1903. Ц. 25 к.

Труды IV Хабаровскаго съѣзда, созваннаго Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Д. И. Суботичемъ. 1903 г. Издано подъ редакціей главнаго секретаря съѣзда К. В. Слюнина. Хабаровскъ. 1903.

Развѣдка на о-вѣ Челкентѣ и новый видъ челкентской нефти. ***И. Н. Стрижовъ***. Спб. 1903.

Генри Бловицъ.

(Письмо изъ Англіи).

I.

Въ англійской литературѣ есть старинный, очень талантливо написанный, но забытый романъ (у насъ, кажется, онъ совершенно неизвѣстенъ).—„The History of the Life of the late Mr. Jonathan Wild the Great“. Авторъ его—блестящій романистъ XVIII вѣка, прямой родоначальникъ Диккенса, Генри Фильдингъ. „Jonathan Wild“, — яркая картина англійскихъ нравовъ начала XVIII вѣка. Герой—плутъ, становящійся потомъ воромъ на большой дорогѣ и кончающій висѣлицей. Насъ, современныхъ читателей, поражаетъ въ этомъ блестящемъ романѣ, прежде всего юморъ, проявляющійся даже тогда, когда такой тонъ неумѣстенъ, напр., въ послѣдней главѣ, гдѣ говорится о казни героя. Вотъ, напр., выдержка. „Наконецъ, наступило утро, предопредѣленное фортуной при рожденіи героя. Въ этотъ день герой долженъ былъ увѣнчаться славой. Правда, по скромности, онъ попытался было уклониться отъ общественныхъ почестей, посланныхъ фортуной. Съ этой цѣлью Уайлдъ принялъ значительную дозу опіума, чтобы безъ шума сойти со сцены; но мы уже не разъ отмѣтили въ этомъ правдивомъ жизнеописаніи, что борьба съ судьбой совершенно безполезна. Рѣшила ли фортуна, что вамъ предстоитъ висѣлица или постъ перваго министра, — все равно, сопротивляться невозможно. Поэтому опіумъ не могъ прекратить жизнь нашего героя. Сдѣлать это надлежало сѣмени пеньки, а не мака. Въ достодолжный часъ къ герою явился нѣкій джентльмэнъ и возгласилъ, что карета подана. При этомъ случаѣ Джонатанъ Уайлдъ проявилъ то же мужество, которое отмѣчаютъ всѣ историки въ герояхъ. И зная безполезность сопротивленія, онъ съ достоинствомъ заявилъ, что готовъ поѣхать“. Я пропускаю яркую картину уличной жизни и описаніе толпы пропоицъ, бродягъ, воровъ, проститутокъ, провожающихъ со свистомъ, гамомъ и пѣніемъ скабрезныхъ пѣсенъ героя къ Тайборну, къ мѣсту казни, находившемуся тогда какъ разъ гдѣ теперь въѣздъ на лондонскій форумъ. Съ юморомъ, который кажется намъ теперь по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ, Фильдингъ описываетъ, какъ герой, стоя на эшафотѣ, вытащилъ изъ кармана напутствовавшаго его священника табакерку и съ ней прыгнулъ въ неизвѣстное. „Священникъ спустился. Уайлдъ оглянулъ толпу, послалъ ей отъ всей

души проклятье; но тутъ лошади вытащили платформу, и герой, при шумномъ одобреніи толпы, получилъ свой тріумфъ" *).

Насъ удивляетъ въ романѣ Фильдинга не только жестокость его юмора, но и тезисъ, который авторъ развиваетъ въ своемъ романѣ: ловкому плуту уготовленъ одинъ тріумфъ—висѣлица. Мы имѣемъ цѣлый рядъ старинныхъ романовъ, въ которыхъ герои, родственные по духу Джонатану Уайлду, кончаютъ совершенно иначе. Я имѣю въ виду столь популярные когда то плутовскіе романы, какъ „Жизнь Лазарильо изъ Тормесъ", приписываемый Мендозѣ, „Гусманъ де Альваранштъ" Матео Алемана или „Жиль Блазъ" Лесажа. Герой всѣхъ такихъ романовъ вначалѣ бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы подняться со дна и удержаться на поверхности. Онъ пробирается то ползкомъ, то бѣгомъ, падаетъ, снова поднимается. Его обманываютъ, но и онъ не остается въ долгу. Герой пробуетъ всѣ профессіи: мы видимъ его воромъ, солдатомъ, лакеемъ, актеромъ, врачомъ-шарлатаномъ, священникомъ, купцомъ, профессіональнымъ сводникомъ. Наконецъ, герой окончательно выбирается на сухой берегъ къ тихой пристани. Онъ добивается положенія въ жизни, богатства, почета и, умудренный опытомъ, пишетъ свои записки въ назиданіе потомству.

Только что вышедшая здѣсь любопытная книга показываетъ, во-первыхъ, что тезисъ, развиваемый Фильдингомъ не абсолютенъ, во-вторыхъ, что у Лазарильо изъ Тормесъ былъ отдаленный потомокъ, унаслѣдовавшій всѣ таланты предка, но сдѣлавшій гораздо болѣе блестящую карьеру. Книга эта—„Записки" знаменитаго корреспондента Times'а—Бловица" („My Memoirs", by Henry Stephan de Blowitz. London. Edward Arnold. 1903).

Въ американской прессѣ, какъ всѣмъ извѣстно, почти всѣ сотрудники отодвинуты на самый задній планъ репортеромъ. Типъ этотъ изображался много разъ и пользуется широкой извѣстностью. Репортеръ долженъ давать во что бы то ни стало сенсаціонныя новости, а если ихъ нѣтъ—выдумывать. Мой знакомый пріѣхалъ лектировать въ Нью-Іоркъ. Такъ какъ онъ пользуется широкой популярностью, то къ нему немедленно явились репортеры для interview. Знакомый терпѣть не можетъ газетъ и наотрѣзъ отказался принять репортеровъ. Это не помѣшало, однако, появленію на другой день въ „Herald", въ „Tribune" и въ „World" громадныхъ статей въ три колонны, въ которыхъ выражались взгляды моего знакомаго на цѣлый рядъ животрепещущихъ вопросовъ. Interview было *выдумано* отъ перваго слова до послѣдняго. Въ Англіи подобное явленіе, конечно, тоже возможно. Доказательствомъ являются „шанхайскія" телеграммы „Daily Mail". Во время недавняго возстанія въ Китаѣ, газета сообщила, что иностранный кварталъ въ Пекинѣ взятъ боксерами,

---

*) «Jonathan Wild», Book IV. ch. XIV.

что всѣ осажденные перерѣзаны. „Daily Mail“ очень подробно описала, какъ европейцы, видя, что сопротивленіе невозможно, сперва сами убили всѣхъ женщинъ. Телеграмма, которая произвела страшное впечатлѣніе не только въ одной Англіи, оказалась, къ счастью, ложной. Ее сфабриковали въ Шанхаѣ, а узоры по ней расшили уже въ редакціи „Daily Mail“. Но, въ общемъ, газетныя утки, выпущенныя ради одной сенсаціи, сравнительно, рѣдкая дичь въ англійскихъ изданіяхъ. Бываетъ, что часть прессы, служа одному классу, составляетъ настоящій заговоръ съ цѣлью пропаганды извѣстнаго рода воззрѣній. Такъ было предъ войной въ 1898—99 гг.. Но это уже не относится къ категоріи газетныхъ утокъ. Англійскія газеты, въ общемъ (какъ и англійскіе купцы), торгуютъ хорошимъ, добросовѣстнымъ товаромъ, хотя послѣдній—страннаго качества на взглядъ континентальнаго жителя. Каждая большая англійская газета имѣетъ, напр., спеціальныхъ заграничныхъ корреспондентовъ. На нихъ расходуются большія деньги. Всѣ корреспонденціи доставляются по телеграфу. Любопытнѣе всего, что, не смотря на громадныя затраты, англійскія газеты не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о внутренней жизни другихъ странъ. Корреспонденціи изъ Берлина, Парижа, Вѣны и пр. появляются въ большихъ англійскихъ газетахъ каждый день, но въ нихъ сообщаются только политическія новости. Англійская газета рѣшительно не интересуется культурной, внутренней жизнью чужого народа, его литературой, искусствомъ и пр. Политика, политика и ничего больше. Рѣчь какого нибудь перуанскаго министра передается немедленно in extenso; свиданію сіамскаго принца съ японскимъ министромъ посвященъ цѣлый столбецъ, т. е. строкъ 200; между тѣмъ, вы можете читать „Times“ изо-дня въ день, отъ страницы до страницы, но не найдете тамъ ни строчки о томъ, какими духовными интересами живутъ люди въ сосѣдней Голландіи или въ Германіи. Отчасти это зависитъ отъ коренной разницы во взглядахъ англичанъ и русскихъ, напр., на роль иностранныхъ корреспондентовъ. Мы желаемъ, прежде всего, имѣть поучительные примѣры. Русскій читатель требуетъ, чтобы иностранный корреспондентъ воспитывалъ общество. Вотъ почему иностранный корреспондентъ русской газеты, который посвятилъ бы себя только „политикѣ“, мнѣ кажется, имѣлъ бы мало успѣха. Русскій читатель ищетъ въ газетѣ отраженія культурной жизни другихъ народовъ... Англійскій читатель смотритъ на континентальныхъ жителей съ высоты своихъ общественныхъ учрежденій. Если газета отмѣчаетъ случайно какой нибудь фактъ осужденія въ Германіи за lèse-majesté, то только ради вящшаго прославленія этихъ отечественныхъ общественныхъ учрежденій. Англичанинъ, складывая нумеръ „Times'а“ съ такимъ сообщеніемъ, говоритъ про себя: „какъ эти иностранцы еще отстали отъ насъ!“

Итакъ, иностранные корреспонденты англійскихъ газетъ заняты, по преимуществу, политикой. Они должны доставлять точныя свѣдѣнія про то, что сказалъ министръ такой то, и что задумываетъ предпринять герцогъ такой-то. Такимъ образомъ, англійская газета требуетъ отъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ исключительной ловкости и пронырливости. Газета отпускаетъ имъ такія суммы, что корреспонденты въ состояніи открывать политическіе салоны. И порой въ ходъ пускается сложная механика, чтобы вывѣдать у какого нибудь министра новость, еще неизвѣстную прессѣ. Тридцать лѣтъ подрядъ самымъ ловкимъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи былъ парижскій корреспондентъ „Times'a"—Бловицъ или де Бловицъ, какъ онъ называлъ себя. Послѣ того, какъ онъ добылъ для газеты проектъ Берлинскаго трактата, раньше опубликованія его, про пронырливость Бловица сложились легенды. Говорили, что Бисмаркъ, прежде чѣмъ приступить къ совѣщаніямъ въ своемъ кабинетѣ, смотрѣлъ подъ столъ, не сидитъ ли тамъ Бловицъ. Про ловкаго корреспондента ходили во Франціи нелестные слухи: его называли бродягой безъ роду и племени, перевертнемъ, шпіономъ и пр. Умеръ Бловицъ годъ тому назадъ, добившись богатства, громадныхъ связей и многочисленныхъ орденовъ. Послѣ смерти обнародованы его записки. Правда, историческое значеніе ихъ, какъ увидимъ, ничтожно, за то, мнѣ кажется, онѣ любопытны въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи. „Записки" вышли по англійски, но продиктованы по французски, потому что хотя Бловицъ и былъ тридцать лѣтъ сотрудникомъ „Times'a", но не выучился англійскому языку даже на столько, чтобы понять свою собственную корреспонденцію, когда она появится въ печати.

II.

Жиль Блазъ и Лазарильо Тормесъ не скрываютъ, что происхожденія они самаго скромнаго. „Ma mère devint femme de chambre et mon père écuyer",—говоритъ герой Лесажа. Бловицъ, по его словамъ, началъ гораздо лучше, чѣмъ его предшественники.

„О моемъ происхожденіи, дѣтствѣ и юности писалось такъ много, — говоритъ Бловицъ,—что, вѣроятно, читатель не будетъ въ претензіи, если я обо всемъ этомъ разскажу самъ. Въ самомъ дѣлѣ, если другимъ интересно писать про меня, то, пожалуй, я имѣю право сдѣлать это самъ; по крайней мѣрѣ, въ моихъ словахъ тогда не будетъ ничего тенденціознаго". „Другіе", о которыхъ говоритъ Бловицъ, давали ему такую же родословную, какъ и Гусману Альвараншу, съ чѣмъ знаменитый корреспондентъ *Таймса* совершенно не согласенъ.

„28 декабря 1825 г. въ Бловскомъ замкѣ, въ окрестностяхъ Пильзна, въ Богеміи,—говоритъ Бловицъ, — родился ребенокъ съ

большой головой и слабымъ туловищемъ. Доктора, которыхъ призвали къ постели роженицы, молчаливо качали головами и заявили, наконецъ, что у младенца и ненормальное сердце, и слабое тѣло, вслѣдствіе чего онъ долженъ умереть. Мать, поэтому, рѣшила, что нужно торопиться окрестить младенца, и 29 декабря, въ сильную метель, заглушавшую перезвонъ колоколовъ, его понесли въ деревенскую церковь. Здѣсь священникъ, отецъ Вашекъ, и свершилъ обрядъ крещенія. Въ метрической книгѣ, гдѣ были записаны всѣ предки младенца, отъ феодальнаго барона Каспара де Бловица, построившаго деревенскую школу, до барона Марка Оппера де Бловица, жившаго въ то время въ древнемъ замкѣ, отмѣтили о крещеніи Генриха-Георга-Стефана-Адольфа де Бловица. Отецъ мой далъ обѣтъ отслужить нѣсколько мессъ, если младенецъ останется въ живыхъ. Я сказалъ бы неправду, если бы сталъ утверждать, что всѣ эти факты помню. Правда, память у меня великолѣпная, но всетаки не до такой степени, чтобы помнить разсказанныя событія. Мать моя и священникъ такъ часто мнѣ потомъ разсказывали о крещеніи, что я абсолютно повѣрилъ имъ. Кромѣ того, подтвержденіемъ являются церковныя книги. Изъ нихъ явствуетъ, что я родился католикомъ, окрещенъ черезъ день и, поэтому, не имѣлъ времени стать евреемъ. Крайне сожалѣю, что разочаровываю такимъ образомъ весь родъ Израиля!"

Героя Лесажа разбойники похищаютъ на пути изъ Овіедо въ Саламанку. Бловица тоже пытаются похитить если не совсѣмъ разбойники, то цыгане, притомъ покушеніе дѣлается тогда, когда будущему корреспонденту гораздо меньше лѣтъ, чѣмъ Жиль Блазу. Цыгане похитили шестилѣтняго мальчика, но заплутались „въ паркѣ замка". Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы попасть къ мосту, они очутились у рѣки. Между тѣмъ, отецъ Бловица и егеря его бросились въ догонку. Услыхавъ погоню, цыгане оставили ребенка, телѣгу и лошадь, переплыли черезъ рѣку и скрылись въ лѣсу. „Que diable!—восклицаетъ Бловицъ,—чѣмъ бы я былъ теперь, если бы цыгане не заплутались"! Желая показать читателямъ, что онъ добрый католикъ, Бловицъ спѣшитъ разсказать чудо, свидѣтелемъ котораго самъ былъ. „Не далеко отъ нашего наслѣдственнаго замка,—пишетъ онъ,—лежитъ маленькое мѣстечко Грюнбергъ. Если путешественникъ заглянетъ теперь въ этотъ глухой уголокъ Богеміи, онъ найдетъ старинную церковь на берегу соннаго пруда. Церковь представляетъ удивительную смѣсь всѣхъ стилей. Она очень бѣдна, но въ ней находится массивное серебряное изображеніе св. Іоанна, въ человѣческій ростъ. Любопытно, что у статуи только одна рука. Можно было бы протестовать противъ такого изуродованія статуи, не будь оно связано со страннымъ происшествіемъ, случившимся на моихъ глазахъ... Когда я прибылъ юношей въ Грюн-

бергъ, то нашелъ все мѣстечко въ состояніи страшнаго возбужденія. Кто-то похитилъ серебряное изображеніе св. Іоанна, и вся округа была на ногахъ. Епископъ велѣлъ, чтобы каждый день во всѣхъ деревняхъ устраивались крестные ходы... Я упоминалъ уже про сонный прудъ возлѣ церкви. Берега его были очень круты и обрывисты. Вверху шла узенькая тропинка. Когда я прибылъ въ мѣстечко, процессія только что тронулась отъ церкви, чтобы обойти прудъ кругомъ. Впереди шелъ старый священникъ, съ серебрянымъ крестомъ въ рукахъ. Населеніе чтило этотъ крестъ не меньше чѣмъ статую. Процессія прошла уже полпути. Я отлично видѣлъ все. Какъ вдругъ священникъ споткнулся о только что посаженное дерево, крестъ выпалъ изъ рукъ, тихо скатился съ крутого берега и исчезъ въ мутной водѣ пруда. Народъ, по примѣру священника, упалъ на колѣни. Всѣ глядѣли туда, гдѣ скрылся крестъ. Затѣмъ толпа кинулась къ плотинѣ и раскопала ее, чтобы выпустить воду. Черезъ нѣсколько часовъ прудъ спустили. Дно обнажилось. Къ великому ликованію всѣхъ крестъ нашли. Онъ лежалъ *какъ разъ возлѣ статуи Св. Іоанна*. Изображеніе подняли и тутъ только замѣтили, что лѣвая рука его исчезла. Воры отломали ее и спрятали статую, чтобы воспользоваться ею, когда все успокоится. Съ пѣньемъ гимновъ и псалмовъ толпа понесла изображеніе назадъ въ церковь. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда туда входилъ послѣдній крестьянинъ, обрушился каменный сводъ у дверей и оторвалъ несчастному лѣвую руку. Даже топоромъ нельзя было бы свершить операцію болѣе чисто. Толпа тотчасъ же окружила раненаго и завопила: „вотъ воръ! вотъ онъ! Св. Іоаннъ покаралъ его за святотатство“. Бловицъ повѣствуетъ дальше, какъ крестьяне схватили вора и потащили его „топить въ прудѣ“ (авторъ забылъ, что вода изъ него была выпущена) и какъ преступника спасъ священникъ. До самой смерти своей потомъ, говоритъ Бловицъ, воръ прожилъ въ церкви, не смѣя переступить порогъ ея.

Бловицъ никогда не посѣщалъ ни школы, ни университета. „Всю мою юность я провелъ въ тѣнистомъ паркѣ моего наслѣдственнаго замка“. Въ пятнадцать лѣтъ Бловицу, какъ Жиль Блазу, захотѣлось посмотрѣть свѣтъ. Отецъ отправилъ его путешествовать подъ надворомъ гувернера. Безъ гадалокъ, какъ безъ разбойниковъ, плутовской романъ не мыслимъ. Встрѣтилъ ихъ во время своего путешествія и Бловицъ. Въ 1841 г., въ глухой харчевнѣ на кроатской границѣ (какъ подобаетъ, она стояла въ глухомъ лѣсу; мало того, кругомъ торчали колья съ натыканными головами казненныхъ повстанцевъ) будущій корреспондентъ нашелъ таинственную цыганку, предсказывавшую проѣзжимъ ихъ судьбу. „Когда колдунья подошла ко мнѣ,—разсказываетъ Бловицъ, — она внезапно оживилась, и ея тусклые

глаза засверкали.—Никогда еще не видала я такую руку, какъ у тебя,—сказала она.—Тебя ждетъ завидная судьба.

— Что именно?—спросилъ я.

— Ты будешь сидѣть рядомъ съ королями и обѣдать вмѣстѣ съ принцами".

Бловицъ путешествовалъ пять лѣтъ. Онъ посѣтилъ Германію, Россію, Австрію, Италію и Швейцарію. Возвратившись домой, онъ узналъ, что его родные разорились совершенно. Наслѣдственный замокъ долженъ былъ пойти съ молотка. Бловицу предстояло самому пробить себѣ дорогу въ жизни. Онъ рѣшилъ поѣхать въ Шербургъ, чтобы оттуда потомъ перебраться въ Америку; но маленькій случай совершенно измѣнилъ весь планъ. Проѣзжая черезъ Анжеръ, Бловицъ сломалъ трубку. Онъ слѣзъ съ дилижанса и отправился разыскивать лавку, но тутъ встрѣтился со старымъ знакомымъ, графомъ Коловратомъ, который предложилъ ему погостить денекъ у себя. „Въ результатѣ было, что вмѣсто Америки, я поѣхалъ съ графомъ въ Парижъ". Городъ этотъ сталъ вторымъ отечествомъ Бловица, а французскій языкъ—его роднымъ языкомъ. Молодой человѣкъ попалъ въ Парижъ какъ разъ въ бурную эпоху 1848 г. „Долженъ признаться читателямъ,—говоритъ Бловицъ,—что ни природа, ни города, ни деревни нисколько не привлекаютъ меня. Меня очень рѣдко могутъ заинтересовать фасады домовъ, картинныя галлереи, памятники и искусно разбитые сады. Привлекаетъ меня всегда суть, скрытая за неподвижными стѣнами. Я ищу всегда жизни, движенія. Я провелъ цѣлые часы, изучая толпу, наблюдая ея движеніе, волненіе... И можно ли было найти еще болѣе интересную толпу, чѣмъ парижская, при томъ въ эпоху 1848 г."! Графъ Коловратъ познакомилъ Бловица съ Тьеромъ и де Фалу. Когда послѣдній сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, онъ далъ Бловицу каѳедру профессора иностранной литературы въ Анжерѣ. Здѣсь Бловицъ пробылъ восемь лѣтъ и переселился потомъ въ Марсель, гдѣ тоже занималъ каѳедру. Онъ пространно повѣствуетъ о томъ, на какой родовитой дѣвицѣ женился здѣсь („мать ея была изъ стараго аристократическаго рода, а дядя по матери былъ даже въ родствѣ съ Бурбонами"). До самой смерти Бловицъ питалъ особое тяготѣніе къ аристократіи. Бловицъ, какъ и Жиль Блазъ, перепробовалъ много профессій, пока открылъ свое настоящее призваніе. Онъ былъ учителемъ, личнымъ секретаремъ, торговцемъ, арматоромъ корабля, изобрѣтателемъ, хотя несовсѣмъ удачнымъ. „Я всегда имѣлъ слабость думать, что надѣленъ талантомъ изобрѣтателя, — добродушно разсказываетъ Бловицъ. Въ шестидесятыхъ годахъ я изобрѣлъ машину для расчесыванія льна. Я купилъ домъ для фабрики за тѣмъ за дорогую цѣну заказалъ мою машину.

„Когда все было готово, я устроилъ большой обѣдъ, чтобы

отпраздновать мое изобрѣтеніе. Собралось множество гостей. Всѣ они поздравляли меня, пили шампанское, осматривали машину и восхищались ею. Когда обѣдъ кончился, шампанское выпили и гости разъѣхались, наступилъ моментъ пустить машину въ ходъ. Развели пары. Я скомандовалъ: „полный ходъ!" и самъ повернулъ кранъ; но сейчасъ же раздался страшный взрывъ. Все взлетѣло на воздухъ. Желѣзный болтъ хлопнулъ меня по головѣ. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не изобрѣтаю машинъ."

III.

Вторая имперія, между тѣмъ, находилась на краю гибели. „Когда тронъ захваченъ смѣлымъ покушеніемъ и удерживается репрессивными мѣрами,—философствуетъ Бловицъ,—когда власть держится на невѣжествѣ массъ,—правитель никогда не долженъ дѣлать никакихъ послабленій и уступокъ Малѣйшая уступка становится острымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ. Твердыня автократіи непроницаема только до тѣхъ поръ, покуда въ ней не пробита брешь... Въ 1869 г. можно было видѣть уже трещины, образовавшіяся въ стѣнахъ, которыми Наполеонъ III окружилъ свой тронъ. Въ Парижѣ, однако, центральная власть обольщалась иллюзіями и играла съ огнемъ либеральныхъ реформъ. Въ провинціи представители правительства видѣли, что власть ихъ ослабѣваетъ. Оппозиція крѣпла. Это повело къ тому, что префекты стали проявлять больше произвола и, поэтому, сдѣлались еще менѣе популярны. Создалось положеніе, изъ котораго было лишь два выхода: или полный ходъ назадъ, съ революціей въ концѣ, или шагъ впередъ и тоже съ революціей". Бловицъ жилъ тогда въ Марселѣ. Оно не натурализовался еще; но по женѣ легитимисты считали его своимъ. Приближались выборы 1869 г. Оппозиція составила лигу, куда вошли легитимисты, орлеанисты и демократы. Правительство усилило власть префектовъ, увеличило тайную полицію и повело опасную игру съ массами. Оно само основало радикальныя газеты. „Редакторы ихъ днемъ обличали правительство, а ночью являлись къ префектамъ за инструкціями". Въ Марселѣ оппозиція выставила на выборахъ кандидатуру Тьера и Гамбетты. Правительство выставило своего кандидата Лессепса; но никто не долженъ былъ знать, кто поддерживаетъ его. Весь успѣхъ, напротивъ, зависѣлъ отъ того, чтобы населеніе считало Лессепса вполнѣ независимымъ кандидатомъ. Тутъ впервые Бловицъ примѣнилъ свое удивительное чутье, которое ему такъ часто помогало впослѣдствіи. Лессепсъ находился тогда въ Египтѣ. Тамъ же жилъ пріятель Бловица, который сообщилъ ему, что къ Лессепсу при таинственной обстановкѣ пріѣзжалъ офицеръ изъ Парижа, повидимому, адъютантъ императора. Послѣ этого Лессепсъ внезапно уѣхалъ во Францію. Бловицъ сопоставилъ еще нѣсколько

мелкихъ фактовъ и догадался, что правительство поддерживаетъ кандидатуру крайне популярнаго тогда инженера. Обо всемъ этомъ Бловицъ сообщилъ своему знакомому, редактору легитимистской газеты. Появилась статья, которая, какъ буря, развѣяла весь правительственный планъ. На Бловица обрушился тогда гнѣвъ властей. „Я самъ испугался того, что надѣлалъ, — говоритъ онъ.—Я походилъ на слона, со спины котораго вдругъ выпалили изъ пушки, который чувствуетъ толчекъ, не зная откуда онъ. Я былъ беззащитный иностранецъ и вполнѣ находился во власти правительства". Бловицъ бѣжалъ и нѣсколько мѣсяцевъ скрывался въ глуши, на границѣ. Отсюда онъ нѣкоторое время служилъ у Тьера своего рода приватнымъ шпіономъ, снабжая его свѣдѣніями о настроеніи прессы въ нѣмецкихъ государствахъ. Но вотъ началась война. Послѣ Седана имперія рухнула. Создалась республика, при которой Бловицъ опять могъ возвратиться въ Марсель. Время было бурное. Черезъ пять дней послѣ провозглашенія коммуны въ Парижѣ, 23 марта 1871 г., то же случилось и въ Марселѣ. Революціонеры завладѣли префектурой. Бловицъ исполнялъ должность шпіона версальскаго правительства въ Марселѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ. „Въ то время я натурализовался уже и, поэтому, считалъ долгомъ помочь моему новому отечеству. Я предложилъ мои услуги генералу Эпиванъ де ла Вильбоа, которому поручено было трудное дѣло возстановленія порядка *). Революціонеры завладѣли почтой и телеграфомъ и вскрывали всѣ подозрительныя письма. Они задерживали телеграммы, въ которыхъ сообщалось версальскому правительству объ отчаянномъ положеніи дѣлъ въ Марселѣ. Я тогда сдавалъ квартиру въ домѣ, принадлежавшемъ моей женѣ, Восточной телеграфной компаніи, имѣвшей свой собственный кабель до Орана (въ Алжирѣ). Компанія разрѣшила мнѣ соединить ихъ проволоку съ Версалью. И ночью, когда инсургенты думали, что держатъ въ своихъ рукахъ телеграфъ, я по крышѣ и по переброшенной черезъ улицу лѣстницѣ добрался до окна конторы Восточной компаніи и вступилъ въ тайное сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Ліонъ отвѣтилъ мнѣ и соединилъ меня съ Версалемъ. Я немедленно сообщилъ правительству обо всемъ, что дѣлаютъ коммунары. Получивъ мою первую телеграмму, Тьеръ немедленно приказалъ генералу Вильбоа возстановить во чтобы то ни стало порядокъ въ Марселѣ. Черезъ два дня, пя-

*) Въ «Histoire de la Commune», Лиссагарэ мы находимъ такую характеристику Вильбоа. «Злобная каррикатура, подобная тѣмъ, которымъ изобилуютъ гражданскія войны въ Южной Америкѣ. Генералъ этотъ—тупой легитимистъ, слѣпой и жестокій изувѣръ, выслужившійся не на полѣ битвы, а въ гостиныхъ знатныхъ покровительницъ. Во время войны народъ прогналъ его изъ Лилля, возмущенный какъ его неспособностью, такъ и чрезмѣрной жестокостью. За его спиной стояла церковная партія» (Chap. X).

таго апрѣля, войска, расположенныя въ Обажѣ, ворвались въ городъ и овладѣли префектурой, ставшей главной квартирой инсургентовъ. Не стану входить въ подробности ужаснаго дня. Каждый исполнилъ свой долгъ. И я самъ, смѣю думать, не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Во всякомъ случаѣ, черезъ день битва была выиграна, а марсельская коммуна—раздавлена". По книгѣ Лиссагарэ „Histoire de la Commune", мы знаемъ, что гостиному генералу Вильбоа гораздо легче было „выиграть битву" въ Марселѣ, чѣмъ отстаивать Лилль. Собственно говоря, версальцамъ приходилось только разстрѣливать, потому что марсельскіе инсургенты были деморализованы и не сопротивлялись *).

Генералъ Вильбоа отправилъ Бловица въ Версаль къ Тьеру вѣстникомъ побѣды. Курьеръ ждалъ, что его наградятъ за радостную вѣсть, но сперва ошибся въ разсчетѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, принявшій депеши Бловица, такъ холодно выслушалъ его, что онъ пожалѣлъ даже, что „даромъ предпринялъ такое утомительное и сравнительно опасное путешествіе". Разочарованный Бловицъ рѣшилъ было возвратиться въ Марсель; но Тьеръ, къ которому курьеръ явился, чтобы откланяться, удержалъ его въ Парижѣ и обѣщалъ вознаградить, какъ только все успокоится. По причинѣ своей пронырливости и ловкости, Бловицу удалось первому принести Тьеру извѣстіе о томъ, что федералисты сдались и версальцы вступаютъ въ Парижъ. Бловицъ пространно разсказываетъ, какъ онъ ловко обманулъ американку, которая первая усмотрѣла въ бинокль бѣлый флагъ надъ укрѣпленіями Парижа, и какъ онъ ей велѣлъ сидѣть на мѣстѣ и не спускать съ нихъ глазъ, а самъ, между тѣмъ, помчался къ Тьеру. Въ награду Бловицу предложили мѣсто генеральнаго консула въ Ригѣ. „Я

*) «Федералисты, запершіеся въ зданіи префектуры, не имѣли ни съѣстныхъ припасовъ, ни патроновъ и все равно сдались бы; но генералу Вильбуа было мало полутріумфа. Онъ давалъ свое первое сраженіе въ жизни, и поэтому ему нужна была кровь, а больше всего—шумъ. Въ 11 часовъ дня генералъ приказалъ бомбардировать зданіе съ вершины Notre Dame de la Garde, т. е. на разстояніи 500 шаговъ. Съ форта Св. Николая тоже открыли огонь, который, по неумѣнію версальцевъ, причинилъ, впрочемъ, больше всего вреда осаждающимъ. Въ три часа дня надъ префектурой подняли бѣлый флагъ; но Вильбоа приказалъ продолжать пальбу. Къ пяти часамъ осаждающіе выпустили больше 300 бомбъ. Всѣ федералисты оставили зданіе и сдались, а генералъ все продолжалъ пальбу. Въ половинѣ седьмого вечера, какъ донесъ Вильбоа въ Версаль, онъ повелъ въ атаку моряковъ съ военныхъ кораблей *La Couronne* и *Le Magnanime*. Генералъ говоритъ о молодцоватости атакующихъ, но забылъ прибавить, что въ префектурѣ рѣшительно никого уже не было. Осажденные сдались за $1\frac{1}{2}$ часа до того. Всѣ заложники оказались въ живыхъ; но это не помѣшало генералу устроить жестокую бойню. Тутъ же у стѣнъ префектуры, по указанію Вильбоа, разстрѣляли не меньше ста пятидесяти человѣкъ. Больше девятисотъ плѣнныхъ заключены были въ казематы Шато д'Ифъ и форта Св. Николая». (*Lissagaray*, «Histoire de la Commune», Chap. XIII).

считалъ, что дѣло мое вѣрное,—разсказывалъ Бловицъ,—и принялся знакомиться по книгамъ съ Ригой; но вышло, что Тьеръ обѣщалъ нѣсколько поспѣшно. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго зависѣло назначеніе консуловъ, находился тогда Мэранъ. Онъ ревниво охранялъ министерство и отказался утвердить мое назначеніе. Потомъ Мэранъ предложилъ послать меня въ Рущукъ, но Тьеръ не согласился и настаивалъ на Ригѣ. Такъ прошло два мѣсяца. Тьеръ стоялъ за Ригу, а Мэранъ упрямо предлагалъ болгарскую глушь". Чтобы нѣсколько утѣшить Бловица, ему дали, „въ виду совершенно исключительныхъ заслугъ", орденъ почетнаго легіона. Къ орденамъ и титуламъ Бловицъ питалъ благоговѣніе до самой смерти. Любопытно, что въ своей книгѣ онъ рисуетъ Европу (какъ понималъ ее Бловицъ, т. е. министерства иностранныхъ дѣлъ) своего рода громадной лакейской, гайдуки, швейцары и выѣздные лакеи которой интригуютъ другъ противъ друга.

Бловицу такъ и не пришлось поѣхать ни въ Ригу, ни въ Рущукъ. Нечаянно онъ сталъ сотрудникомъ англійской газеты, не зная англійскаго языка. „21 іюля 1871 г.,—разсказываетъ объ этомъ Бловицъ,—для меня историческій день. Мой другъ Фредерикъ Маршаль предложилъ мнѣ временно замѣнить Хардмэна, помощника Олифанта, спеціальнаго парижскаго корреспондента „Times". Хардмэнъ уѣхалъ тогда на двѣ недѣли изъ Парижа. Такъ какъ Олифантъ не могъ быть одновременно и въ Парижѣ, и въ Версалѣ, то онъ искалъ себѣ помощника. Я видѣлся съ Тьеромъ ежедневно, поэтому Маршаль полагалъ, что изъ меня выйдетъ отличный помощникъ Олифанту". Бловицъ согласился и поѣхалъ сговариваться съ корреспондентомъ. Тогда онъ впервые увидалъ „Times". „Прежде, чѣмъ начну сотрудничать,—сказалъ я Олифанту покажите мнѣ, пожалуйста, что это за газета. Маршаль и Олифантъ удивленно посмотрѣли на меня.

— Какъ!—воскликнулъ Олифантъ,—вы никогда не видали „Times"?

— Представьте, да! По наслышкѣ, конечно, я отлично знаю газету. У меня въ Марселѣ былъ пріятель, который каждую свою политическую рѣчь заканчивалъ такъ: „все, что я сообщилъ вамъ—внѣ сомнѣнія, такъ какъ объ этомъ говорится въ *Таймсѣ*. Но самъ я жилъ въ глуши и никогда не видалъ номера „Times".

Олифантъ расхохотался; потомъ онъ и показалъ мнѣ газету, содержащую двадцать страницъ. Онъ разостлалъ ее на полу, закрывъ такимъ образомъ весь коверъ. Я стоялъ въ оцѣпенѣніи. Олифантъ объяснилъ мнѣ, между тѣмъ механизмъ газетнаго дѣла: телеграммы, передовыя статьи, парламентскіе отчеты, полицейскую хронику, денежный рынокъ, письма къ редактору и пр.". На другой день Бловицъ послалъ свою первую телеграмму. „Черезъ день, вечеромъ, я бродилъ по большимъ бульварамъ и

купилъ нумеръ *Liberté*. Не безъ удовольствія прочиталъ я: „Times'у“ телеграфируютъ изъ Парижа...“ „Въ этотъ моментъ, говоритъ Бловицъ, онъ понялъ, что попалъ, наконецъ, на настоящую дорогу и рѣшилъ остаться въ Парижѣ, чтобы сдѣлаться журналистомъ. Тьеръ былъ онъ очень доволенъ, когда узналъ, что Бловицъ участвуетъ въ „Times“. Ему нужна была поддержка большой, вліятельной газеты, а Бловица Тьеръ считалъ „ручнымъ“. Двѣ въ значительной степени родственныя натуры хитрили другъ предъ другомъ, стараясь воспользоваться простотой или оплошностью одинъ другого. Въ концѣ концовъ перехитрилъ Бловицъ, о чемъ онъ и заявляетъ не безъ самодовольства. Но Тьеръ покуда необходимъ еще былъ Бловицу, и онъ рѣшилъ угодить ему чѣмъ нибудь. Версальское правительство справилось, между тѣмъ, съ коммуной, Англійскія газеты, даже наиболѣе умѣренныя, съ ужасомъ писали о массовыхъ разстрѣливаніяхъ, большею частью, безъ суда. „Счастливы были убитые,—пишетъ историкъ.—Имъ не пришлось испытать судьбу плѣнныхъ. Число ихъ было страшно велико. Версальцы устроили колоссальную облаву и забрали мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, парижанъ и провинціаловъ, французовъ и иностранцевъ. Тутъ были люди различныхъ сословій, различныхъ классовъ. Забирали поголовно населеніе цѣлаго дома или даже цѣлой улицы. Отъ 21 до 30 мая арестовали болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Плѣнныхъ гнали цѣлыми партіями, которыя иногда, какъ въ 1848 г., сковывались вмѣстѣ. Кто отказывался идти, того подгоняли ударами штыка, привязывали къ конскому хвосту, а то просто пристрѣливали. Въ богатыхъ кварталахъ плѣнныхъ, при помощи ударовъ прикладами, заставляли становиться на колѣни предъ церквами. А разъяренная толпа лакеевъ нарядныхъ франтовъ и проститутокъ вопила: „бей ихъ! бей ихъ! не водите больше! Разстрѣляйте ихъ тутъ“! Въ Елисейскихъ поляхъ толпа кинулась на связанныхъ плѣнныхъ, чтобы задушить ихъ... Плѣнныхъ отправили въ Версаль. Галифэ ждалъ ихъ у La Muette. Водя плѣнныхъ по городу, онъ останавливался подъ окнами аристократическихъ клубовъ, чтобы получить апплодисменты. У воротъ Парижа онъ сталъ отбирать свою десятину смерти.

— У васъ интеллигентное лицо,—обращался онъ къ плѣнному,—выйдите изъ рядовъ.

— Вы при часахъ,—говорилъ онъ другому.—По всей вѣроятности, вы были офицеромъ коммуны. Станьте къ сторонѣ. Двадцать шестого мая изъ одной только партіи Галифэ отобралъ, такимъ образомъ, 83 мужчинъ и трехъ женщинъ. Ихъ повели къ валамъ и разстрѣляли. Двадцать восьмого мая онъ обратился къ другой партіи со словами: „Всѣ, у кого сѣдые волосы—выходи впередъ!“ Вышли 111 плѣнныхъ.

— Вы, по всей вѣроятности, участвовали въ іюньскихъ без-

порядкахъ 1848 г.,—сказалъ генералъ,—поэтому, вы болѣе виноваты, чѣмъ остальныя. Разстрѣлять!

„Это было исполнено тутъ же... Оставшихся въ живыхъ погнали дальше между двумя рядами конныхъ солдатъ. Можно было подумать, что это орда завоевателей уводитъ въ плѣнъ цѣлое населеніе города. Тутъ были дѣти, взрослые, солдаты, работники, изящно одѣтые люди. Было также много женщинъ, иныя — въ цѣпяхъ“ *). Въ національномъ собраніи 22 мая 1871 г. Тьеръ сказалъ: „La cause de la justice, de l'orde, de l'humanité, de la civilisation a triomphé“ (справедливость, порядокъ, гуманность и цивилизація восторжествовали). Подобные моменты ужасны еще тѣмъ, что озлобленіе побѣдителей ведетъ къ ожесточенію значительной части населенія.

Подъ Версалемъ плѣнныхъ ждала яростная толпа, состоявшая изъ сливокъ общества, депутатовъ, чиновниковъ, священниковъ. Связанныхъ плѣнныхъ осыпали ударами, въ нихъ швыряли камнями, осколками бутылокъ, комками грязи. Умѣренная французская газета (Siècle) отмѣчаетъ 30 мая 1871 г., что женщины, „не проститутки, а изящныя дамы били плѣнныхъ зонтиками“. Корреспонденты англійскихъ газетъ описывали эти сцены, затѣмъ, такъ называемые суды; и эти статьи производили глубокое впечатлѣніе, крайне не выгодное для версальскаго правительства. Предшественникъ Бловица, человѣкъ очень умѣренный, не отступалъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ товарищей **). Тьеру нуженъ былъ человѣкъ, который далъ бы англійской публикѣ болѣе благопріятные для версальскаго правительства отчеты, и онъ началъ усиленно заискивать предъ Бловицемъ. Корреспонденту дали спеціальное разрѣшеніе посѣтить лагерь плѣнныхъ близъ Версаля. При всемъ желаніи Бловицъ, однако, не могъ помочь Тьеру, такъ какъ былъ только временнымъ корреспондентомъ, но вотъ прошли двѣ недѣли. Возвращеніе Хардмэна въ Парижъ ждали съ часа на часъ. „А новое дѣло, между тѣмъ, страшно заинтересовало меня,—пишетъ Бловицъ. — Я вошелъ во вкусъ. Возвращеніе Хардмэна явилось для меня большимъ ударомъ. Тьеръ составилъ цѣлый планъ, какимъ

---

*) Histoire de la Commune, ch. XXXIII.

**) Двадцать девятаго мая 1871 г. мы читаемъ въ «Times». «Вчера генералъ Галифэ повелъ партію въ шесть тысячъ плѣнныхъ. Въ ихъ исхудалыхъ лицахъ и опущенныхъ глазахъ не свѣтилась даже искра надежды. Повидимому, они приготовились къ худшему. Ихъ волокли, какъ быковъ на убой. Но вотъ Галифэ велѣлъ партіи остановиться у тріумфальной арки. Онъ отобралъ восемьдесятъ пять человѣкъ и велѣлъ ихъ тутъ же разстрѣлять. Затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ онъ велѣлъ разстрѣлять еще двадцать человѣкъ». Въ другой корреспонденціи въ той же газетѣ говорится. «Маркизъ де Галифэ велѣлъ партіи остановиться. Онъ медленно обошелъ ее и указывалъ пальцемъ то на одного, то на другого плѣннаго, приказывая имъ такимъ образомъ выступить изъ рядовъ. Въ большинствѣ случаевъ приказъ испол-

образомъ, черезъ мое посредство, воспользоваться вліяніемъ *Таймса*. Онъ привыкъ къ моимъ ежедневнымъ визитамъ и вызвался просить газету, чтобы она дала мнѣ постоянныя занятія; но противъ такого заступничества высказался Олифантъ. Онъ сказалъ, что рекомендація Тьера произведетъ какъ разъ обратное дѣйствіе, т. е. газета совершенно откажется отъ моихъ услугъ... Рига опять обозначилась предо мною. На этотъ разъ Тьеръ формально обѣщалъ вручить мнѣ паспортъ черезъ недѣлю. Теперь, когда я попробовалъ работать въ газетѣ, Рига казалась мнѣ ссылкой. Я окунулся уже въ новую жизнь, которая была мнѣ страшно заманчива. Попробовалъ я стать французскимъ журналистомъ и послалъ кое-какія статьи въ парижскія газеты. Я скоро убѣдился, что простой талантливости мало, чтобы сдѣлаться французскимъ публицистомъ. Необходимы еще другія качества, которыхъ у меня нѣтъ: крайняя изворотливость, способность уловить вкусъ публики и приспособиться къ ней и пр. Французскій журналистъ долженъ хвастать своимъ вліяніемъ на публику, прежде, чѣмъ добился этого вліянія. Онъ долженъ съ апломбомъ употреблять въ своихъ статьяхъ мѣстоименіе „мы", блестками стиля онъ долженъ умѣть замаскировать скудость фактовъ. Парижскому журналисту слѣдуетъ изучить въ совершенствѣ искусство пусканія пыли въ глаза, чтобы то смѣлостью, то скептицизмомъ отвлечь вниманіе публики отъ нежелательныхъ газетѣ фактовъ. Всѣми этими талантами французскій журналистъ владѣетъ по интуиціи. Я же убѣдился, что подобныхъ качествъ у меня нѣтъ, а безъ нихъ въ парижской газетѣ нельзя преуспѣвать". Правда, дальнѣйшія событія показали, какъ увидимъ дальше, что Бловицъ ошибался въ оцѣнкѣ себя; но тогда онъ былъ огорченъ и рѣшилъ остановиться на Ригѣ. Онъ собрался къ Тьеру, чтобы напомнить ему объ обѣщаніи, но тутъ явился Олифантъ съ вѣстью, что Хардмэнъ въ Парижъ больше не возвратится. „Times" предлагалъ Бловицу постоянное сотрудничество. Тьеръ обрадовался этому не меньше, чѣмъ Бловицъ. Онъ разсчитывалъ, что вліятельная газета теперь у него въ рукахъ;

нялся немедленно. Скоро у стѣны выстроилась цѣлая колонна. Всѣ вызванные, безъ сомнѣнія, знали, что наступилъ ихъ послѣдній часъ. У меня сердце замирало отъ ужаса, но я не могъ оторвать глазъ отъ осужденныхъ. Одинъ изъ нихъ, тяжело уже раненый, облитый кровью, не могъ стоять на ногахъ. Онъ сидѣлъ на землѣ и стоналъ. Два солдата, повидимому, дезертиры, помертвѣли, но владѣли еще собою. Иные улыбались, вызывающе... Было нѣчто ужасное въ этомъ генералѣ, хладнокровно отбирающемъ людей, чтобы разстрѣлять ихъ безъ суда. Вотъ вывели дѣвушку съ гордо поднятой головой. Другая женщина, старуха, повидимому, мать, хорошо одѣтая, упала на колѣни и стала молить о пощадѣ дѣвушки. Галифэ выслушалъ ее, затѣмъ спокойно отвѣтилъ: «Сударыня, я былъ во всѣхъ театрахъ. Ce n'est pas la peine de jouer la comédie»... Отобрали до ста человѣкъ. Ихъ тутъ же разстрѣляли, затѣмъ партія двинулась дальше. Трупы остались неубранными».

но ошибся въ разсчетѣ. Бловицъ скоро перехитрилъ Тьера и между ними наступило охлажденіе. Случилось это такъ. Бловицъ подсмотрѣлъ, что Тьеръ бесѣдуетъ съ посланникомъ первоклассной державы и нѣсколько смущенъ.

— Посланникъ поздравилъ меня съ той дисциплиной, которую я ввелъ въ республиканской партіи—объяснилъ Бловицу Тьеръ.— Можете телеграфировать объ этомъ въ „Times".—Но шустрый корреспондентъ, усмотрѣвъ смущеніе Тьера, усомнился и подождалъ съ телеграммой. Путемъ ловкихъ допросовъ, а главнымъ образомъ, чрезъ одного префекта Бловицъ узналъ, что посланникъ выражалъ Тьеру свое неудовольствіе по поводу зажигательныхъ рѣчей, произнесенныхъ Гамбеттой на югѣ. Въ такомъ смыслѣ Бловицъ и телеграфировалъ въ „Times". „Въ результатѣ былъ настоящій взрывъ. Консерваторы пришли въ восторгъ. Посланникъ негодовалъ. Тьеръ пришелъ въ отчаянье. Онъ вызвалъ меня и крикнулъ: „Я никому не говорилъ о бесѣдѣ съ посланникомъ. Вы подслушали насъ. Вы не смѣли писать объ этомъ". Но вліяніе „Times'а" такъ велико, что на мировую пошелъ прежде всего самъ Тьеръ.

IV.

Бловицъ хотя и постоянно сотрудничалъ въ Таймсѣ, но считался только секретаремъ корреспондента Олифанта. То былъ типичный англичанинъ извѣстнаго круга, глубоко презиравшій все иностранное, въ особенности же—все французское. Франція казалась тогда раздавленной, уничтоженной, угнетенной. А такой англичанинъ, какъ Олифантъ, презираетъ все слабое. „Его настроееніе,—говоритъ Бловицъ,—высказывалось въ отношеніи къ правительству Тьера. Олифантъ не желалъ ѣздить въ Версаль для свиданій съ президентомъ. Встрѣчаясь съ нимъ, корреспондентъ держался надменно, почти вызывающе, а къ словамъ Тьера относился иронически, свысока и съ пренебреженіемъ. Олифантъ наотрѣзъ отказался отъ предложеннаго ему ордена почетнаго легіона, при томъ такимъ тономъ, какъ будто считалъ красную розетку символомъ лакейства". Въ 1873 г. Олифантъ повздорилъ съ газетой, отказавшейся печатать его презрительные отзывы о Франціи и вышелъ въ отставку. „Times" прислалъ другого корреспонденда—Хардмэна, который сталъ „начальникомъ" Бловица. Противъ Хардмэна авторъ записокъ повелъ сложную интригу; но довести ее до конца ему не пришлось: корреспондентъ простудился и умеръ. Бловицу предстояло теперь зарекомендовать себя предъ редакціей какимъ нибудь исключительно ловкимъ ходомъ, такъ какъ охотниковъ занять постъ парижскаго корреспондента „Times'а" явилось много. „Хардмэнъ умеръ въ октябрѣ 1874 г.,—говоритъ Бловицъ.—Какъ только про смерть узнали, то люди изъ

всѣхъ странъ и различныхъ положеній въ обществѣ стали осаждать „Times“ своими просьбами. Въ газетахъ постоянно упоминались имена вѣроятныхъ кандидатовъ. Курьезно то, что обо мнѣ никто не говорилъ. Редакція тоже хранила глубокое молчаніе“. Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Бловицъ продолжалъ посылать корреспонденціи въ „Times“. Но вотъ представился случай отличиться. То было наканунѣ новаго года. Бловицъ недоумѣвалъ, „чѣмъ напитать Минотавра, которому имя спеціальная телеграфная проволока“. Какъ вдругъ въ вечерней газетѣ „Liberté“ онъ прочиталъ коротенькую телеграмму изъ Мадрида о свершившемся pronunciamiento. Мартинезъ Кампосъ провозгласилъ королемъ принца Астурійскаго, жившаго тогда въ Парижѣ (впослѣдствіи Альфонса XII).

То былъ настоящій громовый ударъ. Бловицъ помчался въ испанское посольство, гдѣ посланникъ заставилъ его долго просидѣть въ пріемной. „Я сидѣлъ внизу,—разсказываетъ Бловицъ,—и наблюдалъ всѣхъ приходящихъ и уходящихъ. Мнѣ хотѣлось опредѣлить, много ли телеграммъ получилъ посланникъ изъ заграницы. Когда въ странѣ свершается революція, то до тѣхъ поръ, покуда правительство у власти, его иностранные представители получаютъ много сообщеній по телеграфу. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сочинять бюллетени о побѣдахъ. Но когда положеніе измѣняется и правительство падаетъ, наступаетъ очередь посланниковъ отправлять телеграммы, которыя иногда не достигаютъ до назначенія, а если и достигаютъ, то остаются безъ отвѣта. Сидя въ пріемной испанскаго посланника, я видѣлъ, какъ постоянно выбѣгали курьеры, мчавшіеся на телеграфную станцію; но за все время никто не принесъ ни одной телеграммы. Когда меня наконецъ приняли, то не смотря на ироническое отношеніе посланника къ сообщенію „Liberté“, я почти былъ убѣжденъ, что переворотъ въ Испаніи свершился. Посланникъ сказалъ мнѣ, что въ Мадридѣ дѣлали дѣтскую попытку, которая совершенно не удалась. Нѣсколько солдатъ, которыхъ сейчасъ усмирили, крикнули: „Viva el Rey!“ Вотъ и все. Но въ настоящій моментъ,—продолжалъ посланникъ,—все успокоилось, порядокъ возстановленъ и правительство приняло энергичныя мѣры. Посланникъ совѣтовалъ мнѣ телеграфировать въ „Times“, что попытка возстановить монархію въ Испаніи совершенно не удалась. Въ подобныхъ случаяхъ,—прибавляетъ Бловицъ,—когда дѣло идетъ объ услугѣ своему правительству или о личной пользѣ посланники не остановятся предъ тѣмъ, чтобы съ спокойной совѣстью выбросить за бортъ журналиста и загубить его репутацію, честь и карьеру. Выйдя изъ посольства, я былъ твердо убѣжденъ, что pronuciamiento Мартинеза Кампоса удалась. Поэтому, я рѣшилъ не телеграфировать сообщенія, которымъ меня надѣлилъ посланникъ. Но я не дерзнулъ также писать о перево-

ротѣ, какъ о свершившемся фактѣ. Я не имѣлъ никакихъ доказательствъ". Бловицъ жилъ не далеко отъ Palais de Castille, дворца астурійскаго принца. Возвращаясь домой, корреспондентъ увидалъ, что ворота дворца крѣпко заперты и охраняются полиціей, а у рѣшетки, на улицѣ стоитъ громадная толпа. Въ этой толпѣ были также всѣ репортеры парижскихъ и иностранныхъ газетъ. Присоединиться къ нимъ и сторожить запертыя ворота Бловицъ не нашелъ практичнымъ. Дома онъ вспомнилъ вдругъ, что когда-то его представили въ Версалѣ испанскому сенатору, графу Бануэлосъ. Къ нему Бловицъ поскакалъ немедленно, хотя уже было девять часовъ. Графъ съ семьей собирался на балъ, но Бловицъ зналъ тайну „мертвой хватки" и такъ присталъ къ сенатору, что тотъ поѣхалъ съ нимъ къ принцу Астурійскому. Вслѣдствіе положенія графа Бануэлосъ въ Испаніи, карету впустили въ ворота. Сильный полицейскій нарядъ охранялъ, чтобы вмѣстѣ съ каретой не ворвались во дворъ любопытные и репортеры. Кое-кто изъ нихъ узналъ Бловица, хоть тотъ и забился въ далекій уголъ. „Я слышалъ, какъ кто-то изъ моихъ коллегъ крикнулъ: „Бловицъ сидитъ въ каретѣ!" Раздались протесты, ругательства, но ворота уже захлопнулись, а мы съ графомъ поднимались по лѣстницѣ". Бловицъ добился аудіэнціи. Его ввели въ кабинетъ принца Астурійскаго. Повинуясь инстинкту, Джонатанъ Уайлдъ, стоя на эшафотѣ, вытащилъ изъ кармана священника табакерку. Въ силу того же инстинкта, Бловицъ, очутившись въ кабинетѣ, сталъ рыться на письменномъ столѣ. „На одномъ столѣ лежала карта полушарій, на другомъ, заваленномъ бумагами, находился развернутый томъ Тацита съ отмѣтками по испански на поляхъ. Я принялся списывать нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ". За этимъ занятіемъ засталъ его принцъ Астурійскій. Король Альфонсъ XII далъ, тѣмъ не менѣе, продолжительную аудіенцію корреспонденту, сообщилъ ему какъ текстъ троннаго манифеста, такъ и свою программу. Къ половинѣ двѣнадцатаго Бловицъ возвратился домой, а въ часъ ночи послалъ газетѣ телеграмму въ два столбца (строкъ 400). На другой день всѣ газеты дали только коротенькое сообщеніе изъ Мадрида, тогда какъ „Times" напечаталъ всю исторію переворота, со всѣми подробностями. Англійская газета „побила рекордъ". Черезъ два дня редакторъ прислалъ благодарность Бловицу. „Получивъ это лестное письмо,—продолжаетъ Бловицъ,—я понялъ, что теперь путь къ моему назначенію открытъ". Дѣйствительно, черезъ три недѣли „Times" заявилъ, что его представителемъ въ Парижѣ назначенъ Бловицъ.

Скоро подоспѣлъ другой случай „отличиться" предъ газетой. Характерной особенностью записокъ Бловица является ихъ хвастливый тонъ. Авторъ повѣствуетъ о томъ, что былъ всюду и выслушалъ всѣхъ посланниковъ и министровъ. Всѣ ему открывали свои завѣтные планы. Совѣта Бловица добивались, по его

словамъ, —всѣ сильныя люди. Въ сущности, если вѣрить „Запискамъ“, судьба всей Европы находилась не разъ въ рукахъ шустраго корреспондента. Онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, спасъ даже Францію. Дѣло идетъ о проектѣ Германіи втянуть Францію въ 1875 г. въ большую войну, которая непремѣнно должна была кончиться окончательнымъ разгромомъ республики и сведеніемъ ее навсегда на степень второстепенной державы. Въ изображеніи Бловица Европа представляется громадной лакейской, въ которой всѣ расшитые галунами гайдуки и выѣздные интригуютъ другъ противъ друга. Чтобы подставить сопернику ножку, золоченое населеніе лакейской, по словамъ Бловица, не останавливается даже предъ государственной измѣной.

Заговоръ Германіи противъ Франціи, по словамъ Бловица, составился такимъ образомъ. Бисмаркъ былъ на ножахъ съ Мольтке. Они завидовали одинъ другому. Бисмаркъ считалъ себя создателемъ Германской имперіи, а Мольтке полагалъ, что только при его содѣйствіи удалось преобразовать армію, разгромившую Францію. Мольтке былъ встревоженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Франція быстро оправилась послѣ войны и задумалъ сдѣлать ей новое кровопусканіе. Онъ склонилъ на свою сторону императора Вильгельма. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ. Германія объявляетъ Франціи войну, разбиваетъ ея молодую армію и наводняетъ всю страну. Не останавливаясь, германская армія идетъ къ Парижу, овладѣваетъ холмами вокругъ и, если нужно, разрушаетъ столицу. Послѣ этого Германія диктуетъ Франціи условія мира. Они имѣютъ цѣлью разорить навсегда республику. Франція обязывается уменьшить армію и уплатить десять милліардовъ золотомъ. Она обязывается уплатить эту страшную сумму въ двадцать лѣтъ, а до тѣхъ поръ во всѣхъ главныхъ городахъ стоятъ нѣмецкіе гарнизоны. Франція не имѣетъ права уплатить контрибуцію сразу, т. е., другими словами, имѣлась въ виду продолжительная окупація. Мольтке составилъ свой планъ, не посовѣтовавшись съ Бисмаркомъ. Новая побѣда Германіи повела бы къ тому, что слава Мольтке затмила бы совершенно славу канцлера. И вотъ Бисмаркъ призвалъ на помощь генерала фонъ-Радовица, который на балу въ Берлинѣ сообщилъ о заговорѣ французскому посланнику виконту Гонто-Бирону. Въ результатѣ, черезъ нѣсколько дней, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ призвалъ къ себѣ Бловица и просилъ его „спасти Францію“, раскрывъ весь планъ въ „Times“. И когда Бловицъ попросилъ доказательствъ, Деказъ показалъ ему подробное донесеніе виконта Гонто-Бирона изъ Берлина. Посланникъ прибавлялъ, что фонъ-Радовицъ самъ, по собственной иниціативѣ, конечно, не раскрылъ бы плана. Онъ дѣйствовалъ по приказу кого-то, по всей вѣроятности, Бисмарка. Четвертаго мая 1875 г. появилась въ „Times'ѣ“ статья „Францу-

ское пугало“, въ которой со всѣми подробностями изложенъ заговоръ Германіи. Статья произвела всюду страшное впечатлѣніе. О тайныхъ замыслахъ Германіи знали при иностранныхъ дворахъ, но молчали. Теперь, когда все появилось въ печати, молчать уже нельзя было. Германія поспѣшила, конечно, опровергнуть сообщеніе „Times'a“. Весь планъ, разработанный такъ подробно, лопнулъ, какъ мыльный пузырь. Нѣкоторые государственные дѣятели,—говоритъ Бловицъ,—приписывали себѣ потомъ честь спасенія Франціи отъ разгрома. Въ сущности же, раскрылъ все онъ, корреспондентъ, да еще Бисмаркъ, которому не хотѣлось возвышенія Мольтке.

Вообще, въ той сферѣ, которую описываетъ Бловицъ, очень любятъ заговоры и сочиняютъ ихъ, если таковыхъ въ наличности не имѣется. Вотъ, напр., исторія одного заговора. Бловицъ разъ явился въ Трувиль къ Тьеру и засталъ тамъ всѣхъ въ большой ажитаціи. „Вчера, — сказалъ мнѣ Тьеръ, понизивъ голосъ до шепота, — было 15 августа, день рожденія Наполеона III. Шайка заговорщиковъ воспользовалась этимъ, подъѣхала къ берегу какъ разъ въ то время, когда я имѣю привычку гулять тамъ и крикнула: „Да здравствуетъ императоръ!“ Затѣмъ, повертѣвшись у берега и убѣдившись въ моемъ отсутствіи, заговорщики возвратились на яхту, которая ждала ихъ на рейдѣ. Очевидно, заговорщики хотѣли схватить меня и увезти на корабль. Вы посмотрите только, какія послѣдствія это можетъ имѣть! Національное собраніе закрыто теперь по случаю вакацій. Очевидно, заговорщики имѣютъ всюду во Франціи сообщниковъ, которые дожидались лишь моего плѣненія для возстанія. Несомнѣнно, повстанцы постарались бы завладѣть всѣми крѣпостями „съ цѣлью возстановить имперію“. Тьеръ просилъ Бловица, чтобы онъ немедленно написалъ о раскрытомъ заговорѣ въ „Times“ и показалъ ему предварительно статью. Все дѣло свелось къ проказѣ группы подвыпившей золотой молодежи. Она плотно покушала на яхтѣ и еще болѣе основательно выпила. Затѣмъ пьяные поѣхали кататься на лодкѣ. Выпито было такъ много, что кто то забылъ, что Наполеона уже нѣтъ. Молодой человѣкъ крикнулъ: „да здравствуетъ императоръ!“ Затѣмъ вся компанія возвратилась на яхту. Вотъ въ чемъ состоялъ весь заговоръ, такъ подробно изложенный Тьеромъ. Черезъ двѣ недѣли золотую молодежь, не помнившую ничего, привлекли къ суду... за нарушеніе общественной тишины и присудили къ коллективному штрафу въ 16 франковъ. „Но Тьеръ получилъ поздравительныя телеграммы отъ правительствъ всѣхъ странъ и былъ счастливъ,—прибавляетъ Бловицъ.—Онъ зналъ, что правитель, желающій усидѣть на мѣстѣ, долженъ увѣрить народъ въ существованіи заговоровъ“ *).

*) My Memoirs, p.p. 57—72.

V.

Наступилъ берлинскій конгрессъ. Это время, выражаясь, словами Фильдинга, — „Fortune at his birth had resolutely ordained for the consummation of our hero's Greatness“ (Фортуна избрала при рожденіи героя, какъ день, тогда величіе героя должно проявиться вполнѣ). Во время берлинскаго конгресса Бловицъ свершилъ подвигъ, имѣющій много общаго съ дѣяніями Джонатана Уайлда, но имѣвшій для корреспондента „Times'a“ не тѣ послѣдствія, что для героя Фильдинга. До сихъ поръ англійскія газеты ставятъ своимъ корреспондентамъ въ примѣръ Бловица, какъ недосягаемый идеалъ въ своемъ родѣ. Самъ Бловицъ сознаетъ величіе свершеннаго имъ подвига и разсказываетъ о немъ въ назиданіе потомству. „По мнѣнію всѣхъ, — говоритъ Бловицъ, — обнародованіе Таймсомъ берлинскаго трактата въ тотъ самый часъ, когда документъ былъ подписанъ въ Берлинѣ, признается величайшимъ подвигомъ, когда либо свершеннымъ журналистомъ. Такъ какъ это сдѣлалъ я, то хочу посвятить факту особую главу... Мною руководитъ теперь не тщеславіе, но профессіональный долгъ. Читатель долженъ знать, съ какимъ трудомъ и съ какими усиліями добыты тѣ свѣдѣнія, которыя онъ равнодушно утромъ пробѣгаетъ за завтракомъ. Обыкновенный читатель полагаетъ, что рѣдкій документъ можно выпросить или купить. Если бы дѣло стояло только за деньгами, то наполнять газету сенсаціонными извѣстіями было бы очень легко. Богатыя газеты охотно покупали бы ихъ на вѣсъ золота, а остальные журналы просто перепечатывали бы извѣстія, не называя источника. Дѣло не въ деньгахъ. Купленные документы, большею частью, подложны. Тѣ въ рукахъ которыхъ находятся цѣнныя свѣдѣнія, не имѣютъ ни права, ни желанія продавать ихъ. Я разскажу, поэтому, исторію одного документа, для пріобрѣтенія котораго потребовались не только деньги, но долгія предварительныя подготовленія. Чтобы овладѣть этимъ драгоцѣннымъ документомъ, потребовалось не только устраненіе всѣхъ препятствій, но пришлось сбить еще всѣхъ другихъ журналистовъ, которые тоже гнались за тою же дичью. Я обязанъ дать всѣ подробности, чтобы не унести съ собою въ могилу дѣяніе, составляющее достояніе исторіи современной журналистики“.

Памятуя раскрытіе заговора Германіи противъ Франціи, Бловицъ колебался, ѣхать ли ему въ Берлинъ или нѣтъ. Онъ боялся, что тамъ его встрѣтятъ очень холодно и не дадутъ никакихъ свѣдѣній. На делегатовъ иностранныхъ державъ нечего было разсчитывать. „Уполномоченный Франціи былъ робокъ, англійскіе дипломаты, по принципу, не сообщаютъ ничего журналистамъ, русскіе дипломаты не довѣряли представителю англійской газеты; австрійцы, страшась Германіи и Россіи, молчали, какъ нѣ-

мые. Что же касается турецкихъ дипломатовъ, то они боялись даже собственной тѣни. Обдумавъ и взвѣсивъ все это, — продолжаетъ Бловицъ, — я увидѣлъ, что въ Берлинѣ я страшно оскандалюсь и загублю собственную карьеру, которую началъ съ такимъ успѣхомъ и блескомъ".

Новый Лазарильо изъ Тормесъ, поэтому, рѣшилъ, что нужно дѣйствовать „дипломатически". У него въ запасѣ имѣлся одинъ изъ тѣхъ международныхъ проходимцевъ, которыхъ въ изобиліи встрѣчаетъ туристъ въ Турціи и на всемъ сѣверномъ берегу Африки. Эти проходимцы всегда отлично одѣты, очень развязны, говорятъ на всѣхъ языкахъ и въ Константинополѣ, Каирѣ, Тунисѣ и Танжерѣ осаждаютъ туриста всякими предложеніями, большею частью, крайне щекотливаго характера. Господа эти щеголяютъ великолѣпными усами и сверкаютъ ослѣпительными зубами. Это, по всей вѣроятности, прямые потомки Мулей-Гассана, ловкаго пройдохи, выведеннаго Шиллеромъ въ „Заговорѣ Фіеско въ Генуѣ". Какъ ихъ предокъ, они могли бы, если бы понадобилось, „представить свидѣтельство всѣхъ мошенническихъ цеховъ отъ мельчайшихъ до самыхъ крупныхъ". Такого Муллей-Гассана, изящнаго, ловкаго и отличнаго лингвиста, Бловицъ послалъ съ рекомендаціями въ Берлинъ и наказалъ втереться писаремъ къ одному изъ дипломатовъ. Новый Мулей-Гассанъ фигурировалъ, какъ состоятельный молодой человѣкъ изъ хорошаго общества, ищущій поля почетной дѣятельности. Служить онъ долженъ былъ безъ жалованья. Бловицъ не сообщаетъ, воскликнулъ ли агентъ, когда корреспондентъ далъ ему инструкціи, какъ мавръ у Шиллера: „По рукамъ, Лаванья! я вашъ! Пользуйтесь мною, для чего вамъ угодно... Я готовъ на всякія порученія". Вмѣсто этого, Бловицъ, вспомнивъ, что онъ добрый католикъ, пускается въ философическія умствованія. „Я вѣрю въ безпрерывное вмѣшательство Верховной Силы, не только направляющей нашу судьбу, но руководящей также нашими дѣйствіями, имѣющими вліяніе на судьбу. Когда я вижу, что въ природѣ нѣтъ случайнаго и что непреложные законы управляютъ каждымъ движеніемъ; когда я убѣждаюсь, что даже слабое мерцаніе на небосклонѣ закономѣрно, — я не могу себѣ представить, что человѣческимъ родомъ правитъ случай. Больше того, дѣйствіе каждаго индивидуума, входящаго въ составъ общества, опредѣлено заранѣе. Великіе люди, попадающіе въ исторію, подобны планетамъ, названія которыхъ намъ извѣстны. Они выдѣляются изъ безчисленной толпы простыхъ смертныхъ, какъ яркія звѣзды среди мелкихъ свѣтилъ, не имѣющихъ названія. Судьбы планетъ намъ извѣстны. Мы можемъ опредѣлить, когда на горизонтѣ снова появится комета. Мы знаемъ, что мельчайшая звѣзда повинуется непреложнымъ законамъ, управляющимъ вселенной. Точно такъ какъ кометы,—безпрерывно появляются, въ измѣнившихся обстоятельствахъ и подъ

различными именами, великіе люди, избѣгшіе забвенія. Моисей—снова появился, какъ Конфуцій, Гусъ—возрожденный Магометъ, Киръ возвратился на землю, какъ Юлій Цезарь, а потомъ, какъ Наполеонъ. Атилла воскресъ, какъ Петръ Великій, а Фридрихъ II, какъ Бисмаркъ. Людовикъ Святой пришелъ второй разъ на землю, какъ Филиппъ VII, а Катилина, какъ Буланжэ. Только Карлъ Великій да Іоанна д'Аркъ не возродились еще. Все повинуется опредѣленнымъ законамъ. Каждый человѣкъ властелинъ своей собственной судьбы лишь потому, что воленъ отказаться или принять положеніе, предопредѣленное свыше. Придерживаясь этой теоріи, я пытался всегда угадать намѣреніе Верховной Силы, управляющей нашими дѣйствіями". Философія эта по глубинѣ и оригинальности напоминаетъ знаменитые афоризмы: „Смотри вдаль—увидишь даль. Смотри въ небо—увидишь небо. Но, взглянувъ въ маленькое зеркальце, увидишь только себя... Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?.. Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія" и т. д. Но не въ томъ дѣло. Любопытно, что вся эта философія понадобилась для того, чтобы объяснить наемъ шпіона. Бловицъ не просто послалъ въ Берлинъ своего Муллей-Гассана съ цѣлью выкрасть документы; нѣтъ, онъ „угадалъ намѣреніе Верховной Силы", предопредѣлившей, что новому Лазарильо изъ Тормесъ надлежитъ прославиться. Мулей Гассанъ (Бловицъ не даетъ его имени, поэтому, для краткости, стану такъ называть тайнаго агента) уѣхалъ въ Берлинъ, снабженный деньгами и рекомендаціями. Черезъ нѣсколько недѣль поѣхалъ и Бловицъ. Прибылъ онъ въ Берлинъ 11 іюня 1878 г., за два дня до начала конгресса. Приняли корреспондента любезно, но, какъ онъ предвидѣлъ, ему не дали никакихъ свѣдѣній. „Уѣзжая изъ Парижа,—пишетъ Бловицъ,—я сказалъ германскому дипломату: въ Парижѣ и рыба болтлива, а въ Берлинѣ нѣмы даже попугаи". Оказалось, что я не ошибся". Засѣданія конгресса должны были происходить въ глубокой тайнѣ. Бисмаркъ просилъ делегатовъ, не давать корреспондентамъ никакихъ свѣдѣній. „13 іюня конгрессъ открылся. Безчисленные журналисты, съѣхавшіеся въ Берлинъ, бродили по Вильгельмштрассе, какъ осужденныя души. У нихъ оставалась слабая надежда на то, что, быть можетъ, удастся уловить хоть какой-нибудь слухъ. Настроеніе корреспондентовъ было удрученное". Ночью Бловицъ свидѣлся съ своимъ Муллей-Гассаномъ, которому удалось втереться въ канцелярію къ одному изъ дипломатовъ. Такъ какъ за всѣми канцеляристами внимательно слѣдили, то явился вопросъ, какимъ образомъ Мулей-Гассанъ можетъ передавать своему хозяину добытыя свѣдѣнія. Сперва остановились было на томъ, что Мулей Гассанъ будетъ бросать записки въ спущенное окно кареты Бловица, но потомъ напали на болѣе простой и болѣе безопасный способъ. Всѣ журналисты и дипломаты обѣдали въ одномъ

и томъ же ресторанѣ. Мулей-Гассанъ приходилъ тоже туда и оставлялъ на вѣшалкѣ свой цилиндръ, въ подкладкѣ котораго находились замѣтки. Бловицъ, уходя изъ ресторана, надѣвалъ цилиндръ своего шпіона и оставлялъ свой. Оффиціально хозяинъ и шпіонъ показывали видъ, что не знакомы другъ съ другомъ. Замѣтки были всегда очень лаконичны, но тутъ на помощь являлась пронырливость Бловица и собачье чутье его. Такъ, напримѣръ. Разъ въ подкладкѣ Бловицъ нашелъ записку. „Узналъ не особенно много. Горчаковъ произнесъ забавную рѣчь. Она заканчивалась такъ: „Россіи болѣе желательны военные лавры, чѣмъ масличная вѣтвь мира“. „Съ этой фразой,—разсказываетъ Бловицъ,—я отправился къ дипломату, который былъ восторженнымъ поклонникомъ стараго канцлера. Бесѣда наша началась незначительными фразами, но затѣмъ я свернулъ ее на засѣданія конгресса.

— Кажется, нѣкоторые члены конгресса,—сказалъ я,—подняли на смѣхъ рѣчь князя Горчакова, въ особенности заключительныя слова: „Россія и пр.“ Дипломатъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Глумиться нечего,— сказалъ онъ.— Вы не должны повторять чужихъ насмѣшекъ. Рѣчь канцлера была очень умная, хотя и кажется вычурной и претенціозной. Онъ желалъ установить вотъ что.—Тутъ дипломатъ привелъ нѣсколько мѣстъ изъ рѣчи Горчакова. Я заглянулъ еще къ двумъ дипломатамъ, и въ полночь могъ послать въ Лондонъ рѣчь почти цѣликомъ.—Появленіе ея въ „Times'ѣ“ смутило Бисмарка. Онъ былъ убѣжденъ, что Бловицъ подслушалъ Горчакова, спрятавшись подъ столомъ. Отъ своего Мулей-Гассана, такимъ же образомъ, Бловицъ узналъ объ осложненіяхъ по поводу границъ Болгаріи. „Таймсъ“ раньше другихъ газетъ, именно 22 іюня напечаталъ телеграмму о томъ, что Англія пришла къ предварительнымъ соглашеніямъ съ Россіей по поводу болгарскаго вопроса. Этотъ вопросъ одно время такъ осложнился, что засѣданія конгресса прекратились. Лордъ Биконсфильдъ заказалъ на понедѣльникъ 24 іюня 1878 г. спеціальный поѣздъ, чтобы уѣхать изъ Берлина. По всей вѣроятности, съ его стороны это была ловкая военная хитрость. Отъѣздъ Биконсфильда имѣлъ бы гибельныя послѣдствія. Весь міръ слѣдилъ за конгрессомъ. 21 іюня я узналъ въ полночь, что Англія пришла къ соглашенію съ Россіей и немедленно телеграфировалъ объ этомъ. Такимъ образомъ, я предупредилъ страшный крахъ на биржѣ, который послѣдовалъ бы, когда стало бы извѣстно, что Биконсфильдъ заказалъ спеціальный поѣздъ“.

Но вотъ Мулей-Гассанъ возбудилъ подозрѣнія, и долженъ былъ поспѣшно оставить не только Берлинъ, но даже Европу. Бловицъ щедро снабдилъ его деньгами и отправилъ въ Австралію, гдѣ онъ живетъ до сихъ поръ. Приближалось время закрытія конгресса; но Бловицъ не унывалъ. Первый Мулей-Гассанъ

нашелъ второго, очень вліятельнаго, который обѣщалъ достать корреспонденту проектъ трактата. „Теперь мнѣ приходилось преодолѣть два препятствія,—пишетъ Бловицъ.—Во-первыхъ, конгрессъ закрывался 13 іюля, въ субботу. Трактатъ мнѣ былъ необходимъ 12-го, чтобы онъ могъ появиться въ газетѣ 13-го, такъ какъ по воскресеніямъ англійскія газеты не выходятъ. Въ понедѣльникъ было бы уже поздно. Во-вторыхъ, мало было достать трактатъ. Для меня важно было также, чтобы другіе журналисты не имѣли его. Нѣмецкія газеты злились на Бисмарка за то, что онъ не принялъ ихъ представителей. Я разсчиталъ, что канцлеръ дастъ имъ трактатъ, чтобы успокоить ихъ. Если документъ появится въ нѣмецкихъ газетахъ въ субботу, то я потерплю пораженіе. Я былъ въ отчаяніи. Какъ помѣшать Бисмарку? Какъ протелеграфировать трактатъ въ Лондонъ? Изъ Берлина нельзя было. Изъ Парижа было бы поздно. Остановился я на Брюсселѣ". Обманувъ бельгійскаго посланника, Бловицъ досталъ отъ него разрѣшеніе послать изъ Брюсселя „во всякій часъ ночи" большое сообщеніе. Я не стану описывать здѣсь стратагему, придуманную Бловицемъ для того, чтобы никто изъ его товарищей не получилъ трактата въ пятницу. Новый Мулей-Гассанъ былъ ловкій человѣкъ и въ пятницу вечеромъ выкралъ еще не подписанный документъ, вручилъ его Бловицу, который немедленно отправился въ Брюссель, притворившись крайне удрученнымъ, что не можетъ достать проектъ трактата. Даже другой корреспондентъ „Times'a" (извѣстный знатокъ Россіи Мекензи Уоллэсъ) не зналъ объ успѣхѣ Бловица. Только когда поѣздъ тронулся, товарищи Бловица по газетѣ узнали это. „И тогда наше отдѣленіе огласилось радостнымъ „ура"! Въ три часа ночи пріѣхали въ Брюссель. На телеграфной станціи отказались было принять телеграмму, когда убѣдились, что это важный дипломатическій документъ, но Бловицъ показалъ разрѣшеніе, добытое обманомъ отъ бельгійскаго посланника въ Берлинѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда въ Берлинѣ делегаты подписывали трактатъ, телеграмма изъ Лондона возвѣстила, что „Times" напечаталъ уже 64 §§ документа, вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ. „Въ Берлинѣ телеграмма вызвала страшную сенсацію". Немедленно стали искать, кто выкралъ копію; но Мулей-Гассанъ не открытъ до сихъ поръ. Бловицъ не только гордится своимъ подвигомъ. Онъ излагаетъ дѣло такъ, что выходитъ, будто имъ оказаны человѣчеству величайшія услуги. Читатель нѣсколько недоумѣваетъ и ставитъ вопросы: почему именно важно, что трактатъ опубликованъ не въ воскресенье, а въ субботу? Почему важность уменьшилась бы, если бы проектъ появился въ субботу не только въ „Times", но, напр., еще въ какой-нибудь нѣмецкой газетѣ? Похвальба Бловица дѣятельностью своихъ Мулей-Гассановъ не знаетъ границъ.

VI.

Бловицъ признаетъ только одну сферу — дипломатическую. Въ этомъ мірѣ онъ вращался постоянно и изучилъ всѣ лазейки, всѣ закоулки. Судьба милліоновъ людей, если вѣрить Бловицу, зависитъ отъ каприза, отъ мелкой зависти одного лица, или отъ того, что дипломату N дали зеленую тряпочку, когда онъ разсчитывалъ на красную, и пр. Я привелъ разсказъ Бловица, почему не удался заговоръ Германіи противъ Франціи. Посмотримъ теперь, почему Франція не заняла Египта. Если вѣрить Бловицу, причины эти еще болѣе ничтожны, чѣмъ тѣ, которыя повели къ раскрытію комплота Мольтке: все дѣло въ томъ, что Фрейсинэ хотѣлось имѣть портфель военнаго министра, а его хотѣли сдѣлать министромъ иностранныхъ дѣлъ. „Египетскій вопросъ,—пишетъ Бловицъ,—мѣшавшій въ теченіе двадцати лѣтъ установленію добрыхъ отношеній между Франціей и Англіей, грозившій одно время войной, вопросъ, который долго еще будетъ стоять на политическомъ горизонтѣ, какъ страшный призракъ раздора,—явился послѣдствіемъ одного крайне ничтожнаго обстоятельства. Если Франція не заняла Египта, то только вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія министерскихъ портфелей".

4-го ноября 1881 г. образовалось министерство Гамбетты, повѣствуетъ Бловицъ. Сторонникъ перваго министра Фрейсинэ желалъ получить портфель военнаго министра, чтобы поправить свою репутацію, подмоченную во время франко-прусской кампаніи. „Я желаю занять этотъ постъ,—сказалъ Фрейсинэ Бловицу,— потому, что онъ мнѣ абсолютно необходимъ. Враги такъ часто обвиняли меня въ 1871 г. въ полной бездарности, что я желаю теперь защитить мою честь и показать, что я патріотъ. Но Гамбетта предложилъ Фрейсинэ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Фрейсинэ отказался. „На этомъ посту,—сказалъ онъ,—я былъ бы только орудіемъ въ рукахъ Гамбетты, который, въ дѣйствительности, управлялъ бы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ обѣщали портфель военнаго министра, и я хочу получить его". Послѣдствія были не менѣе серьезны, чѣмъ послѣ ссоры Ахила съ Агамемнономъ изъ-за греческой плѣнницы. Фрейсинэ не простилъ Гамбеттѣ, хотя Бловицъ пытался примирить ихъ. Черезъ нѣсколько недѣль кабинетъ палъ, потерпѣвъ пораженіе при обсужденіи scrution de liste. Во главѣ новаго министерства сталъ Фрейсинэ. Это страшно обидѣло Гамбетту, потому что Фрейсинэ обѣщалъ ему, что не будетъ премьеромъ. Гамбетта сталъ въ оппозицію и изъ мести возставалъ рѣшительно противъ каждой мѣры, предложенной Фрейсинэ.

„Я никогда не прощу ему, сказалъ,—по утвержденію Бловица,— Гамбетта. „И въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ яростно нападалъ

на каждый билль, внесенный Фрейсинэ. 29 іюля 1882 г. парламентъ обсуждалъ крайне важный вопросъ: должна ли Франція занять Египетъ вмѣстѣ съ Англіей, или нѣтъ. Фрейсинэ склонялся къ тому, что слѣдуетъ дѣйствовать заодно съ Великобританіей. Изъ духа противорѣчія Гамбетта рѣзко напалъ тогда на премьера. Онъ произнесъ блестящую и жгучую рѣчь и при помощи Клемансо разбилъ въ тотъ же вечеръ министерство. Кабинетъ палъ. Гамбетта и его партія были отомщены. Черезъ годъ послѣ этого,—продолжаетъ Бловицъ,—я бесѣдовалъ въ Римѣ съ кардиналомъ Джакобини.

— Скажите мнѣ,—спросилъ онъ внезапно,—почему Франція отказалась занять Египетъ вмѣстѣ съ Англіей?

„Я разсказалъ кардиналу исторію портфеля и доказалъ, что если бы Фрейсинэ предложили постъ военнаго министра, то Франція владѣла бы теперь Египтомъ совмѣстно съ Великобританіей. По губамъ кардинала скользнула улыбка, и онъ произнесъ по-итальянски: „малыя причины имѣютъ великія послѣдствія".

По приведеннымъ выдержкамъ читатели могли уже судить о хвастливости Бловица. Если вѣрить ему, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ. Ему Альфонсъ XII поручилъ извѣстить Европу о курсѣ, который возьметъ новая монархія. Бловицу раскрывалъ свои планы Бисмаркъ. Тьеръ и Гамбетта просили совѣта у ловкаго корреспондента. Бловицъ, въ нѣкоторомъ родѣ, распредѣлялъ портфели. Съ нимъ совѣтовался о судьбахъ Турціи султанъ Абдулъ-Гамидъ. Въ изображеніи Бловица султанъ выходитъ просвѣщеннымъ и мудрымъ правителемъ, отнюдь не относящимся враждебно даже къ либеральнымъ реформамъ. „Люди, утверждающіе, что Турція—неизлѣчимый больной,—намѣренно клевещутъ,—сказалъ Абдулъ-Гамидъ Бловицу.—Мы нуждаемся въ реформахъ нашей финансовой системы, нашихъ законовъ и администраціи. Я уже сдѣлалъ кое что. Мое правительство уже давно не заключало никакихъ новыхъ займовъ; я принялъ мѣры къ погашенію государственнаго долга... Въ Европѣ ошибаются, когда говорятъ, что я—врагъ свободы. Я знаю, что государство не можетъ отставать отъ общаго прогресса; но чрезмѣрная свобода такъ же опасна, какъ и отсутствіе ея... Мы желаемъ подготовить нашу страну къ принятію свободныхъ учрежденій. Я сдѣлалъ многое въ этомъ отношеніи: завелъ новыя школы, улучшилъ старыя. Образованіе лучше всего подготовляетъ народъ къ воспріятію свободы". Читатели, которые вспомнятъ рѣзню въ Арменіи и Константинополѣ, придутъ, вѣроятно, къ заключенію, что взглядъ Абдула-Гамида на то, какъ подготовлять народъ къ конституціи—нѣсколько своеобразный. Бловицъ, по его словамъ, не только выслушивалъ султана, но и давалъ ему практическіе совѣты, какъ лучше править Турціей. „Я убѣжденъ,—сказалъ Бловицъ Абдулу-

Гамиду, — что всѣ недуги, отъ которыхъ страдаетъ Турецкая имперія, могутъ быть легко исцѣлены. На пути къ исцѣленію два препятствія: во-первыхъ, то, что все зависитъ отъ единой воли вашего величества. Вамъ необходимо поступиться частью абсолютизма. Второе затрудненіе заключается въ томъ, что подданные вашего величества должны согласиться на нѣкоторое сокращеніе власти падишаха. Дѣло въ томъ, что сановники, сила которыхъ зависитъ отъ вашей абсолютной власти, по всей вѣроятности, возстанутъ противъ проекта конституціи. При представительномъ правленіи эти сановники, которые теперь безконтрольны, должны были бы отвѣчать предъ парламентомъ. Тогда они не могли бы сваливать всю отвѣтственность за свои поступки на ваше величество, какъ теперь. Если вы, ваше величество, могли бы организовать комитетъ, который былъ бы въ силахъ провести реформы, Турція возродилась бы. Ваше величество держите въ рукахъ всю свободу, потому что ваша воля выше всего. Если бы вы, мало-по-малу, передали эту волю странѣ, то она быстро пошла бы впередъ". Султанъ, по словамъ Бловица, вполнѣ согласился съ этимъ. Послѣ описаннаго свиданія произошли „реформы" въ Арменіи, Константинополѣ и въ Македоніи!

Откровенничалъ съ Бловицомъ даже Бисмаркъ. „Санъ-Стефанскій договоръ,—сказалъ онъ разъ, когда бесѣдовалъ съ корреспондентамъ „по душамъ",—одна изъ величайшихъ ошибокъ въ современной исторіи. Игнатьевъ сдѣлалъ промахъ, котораго не свершилъ бы настоящій государственный дѣятель. Онъ забралъ все, что могъ взять. Когда непріятель побѣжденъ и ему наступили на шею, его не трудно заставить отдать все... Но слѣдуетъ думать о послѣдствіяхъ побѣды. Если бы Германія, слѣдуя примѣру Игнатьева, забрала бы въ 1866 г. у Австріи территорію, она не была тѣмъ, что теперь.

„При этихъ словахъ,—продолжаетъ Бловицъ,—я посмотрѣлъ Бисмарку прямо въ глаза. Онъ угадалъ мою мысль.

— Я знаю, что вы думаете теперь о франко-прусской войнѣ. Но въ 1871 г. я поступилъ согласно взгляду, высказанному только что. Франція тогда была у насъ въ рукахъ. Мы завладѣли Парижемъ. Возстаніе коммунаровъ подготовлялось. Все было разгромлено. Слѣдуй я примѣру Игнатьева, я долженъ былъ бы потребовать Пикардію и Шампань. Меня убѣждали, что слѣдуетъ отнять и Бельфоръ, и Мэцъ.—Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—Бельфоръ долженъ остаться у Франціи. Я колебался даже, взять ли Мэцъ, видя отчаянье Тьера. Но, знаете, въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе требованія военныхъ. Я долженъ былъ подчиниться Мольткэ, который все время твердилъ мнѣ: „если Мэцъ останется за Франціей, то намъ придется содержать на границѣ на сто тысячъ солдатъ больше". Мнѣ пришлось уступить. Бловицъ передаетъ разсказъ Бисмарка о переговорахъ съ Тьеромъ и Жюлемъ Фавромъ

— Мы обсуждали вопросъ, по поводу котораго не могли придти къ соглашенію. Тьеръ упорно стоялъ на своемъ. Жюль Фавръ былъ краснорѣчивъ и трагически жестикулировалъ; дѣло не подвигалось ни на шагъ. Тогда я вдругъ заговорилъ съ ними по нѣмецки. Тьеръ изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Вы знаете, что мы не понимаемъ по нѣмецки,—сказалъ онъ.

— Конечно, знаю,—отвѣтилъ я по французски. — Я говорю съ людьми, съ которыми, по моему мнѣнію, можно сголковаться, на ихъ языкѣ. Но когда вижу, что аргументы не дѣйствуютъ, то начинаю говорить на моемъ собственномъ языкѣ. Вы лучше пошлите за переводчикомъ.—Результаты были слѣдующіе. Жюль Фавръ трагически поднялъ руки, какъ бы призывая небо въ свидѣтели, затѣмъ бросился въ кресло, стоявшее въ углу и закрылъ лицо руками. Тьеръ яростно посмотрѣлъ сверхъ очковъ, схватилъ перо и нервно сталъ царапать имъ. „Тьеръ и Ж. Фавръ уступили“. Разсказъ этотъ плохо вяжется съ утвержденіемъ Бисмарка, что съ побѣжденнымъ непріятелемъ слѣдуетъ поступать гуманно и не отнимать всего. Бисмаркъ, какъ говоритъ самъ Бловицъ, терпѣть его не могъ,—въ особенности, послѣ кражи трактата. Канцлеръ, тѣмъ не менѣе, давалъ корреспонденту interview, продолжавшіяся нѣсколько часовъ, потому что „Times“— могучая сила.

Въ „плутовскихъ романахъ“ коллекція женскихъ типовъ обыкновенно очень велика. Однѣ изъ нихъ обращаются за помощью къ герою; другія пытаются его обмануть, третьихъ онъ самъ обманываетъ. Жиль Блазъ, напр., спасаетъ прекрасную донью Менціа де Москера изъ разбойничьей пещеры; въ Вальядолидѣ онъ становится потомъ жертвой хитрой авантюристки. Въ „Запискахъ“ Бловица такихъ романическихъ приключеній тоже очень много. Мы находимъ здѣсь рядъ вводныхъ исторій, совсѣмъ какъ въ „Жиль Блазѣ“, „Alva“, „The Revenge of Venus“ и пр. И героини этихъ исторій все княгини и принцессы, всѣ прекрасны, хотя однѣ изъ нихъ коварны, какъ демоны, а другія— добры, какъ ангелы. Въ „Запискахъ“, кажется, нѣтъ ни одного лица, у котораго не было бы громкаго титула. Исключеніе составляетъ одинъ только авторъ, у котораго только скромный префиксъ „де“.

Я не сказалъ еще ни слова про наружность Бловица. Видѣлъ я его разъ, въ театрѣ. Нужно себѣ представить маленькаго человѣчка, почти карлика (въ газетныхъ кружкахъ его называли „великимъ маленькимъ человѣкомъ“, the Great-Little Man), страшно толстаго. на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ, съ громадною головой —На широкомъ, жирномъ лицѣ, украшенномъ „дипломатическими“ баками, поражали странные рачьи глаза и толстая, оттопыренная нижняя губа. Коммическое впечатлѣніе производила

какая-то особая франтоватость и молодцоватость Бловица. И этотъ пыхтящій и фыркающій отъ жира человѣчекъ, съ длиннымъ туловищемъ на коротенькихъ, кривыхъ ножкахъ, былъ, какъ онъ говоритъ въ „Запискахъ", героемъ многочисленныхъ романическихъ приключеній. Иныхъ прекрасныхъ дамъ онъ спасалъ; коварные планы другихъ онъ распутывалъ и выводилъ интриганокъ (все принцессъ и княгинь!) на чистую воду. Изъ многихъ вводныхъ исторій, приведенныхъ въ „Запискахъ" я для примѣра возьму одну: „Alva". Бловицъ разъ познакомился въ Парижѣ съ прекрасной и таинственной герцогиней Марса Шамиль (Chamil). Какъ человѣкъ основательный, онъ прежде всего навелъ справки у хозяина гостиницы, гдѣ остановилась герцогиня. Рекомендаціи оказались самыя лучшія: герцогиня дѣлала большія закупки, платила аккуратно по счетамъ, получала правильно деньги въ банкѣ. Послѣ такихъ справокъ, Бловицъ постарался ближе познакомиться съ герцогиней. Но какъ хороша она ни была, ее затмѣвала своей ослѣпительной красотой ея дочь—Альва. Дѣвица была умна, говорила по французски, англійски, нѣмецки, испански, и даже по-русски. Чѣмъ больше узнавалъ Бловицъ дамъ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ нимъ. И вдругъ хозяинъ гостиницы, снабжавшій раньше Бловица свѣдѣніями относительно его дамъ, сообщаетъ ему, что онѣ перестали платить по счетамъ. Причины герцогиня повѣдала сама корреспонденту. Альва—не ея дочь; она родилась отъ дочери владѣтельной особы и капитана гвардіи. Герцогиня—любимая фрейлина матери Альвы, которая оставила на воспитаніе дочери громадное состояніе, помѣщенное въ лондонскомъ банкѣ. Владѣтельная особа желала завладѣть Альвой и велѣла разыскивать ее по Европѣ. Когда нашли, гдѣ живетъ дѣвица, посланникъ владѣтельной особы наложилъ секвестръ на состояніе герцогини. И вотъ теперь она безъ денегъ. Бловицъ, по его словамъ, пустилъ въ ходъ всѣ свои дипломатическія связи, чтобы спасти состояніе герцогини. Онъ ходатайствовалъ въ Парижѣ, затѣмъ пустился въ таинственную экспедицію въ Швейцарію, въ сопровожденіи прекрасной Альвы. „Я довѣряю Альву вашей чести",—патетически обратилась герцогиня къ толстому человѣчку на коротенькихъ, кривыхъ ножкахъ.—„Поѣзжайте съ ней". На континентѣ Бловицъ пустилъ въ ходъ сложную махинацію. Исторія запутывается.

Тутъ фигурируютъ добродѣтельные, благородные старцы, посланники, переодѣтые агенты, князья, много князей. Наконецъ, въ видѣ Deus ex machina является русскій посланникъ, который, по совѣту Бловица, грозитъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Ваддингтону, что потребуетъ свой паспортъ, если дѣло Альвы не будетъ рѣшено въ ея пользу. Все устраивается въ концѣ концовъ хорошо. Герцогиня получаетъ обратно свое состояніе и уѣзжаетъ въ Англію, благословляя благороднаго и

великодушнаго рыцаря де-Бловица. Въ вводной исторіи „The Revenge of Venus“ авторъ повѣствуетъ про прекрасную и коварную княгиню Кральта, которую Бисмаркъ подослалъ къ Бловицу, чтобы вывѣдать у него, какимъ образомъ онъ досталъ проектъ берлинскаго трактата. И дама совсѣмъ было успѣла. Бловицъ находился у ней въ салонѣ, вечеромъ. Красота княгини дѣйствовала на него магнитически, онъ готовъ былъ откровенничать; но вдругъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство. „Я замѣтилъ,—пишетъ Бловицъ,—что пламя свѣчи въ канделябрѣ, стоявшемъ у зеркала, отклонилось и стало вдругъ мерцать. Меня это удивило, такъ какъ двери и окна были заперты. Я не могъ опредѣлить, откуда идетъ токъ воздуха, отклонившій пламя свѣчи. Я подошелъ къ канделябру и почувствалъ, что дуетъ *отъ зеркала.* Тутъ я сразу понялъ, что попалъ въ ловушку. Внимательно изслѣдовавъ зеркало, я замѣтилъ, что оно состоитъ изъ двухъ створокъ, между которыми теперь былъ слабый промежутокъ. Очевидно, тамъ стоялъ кто-то и подслушивалъ. Я указалъ книгинѣ на мерцающую свѣчу и на скважину въ зеркалѣ и сказалъ возможно болѣе спокойно:

— Сударыня, ваши хитрости безполезны. Я понялъ все.—Княгиня взглянула на меня и нажала пуговицу электрическаго звонка. Явился лакей. Не глядя на меня, она указала мнѣ дверь“.

Этими двумя приключеніями я ограничусь. Пора покончить съ „Записками“. „Все, что я написалъ,—чистая правда,—заканчиваетъ Бловицъ свои мемуары.—Я счелъ своимъ долгомъ просто изложить факты, свидѣтелемъ которыхъ былъ. Я никогда не искалъ апплодисментовъ толпы и не боялся критики“. Читатели могли убѣдиться, мнѣ кажется, что историческое значеніе „Записокъ“, вопреки мнѣнію автора, очень ничтожно. За то мемуары любопытны въ психологическомъ и бытовомъ отношеніи. Мы видимъ предъ собою живого героя того типа, который выведенъ въ „Лазарильо изъ Тормесъ“ или въ „Жиль Блазѣ“. Герой этотъ проявлялъ иногда (напр., въ Берлинѣ) всѣ таланты Джонатана Уайльда; но, тѣмъ не менѣе, онъ кончилъ не такъ, какъ послѣдній. Бловицъ, несомнѣнно, хвастаетъ много, но онъ дѣйствительно былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ лицами, въ рукахъ которыхъ такъ или иначе находится судьба милліоновъ простыхъ смертныхъ. Бловицъ даетъ портреты олимпійцевъ. Мнѣ припоминается одна фраза у Лесажа, которой и закончу письмо: „On reproche à l'auteur de n'avoir peint presque jamais que des fripons. Qu'importe, si les portraits sont reconnaissables“.

Діонео.

Гербертъ Спенсеръ.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти Герберта Спенсера. Смерть этого мыслителя въ самомъ началѣ XX вѣка имѣетъ какъ-бы символическое значеніе: въ лицѣ Спенсера сошелъ съ міровой сцены послѣдній великій философъ XIX вѣка. Родившись въ 1820 г. и начавши издавать свою „Синтетическую Философію" въ 1862 г., Спенсеръ жилъ достаточно долго для того, чтобы ув идать какъ эволюціонное міровоззрѣніе, главнымъ представителемъ котораго онъ былъ, не только завоевало себѣ прочное мѣсто среди другихъ ученій, но даже сдѣлалось основной, характернѣйшей чертой умственной жизни нашего времени, накладывая свою печать и на тѣхъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ объявляютъ себя противниками эволюціонной философіи.

Жизнь Спенсера была не богата внѣшними событіями. Сынъ и внукъ учителя, онъ и самъ началъ свою карьеру 17-лѣтнимъ юношей въ качествѣ помощника учителя въ той самой школѣ, въ которой ранѣе учился. Впрочемъ, его педагогическая карьера продолжалась не долго. Уже въ 1838 году онъ перемѣнилъ ее на карьеру гражданскаго инженера: благодаря своимъ блестящимъ математическимъ способностямъ, онъ былъ приглашенъ принять участіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, строившихся тогда въ Англіи съ лихорадочною поспѣшностью. Здѣсь онъ быстро занялъ довольно видное положеніе, но, когда въ 1845 году разразился желѣзнодорожный кризисъ, Спенсеръ остался не у дѣлъ.

Между тѣмъ, еще въ 1842 году Спенсеръ написалъ свою первую статью; теперь, пользуясь небольшими сбереженіями отъ довольно значительныхъ доходовъ инженера, онъ рѣшилъ поселиться въ Лондонѣ и заняться литературой. Мы не пишемъ подробной біографіи Спенсера, а намѣрены лишь отмѣтить его главнѣйшія заслуги, поэтому и не будемъ здѣсь говорить о тѣхъ довольно многочисленныхъ его работахъ, которыя или не имѣютъ прямого отношенія къ главному труду нашего философа, или же являются лишь работами подготовительными, первыми очерками будущей великой системы философіи.

Въ 1862 году Спенсеръ выпустилъ первый томъ своей „Синтетической Философіи"; еще ранѣе онъ опубликовалъ „проспектъ" всѣхъ десяти томовъ этого труда. Здѣсь, между прочимъ, замѣчательна та ясность и опредѣленность, съ которыми была задумана эта гигантская работа: лучшимъ доказательствомъ этого

служитъ то обстоятельство, что при выполненіи работы, потребовавшей нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, Спенсеръ почти ни въ чемъ не отступилъ отъ своего первоначальнаго плана. Самымъ существеннымъ отступленіемъ отъ этого плана является непоявленіе нѣкоторыхъ отдѣловъ соціологіи, но это непоявленіе есть просто результатъ недостатка времени: объявляя въ 1896 году, что эти части соціологіи не будутъ написаны, Спенсеръ просто говоритъ: „всякому очевидно, что 76-лѣтній инвалидъ (Спенсеръ и въ молодые годы отличался слабымъ здоровьемъ, а въ то время уже едва влачилъ свое существованіе) неспособенъ выполнить такую работу".

Первый томъ „Синтетической Философіи" называется „Основныя Начала" и посвященъ „Общей философіи", т. е. тому, что можно назвать философіей par excellence. Затѣмъ слѣдуютъ два тома „Основаній Біологіи", два тома „Основаній Психологіи", три тома „Основаній Соціологіи" и два тома „Основаній Этики".

„Основныя Начала" дѣлятся, какъ извѣстно, на двѣ части: часть первая „Непознаваемое" (приблизительно, $^1/_5$ тома) и часть вторая „Познаваемое" (остальныя $^4/_5$ тома). Ученіе о „непознаваемомъ" является какъ бы введеніемъ и не представляетъ ничего особенно оригинальнаго: это лишь своеобразное изложеніе ученія объ относительности знанія.

Вторая часть „Основныхъ Началъ"—„Познаваемое"—открывается „Опредѣленіемъ Философіи". Философія, согласно Спенсеру, не есть какой-либо особый видъ знанія, это есть просто „знаніе наивысшей общности", по существу однородное не только съ наукою, но даже и со всякимъ обыденнымъ знаніемъ. Отличіе лишь въ томъ, что обыденное знаніе есть знаніе необъединенное, наука есть отчасти объединенное знаніе, а философія—вполнѣ объединенное знаніе.

Но если философія есть вполнѣ объединенное знаніе, то, очевидно, она должна дать формулу, приложимую ко всѣмъ явленіямъ міра, каково-бы ни было частное содержаніе этихъ явленій. Подобной всеобщей формулой является у Спенсера „Законъ Эволюціи", изложенію котораго и посвящена вся вторая часть „Основныхъ Началъ".

Спенсеръ самъ далъ „въ сжатомъ видѣ основныя положенія" своей философіи, сначала въ частномъ письмѣ „къ американскому другу", а потомъ въ предисловіи къ книгѣ Коллинса „Философія Герберта Спенсера".

Вотъ эти „основныя положенія" (Коллинсъ, русск. переводъ, 2-ое изданіе, стр. 2—4):

„1. Повсюду во вселенной, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ, происходитъ безпрерывное перераспредѣленіе матеріи и движенія.

2. Это перераспредѣленіе является эволюціей, когда въ немъ

преобладаетъ интеграція матеріи и разсѣяніе движенія, но оно является разложеніемъ, когда въ немъ преобладаетъ поглощеніе движенія и дезинтеграція матеріи.

3. Эволюція будетъ простою, когда процессъ интеграціи или образованіе связнаго аггрегата не осложняется другими процессами.

4. Эволюція будетъ сложною, когда, рядомъ съ первичнымъ измѣненіемъ отъ безсвязнаго состоянія къ состоянію связному, происходятъ вторичныя измѣненія, вызванныя несходствомъ въ положеніи различныхъ частей аггрегата.

5. Эти вторичныя измѣненія совершаютъ превращеніе однороднаго въ разнородное,—превращеніе, которое, подобно первичному измѣненію, обнаруживается и во вселенной какъ цѣломъ, и во всѣхъ (или почти всѣхъ) ея частяхъ: въ аггрегатахъ звѣздъ и туманностей; въ солнечной системѣ; въ землѣ, какъ неорганической массѣ; въ каждомъ организмѣ, животномъ и растительномъ (законъ Бэра); въ собраніи организмовъ въ теченіе геологическаго періода; въ духѣ; въ обществѣ; во всѣхъ продуктахъ общественной дѣятельности.

6. Процессъ интеграціи какъ въ частномъ, такъ и въ общемъ проявленіи соединяется съ процессомъ дифференціаціи, чтобы сдѣлать это измѣненіе не простымъ переходомъ отъ однородности къ разнородности, но переходомъ отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности; и эта возрастающая опредѣленность, сопровождающая возрастающую разнородность, проявляется, подобно послѣдней, какъ въ общей совокупности вещей, такъ и во всѣхъ ея дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, до самыхъ мельчайшихъ.

7. Рядомъ съ перераспредѣленіемъ матеріи, составляющей какой-нибудь развивающійся аггрегатъ, происходитъ перераспредѣленіе сохраненнаго движенія его составныхъ частей въ отношеніи другъ къ другу; оно тоже становится, шагъ за шагомъ, болѣе опредѣленнымъ и болѣе разнороднымъ.

8. За отсутствіемъ безконечной и абсолютной однородности, это перераспредѣленіе, одну изъ фазъ котораго составляетъ эволюція, является неизбѣжнымъ. Причины, дѣлающія его неизбѣжнымъ, таковы:

9. Неустойчивость однороднаго, которая есть слѣдствіе того свойства всякаго ограниченнаго аггрегата, что различныя его части подвергаются неодинаковому дѣйствію внѣшнихъ силъ. Превращенія, отсюда возникающія, осложняются:

10. Размноженіемъ слѣдствій. Каждая масса и часть массы, на которую дѣйствуетъ сила, подраздѣляетъ и дифференцируетъ эту силу, которая, такимъ образомъ, производитъ разнообразныя перемѣны; а каждая эта перемѣна даетъ начало новымъ перемѣнамъ, множащимся подобнымъ же образомъ: ихъ размноженіе

становится тѣмъ большимъ, чѣмъ разнороднѣе становится аггрегатъ. Этимъ двумъ причинамъ возрастающей дифференціаціи споспѣшествуетъ:

11. Раздѣленіе: процессъ, стремящійся разъединить разнородныя единицы и соединить единицы однородныя и, такимъ образомъ, постоянно обостряющій или дѣлающій болѣе опредѣленною дифференціацію, произведенную другими причинами.

12. Равновѣсіе является конечнымъ результатомъ превращеній, испытываемыхъ развивающимся аггрегатомъ. Эти измѣненія совершаются до тѣхъ поръ, пока не достигнется равновѣсіе между силами, дѣйствію которыхъ подвержены всѣ части аггрегата, и силами, имъ противопоставляемыми этими частями аггрегата. По пути къ окончательному равновѣсію процессъ можетъ пройти черезъ переходное состояніе уравновѣшенныхъ движеній (какъ въ планетной системѣ) и уравновѣшенныхъ отправленій (какъ въ живомъ тѣлѣ); но состояніе покоя для неорганическихъ тѣлъ и смерть въ органическомъ мірѣ есть необходимый предѣлъ всѣхъ перемѣнъ, составляющихъ эволюцію.

13. Разложеніе есть процессъ обратныхъ измѣненій, которому, рано или поздно, подвергается всякій развивающійся аггрегатъ. Подверженный вліянію окружающихъ неуравновѣшенныхъ силъ, каждый аггрегатъ постоянно можетъ быть разсѣянъ, благодаря постепенному или внезапному возрастанію заключеннаго въ немъ движенія; и этому разсѣянію, быстро претерпѣваемому тѣлами, которыя еще недавно жили, и медленно совершаемому среди неодушевленныхъ массъ, подвергнется, въ неопредѣленно отдаленный періодъ, каждая планетная и звѣздная масса, которая въ неопредѣленно отдаленный прошедшій періодъ начала постепенно развиваться: такимъ образомъ закончится циклъ превращеній.

14. Этотъ ритмъ эволюціи и разложенія (завершающійся среди малыхъ аггрегатовъ въ короткіе періоды, а среди большихъ аггрегатовъ требующій періодовъ, неизмѣримыхъ человѣческимъ умомъ), насколько мы можемъ судить, вѣченъ и всеобщъ,—каждая изъ чередующихся фазъ процесса господствуетъ въ извѣстный моментъ въ одномъ мѣстѣ, въ извѣстный — въ другомъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

15) Всѣ эти явленія, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ мельчайшихъ, суть неизбѣжныя послѣдствія сохраненія (постоянства) силы въ ея формахъ матеріи и движенія. Разъ онѣ даны въ пространствѣ и ихъ количество не можетъ измѣняться: не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ постоянное перераспредѣленіе, характеризуемое какъ эволюція и разложеніе, со всѣми его вышеупомянутыми характерными особенностями.

16. То, что остается количественно неизмѣннымъ, но вѣчно

мѣняетъ свою форму подъ чувственными проявленіями, представляемыми намъ вселенною, — то превосходитъ человѣческое познаніе и пониманіе и есть незнаемая и непознаваемая сила, которую мы должны считать неимѣющею предѣловъ въ пространствѣ и неимѣющею ни начала, ни конца во времени“.

Такимъ образомъ, очевидно, что Спенсеръ не отвѣчаетъ на вопросъ, что такое міръ, но даетъ отвѣтъ лишь на то, какъ этотъ міръ устроенъ. Въ *предѣлахъ познаваемаго* Спенсеръ знаетъ лишь двѣ конечныя реальности: матерію и силу, но онъ не приписываетъ ни матеріи, ни силѣ абсолютной реальности. „Кто правильно пойметъ эту книгу, говоритъ Спенсеръ (Коллинсъ, стр. 42), тотъ увидитъ, что хотя отношеніе субъекта и объекта и дѣлаетъ необходимою антизезу концепцій Духа и Матеріи, однако, какъ тотъ, такъ и другая должны быть разсматриваемы, какъ знаки лежащей подъ ними Невѣдомой Реальности“.

„Философія есть вполнѣ объединенное знаніе“, а въ такомъ случаѣ выработанная Спенсеромъ общая формула эволюціи должна оказаться примѣнимою ко всѣмъ областямъ знанія. Доказательство примѣнимости этой формулы и составляетъ главную цѣль остальныхъ девяти томовъ „Синтетической Философіи“. При выполненіи этой задачи Спенсеръ обнаружилъ такія громадныя энциклопедическія свѣдѣнія и такую проницательность ума, что даже люди, не раздѣляющіе его взглядовъ, отводятъ ему мѣсто среди величайшихъ міровыхъ мыслителей.

Такъ какъ мы имѣемъ въ виду охарактеризовать лишь сущность ученія Спенсера, то при изложеніи дальнѣйшихъ частностей его мы остановимся лишь на немногихъ, наиболѣе характерныхъ чертахъ. Хотя, говоритъ Спенсеръ, примѣненіе общихъ принциповъ слѣдовало-бы, конечно, начать съ міра неорганическаго, но въ виду огромности задачи и въ виду того, что міръ органическій представляетъ гораздо больше интереса, изъ „Синтетической Философіи“ выпущенъ отдѣлъ о неорганическомъ мірѣ. Поэтому второй и третій томы „Синтетической Философіи“ посвящены „Основаніямъ Біологіи“.

Въ области біологіи мы отмѣтимъ прежде всего роль Спенсера въ созданіи ученія о происхожденіи видовъ. Нерѣдко называютъ Спенсера послѣдователемъ Дарвина. При этомъ забываютъ, что Спенсеръ выработалъ свое ученіе *раньше Дарвина*. Такія работы Спенсера какъ: „Основанія Психологіи“ (въ ихъ первоначальномъ видѣ), „Прогрессъ, его законъ и причина“ и „Конечные законы физіологіи“ появились *до опубликованія Дарвиномъ своего великаго труда*. Правда, Спенсеръ не открылъ естественнаго отбора, онъ усвоилъ это ученіе у Дарвина, но такимъ образомъ онъ получилъ отъ Дарвина лишь могущественную поддержку своему ученію. Вѣдь ученіе объ измѣняемости видовъ гораздо важнѣе принципа естественнаго отбора. Мало того, можно пред-

положить, что принципъ естественнаго отбора будетъ, если не совершенно устраненъ, то, по крайней мѣрѣ, сильно ограниченъ, но совершенно невозможно предположить, чтобы ученый міръ когда либо вернулся къ идеѣ постоянства видовъ, т. е., къ ученію о томъ, что всѣ 10 милліоновъ (приблизительно) видовъ созданы каждый спеціальнымъ актомъ творенія. А это именно ученіе о спеціальномъ твореніи и господствовало въ наукѣ, когда появился Спенсеръ; съ нимъ исключительно и боролся Спенсеръ. Спенсеръ призналъ важность дарвиновскаго принципа естественнаго отбора, но онъ не считалъ этотъ естественный отборъ единственнымъ факторомъ органической эволюціи (какъ не считалъ его и самъ Дарвинъ). Онъ назвалъ естественный отборъ принципомъ „косвеннаго уравновѣшенія" (организма съ окружающей средой), а принципомъ „прямого уравновѣшенія" считалъ „приспособленіе". Организмы „приспособляются" къ окружающей средѣ, ихъ органы видоизмѣняются соотвѣтственно съ требованіями среды и затѣмъ эти „функціональныя измѣненія" передаются потомству. Но гдѣ доказательства наслѣдственности функціональныхъ измѣненій? Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, былъ не такъ давно предметомъ оживленной полемики между Спенсеромъ и крайнимъ дарвинистомъ Вейсманномъ, признающимъ одинъ естественный отборъ и отрицающимъ наслѣдственность функціональныхъ измѣненій. Стоитъ ясно себѣ представить сущность этого спора, чтобы понять, какое огромное практическое значеніе онъ имѣетъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ вопросы нравственности, воспитанія и государственнаго устройства должны получить такое или иное рѣшеніе соотвѣственно съ тѣмъ, наслѣдуются ли функціональная измѣненія, или не наслѣдуются (Киддъ, какъ извѣстно, уже поспѣшилъ создать соціологію съ точки зрѣнія вейсманнизма). Для поясненія этого укажемъ, напримѣръ, лишь на слѣдующее. Если правъ Спенсеръ, то, упражняя духовныя способности наши и нашихъ современниковъ, мы тѣмъ самымъ способствуемъ тому, что наши потомки будутъ даровитѣе, лучше; если же правъ Вейсманнъ, то улучшенія расы можно ожидать лишь отъ истребленія менѣе даровитыхъ ея представителей. Если правъ Спенсеръ, тогда, помогая слабому укрѣпиться, мы тѣмъ самымъ способствуемъ укрѣпленію и его потомства; если-же правъ Вейсманнъ, тогда, помогая слабому, мы лишь плодимъ слабыхъ и т. д.

Споръ Спенсера съ Вейсманномъ остался, строго говоря, не рѣшеннымъ, но всетаки Спенсеру, не смотря на его преклонные года и не смотря на то, что онъ, при всѣхъ своихъ знаніяхъ, все таки не спеціалистъ въ области біологіи, повторяемъ, не смотря на все это, Спенсеру удалось отбить всѣ атаки своего гораздо болѣе молодого противника, считающагося, къ тому-же, однимъ изъ первыхъ современныхъ біологовъ. Прежде, чѣмъ

оставить этотъ вопросъ, мы замѣтимъ, что въ послѣдніе годы, благодаря трудамъ Балдуина, Осборна и Ллойдъ Моргана, возникло ученіе объ „органическомъ отборѣ“ (см., напр., Baldwin, Development and Evolution), согласно которому, хотя функціональная измѣненія и не наслѣдуются, но ходъ эволюціи таковъ, каковъ онъ былъ-бы и въ томъ случаѣ, если-бы эти функціональныя измѣненія наслѣдовались.

Въ числѣ заслугъ спенсеровской біологіи отмѣтимъ еще и то, что здѣсь онъ своимъ ученіемъ объ антагонизмѣ между индивидуальностью и воспроизведеніемъ разсѣялъ мальтузіанскій кошмаръ. Спенсеръ показалъ, что чѣмъ выше индивидъ (и общество), тѣмъ меньше его воспроизводительная способность. Постоянное уменьшеніе возрастанія населенія въ Западной Европѣ и Америкѣ является прекраснымъ подтвержденіемъ ученія Спенсера.

Перейдемъ теперь къ самому важному въ философскомъ отношеніи изъ частныхъ примѣненій ученія объ эволюціи: къ „Основаніямъ Психологіи“ Спенсера. Согласно нашему плану, мы, главнымъ образомъ, будемъ разсматривать не то, чѣмъ обогатилъ Спенсеръ частную науку психологію, а то, чѣмъ обогатилъ онъ философію при помощи психологіи.

Въ психологіи Спенсеръ принадлежалъ къ англійской ассоціативной школѣ, данными которой онъ пользовался съ поразительнымъ мастерствомъ. Исходя изъ гипотезы существованія психическаго атома, параллельнаго нервному толчку, Спенсеръ развилъ блестящую картину перераспредѣленія этихъ атомовъ, ихъ дифференціаціи и интеграціи, въ результатѣ чего является все болѣе совершенное приспособленіе организма въ пространствѣ и во времени.

Таково, въ короткихъ словахъ, психологическое ученіе Спенсера. Но въ этихъ же двухъ томахъ психологіи имѣется и рѣшеніе огромнаго философскаго вопроса. Вѣковой вопросъ (первая постановка котораго имѣется уже въ древнегреческой философіи), надъ рѣшеніемъ котораго въ новое время особенно трудились съ одной стороны Локкъ, Юмъ и Милль, а съ другой Лейбницъ и Кантъ, — этотъ вопросъ нашелъ у Спенсера замѣчательный отвѣтъ, вполнѣ вытекающій изъ сущности его ученія. Представители эмпиризма говорили: „нѣтъ ничего въ разумѣ, чего бы не было въ ощущеніяхъ“. „Кромѣ самого разума“, отвѣтилъ имъ Лейбницъ. Кто правъ? Извѣстно, что величайшая заслуга Канта состоитъ именно въ томъ рѣшеніи, которое онъ далъ этому вопросу. Представители эмпиризма пытались вывести всѣ наши понятія изъ чистыхъ ощущеній. Это имъ плохо удавалось. Кантъ показалъ, что разумъ вноситъ единство въ ощущенія. Напримѣръ, понятія пространства и времени не могутъ быть выведены изъ ощущеній, но это суть тѣ апріорныя формы созерцанія, въ которыхъ даны всѣ ощущенія. Категоріи (напр., единство, множество, возмож-

ность, дѣйствительность, необходимость и т. п., всего у Канта 12 категорій) являются тоже апріорными объединеніями ощущеній. Такимъ образомъ, Кантъ внесъ стройность и порядокъ въ нашу духовную жизнь. Однако, этотъ геніальный отвѣтъ таилъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и, слѣдовательно, зародышъ разложенія. Передавши все связующее, все объединяющее нашему „я“, Кантъ для внѣшняго міра, для „не-я“ оставилъ лишь нуменъ, вещь-въ-себѣ, лишенную всякихъ качествъ и совершенно непознаваемую. Роль этого таинственнаго незнакомца, вещи-въ-себѣ, сводилась лишь къ тому, что своими толчками онъ давалъ поводъ нашему „я“ пускать въ ходъ всю эту сложную систему категорій и формъ созерцанія, при чемъ, въ концѣ концовъ, наше „я“ познавало лишь то, что само же вносило a priori въ ощущенія. Такимъ образомъ, Кантъ, этотъ борецъ противъ скептицизма Юма, въ концѣ концовъ, самъ приводилъ къ своеобразному скептицизму. И Брентано имѣлъ, по нашему мнѣнію, достаточное основаніе зачислить Канта (въ своей брошюрѣ Die Vier Phasen der Philosophie) въ число скептиковъ. Мало того, нуменъ Канта былъ, очевидно, весьма неудачное изобрѣтеніе, но попытка устранить его вела къ солипсизму, къ признанію нашего „я“ за единственно-существующее, при чемъ, конечно, каждый человѣкъ сталъ бы считать свое „я“ за единственно-существующее, а всѣхъ остальныхъ людей просто за свое „представленіе“.

Система Канта представляла случай неустойчиваго равновѣсія, и всѣ увлеченія Фихте и Гегеля являются вовсе не „измѣною“ Канту, а, напротивъ, логическимъ выводомъ изъ его системы, попыткою придать этой системѣ устойчивое равновѣсіе. Относительно Гегеля это прекрасно показалъ, напр., Кэрдъ, а право Фихте именоваться послѣдователемъ Канта еще очевиднѣе.

Вся эта катастрофа произошла оттого, что Кантъ не показалъ (и не могъ показать), откуда наше „я“ беретъ свои объединяющіе элементы. Это показалъ лишь Спенсеръ. Онъ объявилъ войну на два фронта. Эмпирикамъ онъ показалъ, что въ каждое наше ощущеніе привходитъ нѣчто, что не есть ощущеніе, а сторонникамъ Канта онъ показалъ, что ихъ объединяющіе элементы произошли изъ опыта. Здѣсь эволюціонный методъ проявилъ себя во всей своей силѣ. И Локкъ, и Кантъ брали конечный продуктъ эволюціи людей; одинъ пытался показать, какъ ощущенія формируются у человѣка въ понятія, другой доказывалъ, что человѣкъ самъ вноситъ въ міръ эти понятія. Но человѣкъ есть продуктъ безконечно долгой эволюціи. Спенсеръ обратился къ самому началу этой эволюціи. У простѣйшаго одноклѣточнаго существа нѣтъ ни формъ созерцанія, ни категорій: оно не классифицируетъ своихъ ощущеній по категоріямъ возможнаго и необходимаго, оно не имѣетъ идей пространства и времени, оно испытываетъ лишь толчекъ. Этотъ первичный толчекъ и есть тотъ атомъ,

который, повторяясь многократно, накопляясь въ милліонахъ и милліонахъ, дифференцируясь и интегрируясь, создаетъ сложную и богатую духовную жизнь современнаго человѣка.

Такимъ образомъ, то, что нашъ разумъ вноситъ въ ощущенія, есть зарегистрированный результатъ ощущеній предшествовавшихъ поколѣній. Теперь мы рождаемся, дѣйствительно, съ апріорными формами, но эти формы апріорны лишь для насъ, а въ исторической эволюціи онѣ возникли изъ опыта. А такъ какъ дѣйствіе и противодѣйствіе равны и противоположны, то организмъ, приспособляясь къ средѣ, носитъ въ себѣ какъ бы ея отпечатокъ, поэтому наши апріорныя формы мышленія суть отпечатокъ внѣшняго міра, и ихъ необходимость и всеобщность указываютъ лишь на то, что онѣ продуктъ всеобщихъ отношеній. Это ученіе Спенсеръ назвалъ преобразованнымъ реализмомъ. Преобразованный реализмъ Спенсера не нуждается ни въ невѣдомыхъ нуменахъ Канта, ни въ его неизвѣстно откуда взявшихся апріорныхъ формахъ духа. Благодаря этому, спенсеровское a priori есть лучшее орудіе для познанія внѣшняго міра, а не простой способъ для нашего „я“ познавать лишь то, что оно само же внесло въ міръ, какъ это выходитъ у Канта.

Перейдемъ теперь къ соціологіи Спенсера. Этотъ отдѣлъ его философіи возбудилъ особенно много возраженій. Въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, особенно много о соціологіи Спенсера писалъ Н. К. Михайловскій.

Спенсеру не удалось создать соціологію, и въ такомъ случаѣ, значитъ, ему и не удалось довести соціологическія обобщенія до такой высоты, при которой они могли бы имѣть воздѣйствіе на философію. Поэтому, слѣдуя нашей программѣ, мы о соціологіи Спенсера скажемъ не много. Мы укажемъ лишь на то, что Спенсеръ, будучи большимъ мастеромъ не только въ области общихъ идей, но и въ разработкѣ деталей (Дарвинъ, шутя, сказалъ: „я мирюсь съ тѣмъ, что Спенсеръ вдвое талантливѣе меня, но не могу не завидовать тому, что онъ въ двѣнадцать разъ увертливѣе меня“), написалъ и здѣсь въ соціологіи множество блестящихъ страницъ: укажемъ, напр., на его главу „Обрядовое правительство“ и особенно на его ученіе объ анимизмѣ.

Извѣстно, что въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ Спенсеръ былъ крайнимъ индивидуалистомъ. Этотъ его политическій индивидуализмъ имѣетъ двѣ стороны: сильную и слабую. Силенъ Спенсеръ, когда въ блестящихъ страницахъ указываетъ на вредъ правительственной регламентаціи, на ту могучую созидающую роль, которую играетъ въ обществѣ частная иниціатива. А слабъ Спенсеръ тогда, когда требуетъ полнаго невмѣшательства государства въ борьбу общественныхъ группъ. Прекрасный математикъ, Спенсеръ здѣсь страннымъ образомъ забываетъ законъ инерціи; творецъ ученія объ эволюціи забываетъ законъ наслѣдо-

ванія предшествовавшаго опыта. Вѣдь если государство въ теченіе вѣковъ огнемъ и мечемъ создало и поддерживало извѣстныя классовыя отношенія, то полное его устраненіе въ данный моментъ было бы равносильно передачѣ всей соціальной инерціи (слово инерція употребляется здѣсь нами въ математическомъ смыслѣ, который не равнозначенъ бездѣятельности) въ пользу одного класса. Когда, напр., теперь французскіе клерикалы, устраняемые отъ завѣдыванія школами, кричатъ: „да здравствуетъ свобода", то имъ можно отвѣтить: „конечно, да здравствуетъ свобода, ибо свобода всегда и всюду вещь очень хорошая, но если вы хотите настоящей свободы, то откажитесь сначала отъ того громаднаго могущества, которое вы получили путемъ вѣкового насилія, варфоломеевской ночи, драгонадъ, костровъ и т. п". Въ самомъ дѣлѣ, общественная организація, которая въ теченіе вѣковъ только и дѣлала, что обращалась за помощью къ государству, которая достигла огромнаго вліянія, скопила громадныя богатства при могущественной помощи государства, которая раздавила своихъ многочисленныхъ конкуррентовъ руками того же государства, теперь, когда власть выпала изъ ея рукъ, требуетъ, чтобы государство не смѣло контролировать то, какое употребленіе сдѣлаетъ она изъ того громаднаго матеріальнаго и моральнаго могущества, которое почти цѣликомъ создано ей государствомъ!. Слѣдовательно, говорить „да здравствуетъ свобода" безъ лицемѣрія могутъ лишь тѣ, которые сами никогда не нарушали ничьей свободы.

Аналогичное разсужденіе примѣнимо ко всѣмъ случаямъ столкновенія интересовъ различныхъ общественныхъ группъ.

Въ своихъ „Основаніяхъ Этики" Спенсеръ примыкаетъ къ англійской утилитарной школѣ. Разсматривая эволюцію поведенія, Спенсеръ указываетъ, какъ поведеніе человѣка все болѣе и болѣе приспособляется къ наиболѣе отдаленнымъ и сложнымъ цѣлямъ.

Спенсеръ назвалъ свое ученіе гедонизмомъ (отъ греческаго слова ἡδονή—наслажденіе) и, не говоря уже о томъ, что его слово гораздо удачнѣе слова утилитаризмъ, онъ отмѣчаетъ этимъ свое значительное разногласіе со старою школою Бентама и Милля. Однимъ изъ главнѣйшихъ преобразованій въ этикѣ старой школы является отказъ Спенсера отъ утилитарнаго исчисленія. Онъ далекъ отъ наивной попытки Бентама опредѣлять результаты каждаго отдѣльнаго поступка. Онъ рѣшилъ вывести изъ законовъ жизни и условій существованія указанія на то, какіе поступки ведутъ къ счастью, и какіе къ несчастью, и утверждаетъ, что разъ эти правила установлены, нѣтъ надобности дѣлать вычисленія въ каждомъ частномъ случаѣ. Читатель, вѣроятно, уже настолько проникся духомъ спенсеровской философіи, чтобы догадаться, что по ученію Спенсера совѣсть есть организованный

опытъ, и наше представленіе о похвальности или непохвальности извѣстнаго поведенія указываетъ лишь на то, что подобное поведеніе вело ранѣе къ счастью или несчастью.

Мы передали въ самыхъ краткихъ словахъ сущность ученія Спенсера. Попытаемся сдѣлать теперь столь же краткую его оцѣнку.

Создалъ ли Спенсеръ философію въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что Ньютонъ создалъ астрономію? Конечно, нѣтъ. Область философіи такъ безгранично велика, что въ настоящее время можно еще дѣлать въ ней огромныя открытія, захватывая все таки лишь часть предмета. Когда мы беремъ, напримѣръ, два курса физики или даже два курса физіологіи, то мы можемъ быть увѣрены, что, какъ бы авторы ни отличались другъ отъ друга, они, во всякомъ случаѣ, будутъ разбирать одни и тѣ же вопросы. Не то въ философіи. Если, напримѣръ, мы возьмемъ „Критику чистаго разума“ Канта и „Курсъ положительной философіи“ Огюста Конта, то въ первый моментъ можно, пожалуй, даже выразить удивленіе, почему оба эти сочиненія считаюся разработывающими одну и ту же науку—философію: такъ различны ихъ темы, такъ трудно найти точки соприкосновенія этихъ двухъ работъ! И Спенсеръ охватилъ лишь часть философскаго поля. Но въ связномъ, органическомъ цѣломъ никакая часть не можетъ получить полнаго и вполнѣ вѣрнаго объясненія безъ связи съ общимъ. Поэтому и спенсеровская обработка эволюціи является въ значительной степени лишь внѣшней обработкой: мы думаемъ, что даже самое ученіе объ эволюціи, самое описаніе перераспредѣленія міровыхъ факторовъ (дифференціація и интеграція) получатъ совершенно новую окраску, когда будетъ дано дѣйствительно вѣрное внутреннее объясненіе міровыхъ явленій.

Кантъ, какъ извѣстно, претендовалъ на званіе Коперника философіи. Съ извѣстными оговорками мы готовы признать за нимъ это званіе, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы были признаны заслуги и его предшественниковъ, особенно Локка и Юма, заслуги которыхъ въ дѣлѣ созданія критической философіи громадны. Но если Локкъ, Юмъ и Кантъ сдѣлали въ философіи приблизительно то, что сдѣлалъ въ астрономіи Коперникъ, то Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ, а отчасти и Авенаріусъ, совершили дѣло Кеплера. Кеплеръ, какъ извѣстно, далъ *внѣшнюю* обработку астрономическихъ явленій: онъ указалъ, что планеты въ своемъ движеніи вокругъ солнца движутся по элипсисамъ, но онъ не открылъ внутренней причины этого явленія:—тяготѣнія; а такъ какъ онъ не зналъ этой внутренней причины вращенія планетъ, то и самое внѣшнее описаніе было несовершенно: извѣстно, что планеты вращаются не вполнѣ такъ, какъ это думалъ Кеплеръ. Огюстъ Контъ своею классификаціей наукъ, которая есть и классификація явленій, далъ общую формулу воз-

никновенія міровыхъ явленій, а Гербертъ Спенсеръ своимъ ученіемъ объ эволюціи далъ связную картину внѣшняго хода мірового процесса.

Остается понять внутреннюю сущность этого мірового процесса: философамъ будущаго предстоитъ совершить дѣло Ньютона.

П. Мокіевскій.

Отъ кризиса къ расцвѣту.

I.

Меньше года прошло съ того времени, какъ на страницахъ „Русскаго Богатства" появились мои послѣднія замѣтки о нашей южной горной промышленности, а картина, которую я старался тогда изобразить, измѣнилась за этотъ сравнительно краткій срокъ почти до неузнаваемости. „Кризисъ" смѣнился „надеждами", цѣны не падаютъ, а поднимаются; запасы угля и чугуна уменьшаются, спросъ растетъ... Присматриваясь къ этой перемѣнѣ въ положеніи горнаго дѣла, происшедшей за какіе нибудь 5 — 6 мѣсяцевъ, обыватель поневолѣ спрашиваетъ себя: что же собственно произошло? Чѣмъ вызванъ этотъ поворотъ? Какія причины создаютъ это оживленіе, этотъ, какъ кажется, близкій, новый расцвѣтъ производства?

Дать отвѣтъ на эти вопросы нелегко; мы стоимъ еще слишкомъ близко къ тяжелымъ годамъ, пережитымъ горнымъ югомъ, для того, чтобы правильно и вполнѣ объективно оцѣнить всѣ явленія нашей промышленной жизни за истекающее полугодіе. У людей, матеріально не заинтересованныхъ, еще нѣтъ для такой оцѣнки полныхъ данныхъ, такъ какъ окончаніе кризиса, несомнѣнно, въ той или иной формѣ связано съ весьма многими сторонами экономической жизни Россіи. Если же въ сферахъ, близко соприкасающихся съ горнымъ дѣломъ, у самихъ заводчиковъ или шахтовладѣльцевъ и имѣются тѣ или иные матеріалы для полнаго освѣщенія и уясненія нынѣшняго положенія дѣлъ, то эти лица не находятъ нужнымъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ большой публикой. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что немаловажную роль играетъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ разрѣшеніи всякаго промышленнаго кризиса, естественное теченіе вещей; было произведено сравнительно съ наличнымъ спросомъ слишкомъ много, производство сократилось, запасы нѣсколько уменьшились, и,

послѣ временнаго паденія цѣнъ, все приходитъ въ обычный порядокъ. Нѣсколько цифръ могутъ прекрасно намъ уяснить эту сторону дѣла. Вотъ какова была у насъ добыча каменнаго угля.

	По всей Россіи.	Въ томъ числѣ въ южн. раіонѣ.
За 1-е полугодіе 1901 г.	510 мил. пуд.	361 *) мил. пуд.
» 2-е » 1901 »	493 » »	334 » »
» 1-е » 1902 »	462 » »	310 » »
» 2-е » 1902 »	491 » »	332 » »
» 1-е » 1903 »	524 » »	355 » »

Въ соотвѣтствіи съ этими цифрами запасы угля на 1-е число каждаго мѣсяца перваго полугодія 1903 г. были на 5—9 мил. пудовъ меньше соотвѣтственныхъ цифръ прошлаго года. Кажется, этой маленькой ссылки на горнопромышленную статистику вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель составилъ себѣ нѣкоторое представленіе объ общемъ ходѣ угольныхъ дѣлъ за послѣдніе 3 года.

Если рядомъ съ углемъ мы взглянемъ на второе основное производство донецкаго края, на производство желѣза, то увидимъ такую картину: за отчетный годъ Харьковскаго горнаго съѣзда (до 1-го сентября) увеличилось производство металлическихъ издѣлій и полупродукта; что же касается чугуна, то, благодаря значительности запасовъ его, заводы подрабатывали старый раньше выработанный металлъ и не торопились заготовлять новый, почему выплавка чугуна въ отчетномъ году Харьковскаго съѣзда не увеличилась, а даже нѣсколько упала; паденіе это, конечно, скоро будетъ покрыто усиленіемъ выплавки *послѣ* 1-го сентября, такъ какъ мы знаемъ, что число работающихъ доменныхъ печей увеличивается и что спросъ и цѣны за послѣдніе 3 мѣсяца сильно пошли въ гору, такъ что вмѣсто 40—39 коп. чугунъ продается уже по 44—47. Я обращаю вниманіе читателя на послѣднее обстоятельство; оно весьма существенно для оцѣнки тѣхъ ламентацій, которыя по старой привычкѣ были произносимы на съѣздѣ и даже нашли себѣ весьма яркое выраженіе въ докладѣ предсѣдателя его совѣта объ общемъ состояніи южной горнопромышленности. Не имѣя возможности отрицать количественнаго оживленія угольнаго дѣла, докладъ усиленно подчеркиваетъ убыточность цѣнъ, не замѣчая, что бюллетени харьковской, состоящей при съѣздѣ, биржи не только не показываютъ за послѣднее время паденія цѣнъ, а, не смотря на слабое отраженіе въ нихъ дѣйствительнаго движенія дѣлъ, скорѣе отмѣчаютъ,

*) Кромѣ матеріаловъ послѣдняго Харьковскаго съѣзда, мнѣ придется въ этихъ замѣткахъ пользоваться и данными, сгруппированными въ интересной статьѣ г. горнаго инженера Вольскаго (В. Ф. № 43), откуда взяты и эти цифры.

сравнительно хотя бы съ іюнемъ мѣсяцемъ, повышательную тенденцію. Что же касается частныхъ газетныхъ сообщеній, то я могу, напр., указать, что въ маѣ этого года мнѣ попадались сообщенія, что около Луганска уголь продается по 5 коп. за пудъ, а теперь даже съѣздъ не говоритъ о продажахъ ниже $6^1/_4$ к. Говоря о металлургіи съѣздъ какъ бы выдвигаетъ на первый планъ тоже не повышеніе производства готоваго металла и не увеличеніе на 5,8% числа рабочихъ, а нѣкоторую недовыработку чугуна. Усиленіе же добычи желѣзныхъ рудъ объясняется, по мнѣнію г.г. горнопромышленниковъ, исключительно вывозомъ криворожской руды за границу. Такимъ образомъ, подчеркивая тѣ тѣни, которыя, такъ сказать, еще падаютъ на общую картину отъ только что пережитаго кризиса, и обращая мало вниманія на явные и несомнѣнные признаки оживленія дѣлъ, съѣздъ продолжаетъ съ легкими варіаціями обычныя жалобы на угнетеніе рынка и на тяжелое положеніе всей донецкой промышленности. Подобающая оцѣнка этихъ жалобъ уже сдѣлана многими газетами, и я, не останавливаясь на ней, возвращусь къ поставленному выше вопросу объ истинныхъ причинахъ улучшенія горныхъ дѣлъ. Простѣйшая изъ нихъ—временное сокращеніе производства и, такъ сказать, естественное разрѣшеніе кризиса — уже указана, но врядъ ли можно думать, что она одна, сама по себѣ, можетъ быть признана достаточной для всесторонняго объясненія явленія. Вѣдь стѣсненное положеніе нашей горнопромышленности было вызвано не только *перепроизводствомъ*, а зависѣло главнымъ образомъ отъ *сокращенія потребленія* (выражающагося въ Россіи преимущественно въ казенныхъ заказахъ). Насколько въ настоящее время, сравнительно съ 1901 и 1902 годами, поднялось въ Россіи потребленіе металла—теперь опредѣлить, пожалуй, еще слишкомъ трудно; но можно утверждать, что въ жизни народной не произошло никакихъ такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы столь сильно и надолго поднять спросъ на продукты горныхъ заводовъ; такимъ образомъ, въ дѣлѣ оживленія металлургическаго производства значительную роль, надо полагать, играетъ увеличеніе тѣхъ же казенныхъ заказовъ, недостаточность которыхъ для дѣйствительнаго упроченія промышленности такъ явно доказана тремя послѣдними годами.

Третью причину повышенія цѣнъ на желѣзо, вѣроятно, слѣдуетъ искать въ проявленіи столь восхвалявшейся въ прошломъ году „самодѣятельности“ гг. горнопромышленниковъ, выразившейся въ разныхъ соглашеніяхъ и синдикатахъ; но вліяніе на устраненіе кризиса послѣдней причины, ясно и несомнѣнно чувствуемое, покамѣстъ, за недостаткомъ матеріаловъ, не можетъ быть точно учтено.

II.

Высказываясь столь рѣшительно относительно того, что кризисъ угольнаго и желѣзнаго дѣла миновалъ, и что въ ближайшемъ будущемъ (хотя, быть можетъ, не надолго), наступитъ періодъ нѣкотораго подъема горной промышленности, я, въ интересахъ безпристрастія, конечно, не могу утаивать передъ читателемъ мнѣній противоположнаго характера. Разсмотримъ одно изъ нихъ, можетъ быть самое мрачное. Надо сказать, что на очередныхъ южныхъ горныхъ съѣздахъ изъ года въ годъ образовывалась, между прочимъ, коммиссія для разслѣдованія вопроса „о современномъ положеніи желѣзной промышленности и о рынкахъ сбыта ея продуктовъ". Въ текущемъ году къ этому широковѣщательному заголовку прибавилось еще полстроки; въ него включены слова *„и о вывозѣ этихъ продуктовъ за границу"*. Казалось бы, что одна эта прибавка уже говоритъ о крупныхъ успѣхахъ нашей металлургіи. Въ самомъ дѣлѣ, если серьезно ставится вопросъ о вывозѣ за границу не только угля, но и металла, которымъ иностранные рынки, по сравненію съ нашимъ, такъ сказать, перегружены, то мы можемъ предполагать, что у насъ дома дѣло обстоитъ совсѣмъ хорошо. Увы, названная коммиссія разбиваетъ такія иллюзіи; докладъ ея напоминаетъ самыя тяжелыя минуты кризиса и весь выдержанъ въ тонѣ чуть ли не отчаянія. Вотъ его краткое содержаніе. Несоотвѣтствіе между производительной способностью заводовъ и потребительными средствами страны продолжается. Если горнопромышленники не обратятся къ *самопомощи*, то промышленности угрожаетъ новый кризисъ, который можетъ разразиться еще съ большей силой, чѣмъ пережитый или, правильнѣе сказать, еще переживаемый ею теперь. Коммиссія (а за нею и съѣздъ) полагаетъ, что потребленіе металла *не увеличится*, что образуются большіе его запасы, и что слѣдуетъ просить правительство *не отказать въ поддержкѣ правильной организаціи продажи* продуктовъ металлургической промышленности. Далѣе, останавливаясь на мѣрахъ по сбыту металла, коммиссія пришла къ заключенію, что вывозу за границу у насъ препятствуетъ отсутствіе правильной *синдикатной* организаціи, и что слѣдуетъ ассигновать для изученія иностранныхъ рынковъ особыя средства въ распоряженіе совѣта, передъ правительствомъ же необходимо ходатайствовать о томъ, чтобы при заключеніи договора съ Италіей были приняты мѣры къ облегченію вывоза въ эту страну предметовъ металлургической промышленности. Заботясь о снабженіи отечественнымъ металломъ итальянцевъ, коммиссія, однако, нашла, что русское желѣзо мало проникаетъ въ наше населеніе, и что необходимо вытѣснить съ внутренняго рынка иностранный товаръ. Вы, конечно, догады-

ваетесь, читатель, какіе выводы и постановленія могутъ слѣдовать за такимъ заключеніемъ? Они намъ слишкомъ хорошо извѣстны, они въ сущности уже надоѣли своимъ докучнымъ однообразіемъ, но тѣмъ не менѣе не привести ихъ здѣсь лишній разъ значило бы лишить наше изложеніе слишкомъ колоритныхъ подробностей, и потому я рискую нѣсколько злоупотребить терпѣніемъ читателя. Положено ходатайствовать: а) чтобы при ведущихся переговорахъ по заключенію торговыхъ договоровъ ставки нашего тарифа, касающіяся мелкой желѣзной промышленности, не были бы предметомъ конвенціи съ иностранными государствами и б) чтобы эти ставки были бы вновь пересмотрѣны при участіи представителей производства и *увеличены* въ соотвѣтствіи съ потребной защитой этой промышленности. Итакъ, наша металлургія для своего спасенія нуждается въ искусственной, при помощи правительства, организаціи внутренней торговли, въ образованіи синдиката для вывоза, и въ новомъ повышеніи пошлинъ на издѣлія мелкой желѣзной промышленности. Мнѣ положительно начинаетъ казаться, что горнопромышленники завидуютъ сахароварамъ, и что передъ ихъ воображеніемъ носятся проекты „желѣзной нормировки“, вродѣ нормировки сахарной, со снабженіемъ иностранцевъ дешевыми продуктами за счетъ обѣднѣвшаго русскаго потребителя. Ходатайство же о поднятіи нашихъ таможенныхъ ставокъ на продукты мелкой желѣзной промышленности, когда ея основной металлъ—желѣзо—за послѣдніе 2 года упалъ въ цѣнѣ, особенно интересно. Вѣдь всегдашнимъ аргументомъ въ пользу повышенія пошлинъ на издѣлія со стороны нашихъ машиностроительныхъ заводовъ служила именно ссылка на дороговизну нашего желѣза—теперь металлъ сравнительно съ тѣмъ, что было года 3 назадъ, подешевѣлъ, а пошлины оказываются необходимымъ опять-таки повысить!

Лица, слѣдившія за ходомъ нашей горнозаводской промышленности, вѣроятно, припомнятъ, какъ года $1^1/_2$ назадъ бывшій министръ финансовъ поставилъ южному горному съѣзду вопросъ, почему, не смотря на жалобы горнопромышленниковъ на плохія дѣла,—и иностранный уголь, и иностранный металлъ проникаютъ въ Россію? Тогда съѣздъ, чуя въ этомъ вопросѣ упрекъ, старался въ своемъ отвѣтѣ объяснить, что проникаетъ въ Россію лишь весьма малое количество металла въ видѣ дорогихъ машинъ и издѣлій, не производимыхъ въ Россіи; что цѣнность этого ввоза зависитъ отъ высокой цѣны фабрикатовъ, и что количество заключеннаго въ немъ металла весьма невелико; что эти издѣлія производятся въ значительной части на весь міръ немногими заводами и фабриками, и потому врядъ ли Россія когда либо будетъ ихъ выдѣлывать; что такой ввозъ неизбѣженъ всюду и всегда и т. д., и т. д.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ? Какія же условія теперь

заставляютъ съѣздъ высказать совершенно иной взглядъ на дѣло? Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что не логика является причиной этого измѣненія мнѣній. Едва ли не правильнѣе было бы предположить, что оно произошло, прежде всего, подъ вліяніемъ новаго сильнаго союзника — машиностроителей, окончательно занявшихъ за послѣдніе годы прочную позицію на съѣздѣ. Тѣ лишніе два—три милліона пудовъ металла, которые могли бы продать наши металлурги при полномъ прекращеніи ввоза издѣлій изъ-за границы, конечно, тоже представляютъ извѣстный соблазнъ, а ходатайства о повышеніи пошлинъ на произведенія иностранныхъ машиностроительныхъ издѣлій теперь, въ рѣшительный періодъ переговоровъ съ Германіей, не могутъ быть особенно непріятны министру финансовъ. Такимъ образомъ, положеніе въ этомъ году оказалось совсѣмъ иное, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда былъ полученъ такъ много въ свое время надѣлавшій непріятностей съѣзду министерскій запросъ. Ну, а при новомъ положеніи такъ легко было оставить въ сторонѣ старые аргументы и придать особый вѣсъ новымъ. Таково, по нашему мнѣнію, объясненіе отмѣченнаго противорѣчія. Оставимъ, однако, въ сторонѣ этотъ сравнительно второстепенный вопросъ и обратимся къ общему характеру доклада „коммиссіи о рынкахъ сбыта". Особенно любопытно, что ея мрачныя предсказанія о новомъ кризисѣ, эти воззванія къ „самопомощи", раздаются именно тогда, когда цѣны на желѣзо рѣзко поднимаются. Самые ходовые его сорта, т. е. обыкновенное сортовое желѣзо, круглое, балки и т. д.— все подорожало за послѣдніе мѣсяцы на 10, 20 и болѣе %, а судя по послѣднимъ слухамъ, соглашеніе, состоявшееся между гвоздильными заводами, подниметъ цѣну на этотъ необходимый видъ желѣзныхъ издѣлій болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. И если южная желѣзная промышленность при такихъ условіяхъ, судя по докладу, находится чуть ли не наканунѣ новаго, болѣе сильнаго кризиса, то остается только удивляться, какъ она окончательно не погибла за 2 послѣдніе года? Но, къ счастью для промышленности, а можетъ быть, и для всей Россіи, является маленькое сомнѣніе, не преувеличены ли опасенія съѣзда, не чрезмѣрно ли сгущены краски въ докладѣ? Вѣдь докладъ коммиссіи составленъ ея предсѣдателемъ, горнымъ инженеромъ Шимановскимъ, а изъ практики прежнихъ лѣтъ намъ припоминается цѣлый рядъ сообщеній почтеннаго докладчика, гдѣ, подъ впечатлѣніемъ обстоятельствъ даннаго момента, замѣчались черезчуръ поспѣшныя обобщенія и заключенія, чрезмѣрно яркая окраска положеній и слишкомъ мрачныя или слишкомъ розовыя предсказанія, не оправдывавшіяся впослѣдствіи дѣйствительностью и подчасъ недостаточно обоснованныя. Три года назадъ г. Шимановскій, напр., говорилъ о полной невозможности для заводовъ продавать чугунъ дешевле 52—54 коп. за пудъ, а съ тѣхъ поръ мы видѣли цѣну

38—39 коп. Годъ назадъ мы слышали отъ той же коммиссіи призывъ къ единенію съ земствомъ, слышали о неразрывной связи интересовъ горнопромышленности и народнаго потребителя и о безусловной необходимости для заводовъ работать на народный рынокъ, и, однако, мы не видимъ, чтобы этотъ призывъ далъ до сихъ поръ сколько нибудь значительные результаты. Возобновляя въ памяти эти и подобные имъ факты, мы склонны думать, что и теперь тревожныя предсказанія увлекающагося докладчика окажутся значительно преувеличенными, и что промышленность, продукты которой со дня на день дорожаютъ, не особенно быстро приближается къ роковому кризису. Вѣдь если мы хоть на минуту повѣримъ той безотрадной картинѣ, которая нарисована въ указанномъ докладѣ, если мы придемъ къ заключенію, что даже подъемъ цѣнъ на желѣзномъ рынкѣ за послѣдніе мѣсяцы недостаточенъ для того, чтобы поставить на ноги южные горные заводы, то мы неизбѣжно будемъ вынуждены сказать, что наша южная металлургія неспособна къ самостоятельному существованію, что, слѣдовательно, единственный возможный для нея выходъ изъ тяжелаго положенія—поскорѣе ликвидировать свои дѣла! Признавъ правильнымъ положенія съѣзда, иного вывода сдѣлать нельзя. Невозможно же въ самомъ дѣлѣ, судя объективно и не утерявъ окончательно чувства дѣйствительности, мечтать о томъ, что при современномъ экономическомъ положеніи Россіи правительство, видя подъемъ рыночныхъ цѣнъ, стало бы поддерживать *правильную организацію торговли* (т. е. говоря, попросту, искусственно помогать повышенію цѣнъ синдикатами и союзами) и содѣйствовать снабженію иностранцевъ дешевымъ желѣзомъ за счетъ русскаго обывателя. Но, повторяю, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Не будучи апологетомъ донецкой желѣзной промышленности, я все же увѣренъ, что въ настоящее время, когда острый кризисъ остался позади, все то, что между южными заводами сколько-нибудь жизнеспособно, можетъ нормально развиваться, можетъ, при условіи правильной постановки коммерческой стороны дѣла, съ честью выйти изъ тѣхъ затрудненій, которыя чувствуются еще кое-гдѣ послѣ 1901—1902 годовъ. И взглядъ этотъ, если хотите, вполнѣ совпадаетъ съ однимъ изъ прошлогоднихъ докладовъ того же г. Шимановскаго. Нужно только, чтобы хорошія слова, которыя годъ назадъ говорились на съѣздѣ о народномъ потребителѣ, были претворены въ жизнь и дѣятельность, а не оставались бы красивой фразой, въ „нужный“ моментъ сказанной и скоро позабытой. Нужно обратить энергію и средства не на изученіе иностранныхъ, недоступныхъ намъ, рынковъ, а на детальное изученіе всей постановки торговли внутри Россіи. Это было бы потруднѣе, но за то полезнѣе, хотя, конечно, пріятныхъ поѣздокъ за счетъ съѣзда за границу при этомъ совершать не пришлось бы.

III.

Однако, чтобы не слишкомъ растягивать эти замѣтки, намъ пора перейти отъ желѣза къ углю. Какъ видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ началѣ статьи, количественно угольная промышленность послѣ миновавшаго кризиса несомнѣнно поднимается; отрицать этотъ фактъ невозможно. И обычныя жалобы шахтовладѣльцевъ переносятся на другую почву—говорятъ, что расширеніе потребленія, а слѣдовательно и производства, достигнуто за счетъ такого пониженія цѣнъ, что добыча угля стала убыточной, что изъ 35 крупнѣйшихъ предпріятій южнаго района дали дивиденды въ 1901—1902 г. только 5; что себѣ стоимость колеблется между $6^1/_4$—$6^1/_2$ коп. на пудъ, а продажная цѣна составляетъ отъ $6^1/_4$ до 7 к., и что эта ничтожная прибыль не оправдываетъ $^0/_0$ $^0/_0$ на капиталъ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ должно опять будто бы послѣдовать сокращеніе добычи и затѣмъ „угольный голодъ“ съ непомѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ, т. е. кризисъ потребительскій. Гг. углепромышленники, конечно, скорбятъ о томъ вредѣ, который наносится такими рѣзкими колебаніями въ развитіи угольнаго дѣла и потребителю, и шахтовладѣльцу. Они говорятъ, что лишь правильное *регулированіе производства и потребленія* можетъ дать каменноугольной промышленности тѣ прочныя основанія, на которыхъ она будетъ развиваться нормальнымъ путемъ. Для улучшенія положенія необходимо *принять мѣры къ установленію ея доходности и прибыльности*. Это можетъ быть достигнуто *или расширеніемъ рынковъ сбыта*, при чемъ увеличеніе производства дало бы возможность понизить стоимость добычи, или же *укрѣпленіемъ продажныхъ цѣнъ*. Понятно, что всѣ симпатіи съѣзда лежатъ на сторонѣ второго пути. На съѣздѣ прямо-таки было высказано, что *расширеніе рынковъ сбыта не во власти углепромышленниковъ*, такъ какъ ростъ потребленія зависитъ отъ *естественныхъ условій*, отъ „емкости“ каменноугольнаго рынка. Очевидно, господамъ горнопромышленникамъ (съ ихъ точки зрѣнія) остается прибѣгнуть къ „укрѣпленію цѣнъ“, что можетъ быть достигнуто „усиліями самихъ производителей“. Читатель несомнѣнно уже слышитъ здѣсь призывъ къ той же оригинальной русской „самодѣятельности“, которая среди металлурговъ привела къ „соглашеніямъ“ по продажѣ желѣза. Такимъ образомъ, въ воздухѣ еще пахнетъ синдикатомъ угольнымъ. И южные горнопромышленники въ этомъ случаѣ не одиноки. По крайней мѣрѣ, „С.-Петерб. Вѣд.“ перепечатали изъ мѣстныхъ газетъ сообщеніе, что „министерство финансовъ согласилось на *образованіе копевладѣльцами домбровскаго района синдиката*“ съ тѣмъ, однако, условіемъ, что для нуждъ желѣзныхъ

дорогъ заграничный уголь будетъ ввозится въ случаѣ надобности безпошлинно. Только что развитыя положенія иллюстрировались на съѣздѣ довольно оригинальной таблицей, въ которой были сопоставлены основные и облигаціонные капиталы нѣсколькихъ угольныхъ предпріятій, количество добываемаго ими угля, ихъ убыточность и затрата капиталовъ на каждый пудъ добычи. Подобныя цифры, взятыя за цѣлый рядъ лѣтъ, несомнѣнно представляли бы значительный интересъ; но, къ сожалѣнію, на съѣздѣ онѣ были даны лишь за 2 года, при чемъ свѣдѣнія по 5 предпріятіямъ относятся въ 1901 г., по 13 къ періоду съ 1-го іюля 1901 по 1 іюля 1902 г. и по 12 предпріятіямъ—къ 1902 г. *Данныхъ за 1903 г., годъ поворота къ лучшему, приведено не было.* Нужно, конечно, обладать недюжинною смѣлостью, чтобы при помощи такихъ матеріаловъ дѣлать какія либо общія заключенія, претендующія на серьезное значеніе. Если же я остановлю на нихъ на нѣсколько минутъ вниманіе читателя, то только для попутной иллюстраціи совсѣмъ иной стороны дѣла. Вотъ маленькое извлеченіе изъ упомянутой таблицы.

Капиталы, вложенные въ дѣло 5-ю, 13-ю и 12-ю фирмами, въ указанномъ выше порядкѣ, составляютъ 23 милліона, 35 мил. и 46 мил. Добыча ими угля выражается въ той же послѣдовательности въ 85, 93 и 115 мил. пудовъ. *На каждый пудъ* ежегодной добычи угля, себѣ-стоимость котораго, по словамъ углепромышленниковъ, составляетъ около $6^1/_2$ коп., оказывается затрачено капиталовъ (та же послѣдовательность) 27, 39 и 40 коп. Такимъ образомъ, *валовая* оцѣнка добычи составляетъ отъ $16^1/_4$ до $25^0/_0$ отъ суммы затраченныхъ капиталовъ. Другими словами, на каждый милліонъ, вложенный въ дѣло, добывается угля въ годъ (валовой приходъ) на 163—250 тысячъ. Цифра эта весьма невелика и на нашъ взглядъ показываетъ прямо-таки ненормальность коммерческихъ или техническихъ условій производства. „Въ этомъ и суть теперешняго кризиса!" скажутъ углепромышленники. „Если бы мы по условіямъ рынка могли добывать и продавать больше— и кризиса бы не было"! Однако, сколько же могли бы они добывать? Обратимся къ даннымъ съѣзда. Оказывается, что въ отчетномъ году потреблено донецкаго угля и антрацита около 802 мил. пудовъ, добывная же способность копей опредѣляется въ 1.230 мил. пудовъ. Такимъ образомъ, работая полнымъ ходомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ „емкости рынка", донецкій районъ могъ бы дать въ $1^1/_2$ раза больше угля, чѣмъ далъ на самомъ дѣлѣ. Другими словами, въ идеально благопріятномъ для углепромышленниковъ случаѣ, сообразно даннымъ той таблицы, о которой только шла рѣчь, они могли бы добывать на каждый милліонъ затраченнаго капитала ежегодно угля не на 163—250 тысячъ, а на 250—370 тысячъ, или на 310.000 рублей въ среднемъ. Еще разъ повторяю, что эта цифра, т. е. 310.000 р.

валовой выручки на милліонъ затраченныхъ капиталовъ, представляетъ изъ себя по выше приведеннымъ даннымъ, т. е. по словамъ самихъ же шахтовладѣльцевъ, въ среднемъ возможно высокую по интенсивности выработку теперь существующихъ угольныхъ шахтъ донецкаго бассейна. При такихъ условіяхъ, чтобы получить въ видѣ чистаго дивиденда небольшой по русскимъ понятіямъ % на затраченный капиталъ, скажемъ хоть 8% или 80 тысячъ съ милліона, надо брать на каждомъ пудѣ угля по краяней 33% барыша, т. е. пудъ угля, стоющій себѣ 6 коп., продавать ни коимъ образомъ не ниже 8; если же мы отъ идеальнаго разсчета вернемся къ дѣйствительности, т. е. къ добычѣ, оцѣниваемой примѣрно въ среднемъ въ 210.000 руб. на каждый положенный въ дѣло милліонъ, то окажется, что для полученія 8% дивиденда пришлось бы брать на пудъ угля уже 50—60% барыша или продавать его, при себѣ-стоимости въ 6 к., за 9—10 к. пудъ. Къ этимъ-то именно цѣнамъ и хотѣлось бы, вѣроятно, вернуться шахтовладѣльцамъ, а воспоминаніе о 1898 — 99 годахъ говоритъ намъ, что когда-то такія, и даже высшія, цѣны существовали въ дѣйствительности, но мы хотѣли бы надѣяться, что онѣ больше никогда не возвратятся. Дѣло въ томъ, что всѣ наши вычисленія, основанныя, какъ видитъ читатель, на данныхъ, приведенныхъ на съѣздѣ въ доказательство тяжелаго положенія донецкой углепромышленности, доказываютъ на самомъ дѣлѣ одно изъ двухъ: или первоначальныя затраты на организацію и оборудованіе предпріятій дѣлались неосмотрительно, и слишкомъ много средствъ пошло не на дѣло, а на разные „побочные“ расходы, или техническая сторона дѣла обставлена неудовлетворительно. Для подтвержденія этой мысли сошлюсь на другія промышленныя предпріятія (кромѣ желѣзныхъ дорогъ), гдѣ ежегодная *валовая* выработка составляетъ обыкновенно не 20—30, а 50 и больше (даже до 100) процентовъ вложеннаго въ дѣло капитала.

Но намъ всегда тѣ же гг. горнопромышленники говорятъ, что техника въ нашемъ южномъ районѣ стоитъ очень высоко; слѣдовательно, повѣривъ имъ, мы неизбѣжно должны принять первое предположеніе и на основаніи данныхъ съѣзда лишній разъ придти къ тому, давно извѣстному, выводу, что *основные капиталы* значительной части южныхъ угольныхъ предпріятій, благодаря условіямъ ихъ возникновенія, *исчислены необыкновенно высоко.* Къ этому заключенію неизбѣжно придетъ каждый, внимательно всмотрѣвшійся въ приведенныя выше цифры; но мы совершенно не видимъ основаній, которыя должны были бы заставить насъ думать, что потребитель долженъ покрывать изъ своего кармана эти старые грѣхи эпохи безшабашныхъ увлеченій первыхъ временъ развитія донецкой углепромышленности.

Посмотримъ, однако, на другое положеніе доклада. Мы видѣли

уже, что *расширеніе рынковъ сбыта*, „емкость“ рынка, по мнѣнію съѣзда, находится внѣ власти каменноугольной промышленности. Вотъ поистинѣ роковое признаніе! Слыхали ли вы когда нибудь, читатель, чтобы сильная и правильно поставленная промышленность говорила: „я не могу расширить свои рынки“? Можно подумать, что мы завалены углемъ, что Россія, которая сжигаетъ не только сотни милліоновъ пудовъ нефти, но въ сложности едва ли не милліарды пудовъ дровъ, торфа и соломы, не можетъ сжечь какихъ-то лишнихъ трехъ-четырехъ сотъ милліоновъ пудовъ угля. Чтобы сказалъ на это американецъ, который, при своихъ громадныхъ нефтяныхъ и лѣсныхъ богатствахъ, ухитряется потребить угля чуть ли не въ 50 разъ больше нашего, и потребить съ огромной пользой и для себя, и для промышленности? Я смѣю думать, что сами углепромышленники не станутъ утверждать, что Россія углемъ насыщена до крайняго предѣла. Это заявленіе о невозможности расширить емкость рынка не заключаетъ ли въ себѣ со стороны шахтовладѣльцевъ мысленной оговорки: „безъ серьезныхъ съ нашей стороны усилій и затратъ?“ Въ самомъ дѣлѣ—вѣдь одни сахарные заводы за первое полугодіе текущаго года дали приростъ потребленія на 40% противъ предыдущаго года. Говорятъ, что это потребленіе возрасло потому, что углепромышленники стали браться за неподходящее для себя дѣло—т. е., за подряды по отопленію сахарныхъ заводовъ, съ платою съ каждаго переработаннаго берковца свеклы; но если это расширяетъ ихъ сбытъ и не даетъ убытка, то на чемъ же основано мнѣніе о томъ, что за такую операцію угольщикамъ не слѣдуетъ браться? Мнѣ кажется, напротивъ, что она оказывается однимъ изъ прекрасныхъ средствъ детально изучить особенности извѣстной (и значительной) части общаго угольнаго рынка и непосредственно сблизиться съ покупателемъ.

Пароходство тоже быстро увеличиваетъ потребленіе русскаго угля, и думается, что предѣлъ его спроса еще далеко не достигнутъ.

Приведемъ еще одинъ примѣръ. Извѣстно ли вамъ, напр., читатель, что съ 1895 г. по 1900 годъ потребленіе *дровъ* въ Одессѣ *возрасло въ $2^1/_4$ раза*, а въ Харьковѣ въ 4,1 раза! Потребленіе же угля за то же время въ Одессѣ поднялось всего на 13% и лишь въ вдвое въ Харьковѣ. Въ Кіевѣ потребленіе дровъ осталось за эти годы безъ перемѣны, а въ Москвѣ поднялось на 8 мил. пудовъ. Въ общей же сложности только въ этихъ 4-хъ городахъ, вполнѣ доступныхъ для донецкаго ископаемаго топлива, въ 1900 г. сожжено 85 мил. пудовъ дровъ и только 44 мил. пудовъ угля. Такъ какъ 85 мил. пудовъ дровъ соотвѣтствуютъ примѣрно 35—40 мил. пудовъ угля, то мы видимъ, что одно городское отопленіе представляетъ довольно-таки широкое поле для коммерческой предпріимчивости углепромышленниковъ. Если же

обратить вниманіе на массу фабрикъ и заводовъ средней Россіи, которые до сихъ поръ жгутъ наши лѣсныя богатства, то, конечно, можно было бы найти небезвыгодное помѣщеніе для десятка милліоновъ пудовъ продукта южныхъ шахтъ. Насколько же такая замѣна въ смыслѣ экономическомъ можетъ быть выгодна, показываетъ весьма убѣдительный разсчетъ г. Вольскаго, который доказываетъ, что, замѣнивъ 94 мил. сравнительно *дешевыхъ*, сжигаемыхъ ежегодно въ Петербургѣ, дровъ очень *дорогимъ* (20 коп. п.) углемъ, обыватели могли бы получить экономію примѣрно въ 9.000,000 руб. въ годъ! Что же дѣлаютъ гг. углепромышленники для того, чтобы завоевать этотъ городской рынокъ средней и южной Россіи? Вѣдь для того, чтобы ввести свое топливо въ новые районы, надо его пропагандировать, надо убѣдить непривычнаго покупателя, что уголь можетъ съ удобствомъ и выгодно замѣнить изстари привычный способъ отопленія, надо указать совершеннѣйшій способъ устройства печей и т. д. Мы смѣемъ думать, что въ этомъ направленіи гг. южными углепромышленниками сдѣлано очень и очень мало, почему, повторяю, говорить о насыщеніи углемъ предѣльной „емкости" нашего рынка, по меньшей мѣрѣ, преждевременно, равно какъ преждевременно и возлагать серьезныя надежды на вывозъ угля за границу. Вѣдь разговоры объ этомъ вывозѣ ведутся уже больше двухъ лѣтъ, для изученія итальянскаго и иныхъ рынковъ видными углепромышленниками былъ совершенъ рядъ довольно пріятныхъ поѣздокъ въ Италію, Турцію и другія страны, но вывезено въ отчетномъ году на иностранные рынки угля лишь 1 мил. пудовъ! Кромѣ же этого скромнаго успѣха, имѣется только проблематическое обѣщаніе одной фирмы закупать по 12 мил. пудовъ въ годъ. Согласитесь, что этого слишкомъ мало для того, чтобы строить сколько нибудь серьезныя предположенія объ экспортѣ. Говорятъ, что надо ждать утвержденія устава общества для заграничной торговли углемъ, и тогда это дѣло двинется быстро впередъ. Можетъ быть. Мы отъ души желаемъ этому обществу прочнаго успѣха, но до его осуществленія, намъ хотѣлось бы видѣть побольше вниманія къ внутреннему рынку и не только къ рынку, представляемому желѣзными дорогами и металлургическими заводами, гдѣ потребленіе въ суммѣ опредѣляется десятками и сотнями милліоновъ пудовъ, а къ болѣе мелкому покупателю, начиная со средней и мелкой фабрики и кончая складомъ для продажи угля простымъ обывателямъ.

IV.

Разъ коснувшись обывательскаго потребленія, обратимъ кстати вниманіе еще на одно интересное и, думается намъ, серьезное обстоятельство. Извѣстно, что для домашняго употребленія лучшій сортъ угля—антрацитъ *). Этотъ же видъ угля даетъ прекрасные результаты всюду, гдѣ его по техническимъ условіямъ можно примѣнять. Между тѣмъ, антрацитъ у насъ почти не идетъ. Его добыча составляетъ лишь $11^1/_2$ % общей добычи ископаемыхъ углей донецкаго бассейна, и этотъ фактъ обыкновенно принимается, какъ нѣчто естественное и зависящее отъ природныхъ условій донецкаго бассейна. На самомъ же дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. По серьезнымъ геологическимъ изслѣдованіямъ, оказывается, что донецкій край несравненно богаче антрацитами, чѣмъ другими сортами угля; что слѣдовало бы, какъ кажется, позаботиться о томъ, чтобы обыкновенные, неантрацитовые угли, необходимые во многихъ отрасляхъ промышленности, не истреблялись въ слишкомъ большихъ количествахъ тамъ, гдѣ они могутъ быть замѣнены антрацитомъ. Намъ, быть можетъ, пора уже въ интересахъ послѣдующихъ поколѣній подумать о сохраненіи жирныхъ и коксующихся углей. И, однако, мы видимъ, что добыча антрацитовъ по сравненію съ добычей угля не только не развивается и стоитъ на прежнемъ низкомъ уровнѣ, но даже годами падаетъ. Въ чемъ же причина этого явленія? Возможно ли въ самомъ дѣлѣ усилить потребленіе лучшаго сорта топлива? Не хотятъ ли авторитетные спеціалисты (проф. Лутугинъ) навязать донецкому краю такое производство, которое ему недоступно по естественнымъ или коммерческимъ условіямъ?

Извиняюсь за маленькое отступленіе: года два назадъ я сдѣлалъ попытку бѣгло охарактеризовать на страницахъ „Русскаго Богатства" группировку членовъ южнаго горнопромышленнаго съѣзда. Повторить теперь эти характеристики я не считаю, конечно, возможнымъ, но напомню читателю, что мнѣ пришлось тогда подчеркнуть именно противоположность интересовъ крупной углепромышленности въ западной части донецкаго бассейна и сравнительно мелкихъ *антрацито*-промышленныхъ предпріятій въ восточной части этого района. Я указывалъ тогда, что значительное и вліятельное большинство съѣзда именно заинтересовано въ развитіи потребленія угля и въ устраненіи конкурренціи опаснаго для нихъ антрацита. Сильнѣе всего обыкновенно

*) Антрацитъ даетъ сильный жаръ и не даетъ *пламени*, и потому въ нѣкоторыхъ техническихъ условіяхъ онъ не примѣнимъ. Онъ не даетъ кокса.

эта скрытая борьба загорается на съѣздѣ около двухъ центральныхъ вопросовъ: при обсужденіи возбуждаемыхъ по разнымъ случаямъ ходатайствъ объ измѣненіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ и при выясненіи степени необходимости устройства тѣхъ или иныхъ подъѣздныхъ путей. А такъ какъ подъѣздные пути составляютъ необходимѣйшее условія развитіе каждаго угольнаго предпріятія, и копи, не имѣющія такихъ путей, находятся въ смыслѣ конкуренціи въ условіяхъ часто почти невозможныхъ, то интересъ къ этому дѣлу со стороны шахтовладѣльцевъ понятенъ самъ собою. Устройства подъѣздныхъ путей къ своимъ рудникамъ желаютъ всѣ, но добиваются его прежде другихъ, конечно, самые ловкіе и наиболѣе вліятельные. Теперь я попросилъ бы читателя взглянуть на подробную карту желѣзно-дорожныхъ путей донецкаго района, и тогда одна изъ важнѣйшихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ нашъ антрацитъ находитъ себѣ еще такое сравнительно слабое примѣненіе на рынкѣ, выяснится сама собой.

Огромная доля общаго протяженія подъѣздныхъ путей сосредоточенна въ тѣхъ частяхъ бассейна, гдѣ добываются угли, восточная же часть бассейна, гдѣ сосредоточены антрациты, сравнительно крайне бѣдна этими путями. Не настало ли уже время обратить на эту сторону дѣла серьезное вниманіе? Какъ кажется, въ ней именно въ значительной степени кроется отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о слабой добычѣ антрацитовъ.

Въ связи съ распространеніемъ на рынкѣ различныхъ сортовъ углей донецкаго бассейна, можно отмѣтить постановленіе съѣзда объ устройствѣ въ Харьковѣ испытательной станціи. Надо сказать, что, не смотря на многолѣтнее существованіе южной горнопромышленности, до сихъ поръ не существуетъ ни установленной, всѣми принятой классификаціи разныхъ сортовъ донецкихъ углей, ни точнаго опредѣленія ихъ свойствъ.

Гг. углепромышленники часто по этому поводу жалуются, но ничего для измѣненія этого положенія пока не сдѣлали, хотя еще 2 года назадъ настоящій вопросъ былъ поднятъ особой коммиссіей при участіи желѣзнодорожныхъ инженеровъ, занимавшейся вопросомъ о примѣненіи разныхъ сортовъ ископаемаго топлива на желѣзныхъ дорогахъ. Теперь, благодаря спеціальному докладу, это дѣло выплыло снова, но никакихъ реальныхъ мѣръ для его осуществленія съѣздъ, кажется, еще не принялъ. По крайней мѣрѣ, газеты сообщили только о передачѣ его въ особую коммиссію. Жаль, если это такъ. Несомнѣнно, что устройство такой станціи — насущный вопросъ южнаго угольнаго дѣла; но надо имѣть въ виду, что подобное учрежденіе должно столько же служить интересамъ углепромышленниковъ, сколько и интересамъ потребителя. И я полагаю, что въ интересахъ дѣла самимъ горнопромышленникамъ слѣдовало бы позаботиться, чтобы такая станція была по возможности *независима* отъ съѣзда, чтобы

безпристрастность и научная обоснованность ея работъ стояли внѣ всякой возможности подозрѣній. Съ этой точки зрѣнія устройство станціи „подъ руководствомъ совѣта съѣзда“, пожалуй, можетъ вызвать и нѣкоторыя возраженія.

Отмѣтимъ еще, что учрежденіе испытательной станціи разсматривалось въ упомянутомъ докладѣ, какъ одно изъ условій оживленія харьковской биржи. Съ устройствомъ станціи биржа будетъ имѣть возможность установить точныя марки угля и давать покупателю полныя свѣдѣнія о всякихъ сортахъ топлива. Конечно, это было бы прекрасно, и можно только пожалѣть, что первая и единственная наша угольная биржа до сихъ поръ не приступила къ разрѣшенію этихъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ; но, признаюсь, въ этой аргументаціи мое вниманіе привлекла другая сторона дѣла—въ ней было высказано, что харьковскую угольную биржу слѣдуетъ оживить. Другими словами, что теперь она дѣйствуетъ слишкомъ слабо. Это публичное признаніе всѣмъ извѣстнаго факта имѣетъ на нашъ взглядъ немаловажное значеніе. Эта неоживленность биржевыхъ дѣлъ и, если можно такъ выразиться, недостаточная гибкость биржевыхъ бюллетеней, какъ бы не поспѣвающихъ за дѣйствительнымъ ходомъ коммерческихъ сдѣлокъ, не составляетъ, конечно, новости для лицъ, интересующихся южнымъ горнымъ дѣламъ. Кажется, надъ этой биржей тяготѣетъ тотъ же рокъ, который давитъ у насъ большинство биржъ. Продавцы предпочитаютъ вести дѣло по старинкѣ, въ своихъ конторахъ, какъ бы въ темную. Нравы западно-европейской торговли, понимающей правильность и выгоду внесенія извѣстной доли гласности и публичности даже въ торговую сдѣлку, намъ еще въ значительной мѣрѣ чужды. Мы хотимъ пользоваться всѣми благами новаго положенія торговли—быстротой сообщеній и всѣми видами торговой освѣдомленности“, правильно поставленнымъ арбитражемъ и т. п., но хотимъ имѣть все это каждый для себя. А сколько розовыхъ надеждъ было высказано по поводу харьковской угольной биржи въ то время, когда тонъ всѣмъ мѣропріятіямъ по торговой части давали С. Ю. Витте и В. И. Ковалевскій, симпатизировавшіе биржевой торговлѣ!

V.

Переходя къ тѣмъ вопросамъ XXVIII южнаго горнаго съѣзда, которые касаются не коммерческой, а бытовой стороны дѣла, мы прежде всего должны остановиться на докладѣ г. Дитмара, пытавшагося вычислить, во что обойдется донецкой каменноугольной промышленности осуществленіе новаго закона о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ.

Въ основаніе своихъ разсчетовъ докладчикъ, само собой разу-

мѣется, долженъ былъ положить данныя о количествѣ несчастій въ донецкомъ бассейнѣ. Отмѣчу, что г. Дитмаръ, спеціально занимающійся статистикой южнаго горнаго дѣла, утверждаетъ, что его свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, въ той ихъ части, которая касается смертельныхъ и тяжкихъ увѣчій, вполнѣ точны и охватываютъ *всѣ* такія несчастія. Оперируя съ данными за нѣсколько лѣтъ, относящимися къ добычѣ многихъ сотенъ милліоновъ пудовъ угля, докладчикъ, составивъ цѣлый рядъ таблицъ, приходитъ къ выводу, что на каждые 100 мил. пудовъ добычи угля въ разныхъ районахъ донецкаго бассейна падаетъ смертельныхъ случаевъ (отбрасывая десятичные знаки) отъ 26 до 33 *), по луганскому округу на ту же добычу приходится полныхъ увѣчій, т. е. такихъ, которые совсѣмъ лишаютъ рабочаго возможности трудиться, 5,47; частичныя потери трудоспособности выражатюся 19 случаями; случаевъ же временной потери 122.

Прибавлю здѣсь отъ себя, что при добычѣ въ 800 мил. пудовъ въ годъ, основываясь на этихъ цифрахъ, мы получимъ для угольныхъ шахтъ донецкаго бассейна такіе примѣрно годичные итоги: около *240* убитыхъ, около *200* инвалидовъ, около 1000 раненыхъ. Цифры, какъ видите, внушительныя; но все же надо сказать, что, принимая во вниманіе профессіональную опасность производства и общее количество рабочихъ на донецкихъ копяхъ (отъ 55 до 80.000), нельзя было бы удивиться, если бы на самомъ дѣлѣ онѣ оказались еще выше... Однако въ настоящую минуту мы совсѣмъ не желаемъ подвергать сомнѣнію правильность цифръ г. Дитмара и вернемся къ изложенію доклада. Въ немъ говорится, что средній годовой заработокъ шахтера составляетъ 343 р., а считая квартиру и проч., поднимается даже до 412 р. въ годъ. Руководствуясь данными существующаго при съѣздѣ Общества пособія горнорабочимъ для выясненія семейнаго положенія большинства потерпѣвшихъ, г. Дитмаръ примѣрно вычисляетъ ту сумму, которую придется по вводимому съ 1-го января закону уплачивать увѣчнымъ рабочимъ и ихъ семьямъ. Эта сумма опредѣляется въ 1.493,000 руб., а такъ какъ въ настоящее время шахтовладѣльцы добровольно тратятъ, по словамъ докладчика, на пособіе пострадавшимъ при несчастіяхъ около 800 тысячъ, то *добавочный* расходъ въ будущемъ году составитъ около *700.000* руб., или *менѣе 0,1 к. на пудъ добываемаго угля*, прибавимъ отъ себя. Должно сказать, что по новому закону высота вознагражденія увѣчнаго находится въ строго пропорціональномъ отношеніи къ его заработку; такимъ образомъ, приведенный разсчетъ построенъ на указанной цифрѣ средняго заработка на шахтахъ (343 р.), цифра же эта, въ качествѣ *средней*, вызываетъ невольныя сомнѣнія, какъ

*) Не имѣя въ рукахъ таблицъ, привожу цифры по сообщеніямъ мѣстныхъ газетъ.

слишкомъ высокая. Но, допустивъ, что она вычислена правильно, мы видимъ, что при этомъ предположеніи та *новая* тяжесть, которую наложитъ законъ объ отвѣтственности на шахтовладѣльцевъ, составитъ, какъ указано, всего около 0,1 коп. на пудъ угля, т. е. около 12 р. на годовой заработокъ каждаго рабочаго, или, другими словами, слѣдуя цифрамъ г. Дитмара, около *3—3,5% общей суммы заработной платы.* Спрашивается, въ чемъ же причина удивительныхъ жалобъ на законъ объ отвѣтственности, слышавшихся на съѣздѣ? Неужели-же эта 0,1 коп. на пудъ угля—величина, которую, вѣроятно, не отмѣтитъ даже биржевая цѣна—при условіи болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія этого расхода на всѣ предпріятія, представитъ такой непосильный налогъ, что по поводу его можно кричать на всю Россію?

Читатель не забылъ, конечно, что новыя правила о вознагражденіи увѣчныхъ, вызвали нѣчто совершенно небывалое даже въ лѣтописяхъ съѣздныхъ ходатайствъ—ходатайство объ отсрочкѣ введенія въ дѣйствіе закона, полгода назадъ опубликованнаго, уже хорошо извѣстнаго всей Россіи и, главное, заинтересованнымъ въ его примѣненіи рабочимъ! Если ходатайство это и мотивировалось „неподготовленностью“ заводовъ и горной инспекціи къ примѣненію названныхъ правилъ, то вѣдь всѣмъ было понятно, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эта „подготовленность“ будетъ выше черезъ годъ, чѣмъ теперь. Очевидно, что рѣчь шла просто объ отложеніи закона, который гг. горнякамъ непріятенъ. Въ мотивировкѣ этого вопроса, поставленнаго на съѣздъ лидеромъ углепромышленниковъ, г. Авдаковымъ, существенную роль, надо это отмѣтить, играла ссылка на то, что такое же ходатайство *уже возбуждено заводчиками сѣвернаго района.* Напрасно противники предложенія указывали на его неосуществимость и на его неприличіе. Ничего не помогло. Было очевидно, что промышленниковъ, идущихъ на защиту своего рубля, ничѣмъ не запугаешь. Самый видный изъ представителей металлурговъ, извѣстный г. Ясюковичъ, прямо такъ и заявилъ: „мы видывали виды!“ Ссылка на то, что „другіе ходатайствуютъ, и намъ надо ходатайствовать“, имѣла, кажется, рѣшающее значеніе: 21 голосъ противъ 16 рѣшилъ просить объ отсрочкѣ.

Несомнѣнно, что никакого практическаго значенія это ходатайство имѣть не могло, но, тѣмъ не менѣе, оно многознаменательно, какъ симптомъ будущаго. Слѣдуетъ предполагать, что, хотя бы, ради стремленія доказать правильность своего мнѣнія, многіе изъ высказавшихся за отсрочку введенія закона постараются на практикѣ затруднить его примѣненіе, а нѣкоторая неопредѣленность текста закона даетъ каждому желающему въ руки массу поводовъ для затягиванія рѣшеніи возникающихъ споровъ и недоразумѣній. Ясно, что при трудномъ дѣлѣ проведенія новыхъ пра-

вилъ въ жизнь южная горная инспекція должна теперь предвидѣть массу затрудненій, вызванныхъ не только существомъ дѣла, но и, такъ сказать, экстраординарныхъ, т. е. такихъ, которыя явятся послѣдствіемъ простого упорства фрондирующихъ горнозаводчиковъ.

Въ заключеніе подчеркнемъ, однако, и ту хорошую мысль, которая была высказана и сочувственно встрѣчена большинствомъ на томъ самомъ засѣданіи, гдѣ было рѣшено возбудить это странное ходатайство—мысль о желательности скорѣйшаго введенія общаго обязательнаго страхованія рабочихъ. Но, думается, что высказать эту мысль саму по себѣ, не сопоставляя ее съ безплодною оппозиціей новому закону, было бы гораздо проще и болѣе соотвѣтствовало бы достоинству съѣзда, какъ учрежденія.

Кромѣ правилъ о вознагражденіи увѣчныхъ, съѣздъ подробно разсматривалъ и законъ о старостахъ рабочихъ. И этотъ безобидный, слабый по своей конструкціи, законъ все же вызвалъ со стороны горнопромышленниковъ цѣлую массу возраженій; характерно, при этомъ, что возраженія эти совсѣмъ не коснулись дѣйствительно неудовлетворительной стороны дѣла, т. е. туманно благопожелательной редакціи закона, не возлагающаго на заводы и шахты никакихъ ясно формулированныхъ обязанностей и не признающаго никакихъ опредѣленныхъ правъ ни за рабочими, ни за ихъ избранниками—старостами. Нѣтъ, гг. горнопромышленники относятся отрицательно именно къ его основной идеѣ, къ идеѣ о желательности дать рабочимъ возможность высказывать свои общія коллективныя нужды и пожеланія черезъ выбранныхъ лицъ. Они говорятъ, что каждый рабочій самъ по себѣ всегда можетъ обратиться по своему дѣлу къ заводоуправленію и всегда его справедливыя претензіи будутъ удовлетворены. Весьма понятно, что практика во многихъ случаяхъ противорѣчитъ этому голословному утвержденію, и мы не обратили бы особеннаго вниманія на новыя варіаціи устарѣлыхъ мнѣній, неправильность которыхъ давно доказана жизнью, если бы не одно странное обстоятельство. Просматривая „Спб. Вѣд." за 1 декабря, я нашелъ тамъ выписку изъ „Варшавскаго Дневника". Эта газета сообщаетъ, что до сихъ поръ „правила о старостахъ" не получили распространенія въ привислянскомъ горномъ округѣ; что мѣстныя „заводоуправленія, въ видахъ удовлетворенія текущихъ нуждъ рабочихъ, въ послѣднее время предоставили имъ свободный доступъ въ свои управленія, при чемъ справедливыя ходатайства удовлетворяются безъ замедленія". Заводы опасаются, что старосты вызовутъ разладъ между рабочими и заводоуправленіями; что и теперь, въ случаѣ возникновенія общихъ желаній среди рабочихъ, заводы даютъ имъ возможность и безъ закона о старостахъ выяснить и формулировать свои нужды (т. е. со-

бираться для обсужденія дѣла и т. д.). Читая эти строки, я, по правдѣ сказать, былъ изумленъ до крайности. Неужели это случайное совпаденіе? Говоря, вѣроятно, со словъ мѣстныхъ компетентныхъ лицъ о привислянскихъ заводахъ, „Варш. Дневн.“ вѣдь *почти буквально* повторяетъ слова южнаго горнаго съѣзда. Удивительный случай, когда солидарность интересовъ, не смотря на разность мѣстныхъ условій, порождаетъ поразительное совпаденіе не только *мыслей*, но и *словъ*. Очевидно, что горные дѣятели разныхъ районовъ научились за послѣдніе годы дѣйствовать дружно и хорошо спѣлись!

VI.

Для того, чтобы закончить эти бѣглыя замѣтки о XXVIII съѣздѣ южныхъ горнопромышленниковъ, остановимся на трехъ не лишенныхъ интереса докладахъ, касающихся земства. Авторомъ всѣхъ ихъ былъ тотъ же г. Дитмаръ, который исчислялъ будущіе расходы шахтовладѣльцевъ по примѣненію закона о вознагражденіи увѣчныхъ. Прежде всего онъ выступилъ противъ неравномѣрности земскаго обложенія. По существу здѣсь дѣло весьма просто: земство, носящее теперь, по мнѣнію докладчика, дворянско - землевладѣльческій характеръ, облагаетъ заводы во много разъ сильнѣе, чѣмъ имѣнія, употребляя для этого простой пріемъ: оно оцѣниваетъ заводы по ихъ дѣйствительной стоимости, а земли цѣнитъ въ 10—20 разъ ниже ихъ дѣйствительной цѣны. Соглашаясь съ докладчикомъ, съѣздъ, съ одной стороны, возлагаетъ большія надежды на переоцѣнку имуществъ по закону 1893 года, а съ другой—озабоченъ усиленіемъ представительства горнопромышленности въ земствѣ и настаиваетъ на томъ, чтобы къ самымъ оцѣнкамъ приглашались представители оцѣниваемыхъ предпріятій. Все это, конечно, очень хорошо, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что промышленники хлопочутъ объ освобожденіи себя отъ несправедливаго, по ихъ мнѣнію, обложенія; но позволительно спросить, почему они ничего не говорятъ о главной причинѣ неравномѣрности обложенія: объ обложеніи имущества по его *цѣнности*, а не по его *доходности*? И отчего, говоря о неравномѣрности податнаго бремени, они не упоминаютъ о томъ, какіе огромные поборы въ свою пользу взимаютъ заводы съ населенія, и преимущественно съ земледѣльческаго населенія, благодаря нашей покровительственной системѣ, благодаря массѣ льготъ и субсидій, которыми горное дѣло пользовалось и пользуется? До разрѣшенія этихъ коренныхъ вопросовъ, пожалуй что, и некстати гг. горнопромышленникамъ изображать себя въ печальномъ положеніи угнетаемыхъ и разоряемыхъ несправедливыми и будто бы непосильными для нихъ земскими налогами.

Мы прекрасно знаемъ, что нѣсколько усиленное обложеніе

промышленныхъ предпріятій сравнительно съ земледѣліемъ существуетъ во многихъ мѣстахъ Россіи, но думаемъ, что гг. промышленникамъ именно въ силу справедливости слишкомъ много говорить объ этомъ не приходится.

Въ основаніе второго доклада г. Дитмара легли свѣдѣнія, полученныя съѣзднымъ статистическимъ бюро относительно снабженія населенія черезъ посредство земствъ земледѣльческими орудіями и желѣзомъ.

Читатель помнитъ, быть можетъ, тѣ трогательныя рѣчи, которыя подъ вліяніемъ кризиса, а частью, можетъ статься, и въ цѣляхъ привлеченія симпатичными фразами особаго къ себѣ вниманія разныхъ общественныхъ и административныхъ сферъ, говорились на прошломъ съѣздѣ о единеніи горнаго дѣла съ земствомъ и объ интересахъ народнаго потребителя. Теперь этихъ рѣчей уже что-то не слышно, прошлогодніе же потоки краснорѣчія на дѣлѣ превратились въ реальное ходатайство о вмѣненіи земствамъ въ обязанность, при возведеніи общественныхъ сооруженій и механическихъ устройствъ, обращаться исключительно къ русскимъ заводамъ и давать заказы иностраннымъ фирмамъ только съ разрѣшенія правительства. Ходатайство это, само собой разумѣется, не могло быть въ такомъ видѣ удовлетворено, но вызвало, однако, извѣстный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, черезъ губернаторовъ рекомендовавшій земствамъ поддерживать русскую промышленность. Очевидно, что гг. горнопромышленники, говоря въ прошломъ году хорошія слова, вмѣстѣ съ тѣмъ были далеко не прочь оказать на земство въ свою пользу и „внѣшнее давленіе", справедливо полагая, что это короче и проще. Но въ этомъ году земство, какъ покупатель, вызываетъ къ себѣ среди горняковъ, кажется, уже гораздо меньше вниманія. И почемъ знать, это равнодушіе не является-ли слѣдствіемъ того, что статистика показала заводчикамъ незначительность на ихъ масштабъ коммерческаго значенія для нихъ земства? Еще въ февралѣ текущаго года въ „Русскомъ Богатствѣ" были помѣщены авторомъ этихъ строкъ замѣтки, въ которыхъ, между прочимъ, выяснялась эта сторона дѣла; а потому для меня оказались вдвойнѣ интересными нѣкоторыя цифры доклада. Изъ нихъ, между прочимъ, видно, что во всѣхъ 34 земскихъ губерніяхъ есть склады, торгующіе земледѣльческими машинами. Въ 29 губерніяхъ земство принимаетъ участіе въ распространеніи кровельнаго желѣза, а въ 17 и сортоваго желѣза. Правда, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ минимальнымъ отпускомъ (Олонецкая, Псковская) сумма продажи не превосходитъ 2—5 тысячъ рубл.; но за то есть губерніи, гдѣ продано однихъ орудій чуть ли не на милліонъ, напримѣръ, Ярославская (959.000) или Самарская (707 тысячъ). Однако, не смотря на то, общая сумма, на которую продано по всей Россіи земствомъ желѣза и издѣлій въ 1902 г., крайне не велика; кро-

вельнаго желѣза на 1.981 тыс., сортоваго желѣза на 300 тыс. и сельскихъ орудій на 5.337 тыс., или въ общей сложности на *7.618.000 рубл.*! Какъ бы для того, чтобы оттѣнить сравнительную ничтожность этой суммы, докладчикъ привелъ разсчетъ, изъ котораго слѣдуетъ, что, если бы вся Россія покрыла свои крыши желѣзомъ, то на это понадобилось бы металла $2^1/_2$ милліарда пудовъ, т. е. примѣрно на 5 милліардовъ рублей. То-то бы зажили заводы! Жаль, что нельзя каждаго обывателя заставить крыть свои крыши желѣзомъ при посредствѣ какого нибудь циркуляра, изданнаго по соотвѣтственному ходатайству!

Однако, какъ ни скромны рессурсы земства, въ качествѣ покупателя металла, все же заводамъ слѣдовало позаботиться о томъ, чтобы земствамъ не представлялось соблазнительнымъ выписывать, напр., въ Пермь, въ это сердце Урала,—желѣзо изъ-за границы. А вѣдь такая попытка еще недавно имѣла мѣсто. Теперь не хватаетъ только, чтобы заграничный металлъ пошелъ бы въ Луганскъ или въ Юзовку.

Третій докладъ касался отношеній земства къ врачебно-санитарной части горнозаводскихъ предпріятій. Дать этому докладу надлежащую оцѣнку можно было бы лишь послѣ предварительнаго изложенія всего того, что происходило въ Екатеринославлѣ на двухъ съѣздахъ минувшей осени: сначала на съѣздѣ горнозаводскихъ врачей, а затѣмъ на соединенномъ засѣданіи ихъ со съѣздомъ врачей земскихъ. Но это слишкомъ большой и сложный вопросъ, и ему стоило бы посвятить особую статью. Здѣсь же я могу сказать только, что на этихъ съѣздахъ рознь земской и заводской медицины была подчеркнута сильно и несомнѣнно. Если въ нападкахъ земскихъ врачей на постановку врачебно-санитарнаго дѣла на заводахъ, быть можетъ, слышались иногда черезчуръ рѣзкія ноты, то надо сказать, что и заводскіе врачи весьма голословно утверждали, что врачебно-санитарное дѣло на заводахъ стоитъ гораздо выше земскаго, и что, говоря о единеніи, земство будто бы руководствуется желаніемъ только воспользоваться богатыми средствами заводской медицины. Въ концѣ-концовъ рознь этихъ двухъ врачебныхъ лагерей сказалась настолько рѣзко, что когда предсѣдателемъ съѣзда былъ поставленъ вопросъ „желательно ли единеніе земской и фабрично-заводской медицины", то большинство заводскихъ докторовъ отказались участвовать въ баллотировкѣ.

Господа горнопромышленники, по всей вѣроятности, раздѣляя мнѣніе служащихъ у нихъ врачей, поставили, однако, дѣло на другую почву. Прежде всего они, съ формальной стороны правильно, раздѣлили санитарію и медицину. Затѣмъ подняли вопросъ о неудобствѣ подчиняться правиламъ, исходящимъ изъ двухъ источниковъ: отъ земства и отъ главнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Врядъ ли можно сомнѣваться, что симпатіи боль-

шинства съѣзда клонились въ пользу подчиненія присутствію, такъ какъ оно до сихъ поръ совсѣмъ никакихъ правилъ по этой части не издало, но сдѣлано съѣздомъ постановленіе въ довольно осторожной формѣ: ходатайствовать о разъясненіи, какія правила по санитарной части—земства или присутствія—заводы и рудники обязаны исполнять? Представители земства, указывавшіе, что вопросъ этотъ давно рѣшенъ ст. 108-й полож. о земс. учрежд., конечно, остались въ мельшинствѣ. Что же касается собственно врачебной помощи, то съѣздъ призналъ, что законъ ни на земства, ни на заводы *) и рудники не возлагаетъ прямой обязанности лѣчить населеніе и рабочихъ, а потому расходы на это дѣло и та, и другая сторона несутъ вполнѣ добровольно, а слѣдовательно, и взаимныя отношенія ихъ въ этомъ дѣлѣ могутъ быть установлены лишь на почвѣ *добровольныхъ* соглашеній. Желательнѣйшимъ типомъ такихъ соглашеній съѣздъ считаетъ такое, кажется, еще нигдѣ невиданное, положеніе: заводъ принимаетъ на себя обязанность лѣчить въ данномъ районѣ мѣстное населеніе, а земство ему на это отпускаетъ извѣстныя средства. Только въ смыслѣ общности регистраціи заболѣваній съѣздъ нашелъ возможнымъ сдѣлать земству нѣкоторую уступку и выработать совмѣстно общую карточную систему. Какъ говорится, и на томъ спасибо!

Заканчивая эти бѣглыя замѣтки объ XXVIII очередномъ Харьковскомъ съѣздѣ горнопромышленниковъ, я не могъ не задать себѣ вопроса: чему же научили горнопромышленниковъ тяжелые годы? Въ началѣ 1901 г., когда пережитый теперь кризисъ еще только что вырисовывался во всей своей силѣ, мнѣ пришлось высказать, что наносимые имъ убытки въ свое время покроются сторицей, если горнопромышленники, благодаря тяжелому уроку, дѣйствительно научатся цѣнить мелкаго потребителя, научатся проводить, конечно, безъ министерскихъ циркуляровъ, свой продуктъ въ широкіе круги населенія. Въ прошломъ году довѣрчивые люди думали, что горные заводы серьезно вступятъ на этотъ путь. Эти иллюзіи, однако, скоро разсѣялись, и теперь, подведя, съ точки зрѣнія обывателя, итоги трехъ послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что тяжелые годы научили гг. шахтовладѣльцевъ и металлурговъ совсѣмъ не тому, о чемъ говорили на прошлогоднемъ Харьковскомъ съѣздѣ ораторы, витійствовавшіе о единеніи горнаго дѣла съ земствомъ! Нѣтъ, практика показываетъ совсѣмъ другое. Горнопромышленники научились за это время, во-первыхъ, организовать синдикаты. Если два года назадъ въ этомъ направленіи первый примѣръ показали металлурги, увлекшіе за собою *позднѣе* и другія отрасли металлическаго производства, то въ

*) Не забыть ли при этомъ съѣздомъ законъ 1866 года?

этомъ году мы можемъ ожидать образованія и угольныхъ синдикатовъ: домбровцы уже приступили къ дѣлу, а въ Харьковѣ о немъ говорили довольно прозрачно. Вторымъ результатомъ тяжелыхъ лѣтъ явилась болѣе тѣсная связь различныхъ горнозаводскихъ районовъ; она, конечно, оказалась естественнымъ слѣдствіемъ различныхъ „соглашеній“, такъ какъ отъ соглашенія *порайоннаго* до соглашенія *междурайоннаго*, въ сущности, одинъ шагъ. Изъ первыхъ двухъ результатовъ кризиса самъ собой проистекаетъ и третій: горнопромышленники *всей* Россіи начинаютъ уже *всѣ совмѣстно* отстаивать свои интересы, не только въ сферѣ экономической и коммерческой, а и въ другихъ областяхъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ солидарности районовъ относительно закона о старостахъ, обращаетъ на себя особенно вниманіе дружное, по всей Россіи прошедшее удивительное ходатайство объ отсрочкѣ введенія закона о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ.

Учителями южныхъ предпринимателей въ практикѣ горнаго дѣла были бельгійцы; не у нихъ ли научились наши горнопромышленники умѣнію цѣнить значеніе союзовъ? Вѣдь девизъ Бельгіи, если я не ошибаюсь, „L'union fait la force“. И если эта сила, не встрѣчающая никакого противодѣйствія со стороны потребителя въ силу его разрозненности, превращается по русскимъ условіямъ порою въ простую беззастѣнчивость, то удивляться этому, конечно, нечего. Но, каково бы ни было направленіе этой силы, образованіемъ ея гг. горнозаводчики обязаны дисциплинирующимъ ихъ съѣзднымъ организаціямъ. Не даромъ же эти практики такъ цѣнятъ съѣзды, и не даромъ же послѣдній Харьковскій съѣздъ теперь, громко жалуясь на плохое положеніе дѣлъ, все же счелъ необходимымъ учредить новыя особыя должности управляющаго дѣлами съѣзда и его помощника, при чемъ не задумался ассигновать на вознагражденіе этихъ двухъ лицъ 16.800 р.— Этотъ послѣдній итогъ „тяжелыхъ лѣтъ“, при всей своей сравнительной съ общимъ размахомъ горныхъ дѣлъ ничтожности, все же довольно характеренъ.

Сѣверянинъ.

Политика.

Годъ 1903 въ политическомъ отношенiи.

Общая характеристика года.—Судьба прежнихъ и возникновенiе новыхъ международныхъ комбинацiй. — Дѣла Дальняго Востока.—Македонскiя дѣла.—Внутреннiя событiя главныхъ нацiй цивилизованнаго мiра.

I.

Годъ 1903, который мы теперь доживаемъ, мало совершилъ, но многое нарушилъ, разстроилъ, намѣтилъ, подготовилъ для неизвѣстнаго будущаго и много посѣялъ тревоги, безпокойства, неувѣренности въ этомъ невѣдомомъ будущемъ. Менѣе, чѣмъ оно уже обыкло за послѣднее десятилѣтiе, даже гораздо менѣе, человѣчество увѣрено даже въ ближайшихъ дняхъ своего существованiя. Оно не увѣрено теперь въ прочности и дѣйствительности тройственнаго союза и еще менѣе того въ прочности и дѣйствительности франко-русскаго, а эти двѣ комбинацiи и были въ теченiе десяти лѣтъ основою, на которой покоилось равновѣсiе политическихъ силъ цивилизованнаго мiра, а слѣдовательно, и нѣкоторая увѣренность въ мирѣ въ ближайшемъ будущемъ. Обозрѣвая 1902 г., мы уже отмѣтили симптомы, указывавшiе на ослабленiе этихъ двухъ международныхъ комбинацiй и на появленiе тогда еще третьей англо-японо-американской, обѣщавшей значительные и мало допускавшiе предвидѣнiе плоды. Эволюцiя, однако, развивается медленно, и цѣлый годъ всемiрной исторiи не принесъ въ этомъ отношенiи ничего рѣшительнаго: тройственный союзъ возобновленъ, франко-русскiй не нарушенъ, англо-японо-американскiй почти бездѣйствуетъ. И тѣмъ не менѣе на всѣхъ событiяхъ, волновавшихъ въ теченiе 1903 года цивилизованное и нецивилизованное человѣчество, явственно ощущалось уже очень значительное влiянiе этихъ трехъ постепенно развивающихся событiй: ослабленiе двухъ европейскихъ международныхъ комбинацiй и появленiе англо-японо-американской.

Въ македонскомъ, напр., вопросѣ это влiянiе выразилось тѣмъ, что въ защиту угнетаемыхъ христiанъ выступили въ первой линiи не франко-русскiй союзъ при дѣятельной поддержкѣ Италiи и Англiи, какъ это было еще недавно въ вопросѣ о возстанiи критянъ, при чемъ Австрiя и Германiя воздержались отъ всякаго активнаго участiя во вмѣшательствѣ, а новая комбинацiя, такъ называемыхъ „договорившихся державъ“, Австрiи и Россiи

при благословеніи изъ Берлина и при болѣе, чѣмъ сдержанномъ положеніи, занятомъ Франціей, Италіей и Англіей, которыя высказывали склонность къ болѣе энергическому дѣйствію и болѣе радикальному рѣшенію. Группировка державъ сложилась совершенно въ разрѣзъ съ группировкою, естественною при полномъ, не нарушенномъ сохраненіи двухъ основныхъ политическихъ комбинацій истекшаго десятилѣтія. Эти комбинаціи еще существуютъ и еще служатъ гарантіей безопасности входящихъ въ нихъ державъ, но сфера ихъ вліянія суживается и толкованіе вытекающихъ изъ нихъ правъ и обязанностей отдѣльныхъ участниковъ становится болѣе ограничительнымъ, тогда какъ въ эпоху расцвѣта этихъ комбинацій обнаруживалась наклонность къ толкованію распространительному.

Манифестаціи франко-британской и франко-итальянской дружбы являются тоже очень крупными симптомами того же значенія. Весь годъ сплошь былъ занятъ этими манифестаціями, принявшими широко-народный характеръ. Пріемъ Лубе въ Англіи, пріемъ Эдуарда и Виктора-Эммануила во Франціи носили характеръ національныхъ празднествъ. Намѣченное путешествіе президента Лубе въ Римъ, недавно еще совершенно невозможное, и обмѣнъ визитовъ между англійскими и французскими парламентскими дѣятелями, составляющій совершенно новый и очень знаменательный видъ сближенія между законодателями націй, составляютъ проявленія той же эволюціи. Предстоитъ также обмѣнъ визитовъ между парламентскими дѣятелями Италіи и Франціи. Радушный пріемъ короля Эдуарда въ Римѣ и короля Виктора-Эммануила въ Лондонѣ какъ бы дѣлаютъ новое звено этихъ параллельныхъ сближеній между Италіей и Франціей и между Англіей и Франціей. Англо-франко-итальянская дружба какъ будто не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ни франко-германской натянутости, ни англо-русскому соперничеству. Очевидно, въ Италіи придаютъ столь же ограничительное толкованіе тройственному союзу, какъ во Франціи—двойственному. Всѣ эти манифестаціи завершились заключеніемъ англо-французской конвенціи о третейскомъ судѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда споръ будетъ исходить изъ различнаго толкованія существующихъ договоровъ. Подобная же конвенція заключена вслѣдъ затѣмъ и между Италіей и Франціей. Эти документы уже не платоническія манифестаціи, а реальная дѣйствительность, свидѣтельствующая, что французы, итальянцы и англичане рѣшительно не желаютъ между собою столкновенія и, конечно, не будутъ благодарны союзникамъ, если бы тѣ на основаніи союзныхъ договоровъ вовлекли ихъ въ столь нежеланное столкновеніе, будь то Японія для англичанъ, Россія—для французовъ или Германія—для итальянцевъ. Отсюда и солидарное положеніе, занятое тремя націями въ вопросахъ

Ближняго Востока, и полная сдержанность въ вопросахъ Дальняго Востока.

Король Альфонсъ испанскій посѣтилъ недавно Лиссабонъ и былъ очень сочувственно принятъ и правительствомъ Португаліи, и населеніемъ ея столицы. Результатомъ этого визита явился испано-португальскій оборонительный союзъ. Состоявшееся въ теченіе 1903 года сближеніе Испаніи съ Франціей и, повидимому, подготовляемый договоръ о союзѣ между ними придаютъ новое и весьма важное значеніе испано-португальскому союзу. Недавнія, въ этомъ же 1903 году происшедшія, манифестаціи англо-португальской дружбы вполнѣ совпадаютъ съ этимъ общимъ стремленіемъ всего романскаго и англо-саксонскаго европейскаго запада къ тѣсному единенію. Этому единенію морскихъ либеральныхъ державъ можно противопоставить сближеніе трехъ континентальныхъ консервативныхъ державъ, Германіи, Австріи и Росссіи. Мюрцштегское свиданіе императоровъ австрійскаго и русскаго, висбаденское между императорами русскимъ и германскимъ и посѣщеніе Вѣны императоромъ Вильгельмомъ явились выразителями этого сближенія консервативныхъ кабинетовъ.

Мюрцштегское свиданіе имѣло первостепенное значеніе для направленія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Соглашеніе, выработанное въ Мюрцштегѣ между гр. Голуховскимъ и гр. Ламздорфомъ, опредѣлило программу общаго дѣйствія, нашедшую поддержку и со стороны Германіи. Эту программу безъ особаго сочувствія приняли западные кабинеты, должна была принять Турція, принимаютъ съ явнымъ неудовольствіемъ христіанскія народности Балканскаго полуострова. Австро-русское соглашеніе господствуетъ въ этой области современной исторіи. Выраженіемъ этого соглашенія была недавняя рѣчь гр. Глуховскаго въ делегаціяхъ, какъ, съ другой стороны, отголоскомъ висбаденскихъ переговоровъ можно принять рѣчь гр. Бюлова о дальне-восточныхъ дѣлахъ, произнесенную имъ въ рейхстагѣ. Сущность рѣчи гр. Бюлова состоитъ въ томъ, что его устами Германія признала правомѣрность русской точки зрѣнія въ вопросахъ Дальняго Востока. Такимъ образомъ, и въ вопросахъ Ближняго Востока и въ дѣлахъ Дальняго Востока развивается параллельно, при взаимной поддержкѣ, никакъ не французская и русская политика, а русская, австрійская и германская, съ одной стороны, французская, итальянская и англійская, съ другой стороны.

Ни тройственный, ни франко-русскій союзы не нарушены и, если бы въ Европѣ возникли замѣшательства и привели бы къ европейской войнѣ, то, конечно, всѣ державы исполнили-бы союзныя обязательства, и Европа раздѣлилась бы на враждующіе лагери тройственнаго союза противъ франко-русскаго, но предвидѣть такія европейскія осложненія довольно трудно. Никто изъ великихъ державъ Европы этого не желаетъ и въ значительной

степени потому именно, что пришлось бы воевать съ друзьями. Такимъ образомъ, хотя формально двѣ кардинальныхъ международныхъ комбинаціи истекшаго десятилѣтія и продолжаютъ существовать, но дѣйствительное руководительство современной исторіи принадлежатъ взаимодѣйствію англо-франко-итальянской группы и русско-австро-германской, формально не союзныхъ, но реально солидарныхъ въ своихъ интересахъ и въ своихъ принципахъ.

Указанные выше факты постепенно выростающей новой группировки державъ могутъ быть дополнены рядами другихъ, которые, будучи взяты отдѣльно, кажутся не имѣющими связи съ указанною политическою эволюціей, но сопоставленные другъ съ другомъ и съ вышеупомянутыми событіями получаютъ иной смыслъ. Такъ, относительный успѣхъ русско-германскихъ переговоровъ о новомъ торгово промышленномъ договорѣ и относительная неудача такихъ же австро-итальянскихъ переговоровъ едва ли совершенно чужды новымъ политическимъ вѣяніямъ. Анти-итальянскія демонстраціи въ Тиролѣ и анти-австрійскія въ главныхъ городахъ Италіи тоже не должны быть здѣсь пропущены. Предположенное и затѣмъ не состоявшееся свиданіе императора Вильгельма и короля Эдуарда указываетъ на охлажденіе между британскими и германскими правящими сферами, а послѣдняя рѣчь Вильгельма II (первая послѣ выздоровленія) на юбилеѣ Ганноверскаго полка, въ которой этотъ полкъ былъ названъ спасителемъ англійской арміи отъ пораженія при Ватерло, вызвала новое раздраженіе на британскихъ островахъ и едва-ли можетъ быть отнесена къ простымъ обмолвкамъ державнаго оратора. Надо отмѣтить и отсрочку визита русскаго императора въ Римъ.

Словомъ, если Франція въ настоящее время ведетъ энергическую политику въ Марокко и вообще въ Африкѣ, то для этого она не ищетъ опоры у своей союзницы, но входитъ въ непосредственныя соглашенія съ Италіей, Испаніей и Англіей. Съ другой стороны, Россія въ своей политикѣ на Дальнемъ Востокѣ находитъ опору не столько въ своей союзницѣ, сколько въ Германіи. На Ближнемъ же Востокѣ непосредственное соглашеніе между Австріей и Россіей является рѣшающимъ моментомъ, а союзники только призываются поддерживать дипломатію „договорившихся державъ". Точно такъ же, если Англія можетъ предпринимать укрѣпленіе своего протектората на Персидскомъ заливѣ (что не соотвѣтствуетъ интересамъ Турціи, Германіи, а отчасти и Россіи), то только потому это стало возможнымъ, что эти области не входятъ въ охраняемыя двойственнымъ или тройственнымъ союзами. Ни Франція, ни Италія не выступятъ здѣсь противъ Англіи, и нѣкоторыя недоразумѣнія въ этихъ областяхъ между англійскимъ и французскимъ толкованіями нѣкоторыхъ сюда относящихся конвенцій уже рѣшено передать Гаагскому суду

(если дѣло не будетъ согласовано дипломатически). Таково-же отношеніе Италіи и Франціи и къ англійскимъ предпріятіямъ въ Сомалилендѣ, гдѣ Италія прямо помогаетъ англичанамъ, и въ Тибетѣ, гдѣ никто не можетъ разсчитывать на поддержку Италіи или Франціи для противодѣйствія британскимъ планамъ.

Это движеніе къ новой группировкѣ державъ, еще не завершившееся и еще формально не нарушившее прежнія группировки, отразилось и на мелкихъ государствахъ Европы. Мы уже видѣли, какъ государства Пиринейскаго полуострова втягиваются въ англо-франко-итальянскую комбинацію. Тоже можно сказать о государствахъ скандинавскихъ, гдѣ въ отчетномъ 1903 году состоялось полное сближеніе между шведами и норвежцами и обнаружилось движеніе къ такому же сближенію съ датчанами на почвѣ общескандинавскаго патріотизма. Еще два-три года тому назадъ Бьернсонъ писалъ статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ которыхъ проводилъ идею нейтрализаціи Норвегіи и полнаго ея обособленія отъ Швеціи, которую упрекалъ за шовинизмъ и велико-шведскія мечты (возстановленіе монархіи Карла XII), а теперь тотъ же Бьернсонъ сталъ во главѣ движенія въ сторону полнаго единенія съ Швеціей. Датчане слѣдуютъ за норвежцами. Одною изъ причинъ такой перемѣны надо считать финляндскія вліянія. Кромѣ того, Данія имѣетъ счеты съ нѣмцами, а шведы—съ русскими, и при формально существующей группировкѣ державъ ихъ стремленія противорѣчатъ другъ друга. Естественно, если и норвежцы не желали помогать однимъ братьямъ противъ другихъ, столь же близкихъ. Если движеніе къ новой группировкѣ завершится и формальными новыми союзами, то эти разногласія интересовъ изчезнутъ, и англо-франко итальянская комбинація будетъ имѣть за себя и скандинавскіе народы, десять милліоновъ храбраго и патріотическаго населенія.

Иначе отразились новые вѣянія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ солидарность политики Австріи и Россіи очень упрощаетъ и облегчаетъ положеніе Болгаріи, Сербіи, Румыніи и Черногоріи, даже Турціи. Греція же давно уже вращается въ сферѣ западныхъ морскихъ державъ.

II.

Глубоко отразившись на европейскихъ отношеніяхъ, указанная только что политическая эволюція не менѣе сильно повліяла и на отношенія Дальняго Востока. Прежде всего, она въ значительной степени задержала и ослабила развитіе англо-японо-американской комбинаціи. Мы уже замѣтили выше, что Англія и Франція рѣшительно не желаютъ между собою ссориться, а между тѣмъ англо-японскій союзъ и франко-русскій могли бы привести къ ссорѣ, если бы Англія рѣшилась серьезно поддер-

жать Японію или Франція—Россію. Выходъ былъ одинъ: формальное соблюденіе союзныхъ обязательствъ (вмѣшательство при выступленіи противъ союзниковъ двухъ и болѣе великихъ державъ), но съ самымъ ограничительнымъ толкованіемъ casus'a foederis. Такимъ образомъ, ни Франція Россіи, ни Англія Японіи поддержки не оказываютъ, стараясь лишь повліять въ примирительномъ смыслѣ. Ослабленіе франко-русскаго союза ослабило и англо-японскія узы, а за Англіей еще болѣе отчужденія обнаружили Соединенные Штаты, слѣдовавшіе за англо-японскимъ соглашеніемъ, но отнюдь не склонные принимать на себя отвѣтственную роль безъ Англіи. Панамскія дѣла, возможная война съ Колумбіей, сочувствіе Колумбіи со стороны большинства южноамериканскихъ государствъ послужили для американцевъ тоже стимуломъ къ большей сдержанности въ дѣлахъ Дальняго Востока. Такимъ образомъ, внезапно возникшая въ 1902 году англо-японо американская комбинація, въ 1903 году очень ослабѣла, остается не столько солидною дѣйствительностью, сколько возможностью, которая, однако, можетъ превратиться въ вѣроятность и даже въ дѣйствительность, какъ только начавшаяся перегруппировка европейскихъ политическихъ силъ завершится. Тогда надо ожидать, что и Сѣверная Америка, и Японія, вмѣстѣ съ народами Пиринейскаго и Скандинавскаго полуострова, примкнутъ къ англо франко-итальянской комбинаціи. Консервативная континентальная Европа (уже не однажды существовавшая комбинація „трехъ императоровъ"), опирающаяся на мелкія государства Балканскаго полуострова (кромѣ Греціи) и, быть можетъ, и на мусульманскія государства, съ одной стороны, и союзъ романскихъ и англо-саксонскихъ націй, опирающійся на Скандинавскія націи и государства Дальняго Востока,—такъ вырисовывается возможное будущее изъ нѣкоторыхъ фактовъ исторической эволюціи двухъ послѣднихъ лѣтъ... Надо помнить, однако, что это представляется возможнымъ будущимъ, уже бросающимъ свои тѣни на современное сплетеніе событій, но всетаки это только будущее, при томъ только возможное, отнюдь не неизбѣжное. Поэтому, принявъ во вниманіе эти надвигающіеся историческіе факты, которые бросаютъ далекія тѣни, мы должны помнить, что въ настоящемъ дѣйствуютъ и другія историческія силы, и что именно онѣ руководятъ событіями всемірной исторіи на Дальнемъ Востокѣ въ частности.

О современномъ положеніи дѣлъ Дальняго Востока и объ состояніи русско-японскаго конфликта, мы обстоятельно говорили въ прошлой хроникѣ и теперь имѣемъ прибавить очень немного. Вполнѣ компетентныхъ сообщеній о планахъ Россіи такъ же, какъ и о планахъ Японіи, все еще не появилось, но тѣмъ не менѣе болѣе серьезная часть европейской печати склонна основанія конфликта понимать такъ: Россія оккупируетъ всю Манч-

журію, это непріятно японцамъ и китайцамъ въ первой линіи, а затѣмъ и англичанамъ, американцамъ, скандинавамъ, французамъ и т. д., которые всѣ уже завели было свои факторіи и миссіи въ южной Манчжуріи; американцы даже настояли въ Пекинѣ на обѣщаніи открыть въ этой южной Манчжуріи два города для иностранной торговли. Положеніе, занятое Россіей, непріятно многимъ, но, повидимому, изъ-за этого одного воевать никто не собирается, ни даже Японія; готовъ бы воевать Китай, да одинъ не пойдетъ. Центръ тяжести русско-японскаго конфликта, такимъ образомъ не, въ Манчжуріи, а въ Кореѣ. Послѣ японо-китайской войны состоялось между Японіей и Россіей соглашеніе объ охраненіи независимости Кореи и о равноправномъ участіи русскихъ и японцевъ въ торговлѣ и промышленности Кореи. Это было до оккупаціи русскими Манчжуріи. По мнѣнію японцевъ, оккупація Манчжуріи русскими совершенно измѣняетъ положеніе дѣлъ въ этихъ странахъ. Съ одной стороны, японская предпріимчивость въ Манчжуріи, начавшая было развиваться, войною и оккупаціей ликвидирована, и японцы должны быть вознаграждены за эти утраты. Такою компенсаціей можетъ служить торгово-промышленная дѣятельность въ Кореѣ съ устраненіемъ здѣсь русской конкурренціи взамѣнъ устраненія японской конкурренціи въ Манчжуріи. Съ другой стороны оккупація русскими Манчжуріи и появленіе значительныхъ русскихъ военныхъ силъ вдоль всей сухопутной границы Кореи даетъ Россіи такое повелительное положеніе, что независимость слабой и неблагоустроенной имперіи Корейской становится фиктивной. Поэтому, для охраненія уже значительныхъ японскихъ интересовъ на Корейскомъ полуостровѣ, необходимо установленіе нѣкотораго японскаго протектората надъ полуостровомъ съ оккупаціей японскими военными силами стратегическихъ пунктовъ, что было бы, по мнѣнію японцевъ, лишь неполною компенсаціею оккупаціи Манчжуріи русскими.

Если это изложеніе японской программы справедливо, то нельзя ее упрекнуть въ чрезмѣрной требовательности. Ея серьезное и безпристрастное обсужденіе вполнѣ возможно и вполнѣ желательно. Мы уже говорили въ прошлой нашей бесѣдѣ, что Корея намъ, русскимъ, вовсе не надобна: она густо населена и принять русскую колонизацію не можетъ; она не заграждаетъ намъ доступа къ морю; она лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ нашего великаго трансъ-азіатскаго пути и отъ сѣти водныхъ путей, этимъ путемъ пересѣкаемыхъ; не представляетъ Корея и какихъ - либо позицій, угрожающихъ русскимъ владѣніямъ на Японскомъ морѣ или русской оккупаціи въ Манчжуріи. Если же такія позиціи у русской границы и оказались бы, по мнѣнію нашихъ стратеговъ, то выговорить ихъ нейтральность, вѣроятно, не представило бы большой трудности, лишь бы японцы увидѣли,

что на ихъ жизненные интересы въ Кореѣ никакого посягательства никто не замышляетъ.

Протекторатъ Японіи надъ Кореей, — это одинъ исходъ, это японскій планъ; но возможны другой исходъ и другой планъ, именно гарантированная державами нейтрализація Кореи при открытыхъ для всѣхъ націй дверяхъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Это рѣшило бы корейскій вопросъ въ политическомъ отношеніи, но остался бы еще вопросъ объ экономической компенсаціи потерь, которыя наноситъ японцамъ оккупація южной Манчжуріи. Указанное нами въ прошлой хроникѣ очищеніе русскими южной Манчжуріи съ ея нейтрализаціей, гарантированной великими державами и при открытыхъ дверяхъ для торговли и промышленности для всѣхъ націй, было бы рѣшеніемъ и этого вопроса. Вдобавокъ, это удовлетворило бы и китайцевъ, жить съ которыми не только въ мирѣ, но и въ дружбѣ, составляетъ прямой русскій интересъ. Южная Манчжурія, какъ мы старались доказать въ упомянутой выше нашей ноябрьской бесѣдѣ, намъ, русскимъ, не только совсѣмъ не нужна, но просто разорительна, а между тѣмъ, только оккупація этой Южной Манчжуріи возбуждаетъ вражду Китая и неудовольствіе не однихъ японцевъ, но и американцевъ, и большинства европейцевъ. За подробностями отсылаемъ читателя къ нашей ноябрьской хроникѣ, а теперь только прибавимъ, что ни Корея, ни Южная Манчжурія не стоятъ жизни хотя бы одного русскаго солдата, ни хотя бы одного рубля лишнихъ затратъ, ложащихся бременемъ на далеко небогатый русскій народъ.

Мы не знаемъ, что такое было формулировано въ японской нотѣ, переданной русскому министру иностранныхъ дѣлъ послѣднею осенью, но газеты сообщаютъ кое-что о русскомъ отвѣтѣ. Россія отклоняетъ право Японіи обсуждать положеніе дѣлъ въ Манчжуріи, а относительно Кореи настаиваетъ на дѣйствительности ранѣе состоявшагося соглашенія объ охранѣ ея независимости и равноправномъ положеніи обѣихъ державъ на Корейскомъ полуостровѣ. Японія нашла русскій отвѣтъ очень расходящимся со своими планами и просила Россію еще разъ подвергнуть безпристрастному обсужденію затронутые вопросы. Въ тоже время японское правительство распустило воинственно-настроенный парламентъ и новые выборы назначило на мартъ мѣсяцъ, выигрывая три мѣсяца для веденія переговоровъ. Будемъ надѣяться, что время это не будетъ потеряно въ дипломатической волокитѣ, а будетъ употреблено на безпристрастное соглашеніе интересовъ и правъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и на упроченіе мира и мирнаго развитія странъ Дальняго Востока.

Та же мучительно - длительная неизвѣстность царитъ и въ кардинальномъ нынѣ вопросѣ Ближняго Востока, въ вопросѣ македонскомъ. Берлинскій трактатъ, даровавъ автономію „Восточ-

ной Румеліи" (сѣверной Ѳракіи) и поручивъ ея введеніе русскому коммиссару этой въ то время оккупированной русскими области, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ, что аналогичная автономія будетъ дана и „Западной Румеліи", т. е. Македоніи, но выработку ея основъ и ея введеніе поручилъ самимъ туркамъ подъ наблюденіемъ державъ. Прошло четверть вѣка, наступилъ двадцать шестой 1903 годъ, а объ исполненіи этой статьи берлинскаго трактата турки и не помышляли. Оставалось все по старому, какъ было до освободительной войны 1877—1878 гг. Санъ-Стефанскій договоръ посулилъ полное освобожденіе, Берлинскій возвратилъ македонцевъ подъ власть султана, но на условіи автономіи, дѣйствительность не выполнила и автономіи. Все осталось по старому: безправіе христіанской райи, буйство и насилія магометанъ, произволъ, угнетеніе и вымогательство жадной орды чиновничества, грубая расправа не дисциплинированной солдатчины, никакихъ гарантій личности и имущества, никакихъ надеждъ на улучшеніе путемъ постепенной, хотя бы медленной эволюціи! Таково было положеніе несчастной страны, отчаявшееся населеніе которой взялось за оружіе весною 1903 года, рискуя претерпѣть всѣ ужасы хорошо извѣстныхъ методовъ турецкаго умиротворенія, но надѣясь цѣною этихъ новыхъ страданій пріобрѣсти заступничество Европы.

Вся весна, все лѣто и частью осень отчетнаго года наполнены горестною исторіею этого возстанія и вызваннаго имъ осторожнаго вмѣшательства державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ 1878 года. Какъ уже упомянуто выше, на первомъ планѣ выступили Россія и Австрія, предложившія еще въ началѣ года программу реформъ взамѣнъ автономіи берлинскаго трактата. Программа была умѣренная и для Турціи не обидная: она требовала, чтобы чиновники были мусульманами и христіанами, сообразно численности того и другого населенія; чтобы судьи были тоже смѣшанные изъ мусульманъ и христіанъ; что бы жандармерія была равнымъ образомъ организована изъ христіанъ и мусульманъ въ соотвѣтствіи численности того и другого населенія; чтобы организацію и командованіе этой жандармеріей поручили иностраннымъ офицерамъ; чтобы сборъ податей и другихъ налоговъ былъ переданъ международному съ европейскимъ характеромъ учрежденію, Оттоманскому банку; чтобы изъ поступающихъ сборовъ прежде всего выплачивалось жалованье мѣстнымъ судьямъ, чиновникамъ и жандармеріи и удовлетворялись другія мѣстныя нужды и лишь остатокъ отсылался въ Константинополь; чтобы въ Македоніи квартировали исключительно регулярные войска; и т. д. Если бы можно было надѣяться на добросовѣстное осуществленіе этихъ реформъ, то положеніе македонскаго населенія значительно улучшилось бы и стало бы вообще терпимымъ. Однако, этотъ планъ реформъ, одобренный турками въ началѣ 1903 года, и къ концу его

еще нимало не осуществленъ. Приглашенные шведскіе и бельгійскіе офицеры проживаютъ въ бездѣйствіи въ Константинополѣ и Салоникахъ; немногіе христіанскіе судьи и жандармы убиты мусульманами; Оттоманскій банкъ открылъ отдѣленія для новыхъ финансовыхъ операцій, но эти операціи ему еще не переданы подъ предлогомъ неспокойнаго состоянія страны; насилія со стороны солдатчины и фанатическаго населенія, подъ тѣмъ же предлогомъ, приняли ужасающіе размѣры; дошло дѣло до того, что два русскихъ консула убиты фанатиками, и только движеніе русской эскадры принудило наказать убійцъ второй жертвы; христіане, дававшіе европейскимъ консуламъ, свѣдѣнія о дѣйствіяхъ турецкой администраціи, подвергались жестокихъ репрессаліямъ; магометанскому населенію выдавалось оружіе, какъ бы съ цѣлью подготовить массовое избіеніе; и т. д., и т. д.

Тогда состоялось въ Мурцштегѣ новое русско-австрійское соглашеніе, потребовавшее немедленнаго безотлагательнаго осуществленія реформъ, а для контроля: назначеніе русскаго и австрійскаго помощниковъ генералъ-инспектору Македоніи съ такимъ штатомъ агентовъ, который эти помощники сочтутъ необходимымъ для дѣйствительности надзора; назначеніе европейскаго генерала начальникомъ жандармеріи съ двумя помощниками, русскимъ и австрійскимъ, и необходимымъ числомъ офицеровъ; немедленной организаціи жандармеріи изъ христіанъ, немедленнаго назначенія христіанъ-чиновниковъ, подавленія мусульманскаго сопротивленія, наказанія фанатиковъ, наказанія виновныхъ чиновниковъ, распущенія милиціи (баши-бузуковъ); и пр. Послѣ нѣкотораго колебанія и подъ давленіемъ державъ, Турція согласилась и на этотъ планъ, уже нарушающій ея суверенитетъ въ Македоніи. Помощники генералъ-инспектора и помощники начальника жандармеріи со стороны Россіи и Австріи уже назначены, но назначеніе начальника жандармеріи замедлилось, благодаря новымъ проволочкамъ со стороны Порты. Во всякомъ случаѣ, это послѣдняя попытка ввести реформы безъ европейской аккупаціи (какъ-то было недавно на Критѣ). Если и она потерпитъ неудачу, то Европѣ остается на выборъ: или предоставить несчастную страну, уже огражденную берлинскимъ трактатомъ, какъ бы гарантированную Европою, на произволъ турокъ, или же организовать оккупацію и ввести указанную въ берлинскомъ трактатѣ автономію. Европейская оккупація, если она дѣлается всею Европою а не отдѣльною на то уполномоченною державою, дѣло громоздкое и медлительное, но возможное, какъ-то доказалъ опытъ съ Критомъ.

III.

Таковы главнѣйшія событія международной политической жизни цивилизованнаго міра. Выражаясь въ постепенномъ движеніи къ новой группировкѣ политическихъ силъ, они развивались главнымъ образомъ на Дальнемъ Востокѣ, въ Европейской Турціи, на Панамскомъ перешейкѣ, отчасти въ Марокко, на Персидскомъ заливѣ, въ Тибетѣ и въ видѣ манифестацій дружбы и солидарности различныхъ націй между собою. Это постепенное раздѣленіе на романскій и англо-саксонскій западъ Европы и славяно-нѣмецкій востокъ нашло выраженіе и въ явленіяхъ внутренней жизни народовъ цивилизованнаго міра въ формѣ націонализма, составляющаго очень значительную долю внутренней исторіи европейскихъ націй.

Что такое націонализмъ, однако?

Объ этомъ новоявленномъ минотаврѣ всемірной исторіи мы много разъ уже бесѣдовали на этихъ страницахъ, но чудовище это, къ стыду человѣчества и XX вѣка, все еще занимаетъ очень значительное и видное мѣсто въ современной политической жизни и поэтому говорить о немъ снова и снова никогда не много и никогда не излишне. Не есть ли это тоже, что національная исключительность? Близко, но только по нѣкоторымъ внѣшнимъ проявленіямъ. Національная исключительность существовала во времена Нимврода и Менеса, библейскихъ патріарховъ и пунійскихъ мореплавателей, въ эпоху античнаго міра и въ эпоху средневѣковую. Она ослабѣла въ новое время, и новѣйшій націонализмъ только присвоилъ себѣ нѣкоторыя ея внѣшнія стороны, чѣмъ и уловляетъ все, что еще пропитано національною исключительностью прежнихъ временъ, но это, во всякомъ случаѣ, никакъ не сущность націонализма. Ибо никакъ не малокультурные слои населенія, гдѣ гнѣздятся всяческіе пережитки средневѣковья, пережитки національной исключительности въ томъ числѣ, составляютъ ядро націонализма. Англійскіе „имперіалисты", какъ называется націонализмъ на британскихъ островахъ, имѣютъ во главѣ лордовъ, профессоровъ, просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей. Тоже во Франціи, Германіи, Венгріи, Соединенныхъ Штатахъ... Какіе же тутъ некультурные пережитки?

Въ чемъ заключалась и доселѣ заключается національная исключительность? Грекъ вѣрилъ въ безусловное превосходство своей культуры надъ остальными, и міръ человѣческій для него дѣлился на эллинскій и варварскій. Варвары были какъ будто не совсѣмъ люди. Израильтянинъ вѣрилъ въ избранность своего народа и считалъ презрѣннымъ все остальное человѣчество, не познавшее истиннаго Бога. Точно такъ же огнепоклонникъ Ирана отно-

сился и съ презрѣніемъ, и съ отвращеніемъ къ идолопоклонникамъ и по ту сторону Инда на востокѣ, и по ту сторону Тигра на западѣ. Все это были нечистые, поганые, недостойные, какъ-бы полузвѣри. Эта изолированность и взаимная непонятность самостоятельно развившихся культуръ и развившихъ ихъ націй и являлась причиною исключительности и нетерпимости. Это явленіе продолжалось и въ эпоху Среднихъ Вѣковъ. Оно живетъ еще на мусульманскомъ Востокѣ, и не далѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ оно сказалось очень ярко въ боксерскомъ движеніи въ Китаѣ. Оно сохранилось отчасти и въ малокультурныхъ слояхъ всѣхъ цивилизованныхъ націй Европы, но кто же повѣритъ, чтобы Чемберлэны, Розберри и Асквиты въ Англіи, Леметры, Коппе и Каваньяки во Франціи, Дюринги и Моммзены въ Германіи серьезно вѣрили, что всѣ народы и племена, кромѣ ихъ соплеменниковъ, были нечистые и поганые, отверженные божествомъ и недостойные равноправнаго общенія съ ихъ соплеменниками? Конечно, нѣтъ, стократъ — нѣтъ. У нихъ другіе мотивы: отнюдь не вѣра въ святую необходимость повелѣвать прочими народами ради торжества божественной правды, конечно, нѣтъ!

Если вы пристальнѣе всмотритесь въ мотивы, руководящіе националистическими верхами, то за фразеологіей, большею частью лицемѣрной, вы всегда увидите просто матеріальный интересъ этихъ верховъ. Экономическое господство есть цѣль и стимулъ новѣйшаго національзма, а политическое, по скольку это необходимо для экономическаго. Эта корыстная подкладка новѣйшаго націонализма и составляетъ его отличительную особенность и совершенно отдѣляетъ отъ національной исключительности былыхъ временъ. Мы уже сказали, что пережитками этихъ былыхъ временъ охотно пользуется и новый національзмъ, то для травли поляковъ въ Пруссіи, то для травли евреевъ, то для возбужденія вражды и ненависти между руководящими націями міра. Націонализмъ пользуется и другими средствами: и пережитками религіозной нетерпимости, и ложно понятымъ патріотизмомъ, и разными измышленными опасностями со всѣхъ сторонъ и на всѣ лады и мн. др. Все это составляетъ очень пеструю смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, но все это огромное стадо, гонимое бичами жадной плутократіи на служеніе и на жертву ея эгоистическихъ плановъ.

Очень любопытную страницу, или, вѣрнѣе, первые строки страницы, написала въ этомъ смыслѣ исторія Соединенныхъ Штатовъ въ 1903 году. Обѣ великія американскія партіи, республиканская и демократическая, заключаютъ въ своей средѣ довольно значительные и вліятельные контингенты высшей плутократіи, и, пока ихъ раздѣляли разные вопросы, чуждые плутократизма, это обстоятельство не мѣшало ихъ однородности и сплоченности. Исторія, однако, выдвинула мало-по-малу вопросы

плутократизма на первый планъ, республиканская партія усвоила плутократическую программу (протекціонизмъ, золотая валюта, имперіализмъ, завоевательная политика, косвенное господство надъ Южной Америкою, покровительство трестамъ) и долго, именно благодаря этому усвоенію, удерживала и доселѣ удерживаетъ власть въ своихъ рукахъ. Произошло это потому, главнымъ образомъ, что республиканскіе народные слои оставались вѣрны своей партіи, тогда какъ плутократія демократической партіи или прямо измѣняла партіи или, по крайней мѣрѣ, не входила съ сколько-нибудь замѣтною энергіею въ борьбу. На прошлыхъ президентскихъ выборахъ демократы явились дѣйствительно демократической партіей, выступивши противъ протекціонизма, золотой валюты, завоеваній и, главное, противъ трестовъ.

Демократическій кандидатъ О'Брайанъ былъ забаллотированъ, а одержалъ верхъ Макъ-Кинлей, покорный слуга американской плутократіи. Вице-президентомъ былъ избранъ популярный въ штатѣ Нью-Іоркѣ (самый сильный на выборахъ и всегда колеблющійся), губернаторъ этого штата, Рузвельтъ. Скорая трагическая кончина Макъ-Кинлея передала власть въ руки этого молодого и энергичнаго человѣка, сумѣвшаго еще раньше проявить свою независимость.

Рузвельтъ сталъ во главѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ именно въ тотъ моментъ, когда монополія трестовъ начинала вызывать крайнее неудовольствіе въ народныхъ массахъ и протестъ среди приверженцевъ обѣихъ партій. Что значительный контингентъ еще недавно вѣрно-республиканскихъ народныхъ голосовъ начинаетъ отпадать отъ партіи и переходить къ демократамъ, уже обнаруживали выборы въ законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ. Это былъ серьезный симптомъ, и Рузвельтъ, который, и въ качествѣ губернатора штата Нью-Іоркъ, не былъ послушнымъ орудіемъ нью-іоркской плутократіи, рѣшился пойти на встрѣчу этому анти-трестскому движенію. Рисуя опасности положенія, онъ сначала успѣлъ было склонить господствующую въ республиканской партіи плутократію къ очень умѣренной программѣ ограниченія монопольнаго всевластія трестовъ. Однако, не надолго. Плутократы поняли, что, дѣлая первую уступку, они подготовляютъ дальнѣйшія и поощряютъ анти-плутократическое движеніе. Отсюда, именно въ отчетномъ году, началось въ республиканской партіи сильное плутократическое движеніе противъ Рузвельта, при чемъ сначала республиканскіе плутократы, полагая Кливленда вѣроятнымъ кандидатомъ демократической партіи, какъ будто склонялись въ его пользу, т. е. думали оставить республиканскую партію. Однако, то ли шансы Кливленда у демократовъ не велики, то ли самъ Кливлендъ не достаточно свой для нихъ, но ихъ выборъ палъ на сенатора Ганна, давнишняго закулиснаго лидера республи-

канской партіи и главнаго столпа американской плутократіи. Съ другой стороны, огромная личная популярность Рузвельта собираетъ вокругъ его кандидатуры многочисленныхъ сторонниковъ. Въ будущемъ 1904 году предстоятъ конгрессы партій для установленія „платформъ" (программъ ближайшаго четырехлѣтія) и назначенія кандидатовъ на президентскій постъ. Исходъ этихъ конгрессовъ укажетъ, теперь ли уже состоится распаденіе обѣихъ историческихъ партій Америки, или еще разъ будетъ найденъ компромиссъ. Во всякомъ случаѣ, надвигается все съ большею ясностью и все съ большею необходимостью борьба между американскою демократіей (въ европейскомъ смыслѣ этого слова) и плутократіей. Возрожденіе силы Нью-Іоркскаго союза Tamany Hell и его побѣда на недавнихъ муниципальныхъ выборахъ въ Нью-Іоркѣ является въ настоящій моментъ плохимъ симптомомъ для народной партіи, но, конечно, не предрѣшаетъ будущаго.

Ту же борьбу плутократіи и демократіи наблюдаемъ мы и въ Англіи. „Имперіализмъ" здѣсь выросъ въ послѣдніе годы, опираясь на двѣ силы, новую плутократическую и традиціонную, выражающуюся въ сохранившейся въ малокультурныхъ слояхъ національной исключительности, нѣкогда пышно процвѣтавшей на британскихъ островахъ.

Американскій имперіализмъ чисто новѣйшее образованіе, чисто плутократическое. Англійскій имперіализмъ явился союзомъ стараго британскаго эгоизма и старыхъ британскихъ предразсудковъ съ планами плутократіи. Чемберлэнъ именно въ отчетномъ году сталъ во главѣ плутократическаго движенія, но онъ же раньше сталъ кумиромъ партіи національной исключительности. Эти двѣ силы онъ, по всей вѣроятности, и удержитъ за собою, но многіе другіе элементы, которые до явнаго обнаруженія плутократической программы были въ союзѣ съ имперіалистами, теперь отъ него отпадаютъ. Это разложеніе партіи и броженіе въ сторону новой группировки политическихъ силъ страны составляли главное содержаніе англійской политической жизни въ 1903 году. Это броженіе еще не выяснилось и передается въ наслѣдство 1904 году.

Во Франціи національзмъ и въ 1903 году продолжалъ быть не въ фаворѣ у націи. Кабинетъ Комба, образовавшійся въ 1902 году, благополучно просуществовалъ весь отчетный годъ и, не поколебленный, переходитъ къ 1904 году, не смотря на ярыя усилія націоналистовъ и клерикаловъ въ союзѣ съ такъ называемыми „прогрессистами", которые болѣе всѣхъ другихъ партій являются представителями крупной буржуазіи. Протекціонизмъ, реваншъ, завоевательная политика, не къ этому стремится современная Франція, которая можетъ гордиться, что она первая въ Европѣ рѣшительно отреклась отъ націонализма. За нею непосредственно стоитъ Италія, гдѣ ненаціоналистическое министер-

ство Цанарделли въ 1903 году вышло въ отставку, но его замѣнило тоже ненаціоналистическое министерство Джіоллити.

Въ Германіи происходили выборы въ германскій рейхстагъ и въ прусскій ландтагъ. На первыхъ большой успѣхъ имѣли соціалисты, но все же вмѣстѣ съ политическими радикалами (свободомыслящая народная партія, союзъ свободомыслящихъ, южно-германская народная партія) составляютъ меньшинство, а въ рейхстагѣ, по прежнему большинство образуется при союзѣ консерваторовъ и клерикаловъ. На эту комбинацію, при поддержкѣ еще національ-либераловъ, и опирается правительство. Націоналистическія партіи составляютъ большинство и въ германскомъ рейхстагѣ, и въ прусскомъ ландтагѣ, но здѣсь плутократія уже не составляетъ главной силы, вокругъ которой группируются другія. Weltpolitik, какъ нѣмцы называютъ программу, въ Англіи и Америкѣ называемую имперіализмомъ, входитъ въ составъ нѣмецкой политики, что доказываетъ и вліятельное участіе плутократіи въ національной жизни, но рядомъ въ союзѣ съ нею существуетъ и много другихъ элементовъ, и династія Гогенцоллерновъ, и церковь, и феодальныя сословія, и очень широко еще распространенная національная исключительность. Поэтому и политика Германіи диктуется не одними плутократическими вожделѣніями, но также интересами правительства, церкви и феодальныхъ сословій (аграріевъ). Такимъ проявленіемъ совсѣмъ не плутократической программы былъ именно въ отчетномъ году одобренный парламентомъ новый таможенный тарифъ, покровительствующій, въ ущербъ торгово-промышленнымъ интересамъ, интересамъ помѣщиковъ (аграріевъ).

Если американскій націонализмъ является почти исключительно программою плутократіи, а среди англійскихъ націоналистовъ эта программа господствуетъ, хотя уже нуждается въ союзѣ старо-англійской національной исключительности; если въ Германіи эта роль стародавняго человѣконенавистничества играетъ въ нѣмецкомъ націонализмѣ уже значительную роль, то значеніе національной исключительности становится прямо преобладающимъ въ націоналистическихъ движеніяхъ Австріи и Венгріи, очень потрясенной ими въ 1903 году. Чешско-нѣмецкая національная борьба и вытекающая отсюда полная немощность вѣнскаго парламента были завѣщаны 1903 году минувшими годами и за отчетный годъ остались безъ измѣненія. За то острый конфликтъ будапештскаго парламента съ короною, чуть не кончившійся открытымъ разрывомъ, принадлежитъ всецѣло 1903 году. Въ концѣ года наступило нѣкоторое умиротвореніе, но еще нельзя сказать, чтобы опасность миновала, потому что примирительная программа объявлена, но еще не приведена въ исполненіе. Это — задача наступающаго 1904 года, и задача не изъ легкихъ.

Еще большею разнузданностью національной исключитель-

ности и національныхъ страстей отличались хронически-несчастныя страны и племена Балканскаго полуострова. Часть изъ нихъ даже подъ игомъ турецкой орды, но и эти не могутъ жить въ мирѣ, а освобожденныя еще того менѣе. Румыны прославились дикими преслѣдованіями евреевъ, такъ что вызвали даже платоническое вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, поддержанное (тоже платонически) одною Англіей и не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Въ Сербіи совершенъ былъ кровавый переворотъ съ безцеремонною и ненужною для успѣха самого переворота жестокостью, и заговорщики держали весь годъ страну и правительство прямо терроризованными. Въ Болгаріи князь Фердинандъ вернулся къ традиціямъ личнаго правленія, назначивъ внѣ парламентское министерство и предоставивъ ему сдѣлать принудительные выборы. Въ Греціи въ теченіе года смѣнилось три министерства и раздоры не разъ переходили на улицу.

Таковы итоги минувшаго 1903 года. Онъ сохранилъ миръ, и за это ему большое спасибо. Онъ даровалъ антинаціонализму нѣкоторые успѣхи въ Англіи, Италіи, Франціи, и это ему зачтется въ активъ всѣми друзьями человѣчества и просвѣщенія. Кое-что, кое-гдѣ еще намѣчено или подготовлено благое или обѣщающее, а затѣмъ преобладаютъ черные тона, длинныя тѣни прошлаго несчастья и прошлаго нечестія, новое плутократическое націоналистическое нечестіе, раздоры, вражда, угнетеніе, разгулъ некультурной улицы... Все это печально, но сравнивая съ предъидущими годами мы едва-ли найдемъ основаніе для отчаянія: положеніе дѣлъ всетаки улучшилось и продолжаетъ улучшаться, хотя мучительно медленно.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Изъ вопросовъ текущаго дня. — Результаты новыхъ попытокъ по охранѣ труда ремесленниковъ. — Приказчики и ихъ хлопоты объ урегулированіи рабочаго дня.—По поводу письма фельдшерицы Тюменевой. — II. Правительственныя распоряженія и сообщенія.— Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Въ пестромъ калейдоскопѣ непрерывно смѣняющихъ другъ друга явленій, какой представляютъ собою событія нашей внутренней жизни, за послѣдніе годы все рѣзче и настойчивѣе выдѣляются два ряда фактовъ, тѣсно связанные между собою и въ

своей совокупности образующіе одну большую проблему. Въ самыхъ различныхъ областяхъ нашей общественной жизни все чаще и рѣшительнѣе ставится вопросъ о расширеніи границъ самоопредѣленія отдѣльной человѣческой личности и цѣлыхъ общественныхъ группъ, и одновременно съ этимъ въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества все чаще возникаютъ попытки, направленныя къ коренному улучшенію быта трудящихся классовъ. По существу своему оба упомянутыя стремленія, конечно, не составляютъ какой-либо новости, но событія послѣднихъ лѣтъ внесли въ развитіе ихъ обоихъ кое-что новое и это новое прежде всего выразилось въ значительномъ ихъ обостреніи. Быстрое ухудшеніе условій хозяйственнаго быта народныхъ массъ, — съ одной стороны, ростъ самосознанія, совершившійся внутри этихъ массъ, — съ другой, выдвинули на арену общественной жизни рядъ новыхъ силъ, принявшихъ активное и сознательное участіе въ развитіи названныхъ выше стремленій. Какъ ни скудны и отрывочны свѣдѣнія, имѣющіяся по этому поводу въ нашей періодической прессѣ, они все же позволяютъ разглядѣть, что на нашихъ глазахъ въ странѣ складывается большое и въ высокой степени важное движеніе, въ которое вовлечены крайне разнообразныя группы трудящихся, отъ самыхъ многочисленныхъ до самыхъ небольшихъ, отъ наиболѣе сплоченныхъ до наиболѣе разрозненныхъ. Говорить объ этомъ движеніи въ его цѣломъ сейчасъ еще нѣтъ возможности, какъ по недостатку матеріаловъ, такъ и по другимъ причинамъ. Но на нѣкоторыхъ характерныхъ его деталяхъ мнѣ хотѣлось бы остановить вниманіе читателя въ послѣдующемъ изложеніи.

Не такъ давно мнѣ приходилось говорить о предпринятыхъ въ настоящемъ году попыткахъ административной охраны труда рабочихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Съ теченіемъ времени попытки такого рода все разростаются и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе выясняется и то значеніе, какое онѣ могутъ получить въ современной дѣйствительности. Въ виду этого представляется далеко не лишнимъ прослѣдить возникновеніе и судьбу, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ подобныхъ попытокъ.

Тѣ изъ нихъ, о которыхъ шла рѣчь у насъ два мѣсяца тому назадъ, были вызваны обращеніями съ жалобами къ мѣстнымъ административнымъ властямъ. Подобныя обращенія не прекращаются и въ настоящее время и въ большинствѣ случаевъ влекутъ за собою на первыхъ порахъ одинаковыя послѣдствія. Въ этомъ легко убѣдиться изъ нѣсколькихъ примѣровъ, сообщаемыхъ газетами. Такъ, по словамъ послѣднихъ, бессарабское губернское правленіе послало недавно кишиневскому полиціймейстеру любопытное предписаніе. „Рабочіе хлѣбопекарнаго и булочнаго производства въ Кишиневѣ — говорится въ этомъ предписаніи—въ прошеніи, поданномъ начальнику губерніи, заявили,

что они безъ отдыха работаютъ днемъ и ночью, тогда какъ слѣдовало бы ставить на ночныя работы другихъ мастеровъ. При пекарняхъ нѣтъ комнаты для рабочихъ. Въ пекарняхъ рабочіе валяются хуже, чѣмъ животныя, и выбиваются изъ силъ. При такихъ антисанитарныхъ условіяхъ пекаренъ они гибнутъ, — а потому просятъ сдѣлать распоряженіе объ осмотрѣ пекаренъ и объ улучшеніи быта рабочихъ. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что обязательныхъ постановленій, спеціально касающихся улучшенія быта пекарей, кишиневской городской управой не издавалось. Сообщая о вышеизложенномъ, врачебное отдѣленіе губернскаго правленія проситъ васъ осмотрѣть помѣщенія для рабочихъ въ пекарняхъ г. Кишинева и объ оказавшемся сообщить отдѣленію“ *). Еще болѣе опредѣленный исходъ получили аналогичныя жалобы въ Подольской губерніи. Изъ различныхъ мѣстностей послѣдней къ подольскому губернатору и къ министру внутреннихъ дѣлъ поступилъ цѣлый рядъ коллективныхъ прошеній отъ ремесленныхъ рабочихъ, указывавшихъ на практикуемыя хозяевами нарушенія статей закона относительно предѣльности рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Признавъ эти прошенія заслуживающими удовлетворенія, подольское губернское начальство рѣшило послѣдовать примѣру, имѣвшему недавно мѣсто въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ генералъ-губернаторомъ было издано, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, обязательное постановленіе для г. Вильны о десятичасовомъ рабочемъ днѣ во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ. По образцу этого постановленія такое же было составлено и въ Подольской губерніи, съ той только существенной разницей, что послѣднее имѣетъ въ виду не одинъ какой-либо городъ, а всѣ безъ исключенія городскія поселенія губерніи, въ томъ числѣ и мѣстечки, которыхъ въ названной губерніи насчитывается около 120. Впрочемъ, вслѣдствіе отсутствія въ настоящее время въ юго-западномъ краѣ генералъ-губернатора предположенное подольскимъ губернаторомъ къ изданію обязательное постановленіе предварительно представлено на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ **).

Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ обязательныя постановленія и приказы административныхъ властей не заставили себя ждать, Въ Николаевѣ еще осенью текущаго года мѣстнымъ градоначальникомъ было издано обязательное постановленіе, гласившее, что въ помѣщеніи каждаго ремесленнаго заведенія должно быть вывѣшено на видномъ мѣстѣ объявленіе о начальномъ и конечномъ часахъ рабочаго дня, а также о началѣ и окончаніи каждаго перерыва на завтракъ и обѣдъ, съ тѣмъ, чтобы общая продолжительность рабочаго дня не превышала опредѣленной

*) «Од. Новости», 7 октября 1903 г.

**) «Од. Новости», 10 ноября 1903 г.

статьей 431-й устава о промышленности десятичасовой нормы; сверхъ того, тѣмъ же постановленіемъ хозяева всѣхъ ремесленныхъ заведеній обязывались вести точные списки всѣхъ служащихъ и рабочихъ, съ указаніемъ времени и условій ихъ найма и увольненія *). Аналогичныя постановленія были изданы въ послѣднее время въ Кіевѣ мѣстнымъ полиціймейстеромъ и въ Одессѣ — ремесленной управой по предложенію и. д. одесскаго градоначальника. Примѣру названныхъ городовъ послѣдовалъ и Петербургъ. Въ началѣ ноября въ газетахъ былъ опубликованъ слѣдующій приказъ петербургскаго градоначальника: „Старшина петербургскаго ремесленнаго общества представилъ мнѣ, что имъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ столицы были вывѣшены объявленія на видныхъ мѣстахъ о числѣ рабочихъ дней въ недѣлю и числѣ рабочихъ часовъ въ сутки. Предлагаю приставамъ съ своей стороны имѣть наблюденіе за фактическимъ исполненіемъ означеннаго распоряженія хозяевами упомянутыхъ заведеній и о лицахъ, замѣченныхъ въ несоблюденіи таковаго, сообщать ремесленной управѣ“**).

Такимъ образомъ число мѣстностей, въ которыхъ администраціей приняты мѣры къ охранѣ установленной закономъ десятичасовой нормы рабочаго дня для ремесленниковъ, значительно увеличилось. Едва-ли только изъ наличности такихъ мѣръ можно сдѣлать заключеніе о немедленномъ улучшеніи въ бытѣ ремесленниковъ. Два мѣсяца тому назадъ, говоря о подобныхъ мѣрахъ, мы имѣли уже случай указать, что ихъ значеніе сводится скорѣе къ засвидѣтельствованію непомѣрной эксплуатаціи труда рабочихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ, чѣмъ къ борьбѣ съ такою эксплуатаціей. Два мѣсяца — небольшой срокъ, но и за это время приведенное указаніе успѣло найти себѣ не одно фактическое подтвержденіе.

Въ одесскую ремесленную управу, вслѣдъ за изданіемъ ею постановленія о предѣльности рабочаго дня въ ремесленныхъ мастерскихъ, поступило много жалобъ со стороны подмастерьевъ и учениковъ, работающихъ въ мѣстныхъ заготовочно-башмачныхъ мастерскихъ и приписанныхъ къ сапожно-башмачному цеху. Авторы этихъ жалобъ указывали, что хозяева названныхъ мастерскихъ самымъ энергичнымъ образомъ уклоняются отъ исполненія постановленій управы, а старшина цеха, изъ боязни быть забаллотированнымъ на предстоящихъ выборахъ, смотритъ на эту дѣятельность мастеровъ сквозь пальцы. Общая ремесленная управа, разсмотрѣвъ цѣлый рядъ такихъ жалобъ, рѣшила объявить старшинѣ сапожно-башмачнаго цеха выговоръ. Вмѣстѣ съ

*) «Южное Обозрѣніе». Цитируемъ по «Нижегор. Листку», 16 октября 1903 года.

**) «Р. Вѣдомости», 3 ноября 1903 г.

тѣмъ она постановила поручить тому же старшинѣ произвести тщательный осмотръ заготовочныхъ мастерскихъ и о замѣченныхъ упущеніяхъ составлять протоколы для привлеченія хозяевъ къ строгой отвѣтственности, а такъ какъ на практикѣ замѣчается, что большинство мастеровъ предпочитаетъ платить штрафъ и не исполнять требованій управы, то объявить всѣмъ мастерамъ, что при повторныхъ протоколахъ о виновныхъ будетъ сообщено одесскому градоначальнику для привлеченія ихъ, кромѣ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, еще и къ административной *). Повидимому, однако, всѣ эти распоряженія и угрозы оказались не особенно дѣйствительными. По крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ приведеннаго извѣстія въ газетахъ появилось сообщеніе, что группа работницъ шляпнаго и дамско-портняжескаго цеховъ г. Одессы обратилась съ ходатайствомъ объ урегулированіи ихъ рабочаго дня уже непосредственно къ мѣстному градоначальнику. При этомъ названныя работницы мотивировали свое ходатайство тѣмъ, что изданныя ремесленной управой обязательныя постановленія о непроизводствѣ работъ въ мастерскихъ г. Одессы позже 6 часовъ вечера на практикѣ не исполняются и работа производится позже назначеннаго срока **).

Такого рода результаты представляются вполнѣ естественными, если принять во вниманіе ту обстановку, въ которой они получаются. Ремесленныя управы, состоящія исключительно изъ хозяевъ мастерскихъ, могутъ, подчиняясь постороннему давленію, издать обязательныя постановленія, направленныя къ охранѣ труда рабочихъ, но сами по себѣ онѣ слишкомъ мало заинтересованы въ дѣлѣ проведенія этихъ постановленій въ жизнь, если только не заинтересованы въ обратномъ. И даже въ томъ, не особенно вѣроятномъ, случаѣ, еслибы ремесленныя управы прониклись искреннимъ желаніемъ содѣйствовать полному осуществленію подобныхъ постановленій, онѣ врядъ-ли бы смогли выполнить эту задачу въ надлежащей мѣрѣ, такъ какъ въ ихъ распоряженіи не имѣется достаточныхъ средствъ ни для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями отдѣльныхъ хозяевъ, ни для того, чтобы подчинять послѣднихъ своимъ указаніямъ. Не имѣя возможности поддержать свои требованія въ дѣлѣ охраны труда путемъ обращенія къ закону, ремесленныя управы въ лучшемъ случаѣ вынуждены обращаться за помощью къ администраціи и грозить непослушнымъ хозяевамъ мастерскихъ „привлеченіемъ, кромѣ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, еще и къ административной“.

Такимъ образомъ въ устанавливаемой современной практикой охранѣ труда ремесленныхъ рабочихъ спеціальныя ремесленныя организаціи играютъ чисто пассивную роль и никакой другой

*) «Южн. Обозрѣніе». Цитируемъ по «Нижег. Листку», 9 октября 1903 г.
**) «Нижег. Листокъ», 31 октября 1903 г.

роли играть не могутъ по самому существу дѣла. Активная роль принадлежитъ здѣсь администраціи, которая въ свою очередь передаетъ ее полиціи. Отъ полиціи исходятъ постановленія объ охранѣ труда ремесленниковъ, полиція же налагаетъ и кары за нарушеніе этихъ постановленій, непредусмотрѣнныя въ законѣ и опредѣляемыя поэтому въ „административномъ“ порядкѣ. Но у полицейскихъ чиновъ слишкомъ много своего непосредственнаго дѣла для того, чтобы они могли ретиво отдаться вновь возложенной на нихъ обязанности, и въ этомъ очень скоро пришлось убѣдиться даже тѣмъ самымъ лицамъ, которые возложили на нихъ такую обязанность. Николаевскій градоначальникъ, обязавшій въ началѣ минувшей осени полицію г. Николаева слѣдить за вывѣшиваніемъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ расписанія рабочаго времени, скоро долженъ былъ замѣтить, что это требованіе исполняется не особенно аккуратно. „Посѣтивъ 5 октября—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ — нѣкоторыя изъ ремесленныхъ заведеній въ Одесской и 2-й Адмиралтейской частяхъ города, я замѣтилъ, что не во всѣхъ ремесленныхъ заведеніяхъ вывѣшены расписанія о рабочемъ днѣ, а помѣщенія для рабочихъ не вездѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію“. „Усматривая въ этомъ крайне небрежное исполненіе чинами николаевской полиціи своихъ прямыхъ обязанностей по наружной службѣ“, градоначальникъ поставилъ это на видъ полиціймейстеру, объявилъ выговоръ двумъ приставамъ и арестовалъ на трое сутокъ при городской полиціи четырехъ околоточныхъ надзирателей*). Быть можетъ, путемъ болѣе или менѣе щедраго примѣненія такихъ мѣръ въ Николаевѣ и удастся добиться бо́льшаго усердія полицейскихъ чиновъ къ „наружной службѣ“ по надзору за ремесленными заведеніями, но врядъ-ли эта служба будетъ равносильна дѣятельной охранѣ интересовъ ремесленныхъ рабочихъ противъ ихъ хозяевъ...

Но тѣ неудобства, которыя сопряжены съ административною охраною труда ремесленныхъ рабочихъ, далеко еще не исчерпываются отсутствіемъ соотвѣтствующихъ органовъ надзора за дѣйствіями хозяевъ. Указанная система таитъ въ себѣ и другія, еще болѣе глубокія и серьезныя неудобства. Мнѣ приходилось уже говорить, что до тѣхъ поръ, пока защита ремесленнаго труда отъ непомѣрной эксплуатаціи со стороны хозяевъ останется лишь правомъ администраціи, не имѣя подъ собою твердой почвы закона, дѣло этой защиты неизбѣжно будетъ подвергаться всевозможнымъ случайностямъ, въ зависимости отъ субъективныхъ воззрѣній мѣстныхъ администраторовъ. Дѣйствительность не замедлила оправдать это соображеніе. Въ августѣ текущаго года, какъ уже сообщалось на страницахъ хроники „Р. Богатства“,

*) «Южн. Обозрѣніе». Цитирую по «Нижег. Листку», 16 октября 1903 г.

могилевскимъ губернаторомъ было издано, на основаніи Положенія объ усиленной охранѣ, для гг. Могилева и Гомеля обязательное постановленіе, предписывавшее хозяевамъ ремесленныхъ заведеній соблюдать 10-часовую норму рабочаго дня и вывѣшивать въ мастерскихъ расписанія рабочаго времени. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени изданія этого постановленія, какъ въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: „на дняхъ расклеены по Могилеву объявленія могилевскаго губернатора о томъ, что прежнія его постановленія, которыми ремесленныя мастерскія обязывались вывѣшивать на видномъ мѣстѣ расписанія начальныхъ и конечныхъ часовъ работы, отмѣняются въ полной мѣрѣ" *). Такимъ образомъ даже въ одной и той же мѣстности администрація считаетъ возможнымъ въ теченіе короткаго промежутка времени коренным образомъ измѣнять свое отношеніе къ данному вопросу, то принимая на себя задачу охраны труда, то вновь рѣшительно уклоняясь отъ этой задачи. Въ виду этого факта трудно сомнѣваться въ томъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ дѣйствія администраціи въ указанной области окажутся еще болѣе разнообразными и, не имѣя за собою никакого объединяющаго принципа, будутъ поставлены въ полную зависимость отъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ соображеній, имѣющихъ мало общаго съ интересами самихъ рабочихъ. Сопоставляя всѣ указанныя обстоятельства, нельзя не признать, что принятая по отношенію къ ремесленникамъ система охраны труда исключительно силами и средствами администраціи при первыхъ же попыткахъ практическаго осуществленія какъ нельзя яснѣе обнаружила полную свою несостоятельность.

Послѣдній выводъ, очевидно, получаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ шире та область явленій, къ которой онъ можетъ быть примѣненъ. Но тѣ же самыя соображенія, которыя заставляютъ усомниться въ пользѣ чисто административной охраны труда ремесленниковъ, могутъ быть приложены и вообще къ дѣлу защиты труда, поскольку такая защита производится путемъ экстренныхъ административныхъ мѣропріятій. А между тѣмъ необходимость мѣръ, направленныхъ къ охранѣ труда, ощущается все съ большею силою по мѣрѣ того, какъ въ разныхъ группахъ трудящагося населенія просыпается живое стремленіе оградить свои интересы отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны представителей другихъ общественныхъ классовъ. За послѣдніе годы такое стремленіе съ новою силою пробудилось, между прочимъ, среди класса служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ.

Трудъ торговыхъ приказчиковъ во многихъ отношеніяхъ по-

*) «Кіевск. Газета». 25 сентября 1903 г.

ставленъ у насъ крайне неблагопріятно. Рабочій день фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ до извѣстной степени нормированъ у насъ закономъ. Урегулированъ закономъ и трудъ ремесленника, урегулированъ, правда, лишь въ теоріи, такъ какъ на практикѣ этотъ послѣдній законъ не выполняется. Но трудъ приказчика не подчиненъ уже никакой законодательной нормировкѣ. Приказчики нашихъ торговыхъ заведеній работаютъ и въ будни, и въ праздники, работаютъ столько, сколько вздумается заставить ихъ работать хозяевамъ. Законъ предоставляетъ, правда, городскимъ думамъ право ограничивать торговлю въ праздники, но и это право въ значительной мѣрѣ парализовано сенатскимъ разъясненіемъ, согласно которому обязательныя постановленія городскихъ думъ по урегулированію праздничной торговли не могутъ касаться заведеній, торгующихъ всякаго рода пищевыми припасами. Такимъ образомъ трудъ весьма значительной части приказчиковъ и по настоящее время регулируется одною лишь волей хозяина и только часть торговыхъ служащихъ получаетъ въ праздники нѣкоторый отдыхъ благодаря ограничивающимъ праздничную торговлю думскимъ постановленіямъ. Къ этому нужно еще прибавить, что наши думы, въ большинствѣ состоящія изъ представителей торгово-промышленнаго класса, не особенно охотно пользуются своимъ правомъ издавать такія постановленія и что даже тамъ, гдѣ они изданы, они очень часто либо обходятся, либо прямо нарушаются владѣльцами торговыхъ заведеній.

Еще очень недавно купечество нѣкоторыхъ городовъ считало вполнѣ возможнымъ выступать съ открытымъ протестомъ противъ какого бы то ни было отдыха для приказчиковъ. Въ 1900 г. батумская дума издала постановленіе, согласно которому въ праздничные дни магазины могли быть открываемы съ 12 ч. до 2 ч. дня, исключая первыхъ двухъ дней Рождества и Пасхи, когда торговля вовсе не разрѣшалась. Вслѣдъ затѣмъ въ названную думу поступило прошеніе отъ 69 торговцевъ г. Батума. „Что отдыхъ необходимѣйшая потребность всякаго человѣка,— писали авторы прошенія, — въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться, но отдыхъ отдыху рознь. Чрезмѣрный отдыхъ, дѣйствуетъ на человѣка губительнымъ образомъ. И вотъ въ такомъ-то губительномъ положеніи находятся наши меньшіе братья, наши приказчики, объ интересахъ которыхъ мы нравственно обязаны заговорить. Дума своимъ постановленіемъ о праздничномъ отдыхѣ предоставила имъ такое широкое право на отдыхъ, что приказчики рѣшительно потеряли головы и не знаютъ, какъ употребить дарованное имъ право. Поэтому-то совсѣмъ не удивительно, что драгоцѣнное время убивается ими въ гуляніи на фаэтонахъ съ резиновыми шинами и въ разныхъ другихъ увеселеніяхъ, благодаря чему они могутъ сильно пострадать матеріально. Кромѣ того и мы не въ завидномъ положеніи: праздничныхъ дней въ Россіи

много и через воспрещеніе торговли въ эти дни и наши интересы пострадаютъ. Поэтому просимъ думу принять слѣдующій нашъ проектъ: по воскреснымъ днямъ открывать магазины съ 11 ч. до 1 ч. дня, а по другимъ праздникамъ съ отхода литургіи до 11 ч. вечера". Къ чести тогдашней батумской думы, она не вняла этому ходатайству „за меньшихъ братьевъ", погибающихъ отъ „чрезмѣрнаго отдыха", и, хотя ничтожнымъ большинствомъ голосовъ, но все же оставила въ силѣ свое прежнее постановленіе о праздничной торговлѣ *).

Со времени только что разсказанной исторіи прошло всего три года, но за эти три года утекло много воды и мысль о необходимости урегулированія труда торговыхъ служащихъ сдѣлала большіе успѣхи. Конечно, и сейчасъ нѣтъ недостатка въ торговцахъ, которые находятъ даже праздничный отдыхъ совершенно излишнею роскошью для приказчика. Но далѣе, какъ въ настоящемъ году, при обсужденіи въ г. Владимірѣ вопроса объ ограниченіи праздничной торговли, одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ заявилъ, что отдыхъ приказчикамъ и въ праздники не нуженъ, такъ какъ, отдыхая, надо развлекаться, а на развлеченія нужны деньги, которыхъ у приказчиковъ не имѣется **). Но въ послѣднее время подобныя заявленія встрѣчаютъ себѣ все болѣе серьезный противовѣсъ въ коллективныхъ заявленіяхъ приказчиковъ, успѣвшихъ, повидимому, достигнуть извѣстной сплоченности на почвѣ профессіональныхъ интересовъ.

За послѣдніе годы въ цѣломъ рядѣ городовъ приказчики обратились къ мѣстнымъ думамъ съ просьбами объ ограниченіи праздничной торговли, причемъ подчасъ къ этимъ просьбамъ присоединялась и часть мѣстныхъ торговцевъ. Въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ случаяхъ просьбы приказчиковъ шли и дальше. Таково, напримѣръ, было заявленіе, поданное въ прошломъ году въ ставропольскую думу отъ 64 служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ г. Ставрополя. „Теоретически признано,—говорилось въ этомъ заявленіи,—что максимальная продолжительность рабочаго дня не должна превышать 8 часовъ въ сутки. Въ дѣйствительности же рабочій день приказчиковъ въ нѣсколько разъ больше. Мануфактурныя лавки, напримѣръ, отворяются теперь въ 6 ч. утра, а затворяются въ 9 ч. вечера; приказчики бакалейныхъ лавокъ находятся въ еще худшемъ положеніи: они отворяютъ лавки въ 5 ч. утра, а затворяютъ въ 10 ч. вечера. Такимъ образомъ, рабочій день приказчиковъ длится отъ 15 до 17 ч. Принявъ за норму сна 7 часовъ, мы увидимъ, что на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей приказчикамъ въ лучшемъ случаѣ остается какой-нибудь часъ, обыкновенно же большин-

*) «Сѣв. Курьеръ», 1 ноября 1900 г.
**) «Нижег. Листокъ», 6 октября 1903 г.

ство изъ нихъ не досыпаетъ. Нечего и говорить о той степени вреда, какую приноситъ такой лошадиный трудъ, и о необходимости уменьшенія рабочаго дня приказчиковъ". Ссылаясь на указанныя основанія, авторы заявленія просили, чтобы городская дума въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ мая по сентябрь, уменьшила рабочій день приказчиковъ до 12 часовъ въ сутки *).

Ходатайство ставропольскихъ приказчиковъ не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Впрочемъ, оно и не могло имѣть ихъ, такъ какъ городскимъ думамъ не предоставлено права ограничивать торговлю въ будни. Сравнительно болѣе надежный путь избрали одесскіе приказчики, которые годомъ раньше черезъ особаго уполномоченнаго обратились съ аналогичнымъ ходатайствомъ непосредственно въ министерство финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайство одесскихъ приказчиковъ было обставлено и болѣе обстоятельно разработанными данными о фактическомъ положеніи торговыхъ служащихъ. Согласно докладу, представленному въ министерство финансовъ одесскимъ уполномоченнымъ, въ Одессѣ насчитывается около 30 тысячъ приказчиковъ, изъ которыхъ болѣе 20 тысячъ служащихъ въ галантерейныхъ, бакалейныхъ, посудныхъ, аптекарскихъ, желѣзныхъ и т. п. магазинахъ. Магазины эти открываются въ 6 или 7 часовъ утра, а на базарѣ и того раньше, и закрываются въ 10, 11 или 12 ч. вечера. Такимъ образомъ, рабочій день занятыхъ въ нихъ приказчиковъ заключаетъ въ себѣ отъ 15 до 18 часовъ. Большинство владѣльцевъ одесскихъ магазиновъ само сознаетъ безполезность столь длительной торговли, но отсутствіе солидарности въ средѣ торговцевъ не позволяетъ имъ сговориться относительно общаго для всѣхъ магазиновъ сокращенія торговаго дня. Что касается приказчиковъ, то ихъ положеніе еще ухудшается тѣмъ, что за свой трудъ они получаютъ въ большинствѣ случаевъ крайне скудное вознагражденіе. По размѣрамъ получаемаго вознагражденія одесскіе приказчики распредѣляются на слѣдующія группы: 12% получаютъ отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ, 21%—отъ 10 до 15 р., 10%—отъ 15 до 30 р., 41%—отъ 30 до 40 р., 8%—отъ 40 до 75 р., 5%—отъ 75 р. до 100 р. и 3%—125 р. и больше. Не лучше, по свѣдѣніямъ одесскаго доклада, положеніе приказчиковъ и въ другихъ крупныхъ центрахъ. Въ Москвѣ средняя продолжительность рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ 14 часовъ, съ колебаніемъ отъ 12 до 17 часовъ. Въ Елисаветградѣ средній рабочій день въ торговыхъ заведеніяхъ равняется 16 часамъ, колеблясь отъ 14 до 19 часовъ. Въ Черниговѣ, Полтавѣ и Кременчугѣ средняя продолжительность рабочаго дня — 15 часовъ, съ колебаніемъ отъ 13 до 18 часовъ, въ

*) «Спб. Вѣдомости», 28 іюня 1902 г.

Кишеневѣ—17 часовъ, съ колебаніемъ отъ 15 до 18 часовъ, и т. д. Опираясь на эти данныя, одесскіе приказчики просили министерство финансовъ возбудить вопросъ о законодательной нормировкѣ рабочаго дня въ магазинахъ и лавкахъ, которая опредѣлила бы этотъ день въ 10—12 часовъ, и объ установленіи полнаго праздничнаго отдыха для приказчиковъ *).

Изложенное ходатайство не осталось совершенно безрезультатнымъ. Исходя изъ него, министерство финансовъ въ прошломъ году обратилось ко всѣмъ биржевымъ комитетамъ съ предложеніемъ высказаться по возбужденному одесскими приказчиками вопросу. Иначе говоря, вопросъ объ урегулированіи труда приказчиковъ былъ переданъ на обсужденіе хозяевъ торговыхъ заведеній. Какъ и слѣдовало ожидать, многіе биржевые комитеты при этомъ обсужденіи остались на почвѣ узко-классовыхъ взглядовъ, рѣшительно отказавшись сколько-нибудь поступиться своими „хозяйскими“ интересами. Такъ, напримѣръ, кіевскій комитетъ категорически высказался противъ урегулированія рабочаго времени для приказчиковъ. Въ такомъ урегулированіи, по мнѣнію кіевскихъ купцовъ, нуждается только изнурительная работа, при которой требуется чрезмѣрное физическое напряженіе. Работа же приказчиковъ не требуетъ никакого напряженія силъ, являясь лишь „наблюдательнымъ занятіемъ“, которое не только не изнуряетъ организма, но даетъ еще приказчикамъ возможность во время перерывовъ отдыхать и заниматься самообразованіемъ путемъ чтенія книгъ и газетъ **). Ростовскій биржевой комитетъ въ свою очередь высказался противъ всякаго законодательнаго вмѣшательства въ опредѣленіе часовъ торговли, признавъ совершенно достаточнымъ, чтобы охрана интересовъ служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ была возложена на мѣстныя общественныя учрежденія въ лицѣ думъ, земства, биржевыхъ комитетовъ и т. п. ***).

Если принять во вниманіе, что члены поименованныхъ учрежденій либо совершенно не имѣютъ своихъ интересовъ въ торговлѣ, либо связаны съ ней интересами, прямо противоположными интересамъ приказчиковъ, то нецѣлесообразность этого проекта, какъ средства для охраны торговыхъ служащихъ, окажется вполнѣ ясной. Не менѣе ясно высказались и елисаветградскіе торговцы. Обсуждая поставленный министерствомъ финансовъ вопросъ, они нашли возможнымъ согласиться на сокращеніе торговаго дня до 13—14 часовъ, съ тѣмъ, чтобы магазины открывались въ 7 ч. утра и закрывались въ 9 ч. вечера. Вмѣстѣ съ тѣмъ елисаветградскіе торговцы сочли возможнымъ установить и предѣльный

---

*) «Од. Новости», 28 октября 1901 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 4 октября 1902 г.

***) «Од. Новости», 15 октября 1902 г.

возрастъ для поступленія на службу въ магазинъ. Такой возрастъ они опредѣлили въ 11—12 лѣтъ, при чемъ, конечно, руководились не своими интересами, а побужденіями чистѣйшаго альтруизма. Дѣло въ томъ, что бѣдные родители „не въ состояніи держать дома дѣтей до 14-лѣтняго возраста", а, съ другой стороны, если мальчикъ поступитъ въ магазинъ въ возрастѣ 11—12 лѣтъ, то въ 16—18 лѣтъ онъ будетъ уже получать жалованье отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ *).

Не во всѣхъ городахъ, однакоже, представители торговаго класса оказались такъ суровы, какъ въ Кіевѣ, и такъ щедры, какъ въ Елисаветградѣ. Торговцы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ городовъ признали необходимымъ ранѣе представленія отвѣта на запросъ министерства финансовъ выслушать голосъ наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ стороны въ лицѣ приказчиковъ. Такъ, напримѣръ, поступилъ варшавскій биржевой комитетъ и созванное имъ совѣщаніе торговцевъ и приказчиковъ признало, что изданіе закона, регулирующаго рабочее время въ торговыхъ заведеніяхъ, является насущною потребностью, удовлетвореніе которой не слѣдовало бы откладывать **). Подобнымъ же образомъ самарскій биржевой комитетъ, получивъ упомянутый запросъ отъ министерства финансовъ, передалъ этотъ запросъ на обсужденіе мѣстнаго общества приказчиковъ и одновременно опросилъ по тому же вопросу хозяевъ торгово-промышленныхъ заведеній г. Самары. Изъ этихъ хозяевъ на вызовъ комитета откликнулось 112 человѣкъ. Большинство ихъ, въ числѣ 59 человѣкъ, высказалось за 12-часовой рабочій день для приказчиковъ и только 17 человѣкъ находили нужнымъ установить болѣе продолжительный рабочій день. При этомъ 35 хозяевъ высказалось также за прекращеніе работы на $1^1/_2$—2 часа въ обѣденное время, тогда какъ остальные 77 хозяевъ не признавали надобности въ такомъ перерывѣ занятій на время обѣда приказчиковъ. За полное прекращеніе работы въ праздники высказалось 100 хозяевъ изъ 112-ти, приславшихъ отвѣты. Въ свою очередь общество приказчиковъ признало желательными установленіе въ торговыхъ заведеніяхъ 12-ти часового рабочаго дня, съ перерывомъ въ 2 часа на обѣдъ, и полное прекращеніе торговли въ праздники. Самарскій биржевой комитетъ присоединился къ этимъ заявленіямъ приказчиковъ и 35 солидарныхъ съ ними хозяевъ, при чемъ съ своей стороны высказалъ пожеланіе, чтобы указанныя положенія были установлены въ общемъ законодательномъ порядкѣ, а опредѣленіе времени открытія и закрытія магазиновъ, назначеніе часовъ обѣденнаго перерыва и указаніе мѣстныхъ праздниковъ, въ дни которыхъ, наравнѣ съ общепринятыми праздниками, не должна

*) «Од. Новости», 14 декабря 1902 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 26 октября 1902 г.

производиться торговля, были предоставлены компетенціи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій *). Саратовское общество приказчиковъ, обсудивъ тотъ же самый вопросъ, пришло къ подобнымъ же выводамъ. Согласно свѣдѣніямъ названнаго общества, въ Саратовѣ насчитывается отъ 4 до 5 тысячъ приказчиковъ, въ томъ числѣ около 1.500 мальчиковъ, не достигшихъ еще 15-лѣтняго возраста. Рабочій день этой массы служащихъ ни въ одной области торговли не опредѣленъ точно: въ лѣсной торговлѣ онъ доходитъ до 15 часовъ зимой и 18-ти лѣтомъ, въ галантерейной колеблется между 13—17 часами въ зависимости отъ времени года; еще въ худшихъ условіяхъ находятся служащіе гастрономическихъ магазиновъ, не имѣющіе возможности пользоваться сокращеніемъ работы и въ праздники. Ни въ одной отрасли торговли не отводится также опредѣленнаго времени на обѣдъ и это обстоятельство въ свою очередь очень тяжело отзывается на служащихъ. Тяжесть непомѣрно-высокаго рабочаго дня отчасти ложится и на самихъ хозяевъ, такъ какъ многіе изъ нихъ остаются въ лавкахъ во все время торговли, но сократить это время не рѣшаются изъ опасенія конкурренціи. Единственнымъ исходомъ изъ такого ненормальнаго положенія, по мнѣнію саратовскаго общества, могла бы явиться обязательная для всѣхъ магазиновъ и лавокъ нормировка рабочаго дня приказчиковъ, при чемъ этотъ день могъ бы быть опредѣленъ въ 12 часовъ, съ двухчасовымъ перерывомъ на обѣдъ **).

Неудобства существующаго порядка и вызываемаго имъ недовольства среди торговыхъ служащихъ становятся настолько ощутительными, что въ нѣкоторыхъ городахъ не только приказчики, но и сами торговцы начинаютъ уже обращаться къ думамъ съ просьбою о немедленной нормировкѣ рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ. Осенью текущаго года, какъ сообщали газеты, подобное ходатайство внесено было въ нижегородскую думу приказчиками и нѣкоторыми торговцами Нижняго-Новгорода. Ходатайство это заключало въ себѣ слѣдующіе три пункта: 1) чтобы рабочихъ дней въ недѣлѣ было шесть, въ воскресные же и праздничные дни торговля не производилась; 2) чтобы время производства торговли было ограничено 12 часами, включая сюда полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ, и 3) чтобы въ каждомъ торговомъ заведеніи было вывѣшено расписаніе часовъ его открытія и закрытія, равно какъ времени обѣда, для контроля членами управы ***). Въ г. Кременчугѣ, послѣ того, какъ городская управа отклонила, даже безъ доклада думѣ, просьбу приказчиковъ о сокращеніи часовъ торговли, 150 мѣст-

---

*) «Сарат. Дневникъ», 15 января 1903 г.

**) «Сар. Дневникъ». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 21 января 1903 г.

***) «Спб. Вѣдомости», 17 сент. 1903 г.

ныхъ торговцевъ обратились съ коллективнымъ ходатайствомъ къ городскому головѣ, прося его внести въ думу вопросъ объ ограниченіи часовъ торговли путемъ изданія обязательнаго постановленія, которое дозволило бы открытіе торговыхъ заведеній въ зимнее время лишь съ 8 час. утра до 9 час. вечера и въ лѣтнее—съ 7 час. утра до 9 час. вечера. Такимъ образомъ кременчугскіе торговцы ходатайствовали объ установленіи думою рабочаго дня для приказчиковъ въ 13—14 часовъ. При этомъ, однакоже, они, дѣйствительно, имѣли въ виду не увеличеніе, а сокращеніе рабочаго дня своихъ приказчиковъ, такъ какъ въ настоящее время большинство кременчугскихъ торговыхъ заведеній открыто по 18—20 часовъ въ сутки *).

Городскія думы, какъ мы уже упоминали, безсильны удовлетворять такія ходатайства. Но кромѣ того нерѣдки и такіе случаи, когда городскія думы, состоящія главнымъ образомъ изъ представителей торгово-промышленнаго класса, очень скупо и неохотно пользуются даже безспорно принадлежащимъ имъ правомъ ограниченія праздничной торговли. Съ другой стороны, хотя среди торговцевъ и имѣется уже не мало людей, сознающихъ всю нелѣпость чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня приказчиковъ, но у большинства торговаго класса не хватаетъ выдержки и солидарности для того, чтобы собственными силами установить иной порядокъ. Благодаря такимъ условіямъ въ торговлѣ всей почти Россіи продолжаютъ царить прежніе порядки, приблизительное понятіе о которыхъ могутъ дать уже приведенные выше факты, сами по себѣ составляющіе, однакоже, лишь слабое отраженіе дѣйствительности. Неудивительно, что подъ вліяніемъ такихъ порядковъ среди торговыхъ служащихъ растетъ глубокое недовольство, все чаще прорывающееся наружу и вызывающее рѣзкіе конфликты, въ разрѣшеніи которыхъ приходится принимать участіе и администраціи.

Въ г. Кутаисѣ, какъ сообщали газеты, минувшею осенью приказчики въ теченіе цѣлой недѣли не являлись въ магазины. Торговля въ городѣ возобновилась только послѣ того, какъ было созвано, по предложенію мѣстнаго губернатора, чрезвычайное засѣданіе городской думы, въ которомъ было принято постановленіе, чтобы въ воскресные дни и двунадесятые праздники торгово-промышленныя заведенія вовсе не открывались, а въ прочіе праздники и табельные дни открывались лишь съ 12 ч. дня до 6 ч. вечера **). Иного рода исторія разыгралась въ недавнее время въ Севастополѣ. Въ этомъ городѣ состоялось было соглашеніе торговцевъ о закрытіи всѣхъ магазиновъ въ будничные дни зимою въ 8 часовъ, а лѣтомъ въ 9 ч. вечера, и мѣстная

*) «Спб. Вѣдомости», 23 сентября 1903 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 17 сентября 1903 г.

полиція получила приказаніе слѣдить за выполненіемъ этого соглашенія. Но вскорѣ послѣ того въ газетахъ появился слѣдующій приказъ севастопольскаго полиціймейстера: „даю знать гг. приставамъ для объявленія всѣмъ приказчикамъ, что въ виду выяснившихся неудобствъ закрытія магазиновъ въ указанное время какъ для торговцевъ, такъ и для обывателей, порядокъ закрытія магазиновъ остается прежній; тѣмъ не менѣе, въ видахъ предоставленія приказчикамъ болѣе времени для отдыха, владѣльцы торговыхъ заведеній, согласно предложенію градоначальника, обязываются ежедневно съ 8 часовъ вечера освобождать часть служащихъ по очереди" *). „Въ другихъ мѣстахъ, наконецъ, администрація не ограничивается уже „предложеніями", а переходитъ и къ карамъ, при чемъ мотивировка этихъ каръ представляется чрезвычайно своеобразной и любопытной. Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства" только что появилось слѣдующее сообщеніе: „и. д. одесскаго градоначальника постановилъ: содержимый почетнымъ гражданиномъ Ив. Пясецкимъ въ домѣ № 85 по Преображенской улицѣ мануфактурный магазинъ, по неблагонадежности его владѣльца и, между прочимъ, за то, что тотъ допускалъ торговлю ранѣе назначеннаго одесской городской думой времени, чѣмъ лишалъ своихъ служащихъ законнаго отдыха, дѣлалъ неправильную конкурренцію и подрывалъ торговлю сосѣдей, закрыть на два мѣсяца" **).

Только что разсказанные случаи, являясь типичными примѣрами того самопроизвольнаго расширенія полномочій мѣстной администраціи, о которомъ намъ такъ часто приходится говорить въ послѣднее время, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить хорошимъ доказательствомъ необходимости законодательной нормировки рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ. Оставлять въ силѣ существующій въ этихъ заведеніяхъ порядокъ, очевидно, слишкомъ неудобно, если даже мѣстные администраторы признаютъ необходимымъ на свой страхъ реформировать его путемъ обращенныхъ къ владѣльцамъ магазиновъ и лавокъ „предложеній". Та охрана труда приказчиковъ при помощи средствъ административнаго воздѣйствія, съ первыми попытками которой мы познакомились выше, уже въ этихъ первыхъ своихъ проявленіяхъ оказывается крайне пестрой. При дальнѣйшемъ ея развитіи такая пестрота неизбѣжно должна была бы еще болѣе увеличиться и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ обстоятельствъ установились бы различные въ самомъ своемъ существѣ порядки. Подобный исходъ въ свою очередь едва-ли можетъ быть признанъ удобнымъ и правильнымъ. Въ дѣйствительности практикуемая система административныхъ мѣръ, вызванная

---

*) «Спб. Вѣдомости», 22 ноября 1903 г.

**) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 11 декабря 1903 г

къ жизни исключительно случаями протеста приказчиковъ противъ чрезмѣрной эксплуатаціи ихъ труда, служитъ лишь симптомомъ необходимости законодательной нормировки труда торговыхъ служащихъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться замѣною такой нормировки.

Но признаніемъ необходимости изданія такого закона, который опредѣлилъ бы точною и справедливой нормой рабочій день приказчиковъ, разбираемый вопросъ далеко еще не исчерпывается. Мало издать подобный законъ, необходимо еще принять мѣры къ дѣйствительному проведенію его въ жизнь. На примѣрѣ ремесленниковъ мы уже видѣли, что поручить наблюденіе за исполненіемъ подобнаго закона общимъ полицейскимъ органамъ значитъ обречь его на полное безсиліе...

Вліяніе тѣхъ общихъ условій современной русской жизни, которыя создаютъ въ ней крайне ненормальное положеніе для представителей труда, съ неменьшею силою сказывается подчасъ и на положеніи людей, отдавшихъ свои силы интеллигентнымъ профессіямъ. Но тяжесть этого ненормальнаго положенія становится особенно ощутительной, когда къ неблагопріятному вліянію общихъ условій присоединяется еще враждебное отношеніе товарищей по профессіи, въ особенности же товарищей, занимающихъ болѣе льготную позицію. Между тѣмъ въ дѣйствительности подобныя отношенія между различными группами интеллигентныхъ тружениковъ, къ сожалѣнію, не представляютъ собою рѣдкаго исключенія. Особенно часто, повидимому, такія отношенія устанавливаются у насъ въ области земской медицины между двумя главными группами ея представителей—врачами и находящимися въ подчиненіи имъ фельдшерами. Время отъ времени въ печати появляются сообщенія, рисующія картину этихъ отношеній въ той или иной мѣстности въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ. На одномъ такомъ сообщеніи мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты „Фельдшеръ“ напечатано письмо фельдшерицы Тюменевой, разсказывающее „прискорбный случай изъ фельдшерскаго служебнаго быта, имѣвшій мѣсто въ Московскомъ (Воронежской губерніи и уѣзда) сифилитическомъ баракѣ, находящимся въ вѣдѣніи воронежской уѣздной земской управы и содержимомъ на средства общества съ заразными болѣзнями“. „Завѣдующій сифилитическимъ баракомъ и земской больницей въ селѣ Московскомъ врачъ М. А. Хворостанскій,—говоритъ г-жа Тюменева въ своемъ письмѣ,—желая по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ удалить меня съ мѣста фельдшерицы при сифилитическомъ баракѣ, прибѣгалъ для достиженія этой цѣли къ всевозможнымъ обиднымъ для меня пріемамъ; но, видя, что я не намѣрена бросить барачное дѣло, которому служила съ

его основанія (около трехъ лѣтъ), и не оставляю мѣста, рѣшился на такую крайнюю мѣру. Воспользовавшись моимъ отъѣздомъ въ сосѣдній участокъ, врачъ Хворостанскій собственноручно заперъ лѣчебный баракъ, въ которомъ находится моя квартира, предварительно изгнавъ оттуда оставленнаго мною для охраны извѣстнаго своею честностью барачнаго служителя. По возвращеніи моемъ врачъ Хворостанскій отказалъ мнѣ, черезъ того же служителя, въ выдачѣ ключа и предложилъ идти искать ночлега въ земской квартирѣ. Найдя крайне неудобнымъ въ глухую ночь ходить по селу искать себѣ ночлега, я отправилась лично къ врачу Хворостанскому за ключемъ, который, послѣ грубаго окрика, и получила, продежуривъ предварительно у запертыхъ дверей моей квартиры и, въ ожиданіи выдачи ключа, у окна квартиры врача Хворостанскаго около двухъ часовъ. На другой день врачъ Хворостанскій грубо отстранилъ меня отъ обязанностей, заявивъ при этомъ, что онъ будетъ требовать отъ управы моего увольненія, такъ какъ я мѣшаю ему работать, мѣшаю посѣщать баракъ и, вообще, онъ не можетъ меня видѣть. Совершенно отстраненная отъ ухода за барачными больными и не имѣя возможности предвидѣть, какія крутыя мѣры можетъ предпринять врачъ Хворостанскій для моего удаленія изъ барака, я уѣхала въ Воронежъ, извѣстивъ его короткой запиской о своемъ отъѣздѣ. Врачъ Хворостанскій сдержалъ свое слово и на другой же день имъ была послана въ земскую управу бумага съ требованіемъ удалить меня со службы по причинѣ неоднократнаго неисполненія его распоряженій, закончившагося самовольнымъ отъѣздомъ. По возвращеніи моемъ послѣ двухдневнаго отсутствія, врачъ Хворостанскій вторично отстранилъ меня отъ обязанностей, при чемъ сообщилъ о посылкѣ имъ въ управу вышеупомянутой бумаги. На вопросъ, когда и какъ выразилась моя неисполнительность и почему два дня назадъ онъ имѣлъ совершенно иные мотивы къ моему увольненію, врачъ Хворостанскій давалъ грубые, ничего не пояснявшіе отвѣты. Въ отвѣтъ на бумагу врача Хворостанскаго земская управа потребовала отъ меня объясненіе, разсмотрѣвъ которое, оставила меня на службѣ, а по дѣлу назначила слѣдствіе. Прождавъ напрасно долгое время командированнаго управою слѣдователя, я обратилась къ ней съ личной просьбой произвести возможно скоро обѣщанное слѣдствіе, такъ какъ для меня это—лучшій способъ возстановить истину и освѣтить нѣкоторые поступки со мною врача Хворостанскаго. Получивъ обѣщаніе возможно скораго производства слѣдствія, я опять ждала, но... дождаться не судилъ Богъ... Въ чьихъ интересахъ управа нашла неудобнымъ производство слѣдствія и почему не исполнила дважды даннаго обѣщанія, мнѣ достовѣрно не было извѣстно. Между тѣмъ, считая свое положеніе—числящейся на службѣ, но отстраненной отъ дѣла—ненормаль-

нымъ и крайне тяжелымъ, я попросила управу устроить мнѣ переводъ на какой-либо изъ участковъ Воронежскаго уѣзда. Предложенное управою мѣсто я нашла неудобнымъ и предпочла, оставивъ службу въ обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями, уйти совсѣмъ изъ Воронежскаго уѣзда".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, г-жа Тюменева, по ея разсказу, обратилась въ мѣстный санитарный совѣтъ, прося предложить г. Хворостанскому объяснить, въ чемъ же заключалась ея неисполнительность и почему врачъ не указывалъ на нее своевременно. „За недопущеніе въ квартиру—продолжаетъ свой разсказъ г-жа Тюменева—врачъ Хворостанскій (не объясняя повода) принесъ мнѣ черезъ управу искреннее извиненіе... Передавъ мнѣ извиненіе врача Хворостанскаго, управа вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомила меня, что дѣло наше поступитъ на разсмотрѣніе коммиссіи по разбору недоразумѣній между лицами медицинскаго персонала. Разборъ дѣла въ коммиссіи состоялся только 30 мая 1903 г., а въ половинѣ іюня я получила копію съ постановленія коммиссіи слѣдующаго содержанія: „1) Признать письменное извиненіе врача Хворостанскаго передъ фельдшерицей Тюменевой исчерпывающимъ его некорректный поступокъ (недопущеніе въ квартиру) передъ фельдшерицей Тюменевой. 2) Признать, что въ письменномъ объясненіи врача Хворостанскаго не содержится никакихъ данныхъ, порочащихъ личность и работоспособность фельдшерицы Тюменевой". Желая знать, въ чемъ заключается письменное объясненіе врача Хворостанскаго, я дважды обращалась въ земскую управу съ просьбой выслать мнѣ копію съ этого объясненія, но управа послѣ долгаго молчанія отвѣтила мнѣ отказомъ, не объяснивъ его причинъ".

„Итакъ,—заключаетъ г-жа Тюменева свой разсказъ—дѣло, тянувшееся ровно годъ, закончено. Но гдѣ же удовлетвореніе за все то, что заставилъ меня пережить врачъ Хворостанскій? Прождавъ цѣлый годъ окончанія дѣла, прошедшаго всѣ инстанціи (управа, санитарный совѣтъ, коммиссія), я все-таки не узнала, за что я была представлена врачемъ Хворостанскимъ къ увольненію... Желая по какимъ-то соображеніямъ удалить меня съ мѣста, врачъ Хворостанскій, не задумываясь, бросаетъ тѣнь на мое имя работницы, обвиняя въ недобросовѣстности, въ доказательство которой не могъ представить ни одного факта; онъ грубо лишаетъ меня возможности работать, не пускаетъ въ квартиру и послѣ этого считаетъ себя въ правѣ обвинять въ самовольномъ отъѣздѣ и требовать по этой причинѣ увольненія! Я прослужила земствамъ въ разныхъ полосахъ Россіи 20 лѣтъ; имѣю незапятнанную репутацію фельшерицы-работницы; работала въ Московскомъ сифилитическомъ баракѣ съ его открытія (около трехъ лѣтъ); пережила тамъ всѣ невзгоды, неизбѣжныя при началѣ новаго дѣла, пріобрѣла любовь, довѣріе и расположеніе населенія далеко за

предѣлами Московскаго участка и все-таки должна была бросить дорогое дѣло и уйти потому, что лично была непріятна врачу Хворостанскому. Къ кому-же аппеллировать въ такихъ случаяхъ? Кто возстановитъ доброе имя фельдшера или фельдшерицы, запятнанное по произволу врача?" *).

Быть можетъ г. Хворостанскій или воронежская уѣздная управа откликнутся на эти вопросы г-жи Тюменевой? Въ томъ, что она имѣла право ихъ поставить, сомнѣваться, повидимому, не приходится. Пока, правда, передъ нами разсказъ лишь одной заинтересованной въ дѣлѣ стороны, но въ этомъ разсказѣ есть факты, говорящіе очень много. Если вѣрно, что д-ръ Хворостанскій не впускалъ г-жу Тюменеву ночью въ ея собственную квартиру и просилъ управу объ увольненіи фельдшерицы, не имѣя никакихъ данныхъ, которыя опорочивали бы личность и работоспособность послѣдней,—а именно эти обстоятельства удостовѣрены въ приводимомъ г-жѣ Тюменевой постановленіи коммиссіи,—то подобные поступки, пожалуй, слишкомъ мало назвать „некорректными". По всей видимости, воронежская „коммиссія по разбору недоразумѣній между лицами медицинскаго персонала" оказалась очень вѣжливой по отношенію къ д-ру Хворостанскому и, увлекшись этою вѣжливостью, забыла даже оцѣнить по достоинству второй изъ указанныхъ поступковъ своего не въ мѣру энергичнаго товарища. А между тѣмъ, казалось-бы, сдѣлать это было не трудно. Врачи не разъ уже разъясняли другимъ земскимъ дѣятелямъ, что въ общественномъ дѣлѣ не можетъ быть мѣста никакому произволу. Не мѣшало бы земскимъ врачамъ нѣсколько строже примѣнять это правило и въ своей собственной средѣ, памятуя, что вся сила интеллигентныхъ работниковъ, какъ и всякихъ другихъ, заключается только въ ихъ единеніи и что ихъ собственное достоинство не дозволяетъ имъ прибѣгать къ пріемамъ, въ основѣ которыхъ лежитъ неуваженіе къ человѣческой личности.

II.

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. По принятому нами обыкновенію, воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Какъ сообщено въ газетахъ **), и. об. главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ ген.-лейт. Фрезе изданы на основаніи ст. 15-й Положенія объ усиленной охранѣ два обязательныя постановленія. Первое изъ нихъ предназначено для г. Але-

*) «Фельдшеръ», № 22, 15 ноября 1903 г.

**) «Кавказъ». Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 23 ноября 1903 г.

ксандрополя Эриванской губерніи и запрещаетъ въ чертѣ этого города ношеніе какого бы то ни было огнестрѣльнаго оружія, шашекъ, кинжаловъ, финскихъ ножей, овшаріевъ, кастетовъ, бебутовъ, а также тростей съ внутренними клинками. Ношеніе кинжаловъ и шашекъ въ особо уважительныхъ случаяхъ допускается съ письменнаго на то разрѣшенія мѣстнаго губернатора. Второе постановленіе для г. Карса, заключая тѣ же статьи о воспрещеніи ношенія оружія, запрещаетъ также производство торговли какимъ бы то ни было огнестрѣльнымъ оружіемъ и боевыми припасами къ нему безъ предварительнаго письменнаго на то разрѣшенія военнаго губернатора Карсской области. Получившія такое разрѣшеніе лица обязываются вести точный учетъ имѣющемуся у нихъ оружію и боевымъ припасамъ съ указаніемъ, когда, кому и какое оружіе ими продано; нарѣзныя ружья и револьверы могутъ быть продаваемы только лицамъ, представившимъ письменное разрѣшеніе карсскаго военнаго губернатора. Разрѣшительныя свидѣтельства, въ которыхъ должно быть указано количество дозволеннаго къ пріобрѣтенію даннымъ лицомъ оружія и припасовъ къ нему, продавцы обязываются хранить въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Виновные въ нарушеніи этихъ постановленій подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ, при чемъ на наложеніе этихъ взысканій уполномочиваются эриванскій и карсскій военные губернаторы.

Въ г. Саратовѣ Положеніе объ усиленной охранѣ примѣнено къ прекращенію уличнаго безчинства. На основаніи статей 15-й и 16-й названнаго Положенія мѣстнымъ губернаторомъ г. Столыпинымъ 6 ноября текущаго года издано слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Воспрещается всякое нарушающее общественную тишину и порядокъ непристойное поведеніе на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ города Саратова, выражающееся, между прочимъ, въ дерзкихъ выходкахъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и къ публикѣ и въ неприличномъ обращеніи къ женщинамъ. 2) Нарушеніе сего постановленія наказуется въ административномъ порядкѣ денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ до 500 р. или арестомъ до 3 мѣсяцевъ“. Постановленіе это, поясняютъ „Саратовскія Губ. Вѣдомости“, „вызвано постоянно повторяющимися за послѣднее время въ Саратовѣ случаями такъ называемаго хулиганства и нарушенія общественнаго порядка“ *).

---

*) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 18 ноября 1903 г.

Въ Одессѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи всякаго рода собраній сборищъ и сходбищъ и. д. одесскаго градоначальника подвергнуты аресту Тр. Шулякъ-Бондаренко, Ив. Савинъ, Ал. Поросенковъ и Н. Бѣляевъ на 2 мѣсяца и мѣщ. Гр. Николаевъ— на 3 мѣсяца *).

Въ Кіевѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, 18 ноября на стѣнахъ университета было вывѣшено слѣдующее объявленіе за подписью ректора Н. Бобрецкаго: „Съ 18-го ноября гг. студенты допускаются въ университетъ черезъ парадный ходъ лишь при представленіи входныхъ билетовъ на лекціи". Вечеромъ того же дня было вывѣшено еще другое объявленіе отъ ректора, слѣдующаго содержанія: „По распоряженію попечителя учебнаго округа занятія въ университетѣ св. Владиміра и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ пріостановлены на 19-е и 20-е ноября и доступъ студентамъ въ зданіе университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія, за исключеніемъ госпиталя и университетскихъ клиникъ, воспрещается" **).

Вслѣдъ затѣмъ въ кіевскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее постановленіе мѣстнаго губернатора: „Кіевскій губернаторъ, ген.-м. П. С. Саввичъ, разсмотрѣвъ производство особой коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ по крестьянскимъ дѣламъ д. с. с. Рафальскаго для разсмотрѣнія степени виновности лицъ, задержанныхъ во время уличныхъ безпорядковъ, происходившихъ въ г. Кіевѣ 19 ноября 1903 г. возлѣ университета св. Владиміра, на основаніи ст. 15, п. 2 положенія о государственной охранѣ, постановилъ: А) задержанныхъ во время означенныхъ безпорядковъ и признанныхъ виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 года подвергнуть аресту, считая срокъ со времени задержанія, а именно съ 12-ти часовъ дня 19-го ноября, на нижеслѣдующіе сроки: студентовъ университета св. Владиміра: на три мѣсяца: (названо 2 лица); на 2 мѣсяца: (названо 2 лица); на полтора мѣсяца: (названо 1 лицо); на одинъ мѣсяцъ: (названо 1 лицо); на три недѣли: (названо 3 лица); на 2 недѣли: (названо 8 лицъ); на одну недѣлю: (названо 28 студентовъ университета и 1 студентъ кіевскаго политехническаго института). В) Нижепоименованныхъ же лицъ, не признанныхъ виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія отъ 9 апрѣля 1901 г., освободить изъ-подъ ареста и отъ отвѣтственности: (названо 33 студента

*) «Од. Новости», 1 ноября 1903 г.
**) «Кіевская Газета», 19 ноября 1903 г.

университета св. Владиміра и 2 вольнослушателя того же университета)“ *).

Въ кіевскихъ газетахъ опубликованы еще два постановленія кіевскаго губернатора ген.-м. Саввича отъ 26-го ноября. Первымъ изъ этихъ постановленій за нарушеніе обязательнаго постановленія, изданнаго 6-го ноября 1903 г. о воспрещеніи сборищъ и собраній для совѣщаній или дѣйствій, противныхъ государственному порядку и общественному спокойствію, подвергнуты административнымъ взысканіямъ: аресту на три мѣсяца—два лица, на два мѣсяца -- шесть лицъ, на полтора мѣсяца — шесть лицъ, на три недѣли — пять лицъ, денежному штрафу въ размѣрѣ 50-ти руб.—одно лицо. Кромѣ того зачтено въ срокъ наказанія время, проведенное подъ арестомъ, семи лицамъ, которыя и освобождены изъ-подъ ареста. Другимъ такимъ же постановленіемъ губернатора квартирохозяйка въ д. № 130, по Жилянской улицѣ, подвергнута штрафу въ 30 рублей и участники сходки: одно лицо — аресту на три мѣсяца и десять лицъ — аресту на два мѣсяца **).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ опубликовано слѣдующее постановленіе и. д. харьковскаго губернатора отъ 28-го ноября т. г.: „27 ноября чины харьковской городской полиціи, командированные на Старо-Московскую улицу для возстановленія порядка и безпрепятственнаго по этой улицѣ движенія, нарушенныхъ скопившеюся близъ зданія первой харьковской гимназіи толпой разнаго званія лицъ, обнаружили недостаточное пониманіе правъ и обязанностей полицейской службы, допустивъ при возстановленія уличнаго порядка дѣйствія и распоряженія, не соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ дѣла. Въ виду сего объявляю виновнымъ въ означенномъ проступкѣ: приставу 1-го полицейскаго участка колл. секр. барону фонъ-Бринкену и его помощнику колл. секр. Коронацкому мой выговоръ, околоточнаго надзирателя Георгія Сукачева подвергаю аресту на трое сутокъ и городового Дмитрія Шинкаренка—увольненію отъ службы“ ***).

Въ Варшавѣ, какъ сообщаетъ „Варшавскій Дневникъ“, на воротахъ университета вывѣшено за подписью инспектора Шестакова слѣдующее объявленіе: „Имѣю честь увѣдомить гг. студентовъ и постороннихъ слушателей, что лекціи и другія учебныя занятія въ университетѣ и во всѣхъ его учрежденіяхъ съ 1 декабря с. г. до начала слѣдующаго учебнаго полугодія пріостанавливаются“. Въ самомъ же зданіи университета, по словамъ той же газеты, вывѣшено за

---

*) «Кіевск. Газета», 28 ноября 1903 г.

**) «К. Г.», 29 ноября 1903 г.

***) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 3 дек. 1903 г.

подписью ректора Ульянова объявленіе слѣдующаго содержанія: „Настоящимъ имѣю честь объявить гг. студентамъ Императорскаго Варшавскаго университета, что съ разрѣшенія г. попечителя варшавскаго учебнаго округа вторично пріостановлены съ 1-го декабря с. г. лекціи и другія учебныя занятія въ университетѣ до начала слѣдующаго академическаго полугодія съ тѣмъ, чтобы на такое же количество лекціонныхъ дней, которое нынѣ пропущено вслѣдствіе безпорядковъ, былъ продолженъ весенній лекціонный семестръ въ маѣ 1904 г. согласно циркулярному распоряженію министра народнаго просвѣщенія отъ 12 января 1902 г., объявленному гг. студентамъ въ прошломъ учебномъ году“ *).

Въ теченіе минувшаго мѣсяца въ газетахъ было опубликовано нѣсколько сообщеній о судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

7 ноября, какъ сообщаетъ „Новое Обозрѣніе“, въ г. Гори въ выѣздной сессіи тифлисскаго окружнаго суда разбиралось дѣло о безпорядкахъ на станціи Михайлово Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Суду было предано 15 человѣкъ рабочихъ. 9 ноября окружный судъ вынесъ приговоръ, которымъ оправданы Г. Гудадзе, Д. Кашканидзе и Д. Тедозашвили; признаны виновными и приговорены: Влад. Хосберовъ, Николай Перадзе и двор. Иванъ Сухіевъ за несовершеннолѣтіемъ безъ лишенія правъ на 1½ года къ тюремному заключенію; Дм. Ждановъ, Василій Квесадзе, свящ. сынъ Василій Самхарадзе, Сергѣй Арутюновъ, Василій Лабадзе, Романъ Мегрелишвили, двор. Прокофій Кикнавелидзе, Матвѣй Мезоблишвили и Леонъ Чахваянцъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ отдачѣ въ исправ. арестантскія отдѣленія срокомъ первые семь—на 2½ года каждый, а двое послѣднихъ—къ 1½ годамъ каждый **).

Въ г. Тифлисѣ 14 ноября въ 1-мъ уголовномъ отдѣленіи тифлисскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло о безпорядкахъ, произведенныхъ 16 іюня 1903 г. на Батумской улицѣ, въ 10 участкѣ г. Тифлиса. Суду было предано 9 человѣкъ и дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Послѣ продолжительнаго совѣщанія судъ объявилъ приговоръ, по которому Иванъ Манджгаладзе, Александръ Кахадзе и Михаилъ Боткевели судомъ признаны виновными въ участіи въ безпорядкахъ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, и въ оказаніи сопротивленія казакамъ, и приговорены первые двое, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, къ отдачѣ въ арестантское отдѣленіе на одинъ годъ, а Боткевели—къ тю-

---

*) Цитирую по «Н. Времени», 9 дек. 1903 г.

**) Цитирую по «Спб. Вѣдомостямъ», 17 ноября 1903 г.

ремному заключенію на 9 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ. Остальные обвиняемые—Селиванъ и Павелъ Стуруа, Степанъ Бандуренко, Тидо Норакъ, Василій Санакоевъ и Иванъ Ѳедоренко признаны по суду оправданными *).

За истекшій мѣсяцъ опубликовано также нѣсколько правительственныхъ распоряженій относительно Финляндіи.

Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 13 августа т. г. генералъ-губернатору Финляндіи предоставлено, въ случаѣ обнаруженія окружными инспекторами народныхъ училищъ несоотвѣтствующей постановки преподаванія въ оныхъ русскаго языка, входить съ всеподданнѣйшими ходатайствами о лишеніи подлежащихъ учебныхъ заведеній казеннаго пособія.

Высочайше утвержденнымъ 28 октября т. г. постановленіемъ разрѣшено русскимъ подданнымъ, не пользующимся правами финляндскаго гражданства, пріобрѣтать всякаго рода недвижимыя имущества въ Финляндіи и владѣть ими на одинаковыхъ съ финляндскими уроженцами основаніяхъ, при чемъ прежнія ограниченія сохраняютъ силу только для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія.

Въ „Финляндской Газетѣ" напечатано слѣдующее объявленіе гельсингсфорсскаго полицейскаго управленія: „Каждому иностранцу, прибывающему въ городъ, надлежитъ немедленно подъ законною отвѣтственностью представлять свой паспортъ въ канцелярію полицейскаго управленія, при чемъ всѣмъ тѣмъ иностранцамъ, которые въ настоящее время находятся въ городѣ и не предъявили своихъ паспортовъ, предлагается подъ тою же отвѣтственностью немедленно это исполнить. Тѣ же, которые проживаютъ здѣсь по выдаваемымъ изъ губернскаго правленія видамъ на жительство, обязаны соблюдать, чтобы эти виды въ надлежащее время, т. е. каждые шесть мѣсяцовъ, возобновлялись законнымъ порядкомъ".

Въ теченіе мѣсяца, прошедшаго со времени послѣдней нашей хроники, состоялось нѣсколько административныхъ распоряженій по дѣламъ печати. Приводимъ эти распоряженія въ хронологическомъ порядкѣ:

14 ноября „въ виду вреднаго направленія издаваемыхъ въ Тифлисѣ, подъ редакціей надворнаго совѣтника Калантара, князя В. М. Туманова и К. И. Калантарова, газетъ „Мшакъ", „Новое Обозрѣніе" и „Тифлисскій Листокъ", и. о. главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, на основаніи п. 7 Высочайше утвержденнаго 28 апрѣля 1898 г. положенія комитета министровъ, призналъ необходимымъ пріостановить изданіе первыхъ

---

*) «Спб. Вѣд.», 21 ноября 1903 г.

двухъ газетъ на 2 мѣсяца и воспретить на тотъ же срокъ печатаніе въ „Тифлисскомъ Листкѣ“ разсужденій, указанныхъ въ ст. ст. 97 и 98 цензурнаго устава“.

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ напечатано: „Въ № 1753 газеты „Сѣверо-Западное Слово“ была помѣщена замѣтка о томъ, будто вечеромъ 18-го октября гимназисты, выходя изъ пивной на Ботанической улицѣ, позволили себѣ дерзкую выходку въ отношеніи одной проходившей мимо дамы, и, вообще, вели себя крайне неприлично. Въ этой же замѣткѣ сообщалось, что гимназисты неприлично ведутъ себя и въ театрѣ. Произведенное разслѣдованіе не подтвердило правдивости сообщенія. Поэтому и въ виду замѣченныхъ за послѣднее время и другихъ, ни на чемъ не основанныхъ, выходокъ „Сѣверо-Западнаго Слова“ (напр. №№ 1741, 1744 и др.), направленныхъ безъ соотвѣтствія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, противъ учебнаго вѣдомства, г. главный начальникъ края выразилъ въ отношеніи „Сѣверо-Западнаго Слова“, въ лицѣ его издателя генер.-маіора Л. И. Черкасова и исполняющаго обязанности редактора Н. И. Радина, требованіе объ осторожномъ и осмотрительномъ отношеніи къ сообщаемымъ въ газетѣ свѣдѣніямъ, а равно о прекращеніи явно тенденціознаго въ отношеніи учебнаго вѣдомства направленія газеты“ *).

5 декабря „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости“.

Сверхъ того, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Финляндіи, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета“, приняты слѣдующія мѣры: 1) дано предостереженіе выходящей въ городѣ Улеаборгѣ газетѣ „Kaiku“ за помѣщенную въ № 112-мъ этой газеты статью подъ названіемъ „Ovatko Suomen Säädytmeneet toimintausa yli?“, потому что при настоящихъ обстоятельствахъ, когда будущее созваніе сейма зависитъ отъ полнаго спокойствія въ краѣ, главное управленіе нашло, что неумѣстно помѣщать въ газетахъ подобныя необстоятельныя разсужденія, основанныя на непровѣренныхъ и тенденціозно составленныхъ отрывочныхъ историческихъ данныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстному цензору поставлено объ этомъ на видъ; 2) дано предостереженіе выходящей въ г. Выборгѣ газетѣ „Wiborgs Nyheter“ за помѣщенную въ № 251-мъ этой газеты невѣрную замѣтку относительно пребыванія въ Россіи бывшаго бургомистра въ гор. Сердоболѣ г. А. Халлонблада; и 3) изданіе выходящей въ городѣ Коткѣ газеты „Kotkan Sanomat“ пріостановлено на 14 дней за помѣщенную въ № 120 этой газеты статью, потому что главное управленіе признало, что помѣщенное въ послѣднемъ пунктѣ названной статьи изложено въ

*) Цитирую по «Нижег. Листку», 5 дек. 1903 г.

видѣ воззванія къ насильственному отстаиванію рабочими классами своихъ интересовъ и является совершенно неумѣстнымъ и вреднымъ для общественнаго спокойствія.

В. Мякотинъ.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

I) Клемансо.

Для меня всегда казалась крайне привлекательной задача объяснять и отчасти творчески возсоздавать—ибо безъ творчества тутъ не обойдешься — психологическіе типы такъ называемыхъ „знаменитостей" изъ ихъ природныхъ особенностей, условій ихъ воспитанія, обстановки въ узкомъ и широкомъ смыслѣ этого слова,—вплоть до великихъ историческихъ событій, увлекающихъ крупнаго человѣка въ водоворотъ общественной жизни и въ свою очередь получающихъ отъ него извѣстный драматическій интересъ. Говоря такъ, я, конечно, оставляю здѣсь въ сторонѣ разработку общаго философскаго вопроса относительно роли и вліянія личностей въ исторіи. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни смотрѣли на эту соціологическую проблему, психологическая-то сторона дѣла отъ этого не мѣняется. Мы не въ состояніи, выражаясь вульгарно, выскочить изъ своей кожи. И пусть будетъ даже само человѣческое сознаніе простой эпифеноменъ, какъ говаривалъ Юмъ, простая иллюзія, расцвѣчивающая и раскрашивающая фатальные міровые процессы, намъ дороги эти цвѣта и эти краски. Мало того: даже изображеніе этихъ процессовъ становится вполнѣ понятнымъ лишь тогда, когда мы выражаемъ ихъ въ терминахъ сознанія, когда мы оцѣниваемъ, когда мы судимъ, любимъ и ненавидимъ, благословляемъ и проклинаемъ людей, отмѣчавшихъ и драматизировавшихъ извѣстные моменты человѣческаго общежитія.

Часто приходится слышать: разъ извѣстный процессъ назрѣлъ, разъ данная идея носится въ воздухѣ, то непремѣнно найдется и человѣкъ, который будетъ служить великимъ стремленіямъ коллективности, служить именно такъ, какъ нужно, чтобы наросшія потребности осуществились; а не онъ, такъ другой, не другой, такъ третій. И что надо было исторіи реализовать въ данный моментъ, то и будетъ реализовано. Предъ лицомъ всеобщаго

процесса индивидуумы являются, такимъ образомъ, равноцѣнными или, лучше, одинаково малоцѣнными и могущими быть замѣненными одинъ другимъ безъ ущерба для „естественнаго хода вещей“. И, однако, не говоря уже о томъ, что въ этотъ естественный ходъ, въ эту желѣзную цѣпь причинъ и дѣйствій особенности личностей входятъ какъ необходимыя посредствующія звенья, можно ли серьезно поддерживать эту равноцѣнность или это безразличіе даже сходныхъ въ извѣстномъ смыслѣ историческихъ дѣятелей?

Вѣдь мы знаемъ даже изъ химіи, что есть такія тѣла, которыя при одинакости химическаго состава обладаютъ совершенно различными свойствами. И, напр., внутреннее тожество (изомерія) угля, графита, алмаза не мѣшаетъ ихъ крупной практической разноцѣнности, ибо уголь грѣетъ, графитъ пишетъ, алмазъ блеститъ; перемѣшиваніе же этихъ различныхъ функцій можетъ вести лишь къ курьезнымъ quod pro quo. Точно также, если и можно устанавливать съ извѣстной точки зрѣнія психологическую изомерію дѣятелей, то практическое значеніе индивидуальной разницы не подлежитъ сомнѣнію. Не забудьте, что и между людьми есть такіе, которые грѣютъ и которые только блестятъ. Я, конечно, мимоходомъ отмѣчаю это обстоятельство, не желая выжимать изъ метафоры болѣе того, что она можетъ дать, т. е. хочу лишь предостеречь противъ односторонней обработки общей исторической причины и противъ пренебреженія разницей въ психологическихъ типахъ самихъ дѣятелей.

Можно сказать наоборотъ: анализируя психологію данной исторической личности въ связи съ общими потребностями эпохи, вы въ состояніи лучше схватить самый характеръ этихъ потребностей, потому что крупный дѣятель ярче отражаетъ, концентрируя въ своемъ сознаніи, какъ въ фокусѣ, носящіяся всюду въ воздухѣ, но разсѣянныя по частямъ въ отдѣльныхъ личностяхъ идеи историческаго момента.

Это нѣсколько отвлеченное введеніе имѣетъ своею цѣлью мотивировать желаніе пишущаго эти строки знакомить русскую публику съ типами крупныхъ французскихъ современниковъ, работающихъ въ различныхъ областяхъ теоріи и практики: наукѣ, литературѣ, искусствѣ, политикѣ. Знакомить, не связывая себя непремѣннымъ условіемъ говорить только о тѣхъ „знаменитостяхъ“, которыя въ данный моментъ являются почему либо героями дня, хотя бы, напр., благодаря такому печальному обстоятельству, какъ исчезновеніе ихъ изъ рядовъ живыхъ. Если въ событіяхъ не будетъ чего-нибудь особенно важнаго; и если какая-нибудь крупная сторона французской жизни не будетъ нуждаться въ спѣшномъ освѣщеніи, отвлекая меня отъ поставленной задачи,

то я надѣюсь скоро въ цѣломъ рядѣ характеристикъ дать читателю нѣчто въ родѣ непретенціознаго литературно-общественнаго пантеона или галлереи портретовъ выдающихся дѣятелей Франціи, не дожидаясь ихъ смерти и не связывая ихъ біографію съ некрологомъ, какъ то мнѣ пришлось сдѣлать по отношенію къ Пастеру, Александру Дюма-сыну, Жюлю Симону, Додэ, Золя.

Разумѣется, пока смерть не поставитъ своей роковой точки къ карьерѣ данной „знаменитости“ и не наложитъ на ея портретъ своей неумолимой кистью послѣдній штрихъ ne varietur, намъ нечего претендовать на законченность этихъ характеристикъ: все, что живетъ, движется; и въ жизни выдающихся людей могутъ быть еще болѣе, чѣмъ у средняго человѣка, самыя неожиданныя измѣненія и въ окружающей средѣ, и въ нихъ самихъ. Но никто не мѣшаетъ намъ подвергать пересмотру эти неокончательные портреты, могущіе, кстати сказать, болѣе интересовать читателя какъ разъ потому, что оригиналы ихъ еще живутъ и дѣйствуютъ между нами и участвуютъ въ той самой исторіи, въ которой, въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по размѣрамъ силъ и способностей, участвуемъ и всѣ мы.

Выбирая для своего пантеона современниковъ на первый разъ Клемансо, я не могу, однако, сказать, что дѣлаю это совершенно внѣ связи съ „злобами дня“. Именно въ послѣднее время, двумя своими рѣчами въ сенатѣ, бывшій вождь радикаловъ завоевалъ снова исключительное мѣсто въ лагерѣ республиканцевъ; и уже начинаютъ ходить слухи о возможномъ министерствѣ Клемансо. Поторопимся же пока познакомить читателей съ портретомъ этого дѣятеля въ его характерной особенности: Клемансо возбуждалъ неоднократно трепетъ въ правящихъ сферахъ; онъ низвергъ длинный рядъ министерствъ; но никогда ему не пришлось стоять у власти. И было бы крайне интересно отмѣтить временно его черты критика - разрушителя по преимуществу, чтобы сравнить ихъ съ тѣмъ обликомъ, который онъ долженъ принять, когда выступитъ въ положительной роли министра третьей республики. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне любопытный психологическій и общественный опытъ, такъ какъ именно эта невозможность для бывшаго лидера крайней лѣвой воплотить до сихъ поръ хоть отчасти свои идеи въ жизнь и составляетъ одну изъ любопытныхъ сторонъ политической исторіи третьей республики, которая выдвигала въ ряды правящаго персонала лицъ, стоящихъ неизмѣримо ниже Клемансо, но до сихъ поръ не отважилась поставить у руля наиболѣе крупнаго и энергичнаго выразителя французскаго радикализма.

Особенности политической карьеры Клемансо и, главнымъ образомъ, его роковое паденіе въ 1893 г., надолго прервавшее

его парламентскую дѣятельность, объясняютъ, почему до сихъ поръ нѣтъ обобщеннаго и удобнаго для читателей матеріала, знакомящаго съ біографіей и общественной дѣятельностью такого крупнаго человѣка. Пока Клемансо боролся за свои идеалы съ трибуны, нанося жестокіе удары представителямъ отживающихъ партій и не щадя республиканцевъ, побросавшихъ по дорогѣ оппортунизма свой прежній багажъ, до тѣхъ поръ ни друзьямъ, ни врагамъ его не приходило въ голову закрѣпить въ литературѣ общую физіономію этой замѣчательной личности, представлявшей олицетворенное движеніе и неустанную дѣятельность. У насъ сохранилось множество, если можно такъ выразиться „мгновенныхъ фотографій" этого парламентарнаго атлета, который однимъ могучимъ ударомъ низвергалъ кабинеты и захватывалъ врасплохъ поддерживавшее ихъ большинство „вѣрныхъ мамелюковъ" (какъ во время оно Рошфоръ клеймилъ партизановъ Гамбетты и Ферри). Газетные отчеты о парламентскихъ преніяхъ; сопровождавшіе ихъ отзывы о людяхъ и событіяхъ; политическія каррикатуры; бульварныя новости и сплетни, ходившія о вожакѣ крайней лѣвой,—все это представляетъ цѣлый рядъ „позъ" и сценокъ, рисующихъ Клемансо въ тотъ или другой быстро преходящій моментъ его бурнаго существованія. Но его рѣчи, отъ времени до времени переиздававшіяся брошюрами, никогда не были собраны; а біографіи изъ этой эпохи сводятся къ крошечной книжечкѣ, написанной въ 1883 г. его близкимъ тогда другомъ, Камилломъ Пелльтаномъ, для популярной серіи „Современныхъ знаменитостей".

Когда же, на радость безчисленныхъ враговъ, Клемансо палъ и отчасти былъ насильственно отстраненъ обстоятельствами, отчасти самъ сознательно отстранился отъ непосредственной политической дѣятельности,—внезапно явившись передъ публикой въ роли мыслящаго и энергичнаго публициста,—тогда, разумѣется, ни друзьямъ, ни врагамъ его не пришло въ голову заниматься біографіей этого, по ихъ мнѣнію, навсегда опозороренная политика. Клеветы, сплетни, ретроспективныя угрозы, вялыя похвалы запуганныхъ реакціей пріятелей, и опять рядъ мелкихъ сценокъ и „мгновенныхъ фотографій", уступившихъ вскорѣ мѣсто злорадному и многозначительному молчанію,—вотъ все, что осталось отъ этого труднаго періода въ жизни Клемансо. Къ этому времени относится, напр., повидимому, безпристрастный, но въ сущности пропитанный мелкой злобой, литературный портретъ Клемансо въ „Temps", принадлежащій искусному, но антибуржуазному перу Адольфа Бриссона.

Клемансо выступилъ снова на арену политической борьбы въ дѣлѣ Дрейфуса, обнаруживъ здѣсь такую массу энергіи, гражданскаго мужества и рѣдкаго благородства, которой нельзя было ожидать отъ этого, повидимому, раздавленнаго судьбой человѣка.

И снова начались „мгновенныя фотографіи", сценки, сплетни и „позы", пока, наконецъ, выборъ Клемансо въ сенаторы (въ апрѣлѣ 1902 г.) не возбудилъ новаго интереса къ старому бойцу. Вступленіе Клемансо въ сенатъ, повидимому, вызвало коротенькую, но симпатизирующую этой крупной личности біографію, появившуюся за подписью нѣкоего Максима Леруа въ одномъ изъ мало распространенныхъ, нынѣ уже умершихъ журналовъ „La Grande France"; тогда какъ націоналистъ Морисъ Боррэсъ счелъ долгомъ воспроизвести въ своемъ полу-историческомъ, полу-фантастическомъ романѣ-памфлетѣ „Ихъ фигуры" и свои старыя характеристики Клемансо во время панамскаго скандала. Наконецъ, возбудившая совсѣмъ недавно столь сильные толки рѣчь Клемансо противъ государственной монополіи образованія, была, какъ кажется, ближайшимъ поводомъ появленія въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ англійскаго „The Contemporary Review" статьи извѣстнаго литературнаго критика Георга Брандеса, который даетъ въ ней небольшую, но все же, если не ошибаюсь, наиболѣе подробную біографію Клемансо.

Такимъ образомъ, рѣчи Клемансо, разсѣянныя въ оффиціальныхъ или газетныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ палаты, и тѣ немногіе біографическіе опыты, о которыхъ я только что упомянулъ; да, пожалуй, еще нѣсколько статей въ „словаряхъ современниковъ" и энциклопедіяхъ,—вотъ и весь тотъ печатный матеріалъ, которымъ можно располагать при составленіи очерка жизни и дѣятельности одного изъ крупнѣйшихъ людей современной Франціи. Я присовокуплю къ этому развѣ лишь нѣсколько автобіографическихъ деталей, которыя можно порою выловить въ публицистическихъ статьяхъ самого Клемансо. Но при возсозданіи психологическаго типа Клемансо, я буду пользоваться свѣдѣніями, сообщенными мнѣ тѣми изъ моихъ близкихъ пріятелей и знакомыхъ, которые или были, или остались друзьями Клемансо, разумѣется, тщательно воздерживаясь отъ всего того, что касается чисто интимной жизни человѣка и прибѣгая въ тѣхъ случаяхъ, когда все же необходимо затронуть ее, лишь къ печатному матеріалу.

Скажу кстати, что мои личныя отношенія къ Клемансо, вызванныя спеціальною стороною одного дорогого мнѣ, но отнюдь не частнаго дѣла, оставили во мнѣ—не скрою этого—не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе: его обычная, по мнѣнію друзей, прямота въ данномъ случаѣ замѣтно парализовалась политиканствующей тактикой. Но, вдумываясь въ общее міровоззрѣніе Клемансо и въ нѣкоторыя особенности его положенія, я почти склоненъ заключить, что поступить иначе онъ, пожалуй, и не могъ. Какъ бы то ни было, принимаясь за предлагаемый читателю этюдъ о Клемансо, я не только постараюсь, согласно старымъ, но хорошимъ словамъ, выполнить эту задачу „безъ раздраженія, но и безъ

пристрастія, къ которымъ не имѣю и отдаленныхъ поводовъ",—sine ira et studio quorum causas procul habeo,—но искренно желалъ бы сообщить и моимъ читателямъ то чувство нравственнаго и эстетическаго удовлетворенія, какое испытываю самъ, задаваясь цѣлью понять и нарисовать одинъ изъ самыхъ крупныхъ и интересныхъ типовъ современной Франціи.

Эжень-Бенжамэнъ-Жоржъ Клемансо родился 28-го сентября 1841 г., въ небольшомъ селеніи Муйльеронъ-анъ-Парэдъ (Mouilleron en-Pared), въ восточной, слегка лѣсистой и холмистой части Вандейскаго департамента, носящей названіе Bocage, которое можно приблизительно перевести нашимъ „Полѣсьемъ". Отецъ его принадлежалъ къ очень зажиточной (былъ даже „милліонеръ",—говорятъ враги), но на половину сельской буржуазіи и былъ по внѣшнему виду, передавшемуся и его сыну, типичнымъ вандейцомъ-полѣщукомъ (Bocagin), потомкомъ смуглой, не особенно рослой, но очень здоровой и крѣпко сложенной расы.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ, бывшей кульминаціоннымъ пунктомъ политическаго вліянія и вмѣстѣ мужественной зрѣлости Клемансо, многочисленныя фотографіи достаточно популяризировали его физіономію; и этотъ, такъ сказать, классическій типъ лидера крайней лѣвой до сихъ поръ живетъ по преимуществу въ памяти парижанъ.

Ассоціація идей вызываетъ у васъ при имени Клемансо круглую, коротко-остриженную голову, производящую впечатлѣніе какой-то необыкновенно крѣпкой, словно каменной или чугунной глыбы (tête à caillou, по выраженію французовъ); довольно широкое, нѣсколько плоское лицо съ красивымъ выпуклымъ лбомъ, умными, смотрящими изъ-подъ густыхъ бровей живыми глазами и выдающимися скулами, которыя дали поводъ врагамъ Клемансо награждать его прозвищами и „калмыка", и „монгола" и даже—„гунна"; рѣзко очерченныя линіи носа, закрытаго большими усами рта и тщательно выбритаго энергичнаго подбородка. Прибавьте къ этому изжелта-темный цвѣтъ лица, черный оттѣнокъ волосъ и глазъ, звучный и рѣшительный тембръ голоса, широкую грудь, стройную, нѣсколько приземистую, но гибкую и нервную фигуру, рѣзкія движенія которой умѣряются, повидимому, прекрасно выработанными задерживающими центрами,—таковъ былъ обликъ Клемансо въ классическую, повторяю, пору его жизни и въ средній будничный моментъ существованія.

Но надо было видѣть его въ минуты политической страсти или даже простого оживленія, чтобы понять всю степень выпуклости, какую могла пріобрѣтать эта и безъ того всегда рельефная фигура. Я пока еще не говорю ни объ ораторскомъ искусствѣ Клемансо, ни о характерѣ его идей, но останавливаюсь на внѣшней физіономіи. И, однако, даже касаясь лишь поверхност-

нымъ образомъ этой личности, нельзя не отмѣтить ея сложности и разнообразія ея, такъ сказать, психическихъ переливовъ. Кто хоть разъ слышалъ Клемансо въ палатѣ, а еще лучше на народномъ собраніи — въ началѣ 80-хъ годовъ было нѣсколько такихъ сенсаціонныхъ митинговъ, на которыхъ говорилъ вождь радикаловъ — тотъ никогда, конечно, не забудетъ этой внезапно выроставшей до крайне исключительныхъ размѣровъ фигуры, подкупавшей сочетаніемъ простоты манеръ и жестовъ и психической энергіи, звучавшей въ рѣчахъ. Я помню, какъ одинъ изъ моихъ русскихъ пріятелей, человѣкъ, видавшій всяческіе виды, не могъ уснуть отъ волненія всю ночь послѣ знаменитой въ свое время рѣчи Клемансо въ циркѣ Фернандо въ 1884 г., — и это, замѣтьте, не раздѣляя идей, изложенныхъ ораторомъ, казавшихся ему половинчатыми и противорѣчивыми.

Замѣтьте, я опять-таки пока не говорю о внутреннемъ Клемансо, а описываю лишь его внѣшнюю фигуру, чтобы по возможности вызвать опредѣленное впечатлѣніе въ читателяхъ. Въ общемъ, всматриваясь въ этого внѣшняго Клемансо, можно сказать, что онъ представляетъ собою—или, лучше, представлялъ—типъ здороваго, энергичнаго вандейца-крестьянина, въ котораго трудныя, но отнюдь не нищенскія условія многовѣкового существованія вложили неистощимый запасъ физической и нравственной мощи и который ждетъ только благопріятной цивилизующей обстановки, чтобы одухотвориться и расцвѣсти тѣмъ рѣдкимъ цвѣтомъ ума и мужества, какимъ цвѣлъ Клемансо въ годы своей зрѣлости и какой далеко не увялъ до сихъ поръ.

Для любителей антропологическаго, если можно такъ выразиться, черепословія было бы, можетъ, интересно опредѣлить расовыя особенности Клемансо, какъ вандейца. Но, увы, эти собственно такъ называемыя этническія черты теряются во мракѣ временъ и необыкновенно пестрой политической исторіи населенія. Загляните въ изслѣдованія спеціалистовъ, пытающихся опредѣлить расовой характеръ народовъ, жившихъ на мѣстѣ современныхъ вандейцевъ. Вы увидите, до какой степени неясны и расплывчаты черты этихъ не то кельтовъ, не то лигуровъ, не то кельто-лигуровъ, въ которыхъ можно предполагать предковъ этого населенія *).

А, главное-то, посмотрите, какую бурную политическую судьбу и какое жестокое столкновеніе народовъ (и міровоззрѣніе) видѣла страна, населенная теперешними владѣльцами и ихъ сосѣдями въ ста-

*) Ср., напр., рубрику о «кельтической расѣ» на стр. 637 и слѣд. 4-го тома 4-ой серіи *Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales*; Парижъ, 1879 (посвященнаго антропологіи Франціи) и статью о кельтахъ же въ *Dictionnaire des sciences antropologiques*; Парижъ (безъ даты, около 1885), стр. 245—247, издававшемся, между прочимъ, подъ редакціей только что упомянутаго Леруа.

ринныхъ областяхъ Пуату и Ангумуа. Недаромъ ученый географъ говоритъ:

Именно въ проливъ Пуату и Ангумуа (такъ называется въ научной физической географіи Франціи часть пространства, заключеннаго между бассейнами Дордони и Луары. Н. К.) устремлялись поочередно, съ той и другой стороны, волны прилива и отлива людей Сѣвера и Юга, боровшихся за владычество. Тамъ варварскіе еще франки столкнулись съ аквитанцами и съ уже романизированными вестготами; тамъ христіане и мусульмане боролись за власть надъ Галліей; тамъ французы сѣвера и англичане, бывшіе господами Гюйенны, встрѣтились въ ужасной битвѣ; позже протестанты и католики,—первые, направляясь преимущественно съ юга, вторые, принадлежа главнымъ образомъ къ провинціямъ сѣвера,—ознаменовали эти мѣста самыми сильными своими распрями; наконецъ, въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка, именно въ Вандеѣ гражданская война между республиканцами и роялистами свирѣпствовала съ наибольшею яростью. Съ точки зрѣнія борьбы различныхъ мнѣній эти западные департаменты могутъ также разсматриваться, какъ нѣчто въ родѣ промежуточной страны, гдѣ устанавливается равновѣсіе Франціи *).

Мы видимъ, какой призрачной является попытка анализировать расовой типъ Клемансо. Кто далъ ему это мужество, франкъ или вестготъ? Кто заложилъ въ его душѣ эту способность къ рѣдкому самообладанію, англичанинъ или сарацинъ? Отъ кого идетъ этотъ даръ краснорѣчія, эта круглая голова, этотъ смуглый цвѣтъ лица, и т. д.? Отъ романизированнаго галла, отъ кельта, отъ французскаго протестанта?

Наоборотъ, единственно, что можно сказать и что вытекаетъ изъ послѣднихъ словъ цитаты знаменитаго географа, это—что страна, гдѣ родился Клемансо, была ареною постоянной борьбы, и что, каковы бы ни были этническіе элементы населенія, жители Вандеи выработались самымъ историческимъ процессомъ въ людей борьбы, мужества и убѣжденія. Сто лѣтъ тому назадъ монархическая и клерикальная Вандея выдвинула въ ряды вожаковъ шуанства вмѣстѣ съ дворянами въ родѣ Ла-Рошжаклэна убѣжденныхъ и героическихъ крестьянъ, какимъ былъ Кателино и другіе предводители инсургентовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Вандеѣ уже появились немногочисленные, но столь же убѣжденные республиканцы; и, конечно, чѣмъ дальше будетъ идти дѣло, тѣмъ больше число людей новаго міровоззрѣнія будетъ рости и множиться (кстати сказать, въ сосѣдней и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходной съ Вандеею Бретани на нашихъ глазахъ уже происходитъ разслойка и ожесточенная борьба мнѣній, ярко сказывающаяся на постоянныхъ столкновеніяхъ католиковъ и соціалистовъ въ рабочихъ центрахъ или же на частныхъ, но характерныхъ случаяхъ идейной междуусобной войны, какую мы видѣли во время празднествъ въ честь Ренана).

Какъ бы то ни было, уже полвѣка тому назадъ Вандея за-

*) Elisée Reclus, *Nouvelle Géographie universelle. II. France*; Парижъ, 1877, стр. 494.

ключала убѣжденныхъ республиканцевъ; и однимъ изъ такихъ былъ отецъ Клемансо, который, вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря 1851 г., былъ заключенъ въ тюрьму и довольно долго просидѣлъ тамъ за идеи, казавшіяся опасными людямъ второй имперіи. То былъ ярый противникъ католицизма, и молодой Клемансо никогда, напр., не былъ крещенъ. Міровоззрѣніе этого человѣка отличалось энергическимъ республиканизмомъ, и вліяніе его на сына было такъ сильно, что даже и понынѣ у Клемансо въ трудныя минуты вырываются слова: „я долженъ поступить такъ, а не иначе; въ противномъ случаѣ, будь еще живъ мой отецъ, онъ не былъ бы доволенъ". Вообще, какъ пишетъ Брандесъ, Клемансо унаслѣдовалъ именно отъ отца ту „нѣсколько спартанскую (a somewhat Spartan) мощь, твердость и стоицизмъ, которые являются отличительными чертами его характера" *).

Съ этимъ запасомъ отцовской энергіи и унаслѣдованныхъ республиканскихъ убѣжденій, Клемансо рано бросился въ политику. Онъ учился въ нантской гимназіи, потомъ поступилъ студентомъ въ нантскую же, а вскорѣ въ парижскую медицинскую школу. Но здѣсь, 19-лѣтнимъ юношей, былъ арестованъ и просидѣлъ въ Мазасѣ два съ половиною мѣсяца за крикъ „да здравствуетъ республика" во время народной демонстраціи въ память тринадцатилѣтней годовщины февральской революціи...

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство приказало медицинскому факультету не засчитывать, въ наказаніе Клемансо, нѣсколько учебныхъ четвертей. Въ 1865 г. юный политикъ успѣлъ, однако, кончить курсъ и защитить докторскую диссертацію, носившую за-

*) George Brandes, *M. Georges Clemenceau* въ № 455 (ноябрь 1903 г.) «The Contemporary Review», стр. 656—674. Эта вещь принадлежитъ къ числу довольно слабыхъ этюдовъ извѣстнаго критика, который, не смотря на очень удавшуюся ему біографію Лассаля, вообще, какъ видно, чувствуетъ себя не совсѣмъ дома въ сферѣ чисто-политической или, по крайней мѣрѣ, преимущественно политической біографіи. Нѣкоторыя мелкія, но характерныя ошибки показываютъ поверхностное знакомство автора съ политикой Франціи и во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, что Брандесъ черезчуръ наскоро написалъ свой этюдъ. Такъ, онъ относитъ основаніе газеты «La Justice» не къ 1880 г., какъ слѣдовало бы, а къ 1878 г., т. е. къ періоду макъ-магоновщины, и говоритъ о ея главномъ редакторѣ, Камиллѣ Пелльтанѣ, какъ о «тогдашнемъ» (then) морскомъ министрѣ. Между тѣмъ, Пелльтанъ сталъ впервые министромъ—и именно морскимъ—лишь теперь, въ кабинетѣ Комба; и надо плохо знать политическое положеніе Франціи, чтобы отнести самую возможность такого назначенія къ концу 70-хъ годовъ. Но уже совсѣмъ необъяснимо, почему авторъ, который, по его же словамъ, два года тому назадъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ Клемансо (повидимому, на водахъ въ Карлсбадѣ), надѣляетъ столь извѣстную всѣмъ физіономію Клемансо «густой бородой» (beard thick). Неужели Клемансо спеціально отпускалъ бороду для Брандеса?..

главіе: „Зарожденіе анатомическихъ элементовъ (La Génération des éléments anatomiques). Въ ней Клемансо въ духѣ позитивизма или даже, если хотите, біологическаго матеріализма, подвергалъ рѣзкой критикѣ доктрину жизненной силы. А на защитѣ,— какъ юмористически разсказываетъ самъ, — „глупо-наивно требовалъ отъ отмалчивавшихся профессоровъ показать мнѣ хоть какой-нибудь признакъ проникновенія души въ яйцо“ *); и снова, и снова ставилъ „этотъ затруднительный вопросъ уже не помню кому изъ моихъ экзаменаторовъ, съ коварнаго одобренія предсѣдательствовавшаго на испытаніи моего дорогого профессора и друга Шарля Робэна, сотрудника Литтрэ“ **).

Замѣчу здѣсь кстати, что въ 1868 г. Клемансо перевелъ на французскій языкъ извѣстную работу Милля: „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“ (*Auguste Comte and Positivism*; Лондонъ, 1865), которая, не смотря на свою рѣзкую критику нѣкоторыхъ сторонъ такъ называемой положительной философіи, привлекала Клемансо своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ метафизикѣ. Какъ бы то ни было, близкій пріятель Клемансо, недавно умершій Шарль Лонгэ (мужъ старшей дочери Маркса), соціалистъ прудонистскаго оттѣнка, но съ значительными примѣсями марксизма, неоднократно сожалѣлъ въ кругу своихъ интимныхъ друзей, что Клемансо помѣшали доработаться до истиннаго міровоззрѣнія труда его юношескія впечатлѣнія, полученныя отъ изученія моднаго тогда позитивизма, и при томъ позитивизма, принимавшаго среди республиканцевъ второй имперіи крайне буржуазныя формы.

Можно даже удивляться, что, не смотря на эти тенденціи, Клемансо успѣлъ силою мысли и теплотою чувствъ къ массамъ дойти до того крайняго пункта въ своемъ развитіи, который въ лучшую пору его дѣятельности помѣщался на границѣ буржуазнаго и трудового міросозерцаній. Вообще же этотъ вопросъ о первой выработкѣ идей у Клемансо нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ, которыя мы сейчасъ же и сдѣлаемъ, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей судьбѣ этого дѣятеля. Уже въ своихъ прежнихъ статьяхъ я коснулся мимоходомъ какъ нѣкоторыхъ сторонъ Клемансо, такъ и вообще міровоззрѣнія французскихъ радикаловъ, а также идейныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались республиканцы второй имперіи и начала третьей республики ***). Въ этихъ статьяхъ уже достаточно намѣчены элементы

*) G. Clemenceau, *Au fil des jours*; Парижъ, 1900, стр. 409.

**) Ibid., стр. 410.

***) См. въ моихъ «Очеркахъ современной Франціи» (2-е изд. 1904) этюды: «Французское краснорѣчіе» (писано въ 1897 г.), «Современное чертобѣсіе» (1895) и «Эволюція политическихъ партій во Франціи» (1900).

интересующаго насъ теперь вопроса о выработкѣ первыхъ идей у Клемансо: нужно лишь сблизить и нѣсколько развить упомянутыя данныя для того, чтобы рѣшить эту отчасти лично-психологическую, отчасти общественную задачу.

Я упомянулъ уже въ своихъ этюдахъ объ „умѣньи Клемансо сводить частный вопросъ къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ и обсуждать его во вкусѣ ясной и раціонализирующей манеры XVIII-го вѣка“ (Ibid. стр. 34). Съ другой стороны, я уже опредѣлилъ „міровоззрѣніе французскихъ радикаловъ“, какъ „крайнее усиліе буржуазной мысли преобразовать по возможности кореннымъ образомъ современный строй, но не касаясь въ то же время его основныхъ устоевъ: частной собственности, свободной конкурренціи, вообще системы индивидуальнаго хозяйства“. Вмѣстѣ съ тѣмъ я объяснилъ утопическій характеръ этой „соціальной программы“, которая хочетъ „устранить всѣ недостатки капиталистическаго строя“ и въ то же время „оставить въ силѣ глубокіе корни, прорѣзывающіе всю толщу современной экономической формаціи“; а потому „сводится не столько къ политической, сколько къ моральной пропагандѣ: обращаться къ лицамъ, живущимъ и бѣдствующимъ въ сферѣ экономической борьбы, съ просьбою, приглашеніемъ, требованіемъ, не покидая почвы этой горячей борьбы, добровольно выпустить изъ рукъ то самое оружіе безграничнаго личнаго соперничества, которое даетъ преимущество въ современной войнѣ всѣхъ противъ каждаго, сильнымъ надъ слабыми, имущимъ надъ неимущими, сытымъ надъ голодными“ (стр. 59, 570—571). Наконецъ, я обрисовалъ въ краткихъ чертахъ особенности возникновенія позитивистскаго теченія во вторую половину царствованія Наполеона III, когда „къ идеальнымъ моментамъ распространенія естественныхъ наукъ, становившихся въ силу разныхъ обстоятельствъ модными, присоединялся чисто-эгоистическій мотивъ отыскать въ этихъ наукахъ опору для защиты классового общества, борьбы за существованіе, необузданной конкурренціи, богатства—бѣдности“ (стр. 373).

Къ сказанному достаточно прибавить лишь нѣсколько соображеній, чтобы изъ условій „среды“ и „момента“, какъ сказалъ бы Тэнъ, вывести основы міровоззрѣнія молодого Клемансо. Горячій и искренній республиканизмъ, начало которому было положено еще подъ родительской кровлей, толкалъ молодого человѣка на путь сопротивленія грубымъ и темнымъ силамъ реакціи, завладѣвшимъ Франціею послѣ фіаско февральской „соціальной“ революціи, а особенно послѣ цезаристскаго переворота 2-го декабря 1851 г.

Въ области политической, ненависть къ имперіи заставляла энергичнаго и страстнаго юношу восходить къ освободительному движенію XVIII-го вѣка, къ той революціи, которая по преиму-

ществу называется „великою“ и которая, хотя и кончилась военнымъ деспотизмомъ Наполеона, все же осталась даже и въ своемъ пораженіи окруженною блестящимъ ореоломъ,—чего нельзя сказать о февральской революціи, цѣликомъ состоявшей изъ комическихъ и трагическихъ недоразумѣній. Отсюда идетъ то идейное тяготѣніе Клемансо къ раціонализму XVIII-го вѣка, который поставилъ такихъ блестящихъ предвозвѣстниковъ, подготовителей и выразителей освободительнаго движенія. Отсюда идетъ тотъ интеллектуализмъ, тотъ „идеологическій“ характеръ политическаго міровоззрѣнія Клемансо, который заставляетъ его придавать такое значеніе логикѣ и находить движущія силы прогресса въ развитіи и послѣдовательности идей.

И, для того, чтобы назвать Клемансо „идеологомъ“, не надо даже стоять на почвѣ того міровоззрѣнія, которое называется марксизмомъ и которое стало нерѣдко злоупотреблять этимъ терминомъ, пущеннымъ въ XVIII-мъ вѣкѣ школой Кондильяка и осмѣяннымъ цинической ироніей Наполеона. Самъ Клемансо въ одной изъ своихъ рѣчей съ гордостью принимаетъ кличку „утописта“ и „идеолога“, брошенную партіи радикаловъ оппортунистами, и противоставляетъ именно политическую идеологію оппортунизму. Въ своей знаменитой марсельской рѣчи (въ октябрѣ 1880 г.), содержащей первую обстоятельную критику гамбеттизма, вождь радикаловъ говоритъ такъ:

Итакъ, республиканцевъ подѣлили на два класса. Одни, это—утописты, это тѣ, которые хотѣли, молъ, измѣнить все общество (la face de la société) въ одинъ день ударомъ, ужъ не знаю какой, волшебной палочки; это—теоретики абсолютнаго, которые, молъ, не обращали вниманія на факты и ровно ничего не понимали въ практикѣ,—порода людей, никогда не могущая удовлетвориться и постоянно недовольная. Этимъ людямъ, этимъ *«идеологамъ»*, противопоставили людей мудрыхъ, людей, обладающихъ искусствомъ приспособляться къ средѣ, къ обстоятельствамъ и обращающихъ такое вниманіе на факты, что они поглощались ихъ созерцаніемъ и забывали охотно, что они раньше-то обязались измѣнить эти факты и замѣнить ихъ другими; людей, такъ хорошо приспособившихся къ средѣ, что въ концѣ концовъ они чувствовали себя здѣсь какъ нельзя лучше и уже не хотѣли больше измѣнять ее; наконецъ, людей столь глубоко проникнутыхъ практическимъ духомъ, что они формально обѣщали установить республиканскую практику съ монархическими учрежденіями. Эта-то новая догма и получила варварское имя оппортунизма, потому что люди, приносившіе міру новое откровеніе, дѣлали сами себя судьями своевременности (opportunité) реформъ не для того, чтобы расположить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, и не для того, чтобы выполнить, но для того, чтобы отложить.

Не надо особенно вдумываться въ эту рѣчь, чтобы понять, что въ иронической формѣ Клемансо причисляетъ себя къ „утопистамъ“, къ „идеологамъ“, желающимъ измѣнять факты во имя идей, въ противоположность оппортунистамъ, которые пригоняли идеи къ фактамъ и оставались рабами послѣднихъ. И совершенно въ духѣ раціоналистовъ XVIII-го вѣка Клемансо сводитъ изъяны

оппортунистическаго направленія къ недостатку логической последовательности, къ идейной трусости, которая останавливается на полдорогѣ къ истинѣ,—словомъ, къ неумѣнью и нежеланью воплотить въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ „теорію" въ „практику" жизни. Самая страстность, съ которой Клемансо нападаетъ на враговъ, есть прежде всего негодованіе логически-мыслящей личности на людей, грѣшащихъ противъ основныхъ законовъ правильнаго заключенія. Клемансо есть политическій логикъ по преимуществу.

Это инстинктивно чувствовали его враги и возражали противъ неумолимой логики Клемансо, противъ его политическаго раціонализма тѣмъ, что старались доказать, будто тутъ все дѣло лишь въ иллюзіи внѣшней логичности, а на самомъ-то дѣлѣ Клемансо, молъ, апеллируетъ исключительно къ дурнымъ страстямъ. Или, какъ выражается мелко злобствующій на бывшаго „сокрушителя министерствъ" Адольфъ Бриссонъ въ оппортунистскомъ „Temps":

Что дѣлало страшнымъ краснорѣчіе г. Клемансо, такъ это то, что оно обладало внѣшнею логичностью и обращалось, повидимому, къ разсудку слушателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ льстило лишь ихъ инстинктамъ насилія. Когда читаешь его рѣчи, то эта иллюзія объясняется. Онѣ построены замѣчательно прочно: аргументы образуютъ одну цѣпь и тѣсно связаны между собою; и, однако, чаще всего выводъ, къ которому онѣ приходятъ, лишенъ всякаго здраваго смысла. Въ сущности, г. Клемансо софистъ, онъ исходитъ изъ принципа, ложнаго въ самомъ себѣ, и доводитъ свою аргументацію съ непреклонной строгостью до крайнихъ предѣловъ абсурда *).

Насколько лучше понялъ эту сторону непреклонной логичности нѣкто Максимъ Леруа, авторъ небольшой, но очень сочувственной Клемансо біографіи. Указавъ на склонность Клемансо къ „резонированію", къ „идеологіи", къ „интеллектуализму", къ „чистой демократической теоріи, унаслѣдованной отъ политической философіи XVIII-го вѣка", Леруа видитъ недостатокъ, обнаруживаемый политическимъ прошлымъ Клемансо, не въ софизмѣ, а, наоборотъ, въ его черезчуръ искренней „діалектической непримиримости":

Никогда,—говоритъ біографъ,—еще не видѣли теоріи, вполнѣ гармонично воплощающейся въ практикѣ. XVIII-ый вѣкъ обольщалъ себя этой иллюзіей раньше Клемансо: присматриваясь хотя бы къ юриспруденціи судовъ, мы замѣчаемъ, однако, самыя цѣнныя иллюстраціи искаженія идей. Законъ, пущенный законодателями въ общественное обращеніе, теряетъ, какъ только начинаетъ прилагаться, черты относительной ясности, которую претендовала придать ему гордость авторовъ...

Теорія, когда она пробуетъ себя на практикѣ, всегда теряетъ кое-что: судя себѣ подобныхъ, нельзя забывать объ этихъ отбросахъ (déchet). Потому-то мнѣ и кажется хорошимъ тотъ методъ, который не ограничивается сопоставленіемъ практики и теоріи, но сверхъ того изучаетъ обстоятельства

*) Перепечатано въ одномъ изъ сборниковъ статей автора: Adolphe Brisson, *Portraits intimes*, II-e série, Парижъ, 1896, стр. 78.

при которыхъ совершилось извѣстное дѣйствіе, и результаты, какихъ оно достигло. Тутъ дѣло идетъ о конкретномъ изслѣдованіи. Клемансо же анализировалъ, можетъ быть, черезчуръ абстрактно...

Онъ требовалъ отъ политикановъ логики, которую, менѣе чѣмъ кто-либо другой, они въ состояніи дать. Они представляютъ собою нѣчто среднее; Клемансо же, въ сущности, говорилъ для избранныхъ. Этотъ интеллектуализмъ былъ совершенно не у мѣста въ такой политической средѣ: онъ дезорганизовалъ съ трудомъ подготовлявшіяся комбинаціи, благодаря которымъ человѣкъ считаетъ себя побѣдителемъ надъ обстоятельствами. Потому-то онъ выносился съ большимъ нетерпѣніемъ *).

Какъ видите, если въ сердитой критикѣ Бриссона и есть коечто вѣрное, такъ это не обвиненіе Клемансо въ „софизмѣ“, а смутное пониманіе, что „идеологія“ и „интеллектуализмъ“,—какъ вѣрно характеризуетъ Леруа особенности Клемансо,—должны были самою прямолинейностью своей логики приводить бывшаго лидера радикаловъ къ черезчуръ абстрактному пониманію общественной динамики. Клемансо походилъ на физика, который, зная, что быстрота паденія въ безвоздушномъ пространствѣ одинакова для различныхъ тѣлъ, сталъ бы на этомъ основаніи увѣрять себя и другихъ, что, напр., перо, пробка и свинецъ, брошенные при обыкновенныхъ условіяхъ съ высоты башни, достигнутъ и земли въ одно и тоже время.

Итакъ, мы указали, какимъ образомъ республиканизмъ Клемансо въ политической сферѣ привелъ его отъ цезаристской дѣйствительности къ идеямъ раціонализма великой революціи. Посмотримъ, какъ подѣйствовали реакціонныя условія второй имперіи на его собственно такъ называемое научно-философское міровоззрѣніе. Клерикальный гнетъ, который шелъ рука объ руку съ политическимъ гнетомъ, по крайней мѣрѣ, въ первую половину царствованія Наполеона III,—пока итальянская кампанія не произвела перваго охлажденія между имперіей и католицизмомъ,—этотъ гнетъ надъ человѣческой мыслью вызывалъ по закону реакціи рѣзкое отрицательное отношеніе и къ спиритуалистической философіи вообще. Когда вспоминаешь, что на приватъ доцентскомъ экзаменѣ (agrégation) по философіи Тэнъ, не смотря на блистательные отвѣты и необыкновенно талантливую защиту, былъ забракованъ, въ 1851 г., оффиціальными любомудрами имперіи за тяготѣніе къ спинозизму **); когда соображаешь, что еще въ 1864 г., т. е. когда уже имперія стала дѣлаться „либеральной“, Ренанъ потерялъ каѳедру еврейскаго

---

*) Maxime Leroy, *Georges Clemenceau* въ № 28 (іюнь 1902 г.) журнала «La Grande France», стр. 326—329, passim.

**) См. анонимную (идущую отъ родственниковъ) біографію Тэна: *H. Taine. sa vie et sa correspondance*; Парижъ, 1902, стр. 126.

языка изъ-за бури, поднятой клерикалами,—то можно легко себѣ представить, съ какой страстностью свободные умы выдвигали тогда научное изслѣдованіе противъ догмы. Многіе не могли даже остановиться на точкѣ зрѣнія позитивизма, который, если можно такъ выразиться, вырабатывалъ задерживающіе центры ума, подвергая его строгой дисциплинѣ изслѣдованія вопросовъ *какъ*, но отнюдь не *почему*. Въ то время, какъ Литтрэ (если память не измѣняетъ мнѣ, въ предисловіи ко второму изданію „Положительной философіи" Конта) сравнивалъ область научнаго знанія съ небольшимъ островкомъ, который лишь постепенно выныриваетъ—и ростетъ въ размѣрахъ—изъ обступающаго его океана невѣдомаго, горячіе умы не удовлетворялись этою черезчуръ скромною ролью науки и полагали, что у нея уже имѣются непреложные отвѣты на самые сложные вопросы бытія. То была пора во Франціи—какъ и во многихъ культурныхъ странахъ—яснаго, но черезчуръ поверхностнаго матеріализма, который, выражая вполнѣ здоровыя стремленія человѣческаго ума въ смыслѣ *тенденціи* и *метода изслѣдованія*, преувеличивалъ простоту и вмѣстѣ богатство добытыхъ *результатовъ*. Клемансо, въ особенности въ силу того антиклерикальнаго воспитанія, которое онъ получилъ дома, со всею страстью своей энергичной и глубоко-логической природы, сталъ не только позитивистомъ, но и матеріалистомъ. И мы видѣли раньше, какую точку зрѣнія онъ проводилъ въ своей докторской диссертаціи.

Надо было разразиться цѣлому кризису въ жизни Клемансо, которому пришлось въ полнотѣ силъ удалиться временно съ политической арены и задуматься въ качествѣ серьезно мыслящаго человѣка надъ вопросами, выходившими изъ непосредственной сферы общественнаго дѣятеля,—надо было, говорю я, разразиться этому урагану, чтобы научно-философское міровоззрѣніе Клемансо утратило свой первоначальный характеръ боевого матеріализма и допустило—по моему даже больше, чѣмъ слѣдовало бы,—ноты сомнѣнія и гипотетичности. Я, напр., рѣшительно не могу себѣ представить Клемансо „первой манеры"—какъ говорятъ французы—высказывающимъ такія мысли:

Какое же употребленіе сдѣлать намъ изъ самихъ себя? Восхищаться, наблюдать, сравнивать, опредѣлять отношенія, а затѣмъ,—для того, кто хочетъ продвинуться далѣе этого идущаго ощупью познанія (ce tâtonnement de connaissance),—грезить съ открытыми глазами, бросать въ бездонное «по-ту сторону» утѣшающую гипотезу слабыхъ или же экспериментальную индукцію, которую беретъ на себя неустрашимость сильныхъ, наконецъ, возвращаться къ самому себѣ, приспособляться къ неизбѣжнымъ фактамъ, подготовлять на всякій случай возможныя видоизмѣненія для лучшаго устройства человѣчества, отдаться этому дѣлу, выдти изъ своего «я», идеализировать, любить, дѣйствовать, поставлять свою дѣятельность выше криковъ толпы (sic! Н. К.), выше осязательнаго результата одного дня, сопоставлять свою волю съ безстрастными законами вещей, и, такимъ образомъ, занять свое мѣсто между

движущимися силами міра; таковъ циклъ, предлагаемый нашей дѣятельности шансомъ нашего рожденія *).

Тутъ, несомнѣнно, звучатъ ноты подавленности и почти смиренія передъ громаднымъ и далеко еще не рѣшеннымъ уравненіемъ мірозданія; и, напр., „бездонное по-ту сторону", въ которое „слабые" бросаютъ „утѣшающія гипотезы", а „сильные" — „экспериментальныя гипотезы", будетъ, пожалуй, еще выразительнѣе океана невѣдомыхъ вещей Литтрэ... Надо ли, впрочемъ, говорить, что эта вода скептицизма или, по крайней мѣрѣ, „релятивизма", подлитая Клемансо въ красное вино его юношескаго радикально-философскаго міровоззрѣнія, нисколько не ослабила антиклерикальнаго направленія его дѣятельности. И нынѣ Клемансо такой же страстный антиклерикалъ, какимъ былъ подъ отцовской кровлей, какимъ былъ въ дни своей юности и въ зрѣлый періодъ.

Но въ приведенной цитатѣ есть еще одна сторона, которая означаетъ измѣненіе или переработку раннихъ мнѣній Клемансо: это его взглядъ на „толпу", т. е. въ сущности-то на тотъ самый „суверенный народъ", къ избирательной компетентности котораго, — въ формѣ всеобщей подачи голосовъ, — апеллировалъ грозный „сокрушитель министерствъ" въ разгарѣ своей парламентарной карьеры, и умственная и нравственная зрѣлость котораго возбуждаетъ теперь въ немъ сильное сомнѣніе.

Но именно эта сторона заставляетъ меня перейти къ третьей категоріи взглядовъ Клемансо, а именно къ его соціальнымъ воззрѣніямъ, т. е. къ совокупности идей, касающихся существенныхъ вопросовъ какъ разъ для жизни „толпы", массы, громаднаго большинства трудящихся. Нечего говорить, что эта, соціальная, грань его міросозерцанія не только смежна съ политической, но и позволяетъ намъ лучше понять, какимъ же всетаки образомъ посредствовался въ представленіи молодого и зрѣлаго Клемансо переходъ отъ его абстрактной раціоналистической идеологіи къ ея реализаціи въ жизни. Несомнѣнно, въ качествѣ искренняго республиканца и демократа, онъ долженъ былъ понимать, что рѣшать вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ невозможно внѣ и помимо массъ. Но какъ,—мало того, что заинтересовать ихъ въ политикѣ, — какъ дѣйствительно претворить идеальную республиканскую политику въ задачу счастія и свободы массъ? И Клемансо искренно ставилъ цѣлью демократической дѣятельности пріобщеніе народа къ матеріальнымъ и идеальнымъ благамъ культуры.

---

*) См. стр. II «Предисловія» къ сборнику статей Клемансо, носящихъ общее заглавіе «Изо дня въ день»: *Au fil des jours*; Парижъ, 1900.

Но увы! его соціальный идеалъ былъ такъ несмѣлъ и неясенъ и въ сущности противорѣчивъ, что Клемансо не могъ выдти изъ предѣловъ,—хотя, несомнѣнно, дошелъ вплотную до нихъ,—буржуазнаго міровоззрѣнія и остановился не только безъ вражды, но и не безъ симпатіи, за то съ явнымъ недоумѣніемъ передъ раскрывавшимся за этими предѣлами міровоззрѣніемъ труда. Дѣло въ томъ, что на этомъ замѣчательно умномъ человѣкѣ тяготѣлъ фатумъ общихъ и спеціальныхъ условій, среди которыхъ вырабатывалась республиканская партія второй имперіи.

Идеи трудового міровоззрѣнія въ началѣ второй половины XIX вѣка не только не пользовались популярностью, но возбуждали непріязнь въ громадномъ большинствѣ республиканцевъ и демократовъ Франціи. Съ одной стороны, утихли голоса великихъ Сэнъ-Симона и Фурье, и ослабѣла пропаганда ихъ прямыхъ учениковъ или болѣе или менѣе самостоятельныхъ преемниковъ. И въ то время, какъ центръ теоретической новаторской мысли переносился (съ Марксомъ и, нѣсколько позже, Лассалемъ) въ Германію, во Франціи лишь одинъ Прудонъ продолжалъ свою—въ этотъ періодъ почти исключительно критикующую и разлагающую—работу соціальнаго мышленія.

Съ другой стороны, соціальная дѣятельность массъ, которая проявилась было такъ рѣзко въ началѣ февральской революціи, оставила по себѣ сильное чувство раздраженія среди либераловъ и демократовъ имперіи. Умывая руки въ печальныхъ событіяхъ іюльскихъ дней, они дѣлали почти всецѣло отвѣтственными за нихъ массы, а переворотъ 2-го декабря уже прямо ставили въ счетъ пролетаріата, который, молъ, съ непонятнымъ злорадствомъ смотрѣлъ на гибель свободы...

Въ началѣ 60-хъ годовъ это рѣзкое отношеніе къ массамъ стало ослабѣвать. И нѣкоторые избирательные успѣхи буржуазной оппозиціи внушали ей даже мысль идти на встрѣчу народу, пытаясь воспитаніемъ всеобщей подачи голосовъ замѣнить карикатурное „верховенство націи“, выражавшееся пока въ нелѣпыхъ плебисцитахъ, дѣйствительнымъ вліяніемъ страны на общую политику правительства. Сообразно съ этимъ въ демократическія программы стали включаться и нѣкоторыя соціальныя требованія, — требованія тѣмъ болѣе скромныя, чѣмъ неопредѣленнѣе были въ это время самые идеалы массъ, которыя только-что стали проникаться вліяніемъ основаннаго въ 1864 г. Международнаго товарищества, и всѣ новаторскія стремленія которыхъ сказывались пока въ аполитическомъ прудоновскомъ мутуализмѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ складывались соціальныя воззрѣнія Клемансо. И можно лишь удивляться, что, не покидая охарактеризованнаго мною нѣсколькими страницами выше радикально-буржуазнаго міросозерцанія, онъ все же успѣлъ въ этомъ отношеніи опередить громадное большинство товарищей, дѣлая изъ

своихъ демократическихъ посылокъ крайніе,—для буржуа, разумѣется,—соціальные выводы. За то онъ въ теченіе почти всей своей парламентарной дѣятельности относился къ массамъ не только не безъ довѣрія, но, наоборотъ, съ большими надеждами. И лишь сюрпризы буланжизма, а въ особенности его собственное роковое пораженіе на выборахъ 1893 г. заставили его горько задуматься надъ вопросомъ о политической и общепрогрессивной роли массъ. При чемъ въ силу отвлеченно-раціоналистическаго характера своего основного міровоззрѣнія онъ нашелъ убѣжище отъ этой скептической мысли не въ пониманіи постояннаго роста сознанія среды трудящагося большинства, а въ своеобразномъ пессимистическомъ, но не лишенномъ благородства индивидуализмѣ, почти анархизмѣ, который заступилъ у него мѣсто прежняго демократическаго якобинизма. Но не будемъ особенно забѣгать впередъ.

Итакъ, вотъ какимъ рисуется намъ Клемансо при самомъ началѣ своей сознательной общественной дѣятельности, когда складывались главныя основы его міровоззрѣнія, которымъ въ общемъ онъ остался глубоко-вѣрнымъ въ теченіе всей своей жизни: онъ—раціоналистъ въ политической области; рѣзкій позитивистъ или, если хотите, матеріалистъ въ обще-философской; крайній радикалъ-буржуа въ соціальной. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ выступилъ въ концѣ 60-хъ годовъ, по возвращеніи изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ пробылъ цѣлыхъ четыре года. Это путешествіе познакомило его съ практикой широко-демократическихъ странъ и, по всей вѣроятности, придало англо-саксонскую закалку его и безъ того энергичному и выдержанному характеру. Наконецъ, ему просто пришлось испытать нужду и лишенія, которыя достаются на долю большинства современнаго человѣчества и знакомство съ которыми составляетъ хорошую школу для политическаго дѣятеля, не могущаго ничего сдѣлать прочнаго безъ участія массъ.

Первое время Клемансо жилъ въ Америкѣ, окруженный очень благопріятными матеріальными условіями. Но вскорѣ отецъ его потерялъ значительную часть состоянія, и молодому Клемансо пришлось зарабатывать хлѣбъ упорнымъ трудомъ. Онъ занялъ мѣсто преподавателя литературы въ одной изъ женскихъ школъ, гдѣ ему пришлось читать лекціи на англійскомъ языкѣ, которымъ въ скоромъ времени онъ овладѣлъ въ совершенствѣ. Въ Новомъ же Свѣтѣ онъ женился на молодой и очень красивой, но бѣдной дѣвушкѣ—американкѣ,—отъ которой у него остались сынъ и двѣ дочери (съ женой онъ развелся въ началѣ 90-хъ годовъ). Кстати сказать, никто изъ его дѣтей не напоминаетъ своими талантами отца; и выдѣляющіяся достоинства Клемансо

отчасти развѣ повторяются въ его младшемъ братѣ, хорошемъ адвокатѣ, который игралъ видную роль во время дѣла Дрейфуса...

Въ 1869 г. мы видимъ Клемансо въ Парижѣ, гдѣ онъ поселяется въ отдаленномъ и по большей части бѣдномъ XVIII-мъ округѣ, населенномъ артистами и литераторами, а главное мелкими лавочниками, мелкими служащими, ремесленниками и рабочими, вплоть до злополучныхъ тряпичниковъ, этихъ классическихъ парій столицы. Клемансо принимается за медицинскую практику и скоро становится очень популярнымъ среди демократическаго населенія этой части города. А вмѣстѣ съ тѣмъ его страстную натуру тянетъ все больше и больше къ политикѣ, пока, наконецъ, крушеніе имперіи среди несшихся, какъ ураганъ, событій „страшнаго",—по выраженію Виктора Гюго,—1870—1871 „года" не открываетъ ему широкой общественной карьеры.

Сначала, впрочемъ. политическая дѣятельность повертывается къ нему серьезной, почти трагической стороной. Правительство „національной защиты", поставленное (4-го сентября 1870 г.) народнымъ возстаніемъ на мѣсто захлебнувшейся въ крови и грязи Седана имперіи, должно было сейчасъ же озаботиться организаціею сопротивленія уже приближавшимся нѣмцамъ, а въ частности снабженіемъ военной аммуниціей и провизіей Парижа, который скоро долженъ былъ выдержать тяжелую осаду. Клемансо былъ назначенъ мэромъ XVIII-го округа и, пользуясь неопредѣленностью тогдашнихъ полномочій своего оффиціальнаго положенія, поспѣшилъ немедленно же осуществить одну изъ своихъ излюбленныхъ идей—обязательное и свѣтское народное образованіе, которое онъ провелъ во всѣхъ школахъ своего округа. Но то было время, когда человѣку приходилось жить и думать неизмѣримо болѣе о матеріальномъ, чѣмъ о духовномъ хлѣбѣ. И въ теченіе цѣлой зимы Клемансо долженъ былъ заботиться о снабженіи провіантомъ 150.000 жителей его округа, выказавъ при этомъ рѣдкія качества сердца и недюжинные таланты администратора.

Весною 1871 г. Клемансо столкнулся съ еще болѣе серьезными затрудненіями, которыя завершились кровавой развязкой: 18 го марта вспыхнула, какъ извѣстно, коммуна; и съ самаго же начала Клемансо пытался стать въ роли примирителя между обѣими враждующими сторонами, что вызвало лишь крайнее раздраженіе и версальцевъ, и коммунаровъ. Вообще, эта примирительная дѣятельность Клемансо въ движеніи 18-го марта принадлежитъ, рядомъ съ ролью въ Панамѣ и дѣломъ Дрейфуса, къ числу двухъ-трехъ политическихъ актовъ въ жизни вождя радикализма, которые вызвали и продолжаютъ вызывать какъ самую различную оцѣнку, такъ и самую обильную полемику. Напр., его первая рѣшительная рѣчь—16-го мая 1876 г.—въ пользу полной амни-

стіи инсургентовъ вызвала яростные крики правой, какъ представляющая якобы наглую апологію движенія 18-го марта; и даже умѣренный республиканецъ, издающій ежегодно обзоръ событій французской и международной политики, замѣчаетъ по этому поводу: „защитительная рѣчь г. Клемансо была въ сущности смѣлой, хотя и молчаливой реабилитаціей коммуны и ея приверженцевъ" *).

Съ другой стороны, я до сихъ поръ не могу забыть, съ какой ненавистью один изъ коммунаровъ, старикъ Лефрансэ (нынѣ умершій, писалъ изрѣдка въ покойномъ „Дѣлѣ" подъ псевдонимомъ Галльфранка) говорилъ о Клемансо, когда я повелъ однажды разговоръ на эту тему.—„Буржуа"... „жуиръ"... „каналья"— вылетали, свистя, изъ его почти совсѣмъ сжатаго злобой рта эти эпитеты, выражавшіе crescendo его презрѣніе къ главѣ радикализма. И то, что онъ разсказывалъ о Клемансо, привело бы, вѣроятно, въ восторгъ любого реакціонера или любого оппортуниста,—словомъ, кого-угодно изъ безчисленныхъ враговъ лидера крайней лѣвой. Популярничанье; жажда жить во всю, не особенно разбирая средства, и въ то же время лицемѣрное преклоненіе на словахъ передъ строгой республиканской моралью; манеры бреттера и, однако, недостатокъ истиннаго мужества, и т. д., и т. д.,—я во всю жизнь, кажется, не слышалъ такой страстной обличительной рѣчи. Надо замѣтить, что Лефрансэ былъ затравленный судьбой, озлобленный и нѣсколько узкій человѣкъ, но съ душой неумолимаго фанатика и настоящаго героя. И я понималъ, какой запасъ жгучей ненависти долженъ былъ накопиться въ груди этого плебея, когда-то пожертвовавшаго всею своею карьерою — онъ былъ очень крупно оплачиваемымъ бухгалтеромъ — торжеству своихъ убѣжденій, въ числѣ послѣднихъ ускользнувшаго за границу съ кровавыхъ баррикадъ и нашедшаго послѣ своего возвращенія въ Парижъ, Клемансо не только политическимъ, но и свѣтскимъ львомъ, о которомъ бульварная хроника разносила всевозможныя вѣсти.

Въ послѣдніе годы насмѣшливая судьба свела Клемансо и Лефрансэ въ одномъ предпріятіи, — перваго, какъ редактора „L'Aurore", втораго, какъ скромнаго конторщика при той же газетѣ. Лефрансэ былъ нѣсколько примиренъ теперь съ Клемансо: роковое паденіе послѣдняго; его энергія, обнаруженная послѣ исчезновенія съ политической арены; наконецъ, рѣдкое мужество, которое онъ проявилъ въ дѣлѣ Дрейфуса, когда Франція, каза-

*) См. André Daniel, *Année politique 1876*; Парижъ, 1877, стр. 144. Андрэ Даніель—псевдонимъ бывшаго министра колоній, Андрэ Лебона, прославившагося въ исторіи «двойной цѣпью», которою онъ великодушно наградилъ злополучнаго Дрейфуса на Чортовомъ островѣ, боясь воя націоналистовъ.

лось, шла къ неизбѣжной гибели, и піонеры дрейфусизма подвергались вполнѣ реальной опасности, — все это подѣйствовало на Лефрансэ.—Ну, что же вашъ врагъ Клемансо?—спросилъ я однажды Лефрансэ.—А, что же—былъ отвѣтъ—онъ менѣе каналья и больше мужчина, чѣмъ я думалъ; но, какъ писатель, истый буржуа: скученъ, какъ дождь (embêtant comme la pluie...),—и неумолимый старикъ сдѣлалъ энергичный жестъ рукой, словно стряхивалъ съ себя капли клемансовой публицистики...

Двойственная роль Клемансо въ движеніи 18-го марта несомнѣнна, но по чистой совѣсти я не вижу въ ней результата сознательнаго лавированія или недостатка мужества. То была печальная и неблагодарная роль человѣка, который хотѣлъ разнять двухъ ожесточенныхъ враговъ, но не успѣлъ, и на котораго съ обѣихъ сторонъ упала часть ударовъ. Ибо положеніе такого примирителя только тогда не отзывается на немъ невыгодно, когда онъ достаточно могучъ, чтобы сказать, какъ сказалъ о себѣ Солонъ въ приводимомъ Аристотелемъ стихотвореніи:

> Такъ я стоялъ межъ обоихъ, щитомъ своимъ крѣпкимъ мѣшая,
> Чтобъ побѣдилъ въ злой борьбѣ тотъ иль другой изъ враговъ;
> Εστην δ'αμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτὲροισι,
> νικᾶν δ'οὐκ εἴασ' οὐδετέρος ἀδίκως *).

Увы! Клемансо былъ слишкомъ слабъ, чтобы воспрепятствовать столкновенію двухъ враждебныхъ силъ, давшихъ современному міру примѣръ одной изъ самыхъ свирѣпыхъ междуусобныхъ войнъ. И вся его дѣятельность носила на себѣ характеръ половинчатыхъ актовъ, которые не приводили ни къ какому практическому результату, а лишь ожесточали обѣ стороны и возбуждали сильнѣйшее подозрѣніе къ посреднику. Такъ, онъ обѣщалъ отъ имени Тьера оставить въ рукахъ парижанъ ихъ пушки, и версальцы, презирая это обѣщаніе, двинули обозъ въ 1,200 лошадей, чтобы захватить артиллерію, которую стерегли національные гвардейцы. Въ результатѣ—возстаніе и страшное возбужденіе противъ Клемансо, какъ противъ обманщика. Клемансо хочетъ продолжать свою примирительную линію, пытается спасти изъ рукъ разсвирѣпѣвшей толпы генераловъ Леконта и Тома. Но генералы всетаки убиты, и инсургенты обращаютъ свой гнѣвъ на Клемансо, обвиняя его въ измѣнѣ, такъ что онъ еле-еле выбрался изъ рядовъ мятежниковъ; а между тѣмъ, монархисты никогда не перестанутъ отнынѣ считать виновникомъ смерти генераловъ именно Клемансо, который будто бы нарочно пришелъ на мѣсто преступленія, когда все уже было кончено.

Онъ протестуетъ противъ занятія мэріи коммунарами, и центральный комитетъ смѣщаетъ его съ поста, какъ „подозритель-

---

*) Aristot. de Republ. Athen., XII.

наго". Онъ основываетъ такъ называемый комитетъ примиренія, и Дюфуръ, министръ юстиціи въ правительствѣ Тьера, издаетъ циркуляръ, обличающій эти попытки посредничества, какъ преступное содѣйствіе возстанію. Онъ не желаетъ пристать къ коммунѣ, и коммуна отдаетъ въ началѣ мая приказъ объ его арестѣ. Онъ слагаетъ съ себя званіе депутата, и національное собраніе встрѣчаетъ его заявленіе криками: „долой революціонера". Онъ перевязываетъ раненыхъ и ухаживаетъ за больными коммунарами; но его встрѣчаетъ недовѣріе. Наконецъ, этотъ тяжелый для него періодъ заканчивается послѣдней мучительной картиной: 23-го мая онъ вмѣстѣ съ Шереромъ-Кестнеромъ (съ тѣмъ самымъ, который пойдетъ съ нимъ рука объ руку въ дѣлѣ Дрейфуса) смотритъ на начавшійся гигантскій пожаръ Парижа.

Что мѣшало Клемансо стать на ту или другую сторону? Несомнѣнно, его взгляды и идейныя привычки. Онъ видѣлъ въ національномъ бордосскомъ собраніи, извѣстномъ въ исторіи подъ кличкой „палаты деревенщины", заклятаго врага возникавшей республики и особенно демократическаго Парижа. Но онъ не рѣшился примкнуть и къ инсуррекціи, и не потому даже, чтобы коммуна была носительницей новаго трудового міровоззрѣнія,—отъ его глазъ не укрылось, что представители послѣдняго были въ коммунѣ въ меньшинствѣ, а большинство являлось выразителемъ стремленій мелкой радикальной и революціонно-настроенной буржуазіи,—но потому, что онъ стоялъ за легальную политическую борьбу, и обращеніе къ насилію казалось ему въ данномъ случаѣ преступленіемъ передъ націей.

Послѣ страшнаго подавленія инсуррекціи, снесшаго на время всѣ крайніе элементы, люди вродѣ Клемансо очутились въ первыхъ рядахъ демократическихъ республиканцевъ. Съ конца 1871 г. онъ появляется снова въ муниципалитетѣ Парижа и, занимаясь преимущественно вопросами образованія и городскихъ финансовъ, быстро пріобрѣтаетъ такое вліяніе, что въ 1875 г. избирается президентомъ муниципальнаго совѣта. Съ президентскаго кресла онъ произноситъ рѣчь, которую можно считать за его первый очень крупный ораторскій успѣхъ, и въ которой онъ провозглашаетъ принципъ городской автономіи: „Парижъ—парижанамъ для блага Франціи и республики",—т. е. въ сущности ослабленный отголосокъ политическихъ требованій коммуны.

На общихъ выборахъ 20-го февраля 1876 г. въ палату онъ избирается депутатомъ въ XVIII-мъ округѣ противъ одного умѣреннаго республиканца и занимаетъ мѣсто среди крайней лѣвой, гдѣ скоро пріобрѣтаетъ исключительное вліяніе. Начиная съ упомянутой уже нами выше его рѣчи объ амнистіи его ждетъ безпрерывный рядъ успѣховъ на ораторскомъ поприщѣ и, познако-

мившись съ нѣсколькими образчиками его краснорѣчія, читатели лучше схватятъ его ораторскіе пріемы. Въ своихъ письмахъ изъ Франціи я успѣлъ уже охарактеризовать его краснорѣчіе и подробно не буду возвращаться къ этому: „нервная, слегка сухая, но всегда правильная, умно построенная, полная энергіи и логики, рѣчь Клемансо состоитъ изъ ряда короткихъ, тѣсно связанныхъ между собою фразъ и напоминаетъ вамъ металлическій блескъ и звукъ рапиры въ рукахъ искуснаго фехтовальщика... Какъ полемистъ, и полемистъ атакующаго типа, Клемансо представляетъ собой громадную силу: мало есть людей, которые умѣютъ такъ быстро и ловко открывать слабую сторону противника и, ставя вопросъ ребромъ, отрѣзать политическому врагу отступленіе, въ то время, какъ удары оратора, быстрые, мѣткіе, частые, какъ дождь, сыплются въ атакуемаго“.

Но, пожалуй, читателю будетъ интересно познакомиться съ оцѣнкой краснорѣчія Клемансо со стороны его нѣкогда очень близкаго друга, Камилла Пелльтана, нынѣ морского министра, который можетъ быть очень компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ самъ является хорошимъ ораторомъ, хотя въ другомъ,—болѣе пространномъ, болѣе цвѣтистомъ, болѣе бьющимъ на пикантность и остроуміе—родѣ. Послушайте Пелльтана:

Ни одна рѣчь не походитъ на эту. Никакой прикрасы, кромѣ развѣ отъ времени до времени колючаго слова и ѣдкаго сарказма. Никакой заботы округлить періодъ или придать пѣвучесть фразѣ. Эта діалектика въ ея самомъ натуральномъ состояніи... У многихъ ораторовъ есть нѣчто актерское: трибуна допускаетъ театральные жесты и интонаціи. У Клемансо ничего подобнаго. На трибунѣ это самъ человѣкъ, но во всей естественности своей обычной жизни. Онъ цѣликомъ поглощенъ борьбой, которую ведетъ. Ничто не указываетъ въ его аргументаціи на торжественное расположеніе рѣчи, разсчитанной на эффектъ... Ораторъ презираетъ и порывы почти лирической страсти, которыми иные стремятся поразить воображеніе аудиторіи, и льстящее самолюбію подлаживаніе, которымъ другіе убаюкиваютъ большинство. Но эффектъ, производимый имъ, тѣмъ не менѣе, поистинѣ великъ. Благодаря своему прямому, энергичному и существенному краснорѣчію онъ произнесъ рѣшающее слово *).

Съ этимъ могущественнымъ даромъ слова Клемансо пойдетъ отнынѣ далеко. И намъ остается только слѣдить за важнѣйшими этапами оратора на этомъ пути, отъ времени до времени прибавляя новые штрихи къ его фигурѣ по мѣрѣ того, какъ будутъ выдвигаться новые политическіе вопросы или подвергаться развитію его въ общемъ неизмѣнные основные взгляды.

Послѣ макъ-магоновскаго coup d'Etat 16-го мая 1877 г. и распущенія палаты (25-го іюня) Клемансо остается въ рядахъ 363 республиканцевъ, которые подняли перчатку, брошенную монархистами и клерикалами, и вступили въ отчаянную борьбу

*) Camille Pelletan, *Georges Clemenceau*: Парижъ, 1883, стр. 5—6, *passim*.

съ реакціей. Душой этого республиканскаго сопротивленія былъ, какъ извѣстно, Гамбетта; и Клемансо не только не отдѣляется отъ общей арміи, но остается однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ Гамбетты, который приглашаетъ его даже въ свои секунданты (вмѣстѣ съ Аллэномъ Тарже) дуэли съ министромъ Фурту. На выборахъ 14-го октября, которые были блистательною побѣдою республиканцевъ, популярность Клемансо была такъ велика, что избиратели посылаютъ его почти единодушно (18.620 голосами на 18.820 всѣхъ вотировавшихъ) въ палату депутатомъ 18-го округа.

Въ новой палатѣ Клемансо, на общемъ собраніи всѣхъ лѣвыхъ, избирается однимъ изъ членовъ такъ называемаго „Комитета восемнадцати", сформированнаго республиканцами для организаціи сопротивленія противъ продолжавшаго не сдаваться Макъ-Магона и его „внѣ-парламентскаго" кабинета съ генераломъ де-Рошбуэ во главѣ.

Это былъ послѣдній героическій періодъ борьбы всѣхъ республиканцевъ противъ объединенныхъ же силъ реакціи, когда въ Парижѣ носились постоянные слухи о насильственномъ переворотѣ, и предводители лѣвой, чтобы избѣжать ночныхъ арестовъ и прочихъ сюрпризовъ, нарочно не ночевали у себя дома и каждый вечеръ мѣняли свое мѣстожительство *). Наконецъ, окончательное торжество республиканцевъ, выразившееся въ возвращеніи къ республиканскимъ же министерствамъ,—правда, очень умѣреннаго оттѣнка,—поставило внѣ вопроса самое существованіе свободнаго режима, но вполнѣ естественно вело къ обнаруженію различныхъ и далеко немаловажныхъ политическихъ оттѣнковъ въ республиканскомъ лагерѣ. Такъ, въ мартѣ 1879 г. Клемансо произноситъ энергичную рѣчь, требующую формальнаго преданія суду кабинетовъ 16-го мая и де-Рошбуэ. Но большинство палаты отвергаетъ это предложеніе потому якобы, что не желаетъ плодить „поводовъ къ новой агитаціи", и ограничивается платоническимъ порицаніемъ.

Еще рѣзче разница между Клемансо и умѣренными республиканцами выразилась въ отношеніи палаты къ его рѣчамъ по поводу необходимости признать законность выборовъ знаменитаго конспиратора Бланки (іюль 1879 г.) и даровать общую амнистію коммунарамъ (декабрь того же года). Не смотря на рѣзкое подчеркиваніе ораторомъ своей строго легальной точки зрѣнія, отличавшей его отъ людей и партій насильственнаго дѣйствія, большинство палаты, отдавая должное „сильному и оригинальному таланту" Клемансо, въ испугѣ отшатывалось отъ его предложеній, словно заподозрѣвая его въ тайной революціонности.

---

*) Frédéric Lock et Maurice Dreyfus, *Histoire des Français* (продолженіе труда Th. Lavallée), т. VII, стр. 73; Парижъ, 1901.

Люди вродѣ Гамбетты, которые лично были настроены, можетъ быть, не такъ боязливо, уже испытывали все усиливавшее вліяніе своего генеральнаго штаба, своихъ адъютантовъ и порою уже искали поддержки все правѣе и правѣе въ палатѣ, отсрочивая на неопредѣленное время реформы, казавшіяся имъ еще недавно неотложными.

Въ теченіе 1879 г. расколъ между оппортунистами (слово, пущенное Рошфоромъ еще въ 1876 г., въ первомъ № (отъ 11 февраля) газеты „Les Droits de l'homme“, и радикалами значительно обострился, и обострился вовсе не потому, чтобы тутъ играла важную роль зависть вожаковъ радикализма противъ популярности Гамбетты. Дѣло было, несомнѣнно, въ идеяхъ и во взглядахъ на республиканскую политику. Уже въ маѣ 1879 г. Клемансо противопоставилъ оппортунистской свою программу: уничтоженіе сената; полную свободу собраній и ассоціацій; распространеніе воинской повинности на семинаристовъ; изгнаніе не признанныхъ закономъ конгрегацій; прямой налогъ на доходъ *). А въ 1880 г. рядъ его возбуждавшихъ все большее вниманіе рѣчей уже отграничилъ его міровоззрѣніе какъ отъ умѣренныхъ республиканцевъ („оппортунистская республика есть вещь, окруженная монархическими учрежденіями“—говоритъ онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 г. передъ своими избирателями), такъ отъ сформировавшейся къ тому времени французской рабочей партіи. Въ той же апрѣльской рѣчи онъ заявляетъ, что „рѣшительно отвергаетъ доктрины коллективизма за недостаткомъ серьезныхъ аргументовъ въ ихъ пользу“. А противъ требованія всеобщаго вооруженія народа, долженствующаго замѣнить постоянныя арміи **), выставляетъ забѣгающій, если можно такъ выразиться, впередъ буквальнаго смысла фразы аргументъ: онъ „не думаетъ, чтобы гражданинъ, располагающій избирательнымъ бюллетенемъ, имѣлъ право, въ случаѣ, если его мнѣніе было побито, взывать къ насилію“.

Коллективисты, группировавшіеся вокругъ Гэда и писавшіе въ газетѣ „Равенство“ (L'Egalité), вызывали Клемансо за эту рѣчь на состязаніе въ публичномъ собраніи. Лидеръ не принялъ этого вызова и ограничился замѣчаніемъ, что онъ говорилъ передъ своими избирателями, и что съ него вполнѣ достаточно одобренія громаднаго большинства ихъ. Такимъ образомъ, черты политической физіономіи Клемансо, сохраняя ихъ общее прежнее выраженіе, становились лишь рельефнѣе. Мы видимъ его сторонникомъ широкихъ политическихъ реформъ, интересующимся нѣ-

---

*) См. номеръ газеты «Le Temps» отъ 13-го мая 1879 г.

**) Это значилось, какъ извѣстно, въ 4-мъ параграфѣ «политической части» программы, выработанной согласно рѣшенію марсельскаго рабочаго конгресса (20—31 окт. 1879 г.) и вскорѣ одобренной на гаврскомъ конгрессѣ (16—22 ноября 1880 г. .

которыми сторонами соціальной проблемы, но не выходящимъ изъ предѣловъ буржуазнаго міровоззрѣнія и въ то же время усиленно подчеркивающимъ легализмъ и значеніе парламентарной дѣятельности. Это вполнѣ естественно со стороны человѣка, который пользовался такой популярностью среди избирателей, какъ вполнѣ естественно, что впослѣдствіи переломъ въ его политической карьерѣ внесетъ значительный, если не абсолютный скептицизмъ въ эту сторону его воззрѣній.

Въ 1880-мъ же году Клемансо произноситъ свою знаменитую марсельскую рѣчь (въ октябрѣ мѣсяцѣ), которую мы привели въ выдержкахъ раньше и въ которой, противоставляя съ политической точки зрѣнія свой идеологическій раціонализмъ оппортунистской тактикѣ, онъ противополагаетъ въ то же время съ соціальной точки зрѣнія симпатичное отношеніе къ существеннымъ потребностямъ массъ общественному индифферентизму оппортунистовъ. Если Гамбетта уже въ 1872 г. говорилъ: „нѣтъ соціальнаго лѣкарства, потому что нѣтъ соціальнаго вопроса, а есть лишь рядъ задачъ для разрѣшенія“, то Клемансо, напротивъ, утверждаетъ, что „соціальный вопросъ, дѣйствительно, существуетъ, и что чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ будетъ обращать на себя вниманіе законодателя“. Бѣда лишь въ томъ, что у Клемансо не было общаго отвѣта на этотъ общій же вопросъ; и каковы ни были его симпатіи къ массамъ, онъ не находилъ въ своихъ соціальныхъ взглядахъ основного рѣшенія великой общественной проблемы, не идя далѣе нѣкоторыхъ реформъ.

Читайте его газету „La Justice“, которую онъ какъ разъ основалъ въ этомъ же 1880-мъ году, чтобы развивать свою точку зрѣнія и отстаивать свою политическую тактику противъ оппортунистовъ. Вы поймете, почему,—какъ это зло подчеркивали его враги,—этотъ въ своемъ родѣ прекрасно ведшійся органъ никогда не имѣлъ значительнаго числа читателей и распространялся главнымъ образомъ лишь въ политическихъ сферахъ, пока имъ было важно знать мнѣнія страшнаго „сокрушителя министерствъ“. Замѣтьте, самъ Клемансо ничего не писалъ тогда въ своей газетѣ, и многіе до 90-хъ годовъ даже не подозрѣвали, что онъ можетъ быть не только ораторомъ, но журналистомъ. Редакторомъ былъ Пелльтанъ, а Клемансо—лишь направителемъ или, какъ выражаются французы, „директоромъ“. За то ничего не происходило безъ вѣдома Клемансо; и его мысль, можно сказать, проникала каждую строку газеты, позволяя выражаться лишь тѣмъ взглядамъ, которые онъ считалъ полезными или, по крайней мѣрѣ, не вредящими его міросозерцанію. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, правда, очень широкъ; и рядомъ съ обыкновенными радикальными статьями вы могли читать тамъ корреспонденціи

изъ Германіи, писанныя Либкнехтомъ подъ псевдонимомъ Outis'а, и прекрасные этюды Жандръ.

И, что же, возьмите общій духъ и направленіе „Справедливости“, какъ назвалъ свой органъ Клемансо: это, дѣйствительно, міровоззрѣніе идеолога, который пугаетъ свой классъ радикальными планами, порою идущими въ своей абстрактности противъ практическихъ интересовъ буржуазіи, но въ то же время отказывается стать рѣшительно на точку зрѣнія великихъ потребностей массъ. Пока политическая эволюція Франціи не произвела разслойки среди политическихъ же кліентовъ Клемансо, однихъ перебросивъ въ лагерь труда, другихъ заставивъ бѣжать за грубымъ миражемъ націонализма, Клемансо выбирался громаднымъ большинствомъ своихъ избирателей, принадлежавшихъ къ классу мелкой радикальной буржуазіи или только что затронутыхъ политической мыслью рабочихъ. Но когда произошла упомянутая дифференціація, шансы Клемансо стали быстро уменьшаться. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что даже вѣрные избиратели Клемансо мало читали „Справедливость“ во дни наибольшаго вліянія главы радикаловъ: отмѣченная мною выше раціоналистическая идеологія трудно переваривалась среднимъ читателемъ.

Разверните первый же номеръ „La Justice“ (онъ вышелъ 16-го января 1880 г.) Послѣ общаго редакціоннаго заявленія, обѣщающаго стоять за политику реформъ, чтобы доказать, что „законность вовсе не необходимо неспособна къ прогрессу, пристрастна къ сильнымъ и безжалостна къ слабымъ“,—послѣ этой статьи вы найдете сейчасъ же программную статью, объясняющую смыслъ слова „Справедливость“, взятаго названіемъ газеты, и почти цѣликомъ состоящую изъ слѣдующихъ абстрактныхъ дифирамбовъ:

> Надо, чтобы Справедливость стала единственнымъ девизомъ и всею программою республики. Мы изъ нея дѣлаемъ нашъ призывный кличъ. О Справедливость! (все съ большой буквы! Н. К.) пусть, наконецъ, признаютъ тебя народы и пусть воспримутъ тебя! Ты одна дашь имъ миръ, соціальное согласіе, плодотворную свободу и всѣ блага, которыхъ они тщетно ищутъ внѣ тобя.

Какъ тутъ не вспомнить Щедрина и его безсмертной фразы: „свобода — небольшое слово, да разговоровъ-то изъ-за него много“. Такъ и „Справедливость“. Какъ общая формула, это превосходно; но всякій вливаетъ въ нее свое содержаніе. И потому читатель ждетъ отъ радикальной газеты чего-нибудь болѣе положительнаго, чѣмъ эти восторженные гимны отвлеченной „Справедливости“. Но таковъ будетъ общій характеръ газеты всякій разъ, когда она пытается установить основы своего міровоззрѣнія.

Однако, какъ всякое живое существо надо изучать въ его настоящей средѣ, чтобы знать его дѣйствительныя свойства,—

льва въ тропической пустынѣ, рыбу въ водѣ, — такъ Клемансо надо видѣть въ его любимой атмосферѣ собственно политики, чтобы ясно отдать себѣ отчетъ въ его могуществѣ и энергіи мысли. Такъ, во время январьской-февральской сессіи палаты въ 1881 г. Клемансо, при обсужденіи вырабатывшагося либеральнаго законодательства о печати, слѣдующимъ образомъ защищалъ общій принципъ свободы, возражая боязливымъ республиканцамъ, которые опасались, какъ бы возможность, данная монархистамъ, безгранично нападать на демократическій строй въ концѣ концовъ не погубила его:

Свобода, которую требуемъ мы, это не только свобода той партіи, которая находится у власти; это не наша только свобода, свобода республиканцевъ, это свобода другихъ, это свобода самихъ противниковъ нашихъ, словомъ свобода всѣхъ. Развѣ видѣли когда-нибудь и развѣ увидятъ правительство, которое отказывало бы въ свободѣ своимъ друзьямъ? Такую свободу знали и монархисты, но то—привилегія; а чего требуемъ мы, такъ это свободы враговъ, какъ и друзей республики; ибо наша мощь въ томъ, что мы питаемъ довѣріе къ силѣ истины надъ человѣческимъ разумомъ, который произноситъ тогда рѣшеніе на полнѣйшей свободѣ. И эта свобода составляетъ верховный интересъ республики, или, вѣрнѣе, она есть сама республика.

Лѣто 1881 г. прошло въ оживленной выборной агитаціи, среди которой Клемансо неутомимо проводилъ свои идейные принципы, противоставляя ихъ все болѣе и болѣе погрязавшему въ тинѣ „практичности“ и политическаго равнодушія оппортунизму. Онъ принялъ программу радикальнаго комитета двухъ дѣленій XVIII-го округа и, принимая, написалъ знаменитое для той эпохи обращеніе къ своимъ избирателямъ (къ біографіи Клемансо, составленной Пелльтаномъ, приложенъ автографъ этого краснорѣчиваго письма):

Что такое, граждане, ваша программа, какъ не краткій перечень реформъ, при помощи которыхъ республиканская партія всегда старалась подготовить то великое соціальное преобразованіе, которое будетъ увѣнчаніемъ французской революціи. Эту программу,—я принимаю ее, потому что то программа всей республиканской демократіи. Это—знамя 1869 г., которое, въ виду торжествующей имперіи, было водружено вами на высотахъ Бельвилля и Монмартра—въ знакъ смертельнаго вызова. Сначала вся страна задрожала отъ самой чрезмѣрности этого смѣлаго акта; затѣмъ, въ минуту опасности, она сошлась подъ его складками. Граждане! на Монмартрѣ развивается еще это знамя тамъ, гдѣ вы водрузили его; и вы не позволили его низвергнуть.

Программа эта называлась „соціалистической“; но чтобы читатель зналъ, что́ этотъ эпитетъ означаетъ собственно лишь такъ называемыя „радикально-соціалистическія“ требованія крайней буржуазной демократіи, я приведу нѣсколько реформъ, выставленныхъ въ программѣ.

Въ политическомъ отношеніи: пересмотръ конституціи; унич-

тоженіе сената и президенства республики; отдѣленіе церкви отъ государства и (переходя въ соціальную сферу) уничтоженіе бюджета культовъ и переходъ церковныхъ имуществъ въ руки націи; право ребенка на интегральное образованіе; свѣтское, даровое и обязательное обученіе (нынѣ осуществлено); сокращеніе срока военной службы и распространеніе на всѣхъ гражданъ (отчасти осуществлено); постепенная замѣна постоянныхъ армій народными милиціями; административная децентрализація и коммунальная автономія.

Въ экономическомъ отношеніи: пересмотръ концессій, основанныхъ на отчужденіи національной собственности,—копей и рудниковъ, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ; реформа налоговъ и отмѣна налоговъ на потребленіе и городскихъ заставъ (отчасти сдѣлано); прогрессивный налогъ на капиталъ и доходъ; ограниченіе рабочаго дня (осуществлено отчасти); пенсіонныя кассы для старыхъ и увѣчныхъ рабочихъ (приготовляется); отвѣтственность хозяевъ за увѣчье рабочихъ путемъ страхованія (вырабатывается); признаніе юридической личности за рабочими синдикатами (подготовляется); кредитъ труду.

Читатель видитъ, что если лишь нѣкоторыя изъ этихъ реформъ осуществлены (какъ я обозначилъ въ скобкахъ), то это показываетъ только медленность общественнаго прогресса въ классовомъ обществѣ, но отнюдь не ихъ „соціалистическій“ характеръ. Во всякомъ случаѣ, программа Клемансо испугала своимъ радикализмомъ даже иныхъ изъ его товарищей крайней лѣвой, но за то была съ восторгомъ поддержана его избирателями: на выборахъ 21-го августа 1881 г. Клемансо былъ дважды избранъ обоими отдѣлами XVIII-го парижскаго округа и, кромѣ того, одинъ разъ въ провинціи (отъ города Арля); онъ предпочелъ быть депутатомъ второго отдѣла XVIII-го округа.

Отнынѣ Клемансо уже безспорно признается главою крайнихъ радикаловъ и проявляетъ въ теченіе всего четырехлѣтняго законодательнаго періода палаты (1881—1885) замѣчательную дѣятельность. Я считаю эти года кульминаціоннымъ пунктомъ политической карьеры Клемансо. Для каждаго изъ насъ есть эпоха наибольшаго расцвѣта; и если бы слѣпая судьба была такъ же милостива къ намъ, какъ боги Греціи, согласно легендамъ, къ своимъ любимцамъ, то она прерывала бы нить нашего существованія въ моментъ наивысшаго проявленія нашей индивидуальности...

Остановись, мгновенье: ты прекрасно!—восклицаетъ Фаустъ и падаетъ мертвымъ. Увы! большинству изъ насъ суждено пережить самихъ себя. Это, можетъ быть, лишь отчасти примѣнимо къ Клемансо, благодаря рѣдкому богатству его натуры. Но не-

сомнѣнно одно: въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, а въ особенности совсѣмъ недавняго времени, Клемансо обнаружилъ нѣкоторыя новыя стороны своей сложной индивидуальности, которыя остались бы, можетъ быть, совсѣмъ неизвѣстными, сойди онъ со сцены въ 80-хъ годахъ; но въ смыслѣ цѣльности, рельефности, мощи, никогда уже онъ не достигалъ той высоты, на какой стоялъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія.

То было время, когда, не смотря на могущество первыхъ буржуазныхъ впечатлѣній, достигшій полнаго развитія своихъ силъ, вожакъ радикализма обнаруживалъ, повидимому, нѣкоторое теоретическое раздумье и стремленіе шагнуть за предѣлы своего міровоззрѣнія... Увы! особенности личнаго развитія Клемансо и наступленіе смутной эпохи буланжизма не дали этой возможности превратиться въ дѣйствительность: вождь радикаловъ снова замкнулся въ обычный кругъ своихъ мыслей...

Во всякомъ случаѣ, именно къ этой эпохѣ относятся наиболѣе интересныя рѣчи Клемансо. Въ одной изъ своихъ самыхъ энергичныхъ и—почему не сказать этого?—внутренно противорѣчивыхъ рѣчей по соціальному вопросу вожакъ крайней лѣвой такъ бичевалъ экономическую политику буржуазіи:

И при такихъ-то условіяхъ вы толкуете о свободѣ! Именно тогда, когда всѣ соціальныя силы отданы вами на служеніе сильному противъ слабаго, вы говорите намъ: свобода, это—рѣшеніе всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ задачъ; вы утверждаете: laissez faire, laissez passer,—дайте разыграться настоящей битвѣ между тѣмъ, кто лишенъ всякаго оружія, и тѣмъ, кто вооруженъ пушкой, заряженной картечью, и вы увидите, каковъ будетъ результатъ! Увы! мы видѣли... Нѣтъ, это не свобода! Это ложная, это фальшивая свобода, которая состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность могущественному раздавить беззащитнаго!..

Какъ извѣстно, эта рѣчь была вызвана (въ январѣ 1884 г.) преніями объ экономическомъ кризисѣ, свирѣпствовавшемъ тогда во Франціи. И вмѣшательство Клемансо дало лишь слабое большинство въ палатѣ (254 голоса противъ 249) предложенію, внесенному лидеромъ радикаловъ, назначить парламентарную коммиссію для изслѣдованія тяжелаго положенія рабочихъ. Кромѣ того, въ эту такъ называемую „коммиссію сорока четырехъ“ попало лишь 9 членовъ оппозиціи, а остальные 35 были ярыми приверженцами кабинета Ферри, и предсѣдателемъ былъ выбранъ такой типичный оппортунистъ, какъ Спюллеръ.

Весной того же 1884 г. Клемансо произнесъ другую надѣлавшую шуму „соціальную“ рѣчь, сказанную уже не въ палатѣ, а на публичномъ собраніи въ циркѣ Фернандо. Въ ней опять Клемансо направилъ рѣзкую критику противъ „слѣпого сопротивленія буржуазіи“, противъ того экономическаго строя, при которомъ всѣ успѣхи технологіи идутъ „почти исключительно на пользу привилегированнымъ классамъ“. Онъ сдѣлалъ даже не-

хвальное усиліе понять смыслъ большинства современныхъ столкновеній, заявивъ: „я соглашусь, что за политической борьбой скрывается борьба интересовъ; я сдѣлаю вамъ, если хотите, даже ту уступку, что, всматриваясь хорошенько въ вещи, найдешь лишь борьбу интересовъ“. Но, съ другой стороны, онъ пожелалъ „рѣзко отдѣлиться“ отъ опредѣленнаго міровоззрѣнія труда и, указавъ — съ чѣмъ, конечно, вполнѣ можно согласиться, — что „для обездоленныхъ нѣтъ истиннаго освобожденія, кромѣ того, которое вытечетъ изъ ихъ собственныхъ усилій“, сдѣлалъ вдругъ изъ этого уже банальный буржуазный выводъ: „улучшеніе общества подчинено улучшенію личности“.

Но опять-таки, повторяю, нельзя судить Клемансо по тѣмъ сторонамъ, въ которыхъ выражался его, такъ сказать, соціальный дальтонизмъ. И въ палатѣ 1881—1885 г. его дѣятельность заключаетъ въ себѣ элементъ несомнѣннаго величія: я говорю о его борьбѣ съ колоніальной политикой оппортунистовъ и въ особенности Ферри. Тутъ, можетъ быть, всего искреннѣе приходится преклониться предъ благородной идеологіей Клемансо. Французская буржуазія искала внѣшнихъ рынковъ; французская военная и штатская администрація рвалась къ колоніальной политикѣ; большинство имущихъ и правящихъ шло за Ферри, который сначала, можетъ быть, нѣсколько смутно, затѣмъ все яснѣе и сознательнѣе выражалъ стремленія капиталистической націи. Клемансо же рѣшительно возсталъ противъ этой политики завоеванія и порабощенія, международнаго грабежа и насилія.

Я не берусь категорически отвѣтить на вопросъ, одни ли такіе чисто гуманитарные принципы руководили Клемансо, или тутъ присоединялось патріотическое, отчасти шовинистское желаніе не разбрасывать войска и деньги по колоніямъ, а держать ихъ наготовѣ для реванша Германіи. Изъ интересной ретроспективной полемики, завязавшейся въ прошломъ году между Жоресомъ и Клемансо, можно заключить, что отъ этой примѣси вождь радикаловъ не былъ свободенъ — да и кто изъ французовъ, кромѣ развѣ людей совершенно не буржуазнаго міровоззрѣнія, былъ свободенъ отъ нея всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ (хотя, съ другой стороны, страненъ въ данномъ случаѣ и Жоресъ съ его умиленіемъ заднимъ числомъ передъ Ферри, котораго онъ хочетъ перекрасить въ безкорыстнаго сторонника мира между Германіей и Франціей и вообще между націями, словно забывая о его пресловутой колоніальной политикѣ).

Какъ бы то ни было, въ борьбѣ противъ системы колоніальныхъ завоеваній Клемансо высоко держалъ знамя гуманности и цивилизаціи и, не смотря на возможныя примѣси другихъ чувствъ, проявилъ при этомъ рѣдкую энергію и благородство. Идетъ ли

дѣло объ экспедиціи противъ крумировъ, Клемансо безжалостно вскрываетъ внутреннюю подкладку этого предпріятія, указывая на скрывающихся въ тѣни людей биржи и спекуляціи, желающихъ поживиться около завоеванія Туниса (октябрь—ноябрь 1881 г.). Приглашаетъ ли Англія Францію къ коллективному акту пиратства въ Египтѣ, Клемансо удерживаетъ республику отъ участія въ бомбардированіи Александріи и занятія страны фараоновъ (чего ему до сихъ поръ не могутъ простить буржуазные политики), равно какъ съ жаромъ возстаетъ противъ теоріи высшихъ и низшихъ расъ (іюнь—іюль 1882 г.). Наконецъ, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ ведетъ поистинѣ героическую кампанію противъ тонкинской политики большинства и временно даже торжествуетъ, когда лангсонское пораженіе даетъ ему возможность потрясти довѣріе оппортунисткой палаты и опрокинуть кабинетъ Ферри.

Это засѣданіе 30 марта 1885 г. принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ парламентарныхъ событій Франціи, и я приведу здѣсь по стенографическому отчету выдающіяся мѣста изъ рѣчи Клемансо со всѣми криками, апплодисментами и перипетіями историческаго засѣданія:

Клемансо.—Господа, я прихожу не съ тѣмъ, чтобы отвѣчать г. президенту совѣта. Я полагаю, что въ данный моментъ никакіе дебаты не могутъ вестись между министерствомъ, во главѣ котораго онъ стоитъ, и какимъ бы то ни было республиканскимъ членомъ этой палаты (апплодисменты на крайней лѣвой)... Всякіе дебаты между нами кончены; мы не хотимъ больше васъ слушать, мы не можемъ больше обсуждать съ вами великіе интересы отечества (Очень хорошо! и апплодисменты на крайней лѣвой). Мы не знаемъ васъ больше, не хотимъ больше васъ знать (апплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ). На то, что вы сказали, и на то, что вы сдѣлали, я сегодня и въ тотъ моментъ, какъ говорю, хочу набросить завѣсу забвенія (Нѣтъ! нѣтъ! на правой). Дайте мнѣ говорить, господа,—предо мной нѣтъ министра, нѣтъ вообще больше министровъ, предо мной—обвиняемые (новые апплодисменты на крайней лѣвой и на правой)...

Нѣсколько членовъ, обращаясь къ министру.—Да уходите же съ министерской скамьи!

Графъ де-Менъ.—Въ Тонкинѣ теперь не смѣются, г. президентъ совѣта! Надо, чтобы вся Франція знала, что вы только-что смѣялись! (Шумъ).

Рауль Дюваль произноситъ нѣсколько словъ среди шума.

Президентъ палаты.—Прошу васъ молчать, господа... Г. Рауль Дюваль, вы записаны: подождите вашей очереди.

Рауль Дюваль.—Бываетъ такое негодованіе, котораго нельзя сдержать. Г. президентъ совѣта сейчасъ смѣялся, и мы констатируемъ это (апплодисменты на правой)...

Голосъ на правой.—Тутъ не чему смѣяться...

Клемансо.—...Это—обвиняемые въ измѣнѣ отечеству (шумъ въ центрѣ.—Да! да! на правой и на крайней лѣвой), на которыхъ, если только еще остался во Франціи принципъ отвѣтственности и справедливости, рука закона не замедлитъ опуститься (апплодисменты на правой и на лѣвой).

Гайльяръ (депутатъ Воклюзы), указывая на президента совѣта. — Онъ еще засмѣялся (восклицанія на лѣвой)...

Клемансо (кончая).—Когда къ намъ придутъ, но съ новыми министрами, чтобы добросовѣстно изложить истину, когда мы будемъ въ состояніи сво-

бодно отдать себѣ отчетъ въ необходимости, возлагаемой на насъ будущимъ, мы готовы будемъ принять и необходимыя рѣшенія, готовы будемъ съ гордостью,—я громко заявляю это,—соединиться съ вами, на защиту верховнаго интереса отечества (Очень хорошо! и шумные аплодисменты на крайней лѣвой и на правой).

Ферри палъ, но, какъ увидимъ, не духъ его политики.

Ва палатѣ 1885 – 1889 г., куда избиратели послали почти одинаковое число депутатовъ консервативной, оппортунистской и радикальной партій, звѣзда Клемансо для поверхностныхъ наблюдателей могла казаться въ зенитѣ, но въ общемъ уже стала блѣднѣть. Два обстоятельства тянули книзу политическій порывъ Клемансо: выборъ нѣсколькихъ депутатовъ партіи труда и появленіе буланжизма.

Съ одной стороны, попавшіе въ палату представители рабочихъ, Камелина́, Ферруль, Бойе, Басли, не смотря на посредственность своихъ парламентскихъ качествъ, развивали въ своихъ рѣчахъ такую опредѣленную точку зрѣнія, что въ сравненіи съ ними взгляды Клемансо теряли свою привлекательность „радикализма“ и обнаруживали фатальную непослѣдовательность.

Съ другой стороны цезаристскіе замыслы Буланже, котораго въ началѣ поистинѣ создалъ Клемансо, видя въ немъ перваго настоящаго республиканскаго генерала, набросили тѣнь на радикальную политику главы крайней лѣвой въ глазахъ большинства республиканцевъ. Какъ ни была энергична борьба Клемансо противъ Буланже, лишь только вожакъ радикаловъ замѣтилъ, куда шла политика „браваго генерала“, на Клемансо такъ и осталось лежать обвиненіе въ потворствѣ демологическому націонализму. И это всего яростнѣе поддерживали тѣ самые оппортунисты, которые своимъ презрѣніемъ къ назрѣвавшимъ задачамъ жизни именно и были виновны въ выработкѣ среди націи чувства недовольства и отвращенія къ парламентарному режиму.

Въ довершеніе всего, самъ режимъ этотъ обнаружилъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ такое безсиліе и внутреннюю испорченность, что дѣятельность въ палатѣ по необходимости приняла академическій характеръ. Знаменательно, напр., что, не смотря на паденіе Ферри и образованіе нѣсколькихъ полу-радикальныхъ министерствъ, парламентъ продолжалъ вести колоніальную политику, такъ что для обыкновеннаго смертнаго становилось непонятно, почему же собственно низвергли „тонкинца“. А къ этому присоединились еще скандалы по торговлѣ орденами Почетнаго легіона и вообще оффиціальнымъ вліяніемъ, скандалы, въ грязи которыхъ захлебнулось президентство Греви (Тутъ, кстати сказать, еще разъ проявилось вліяніе Клемансо, который успѣлъ провести выборы Сади-Карно противъ Ферри)...

При этихъ обстоятельствахъ, обычная рельефность политической фигуры Клемансо стала стушевываться: въ отчаянной борьбѣ противъ враговъ свободнаго режима приходилось подчеркивать не то, что раздѣляетъ республиканцевъ, а то, что ихъ соединяетъ; и поневолѣ равнодѣйствующая парламентарной дѣятельности главы радикаловъ передвигалась вправо. Повидимому, никогда еще взгляды Клемансо не находили формально такого значительнаго числа сторонниковъ, какъ въ палатѣ 1885—1889 г. И, однако, никогда еще какъ въ этой разорванной на три части палатѣ его моральный престижъ не терпѣлъ такого внутренняго, шагъ за шагомъ растущаго пораженія. Ему не удалось даже стать президнтомъ палаты въ періодъ наиболѣе радикальнаго ея настроенія, весной 1888 г., когда Флокэ образовалъ свое министерство. И судьба словно иронически подчеркнула это положеніе: стоять у предверія власти и не завладѣть ею. Онъ получилъ 168 голосовъ, т. е. ровно столько же, сколько его соперникъ, оппортунистъ Мелинъ; но послѣдній былъ выбранъ по старшинству лѣтъ. А когда на выборахъ 1889 г. буланжизмъ былъ разгромленъ, то роль, которую играли при этомъ умѣренные и министерство циничнаго, но очень ловкаго Констанса, выдвигала снова на первый планъ оппортунистовъ и отодвигала радикаловъ.

Но въ воздухѣ уже пахло Панамой; и опять-таки политическому фатуму угодно было нанести и этимъ дѣломъ косвенный, но чрезвычайно тяжелый ударъ Клемансо, который, несомнѣнно, гораздо менѣе былъ виноватъ во всѣхъ этихъ скандалахъ, чѣмъ громадное большинство его обвинителей. Панама настолько еще въ памяти всѣхъ, что мнѣ нечего входить въ подробности. И 900 милліоновъ франковъ, исчезнувшихъ неизвѣстно куда изъ общей—въ 1462 милліона—суммы расходовъ, и золотая манна, падавшая въ видѣ платы за рекламу въ пасть каймановъ большой прессы; и подкупъ—одни говорятъ 104, другіе 150 депутатовъ; и рядъ арестовъ министровъ, рядъ процессовъ, многочисленныхъ привлеченій къ суду и въ концѣ концовъ столь же многочисленныхъ оправдываній, кромѣ развѣ злополучнаго самого сознавшагося во всемъ Баиго (Baïhaut)—все это достаточно хорошо извѣстно!

Но подивитесь логикѣ улицы. „Честные“ журналисты, безъ различія политическихъ мнѣній, наживали громадныя суммы корыстной рекламой: Эбраръ, директоръ оппортунистскаго Temps, получилъ болѣе милліона; Кассаньякъ, заправила бонапартистскаго L'Autorité, не одинъ десятокъ тысячъ, и такъ далѣе. И, однако, на Клемансо, который отказался участвовать въ синдикатѣ Панамы, отказался даже отъ печатанія объявленій о предпріятіи, общественное мнѣніе стало смотрѣть, какъ на одного

изъ наиболѣе крупныхъ пиратовъ, попользовавшихся Панамой. Противъ него ничего, собственно говоря, не могли найти: „тѣмъ хуже, говорила улица, это именно потому, что онъ самый страшный и ловкій разбойникъ“.

На Клемансо тяготѣло одно проклятіе, которымъ воспользовались его неумолимые враги изъ оппортунитскаго и изъ клерикально-монархическаго лагеря: его близкое знакомство съ знаменитымъ Корнеліусомъ Герцемъ, который изъ бѣднаго врача-иностранца сдѣлался милліонеромъ и необыкновенно вліятельнымъ человѣкомъ въ политическихъ сферахъ Франціи. Замѣтьте, если смотрѣть на этого бальзаковскаго героя съ точки зрѣнія буржуазной морали, то всѣ его дѣйствія нисколько не отклоняются отъ обычныхъ пріемовъ биржевиковъ и спекуляторовъ; и тѣ, кто утверждаетъ противное, лицемѣрятъ и завѣдомо лгутъ. Но, конечно, самая его соціальная роль заключалась въ рядѣ геніально-ловкихъ походовъ на кошелекъ и на душу современниковъ. И ту благодѣтельную функцію „предпріимчивости“, прославленіе которой я берусь найти вамъ въ любомъ буржуазномъ трактатѣ о финансахъ, эту функцію Корнеліусъ Герцъ выполнялъ въ совершенствѣ.

Этотъ, повторяю, бальзаковскій герой былъ очень сложной натурой; и его финансовыя комбинаціи не мѣшали ему увлекаться различными умственными интересами, въ томъ числѣ политикой. Одно время онъ поддерживалъ радикальную партію во Франціи и былъ съ 1883 по 1885 г. однимъ изъ крупнѣйшимъ акціонеровъ газеты Клемансо. Вотъ гдѣ лежала первая причина катастрофы, обрушившейся чуть не десять лѣтъ спустя на вождя крайней лѣвой. Въ деньгахъ есть своя логика и своя заразительная „субстанція“, своя отрава. Золотой телецъ, выражаясь фигурально, рано или поздно раздавливаетъ того, кто подходитъ близко къ его зачастую скользящимъ въ крови и грязи копытамъ. Да, Клемансо не былъ подкупленъ Герцемъ; но милліоны Герца и другихъ хотя и гораздо болѣе безупречныхъ акціонеровъ, поддерживавшихъ „La Justice“, которая не могла жить читателями, создавали спеціальную атмосферу вокругъ Клемансо.

Прослѣдите логически жизненную эволюцію этого политически безупречнаго человѣка. Клемансо не имѣетъ собственныхъ средствъ, но талантъ и идейное вліяніе создаютъ ему приверженцевъ, которые приносятъ эти средства. Деньги идутъ не лично на Клемансо, но на вождя партіи и директора газеты: ему нужно поддерживать свою политику, завязывать знакомства, оказывать услуги, платить сотрудникамъ, наконецъ, оплачивать болѣе или менѣе прилично самого себя... Да, самого себя! Почему, дѣйствительно, не давать надлежащаго вознагражденія своимъ силамъ и способностямъ: вѣдь Клемансо не какой-нибудь подставной „директоръ“, онъ серьезно руководитъ газетой, тратитъ время, расходуетъ столь драгоцѣнную для партіи энергію...

Такъ незамѣтно, поворотъ за поворотомъ, колесо политической жизни вожака затягиваетъ васъ въ свои неумолимые зубцы. Нѣкогда нуждающійся врачъ Монмартра превращается постепенно въ широко-живущаго депутата, который принужденъ поддерживать даже ради партійныхъ интересовъ извѣстный декорумъ и этикетъ. Лошадь, выѣзды и вечера, опера и ея кулисы, словомъ участіе въ сутолокѣ „всего Парижа“ постепенно наполняютъ ваше существованіе элементами, которые сначала, можетъ быть, искренно казались вамъ скучной необходимостью, досадливыми средствами къ цѣли, а затѣмъ становятся сами на половину цѣлью, а главное—привычкой!..

Вотъ весь трагизмъ положенія Клемансо и вотъ всѣ великія вины его. Никто не покупалъ его, и никому онъ не могъ продаться,—этотъ гордый и, чтобы ни говорили, въ общемъ благородный человѣкъ. Но его увлекла своимъ водоворотомъ жизнь вождя политической партіи,—и, замѣтьте, партіи хотя и демократической, но буржуазной, которая по самымъ условіямъ своего существованія не можетъ уединить себя отъ разлагающихъ силъ стараго міра. Короче сказать, у Клемансо постепенно стиралось сознаніе между средствами, которыя шли къ нему какъ къ отвѣтственному лицу партіи, и средствами, которыя онъ могъ тратить какъ строго-частный человѣкъ. И, замѣтьте, говоря такъ, я не хочу даже сказать, чтобы онъ недобросовѣстно проживалъ лично на себя фонды, предназначавшіеся на политическую дѣятельность; но констатирую, что самой печальной логикой положенія онъ былъ приведенъ къ невозможности различать между этимъ личнымъ и общественнымъ бюджетомъ. Тѣмъ болѣе,—обратите на это вниманіе,—что всѣ средства, собиравшіяся ему акціонерами для газеты, съ буржуазной точки зрѣнія давались ему лично, его таланту, его вліянію и не нашлись-бы для другого. А въ результатѣ—шумная и черезчуръ бьющая въ глаза свѣтская жизнь; затѣмъ—политическій крахъ, клевета и долги, изъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ выдти бывшій вождь радикаловъ.

Я не буду говорить о парламентарной роли Клемансо въ палатѣ 1889—1893 г., когда порою его краснорѣчіе звучало гордыми нотами прежней грозы оппортунистовъ: его рѣчи по поводу Термидора (29-го января 1901 г.), въ которой онъ характеризовалъ великую революцію, какъ „глыбу, отъ которой ничего нельзя отнять“; его вмѣшательства въ дебаты объ амнистіи послѣ печальной исторіи въ Фурми, когда онъ произнесъ знаменательныя слова: „тутъ нѣтъ мѣста перифразамъ: предъ нами четвертое сословіе, которое организуется и которое хочетъ завладѣть властью полической и властью экономической“ (8-го мая

1901 г.); наконецъ, его примирительную роль въ стачкѣ углекоповъ сѣверной Франціи (ноябрь 1901 г.), и т. д.

Но точно также я не стану разбирать всей нелѣпицы и грязи, въ которой рылась палата и улица, стараясь всячески утопить Клемансо и подготовляя его паденіе: обвиненіе въ измѣнѣ отечеству, брошенное съ трибуны Полемъ Дерулэдомъ (20-го декабря 1902 г.); чтеніе апокрифическихъ писемъ пресловутаго негра Нортона націоналистомъ Милльвуа опять таки въ палатѣ, на этотъ разъ, не смотря на все свое паденіе, встрѣтившей громкимъ смѣхомъ эту по истинѣ колоссальную мистификацію (19-го іюня 1903 г.); наконецъ, свирѣпую травлю Клемансо лѣтомъ 1903 г. почти всей буржуазной прессою, начиная съ оппортунистически-шовинистскаго „Le Petit Journal", переходя къ свободному отъ идей „Фигаро" и кончая монархически-клерикальнымъ „Le Gaulois".

Я для образчика приведу лишь слѣдующееe мѣсто изъ корреспонденціи талантливаго „фигариста" Гюрэ, который ходилъ по пятамъ за Клемансо во время выборной агитаціи въ департаментѣ Варъ (депутатомъ котораго вождь радикаловъ былъ съ 1885 г.) и безпрестанно отмѣчалъ перипетіи борьбы самымъ ѣдкимъ и злобствующимъ образомъ. Дѣло идетъ о публичномъ собраніи въ Драгиньянѣ (19-го августа 1903 г.) на которомъ избиратели не дали говорить Клемансо, прерывая его кликами: „эй! Корнеліусъ Герцъ!" „какъ это говорится по англійски, милордъ Клемансо!" и т. д.

Это было глубоко печально. Я пришелъ, увѣряю васъ, посмотрѣть на все это въ качествѣ простого зрителя и присутствую здѣсь безъ всякаго предубѣжденія и ненависти,—ибо къ чему? И что же? Никогда человѣческое зрѣлище не представляло въ моихъ глазахъ такой меланхоліи. Посреди этихъ рабочихъ въ рубашкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ, покрытыхъ крупными каплями пота, этотъ человѣкъ обширнаго и гибкаго ума, краснорѣчивый какъ античный ораторъ, который въ теченіе 15 лѣтъ располагалъ наибольшею долею дѣйствія и вліянія въ правительствѣ и теперь вынужденъ прибѣгать къ низостямъ самой пошлой избирательной комедіи,—этотъ человѣкъ рисуется мнѣ больше наказаннымъ, чѣмъ, можетъ быть, заслуживалъ... Я прислушиваюсь къ разговорамъ людей и я понимаю въ данный моментъ, что если г. Клемансо, благодаря одному изъ тѣхъ неожиданныхъ поворотовъ счастья и шанса, которыми полна его жизнь, будетъ выбранъ еще разъ, то онъ будетъ этимъ обязанъ поистинѣ несказанной честности, составляющей основу народной души въ этой странѣ; имъ, дѣйствительно, нравственно невозможно повѣрить, что г. Клемансо тратитъ сто тысячъ франковъ въ годъ. Эти исторіи насчетъ гигантскихъ аферъ, продѣланныхъ вмѣстѣ съ Корнеліусомъ Герцемъ, это участіе въ Панамѣ, эти слухи объ измѣнѣ, купленной Англіею, кажутся имъ вещами, о которыхъ читаешь въ романахъ и газетахъ, но которыхъ люди никогда не видали и которыя, въ сущности, никогда не случаются *).

Вдумайтесь только въ эту ядовитую статью, въ это вѣроломство газетчика, всаживающаго вамъ въ спину отравленный кинжалъ и

---

*) См. «Le Figaro» № 232 отъ 20-го августа 1903 г.

смотрящаго въ сторону, словно то и не онъ! Каковъ смыслъ этихъ взвѣшенныхъ, размѣренныхъ, разсчитанныхъ фразъ, изъ которыхъ читатель не можетъ узнать прямо, на самомъ ли дѣлѣ продался Англіи Клемансо, или это нелѣпый слухъ? Очевидно, стремленіе бросить подозрѣніе, не говоря открыто, а подъ видомъ добродушнаго и даже печалящагося о судьбѣ человѣка безпристрастія.

Избиратели Клемансо не совершили, однако, на этотъ разъ акта, котораго такъ боялся добродѣтельный „Фигаро“; и на мѣсто главы радикаловъ былъ выбранъ нѣкто Журданъ, совершенное ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ. Пораженіе Клемансо возбудило восторгъ во всѣхъ его врагахъ монархическаго и оппортунистскаго лагеря; и многіе думали, что бывшій вождь крайней лѣвой навѣки раздавленъ этими выборами. Но „тотъ только побѣжденъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“, какъ выразился однажды самъ же Клемансо; и этотъ удивительно энергичный человѣкъ явился въ новомъ воплощеніи: сильнымъ и интереснымъ публицистомъ. Безъ средствъ, съ разгромленной „La Justice“, которой онъ тщетно старался влить жизнь, Клемансо перешелъ на положеніе обыкновеннаго журналиста и изо дня въ день сталъ писать статьи въ чужихъ—буржуазныхъ и бульварныхъ органахъ, пока не сдѣлался во время дѣла Дрейфуса однимъ изъ крупнѣйшихъ борцевъ—тутъ можно сказать,—за Истину и Справедливость и душой газеты „L'Aurore“ (нынѣ онъ пріобрѣлъ ее уже себѣ), въ теченіе же 1901—1902 авторомъ-редакторомъ еженедѣльнаго политическаго журнала „Le Bloc“.

Вы можете взять любую изъ его статей, печатавшихся имъ по мѣрѣ накопленія отдѣльными сборниками подъ общими нѣсколько риторическими заглавіями въ родѣ „Соціальной свалки“, „Великаго Пана“, „Въ засадѣ жизни“; „Судьи“, „По дорогѣ къ возстановленію“ (по дѣлу Дрейфуса); его романъ „Самые сильные“; его аллегорическую пьеску въ одномъ актѣ и т. д.: вы будете часто не соглашаться съ авторомъ, находить его идеи односторонними или, наоборотъ, слишкомъ абстрактно расплывчатыми, но никогда вы не останетесь равнодушными къ тому, что и какъ говоритъ Клемансо. Живая мысль и убѣжденіе и серьезное отношеніе къ вопросамъ дѣйствительности выдвигаютъ его изъ рядовъ современныхъ публицистовъ, которые, можетъ быть, не безъ основанія, съ высоты своего присяжнаго писательства, упрекаютъ его въ нѣсколько ораторскомъ характерѣ писаній, но которые кажутся несравненно банальнѣе и поверхностнѣе Клемансо.

Объ чемъ бы ни взялся говорить человѣкъ, явившійся импровизированнымъ писателемъ въ 50 съ лишнимъ лѣтъ,—о бомбѣ-ли анархиста, о смертной-ли казни, о романѣ-ли Жоржъ Зандъ

съ красавцемъ Паджелло, о правахъ-ли животныхъ,—во всемъ виденъ мыслящій наблюдатель, смѣло высказывающій свое міровоззрѣніе. О, въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ,—Клемансо не походитъ на тѣхъ умѣренно-аккуратныхъ карьеристовъ, вродѣ Поля Дешанэля (кстати сказать, прекрасно изображеннаго имъ въ романѣ „Самые сильные" подъ именемъ депутата Монперрье), которые боятся скромпрометтировать себя какимъ-нибудь опредѣленнымъ мнѣніемъ и скрываютъ подъ обточенными фразами пошлость мысли и мелкость души.

Но пусть не подумаетъ читатель, что, говоря такъ, я намѣренъ пѣть дифирамбы Клемансо, который имѣетъ свои недостатки. Основной пробѣлъ соціальнаго міровоззрѣнія, о которомъ было сказано выше, до сихъ поръ вноситъ внутреннее противорѣчіе въ цѣлую группу идей Клемансо. А годы, проведенные имъ послѣ рокового пораженія въ усиленномъ, повидимому, раздумьи, принесли новое противорѣчіе, уже въ чисто политической сферѣ. Клемансо былъ и остался раціоналистомъ-идеологомъ. Но раньше эта идеологія носила у него гораздо болѣе оптимистическій характеръ въ силу вѣры его въ сравнительно быстрый прогрессъ человѣчества и въ частности массъ. А потому она дѣлала его демократомъ - государственникомъ, демократомъ - якобинцемъ, который придавалъ важное значеніе правительственной дѣятельности, опирающейся, какъ ему казалось, на вѣрный инстинктъ народа, и стало быть, съ его согласія проводящей извѣстныя принудительныя мѣры, направленныя ко благу цѣлаго. Теперь этой вѣры у него нѣтъ; и, безсознательно, можетъ быть, обобщая свой случай, онъ заходитъ въ своемъ скептицизмѣ къ массамъ дальше, чѣмъ слѣдовало бы. Не понявъ того, что раціонализмъ не можетъ, дѣйствительно, такъ заинтересовать трудящееся большинство, какъ его интересуетъ глубоко-жизненная политика основныхъ потребностей, Клемансо прикрываетъ свою рану, свою разбитую вѣру въ „республиканскихъ избирателей" бронею благороднаго, но пессмистическаго индивидуализма, почти анархизма: дѣлай, молъ, свое дѣло, дѣлай энергично и не покладая рукъ; а судьба рѣшитъ, насколько тебѣ удастся подѣйствовать на медленно,—увы! какъ медленно - развивающееся человѣчество.

Такъ въ своей рѣчи въ сенатѣ противъ государственой монополіи образованія онъ подвергаетъ жестокой критикѣ не только современное классовое правительство, но всякое проявленіе элемента принудительности, хотя бы человѣчеству временно приходилось обращаться къ нему въ коллективныхъ цѣляхъ общежитія. И, мало того, замѣняя одну абстракцію,—„общество",—другой абстракціей,—какимъ-то изолированнымъ самодовлѣющимъ „индвидуумомъ",—онъ совершенно въ духѣ анархизма обруши-

вается противъ вполнѣ реальной и живой силы, совокупности конкретныхъ, связанныхъ общежитіемъ личностей:

Прогрессъ заключается осязательно лишь въ индивидуумѣ: человѣкъ есть мѣрило совершеннаго прогресса. Прогрессъ состоитъ въ возростаніи его дѣятельности, освобождающейся по мѣрѣ того, какъ дисциплина, которую индивидуумъ можетъ возложить на самого себя, позволяетъ ему дѣлать изъ нея болѣе справедливое и полезное употребленіе для своихъ согражданъ. А иначе вы перемѣните только господина: вы перейдете къ игу безличнаго господства толпы и большинства *).

Но Клемансо не останавливается на проповѣди этого индивидуализма. Въ силу извѣстной непослѣдовательности мысли онъ считаетъ, однако, необходимымъ говорить о „контролѣ государства“ и о правѣ республиканскаго правительства „уничтожить конгрегаціи“, представляющія собою, молъ, „государство въ государствѣ“. Но не скажетъ-ли тогда „индивидуумъ“ въ рясѣ: я „свободно“ вступаю въ конгрегацію; почему вы препятствуете мнѣ, суверенной личности, распоряжаться собою **)? Это, впрочемъ, лишь частная иллюстрація общаго противорѣчія въ современномъ политическомъ міровоззрѣніи Клемансо: демократъ-якобинецъ оттѣсненъ, повидимому, на задній планъ демократомъ-индивидуалистомъ, но при случаѣ отстраняетъ эту стоящую впереди его фигуру и начинаетъ говорить и даже дѣйствовать вмѣсто нея.

У каждаго человѣка, разумѣется, есть противорѣчія. Но если бы я хотѣлъ выражаться эпиграмматически, то я охарактеризовалъ бы противорѣчія Клемансо 1903 г, словами „сенаторъ-анархистъ“. Несомнѣнно, въ большинствѣ его писаній вы найдете это тяготѣніе къ индивидуализму въ пику коллективной политикѣ; какъ же, стоя на такой точкѣ зрѣнія и, мало того, скептически относясь къ „большинству“, позволять себя избирать сенаторомъ? А Клемансо, печатно заявивъ, и всего занѣсколько мѣсяцевъ передъ выборами, о томъ, что онъ и не думаетъ ставить своей кандидатуры, своимъ же друзьямъ сказавъ, что онъ никогда не вернется больше къ парламентарной дѣятельности,—Клемансо, говоримъ мы, сѣлъ, однако, на скамью „отцовъ отечества“. Какъ понимать это? Не будемъ строги и просто предположимъ, что стараго парламентарнаго борца продолжала привлекать такъ жестоко измѣнившая ему разъ любовница—политика, и что цѣною не только теоретическаго противорѣчія, но и личной непослѣдовательности онъ хотѣлъ снова участвовать въ общественной жизни страны. Намъ остается только наблюдать дальнѣйшую политиче-

---

*) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 17-го ноября 1903 г. въ «Journal officiel» отъ 18-го числа, стр. 1372.

**) Тутъ, можетъ быть, Клемансо стоило бы вспомнить лишь требованіе своей программы 1881 г.: переходъ церковныхъ имуществъ въ руки націи; это, вѣроятно, лучше всякаго уничтоженія конгрегацій убило бы клерикализмъ.

скую дѣятельность Клемансо, который, можетъ быть, не нынче завтра изъ анархиста сенатора станетъ министромъ анархистомъ.

Я кончаю на этой безобидной шуткѣ, сожалѣя лишь, что размѣры журнальной статьи не позволяютъ мнѣ коснуться еще нѣкоторыхъ сторонъ въ сложной личности Клемансо; а онѣ какъ нарочно начинаютъ вырисовываться предо мной и проситься подъ перо. Оставимъ ихъ, однако, въ области „идей—матерей" Гете: тутъ понадобилась бы цѣлая книга, большая и вполнѣ обстоятельная біографія,—словомъ, тотъ видъ литературы, въ которомъ являются такими мастерами англичане...

Н. Е. Кудринъ.

Харьковскіе студенческіе кружки.

За послѣдніе годы въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній Россіи начинаетъ намѣчаться и, мало-по-малу, сърганизовываться не лишенное интереса и, быть можетъ, даже глубокаго значенія движеніе. Въ зависимости отъ разнообразія мѣстныхъ условій, которымъ, при всей скудости своего внутренняго содержанія, смѣло можетъ похвалиться русская общественная жизнь, это движеніе принимаетъ повсюду своеобразныя формы, различаясь въ то же время и по своей интенсивности. Я разумѣю стремленіе современной учащейся молодежи организоваться въ общества, кружки, кассы взаимопомощи и т. п. коллегіальныя „учрежденія", какъ принято ихъ называть на оффиціальномъ языкѣ.

Движеніе это въ той формѣ, какъ мы его наблюдаемъ, сравнительно недавнее, и въ нашу задачу не входитъ выясненіе всей сложности причинъ, вліявшихъ на его зарожденіе и развитіе. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ основѣ своей оно старо почти такъ же, какъ русскій университетъ. Въ началѣ минувшаго столѣтія оно породило „Собраніе благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона" въ Москвѣ, основанное Жуковскимъ и его товарищами, позднѣе, съ измѣненіемъ запросовъ и условій времени, его продуктомъ явились землячества, научно-литературное общ-во О. Миллера (при петерб. унив.-тѣ), юрьевскіе студенческіе кружки. Оно жило и измѣнялось, какъ сама жизнь, росло,

умирало и возрождалось. Имъ мало интересовались, за нимъ почти не слѣдили, по крайней мѣрѣ, съ той стороны, откуда это вниманіе было бы всего естественнѣе и дороже, и будущій историкъ русской общественности долго, и, быть, можетъ безнадежно, будетъ стоять въ раздумьи надъ небольшой, но замѣтной прорѣхой и безъ того незатѣйливаго историческаго одѣянія русскаго общества.

Настоящій очеркъ, имѣя въ виду посильное, хотя и позднее, содѣйствіе закрытію такихъ досадныхъ прорѣхъ, не можетъ не разсчитывать и на живой современный интересъ своей темы: движеніе еще только намѣчается, оно неустойчиво и легко можетъ пойти въ невыгодномъ для себя направленіи. Вотъ почему является далеко небезполезнымъ теперь же пересмотрѣть начатое, чтобъ, усмотрѣвъ ошибки прошлаго, успѣшнѣе двинуться въ дальнѣйшій путь: есть уже матеріалъ для сравненій, чтобы научиться у другихъ и дать позаимствовать у себя.

Матеріаломъ для очерка послужили немногочисленныя данныя о дѣятельности теперешнихъ харьковскихъ студенческихъ кружковъ. Начать именно съ этихъ, а не съ другихъ организацій имѣетъ свой смыслъ: изъ студенческихъ учрежденій новѣйшей формаціи они являются наиболѣе ранними и потому, быть можетъ, самыми примитивными по своему построенію. Данныя, которыми намъ приходится оперировать, разумѣется крайне не сложны, кратки и по необходимости носятъ характеръ личныхъ впечатлѣній и воспоминаній; оффиціальныхъ отчетовъ еще не составлялось, по крайней мѣрѣ, для печати, и потому голосъ участниковъ, мелкія протокольныя записи и случайныя газетныя замѣтки являются нашимъ единственнымъ „историческимъ источникомъ“.

Основаніе извѣстныхъ намъ четырехъ научныхъ студенческихъ кружковъ Харьковскаго университета относится ко времени съ начала 1900 до конца 1902 года. Жизнь русскихъ университетовъ, подвергавшаяся за этотъ срокъ самымъ серьезнымъ измѣненіямъ и осложненіямъ, казалось, должна была бы отразиться и на этихъ студенческихъ организаціяхъ, являвшихся на свѣтъ одно за другимъ прямымъ ея послѣдствіемъ и порожденіемъ. Въ дѣйствительности приходится сдѣлать нѣсколько иное наблюденіе: уставы всѣхъ четырехъ кружковъ являются почти точной копіей одинъ другого. Другой вопросъ, какъ проявляются эти уставы на дѣлѣ, но организованы общества по одному строго-выдержанному шаблону. Какъ было уже указано, въ задачу очерка не входитъ выясненіе причинъ, вліявшихъ на конечное разрѣшеніе вышеупомянутаго движенія въ той или иной формѣ, но едва ли будетъ лишнимъ указать здѣсь, хотя мимоходомъ, на чисто мѣстный характеръ только что описаннаго явленія. Въ учебный періодъ 1902—03 г. при Московскомъ университетѣ также возникало

нѣсколько обществъ. Не считая „Студенческаго кружка для изслѣдованія русской природы“, довольно примитивнаго еще по своему уставу, мы встрѣчаемся тутъ съ такими сложными и развитыми организаціями, какъ „Историко-филологическое студенческое Общество“ и „Студенческое Общество искусствъ и изящной литературы“, возникшими на протяженіи всего какого-нибудь года и уже существенно отличающимися другъ отъ друга по своему построенію. „Студенческое Медицинское Общество“, открывшееся въ осеннемъ полугодіи 1903 г. при томъ же Московскомъ университетѣ, представляетъ новый шагъ впередъ въ развитіи тѣхъ же учрежденій. Правда, разсматривая уставы трехъ послѣднихъ обществъ, не трудно замѣтить, даже при простомъ, формальномъ ихъ сличеніи, что въ остовѣ своемъ они почти не отличаются другъ отъ друга; но остовъ не весь еще организмъ, да и организмы имѣютъ свои стадіи совершенства.

Студенческіе кружки, функціонирующіе при Харьковскомъ университетѣ, сосредоточены около двухъ факультетовъ: два изъ нихъ, „экономическій“ *) и „государственныхъ наукъ“ **), работаютъ при юридическомъ факультетѣ, два другихъ: „научно-литературный“ ***) и „философско-богословскій“ ****) при историко-филологическомъ. Самый старшій изъ нихъ, экономическій, возникшій, какъ видимъ, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ безпорядковъ 1899 года, первоначально встрѣтилъ въ своей идеѣ серьезную оппозицію. Появившіеся незадолго передъ тѣмъ циркуляры министра Боголѣпова, ставившіе профессурѣ на видъ необходимость болѣе тѣснаго сближенія со студентами, были въ значительной степени причиной недовѣрія послѣднихъ ко всякимъ формамъ такого сближенія. Молодежь вездѣ видѣла „улавливаніе“, и побороть это предубѣжденіе было не легко. Однако, желаніе составить кружокъ одержало рѣшительный перевѣсъ, и онъ былъ организованъ изъ слушателей проф. Левитскаго, посѣщавшихъ его лекціи по политической экономіи: это были 29 первокурсниковъ. Разумѣется, уставъ кружка не могъ не носить на себѣ яркой печати породившей его эпохи, и это было причиной того, что созданные по его подобію младшіе братья его явились вопіющимъ анахронизмомъ: его уставъ сталъ прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ.

Послѣднее обстоятельство облегчаетъ намъ разборъ харьковскихъ студенческихъ организацій: почти все, что можетъ быть высказано о каждой детали построенія одного изъ кружковъ, относится уже тѣмъ самымъ и ко всѣмъ остальнымъ. Поэтому достаточно будетъ привести одинъ какой либо изъ этихъ уставовъ, предварительно оговоривъ отличія его отъ трехъ другихъ, чтобъ

*) Открытъ 6 марта 1900 года, руководитель—проф. Левитскій.
**) Открытъ въ октябрѣ 1902 г., руководитель—проф. Фатѣевъ.
***) Открытъ 25 ноября 1901 г., руководитель—проф. Халанскій.
****) Открытъ зимой 1901 г., руководитель—свящ. Буткевичъ.

дать понятіе о цѣли и характерѣ харьковскихъ организацій. Возьмемъ полностью уставъ *) позднѣйшаго изъ нихъ, „кружка для занятій государственными науками“.

I. *При юридическомъ факультетѣ* Императорскаго Харьковскаго университета учреждается студенческій кружокъ для занятій государственными науками, т. е. общимъ ученіемъ о государствѣ, государственнымъ и административнымъ правомъ и исторіей государственнаго права.

II. Кружокъ состоитъ подъ отвѣтственнымъ руководствомъ одного изъ профессоровъ юридическаго факультета, назначаемаго по представленію декана попечителемъ учебнаго округа.

III. Занятія кружка, будучи совершенно закрытыми, состоятъ въ чтеніи участниками кружка рефератовъ по предметамъ вышеуказанныхъ наукъ и критическомъ обсужденіи этихъ рефератовъ, а также въ совмѣстныхъ собесѣдованіяхъ на предварительно одобренныя руководителемъ темы изъ области означенныхъ наукъ. Время занятій и бесѣдъ опредѣляется руководителемъ, въ присутствіи коего происходятъ всѣ занятія и бесѣды въ стѣнахъ университета, въ особо отведенныхъ начальствомъ университета помѣщеніяхъ.

IV. Въ составъ кружка входятъ, съ разрѣшенія руководителя, только студенты университета, желающіе путемъ совмѣстныхъ занятій и товарищеской бесѣды удовлетворить своимъ научнымъ запросамъ въ области вышеуказанныхъ знаній. Число участниковъ въ кружкѣ не должно превышать 30 человѣкъ, но сверхъ сего въ занятіяхъ кружка могутъ принимать участіе профессора, а также, съ особаго разрѣшенія руководителя, приватъ-доценты и оставленные при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

V. Рефераты, имѣющіе научное значеніе, могутъ печататься въ „Запискахъ университета“. По мѣрѣ накопленія сообщеній, послѣднія могутъ съ надлежащаго разрѣшенія университетскаго начальства печататься въ видѣ особыхъ сборниковъ **).

Уставы остальныхъ кружковъ, какъ было уже сказано, представляютъ почти точную копію этого, съ небольшими и малозначительными отступленіями: такъ, напр., дозволенная норма членовъ у однихъ *больше, у другихъ меньше* ***), въ одни допускаются гости, въ другіе нѣтъ.

Самое существенное отличіе, — впрочемъ, какъ увидимъ ниже, въ силу извѣстныхъ условій мало вліяющее на ходъ дѣла, — за-

---

*) Оффиціально кружокъ не имѣетъ устава, а только «правила».

**) Правила утверждены Боголѣповымъ 12 янв. 1901 года.

***) Впрочемъ, нигдѣ она не поднимается даже до сотни при количествѣ студентовъ около 1400 челов.

ключается въ указаніи болѣе широкихъ цѣлей научно-литературному кружку, § 1 „правилъ“ котораго гласитъ:

„Съ цѣлью развитія въ студентахъ научной самодѣятельности и расширенія ихъ научно литературныхъ интересовъ по предметамъ русской и западно-европейской литературы, *а также въ видахъ сближенія студентовъ между собой и съ профессорами на почвѣ этихъ интересовъ*, образуется при историко-филологическомъ факультетѣ студенческій научно-литературный кружокъ“.

Съ такими инструкціями вступили одинъ за другимъ въ жизнь харьковскіе студенческіе кружки, съ такими инструкціями дѣйствуютъ они и теперь. Ихъ существованіе было не богато событіями и часто казалось, что не далека минута ихъ гибели; однако, угасшая искра дѣятельности разгоралась снова, и они оживали.

Особенно суровая доля ожидала старѣйшій изъ нихъ, экономическій кружокъ. Открытый въ мартѣ 1900 года, онъ послѣ пяти засѣданій собрался въ послѣдній разъ 30 октября того же года, чтобы ближе выяснить свои задачи и намѣтить дальнѣйшій планъ дѣйствій. Съ этого рокового дня его собранія не возобновлялись ровно два года, вплоть до октября 1902 года; съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ еще 5 засѣданій. Такимъ образомъ, внѣшняя продуктивность его работъ выразилась въ одиннадцати собраніяхъ, на которыхъ было прочитано 8 рефератовъ и обсуждались „текущія дѣла“.

Изъ двухъ слѣдующихъ кружковъ, научно-литературнаго и философско-богословскаго, открывшихся почти одновременно, зимою 1901 года,— послѣдній испыталъ участь, подобную экономическому: послѣ перваго засѣданія въ его дѣятельности наступилъ продолжительный перерывъ, благодаря чему со времени своего открытія онъ собирался всего около трехъ разъ, чтобы прослушать такое же количество рефератовъ.

Гораздо успѣшнѣе дѣйствовалъ научно-литературный кружокъ, собиравшійся за это время семь разъ и заслушавшій отъ своихъ членовъ 9 сообщеній на довольно широкія и разнообразныя темы. Его дѣятельность протекала безъ особаго оживленія, но и безъ всякихъ перерывовъ: были рефераты — читали сразу по два, не хватало—прибѣгали къ простымъ бесѣдамъ „на темы“.

Четвертый кружокъ, государственныхъ наукъ, открывшій свою дѣятельность только въ послѣднемъ 1902—03 акад. году въ октябрѣ мѣсяцѣ, имѣлъ за годъ около четырехъ засѣданій съ такимъ же количествомъ рефератовъ. Его собранія были едва ли не самыми многолюдными, но, къ сожалѣнію, не столь же многочисленными.

Даже послѣ этого, болѣе чѣмъ поверхностнаго историческаго очерка дѣятельности харьковскихъ студенческихъ кружковъ можно же замѣтить, что въ общемъ дѣятельность эта оставляетъ желать

многаго въ смыслѣ своей продуктивности и оживленія. Вышеприведенныя „правила" ихъ въ сопоставленіи съ нѣкоторыми деталями ихъ существованія укажутъ намъ глубокія фактическія взаимоотношенія и внутреннія причины, стоящія за только что приведенными сухими цифрами. Намъ часто придется ссылаться на букву этихъ „правилъ" и потому, быть можетъ, насъ станутъ даже упрекать въ одностороннемъ, чисто-внѣшнемъ пониманіи существующихъ на дѣлѣ отношеній. Но за „буквами" скрываются понятія, покрывающія, въ свою очередь, цѣлыя группы реальныхъ фактовъ, и потому на первыя часто приходится обращать преимущественное вниманіе, особенно когда словесная стѣна является непререкаемой границей. Здѣсь будетъ излишнимъ распространяться о томъ, что важнѣе: учрежденія или люди, въ учрежденіяхъ дѣйствующіе, законы или исполнители, ихъ толкующіе: истина, быть можетъ, и тутъ лежитъ посрединѣ, и люди и учрежденія, быть можетъ, одинаково важны для жизни.

Главная и общая всѣмъ харьковскимъ студенческимъ организаціямъ особенность, — къ тому же, нужно сказать, особенность мѣстная — заключается въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло *съ факультетскими кружками*. Въ исторіи того движенія, о которомъ мы говорили въ началѣ очерка, мы не встрѣчаемъ болѣе примитивной формы организаціи, чѣмъ эта. Даже болѣе: это не есть организація по существу, а только еще первоначальная, лишенная самодовлѣющей цѣли, ячейка другихъ болѣе широкихъ организацій. Впрочемъ, она и не претендуетъ на характеръ организаціи и не имѣетъ даже своего „устава": у нея есть нѣкоторыя правила, но эти правила опредѣляютъ лишь ея границы, а не указываютъ ей тѣхъ или иныхъ формъ жизни. Цѣль такихъ организацій ясна и крайне несложна: это занятія государственными, экономическими и другими науками. Только въ одномъ, лучшемъ случаѣ, сфера дѣятельности расширяется и научно-литературный кружокъ организуется, какъ мы видѣли, съ цѣлью развитія въ студентахъ научной самодѣятельности въ извѣстной области *и въ видахъ сближенія студентовъ между собою и съ профессорами на научной почвѣ*. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, и эта прибавка осталась лишенной жизненнаго значенія и изолированной по существу, потому что не нашла себѣ поддержки и почвы въ остальныхъ пунктахъ правилъ.

Однако, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что потребность именно въ настоящей организаціи, удовлетворяющей болѣе широкимъ цѣлямъ, чувствовалась уже устроителями названныхъ кружковъ; едва ли не она и была главнымъ стимуломъ, вызвавшимъ ихъ къ жизни, такъ какъ сами учредители экономическаго и кружка государственныхъ наукъ, не говоря уже о научно-литературномъ, обсуждая принципіально вопросы кружковщины, въ качествѣ самаго сильнаго довода raison d'être студенческихъ орга-

низацій выставляли ихъ *общеобразовательное и воспитательное въ общественномъ смыслѣ значеніе*. Съ другой стороны, мы знаемъ, что уже на 4-мъ засѣданіи, открывавшемъ собою новый годъ дѣятельности, экономическій кружокъ въ недоумѣніи долженъ былъ остановиться надъ вопросомъ о способахъ оживленія своихъ собраній. Причиною своего относительнаго неуспѣха онъ призналъ непривычку студентовъ къ кружковой жизни и отсутствіе достаточной научной подготовки; тѣмъ не менѣе было рѣшено не оставлять разъ начатаго дѣла: первый при Харьковскомъ университетѣ экономическій кружокъ постановилъ продолжать работу по мѣрѣ силъ, „сознавая свою отвѣтственность передъ идеей кружковъ“. Это было въ началѣ октября 1900 года, а съ конца этого мѣсяца, какъ уже указывалось, дѣятельность кружка прервалась на цѣлыхъ два года...

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала и самими кружками была отмѣчена общая слабость ихъ функціонированія, и жалобы эти раздаются въ нихъ до сихъ поръ. Чтобъ устранить препятствіе, которое, по наблюденіямъ участниковъ кружка, оказывала успѣху засѣданій общая научная неподготовленность студентовъ, прибѣгли къ организаціи занятій по системѣ и къ упрощеннымъ бесѣдамъ на темы *). Однако, указанныя мѣры не привели къ желаемымъ и ожидаемымъ результатамъ, да и было бы слишкомъ неосторожно разсчитывать на скорое дѣйствіе съ ихъ стороны: физіономіи общественныхъ учрежденій мѣняются исподоволь и съ трудомъ. Какъ бы то ни было, прежняя вялость продолжала ощущаться всюду, и для борьбы съ другимъ зломъ—непривычкой студентовъ къ общественной жизни—кружки не нашли даже и такихъ дѣйствующихъ медленно средствъ. Стали слышаться упреки въ безсодержательности и отсутствіи „живого интереса“ въ рефератахъ, и скептики изъ широкой студенческой среды уже останавливались передъ учредителями кружка съ вопросомъ, когда-то вложеннымъ Некрасовымъ въ уста подписчика своего журнала:

«Какіе вы трактуете предметы?
Проказы домовыхъ, пословицы, примѣты,
О роли пѣтуха въ языческомъ быту;
Значенье кочерги, исторію ухвата»?!.

Но и живыя темы рождаются не сами собою, особенно если имъ указаны весьма опредѣленныя рамки. Приходится прибѣгать къ очевиднымъ нарушеніямъ границъ, указываемыхъ правилами, и на засѣданіи кружка, созданнаго для занятій по исторіи русской и западно-европейской литературы, читается der epochemachende Vortrag на тему „есть ли исторія только эволюція?“ для

*) Таково, напр., засѣданіе научно-литературнаго кружка отъ 20 октября, посвященное собесѣдованію по поводу взглядовъ Л. Н. Толстого, высказанныхъ имъ въ предисловіи къ роману Фонъ-Поленца «Крестьянинъ» и друг.

слушанія котораго, дѣйствительно, вопреки обыкновенію, собирается много студентовъ и нѣсколько профессоровъ. Впрочемъ, послѣдній изъ кружковъ—для занятій государственными науками,—равно какъ и философско-богословскій, собиралъ на свои засѣданія человѣкъ по пятидесяти и болѣе, не выступая изъ рамокъ своей программы: это, правда, были живыя и даже современныя темы о „національномъ вопросѣ“ и „юридическомъ положеніи Финляндіи“ или о „la vie de Jésus-Christ“ Ренана, о томъ, „разрѣшилъ ли свящ. Петровъ еврейскій вопросъ“, темы, какія всегда и вездѣ можно найти въ любой области для временнаго подъема интереса и вниманія слушателей.

Однако, и эта мѣра не привела къ серьезнымъ и прочнымъ результатамъ: прибѣгая къ обходу правилъ или къ искусственнымъ и кратко дѣйствующимъ пріемамъ, кружки не переставали чувствовать, что истинный непререкаемый успѣхъ лежитъ еще гдѣ-то далеко. Мечтая, какъ говорится, о золотомъ вѣкѣ, участники кружковъ изыскивали средства оправданія своего дѣла, указывая, что собранія студентовъ интересны уже тѣмъ, что представляютъ нѣкоторый „матеріалъ для ознакомленія съ настроеніями и запросами товарищей“. Приходилось уже прибѣгать къ реабилитаціи, хотя никто еще не высказывался принципіально противъ самой идеи кружковщины среди студентовъ. Очевидно, почва колебалась подъ ногами самихъ участниковъ раньше, чѣмъ вокругъ почувствовали это, и, что бъ не дискредитировать дѣла, по прежнему оставалось пріискивать ему „raison d'être. Къ концу минувшаго 1902—03 академическаго года недовольные голоса стали слышаться все чаще и громче, и у нѣкоторыхъ вырвалась знаменательная фраза, давнымъ давно напрашивавшаяся сама собою:

„Въ сущности, говорили эти голоса, наши *кружки мало чѣмъ отличаются отъ практическихъ занятій*; развѣ только тѣмъ, что послѣднія являются для насъ обязанностью, тогда какъ участіе въ первыхъ представляетъ право. Вѣрнѣе всего, что *причины никому ненужнаго прозябанія нашихъ кружковъ кроются въ самой ихъ организаціи*“.

Таково было послѣднее слово жизненнаго опыта харьковскихъ студенческихъ кружковъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ сами дѣятели мѣстной кружковщины указали намъ путь дальнѣйшихъ и окончательныхъ наблюденій надъ жизнью ихъ организацій. Почти еще въ самомъ началѣ дѣятельности одного изъ кружковъ руководитель его, привѣтствуя вновь вступившихъ членовъ, счелъ нужнымъ оговориться, что данный кружокъ „никоимъ образомъ нельзя считать аналогичнымъ по характеру своей организаціи съ практическими занятіями, установленными нынѣ по всѣмъ предметамъ курса; хотя цѣль кружка близко соприкасается съ цѣлью практическихъ занятій „путемъ совмѣстныхъ занятій и товарищеской бесѣды удо-

влетворить своимъ научнымъ запросамъ", но кардинальное различіе заключается въ способахъ достиженія цѣли: тогда какъ при практическихъ занятіяхъ „бесѣда" идетъ по программѣ и въ рамкахъ, поставленныхъ профессоромъ, какъ руководителемъ практическихъ занятій; руководитель настоящаго кружка формально является только отвѣтственнымъ лицомъ за дѣятельность „кружка". Какъ видимъ, харьковскимъ студентамъ и профессорамъ уже давно было ясно, что ихъ кружки являюся только усовершенствованнымъ видомъ практическихъ занятій, ибо ведутъ съ ними къ одной и той же цѣли, на что, впрочемъ, весьма опредѣленно указывали еще и самыя „правила" ихъ (за исключеніемъ правилъ научно-литературнаго кружка).

Если дѣйствительно это такъ, то позволительно спросить, почему обязательнымъ практическимъ занятіямъ не сообщить тѣхъ же совершенныхъ методовъ, когда все дѣло сводится къ простому удовлетворенію научныхъ запросовъ, и тѣмъ устранить никому ненужную фикцію студенческихъ кружковъ? Но дѣло въ томъ, что даже и тѣ „иные способы достиженія цѣли", о которыхъ говорилъ профессоръ-руководитель, далеко не чужды современной постановкѣ практическихъ занятій въ нашихъ университетахъ: часто преподаватель высшей школы совершенно не опредѣляетъ программы занятій своихъ учениковъ, предоставляя имъ полную свободу въ выборѣ темъ изъ области трактуемой имъ науки, а факультетскіе кружки, пріуроченные въ буквальномъ смыслѣ къ отдѣльнымъ каѳедрамъ, не представляютъ въ этомъ отношеніи большого простора личной самодѣятельности и иниціативѣ. Уже одно отвѣтственное руководство профессора, назначаемаго для каждаго кружка попечителемъ по представленію декана, придаетъ имъ принудительный характеръ, какого лишены теперь даже нѣкоторые университетскіе курсы, гдѣ слушателямъ предоставляется самимъ избирать предметъ и лектора. Далѣе, ограниченіе числа членовъ кружка, предварительное одобреніе темъ руководителемъ, время „занятій" (sic) и бесѣдъ, опредѣляемое имъ же, еще болѣе сокращаютъ способы достиженія цѣли, о которыхъ только что говорилось со словъ профессора руководителя, и даже совсѣмъ отрицаютъ ихъ. Наконецъ, разрѣшеніе руководителя, требуемое для полученія права участія въ кружкѣ отъ студента и каждаго члена профессорской коллегіи, создаетъ послѣднее ограниченіе, не оправдываемое сущностію дѣла и фактически не приводящее ни къ какому практическому результату. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, является ли еще организація кружковъ шагомъ впередъ по пути развитія въ студентахъ научной самодѣятельности, и не лучше ли, если дѣло идетъ только о совмѣстныхъ бесѣдахъ, удовлетворяющихъ научнымъ запросамъ, остаться на почвѣ обычныхъ практическихъ занятій?

Намъ могутъ, впрочемъ, сказать, что „буква" одно, а дѣстви-

тельность нѣчто другое. Но мы уже говорили объ этомъ, и стоитъ ли повторять, что жизнь, разумѣется, всегда опережаетъ даже „самое послѣднее слово“. О „буквахъ“, быть можетъ, не стоило бы и говорить, если бъ въ жизни людей онѣ не играли роли дорожныхъ столбовъ, указующихъ путь тому, кто не научился самъ искать дороги. Пусть всѣ эти „правила“, цитированныя нами, давно забыты и устранены дѣйствительностью: къ чему тогда они, если прямой ихъ смыслъ давно утратилъ свое жизненное значеніе, а люди все еще оглядываются на нихъ и давно, уже идя новымъ, окольнымъ путемъ, боязливо озираются, не сбились ли они со старой дороги. Вѣдь „правила“ эти не покрывали кружковъ даже при ихъ возникновеніи, а послѣдніе уже нѣсколько лѣтъ все еще создаются по ихъ ранжиру.

Въ этомъ несоотвѣтствіи „буквы“ истиннымъ потребностямъ и задачамъ жизни и таится причина ихъ безцѣльнаго прозябанія.

Выше сказанное, думается намъ, довольно ясно показало, чего искали и чего не нашли въ своихъ кружкахъ харьковскіе студенты,—иначе, въ чемъ расходилась „буква“ уставовъ, по которымъ кружки эти были построены и которой они даже не всегда держались, и живые запросы студентовъ, этотъ чуткій показатель своего времени. *Они искали въ нихъ средства пополнить свое общее образованіе и удовлетворить пробуждающимся инстинктамъ общественности.* Жалобы на сухость и однообразіе рефератовъ—типичный протестъ противъ узкой спеціализаціи научной программы, положенной въ основу организаціи кружка. Желаніе сохранить хоть и этотъ несовершенный видъ организаціи только потому, что „знакомишься съ интересами и запросами товарищей, съ ихъ умоначертаніемъ“—типичное проявленіе инстинктовъ общественности въ ихъ первоначальной, несложной стадіи.

Мы видѣли уже, что представляютъ изъ себя кружки въ первомъ изъ указанныхъ отношеній, т. е. въ смыслѣ соотвѣтствія ихъ научной программы истиннымъ запросамъ студенчества. Являясь весьма неудачной организаціей даже сравнительно съ обыкновенной постановкой практическихъ занятій, они не даютъ молодежи ничего, кромѣ того, что она можетъ услышать на лекціяхъ и семинаріяхъ любого профессора-спеціалиста, если же и даютъ, то или случайно, спорадически, или просто выходя изъ рамокъ указанной программы.

Что касается второго вопроса—о соотвѣтствіи организаціи кружковъ общественнымъ запросамъ студентовъ,—то и здѣсь приходится отмѣтить то же самое: кружки являются рѣшительнымъ и полнымъ игнорированіемъ этихъ запросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражается хотя бы общая прикосновенность къ данному кружку отдѣльныхъ студентовъ: чисто условнымъ механическимъ соединеніемъ, часто пріуроченнымъ

даже къ факультетамъ и курсамъ. Организаціи нѣтъ ни въ засѣданіяхъ, ни внѣ ихъ: гости и члены фактически одно и тоже, и должностныя лица,—даже и здѣсь не обойдешься безъ нихъ,— „предлагаютъ сами себя и выбираются молчаніемъ". Именно этимъ юридическимъ безправіемъ объясняется тотъ странный для участниковъ, но крайне понятный со стороны фактъ, что при возникновеніи какихъ-либо общихъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью кружка,—даже и здѣсь ихъ не избѣжать—всѣ вопросительно поглядываютъ другъ на друга, предоставляя дѣло сужденію и рѣшенію руководителя. Вотъ почему вторая часть 1-го пункта правилъ научно-литературнаго кружка, какъ мы уже отмѣтили, является рѣзкимъ диссонансомъ съ общимъ ихъ контекстомъ: сближеніе студентовъ съ профессорами и между собою не можетъ при такихъ условіяхъ быть инымъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ аудиторіи.

Итакъ, сами факты недавняго прошлаго указываютъ намъ путь, которымъ должны слѣдовать студенческіе кружки въ своей организаціи. Сообразно двухстороннему характеру запросовъ, которые предъявляетъ къ нимъ студенчество и которые давно уже оффиціально признаны и подлежащею властью, необходимо различать двѣ стороны и въ этой организаціи: функціи ея, какъ органа, призваннаго служить цѣлямъ общаго образованія, и функціи ея, какъ органа воспитательнаго въ общественномъ смыслѣ.

Само собою разумѣется, что, преслѣдуя первую цѣль, студенческое общество должно ставить во главѣ своего устава широкую научную программу, или ограниченную какимъ-либо опредѣленнымъ цикломъ наукъ (гуманитарныхъ, естественныхъ и т. д.), или включающую въ себѣ всѣ области университетскаго (и спеціальнаго) преподаванія. Для большей чисто-научной продуктивности весьма удобно разбить общество на рядъ секцій по спеціальностямъ, вынося рефераты съ наиболѣе широкими темами для чтенія на соединенныхъ, т. е. общихъ засѣданіяхъ всѣхъ секцій, что не мѣшаетъ, конечно, организаціи дѣла въ отдѣльныхъ секціяхъ съ общеобразовательной точки зрѣнія. Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является постановка работъ въ историко-филологическомъ студенческомъ обществѣ въ Москвѣ *), гдѣ въ секціи исторіи возникали въ свое время оживленныя пренія относительно характера темъ для рефератовъ, приведшія въ итогѣ къ рѣшительному примиренію крайнихъ взглядовъ, высказывавшихся по этому вопросу: постановлено было, не стѣсняя выбора темъ самими референтами, какъ бы спеціальны онѣ ни были, предложить рядъ наиболѣе общихъ и интересныхъ вопросовъ по всеобщей и русской исторіи въ качествѣ примѣрной программы занятій для исторической секціи. Результаты не

*) Подробнѣе см. статью автора въ «Русск. Вѣд.», № 12, 1903 года.

замедлили сказаться: засѣданія съ рефератами по русской исторіи, болѣе близко знакомой для студенчества, проходили при большомъ стеченіи представителей самыхъ разнообразныхъ факультетовъ и курсовъ; сообщенія по всеобщей исторіи—этой падчерицѣ русскаго просвѣщенія—привлекали болѣе однообразную и менѣе многочисленную группу слушателей, хотя и сопровождались столь же, а иногда и болѣе оживленными и горячими спорами. Для провинціальныхъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, хотя бы и столичныхъ, намъ представляется особенно умѣстной и цѣлесообразной организація студенческихъ обществъ, покоящихся именно на такой основѣ широкой научной программы, объединяющей въ себѣ всѣ циклы университетскихъ и спеціальныхъ наукъ: сравнительная малочисленность учащейся молодежи, отсутствіе нѣкоторыхъ факультетовъ и узкая, сухая спеціализація отдѣленій (въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), при такой постановкѣ дѣла, какъ нельзя болѣе способствуетъ продуктивному обмѣну мнѣній, взаимному общенію спеціалистовъ между собою и живому единенію товарищей на почвѣ высшихъ духовныхъ интересовъ. Это характерно сказывается въ проектѣ устава студенческаго общества при императорскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ, къ сожалѣнію, все еще остающемся только на бумагѣ, и до сихъ поръ еще не прошедшемъ надлежащихъ инстанцій. Первый § его ставитъ обществу цѣлью „совмѣстное изученіе вопросовъ науки, искусства и литературы и единеніе студентовъ съ профессорами и между собою на почвѣ научныхъ интересовъ". Студенчество, повидимому, весьма опредѣленно стремится въ данномъ случаѣ пополнить тотъ пробѣлъ, который оно по необходимости замѣчаетъ въ своемъ общемъ образованіи, и старается *совмѣстными* усиліями устранить этотъ недостатокъ: каждый будетъ вносить въ это общее дѣло свои знанія и труды, и уча другихъ, самъ учиться у нихъ въ разнообразныхъ сферахъ проявленія человѣческаго духа.

Уже изъ только что сказаннаго ясно, какой широкій просторъ самодѣятельности студентовъ представляетъ разумное и цѣлесообразное выполненіе на дѣлѣ этой широкой общеобразовательной программы: выработка организаціи, направленной на это, и послужитъ естественной школой общественности для молодежи. Все, начиная отъ выработки устава и кончая его примѣненіемъ въ дѣйствительности, должно быть возложено на студентовъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможенъ истинный интересъ къ дѣлу и горячее желаніе дальнѣйшаго его развитія: человѣкъ, особенно въ эту пору, склоненъ болѣе всего дорожить тѣмъ, въ чемъ видитъ хоть часть своего творенія. Мало поставить широкую и благую цѣль, какъ наблюдаемъ мы это на примѣрѣ научно-литературнаго харьковскаго студенч. кружка: необходимо чтобы были на лицо и средства для ея осуществленія, чтобы

разносторонней общеобразовательной программѣ соотвѣтствовала широкая самоуправляющаяся организація, ведущая къ выработкѣ привычекъ самоустройства, самодѣятельности.

Такъ первая задача общества органически обусловливаетъ другую и опредѣляетъ даже малѣйшія детали ея рѣшенія. На самомъ дѣлѣ, дѣйствительный успѣхъ научной программы прежде всего вызоветъ къ жизни отдѣльныя секціи по спеціальностямъ съ ихъ самостоятельными руководящими органами (бюро или совѣтами); общая всѣмъ секціямъ общеобразовательная цѣль объединитъ ихъ въ соединенномъ собраніи всего общества съ центральнымъ органомъ во главѣ, состоящимъ изъ представителей секціонныхъ бюро или совѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ и въ академической корпораціи, какой по существу является университетъ, общее руководство будетъ принадлежать и здѣсь старшимъ членамъ коллегіи—профессорамъ.

Для характеристики практическаго осуществленія высказанныхъ теоретическихъ построеній лучше всего обратиться къ соотвѣтствующимъ частямъ уставовъ московскихъ студенческихъ обществъ, являющихся, какъ намъ кажется, выраженіемъ только что высказанныхъ взглядовъ. Мы возьмемъ нѣкоторые пункты устава „студенческаго общ-ва искусствъ и изящной литературы", какъ наиболѣе поздняго и подробнѣе развитаго.

§ 2. Для достиженія своихъ цѣлей общество:

I. Организуетъ преподаваніе по отдѣльнымъ искусствамъ, для чего и приглашаетъ руководителей какъ изъ среды студенчества, такъ и изъ лицъ постороннихъ университету, на установленныхъ для приглашенія преподавателей искусствъ основаніяхъ (ст. 441 п. III, 6. т. XI св. зак.).

2) Устраиваетъ спектакли, концерты, литературно музыкальные вечера, выставки и т. д. не только въ помѣщеніи университета, но и внѣ онаго, на общихъ основаніяхъ.

3) Печатаетъ труды членовъ въ видѣ сборниковъ и періодическихъ изданій, съ разрѣшенія университета.

4) Составляетъ библіотеку.

5) Открываетъ по мѣрѣ надобности въ своемъ составѣ спеціальныя секціи какъ-то: драматическую, музыкальную, вокальную и проч.

§ 6. Общество состоитъ изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 7. Почетными членами, по избранію общаго собранія, могутъ быть лица, извѣстныя своими работами въ области искусствъ и изящной литературы, а также лица, оказавшія обществу услуги своими трудами. Дѣйствительными членами общества могутъ быть: студенты всѣхъ факультетовъ Московскаго университета, профессора, приватъ-доценты и всѣ лица, занимающіяся научно-преподавательской дѣятельностью при Московскомъ университетѣ.

Примѣчаніе 1. Общество избираетъ преподавателей искусствъ и ходатайствуетъ о приглашеніи избранныхъ въ установленномъ порядкѣ. Бюро общества приглашаетъ къ участію въ своихъ вечерахъ, спектакляхъ и проч. лицъ обоего пола, хотя бы и постороннихъ университету.

Примѣчаніе 2. Почетные члены и лица постороннія университету, приглашаемыя къ участію въ спектакляхъ, вечерахъ и проч., не пользуются ни активнымъ, ни пассивнымъ правомъ выбора на должности и присутствуютъ на засѣданіяхъ лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 8. По утвержденіи Устава Общество считается открытымъ въ составѣ членовъ учредителей и приглашенныхъ ими, въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, лицъ изъ преподавательскаго персонала. Лица эти образуютъ первое Общее Собраніе, которое и производитъ избраніе должностныхъ лицъ общества.

Примѣчаніе. Членами учредителями считаются всѣ лица, подписавшія проектъ настоящаго устава.

§ 9. Дальнѣйшее избраніе дѣйствительныхъ членовъ производится слѣдующимъ образомъ: кандидатъ предлагается не менѣе чѣмъ двумя членами въ бюро общества; если послѣднее не выражаетъ большинствомъ $^3/_4$ голосовъ всѣхъ членовъ своего несогласія, кандидатъ предлагается въ общемъ собраніи, и выборы производятся въ слѣдующемъ общемъ собраніи закрытой баллотировкой простымъ большинствомъ голосовъ.

Примѣчаніе. Въ особо важныхъ случаяхъ и при условіи единогласнаго предложенія Общаго Бюро, Общее Собраніе имѣетъ право исключать членовъ изъ состава Общества, для чего требуется согласіе не менѣе $^3/_4$ участниковъ собранія.

§ 10. Дѣлами общества управляетъ Общее Собраніе, Общее Бюро и Бюро Секціонныя.

§ 11. Вѣдѣнію Общаго Собранія подлежитъ:

1) Возбужденіе ходатайствъ объ измѣненіи и дополненіи Устава.

2) Выборы должностныхъ лицъ въ Общее Бюро, а также почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

Примѣчаніе. Кандидаты въ товарищи предсѣдателя, какъ всего общества, такъ и секцій предлагаются избирательному собранію предсѣдателемъ его.

3) Разрѣшеніе на открытіе отдѣльныхъ секцій.

4) Разрѣшеніе на устройство публичныхъ вечеровъ.

5) Выборъ ревизіонной коммиссіи для ревизіи расходовъ суммъ Общества Общимъ Бюро.

6) Утвержденіе отчетовъ и ежегодныхъ проектовъ смѣтъ, представляемыхъ Общимъ Бюро.

7) По мѣрѣ надобности выборъ спеціальныхъ коммиссій.

§ 12. Общія Собранія происходятъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества или товарища его, избираемыхъ изъ числа профессоровъ и преподавателей Университета, послѣднихъ—съ разрѣшенія Совѣта *).

§ 13. Общее Бюро состоитъ изъ предсѣдателя Общества, товарища его, не менѣе чѣмъ изъ пяти членовъ студентовъ, секретаря, казначея, библіотекаря—тоже студентовъ, и изъ представителей всѣхъ секцій по одному отъ каждой, избираемыхъ секціонными Бюро изъ числа своихъ членовъ. Предсѣдатели секцій и ихъ товарищи также имѣютъ право участвовать въ засѣданіяхъ Общаго Бюро съ правомъ рѣшающаго голоса. Всѣ указанныя должностныя лица избираются на одинъ годъ.

§ 14. Вѣдѣнію Общаго Бюро подлежитъ:

1) Предварительное разсмотрѣніе сообщеній, представляемыхъ для доклада Общему Собранію, и рѣшеніе вопроса о томъ, соотвѣтствуютъ ли таковыя программѣ Общества, чтобы быть прослушанными въ Общемъ Собраніи.

2) Составленіе отчетовъ и ежегодныхъ проектовъ смѣтъ.

3) Назначеніе конкурсовъ по различнымъ отраслямъ искусства на соисканіе премій.

4) Предварительное разсмотрѣніе вопросовъ, подлежащихъ внесенію въ Общее Собраніе, и установленіе программы занятій въ Общихъ Собраніяхъ.

§ 15. Бюро секціонныя состоятъ изъ предсѣдателя секціи, товарища его и трехъ членовъ, избираемыхъ секціоннымъ собраніемъ: предсѣдатель и товарищъ его избираются изъ числа профессоровъ, приватъ-доцентовъ и вообще лицъ, занимающихся научно-преподавательской дѣятельностью въ Университетѣ, а три члена—изъ числа студентовъ.

§ 16. Вѣдѣнію секціонныхъ бюро подлежатъ тѣ же дѣла, что и Общему Бюро, только въ предѣлахъ секціи.

§ 17. Отдѣльныя секціи вырабатываютъ себѣ инструкціи, которыя и сообщаютъ Общему Собранію.

§ 18. Собранія Общества дѣлятся на распорядительныя (общія и секціонныя) и исполнительныя. Послѣднія могутъ быть какъ публичными, такъ и непубличными. Въ томъ случаѣ, когда

*) Изъ сопоставленія этого § съ § 2 того же устава явствуетъ, что во главѣ общества или отдѣльныхъ секцій его можетъ стоять лицо хотя бы и постороннее унив—ту, напр. какой-либо представитель сценическаго искусства, приглашенное студентами въ качествѣ руководителя, но утвержденное совѣтомъ въ качествѣ преподавателя.

публичныя собранія преслѣдуютъ благотворительную цѣль, члены Общества платятъ за входъ на общихъ основаніяхъ. За входъ на остальныя публичныя и исполнительныя собранія Общества члены платятъ половину номинальной стоимости билета.

§ 19. Члены Общества имѣютъ право записываться во всѣ секціи.

§ 20. Выборы во всѣ должности производятся закрытой баллотировкой каждаго кандидата въ отдѣльности.

Таковы тѣ главныя практическія положенія, которыя, по нашему мнѣнію, обезпечиваютъ, если и не вполнѣ, то въ значительной степени, соотвѣтствіе организаціи студенческаго общества его цѣлямъ. Нельзя поэтому не порадоваться, что уставы московскихъ студенческихъ обществъ начинаютъ уже приниматься за извѣстнаго рода образецъ при созданіи новыхъ аналогичныхъ „учрежденій“. Такъ, напр., по скольку намъ извѣстно, такъ называемыя „научныя бесѣды“, функціонировавшія при ист.-фил. факультетѣ Петерб. унв-та подъ предсѣд. проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго съ 1894 года, проектируютъ въ недалекомъ будущемъ претвориться въ студенческое Общ-во на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Къ тому же, кажется, стремится и харьковскій технологическій институтъ.

Послѣдняя страница исторіи харьковскихъ студенческихъ кружковъ звучитъ особенно грустнымъ аккордомъ. Въ свое время она кратко и краснорѣчиво была отмѣчена въ мѣстномъ органѣ печати—„Харьк. губ. Вѣд.“, и потому мы ограничимся здѣсь простой перепечаткой *). „Совѣтъ харьковскаго университета выслушалъ 2 предложенія управляющаго округомъ, касающіяся проектовъ уставовъ 2-хъ студенческихъ кружковъ: перваго—для занятій гражданскимъ правомъ и другого—для занятій психологіей художественнаго творчества. Въ оба проекта управляющій округомъ внесъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, касающіяся какъ принципіальной стороны вопроса, такъ и его деталей. Студентамъ отводится чисто-научная дѣятельность, и въ управленіи кружка юридически они не участвуютъ. Въ проектѣ кружка цивилистовъ имѣется въ измѣненномъ видѣ пунктъ о совмѣстныхъ занятіяхъ съ другими кружками и по особому на каждый случай разрѣшенію ректора. Въ такихъ соединенныхъ засѣданіяхъ кружка предсѣдательствуетъ руководитель, указанный ректоромъ. Прежнее правило о максимумѣ членовъ въ кружкѣ (30 челов.) измѣнено въ томъ смыслѣ, что въ кружкѣ участвуютъ всѣ студенты-юристы 3-го и 4-го курсовъ. Проекты въ измѣненномъ видѣ переданы совѣтомъ юридическому и филологическому факультетамъ для исполненія“.

---

*) См. «Рус. Вѣд.» отъ 29 сент. 1902 г., откуда я заимствую это сообщеніе.

Къ сожалѣнію, послѣднее оказалось лишнимъ, исполнителей не нашлось, и кружки вотъ уже цѣлый годъ существуютъ лишь на бумагѣ. Правда, многихъ изъ учредителей охладило чрезмѣрно долгое странствіе „правилъ“ въ ожиданіи ихъ утвержденія, хотя послѣднія и были просто списаны съ разрѣшенныхъ и дѣйствующихъ, но характеренъ уже одинъ тотъ фактъ, что среди студенчества начинаютъ совершенно индифферентно относиться къ образованію новыхъ кружковъ. Даже не слышатся уже голосовъ: „Все-таки, хоть какая ни на есть, а организація!..“ Остается надѣяться что поворотъ на новый, болѣе широкій и правильный путь, который намѣчается въ практикѣ осуществленія русскихъ студенческихъ обществъ, спасетъ для новой весны и цѣнное сѣмя харьковскихъ студенческихъ кружковъ, не давъ имъ зачахнуть въ сторонѣ отъ живого и благодѣтельнаго движенія.

А. Анисимовъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ „Текущая жизнь“ (ноябрь) сдѣланы слѣдующія погрѣшности:

Страница:	*Напечатано:*	*Должно быть:*
125, строка 12 сверху	не господствующія	господствующія.
— строка 8 снизу.	не растетъ.	растетъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

От С. А. Ширяева изъ Уварова — 4 р.; И. М. Карпова въ Сулинѣ— 2 р.

Итого . . . 6 р. — „

А всего съ прежде поступившими 3.468 р. 6 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова.**

От С. А. Ширяева изъ Уварова—4 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 261 р. 70 к.

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко:**

От С. А. Ширяева изъ Уварова—3 р.; И. М. Карпова въ Сулинѣ—2 р. 50 к.; отъ подписчика „Русскаго Богатства" № 3320, изъ Новониколаевки—2 р.; черезъ Московское отдѣленіе конторы отъ Н. С.—1 р. и W—1 р.

Итого . . . 9 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 33 р. — „

общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Пр. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ **«Права»** безплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ **«Правѣ»** помѣстили статьи слѣдующія лица: К. К. Арсеньевъ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, проф. Берлинскаго ун. В. I. Борткевичъ, пр.-доц. Ф. А. Вальтеръ, М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфертъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, сенаторъ А. Г. Гасманъ, пр.-доц. М. И. Гернетъ, пр.-доц. М. Я. Герценштейнъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, проф. В. М. Гордонъ, пр.-доц. М. Б. Горенбергъ, О. О. Грузенбергъ, проф. А. Г. Гусаковъ, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, проф. Н. Л. Дювернуа, Г. Г. Евангуловъ, В. Б. Ельяшевичъ, проф С. И. Живаго, проф. А. А. Жижиленко, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Н. И. Iорданскій, проф. И. А. Ивановскій, сенаторъ А. Ѳ. Кони, баронъ С. М. Корфъ, Н. И. Кузнецовъ, Д. А. Левинъ, А. А. Леонтьевъ, Д. Д. Лобановъ, В. О. Люстихъ, проф. А. С. Лыкошинъ, пр.-доц. I. В. Михайловскій, пр.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, баронъ А. М. Нолькенъ, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышъ, В. А. Мякотинъ, проф. Берлинскаго ун. Dr. Oertmann, проф. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пиленко, проф. А. А. Піонтковскій, П. А. Потѣхинъ, А. С. Пругавинъ, И. М. Рабиновичъ, М. А. Рейснеръ, Ѳ. И. Родичевъ, проф. Н. Н. Розинъ, В. И. Семевскій, В. Д. Спасовичъ, М. А Стаховичъ, И. М. Страховскій, сенаторъ Н. С. Таганцевъ. Е. Н. Тарновскій, пр.-доц. В. М. Устиновъ, проф. И. Я. Фойницкій, Ж. В. Хижниковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цитовичъ. пр.-доц. И. Ф. Цызыревъ, пр. доц. К. В. Шавровъ, пр.-доц. Л. В. Шалландъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ. Гр. И. Шрейдеръ, Г. Н. Штильманъ, И. Г. Щегловитовъ, А. А. Элленбогенъ и др.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административной практикою, а также разработку этой послѣдней, «Право» удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній, приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципіальный интересъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, разсмотрѣнныхъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ Справочномъ отдѣлѣ печатаются: Алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей; списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** руб. и къ 1 мая **3** р. Заграницу на годъ—**10** р. Отдѣльные нумера продаются по **20** к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Загородный пр., № 2, при юридическомъ книжномъ складѣ «ПРАВО». Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики «Права» пользуются при выпискѣ частн. изданій скидкой въ размѣрѣ 5%. Каталоги—съ приложен. алф. указател.—безплатно.

НОВАЯ КНИГА:

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

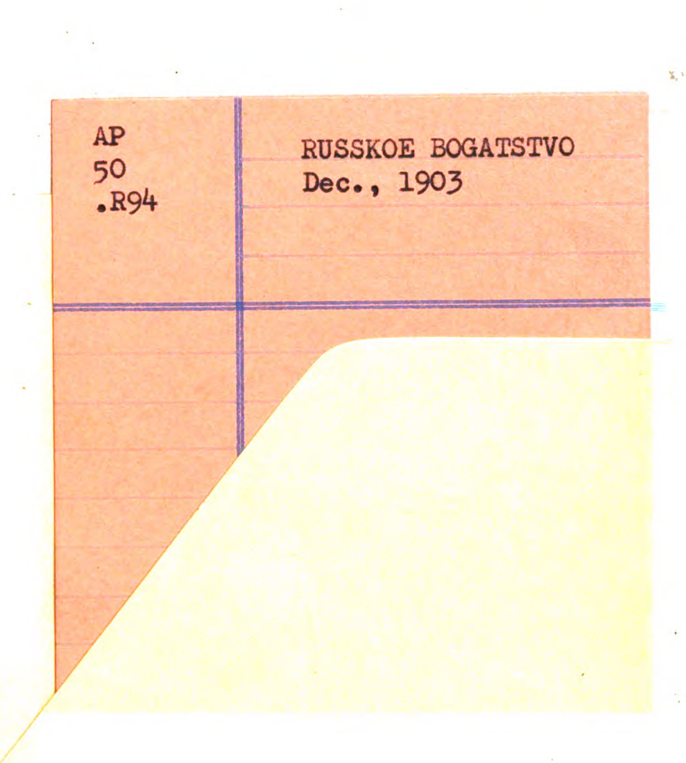
РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Цѣна 1 р. 50 к.

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

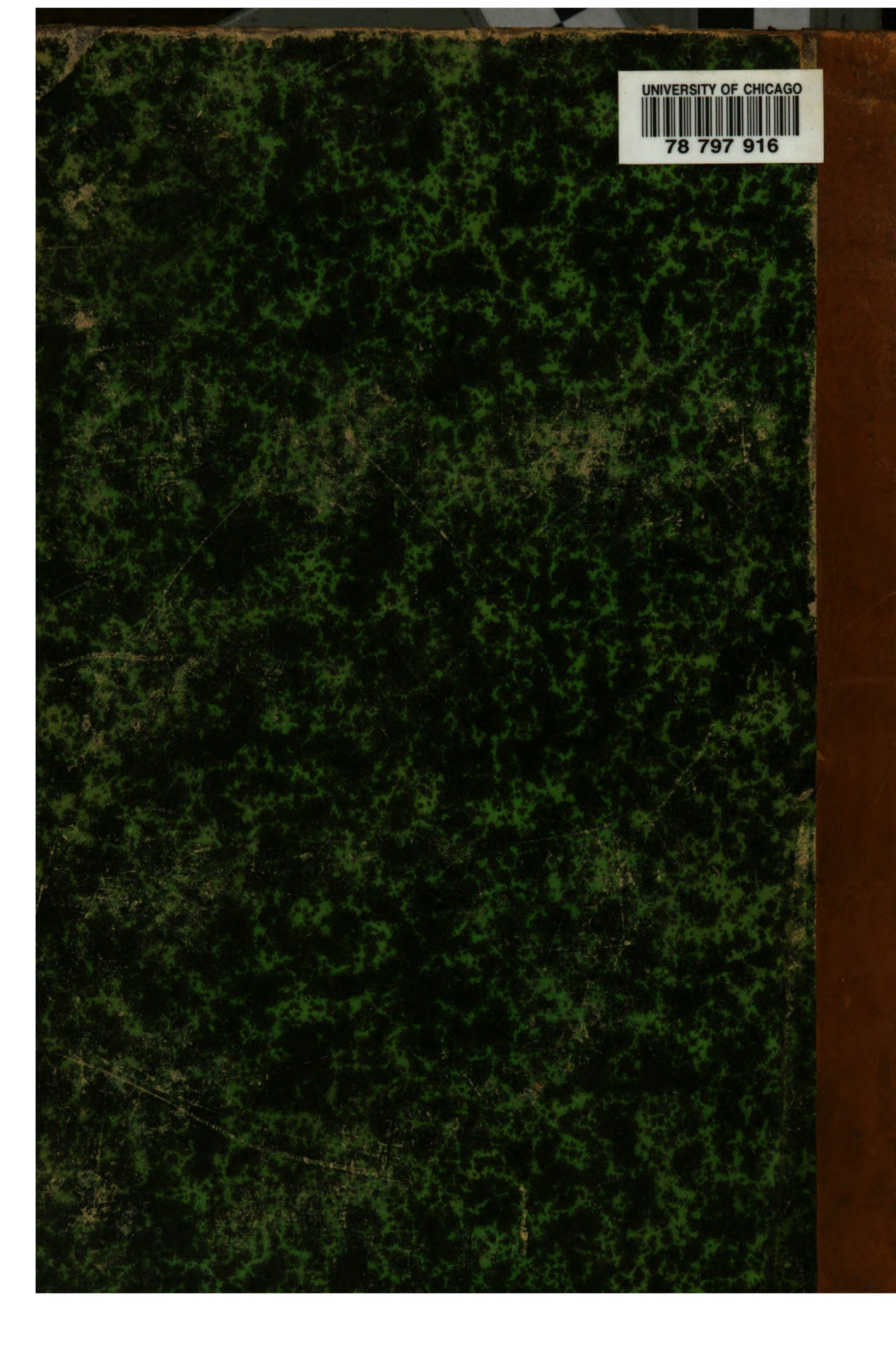
Дозв. ценз. Спб., 22 декабря 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

- 10'



AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
Dec., 1903


UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 916